3 1761 08106862 9

Бюллетени литературы и жизни.

g. 4, no. 12-13

Title transliterated:
Biulleteni literatury i zhizni

AP
50
B54
g.4
NO.12-13

ц. 20 к.

Biuleteni literatury i zhizni

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

№ 12. Февраль. 1913.

(Четвертый годъ изданія.)

AP
50
B54
v. 4
no. 12-13

СОДЕРЖАНІЕ

1. Какъ создать дѣятельную жизнерадостность. (О религіозномъ воспитаніи) 537
2. Споры о русской интеллигенціи и ея идеологіяхъ 544
3. Психологическая рознь интеллигенціи и пролетаріата 549
4. Власть тьмы. („Повѣсть о днях моей жизни“ Ив. Вольнаго) 552
5. „Русскій духъ“ въ иностранной художественной литературѣ. („Lukardis“ Я. Вассермана) 560
6. Изъ литературнаго прошлаго. Н. К. Михайловскій. — Достоевскій. — Л. Толстой. — Вл. Соловьевъ. — Островскій 561
7. Міровоззрѣніе какъ факторъ здоровья 567
8. Идеалъ труда 572
9. Чудеса человѣческой души 575
10. Переворотъ въ наукѣ. (Принципъ относительности) 577
11. Кризисъ семейнаго воспитанія. 582

Отзывы о книгахъ. — Новыя книги. — Содержаніе журналовъ. — Объявленія.

Цѣна: на ½ г.—1 р. 50 к. На годъ—3 р.

Редакція и контора:
Хлѣбный переулокъ, домъ 1.
Телеф. 44-67.

Отдѣленія конторы: 1) Москва, Б. Никитская д. 10 кн. маг. „Наука“. Тел. 254-99. 2) Петербургъ, Стремянная, 6, кн. складъ „Провинція“.

МОСКВА.

ЧТОБЫ НЕ СКУЧАТЬ
ВЪ ЗИМНІЕ ВЕЧЕРА

НОВЫЯ ИНТЕРЕСНЫЯ ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ.

ДОМАШН. ИППОДРОМЪ.

Полная иллюзія настоящ. скачек. Число участвующихъ неограничн. Цѣна 2 р. 20 к.

ФУТБОЛЪ НА СТОЛѢ.

Забавная игра для любителей этого спорта. Цѣна 2 рубля.

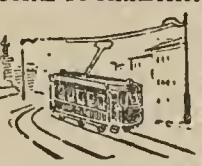
РЫСИСТОЕ ДЕРБИ.

(Съ тотализаторомъ).

Ходъ этой игры основанъ на совершенно новомъ принципѣ. Цѣна 3 руб. 20 коп.

МОСКОВСКІЕ ТРАМВАИ.

Выдающаяся по интересу игра. Планъ МОСКВЫ, 10 наг. трамвая и трамв. билеты — копія настоящихъ. Цѣна 3 руб.



Ко всѣмъ играмъ приложены подробныя толковыя объясненія.

Пересылка игръ по почт. таксѣ

И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА, Столешниковъ, № 6.

Требуйте БЕЗПЛАТНО иллюстр. каталогъ подарковъ и новостей.

МЮРЪ и МЕРИЛИЗЪ

Москва, Петровка 2.

Вышелъ изъ печати **прейсъ-курантъ на сезонъ весны и лѣта 1913 г.**, который разсылается, по требованію всѣмъ иногороднимъ **безплатно.**

„СѢВЕРНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"

МОСКВА.

Роскошное Художественное Изданіе Избранныхъ Произведеній Художниковъ Міра.

Приступая къ настоящему художественному изданію, мы стремимся дать широкой публикѣ возможность ознакомиться съ лучшими произведеніями извѣстнѣйшихъ художниковъ міра.

До настоящаго времени въ продажѣ находился сравнительно небольшой выборъ картинъ, да и то въ большинствѣ случаевъ недоступный широкой публикѣ изъ-за высокой цѣны, мы же, обладая своими техническими средствами, рѣшили выпустить настоящее изданіе по цѣнѣ

за 100 картинъ . . . . . 5 рублей

и такимъ образомъ мы и разсчитываемъ дать возможность каждому пріобрѣсти наше художественное изданіе, которое можетъ быть украшеніемъ любого дома.

Настоящее изданіе можетъ служить и роскошнымъ подаркомъ для всѣхъ.

Изданіе выйдетъ въ двухъ выпускахъ въ Февралѣ и Апрѣлѣ по 50 картинъ въ каждомъ выпускѣ. Каждая картина наклеена на паспарту размѣромъ 20×27. При второмъ выпускѣ будетъ приложена роскошная художественной отдѣлки папка для всѣхъ ста картинъ.

Цѣна за все изданіе 5 руб. съ пересылкой и доставкой.

Допускается разсрочка платежа: при 1-мъ выпускѣ 3 рубля и 1-го Апрѣля при 2-мъ выпускѣ 2 руб.

КОНТОРА ИЗДАТЕЛЬСТВА: Москва, Новая Божедомка, 19. Телефонъ 415-81.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 12 — Февраль 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 5 м.—1 р. 30 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67

Какъ создать дѣятельную жизнерадостность.

(О религіозномъ воспитаніи).

Этому вопросу посвятилъ горячо и искренно написанную статью („Вѣст. Восп.“ № 1) молодой московскій ученый и педагогъ, М. М. Рубинштейнъ. Какъ и въ другомъ остромъ вопросѣ нашей педагогической мысли, въ вопросѣ о совмѣстномъ обученіи половъ,— здѣсь онъ такъ же пытается занять оригинальную позицію, убѣжденно-смѣло идетъ противъ „общаго теченія“ и во всякомъ случаѣ достаточно хорошо очищаетъ атмосферу этого больного и роковаго вопроса отъ накопленныхъ вѣками предразсудковъ и противорѣчій, опредѣляя какъ принципіальную, такъ и практическую его сторону.

Есть вопросы,— пишетъ г. Рубинштейнъ, — которые ставятся самой жизнью, неотступно требующей отъ насъ отвѣта, не взирая ни на какія особыя условія. Таково именно наше положеніе въ вопросѣ о религіозномъ воспитаніи. Жизнь ставитъ насъ тамъ въ такія условія, что остаться стоять на одномъ мѣстѣ или въ сторонѣ мы не можемъ, мы должны рѣшиться пти въ ту или другую сторону. Тотъ, кто утѣшаетъ себя мыслью, что онъ просто устранился отъ рѣшенія этой роковой жизненной проблемы, въ сущности отдалъ рѣшеніе ея въ руки слѣпого случая, отдалъ своихъ дѣтей на произволъ судьбы со всѣми его тяжкими послѣдствіями. Сколько бы мы не уклонялись отъ обсужденія такихъ роковыхъ вопросовъ, потому что въ нашихъ условіяхъ дѣйствительно страшно взяться за нихъ,—страшно изъ-за невозможности сказать и обсудить все, что нужно, страшно изъза раздраженнаго общественнаго мнѣнія, угрожающаго обрушиться всей своей тяжестью на нашу голову, если вы пойдете не традиціоннымъ путемъ, страшно потому, что тутъ вамъ придется, можетъ быть, сказать многимъ и многимъ, что ихъ сокровище—мнимое, что они поклоняются пустому мѣсту,—сколько бы мы, говорю я, ни уклонялись отъ нихъ, а говорить надо. Въ наше время эта необходимость коснуться и этихъ вопросовъ тѣмъ болѣе сильна, что воспитаніе для насъ выросло въ могучій факторъ общественнаго строительства, въ созидателя будущаго общества; надо воспитывать, но какъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо отбросить запреты и набраться смѣлости если и не рѣшить вопросъ, то по крайней мѣрѣ обсуждать его.

Крѣпкіе духомъ и твердые своей вѣрой люди устойчивыхъ эпохъ не испытывали всего трагизма душевнаго смятенія и мучительной нерѣшительности, которыя тяготѣютъ въ вопросѣ о религіозномъ воспитаніи надъ нами, людьми переходнаго времени, отставшими отъ одного берега и не приставшими къ другому, разбившими старыхъ кумировъ и не сотворившими себѣ новыхъ боговъ. Для насъ это поистинѣ роковой вопросъ, потому что рѣчь въ немъ идетъ не только о дѣтяхъ, но имъ все снова и снова ставятъ насъ, взрослыхъ, лицомъ къ лицу съ вопросомъ о томъ, вѣримъ ли мы сами, чѣмъ живы мы, взрослые, а мы трепещемъ этого вопроса, потому что сплошь и рядомъ у насъ по совѣсти не хватаетъ силъ сказать ни да, ни нѣтъ, и разъѣдающая струя скептицизма льется въ дѣтскую душу, отравляя ее на нашихъ глазахъ сомнѣніемъ и нерѣшительностью, и мы часто безсильны помочь горю. Съ этимъ недоумѣніемъ живутъ многіе взрослые, съ этимъ вопросомъ въ вамъ подходятъ посторонніе люди, на него неотступно требуютъ отвѣта дѣти, они спрашиваютъ васъ дома, они ждутъ отъ васъ отвѣта въ школѣ, и если па-

ша школа умѣетъ заглушить эти вопросы, то не будемъ обманывать себя: они съ не меньшей тревогой вынашиваются въ душѣ дѣтей, и кто скажетъ, сколько трагедій разыгралось на этой почвѣ. Какъ живутъ дѣти даже въ массѣ этимъ вопросомъ, это видно изъ разсказовъ и вопросовъ учителей и учительницъ. Сколько разъ мнѣ ни приходилось встрѣчаться съ ихъ массой, подавляющее количество записокъ и личныхъ прямыхъ вопросовъ касалось именно проблемы религіознаго воспитанія. Какъ отвѣчать дѣтямъ на ребромъ поставленный вопросъ: „есть Богъ или нѣтъ"?—таковъ исходный роковой дѣтскій вопросъ, который стоитъ и передъ родителями, и передъ педагогами, со всѣми его слѣдствіями, и двухъ отвѣтовъ на него быть не можетъ.

Въ наше время — мы на это уже указали мимоходомъ — на этотъ дѣтскій вопросъ отвѣчаютъ часто уклончиво, нерѣдко даютъ и прямо отрицательный отвѣтъ. Особенно тяжко обстоитъ дѣло съ этимъ вопросомъ въ массѣ педагоговъ и интеллигентныхъ родителей; тамъ либо гнутъ дѣтскую душу подъ ярмо внѣшней религіозности, насилуя всякое живое проявленіе религіозной мысли и этимъ поселяя самое грозное невѣріе, или, какъ это часто встрѣчается въ интеллигентныхъ семьяхъ, идутъ по пути рѣзкаго отрицанія, разрубая этотъ гордіевъ узелъ съ плеча. И нужно сознаться, что и у тѣхъ, и у другихъ такое рѣшеніе носитъ характеръ скорѣе акта отчаянія, чѣмъ спокойнаго объективнаго убѣжденія. А между этими крайними теченіями льется огромный потокъ просто ищущихъ и не находящихъ выхода. Весь этотъ конфликтъ тянется на протяженіи многихъ вѣковъ, какъ помнитъ себя человѣчество, и утвержденіе и отрицаніе религіи идутъ рука объ руку, какъ неразрывно связанныя звенья одной вращающейся цѣпи. Мы находимся сейчасъ въ полосѣ скептическаго отношенія къ запросамъ вѣры, и, можетъ быть, для религіозной разрухи нашего времени наиболѣе характернымъ является религіозно-философское теченіе, гдѣ въ концѣ-концовъ передъ нами разсудочная философія безконечныхъ исканій того, что можетъ быть дано только *непосредственно*,—смѣшеніе того, что мы знаемъ (черезъ посредство понятій, словъ), съ тѣмъ, во что мы вѣримъ, т.-е. знаемъ непосредственно, безъ словъ и разсужденій. Оно именно лучшій свидѣтель того, что у насъ нѣтъ этой истинной непосредственной вѣры. Мы конечно оставимъ въ сторонѣ всѣ сложныя перипетіи этого конфликта между вѣрой и религіознымъ сомнѣніемъ и полнымъ отрицаніемъ ея въ прошломъ и остановимся только на томъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ религіозному воспитанію дѣтей. При этомъ мы будемъ имѣть въ виду, слѣдуя подраздѣленію Джемса, религію не какъ учрежденіе, а какъ личное переживаніе. Для первой центръ тяжести въ Божествѣ, для насъ въ данномъ случаѣ онъ перемѣщается въ личность, въ ея внутреннія переживанія и интересы всесторонняго характера. Попытки указать въ душѣ личности одинъ какой-нибудь источникъ религіи, то волю (Кантъ), то представленіе (Гегель), то чувство (отчасти Шлейермахеръ) и т. д., суживали его, отмѣчая части вмѣсто цѣлаго. Для религіозныхъ переживаній наиболѣе характернымъ, основнымъ признакомъ мы будемъ считать вслѣдъ за рядомъ мыслителей признакъ отношенія ихъ или ихъ связи съ безусловнымъ, цѣннымъ, безконечнымъ, абсолютнымъ. Эта религіозная связь можетъ находить свое выраженіе въ своей чистой формѣ во всей „совокупности чувствъ, дѣйствій и опыта отдѣльной личности, поскольку ихъ содержаніемъ устанавливается отношеніе ея къ тому, что она почитаетъ Божествомъ", какъ говоритъ Джемсъ, въ сознаніи связи единичнаго съ общей жизнью цѣлаго, въ чувствѣ безконечнаго и связи съ нимъ (Шлейермахеръ), въ религіи образа мыслей, чистаго настроенія въ интимнѣйшей глубинѣ души личности, гдѣ ее не можетъ освѣтить никакая разсудочная мысль. Такимъ образомъ тутъ слагаются самые разнообразные мотивы, но всѣ они находятъ свое средоточіе въ личныхъ переживаніяхъ человѣка,—о нихъ мы главнымъ образомъ и будемъ говорить въ вопросѣ о религіозномъ воспитаніи дѣтей.

Тѣ, кто отрицаетъ необходимость религіознаго воспитанія, и тѣ, кто пытается провести его въ формѣ традиціоннаго церковнаго воспитанія, какъ прямые антиподы стоятъ на одной общей почвѣ тѣснаго сліянія въ своемъ представленіи о религіи вѣры какъ *внутренняго* переживанія съ вѣрой въ ея *внѣшней*, церковной формѣ. Поэтому сторонники стараго взгляда настаиваютъ на религіозномъ воспитаніи дѣтей путемъ введенія ихъ во всю широ *внѣшняго* богослуженія, изученія катехизиса, всякаго рода церковныхъ установленій, путемъ исполненія всѣхъ обрядовъ и т. д., предполагая, что вмѣстѣ съ этимъ насаждается и истинная вѣра въ Бога. Мы на этой общеизвѣстной сторонѣ вопроса останавливаться не будемъ.

На той же почвѣ утвердились въ сущности и многіе изъ противниковъ религіознаго воспитанія и именно потому пришли къ рѣзко отрицательному выводу. Въ ихъ доводахъ какъ будто скопилась вся многовѣковая горечь и разочарованіе, вызванныя историческими грѣ-

хами, содѣянными противъ истинной вѣры и обездоленныхъ людей внѣшними представителями церквей у различныхъ народовъ, и въ этой горечи и разочарованіи какъ будто безслѣдно потонуло много такого, что можно было поставить въ заслугу той же церкви и ея представителямъ.

Тяжкій конфликтъ переживаетъ все цивилизованное человѣчество въ наше время, когда мы все болѣе и болѣе жаждемъ истинно духовнаго начала и все меньше миримся съ чисто внѣшнимъ обрядовымъ удовлетвореніемъ религіозныхъ запросовъ. На этой почвѣ тяжкаго конфликта внутренняго и внѣшняго идетъ среди массы всего міра глухое религіозное броженіе и рядомъ его естественный спутникъ— отрицаніе религіи вообще. Кромѣ всего этого, тутъ еще напрашивается мысль, не потому ли гибнетъ или остается сокрытымъ внутреннее содержаніе, что насъ поглотило внѣшнее исполненіе, что мы подмѣнили религіозную душу религіознымъ тѣломъ и совсѣмъ забыли о ней.

И дѣйствительно, оглядываясь на наше человѣческое историческое прошлое въ области религіозной жизни, мы съ горечью должны констатировать, что религіозное чувство, вѣра въ смыслѣ интимнаго переживанія, кроющагося въ сокровенныхъ тайникахъ нашей души, слишкомъ часто выносится насильственно въ сферу чрезмѣрныхъ внѣшнихъ проявленій, тонетъ въ обрядности и внѣшности, и религіозное дѣло понемногу замѣняется религіозной проформой, словами: средства выраженія внутреннихъ переживаній становятся цѣлью, и получается та фальсификація, поддѣлка религіозной жизни, которая такъ отталкиваетъ всякаго мыслящаго религіознаго человѣка, всѣхъ искренно вѣрующихъ людей своей грубой ложью. Но все это еще далеко не рѣшаетъ вопроса о сущности ея. Пусть грѣшны люди, пусть ошибаются носители извѣстной идеи, развѣ это значитъ, что сама идея ложна?

Отрицающіе религіозность какъ положительный факторъ указываютъ, что сама современная жизнь приводитъ насъ въ тяжкій конфликтъ съ основнымъ стремленіемъ всѣхъ культурныхъ религій: жизнь приковываетъ насъ къ землѣ, религіозная мысль указываетъ намъ на небо, и часто то, чего требуетъ первая, исключается вторымъ; въ ихъ несовмѣстимости они рвутъ душу человѣка на части, и масса, не рѣшаясь рѣзко повернуть въ ту или другую сторону, погибаетъ, оставаясь висѣть въ воздухѣ. Вѣдь религія не требуетъ отъ массы отказа отъ земной жизни, но ея проповѣдь дѣлаетъ насъ во многомъ нежизнеспособными, потому что внутреннее отношеніе христіанства къ земному безусловно враждебно. Оно создалось въ пору отчаянія въ земной жизни и все дышитъ вѣрой въ жизнь въ нездѣшнемъ мірѣ. Въ концѣ-концовъ весь этотъ антагонизмъ разрѣшается въ глазахъ современнаго невѣрующаго человѣка въ борьбу „религіи и свободнаго разума“, какъ говоритъ Бюнссонъ, и, не желая жертвовать разумомъ, онъ отрицаетъ религію. Въ массѣ интеллигенціи, въ особенности пропитанной духомъ все еще не отжившаго грубаго натурализма, полнаго догматической ограниченности, продолжаетъ говорить мысль, что вѣра и знаніе, научное знаніе это — огонь и вода, что каждый шагъ науки впередъ обозначаетъ потерю части позиціи для религіи, и если мы сейчасъ не можемъ объяснить всего естественно-научнымъ путемъ, то это не исключается въ будущемъ и во всякомъ случаѣ должно считаться принципіально возможнымъ.

Дѣйствительно, конфликтъ между призывомъ къ небу и жизнью на землѣ существуетъ, и здѣсь не мѣсто разбираться съ этимъ крайне сложнымъ вопросомъ; для насъ этотъ вопросъ разрѣшается въ томъ смыслѣ, что мы отбрасываемъ наивное понимавіе неба и переселяемъ его въ царство чистаго духа, освобождая его этимъ отъ власти мѣста и времени; мы, какъ намъ кажется, должны только продолжить ту линію, по которой шла религіозная мысль всего человѣчества, постепеннаго одухотворенія ея, и тогда останется противоположность между Богомъ и міромъ, какъ между идеаломъ и фактомъ, но это отношеніе не только не исключаетъ земной жизни, но тяжкій крестъ несенія ея получаетъ глубокій смыслъ и освященіе. Эта мысль подкрѣпляется еще тѣмъ, что развѣ осмысленная жизнь мыслима безъ признанія абсолютнаго, извѣчнаго въ той или другой формѣ? Не превращается ли она тогда въ сонъ, въ иллюзію, большею частью въ мученіе, которое выноситъ люди неизвѣстно зачѣмъ и для кого? Не служитъ ли какъ разъ наше время, утратившее абсолютныя цѣнности, лучшимъ показателемъ того, въ какую тьму и безсмыслицу превращается вся жизнь, когда она не озаряется свѣтомъ абсолютныхъ цѣнностей, опять-таки добавимъ, въ той или иной формѣ?

И вотъ тутъ передъ нами становится наука, та самая наука, опираясь на которую пробуютъ уничтожить религіозную жизнь. Тутъ передъ нами одно изъ тяжкихъ историческихъ недоразумѣній. Уже одно то, что среди наиболѣе крупныхъ естествоиспытателей встрѣчается до крайности мало лицъ, отвергающихъ религіозную жизнь, могло бы заставить насъ глубоко задуматься надъ этимъ вопросомъ. Вѣра

и знаніе въ сущности — не огонь и вода. Спенсеръ, знаменитый представитель эволюціонной теоріи, пропитанный духомъ естествознанія, говоритъ гдѣ-то, что „гордость истинной науки смиренна сравнительно съ гордостью невѣжества“. Съ вѣрой борется самонадѣянное полузнаніе, а наука дѣйствительно страшна, но не для вѣры, а для *суевѣрія*, для фарисейства, для тѣхъ, кто вмѣсто боговъ даетъ идоловъ, кто тонитъ во внѣшности истинно религіозное ядро, кто средства сдѣлалъ цѣлью. Истинная вѣра и истинная наука могутъ ужиться рядомъ; въ идеальномъ человѣческомъ духѣ онѣ могутъ и должны — мы въ это твердо вѣримъ — слиться въ единое гармоничное цѣлое, воспоявя другъ друга. Мы просто забываемъ о многогранности человѣческаго духа и насилуемъ его, укладывая его то въ одно только ложе разума, то въ одну вѣру. Онъ проявляется и въ формѣ чувства, и въ формѣ интеллекта, и въ формѣ воли, и только въ ихъ соединеніи его полная жизнь. Мало этого, первый не компетентенъ во второмъ, какъ второй не можетъ опровергать перваго. Разсудокъ никогда не „докажетъ“ Бога, т.-е. разсудочнымъ путемъ вѣра никогда не создастся, и потому разсудокъ и разумъ никогда не опровергнутъ ея, такъ же какъ и она безсильна была бы уничтожить ихъ, если бы могла притти въ конфликтъ съ ними. То, что въ силахъ сдѣлать путь разсужденія и чего мы и пытаемся добиться этими строками, это очистить поле отъ ложныхъ наслоеній, фальшивыхъ традицій, мнимыхъ божковъ и утвержденій псевдонауки, мнимаго знанія.

Пусть люди спорятъ, что такое абсолютъ, что онъ изъ себя представляетъ, личное ли начало, бытіе или идеалъ и т. д., но одно несомнѣнно, — *жизненное* міросозерцаніе немыслимо безъ признанія его. Въ особенности служеніе высшимъ интересамъ не мирится съ относительностью. Безъ абсолюта нѣтъ конечнаго смысла ни въ познаніи, ни въ практической дѣятельности, ни въ творчествѣ. Кто отрицаетъ его, тотъ уничтожаетъ и жизнь, и себя, и свое утвержденіе. Мы его можемъ спокойно оставить на почвѣ отрицанія, потому что мы интересуемся вопросами воспитанія, а это значитъ, что мы стоимъ на почвѣ признанія самостоятельнаго или служебнаго значенія жизни.

Что этотъ абсолютъ признается и отрицающими религію, это лучше всего видно изъ матеріалистическаго міропониманія; въ немъ этотъ абсолютъ — матерія съ ея механическими законами. Но она, какъ мертвое и нецѣнное начало, не даетъ намъ ничего въ самомъ существенномъ, въ вопросѣ о смыслѣ міра и жизни, не говоря уже о чисто философской несостоятельности этой грубо-метафизической теоріи, какой въ дѣйствительности является матеріализмъ. Мы, какъ личности, только въ меньшей части нашей жизни живемъ фактами, душа наша жива стремленіемъ къ цѣлямъ и притомъ къ цѣннымъ цѣлямъ. Все это царство цѣлей и цѣнностей освящается абсолютными цѣнностями добра, истины, красоты и святости какъ принциповъ. Человѣкъ, ядро котораго въ его цѣлеустремленности, не мирится съ относительнымъ; онъ ищетъ и тутъ абсолютнаго, но уже абсолютно цѣннаго. Пусть будетъ это никогда недостижимый идеалъ, но онъ долженъ быть, иначе въ жизни не можетъ быть прогрѣса, и, можетъ быть, — тоже въ идеалѣ — человѣческій духъ, пройдя безконечный путь, сможетъ перекинуть мостикъ и соединить абсолютъ, какъ фактъ, съ абсолютомъ цѣнностью. Пока этого нѣтъ, мы полагаемъ своей вѣрой этотъ идеалъ. Абсолютнаго ищетъ наука, положительное знаніе (что бы ни было содержаніемъ этого абсолютнаго: матеріальный ли субстратъ, атомы, сила ли, электроны, іоны, или просто законъ всеобщей причинной обусловленности и абсолютной закономѣрности); абсолютнаго жаждетъ религіозная потребность; одна ищетъ его разсудкомъ чрезъ посредство логическихъ понятій, другая — непосредственно, сердцемъ больше, чѣмъ умомъ. Если же онѣ въ нашемъ сознаніи приходятъ въ конфликтъ, то только потому, что религія въ традиціонной формѣ, въ своей догматической части вобрала въ себя элементы, часто нарушающіе представленія, вытекающіе изъ естественныхъ законовъ,— въ такомъ тяжеломъ положеніи находится большинство существующихъ религій, такъ какъ онѣ не чувствуютъ въ себѣ силъ отказаться отъ этихъ пережитыхъ историческихъ наслоеній. Абсолютъ религіи въ сущности — абсолютъ какъ цѣнность, какъ идеалъ, и нѣтъ никакой необходимости, чтобы его признаніе соединялось въ прорывомъ естественныхъ законовъ.

Но этого мало. Ссылка на науку утрачиваетъ свою силу потому, что наука, идущая на основѣ принципа причинной связи, и въ области факта, естества никогда не сможетъ поставить точки. Остановимся ли мы на матеріи, на электронахъ и т. д., въ концѣ-концовъ и въ этомъ вопросѣ о началѣ міра мы будемъ продолжать спрашивать: „а они откуда“? „Почему и какъ“? и т. д. Въ этомъ смыслѣ наука всегда оставитъ просторъ истинной вѣрѣ и Бюнссовъ правъ, заявивъ, что борьба между религіей и свободнымъ разумомъ станетъ въ концѣ-концовъ только эпизодомъ

изъ прошлаго; „въ будущемъ будетъ царить гармонія“.

Мы дѣйствительно не можемъ заставить логическимъ путемъ вѣрить и предшествующимъ и частью послѣдующимъ изложеніемъ мы преслѣдуемъ только двѣ цѣли: во-первыхъ, намѣтить свою точку зрѣнія на религіозную жизнь, съ какой мы подходимъ къ вопросу о религіозномъ воспитаніи, а во-вторыхъ, отклонить ложныя опроверженія религіи, ссылаясь на которыя хотятъ исключить и религіозное воспитаніе. Намъ скажутъ, что же дѣлать тому, кто самъ не вѣритъ? На это необходимо прежде всего сказать, что такому человѣку трудно воспитывать дѣтей...

Если мы обратимся къ прошлому человѣчества, то оно краснорѣчиво говоритъ и отвергающимъ религіозныя переживанія, что въ нихъ лежитъ какой-то особый смыслъ. Радикальному разрѣшенію религіознаго вопроса съ плеча только потому, что взрослый отвергъ вѣру, мы должны противопоставить, между прочимъ, указаніе на то, что религіозныя переживанія родились вмѣстѣ съ человѣчествомъ, прошли чрезъ тысячелѣтія и сколько имъ ни подписывалъ смертный приговоръ абсолютировавшій себя разумъ, они не исчезли; наивное объясненіе религіозной жизни темнотой, невѣжествомъ ужъ никого не убѣждаетъ: темнота и невѣжество объясняютъ намъ только поклоненіе внѣшности, идоламъ, условностямъ, а что касается истинной религіозности какъ чисто духовнаго, интимнаго переживанія въ сокровенной глубинѣ души, то именно, какъ мы уже упоминали, лучшіе умы человѣчества, достигавшіе вершинъ человѣческаго свѣта—знанія, крѣпко держались этой религіозности. Очевидно, въ ней есть свой особый смыслъ, свой хотя бы историческій „разумъ“, и намъ надо понять его. Прошлое не узаконяетъ, конечно, настоящаго, но оно во многомъ опредѣляетъ его; дѣтство и отрочество человѣчества въ этомъ смыслѣ можетъ дать намъ полезныя указанія на дѣтство и отрочество отдѣльнаго человѣка— утверждающійся въ современной педагогикѣ біогенетическій законъ говоритъ, что дѣти въ общемъ проходятъ въ своемъ развитіи въ сокращенномъ видѣ черезъ тѣ стадіи, черезъ которыя проходило въ своемъ развитіи культурное человѣчество. Пусть этотъ законъ — только аналогія, но она достаточно многозначительна. Вотъ почему и для отвергающаго религію остается во всей силѣ обязательство разобраться въ вопросахъ о религіозномъ воспитаніи не на почвѣ своихъ запросовъ только, но главнымъ образомъ на почвѣ дѣтской психики, ея интересовъ и потребностей.

Прежде всего бросаются въ глаза психологическія основанія и притомъ съ двухъ сторонъ: со стороны воображенія и со стороны полноты душевныхъ переживаній. Фантазія, которой дѣти отдаются съ такой необычайной легкостью и которая составляетъ настоящую сферу ихъ жизни на первыхъ порахъ, уноситъ ихъ неизбѣжно въ сторону религіозныхъ переживаній: малому противопоставляется большое, слабому — сильное, ограниченному — безграничное; міръ весь и во всемъ какъ будто противится стѣсняющимъ его рамкамъ и во всѣхъ направленіяхъ зоветъ все дальше и дальше. Такъ и разъ пробудившаяся мысль и фантазія ведетъ все впередъ и ищетъ себѣ удовлетворенія. И исторія учитъ насъ, что народы въ пору своего дѣтства, съ которымъ мы съ полнымъ правомъ сопоставимъ въ крупныхъ чертахъ и психологію дѣтства отдѣльнаго человѣка, удовлетворяли эти запросы на почвѣ религіознаго творчества. Земля и небо, тьма и свѣтъ, покой и движеніе, какъ и жизнь и смерть,— всѣ эти антитезы даетъ уже непосредственная внѣшняя дѣйствительность, и духъ маленькаго человѣка — и притомъ именно здороваго, нормальнаго ребенка — не можетъ не унестись на легкихъ крыльяхъ фантазіи и мысли за предѣлы того маленькаго клочка земли съ ограниченнымъ кругомъ фактомъ, въ которомъ живетъ человѣкъ въ дѣйствительности. Человѣкъ только тогда человѣкъ, когда онъ не рабъ, а творецъ фактовъ. Такимъ путемъ и у народовъ въ пору дѣтства, и у дѣтей создается особая струя жизни, окрашенная яркимъ свѣтомъ религіозной поэзіи, безконечно притягательной и для реалистической поры нашей жизни. Оглядываясь на античный міръ съ его богами, рѣдко кто не испытывалъ чувства грусти по поводу того, что мы уже далеки отъ этой наивной простоты богословія и красоты жизнепониманія, выросшихъ на почвѣ естественной религіозной фантазіи. Прошли тысячелѣтія, и продукты этого религіознаго воображенія въ видѣ олимпійцевъ, полубоговъ, второстепенныхъ божковъ, пана (Врубель), центавровъ, фавновъ (Бёклинъ, Штукъ) и т. д. дожили и живутъ въ художественномъ сознаніи и до нашего времени. И дѣтская религіозная поэзія, какъ бы она наивна ни была, соткана изъ тѣхъ же психологически необходимыхъ нитей религіозной фантазіи, только въ массѣ болѣе грубыхъ и менѣе красивыхъ и поэтичныхъ въ зависимости отъ иного характера людей, среды и времени. Но эта религіозная поэзія есть, и она необходимо выростаетъ. Ланкастеръ говоритъ гдѣ-то, что, гдѣ дѣтямъ не навязываютъ никакихъ обязательныхъ путей, тамъ религіоз-

ное чувство возникаетъ такъ же естественно, какъ „восходитъ солнце“. Дѣти въ концѣ-концовъ живутъ міромъ Бога, или боговъ, духовъ, ангеловъ съ представленіемъ о ихъ семейныхъ жизнеотношеніяхъ, какъ естественнымъ продуктомъ своей психики, такъ же какъ они насыщаютъ естественнымъ путемъ весь міръ одушевленіемъ и жизнью.

И вотъ взрослый, скептикъ и реалистъ, утратившій поэзію жизни, забывшій о песнѣ ея, живя въ путахъ своихъ жалкихъ трезвыхъ „житейскихъ“ заботъ, отдавшихъ его во власть одного разсудка, спѣшитъ наложить свою руку на этотъ міръ религіозной поэзіи. И насъ не спасаетъ даже простая человѣческая логика: всѣ мы вѣдь независимо отъ нашей вѣры твердимъ, что дѣтская психика — не психика взрослаго, гдѣ дѣти должны расти естественнымъ путемъ развитія и рядомъ... долой сказки, долой фантазію, изгнавіе вымысла, даже если онъ логиченъ и оправдывается душевной жизнью дѣтей. Нормальный ростъ предполагаетъ, что человѣкъ проходитъ всѣ ступени развитія, что въ его душѣ успѣваетъ созрѣть каждая пора, что онъ со всей полнотой переживетъ интересы соотвѣтствующей поры. Четырехлѣтній разумникъ — такая же уродливость, какъ двадцатичетырехлѣтній ребенокъ. Именно въ интересахъ жизнеспособности необходимо подчеркнуть, что въ массѣ ранній реализмъ и трезвость вовсе не положительное явленіе, потому что эта жизнеспособность не тождественна съ разсудочностью,— она предполагаетъ жизнерадостность, она предполагаетъ и волю, и развитое чувство, и достаточно созрѣвшее воображеніе, способное дать намъ возможность противопоставить картинѣ фактической, часто жалкой дѣйствительности міръ иной, міръ идеальный, или по крайней мѣрѣ міръ лучшій, освободить насъ отъ рабства фактамъ и животной тупости и прикрѣпленія къ данному клочку земли. Можно и должно бороться противъ излишней религіозной фантастики, лишенной смысла, послѣдовательности и поэзіи, но однихъ фактовъ недостаточно. Повторяемъ, мы въ грубомъ заблужденіи слишкомъ торопимся поселить въ дѣтяхъ духъ „житейскаго буквализма“ и трезвой разсудочности. Все это придетъ въ свое время, но какъ нормальный естественный факторъ, а въ пору дѣтства такой реализмъ не созидающее, а разрушительное начало. Было бы роковой ошибкой мѣшать дѣтямъ быть дѣтьми. Пусть они въ свое время насладятся всей широтой наивной вѣры и наивнаго отношенія къ міру; пусть отроки въ свою очередь вѣрятъ въ возможность перевернуть весь міръ; здорова та молодежь, которая приближается къ жизни съ глубокимъ чувствомъ и убѣжденіемъ, что міръ и люди ждутъ съ нетерпѣніемъ ихъ дѣла, которая въ свою юную пору вѣритъ въ чистую, вѣчную любовь, въ вѣчную дружбу и т. д. Все это въ свое время вполнѣ и безспорно положительныя стороны, и слѣпы взрослые, спѣшащіе потушить эти огоньки,— они этимъ опустошаютъ человѣческую душу, они мѣшаютъ полнотѣ душевныхъ переживаній. Какъ бы мы ни относились скептически къ этимъ переживаніямъ, напримѣръ, въ области религіи, въ свое время во всякомъ случаѣ они необходимы и неизбѣжно возникаютъ; гдѣ они наталкиваются на насильственное подавленіе, тамъ создается подпочва для будущихъ душевныхъ катастрофъ. Религіозныя переживанія въ пору выростанія человѣка связаны со всѣмъ ростомъ его психической жизни, и выпаденіе ихъ не можетъ не отзываться губительнымъ образомъ на всей душевной жизни человѣка. Эту трагедію вѣдь хорошо знаемъ мы, утратившіе эту вѣру или выросшіе безъ такихъ переживаній: тамъ образовалось пустое мѣсто.

Къ той же необходимости религіознаго направленія мысли у дѣтей мы приходимъ съ другой стороны. Аристотель когда-то съ глубокой проницательностью указывалъ на то, что удивленіе передъ міромъ является настоящимъ источникомъ вопросовъ, ведущихъ въ безконечность. Кантъ вслѣдъ за нимъ спрашивалъ, кто не испытывалъ чувства глубокаго изумленія и чувства безконечнаго, видя раскинувшееся надъ нимъ звѣздное небо. И долгое время излюбленнымъ доказательствомъ бытія Бога служило указаніе на это чувство удивленія, указаніе на величественный, безконечный продуктъ, требующій соотвѣтствующаго величественнаго безконечнаго Творца. Та самая нить причинной связи, которую натурализмъ протягиваетъ въ сторону утвержденія естественной причинности и отрицанія сверхъестественнаго, использовалась какъ разъ для выявленія необходимости признать Бога, какъ всемогущаго Творца всего. И вотъ если взрослый, прикованный къ землѣ земными реальными заботами, улучаетъ минуту поднять глаза къ небу и на моментъ почувствовать себя въ царствѣ величественнаго, необъятнаго и безграничнаго, то о дѣтяхъ нужно сказать, что они — живыя, здоровыя дѣти — живутъ въ состояніи почти непрерывающагося удивленія передъ міромъ и интереса къ нему: все ново, все возбуждаетъ вопросы, все хочется знать, все привлекаетъ или отталкиваетъ; вездѣ перерывы, черезъ которые надо своей мыслью, объясненіемъ, пониманіемъ перекинуть мостики, чтобы пойти

дальше безъ остановки. Взрослый, въ особенности интеллигентный человѣкъ, такъ или иначе объединилъ свой міръ, если не фактически, то въ возможности, опираясь хотя бы на основную идею естественно-научнаго пониманія міра. Дѣтямъ же приходится рѣшать эту задачу на иной почвѣ. Духъ человѣка весь пропитанъ и въ поступкахъ, и въ смыслахъ стремленіемъ къ единству. Вѣдь и сущность мысли, сужденія заключается въ установленіи единства. Вотъ это-то стремленіе къ единству и дѣлаетъ для дѣтей необходимымъ обращеніе къ Богу.

Еще Шлейермахеръ, анализируя психологически понятіе религіи, отмѣтилъ въ немъ два основныхъ момента,— отношеніе къ безконечному въ содержаніи религіознаго сознанія и признакъ чувства. Онъ говоритъ: „религіозное размышленіе есть лишь непосредственное сознаніе, что все конечное существуетъ лишь въ безконечномъ и черезъ него, все временное— въ вѣчномъ и черезъ него". Религія есть „чувство и вкусъ къ безконечному". Это ярко сказывается у дѣтей. Имъ при всей ихъ наивности міръ уже чисто физически говоритъ о безконечномъ; попытки воспринять міръ ведутъ къ постоянному передвиженію границъ; міръ зоветъ ихъ на всѣ голоса, запахами, звуками, красками, движеніемъ и т. д., и они уже внѣшне вынуждены жить съ широко раскрытыми глазами, поговоря одинъ вопросъ другимъ. Міръ развертывается все съ большей широтой и вездѣ одинъ и тотъ же вопросъ, приковывающій къ себѣ вниманіе маленькаго человѣка: „откуда все это?" Гдѣ же найти отвѣтъ на этотъ неизбѣжный вопросъ, въ той или иной формѣ неизбѣжно подымающійся у каждаго здороваго, а потому и непремѣнно пытливаго ребенка? Только при непостижимой наивности и неповинавіи дѣтской души можно думать, что всѣ эти вопросы можно удовлетворить тѣми элементарными свѣдѣніями изъ естествознанія, которыя даютъ дѣтямъ. Вѣдь дѣти не ждутъ съ своими вопросами той поры, когда они будутъ въ силахъ понять научныя данныя. Наивная мысль Руссо, что его Эмиль будетъ ждать со своими вопросами до указаннаго въ программѣ времени, опровергается жизнью на каждомъ шагу. И вотъ понять міръ какъ единое цѣлое, уничтожить перерывы, объединить міръ и себя съ нимъ — эта всемогущая потребность должна быть удовлетворена. Атомистическая, электронная, іонная теорія и т. д.—что онѣ могутъ сказать дѣтямъ,— дѣтямъ, которыя просятъ показать имъ громъ, которыя готовы смотрѣть на телеграфныя проволоки и ждать, когда пролетитъ по ней бумажка-телеграмма, которыя не мирятся съ сколько-нибудь отвлеченными элементами? Да и положа руку на сердце, развѣ всѣхъ насъ вполнѣ удовлетворяетъ атомистическая теорія? Не напрашивается ли иногда мысль, что мы научную фикцію принимаемъ за дѣйствительность? Вѣдь какъ разъ въ послѣднее время въ европейской наукѣ и философіи подчеркивается, что наука не фотографія дѣйствительности, что она во многомъ живетъ фикціями, хотя бы онѣ и оправдывались запросами научнаго знанія. Это пониманіе примитивнымъ людямъ, всѣмъ народамъ въ ихъ дѣтствѣ и всѣмъ дѣтямъ можетъ дать только понятіе Бога. Кто ищетъ смысла, міра и жизни своей и общей, тотъ не минетъ такъ или иначе вопроса объ абсолютѣ. Дѣти и примитивные люди рѣшаютъ этотъ вопросъ и стремленіе къ единству религіознымъ путемъ.

Въ общемъ итогѣ мы приходимъ къ выводу, что, каковы бы ни были воззрѣнія взрослыхъ на религію, въ отношеніи дѣтей въ виду различія ихъ вопроса о Богѣ и вопроса взрослаго, да еще и интеллигента можетъ быть только одинъ правильный путь: безусловно положительное, категорически, безъ колебаній утвердительное отношеніе къ вопросу о Богѣ. „Да, Богъ есть",—этотъ отвѣтъ диктуется на нашъ взглядъ всѣми основаніями: жизненными, этическими, познавательными, эстетическими и психологическими. Его требуетъ жизнеспособное и естественное воспитаніе дѣтей...

Дѣтская религія нормально должна быть внѣвѣроисповѣдной, общечеловѣческой; ихъ Богъ долженъ объединять и міръ, и людей, и животныхъ, а не дробить ихъ, — эта мысль въ сущности должна быть близка всѣмъ намъ, потому что она прямое слѣдствіе изъ ядра ученія Христа. Только при этомъ объединеніи всего дѣятельное проявленіе любви, стремленіе къ нему получитъ твердое основаніе: все становится роднымъ, близкимъ; дѣти вездѣ будутъ видѣть въ мірѣ и населяющихъ его существахъ часть самихъ себя и тогда они дѣйствительно могутъ радоваться его радостями и болѣть его горемъ,— вѣдь тутъ только природный естественный эгоизмъ превращается въ свою противоположность.

Единый Богъ, какъ Богъ добра, совершенства и любви, единый міръ и единство міра, природы и людей — такова платформа для воспитанія дѣтей. Неужели же взаимная ненависть людей дойдетъ до такой степени, что они никогда не поймутъ весь ужасъ того преступленія, которое они совершаютъ, поселяя именемъ Бога рознь и ненавистничество между людьми уже съ дѣтства! Пусть будетъ тотъ путь, на который мы зовемъ, еще дѣломъ не близкаго

будущаго,—говорить о немъ необходимо, потому что пока что мы совершаемъ роковыя ошибки, мечемся изъ одной крайности въ другую, потому что такимъ образомъ мы хоть отчасти въ своей частной, семейной жизни убережемъ себя отъ тяжкихъ промаховъ въ дѣлѣ воспитанія дѣтей. Въ единствѣ и объединеніи, повторяемъ, ядро дѣтской религіозности.

На этой почвѣ рождается сильная, устойчивая, всеобъемлющая жизнерадостность, въ которой такъ сильно нуждаются именно люди нашего времени. Надо широко воспользоваться признакомъ вездѣсущности Божества и научить разсматривать какъ Божественное все, что красиво, истинно, что добро, открыть возможность человѣку *творить* Божественное своей жизнью. Въ этомъ смыслѣ міръ и жизнь должны быть дѣйствительнымъ храмомъ религіознаго служенія. Для этого они должны быть освѣщены лучами единства и объединенія: раздоры и дробленіе ведутъ къ пессимизму и смерти, любовь и тѣсно связанное съ нею единство даютъ жизни и дѣятельности смыслъ и оправданіе. Когда общечеловѣческій религіозный взглядъ слилъ весь міръ, и всю природу, и все живущее въ единство, мы чувствуемъ себя въ родной сферѣ, гдѣ каждому нужно и дорого все и каждый дорогъ всему; тогда отъ васъ протянулись мріады симпатическихъ нитей во всѣхъ направленіяхъ, крѣпко связывая васъ со всѣмъ міромъ; тогда не можетъ быть мѣста тоскѣ и унынію, потому что вы нужны не только себѣ, но и другимъ, и притомъ въ конечномъ счетѣ *абсолютному*. Въ этомъ настоящій источникъ жизнерадостности, рождающій жизнеспособность. Изъ дѣтской религіозной жизни въ особенности нужно удалить все мрачное, тяжелое, какъ противное существу дѣтской природы. Изъ ихъ религіозныхъ переживаній должна ключомъ бить жизнерадостность и любовь. Пусть взрослый находитъ своего Бога въ отреченіи отъ земного, въ смиреніи и т. д.; для дѣтей ихъ религіозныя переживанія должны быть питомникомъ довѣрія, увѣренности, смѣлости, жизненнаго подъема и порыва къ человѣческой и человѣчной дѣятельности. Богъ карающій, грозный есть пережитокъ. Религія дѣтей въ особенности должна быть жизнерадостной религіей, на почвѣ которой мѣсто только гармоніи.

Геффдингъ говоритъ: „Вѣчное — здѣсь, передъ нами: оно въ каждомъ цѣнномъ мгновеніи, въ каждомъ солнечномъ лучѣ, въ стремленіи, имѣющемъ своимъ лозунгомъ Excelsior. Переживать въ потокѣ времени вѣчность — вотъ истинное безсмертіе!“

Жизнеспособность, дѣятельная жизнерадостность,— эти выводы напрашиваются сами собой, потому что къ Богу любви, добра, истины, красоты отчаяніе, пессимизмъ не подходятъ; жизнь въ идеалѣ должна быть понятна какъ безконечная возможность созиданія „Царства Божія“ среди насъ. Говоря словами Геффдинга, жизнь должна представлять какъ бы художественное произведеніе человѣка. И тутъ личность должна перестать быть рабомъ фактовъ и понять себя какъ agens, какъ созидающую, формирующую силу. Чѣмъ выше личность, тѣмъ богаче, тоньше, цѣннѣе ея продуктъ. Это сознаніе роли личности необходимо начать прививать человѣку съ дѣтства. Конечно, этотъ гармоничный міръ и жизнь только идеалъ; ихъ нѣтъ: они не даны, а заданы; но онъ долженъ быть возможенъ въ безконечномъ созиданіи жизни личности и каждый творитъ его на своемъ особомъ пути, если онъ хочетъ быть человѣкомъ. Гарантіей и освященіемъ этой возможности и должна явиться истинная религія. Если у насъ, взрослыхъ, ея часто нѣтъ, то тѣмъ болѣе необходимо обогатить ею нашихъ дѣтей.

Споры о русской интеллигенціи и ея идеологіяхъ.

молодыя петербургскія газеты „День“ и „Рус. Молва“ много мѣста отводятъ вопросамъ о тѣхъ сложныхъ перемѣнахъ, которыя сейчасъ происходятъ въ психологіи нашей интеллигенціи,— о „кризисѣ идеологическаго творчества“ и другихъ „кризисахъ“.

Поводомъ поговорить на данную тему, разобраться по возможности въ темныхъ, спорныхъ пунктахъ, связанныхъ съ этими вопросами [1]), для первой газеты,— въ лицѣ П. Юшкевича и Ст. Ивановича (№№ 11, 13 и 32),— послужили недавній докладъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго въ Всероссійскомъ Литературномъ обществѣ и вызванныя докладомъ пренія и новый докладъ г-жи Ортодоксъ. Во второй — въ „Рус. Молвѣ“— разгорѣлся споръ между гг. Рыкачевымъ, Сорокинымъ и Лиліог'омъ (№№ 39, 43, 44 и 48) съ легкой руки В. И. Засуличъ, выступившей со статьей „Тогда и теперь“.

Безъ сомнѣнія, споры эти въ настоящій историческій моментъ имѣютъ,— какъ замѣтилъ одинъ изъ спорящихъ,— первостепенную важ-

[1]) А этихъ *темныхъ* пунктовъ больше чѣмъ слѣдуетъ,— потому что многія понятія у насъ (въ томъ числѣ понятіе идеологіи), несмотря на свой почтенный возрастъ, крайне расплывчаты и зыбки. У каждаго—свои...

ность для нашего общественнаго самосознанія. Въ чемъ же сущность ихъ?

В. И. Засуличъ заговорила о своемъ поколѣніи. Всѣ свои надежды оно, это поколѣніе, возлагало на молодежь и на крестьянство. Обѣ эти надежды обманули: ни молодежь, ни крестьянство не влегли въ постромки, не выволокли Россію мощнымъ порывомъ изъ болота, въ которомъ она запязла. На кого надѣяться теперь?— Вмѣстѣ со многими и многими В. И. Засуличъ думаетъ, что теперь приходится всю надежду возлагать на быстро крѣпнущій рабочій классъ.

А. Рыкачевъ, откликнувшись на ея статью, перенесъ вопросъ на другую почву. Онъ говоритъ: коренная ошибка того міровоззрѣнія, представительницей котораго является г-жа Засуличъ, заключается въ „фанатической привязанности къ опредѣленной соціальной группѣ и въ столь же фанатическомъ отрицаніи „стараго“ міра“. „Вмѣсто того, чтобы мѣнять иконы на иконы, настало время усомниться въ самомъ смыслѣ старыхъ молитвъ. Вмѣсто воплощенія въ новой формѣ старой идеи „хожденія въ народъ“, нужно признать идею народа въ историческомъ и подлинномъ ея смыслѣ — признать народъ, какъ органическую совокупность множества состояній и профессій, куда входятъ не одни только рядовые крестьяне и рабочіе, но и богатѣющій хуторянинъ, и удачливый подрядчикъ, и мастеръ съ хорошимъ заработкомъ, и купецъ, и учитель, и чиновникъ, и фабрикантъ. Нужно пойти въ грѣшный міръ, чтобы сдѣлать его менѣе грѣшнымъ“ — такова та задача, которую ставитъ А. М. Рыкачевъ передъ современной интеллигенціей.

„Не слишкомъ ли упростилъ онъ (г. Рыкачевъ) положеніе дѣла?—спрашиваетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ той же газеты П. Сорокинъ. — Не упустилъ ли онъ чего-нибудь существеннаго, утверждая, что эволюція идеалистической интеллигентской традиціи состояла лишь въ перемѣнѣ однѣхъ иконъ на другія? Не просмотрѣно ли имъ въ этомъ „иконопочитаніи“ что-то такое, что обусловливало собой всю святость иконы?..

Несомнѣнно, нужно принять идею народа въ „подлинномъ“ смыслѣ, чтобы туда входилъ и „купецъ, и чиновникъ, и фабрикантъ“, а не только мужикъ и рабочій... Но г. Рыкачевъ забылъ въ своемъ перечисленіи, что въ „подлинномъ“ смыслѣ въ идею народа входятъ еще: и проститутка, и убійца, и кулакъ, и мошенникъ и т. д... Послѣдніе имѣютъ такое же право на идею народа, какъ и хуторянинъ, и чиновникъ и т. п.

Весь споръ заключается лишь въ томъ, изъ *какой высшей нормы мы будемъ исходить и, сообразно съ ней, что мы примемъ и что отвергнемъ*. Иначе говоря: что должны мы считать иконами и что должны считать „идолами“?

Культура, какъ высшая цѣнность міра, вотъ что всегда было и остается предметомъ, за который сражалась интеллигенція. На ея знамени всегда было написано: „борьба за культуру“.

Эта борьба велась и ведется двояко: она направлена либо на достиженіе новыхъ глубинъ культуры, либо на ея распространеніе на новые круги людей. Сообразно съ этимъ получалась и оцѣнка подлиннаго міра на неравноцѣнныя части: все то, что является носителемъ культуры и способствуетъ ея росту вглубь и вширь — есть благо-икона: все обратное — зло-идолъ. Таково дѣленіе и таково его основаніе.

Всегда у нашей интеллигенціи „иконой“ была лишь *культура*, а не сухая деревянная доска съ изможденнымъ византійскимъ ликомъ, а потому, противопоставлять ея пути и ея идеалу, какъ идеалу сектантскому — новый путь, путь культуры и несектантства — есть недоразумѣніе. Если оно дѣлается серьезно, то изъ него идутъ только двѣ дороги: либо дорога Андреевской „Тьмы“, гласящая: „какъ мы можемъ быть хорошими, когда другіе нехороши“, „погасимъ фонарики“, „примемъ всю подлинную идею народа и облобызаемъ всѣхъ и вся, ибо вездѣ можно найти радости жизни“; либо — то же сектанство, но сектантство еще не доказавшее подлинности своихъ полномочій, еще не обнаружившее цѣнность своихъ акцій, тогда какъ въ подлинности интеллигентскаго сектантства съ точки зрѣнія культуры сомнѣніе немыслимо“.

Вотъ контръ-возраженія А. М. Рыкачева:

„Идеалъ культуры, какъ „высшей цѣнности жизни“, и сектантство суть вещи, въ концѣ-концовъ, несовмѣстимыя. Именно во имя культуры должно быть снято клеймо грѣховности съ тѣхъ видовъ дѣятельности, которые сопряжены съ хозяйскими и распорядительскими функціями въ современномъ обществѣ. Именно во имя культуры должны получить соціальное признаніе функціи чиновника, офицера, купца, фабриканта.

Въ міросозерцаніи типичнаго интеллигента стараго склада два ряда понятій, сопоставленные г. Сорокинымъ, сливаются въ одинъ рядъ: проститутка, чиновникъ, мошенникъ, купецъ, кулакъ, фабрикантъ и т. д. Противъ этой-то

привычной ассоціаціи понятій, характерной для стараго интеллигентскаго мышленія, противъ этого знака равенства, который ставится между міромъ зла и всѣмъ, что возвышается въ соціальномъ отношеніи надъ неимущими массами, и были направлены мои разсужденія. Г. Сорокинъ, кажется, рѣшилъ, что я вздумалъ проповѣдывать всепрощеніе и любовное исправленіе грѣшниковъ, что я предлагаю простить вмѣстѣ съ разбойниками и ворами заодно ужъ и купцовъ и чиновниковъ. Это, конечно, сплошное недоразумѣніе, основанное, кажется, только на томъ, что я употребилъ выраженіе: грѣшный міръ. Въ дѣйствительности, я такъ же далекъ отъ того, чтобы требовать какого-то прощенія для купца и промышленника, какъ и отъ того, чтобы соглашаться на поклоненіе кооператорамъ или вождямъ рабочаго движенія.

Принятіе идеала культуры само по себѣ уже обозначаетъ кризисъ стараго сектантскаго умонастроенія. Ибо кто принимаетъ идеалъ культуры, тотъ долженъ признать положительную цѣнность за могучими силами соціальнаго воспитанія, которыми человѣчество подымалось отъ первобытнаго естественнаго своего состоянія,— тотъ долженъ причислить къ положительнымъ культурнымъ цѣнностямъ и такіе факторы, какъ власть, богатство, слава. Но потому-то и бѣжитъ сектантъ отъ „міра“, что міръ силенъ и живъ благами, для него, сектанта, непріемлемыми.

П. А. Сорокинъ утверждаетъ, что въ основѣ интеллигентскаго сектантства тоже всегда лежалъ идеалъ культуры. Я приведу одну цитату изъ воспоминаній В. Н. Фигнеръ, относящихся къ эпохѣ 70-хъ годовъ: „Мы упражнялись, увѣряю, добросовѣстно: читали рефераты о самоубійствѣ и о Стенькѣ Разинѣ, о Кабэ и Сенъ-Симонѣ, спорили до хрипоты о теоріи ренты Рикардо, о законѣ народонаселенія Мальтуса, и распустили ферейнъ, только дойдя до вопроса о томъ, должно ли при соціальномъ переустройствѣ разрушить цивилизацію или можно отнестись къ ней снисходительно и сохранить ее для обновленнаго человѣчества. Этотъ вопросъ такъ глубоко затронулъ страсти, что мы точно белены объѣлись... Я тогда была умѣренной, стояла за цивилизацію, находя довольно жестокимъ заставлять человѣчество вновь завоевывать то, что оно пріобрѣло съ такими жертвами“... (В. Богучарскій. „Активное народничество семидесятыхъ годовъ“, стр. 108).

Готовность „разрушить цивилизацію“ была крайностью въ народничествѣ—впрочемъ, крайностью отнюдь не случайной. Но принять идеи „соціальнаго переустройства“ надъ идеей культуры составлялъ существенную черту всего міровоззрѣнія. Изъ того, что люди соглашались щадить школы и библіотеки, конечно нельзя выводить, что высшей цѣнностью міра для нихъ была культура.

Переходъ отъ сектантства къ идеалу культуры есть процессъ и болѣе значительный, и болѣе трудный, чѣмъ переходъ отъ секты къ сектѣ. Ибо это есть процессъ обмірщенія, а обмірщеніе слишкомъ часто покупается цѣною отказа отъ идеализма. Сохранить идеализмъ и пріобщиться къ „міру“—разрѣшима ли эта задача? Съ точки зрѣнія *должнаго*, на которую справедливо призываетъ стать мой оппонентъ, отвѣтъ можетъ быть только одинъ: задача *должна* быть разрѣшена.

Сектантъ и отшельникъ руководятся только неземными, отвлеченными, внѣшними заповѣдями. Мірской человѣкъ руководится и тѣми соціальными поощреніями, которыми соціальная среда награждаетъ избранныхъ. Сектантъ и отшельникъ знаютъ только обязанности. Мірской человѣкъ вѣритъ въ свое право на блага, которыя онъ получаетъ отъ соціальной среды. Тамъ, гдѣ фактическій носитель власти не вѣритъ въ свое право на власть, тамъ, гдѣ творецъ новыхъ матеріальныхъ цѣнностей не сознаетъ своего права распоряжаться человѣческимъ трудомъ, тамъ невозможно соціально-культурное творчество.

Трагедія русской новѣйшей исторіи заключается въ томъ, что какъ разъ та среда, которая должна была дать родной странѣ вождей, учителей, руководителей, отреклась отъ самой идеи соціальнаго водительства, прокляла тѣ самыя силы культурно-соціальнаго отбора, которыми сама она была создана и которыми могла сдѣлать чудеса въ громадномъ государствѣ, просыпающемся къ новой жизни. Кормчій сломалъ кормило. Учитель пригвоздилъ къ позорному столбу свое право учительства. Тѣ, кому предназначено было продолжать дѣло Петрово, дѣло пріобщенія Россіи къ культурѣ міра, употребляли пылъ души своей—въ слѣпой любви къ бѣднымъ, невѣжественнымъ, обиженнымъ массамъ — на то, чтобы раздувать тлѣющіе угольки мстительной злобы на культуру“.

Здѣсь въ споръ вступаетъ Лиліог.

„Его мысль,—старается послѣдній понять основную точку зрѣнія г. Рыкачева, — его мысль — въ отказѣ отъ внѣжизненнаго, отвлеченнаго идеализма, который ригористически исповѣдывала донынѣ наша интеллигенція, и въ признаніи великаго культурнаго значенія прак-

тики, въ томъ числѣ и народно-хозяйственной, и даже хозяйской.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что отвлеченная идеологія была и есть болѣзнь русской интеллигенціи, пусть и „жемчужная“, но все же болѣзнь; нѣтъ сомнѣнія также, что безъ культурно-творческой дѣятельности людей культура не созидается, и что, слѣдовательно, администраторъ, купецъ и фабрикантъ важные культурные дѣятели. Въ принципѣ совершенно раздѣляя взглядъ А. М. Рыкачева, приходится тѣмъ не менѣе стать на сторону интеллигенціи, смотрящей на эти профессіи съ непреодолимымъ отвращеніемъ.

Дѣло въ томъ, что существуютъ профессіи, которыя по природѣ вещей являются какъ бы преемниками общественной неправды, и таковы именно названныя три, „сопряженныя съ хозяйскими и распорядительскими функціями въ современномъ обществѣ“. Чиновничество по самому своему положенію есть резервуаръ политической неправды, т.-е. ненормальной организаціи государственнаго строя, ибо этотъ строй осуществляетъ свое ненормальное бытіе именно чрезъ посредство чиновничества (на ряду съ законодательствомъ); и на ту же роль въ экономической жизни страны обреченъ поневолѣ фабрикантъ. Значитъ дѣло вовсе не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда. Никто не долженъ отказывать въ „соціальномъ признаніи“ *функціямъ* чиновника, офицера и пр.,— это совершенно вѣрно, но вѣдь это опять таки отвлеченность; функціи сами по себѣ почтенны и даже святы, но онѣ—только форма: все дѣло въ томъ, какое содержаніе влагается въ эти формы. Я говорю о моральномъ содержаніи, которое и есть подлинно-соціальное.

Повторяю: меньше кого-либо я склоненъ защищать внѣжизненный интеллигентскій идеализмъ; онъ надѣлалъ намъ множество бѣдъ, и мы еще надолго больны имъ. Но предлагаемое средство леченія едва ли лучше самой болѣзни. Вѣдь и самъ А. М. Рыкачевъ зоветъ интеллигентовъ въ грѣшную жизнь для того, чтобы сдѣлать ее менѣе грѣшною. Но грѣшность нынѣшней жизни — конститутивна: отдѣльныя личности, которыя войдутъ въ нее съ идеальной цѣлью, съ цѣлью сдѣлать ее менѣе грѣшною, будутъ уничтожены ею, какъ бы много ихъ ни было; а много ихъ и не можетъ быть, потому что для такого вступленія нужна великая сила духа,— это сопротивленіе злу есть ровно такой же подвигъ, какъ толстовское непротивленіе злу.

Я далекъ отъ мысли предлагать какой-либо выходъ. А. М. Рыкачевъ правъ, когда зоветъ интеллигенцію выйти изъ монастыря, гдѣ она спасаетъ свою душу, въ міръ, въ жизнь, чтобы помочь всему міру спастись. Но *какъ*, выйдя, жить въ этомъ мірѣ, полномъ грѣха, и не просто жить-существовать, а жить активно въ соціальномъ смыслѣ слова,— этотъ вопросъ уважаемый авторъ рѣшаетъ чрезмѣрно просто. Это вѣдь и есть труднѣйшій моральный вопросъ, искони стоящій предъ человѣческимъ сознаніемъ. Въ старину человѣкъ спрашивалъ себя: какъ спастись въ міру? Теперь приходится спрашивать себя: какъ остаться порядочнымъ человѣкомъ, какъ остаться вѣрнымъ своему духовному существу, исполняя такую-то общественную функцію? А. М. Рыкачевъ обошелъ всю трудность проблемы, умолчавъ о ея нравственной сторонѣ.

Тутъ, я думаю, нѣтъ, универсальнаго средства: тутъ все индивидуально, и вопросъ долженъ быть рѣшенъ каждымъ лично,— потому и долженъ каждый думать объ этомъ: писатель — то ли онъ пишетъ, что можетъ быть на благо людямъ, и такъ ли онъ живетъ, чтобы не увеличивать царящаго зла, купецъ — такъ ли онъ ведетъ свое дѣло и такъ ли живетъ, какъ того требуютъ его разумъ и совѣсть, и т. п. Это-то и есть моральное содержаніе всякой общественной функціи, а при этомъ условіи форма безразлична: писатель фабрикантъ, офицеръ или ученый“.

Послѣднія мысли Липіог'а отвѣчаютъ той индивидуализаціи идеологій, которую неустанно проповѣдуетъ и въ своихъ статьяхъ и въ докладахъ Д. Овсянико-Куликовскій и противъ которой возражали на вышеупомянутомъ послѣднемъ его докладѣ почти всѣ, принявшіе участіе въ преніяхъ.

Одинъ изъ оппонентовъ, Ст. Ивановичъ, писалъ потомъ въ своей статьѣ „Идеологія вольная и принудительная“ („День“, № 13):

„Съ этимъ вердиктомъ (т.-е. съ общимъ мнѣніемъ выступавшихъ въ Литер. обществѣ противъ докладчика) отчасти несогласенъ П. Юшкевичъ. Онъ полагаетъ, что требованіе индивидуализаціи идеологій находитъ себѣ нѣкоторое подкрѣпленіе въ прогрессирующемъ освобожденіи ихъ отъ элементовъ фетишизма, въ „смягченіи соціальныхъ санкцій, которыми карается отступленіе отъ общепринятой въ извѣстной группѣ идеологіи“. Смягчаются кары за инакомышленіе и расширяется „доля идеологіи, освобождаемая вообще отъ запретовъ“ [1]).

Здѣсь затронутъ весьма важный вопросъ, почти совершенно обойденный въ преніяхъ.

[1]) Подробнѣе о теоріи Д. Овсянико-Куликовскаго и отношеніи къ ней П. Юшкевича въ „Бюл.“ № 10.

Соціальный распадъ какой-нибудь группы всегда порождаетъ тягостное ощущеніе принудительности духовно-цементировавшей ее прежде идеологіи. И тутъ то находитъ себѣ хорошую и обильную почву теоріи индивидуализаціи идеологій, протесты противъ ея принудительности, тутъ-то начинаютъ особенно внимательно подбирать факты и аргументы въ пользу „хуторского“, такъ сказать, размежеванія идеологическихъ запасовъ.

Намъ кажется, что русскія теченія противъ принудительности идеологіи въ значительной мѣрѣ связаны съ распадомъ интеллигенціи, цѣлостности ея соціально-психическихъ переживаній и тенденцій. Естественно, что идеологіи, раньше *связанныя* съ общими устремленіями цѣлостной общественной группы, начинаютъ ей при ея распадѣ казаться *навязанными* и изъ этого вырастаетъ идеологія безъ идеологичности, бунтъ противъ принудительности и т. п. На Камчатку Privatsache ссылается одна идеологическая цѣнность за другой. Разными сторонами своего существа люди освобождаются отъ власти коллективныхъ задачъ и устремленій, а имъ кажется, что эта не они выходятъ изъ коллективной упряжи, а *ихъ* мысли, *ихъ* настроенія, *ихъ* идеологія освобождается отъ соціальной санкціи. Матерью „инакомыслія“ дѣлается инакодѣйствіе, и провозглашеніе правъ инакомыслія является или предтечей или оправданіемъ этого инакодѣйствія.

У идеологіи есть одна слабая сторона — стремленіе оторваться отъ питающей ее соціальной среды, стремленіе къ господству, къ власти. Продукты своего интеллектуальнаго микрокосма она склонна навязать соціальному макрокосму. Тогда получаются такія картины, что плодъ книжнаго творчества объявляется прозрѣніемъ высшей мудрости, обязательной для всѣхъ членовъ той или иной церкви. Здѣсь принудительность идеологіи гибельна. Но она гибельна именно потому, что она принудительность кружка, секты.

Ростъ соціальной спаянности и коллективности, внутреннее ея укрѣпленіе обозначаетъ одновременно и ростъ идеологической принудительности. Область Privatsache дѣлается мѣстомъ временной передышки, гдѣ конкуррирующія построенія должны обнаружить свою жизненность и выжить въ борьбѣ, какъ наиболѣе приспособленныя.

И если стремленіе къ индивидуализаціи идеологій является съ одной стороны характернымъ выраженіемъ соціальнаго распада, то, съ другой стороны, бываютъ эпохи, когда оно является обратнымъ показателемъ соціальнаго роста. И бываетъ послѣднее тогда, когда какое-нибудь движеніе становится слишкомъ широкимъ для старыхъ идеологическихъ нашлепокъ кружкового типа, когда ему становится непосильнымъ бремя идеологической междуусобицы, когда продукты лабораторнаго мышленія навязываются жизни, хотя бы они были для нея и цѣлебны. Тогда протесты противъ принудительности идеологіи въ корнѣ своемъ весьма здоровы, хотя бы обобщенія объ эволюціи идеологіи въ сторону индивидуализаціи и были въ корнѣ ошибочны.

Бываютъ идеологіи, рожденныя движеніемъ массы и ею материнской любовью любимыя. Эти идеологіи принудительны — но милу хороши. Бываютъ идеологіи, рожденныя внѣ массы, но ею усыновленныя. Онѣ становятся тогда принудительными — но хорошему милы. И, наконецъ, бываютъ идеологіи, рожденныя для другихъ, но никѣмъ не усыновленныя. Ихъ принудительность губительна для тѣхъ, кто имъ вольно иль невольно подчиняется“.

Заслуживаетъ еще вниманія слѣдующее мѣсто изъ замѣтки того же Ст. Ивановича о докладѣ г-жи Ортодоксъ:

„...Попутно Б. Столпнеръ (одинъ изъ возражавшихъ ей) остановился и на проблемѣ пролетарской идеологіи, бѣдной и нищей въ настоящемъ и богатой возможностями въ будущемъ. Но эти возможности могутъ реализоваться только въ самомъ внимательномъ, чуткомъ отношеніи къ идеологическимъ запасамъ современной буржуазной культуры. Изъ буржуазнаго колодца надо пить и незачѣмъ въ него плевать. И въ этомъ отношеніи къ цѣнностямъ буржуазной культуры и идеологіи, въ этой заносчивости нищихъ, напоминающихъ заносчивость культурно-нищаго христіанства первыхъ вѣковъ съ огромнымъ запасомъ античной культуры, ораторъ думалъ найти одну изъ причинъ, почему единственные пока творцы идеологическихъ цѣнностей — интеллигенты — не уживаются въ рядахъ соціализма и бѣгутъ въ частности, изъ россійской соц.-демократіи.

Это объясненіе, при вѣрности его предпосылки, кажется довольно спорнымъ. Процессъ бѣгства интеллигенціи изъ рядовъ соціализма въ частности въ Россіи связанъ какъ разъ не съ ростомъ идеологическихъ потребностей убѣгающихъ, а съ полнымъ вывѣтриваніемъ интересовъ идеологическаго порядка. Происходитъ процессъ приспособленія интеллигенціи къ новымъ буржуазнымъ формамъ бытія и въ соціализмѣ интеллигенціи становится тѣсно и неуютно вмѣстѣ съ ростомъ спроса на ихъ профессіональные навыки и умѣнія со стороны

другихъ классовъ и вмѣстѣ съ паденіемъ спроса въ рабочей средѣ на безотвѣтственныхъ политическихъ оппскуновъ сектантско-кружковаго типа [1]). Докладчица, однако, не видитъ этого серьезнаго явленія кризиса русской интеллигенціи. Она думаетъ, что явленіе это временное, которое пройдетъ вмѣстѣ съ реакціей. Она не замѣчаетъ какъ будто глубокихъ соціальныхъ корней интеллигентскаго распада, она забываетъ, что именно къ эпохѣ реакціи относится глубокій расцвѣтъ въ Россіи маркенстской идеологіи".

Психологическая рознь интеллигенціи и пролетаріата.

Неизвѣстному до сихъ поръ въ беллетристикѣ Р. Григорьеву посчастливилось: романъ, которымъ онъ дебютируетъ,—и не подъ эгидой того или другого журнала, а въ видѣ сѣренькой, скромненькой книжки „собственнаго изданія" („На ущербѣ". СПБ. 1913),—сразу же стали объектомъ живѣйшаго и благосклоннаго вниманія критики. Главное здѣсь не въ художественной сторонѣ романа, а въ содержаніи, заставляющемъ говорить о новомъ литературномъ произведеніи и дающемъ обильный матеріалъ критику, чуткому къ эволюціи нашей общественной жизни, общественныхъ движеній. Авторъ обнажаетъ передъ читателемъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ нервовъ нашей современности: по всему роману красной нитью проходитъ тонкая, глубокая, не всегда замѣтная, но непримиримая рознь между интеллигенціей и пролетаріатомъ, между—что особенно важно—двумя такими близкими по духу и стремленіямъ, симпатіямъ своимъ и антипатіямъ, общественными элементами, какъ революціонные интеллигенты и передовые, даже самые сознательные, этими же интеллигентами „распропагандированные", рабочіе.

„Когда-то, въ семидесятыхъ годахъ,—пишетъ по поводу этого романа Н. Б. въ „Совр. Сл." (№ 1819, ст. „Кающіеся интеллигенты"),—у насъ каялся дворянинъ. И въ литературу, художественную и публицистическую, онъ внесъ эту высокую лирическую ноту покаянія. Каялся за вину своихъ помѣщичьихъ предковъ передъ народомъ. Взялъ на себя и честно выплачивалъ „натурою" долгъ своихъ предковъ передъ народомъ.

Теперь мы опять переживаемъ полосу покаянной художественной литературы. Но теперь каются уже не дворяне-писатели за свой долгъ передъ народомъ, а интеллигенты-разночинцы, по мѣрѣ силъ и разумѣнія свой долгъ выполнившіе.

Появилась и быстро растетъ своеобразная покаянная литература. Въ ней такъ же много лиризма, какъ и въ покаянной дворянской литературѣ семидесятыхъ годовъ, но ея наоборотъ, ея трагедія лежитъ въ совершенно иной плоскости.

Кающійся дворянинъ былъ весь охваченъ и озаренъ порывомъ общественнаго служенія, его душа была переполнена самоотверженнымъ стремленіемъ положить душу свою за благо народа. Нынѣшній кающійся интеллигентъ стоитъ съ опустошенной душой, съ подвигомъ общественнаго служенія не впереди, а позади, съ неудержимымъ стремленіемъ не положить, а возродить душу свою, уже не во имя блага народа, а для личной жизни, личнаго счастья, „честности съ собою".

Съ какимъ-то наслажденіемъ цѣлый рядъ беллетристовъ занялся самообличеніемъ.

Къ этой литературѣ надо отнестись съ большимъ вниманіемъ и осторожностью. Она представляетъ, внѣ вопроса объ ея художественныхъ достоинствахъ, чрезвычайно цѣнный общественный документъ.

Она, такъ сказать, въ анатомическомъ театрѣ исторіи производитъ вскрытіе едва остывшихъ событій періода бури и натиска, и это мучительное вскрытіе во многомъ пополнило и исправило наши свѣдѣнія о причинѣ исторической смерти многаго и многихъ *).

В. Ропшинъ въ своихъ нашумѣвшихъ романахъ создалъ типъ кающагося эсъ-эра. Но интересъ этого романа не только въ его вышедшемъ въ тиражъ героѣ, а въ той атмосферѣ, той обстановкѣ, той душѣ событій, которая нарисована съ высокимъ лиризмомъ и захватывающимъ интересомъ.

Передъ нами лежитъ новый романъ, стоящій подъ знакомъ „кающейся" беллетристики — „На ущербѣ" Р. Григорьева. Его художественные образы рисуютъ глубокій психологическій переломъ въ русской интеллигенціи, огромный идеологическій ея сдвигъ.

Конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что русская демократія не умерла и она не больна. Былъ и не закончился „ущербъ", еще будетъ и полнолуніе. Но что въ интеллигенціи многое умерло и не воскреснетъ отъ трубнаго звука новаго демократическаго подъема, это не подлежитъ сомнѣнію, и если не публицистическія

[1]) Срав. съ тѣмъ, что описываетъ въ своемъ романѣ „На ущербѣ" Р. Григорьевъ, и съ ст. „Психологическая рознь пролетаріата и интеллигенціи" въ этомъ номерѣ „Бюллетеней".

*) См. объ этой литературѣ прошлогодніе „Бюллетени" (№ 17), ст. „Эстеты революціи".

слова, то художественные образы г. Григорьева этого не отрицаютъ.

Авторъ, прекрасно знакомый съ партійными с.-д. дѣлами и дѣятелями, рисуетъ передъ нами картину жизни и дѣятельности интеллигентовъ и рабочихъ, пытавшихся возродить русскую политическую жизнь.

Переплетаясь въ узелъ жизни, тутъ идутъ и личныя, и партійныя дѣла с.-д., хорошо обрисовывается и интеллектуальная и волевая жизнь партійныхъ дѣятелей.

Конечно, тутъ не безъ разногласій. Идетъ борьба между большевиками и меньшевиками. Но трагедія романа, паоосъ его героевъ не въ этихъ интеллектуальныхъ разногласіяхъ, а въ той глубокой, эмоціальной, волевой жизни, лежащей ниже порога партійнаго сознанія, которая тревожно, точно приближающаяся гроза, нарастаетъ въ романѣ, разряжаясь мелкими сценами, доводящими многихъ героевъ романа до полнаго и политическаго, и личнаго истощенія.

Политическія разногласія не идутъ по линіи раздѣла между интеллигентами и рабочими. И среди меньшевиковъ, и среди большевиковъ одинаково встрѣчаются и интеллигенты и рабочіе. Пока идетъ горячій политическій споръ на партійныхъ собраніяхъ, партійная интеллигенція сливается съ рабочими.

Но когда дѣло коснется личной жизни или даже простой „партійной“ пирушки, тотчасъ сказывается глубокая рознь.

Среди веселой „партійной“ пирушки вдругъ задребезжитъ рѣжущая нота этого не разномыслія, а разночувствія между интеллигенціей и рабочими, и сразу невыносимо натягиваются отношенія и растетъ взаимное раздраженіе.

Приходитъ славный, вдумчивый рабочій Каленовъ къ своимъ интеллигентнымъ товарищамъ въ гости.

Пили чай, разговаривали.

Интеллигентка Мирра (по уходѣ товарищей) спрашиваетъ Каленова, весело ли ему было.

— Чудно было, право! И о чемъ говорили, не перескажешь. Какъ вода лилась! А вѣдь, думаю, слова только мудреныя, — пустяки говорили...

— А вы ждали умной, серьезной бесѣды?

— Да, думалъ, услышу что интересное. Но это... Богъ съ вами. А вотъ я себѣ думаю, очень ужъ вы другіе промежъ себя. Не такіе, какъ съ нами. Много вы притворяетесь, когда къ намъ приходите...

Мирра молчала усталая и подавленная.

Правымъ рабочаго Каленова ова не считала, но что ему возразить, не знала, да и чувствовала—не переубѣдишь.

А Каленовъ продолжалъ:

— Да, товарищъ! Вѣдь сплетничали все больше. Глянь,—и вечеръ прошелъ.

— Ахъ, развѣ и вы не сплетничаете промежъ себя?—вдругъ раздражаясь, закричала Мирра.

— Бываетъ и это бываетъ. Да все не по-вашему. Пойдешь въ гости и посудачишь иной разъ. Но у насъ, товарищъ, и о серьезномъ много теперь промежъ себя говорятъ!

— Да, вамъ бы разговоры, все разговоры! У васъ теперь разговорный періодъ. Вы больше всего говорить любите, слушать разговоры... А мы уже пережили это. Въ пятнадцать лѣтъ и мнѣ важнѣе всего было, о „чемъ“ говорятъ, а теперь мнѣ это почти безразлично. Слышите, мнѣ все равно, о чемъ говорить, главное для меня, кто и какъ говоритъ. Я иду въ общество не для того, чтобы слушать, а чтобы чувствовать, смотрѣть, ощущать... Да, да, мнѣ просто пріятно присутствіе того или другого изъ людей, ихъ наряды, звукъ ихъ голоса, мнѣ интересны не ихъ слова, а тѣ нити взаимоотношеній, что невидимыя для глазъ протягиваются между людьми... Ахъ, да вы этого не поймете! Ну, скажите, если вы въ лѣсъ, въ поле идете, вы тоже хотите чему-нибудь по, учиться? Ну, я вотъ и въ общество такъ иду какъ въ поле, отдыхать, а не учиться, не мыслить...

Она раздраженно махнула рукой и замолкла“.

Это партійные рабочіе въ гостяхъ у партійной интеллигенціи. А вотъ сценка: партійная интеллигенція въ гостяхъ у партійныхъ рабочихъ.

Товарищъ Мирра, чистое, честное существо, все, до послѣдней душевной ноткн, до маленькой любимой дочурки, отдавшая рабочимъ, приходитъ на рабочую пирушку.

Разговоръ съ вдумчивымъ, симпатичнымъ рабочимъ Петровымъ:

— Вы пейте, барышня. Нечего въ сторону коситься! Пролетарскаго зелья, небось, не хотите отвѣдать!

„Рубашка на груди его была разстегнута, изъ-подъ нея виднѣлась волосатая грудь, и это конфузило Мирру. Она старалась глядѣть такъ, чтобы не замѣчать его разстегнутой рубахи и всего его растерзаннаго вида, но ей казалось, что всѣ замѣчаютъ ея смущеніе и издѣваются надъ ней. Какое-то злорадство чудилось ей въ пьяныхъ усмѣшкахъ рабочихъ, но она пыталась отшучиваться.

— Куда мнѣ пить, нѣжной интеллигенткѣ!— и кривила губы улыбкой“.

Кончилось полной истерикой со стороны Мирры.

Съ рабочей вечеринки Мирра уѣзжаетъ въ гости къ достаточно пошловатымъ интеллигентамъ, встрѣчающимъ ее галантерейными любезностями.

Но, несмотря на всю эту галантерейность и пошлость, несмотря на подчеркиваніе авторомъ глубокаго различія между политическими взглядами этихъ интеллигентовъ и Мирры, она чувствуетъ себя среди нихъ, какъ дома, хорошо и просто...

Въ этихъ сценахъ, въ этихъ встрѣчахъ и разговорахъ запросто, по-душѣ,—тутъ-то ярко сказалось, что „ущербъ“, который рисуетъ намъ авторъ, выразилъ не только политическій, но и глубокій психологическій переломъ.

Обмелѣвшее „дѣло“ вызвало настоящій листопадъ когда-то живыхъ и жгучихъ словъ. Слова падали, какъ засохшіе листья, и уносились „вѣтромъ гонимыя“.

Они засохли и потеряли свою прелесть и привлекательность, оторванныя отъ дѣла. Обнаружилась иная сторона человѣка, волевая, эмоціональная. Выступила область чувствованій, подсознательныхъ влеченій.

И вотъ тутъ-то сталъ ясенъ глубокій психологическій ущербъ, острое разночувствіе при отсутствіи разномыслія.

Раздраженная упреками рабочаго Казенова, интеллигентка Целли *) горячо говоритъ:

— Простите, товарищъ, я ничего не говорила вамъ о братствѣ. Хотите правду? Хорошо! Я не могу работать среди васъ, такъ какъ не знаю васъ, не умѣю съ вами говорить.

Онъ не отвѣчалъ, но она была взволнована и говорила теперь быстро и громко, не нуждаясь въ его отвѣтахъ:

— Знаете, я никогда не приходила въ непосредственное соприкосновеніе съ пролетаріями, но я наблюдала, многое видѣла со стороны. Я замѣтила, что у рабочихъ бываетъ двоякаго рода отношенія къ намъ: одни обожаютъ насъ, особенно женщинъ, преклоняются предъ вами— правда, теперь такихъ уже мало; другіе относятся къ намъ... не скажу со злобою,—это будетъ слишкомъ сильно, а скорѣе съ вѣчнымъ глухимъ раздраженіемъ. Вы не согласны, товарищъ? Припомните, какую бурю негодованія вызываетъ интеллигентъ, не явившійся или запоздавшій на засѣданіе кружка, и какъ равнодушно относятся рабочіе къ тому, что интеллигентъ отмахиваетъ десятки верстъ и въ результатѣ вмѣсто обѣщанной сотни застаетъ десятокъ слушателей!.. Нѣтъ, это не то, что я хочу сказать... Это лишь мелочи... Но вы сами, товарищъ, воплощеніе этого раздраженія!

*) Работающая среди „своихъ“—интеллигентской молодежи.

Мелочи... Какія же это мелочи, когда вѣдь въ сущности взаимоотношенія людей на нихъ основываются?! Эти мелочи переплетаются въ нервную систему человѣка, и на всемъ протяженіи интереснаго романа г. Григорьева изъ этихъ якобы „мелочей“, какъ изъ кирпичей, вырастаетъ между рабочими и интеллигентами глухая стѣна взаимнаго раздраженія и непониманія.

Упреки, которые посылаютъ рабочіе интеллигентамъ, по существу дѣла требуютъ отъ послѣднихъ не одного провозглашенія политическаго и экономическаго равенства, но и проведенія въ жизнь психологическаго равенства, полнаго уравненія личностей.

Раздраженный и озлобленный рабочій Петровъ до конца дней своихъ не измѣнившій своимъ идеаламъ и погибшій на висѣлицѣ, горько говоритъ:

— Думаешь, твоя Целли распрекрасная женой рабочаго быть согласится? Держи карманъ пошире! Пролетаріевъ-то мы любимъ, но муженька пожалуйте намъ въ перчаточкахъ, въ лайковыхъ...

Еще одна прехарактерная черта: въ романѣ Григорьева не мало „романовъ“.

И тутъ проходитъ рѣзкая сословная грань: интеллигенты всѣ свои сердечныя увлеченія, за однимъ лишь исключеніемъ, ограничиваютъ интеллигентской средой.

Героиня романа, Мирра увлекается критикомъ, открыто презирающимъ соц.-дем., издѣвающимся надъ нею и съ которымъ у нея нѣтъ никакихъ интеллектуальныхъ точекъ соприкосновенія.

Лида, увлекающаяся соц.-демократическимъ ученіемъ изъ фразерства и позерства, флиртующая съ рабочимъ изъ честолюбиваго желанія покорить его своими чарами, приходитъ въ ужасъ и грозитъ позвать полицію, когда вспыхнувшій страстью рабочій Петровъ бурно объясняется ей въ любви.

Когда то же продѣлываютъ интеллигенты, Лида о полиціи не упоминаетъ...

Получается картина чрезвычайно тягостная.

Авторъ дѣлаетъ подъ ней надпись: „На ущербѣ“ и мѣстами какъ бы даетъ понять, что кончится же „ущербъ“. Это, конечно, такъ.

„Спереди солнце заходитъ, сзади восходитъ опять“, какъ утѣшалъ плачущую барышню Гейне.

Солнце, конечно, вновь взойдетъ и уже восходитъ. Та полоса маразма и общественнаго распада, которую изображаетъ авторъ, пройдетъ, она уже проходитъ.

Но это разночувствіе интеллигентскаго и рабочаго міра не пройдетъ.

Кто виноватъ въ этомъ?

Теперь очень многіе склонны видѣть въ интеллигенціи ту Паулину, которая во всемъ виновата.

И, конечно, вины за ней не мало. Рабочіе въ романѣ Григорьева имѣютъ основаніе попрекать ее за многіе тяжкіе грѣхи.

Но въ одномъ она не виновата, не виновата въ томъ, что условія историческаго и личнаго воспитанія сдѣлали ее эмоціонально иной, чѣмъ рабочій классъ.

Когда-то, въ семидесятые годы, русскіе интеллигенты, которые шли въ народъ, хотѣли сознательно устранить это различіе условій жизни и развитія. Они стремились къ опрощенію, какъ къ средству полнаго сліянія съ народомъ.

Этотъ испытанный путь опрощенія доказалъ свое безсиліе.

И открывается путь иной—усложненіе жизни рабочихъ классовъ.

Втягиваясь въ культурную жизнь страны, поднимая свой интеллектуальный уровень, выходя изъ своего тѣснаго сословнаго гетто въ широкій міръ, рабочій классъ все больше пріобщается къ общекультурной жизни міра, онъ выдѣляетъ свою интеллигенцію, создаетъ свою прессу.

И эта новая, рабочая, интеллигенція является въ рабочемъ классѣ носительницей идеала не только политическаго и экономическаго, но и психологическаго равенства, ее соединяетъ съ рабочимъ классомъ уже не только общность взглядовъ, но и общность чувствованій.

И, быть можетъ, это усложненіе рабочей среды сыграетъ для партійной интеллигенціи ту роль, которую безсильно было сыграть опрощеніе интеллигенціи семидесятыхъ годовъ".

Власть тьмы.

(„Повѣсть о днях моей жизни" Вв. Вольнаго).

Люди всегда и вездѣ люди, толпа была и остается толпой. Сегодня она съ восторгомъ кричитъ „осанна", а завтра съ такимъ же увлеченіемъ будетъ вопіять: „распни его!" Звѣрь и дикарь въ человѣкѣ не умерли и, увы, не умираютъ. Придетъ ли время, когда наконецъ потеряетъ свой смыслъ трогательная, завѣтная молитва: „Отче! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ"?..

Въ „Завѣтахъ" за прошлый годъ печаталась автобіографическая повѣсть Ивана Вольнаго: „О днях моей жизни, радостяхъ моихъ и злоключеніяхъ". Обширная повѣсть эта, одна изъ наиболѣе выдающихся—по художественной свѣжести, простотѣ, правдивости и силѣ—литературныхъ произведеній минувшаго года (тѣмъ болѣе замѣчательная, что написана *начинающимъ* авторомъ, притомъ крестьяниномъ, выбившимся въ люди), повѣсть эта даритъ читателю цѣлый рядъ удивительно жизненныхъ сценокъ и цѣлую галлерею выпуклыхъ типовъ деревни. Мы передадимъ здѣсь лишь одинъ эпизодъ, самый характерный, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сходятся „лучи" названной повѣсти, освѣщая самое кошмарное въ деревенской жизни—вѣковѣчнымъ проклятіемъ тяготѣющую надъ забитыми, безпомощными деревенскими обитателями *власть тьмы*. „Не вѣдаютъ, что творятъ"...

Кажется, не было въ Мокрыхъ Выселкахъ мужика бѣднѣе, горемычнѣе Егора Пазухина. Но Егоръ на старости лѣтъ почувствовалъ вдругъ себя счастливѣе всѣхъ своихъ односельчанъ: Богъ благословилъ его напослѣдки смышленымъ сыномъ, который легко и успѣшно одолѣвалъ школьную премудрость. Егоръ рѣшилъ, что для его Васютки церковно-приходской школы мало: надо парнишкѣ во что бы то ни стало пройти и дальнѣйшую „науку", подобно „господскимъ робятамъ". Послѣ разныхъ мытарствъ старикъ добился своего: съ мальчикомъ занялся учитель дальняго села Городища, и вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ подготовилъ его въ учительскую семинарію. Василій блестяще оправдалъ надежды и родителя и учителя: былъ принятъ въ семинарію даже на казенный счетъ.

„Успѣхъ Васи окрылилъ Егора. Сразу и навсегда замерли въ душѣ его тяжелыя сомнѣнія, растравляемыя въ теченіе четырехъ лѣтъ насмѣшками сосѣдей; родилась увѣренность, что всѣ заботы не пропали даромъ.

Этотъ же успѣхъ заткнулъ глотку пустословамъ: куда-то далеко спрятались ехидныя улыбочки, презрительное фырканье и лицемѣрныя сожалѣнія о томъ, что старикъ губитъ сына, отрывая его отъ крестьянскаго дѣла; замолкли и пророчества о томъ, что Вася избалуется, привыкнетъ къ легкой жизни, сладкой пищѣ и прогулкамъ, а стараго отца съ матерью забудетъ: наоборотъ, всѣ стали завидовать Егору и всячески выхвалять сына, вспоминая, какъ онъ еще въ дѣтствѣ былъ смышленъ и ласковъ, никогда ни съ кѣмъ не дрался, отцу помогалъ исправно, матерщины не любилъ, а праздники сидѣлъ за книгою.

На Ивана Богослова Егоръ зашелъ какъ-то въ лавку за керосиномъ. Шавровъ (лавочникъ, мѣстный кулакъ) поздоровался съ нимъ за руку, чего съ роду родовъ не было, расправилъ

огненную бороду и, кипая на самоваръ, сказалъ:

— Чайку чашечку не хочешь?

Въ лавкѣ толкалось много мужиковъ. Всѣ вздохнули и почтительно посторонились, услыхавъ, какъ потчуютъ Егора, а Созонтъ Максимычъ крикнулъ:

— Власихъ, принесп кубареточку Егору Митричу! — и, наливая стаканъ рыжаго, спитого чая, умильно спросилъ:

— Отъ Васютки слушку пѣтъ?

Егоръ расплылся въ радостную улыбку, тряхнулъ лохмотами, на которые теперь не обращалъ вниманія, и съ готовностью отвѣтилъ:

— Какъ не быть, намедни получилъ письмишко.

Вытащивъ искомканный, просаленный конвертъ, онъ бережно подалъ его Шаврову, а тотъ зачѣмъ-то нацѣпилъ на носъ очки, сдѣлалъ лицо строгимъ и торжественнымъ, поглядѣлъ по сторонамъ, прокашлялся и вымолвилъ:

— Ну, слушайте. Читай, Демидъ.

Голубоглазый мужикъ въ поярковой шляпѣ, сдѣлавъ чапельникомъ губы, взялъ въ руки письмо, остальные грудью налегли на стойку, послышались вздохи и шопотъ одобренія:

— Ай-да, малый!

— Ну и Васька, будь онъ трижды проклятъ!

— Вотъ тебѣ, гляди-ко!..

Въ письмѣ Василій перечислялъ всѣ науки, которымъ обучался въ семинаріи, и книги, какія читалъ. Мужики улыбались отъ непонятныхъ словъ и галдѣли:

— Могарычъ бы съ тебя, Митричъ: этакое, можно сказать, счастье!

— Ну-ко, сообрази: по девяти копижкамъ, собака, жарилъ, вѣдь это съ ума надо сойти, глаза мои полопайся.

— Вотъ тебѣ мужицкій сынъ!.. Ты куда же его теперь, Егорушка, дѣнешь-то,—а? Ишь, наша пропастная деревня ему теперь покажется овиномъ,—а?

— Ахъ, ты, братъ ты мой!

— Онъ, поди, теперь, какъ баринъ, ходитъ... Слышь, Егоръ, какъ баринъ, молъ, разгуливаетъ?

— Да, теперь онъ на мужика не похожъ,— отвѣчалъ Егоръ, обращаясь то въ ту, то въ другую сторону.—Теперь онъ—какъ поповскій сынъ, какъ Вилямовъ Гавриловичъ.

— А у тебя, ну ко-ся, хата по-черному, чума ее возьми,—а? Вотъ наказанье-то!..

Шавровъ, играя перстнями, задумался.

— Въ случаѣ чего, можно ко мнѣ въ горницу,—сказалъ онъ ласково:—пускай прохлаждается, сколько душѣ угодно, у насъ — тихо...

Мужики раскрыли ротъ отъ изумленія. Кто-то, затаивъ дыханіе, прошепталъ:

— А вѣдь пра-авда!..

— Господи, ну, какъ не правда!—въ одинъ голосъ подхватили всѣ.—Больше некуда, какъ только къ вамъ, Созонтъ Максимовичъ, ей-Богу, право!.. Ужъ вы потѣснитесь какъ-нибудь, пожалуйста!..

Шавровъ отвѣтилъ:

— Да вѣдь она у меня свободная, горница-то: мнѣ даже и тѣсниться не-зачѣмъ.

Климъ Поздринъ, сосѣдъ Шаврова, тотъ, что больше всѣхъ ругалъ Васю за ученье, буркнулъ, конмряя потемъ стойку:

— Изъ курной-то да—въ горницу, это я понимаю.

— Что же, онъ не стоитъ по-твоему, ай что? — загалдѣли мужики, краснѣя: — Знамо дѣло, ему теперь нуженъ чистый воздухъ!

Климъ умолкъ. Ошеломленный Егоръ сидѣлъ съ выпученными отъ непривычки глазами, а кругомъ кричали, какъ на сходкѣ, спорили и переругивались, чуть не хватая другъ друга за воротки. Привлеченные шумомъ, съ улицы заходили новые посѣтители и, узнавъ, въ чемъ дѣло, и прочитавъ письмо, такъ же горячо и съ тою же заботливостью принимались разсуждать о томъ, какъ и гдѣ Васю устроить".

Пришла весна. Василія ждали домой на каникулы.

„Станція отъ Мокрыхъ Выселокъ—рукой подать, машина ходитъ въ поздній завтракъ, а Егоръ всю ночь сидѣлъ на конкѣ, боясь проспать, и уѣхалъ, когда еще только чуть-чуть забрезжило въ окнахъ.

... Старуха Пазухина, мать Васютки, разметала передъ хатой улицу. На крыльцѣ, добродушно посмѣиваясь, стоялъ принарядившійся Созонтъ Максимовичъ, около—сновали бабы и дѣтишки. У насъ тоже мыли горницу къ пріѣзду. Дочери Егора, Пелагея съ Домной, то-и-дѣло бѣгали на задворки, чтобы взглянуть — не ѣдутъ ли.

— Какъ бы у насъ лапша-то не перепрѣла!—кричала старуха Анна.—Полячка, мила, ткнись въ печку—лапша-то, молъ, кабы не перепрѣла!..—Она то смѣялась, то, бросивъ метлу, садилась на дорогѣ и, съ радости, вопила въ полный голосъ, а сосѣдки ее уговаривали и сами хныкали. Одинъ за другимъ къ Созонту Максимовичу подходили мужики, побросавшіе работу, спрашивая:

— Ну, что скоро, али нѣтъ еще?

— Одиннадцатый часъ, пора, — говоритъ

Шавровъ, вертя въ рукахъ серебряные, съ бубликъ величиною часы.

Вася съ отцомъ выѣхали съ другого переулка, откуда ихъ не ждали, и Созонтъ Максимовичъ даже немного обидѣлся за это.

— Словно на-смѣхъ,—проворчалъ онъ.— Ихъ ждешь съ большака, откуда много ближе, а они прутся съ полей: тоже норовятъ смудрить, какъ-нибудь навыворотъ уладить...

Егоръ сіялъ, какъ новый самоваръ. На телѣгѣ, до верху для мягкости набитой сѣномъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ, оторопѣвшій отъ такой встрѣчи и отъ такого множества народа, бѣлокурый паренекъ съ большими, синими глазами, худенькій, немного блѣдный, коротко подстриженный, съ пріятнымъ, дѣвичьимъ лицомъ. На немъ—суконная, господская шинель съ серебряными пуговицами; темно-синій картузъ при звѣздѣ и новая курточка, изъ-подъ которой выглядываетъ тонкій краешекъ бѣлоснѣжнаго воротничка.

— Сыночекъ, Васенька!—закричала мать, бросаясь къ телѣгѣ. — Дѣточка ты моя ненаглядная, соколикъ ясный!..

Парень соскочилъ съ веретья, крѣпко обнимая залитую слезами старуху. Сбоку прижались плачущія сестры, становясь на цыпочки, цѣлуя его въ щеки, въ голову и суконную одежду. Егоръ бережно, словно икону, держалъ въ рукахъ свалившійся картузъ Васютки, потихоньку гладя козырекъ и сдувая пыль съ околыша.

Въ толпѣ гудѣли:

— Вотъ это я понима-аю!.. Вотъ это, братцы мои, ловко!..

— Пуговицы-то, пуговицы-то, Господи!

„Книжка", высокій, тощій мужикъ, сипѣлъ двоюродному брату, крутя головой:

— Микитъ, ты слышь, гляди-ка: ну, прямъ, не отличишь отъ Винамей Гаврилыча, грозой меня убей, ну, прямъ, не отличишь!..

— Экось, сучьяго сына, до какихъ дѣловъ дотяпался: въ перчаткахъ, сѣрые портки на улицу,—ажъ страшно!.. Вотъ такъ Васенька-Васенокъ, вотъ такъ молодчинище — за всю деревню постарался!..

Потомъ, какъ въ церкви, мужики стали въ порядокъ и одинъ за другимъ подходили къ пріѣзжему здороваться. Нѣкоторыя безтолковыя бабы, по забывчивости, крестились, цѣлуя его, а опомнившись сплевывали и говорили:

— Ахъ, ты, чума тебя возьми, миленка,— словно къ Миколай-угоднику присунулась!..

Глядя на ноги, смѣялись:

— Ты, по-бабьи, въ полсапожкахъ, дѣточка! не холодно зимой-то? Пальчики не мерзнутъ?

Сзади, отъ дверей, раздался испуганный шопотъ:

— Робятъ, что-жъ вы Созонтъ Максимычато,—а? Вы о чемъ же думали? Его надо передомъ; вотъ безтолочь какая!.. Робятъ, пропустите, ай оглохли?.. Потѣснитесь малость... Къ сторонкѣ, къ сторонкѣ... Ну, и наказаніе, ей-Богу... Староста, чего-жъ ты пялишь бѣльма — доставай медаль и въ шею, кто заслужитъ!..

— Эй, вы, а то ж-живо!—взмахнулъ палкой Морозенокъ, братъ старосты.—Чиш-ше!..

Размякшій отъ всеобщаго почета, Шавровъ крякнулъ, оправилъ жилетку, подойдя, троекратно поцѣловался съ Васей, а съ Егоромъ поздоровался за руку и, ласково улыбаясь, проговорилъ при гробовой тишинѣ:

— Пойдемъ ко мнѣ, Егорычъ, на чашечку чая: я ужъ бабамъ приказалъ наладить самоваришко.

Лица у всѣхъ, послѣ словъ Созонта Максимыча, стали такими, будто каждому положили въ ротъ по куску сахара или по конфетѣ.

— Чаевать зоветъ... Самоваръ, батъ, съ самаго утра фырчитъ; пожалуйте, гритъ, милости васъ просимъ,—зашептали бабы.

Но стоявшая рядомъ съ Василіемъ мать замахала руками:

— Нѣтъ, Созонтій, ужъ онъ нынче пусть у насъ побудетъ: чаю у насъ тоже прорва наготовлена.

Бабы ее сзади дергали, щипали за крестцы, шипѣли:—Замолчи, дуреха! замолчи!..—а она не унималась:

— Чаю у насъ даже не повыхлебать!

— Вашъ-то въ чугунѣ, навозомъ, поди, пахнетъ, отъ него стошнитъ... — мягко замѣтилъ Шавровъ.

— Ничего, родимый, ужъ мы какъ-нибудь, по бѣдности своей, наладимъ въ чугунѣ... А къ тебѣ онъ завтра утречкомъ примчится... Какъ только проснется, такъ и привалитъ...

— Ну, какъ хочете,—сказалъ хозяинъ, разобиженный.—Какъ вамъ угодно, я всѣмъ сердцемъ... Если, въ случаѣ, понадобится сахаръ или коппасеи, приходите въ лавку... Опахалъ картошки?—обернулся онъ ко мнѣ.—Дрова бы сложилъ въ кучу; бѣгаешь по всѣмъ мѣстамъ, какъ полоумный!..—Вытуливъ хребетъ и какъ-то по особому, не по-шавровски, разставляя ноги въ свѣтлыхъ сапогахъ, Созонтъ Максимовичъ побрелъ къ себѣ...

Вася перецѣловался со всѣми, сколько у избы народу ни было, всѣмъ пожималъ крѣпко руки и приговаривалъ:

— Ну, здравствуйте!.. Ну, здравствуйте...

Живы—здоровы? Вотъ и слава Богу, вотъ и хорошо!..

Подходя ко мнѣ, спросилъ у „Книжки“:

— А это чей же такой тощенькій? Я его что-то не знаю.

— А это, Василій Егоровичъ, работникъ Максимыча,—закричало нѣсколько голосовъ.— Его—Ванюшка осташковскій, грамотей хорошій, читарь, но только, конечно, противъ васъ—въ подметки не годится!..

Вечеромъ подвыпившій Егоръ плясалъ на старости годовъ „камаринскаго мужика“ и называлъ себя удаленькимъ молодчикомъ, старуху — душой-дѣвицей и лѣзъ къ ней жировать, а у насъ—Шавровъ, смертельно пьяный, таскалъ по полу окровавленную Гавриловну, бабу свою, за волосы, а изъ покраснѣвшихъ глазъ его потокомъ лились слезы.

— Тварь послѣдняя ликуетъ, а я ни къ чему живу!.. У-у-у, сволочи паршивыя, безъ ножа порѣжу всѣхъ!..

И тамъ, и тутъ,—у Пазухиныхъ и у насъ,— подъ окнами стояли ротозѣи...

Утромъ по деревнѣ прошелъ слухъ, что Васька-дворянинъ обулся въ лапти, надѣлъ синюю, посконную рубаху, такіе же портки и, стоя по колѣна въ лужѣ, помогаетъ отцу чистить хлѣвъ. Первыми на такое чудо сбѣжались ребятишки, черномазыми чертами облѣпившіе заборъ, потомъ у сосѣдокъ оказалась недохватка по хозяйству и всѣ побѣжали къ Пазухинымъ, за бабами—мужики.

— Что, Василій Егоровичъ, не хотите нашей крестьянской работушки забыть?—участливо спрашивали они, перемаргиваясь между собою и любопытно заглядывая парню въ лицо.—Тянетъ къ землѣ-матушкѣ? Ужъ это безпримѣнно такъ!..

А бабы выли:

— Ну-ко-сь: руки-то — какъ сахарныя, а онъ вилами-тройчатками копаетъ!.. Егоръ, ты постыдился бы маленько,—а? Вѣдь этакъ ты испортить можешь, ты надъ этимъ думалъ, несъ?

Сконфуженный старикъ ворчалъ:

— Господи помилуй, развѣ я его неволю; онъ самъ охотится... Я говорилъ ужъ: бросьте, молъ, а онъ—свое... Какой же я ему теперь указчикъ, у него мозги повире...

Вскорѣ изъ двора во дворъ стали ползать сплетни и ехидныя усмѣшечки: Васька-то, де, одну зиму поднорянился, а къ лѣту не годился—вытурили, но только онъ куражится и никому о томъ не сказываетъ. Другіе же не вѣрили, что парень выгнанъ изъ училища, но тѣмъ не менѣе ругали его еще пуще, говоря, что разъ дошелъ до господской линіи, лѣзть въ черную, крестьянскую работу — срамъ и чванство, и смотрѣть на это даже со стороны обидно, а Егоръ — дуракъ плѣшивый, если позволяетъ сыну куралесить.

— Читалъ бы подъ окошкомъ свои книги или на гармоніи зажариваль, а то—напо-озъ!.. Мы знаемъ эту моду, насъ, братъ, не объѣдешь, даромъ что мы не учены!.. Гляньте, молъ, робята: грамота мнѣ — словно тьфу, а окромя того—работать понимаю, одно слово— золотыхъ дѣлъ мастеръ!..

— Га, пугать задумалъ, мы и такъ пужливы!.. Сѣлъ за книжки, значитъ, и сиди, какъ чортъ, а то—гуляй по холодочку, это— твое дѣло, это мы очень хорошо понимаемъ, а навозъ мой Пращуръ чистилъ!.. Баетъ: нечего орясничать, работать надо, ну, и гнись, козелъ глумной, потѣй, смѣши деревню!..

Багровый отъ злости Поздринъ, поганая душа, стоя безъ шапки, какъ собака, тявкалъ на всю улицу:

— Ты—муж-жикъ?.. Ты до причалу доволокся? Теперича ты — господинъ въ сѣрыхъ штанахъ и при медали? Такъ покажи мнѣ форсъ господскій, чтобы поглядѣлъ я и сказалъ: какъ-будто нашъ, простой, а куралеситъ лучше барина!.. А посконная рубаха? А лохматые портки? Рубаха ребра мнѣ истерла, а тройчатки вымотали силу!..

Вездѣсущій духъ—пастухъ Игнашка Смердъ— вздохнулъ, качая головою, вытеръ мутные глаза и прошепталъ:

— Охъ, брось, родимый Вася, бро-ось: пропахнешь нехоромымъ духомъ, не возьмутъ тебя больше господа къ себѣ въ училишну; оставь, зачѣмъ ты этакъ, глупый!.. Брось ихъ къ бѣсу, вилки-то; бросай, куда попало!..

Когда объ этомъ происшествіи узналъ Созонтъ Максимовичъ, то весь перекосился. Ночью дочь Любка захватила его въ крупорушкѣ съ Павлой (снохой); былъ онъ встрепанный и красноглазый, говорилъ осипшимъ голосомъ, пилъ квасъ со льдомъ, черезъ все лицо имѣлъ багровую царапину и съ постели на полу не поднимался.

— Ну-ко, слышишь, панъ Твардовскій, сбѣгай за Егоршей! — крикнулъ онъ мнѣ черезъ двери, грузно приподнимаясь на локтѣ. — Сей секундъ чтобъ!—и припалъ сухими, ярко-красными, съ налетомъ шелухи, губами къ мѣдной объемистой кружкѣ, до верху наполненной молодымъ, пѣнистымъ квасомъ.

Егоръ пришелъ безъ шапки, босикомъ, прямо оторванный отъ работы. Ноги его выше щиколокъ были вымазаны коричневымъ навозомъ,

между пальцевъ торчала прѣлая солома, а на лбу еще не высохли крупныя капли пота.

Одернувъ вздувшуюся на бокахъ пузырями рубаху, онъ перекрестился на иконы, воздоровался съ бабушкой Китовной, вопросительно уставившись въ лицо ей.

— Въ горницу пройди, Егорушка, онъ тамъ,— не поднимая головы промолвила старуха. Исторія прошлой ночи пришибла ее, и бабушка съ утра ни съ кѣмъ не разговаривала, сидя на залавкѣ и вытирая время отъ времени рукавомъ слезинки.

Весело ухмыльнувшись, Егоръ створилъ стеклянныя двери въ горницу и, увидя на полу, на нестромъ, самодѣльномъ коврикѣ Созонта Максимовича Шаврова, подмигнулъ:

— Али голова болитъ? Вставай, вставай, невѣсты у воротъ заждались; ахъ ты—соня!.. Вотъ дрыхнуть-то здоровый, батюшки мои! — замоталъ онъ головою.

— Ты мнѣ сколько долженъ?—скаля зубы, злобно переспилъ его Созонтъ Максимовичъ, и лицо его сразу налилось кровью, а губы побѣлѣли.

Егоръ оторопѣлъ.

— Да какъ тебѣ сказать, чтобъ несбрехнуть, — уже насильно улыбаясь, хотя втайнѣ и думая, что Шавровъ шутитъ, пролепеталъ старикъ: — ковша три опохмѣлки, что? Это можно въ одинъ минтъ сварганить, бабъ-то нѣту; хе-хе-хе!..—Заглядывая хозяину въ глаза, Егоръ тряс длинной бородой и хлипалъ.—Мы, не хуже твоего, вчерась тоже порядочно клюкнули, а нынче съ самаго утра вотъ тутъ шурумъ-бурумъ.—Егоръ дотронулся до лба и до висковъ. — Квасъ-то у тебя никакъ свѣжій? Глотну маленько, можетъ отойдетъ отъ сердца...

Но Шавровъ порывисто дернулъ кружку изъ-подъ самаго носа Егора, и квасъ расплескался по ковру и по полу.

— Въ дворяне записался, чортова паскуда?— схвативъ себя за грудь, прохрипѣлъ Созонтъ Максимовичъ, трясясь и пуча красные глаза.— Въ дворяне? Заплати долги сначала, а потомъ дворянься, а покамѣстъ я въ деревнѣ дворянинъ, а ты и твой щенокъ — холопы мнѣ!.. Перчатки, бляху на картузъ, ошейники, въ дворяне? Деньги дай!.. Зарѣжу, твари безживотныя!..

Шавронъ вскочилъ съ постели, покружился, какъ разъяренный быкъ по горницѣ и, отыскавъ за большимъ стѣннымъ зеркаломъ, съ краевъ облѣпленнымъ конфетными бумажками и водочными ярлыками, связку акаціевыхъ бирокъ, вытащилъ одну изъ нихъ и, насмѣшливо и съ ненавистью глядя на перепуганнаго старика, прошипѣлъ:

— Шесть красныхъ и семь гривенъ, чуешь? Черезъ недѣлю я у тебя послѣдніе портки продамъ, если сполна не представишь... Пошелъ, лярва, вонъ!..

Пришибленный Егоръ, виновато улыбаясь, потный, съ трясущимися отъ стыда и гнѣва руками, какъ-то бокомъ, пряча вторую слезящіеся глаза, прошелъ черезъ теплушку, долго шарилъ руками у притолки, хотя дверь была настежь отворена, и безсмысленно, какъ по мягкой овчинѣ, спустился съ крыльца. Почему-то было жалко и смѣшно смотрѣть на его круглую, загорѣлую лысину, похожую на новый, хорошо выжженый горшокъ, еще мало побывавшій въ печкѣ и не обкоптившійся, на сѣдые, спутанные волосы, узенькой полоской идущіе по затылку отъ уха до уха, въ которыхъ торчалъ старый ржаной колосъ, на длинную, тонкую, морщинистую, какъ неудойное коровье вымя, шею и на грязные, въ заплатахъ, нестрядинные штаны, мѣшкомъ свисавшую мотню, на спиную рубаху, отъ лопатокъ до крестцовъ пропитанную потомъ, а съ подола—жеванную...

—

Былъ на исходѣ лѣтній вечеръ. Червоннымъ золотомъ подернулась парча далекихъ облаковъ; легкой, сѣроватой дымкой окуталось небо. Заблестѣли коньки крышъ, пожаромъ зажглись окна, поперекъ дороги легли длинныя строгія тѣни. Мягкая, лиловая, полупрозрачная на заходящемъ солнцѣ пыль, поднятая телѣгами и прошедшимъ съ поля стадомъ, неподвижнымъ туманомъ заволокла улицу. Серебряныя нити послѣднихъ лучей, стрѣлами протянувшіяся отъ еле видныхъ щелей въ досчатомъ заборѣ, боролись съ надвигающимися сумерками, печально блѣднѣя и тая.

Изъ горницы, черезъ дворъ, неслись визги и дикія, пьяныя пѣсни Шаврова, второй день купившаго съ дѣячкомъ и работниками; подъ навѣсомъ, склонивъ голову на грудь, сидѣла Любка; Гавриловна съ Варварою*) доили коровъ, бабушка ушла отъ стыда къ сосѣдямъ".

У Шавровыхъ бражничали всю ночь, перепопли всю деревню. А утромъ разыгралось слѣдующее.

„... Пьяный Шавровъ, одѣтый въ желтую, полушелковую рубаху и плисовые шаровары, сидѣлъ въ тарантасѣ. Жирно политые лампадными масломъ волосы его блестѣли, разстегнутый воротъ рубахи обнажалъ широкую грудь въ рыжей шерсти; померкнувшіе оловянные глаза безсмысленно таращились. Рядомъ съ нимъ, по правую руку, вертѣлся дѣячокъ-пріѣ-

*) Другая невѣстка Шаврова.

ятель, гдѣ-то съ ногъ до головы выдѣлавшійся въ навозѣ; по лѣвую — работникъ, Вася-батюшка,—чинный и благообразный, въ вышитой темно-красной бордовой рубахѣ и полосатой, съ хозяйскаго плеча, жилеткѣ, а на козлахъ, въ сарафанѣ и розовомъ платкѣ,—второй работникъ, Пахомъ. Въ тарантасъ, пестро украшенный лентами, было запряжено штукъ двѣнадцать пьяныхъ бабъ. У каждой наискосъ—черезъ плечо подъ мышку—лямка. Бабы—молодыя, лучшія изъ Мокрыхъ Выселокъ. Впереди ихъ, парами, стояли музыканты, держа наготовѣ балалайки, косы, бубны, старыя ведра и заслонки изъ печей; за ними—дѣвки, перевязанныя парнями, и парни, перевязанные дѣвками; лица парней вымазаны сажей, а на головахъ—высокіе соломенные колпаки. Сзади тарантаса, межъ полукольца нарядныхъ мужиковъ и бабъ, на привязанной къ оси коровѣ, сидѣлъ счастливо улыбающійся Власъ (придурковатый сынъ Шаврова), закутанный въ голубое байковое одѣяло.

И надъ всѣмъ этимъ, какъ кошмаръ, стоялъ пестовый хохотъ, матерщина, свистъ и пѣсни. А по задворкамъ, гдѣ на картофельныхъ полосахъ ходила безпризорная скотина, прятались между пучковъ соломы перепуганныя дѣти и старухи. Съ голубого неба радостно свѣтило васковое солнышко, плыли шапочками облака, на крышахъ мирно ворковали голуби и щебетали ласточки.

Станъ на четвереньки, Климъ Ноздринъ, одѣтый въ вывороченную шубу, лаялъ на жеребенка-сосунка, а жена его, хватая Климa за ногу, кричала:

— Встань, дворной, а то штаны порвешь—они три гривны за аршинъ!.. Не лай, а то ударю чѣмъ-нибудь!..

Жеребенокъ пятился отъ Климa и предостерегающе стучалъ точеной ножкой.

А Шавровъ, склонивъ на грудь голову, сидѣлъ въ тарантасѣ неподвижно, временами лишь устало поднимая руку и прикладывая ее, словно силясь что-то вспомнить, къ блѣдному, потному лбу. Это что-то, очевидно, было очень важное, нужное, спѣшное, потому что лицо его мучительно кривилось, глаза еще глубже уходили подъ щетинистыя брови, широкая спина сутулилась, а плечи низко, безнадежно опускались...

И не въ состояніи вспомнить, онъ, какъ сквозь сонъ, поднималъ тупые, безсмысленные глаза на бабъ, и тогда руки его плетью падали въ колѣни.

Вдругъ, очевидно, по данному сигналу, раздался оглушительный трескъ и звонъ заслонокъ, а за ними сотни пьяныхъ глотокъ застонали и завыли что-то.

Вытянувшись пестрымъ холстомъ, съ тарантасомъ посрединѣ, толпа неслась, какъ сумасшедшая, вдоль улицы. Недавней задумчивости Шаврова будто не было: привставъ, держась рукою за дьячка, онъ икалъ, матерщинничалъ, подбрасывалъ картузъ; ему подобострастно подражали; Пахомъ хлесталъ вожжами по вспотѣвшимъ бабамъ; Вася-батюшка скромно хихикалъ, а впереди, силясь въ кругъ, отступая и сходясь, танцовали ряженые, дребезжали косы, ведра, прозвонки и колокольчики... Присѣдая на карачки, тощій замухрышка съ наслажденіемъ билъ ладонью въ бубенъ, тоненько, надсадливо, крича:

Устюшкина мать
Собиралась умирать:
Ползаетъ, икаетъ,
Ногами брыкаетъ...

Рядомъ съ нимъ беременная баба, высоко закинувъ голову и обнажая синія, цынготныя десны, ревѣла во всю мочь, прикладывая руку къ щекѣ:

Я-б-ба рада... тебѣ воспитала,
Только въ грудяхъ нѣту... моихъ молока.

Оглядываясь по сторонамъ, она дергала подбородкомъ, и большой ротъ ея, какъ пушечное жерло, выбрасывалъ осколки словъ:

Пон-несу... эт-ту малю-утку
Ко се-ст-ри...цѣ своей ко родной...

Взметая мусоръ, орава вихремъ пронеслась по улицѣ на другой конецъ деревни, оставляя за собою груды пьяныхъ, ползавшихъ въ пыли на четверенькахъ.

На обратномъ пути, противъ наглухо закрытаго дома Пазухиныхъ, Шавровъ велѣлъ остановиться.

— Почему Егорши нѣтъ? — спросилъ онъ, глядя на толпу. Приказъ мой былъ, ай нѣтъ?

Музыка ударила „камаринскаго“.

— Помолчите!—ощетинился хозяинъ.—Гдѣ Егорша съ дворянкомъ?

— Не знаемъ,—сказалъ за всѣхъ Игнашка Смердъ:—спрятался, должно быть...

— Стучи въ двери!..

Шавровъ потемнѣлъ, золъ, глаза полуприкрыты.

Климъ Ноздринъ сталъ колотить щеколдой.

— Не слышишь, старый дьяволъ, — тебя требуетъ Созонтъ Максимычъ!.. Отворяй живѣе!..

Домъ словно вымеръ. Ноздринъ ударилъ въ дверь ногою. Къ нему подскочили на подмогу, и шаткія стѣны задрожали, какъ живыя.

— Молчитъ, рвань—прислушался!—ухмыльнулся Власъ.—Ужо-ко слѣзу я.

Скромный Вася-батюшка, доставъ изъ кармана вчетверо сложенный кубовый платочекъ, аккуратно вытерся и поглядѣлъ на Шаврова.

— Пойтить, что-ли, мнѣ? — вздохнулъ онъ и, соскочивъ съ тарантаса, обошелъ вокругъ избенки.

— Все закрыто—со двора и съ улицы,— развелъ онъ руками. — Что за народъ, мать ихъ, курицу!..

Онъ неторопливо выдернулъ изъ стоявшей поблизости мяльницы дубовое било, попробовалъ въ рукѣ его и, подойдя къ окну, со всего размаха ударилъ въ раму. Стекла взвизгнули, разсыпавшись слезами, внутри кто-то ахнулъ, толпа заржала и засвистѣла.

Такъ же спокойно, степенно, улыбаясь, работникъ подошелъ ко второму окну, поднялъ било, приловчась, но двери изъ сѣней неожиданно раскрылись настежь и на порогѣ появился блѣдный, трясущійся Егоръ съ водоносомъ въ рукахъ.

— Разбойники! Побойтесь Бога!.. Братцы! Гдѣ же ваша совѣсть?.. Уб-бью, сволочи!..

Егоръ рванулся за порогъ, поднявъ надъ головою водоносъ; толпа шарахнулась и отступила.

— Тю-лю! Эй-эй! Га-га!..

— Бери его, лохматаго!..

— Цѣль въ морду биломъ! Швыряй биломъ!..

Опять откуда-то выпырнула жена Клима Ноздрина, схватила мужа за рубаху, награждая подзатыльниками.

— У тебя сколько кутятъ-то, мразь ты этакая, а? Четыре?— вращая желтыми бѣлками, выла она. — Оглушитъ тебя водоносомъ сдуру, а я съ ними тогда майся! Брось! Уйди, а то ударю чѣмъ-нибудь!..

И, обернувшись къ Егору, сжала кулаки, оскаливъ зубы:

— Ты это что-же, анаѳема, разбойничаешь,—а? Захотѣлъ въ острогъ? Ударь только, ударь! Я т-те-бѣ всѣ бѣльма выдеру, кудлатому мошеннику!..

Тяжело дыша, растрепанный Егоръ, какъ звѣрь среди борзыхъ метался у дверей, отбиваясь отъ градомъ сыпавшихся на него палокъ и кирпичей, но вскочившій съ козелъ Пахомъ бросился къ старику подъ ноги и повалилъ его на спину. Выпуская изъ рукъ водоносъ, Егоръ заплакалъ, а сосѣди, съ которыми еще только вчера онъ бесѣдовалъ, шутилъ, разсказывалъ про сына, схвативъ его за ноги и за руки, съ пѣснями и хохотомъ поволокли по улицѣ...

Другая же часть мужиковъ, подъ предводительствомъ Пахома и Власа, ворвавшись въ сѣни, отпихнула бросившуюся къ нимъ навстрѣчу старуху Анну, хватая Васютку.

Еще какъ только Егоръ отворялъ уличныя двери, выбѣгая на улицу съ водоносомъ, Вася взялъ изъ подъ лавки топоръ, становясь за спиною отца, но когда Егора повалили и поволокли по улицѣ, а въ сѣни вскочили Пахомъ и Власъ,—руки его не поднялись на убійство: не то безумнымъ страхомъ, не то жалостью забилось его сердце, лицо помертвѣло, топоръ самъ собою выпалъ.

Двѣ руки схватили его за плечи, другія двѣ рванули назадъ, онъ впился пальцами въ скамейку и замеръ, блѣдный, будто не живой.

— Тащи купать!—скомандовалъ Шавровъ.

И когда Васю, вмѣстѣ со скамейкою, которую такъ и не могли оторвать отъ него, волокли по выгону къ рѣкѣ, отъ сарая, хватаясь за животъ, хохоталъ до слезъ урядникъ, только что пріѣхавшій къ Шаврову.

— Дьяволы!.. Что вы дѣлаете, дьяволы?.. Охъ, я умру сейчасъ! Максимычъ, шутолюбный! Что ты выдумалъ?.. Охъ, я умру сейчасъ!.. Умру!..

Онъ повалился въ бричку и задергался, повизгивая, а бѣлая фуражка его со звѣздою откатилась въ подворотню.

Раскачавъ, Васю бросили въ рѣку. Онъ выпустилъ скамейку и, барахтаясь, поплылъ къ мосткамъ. Его вытащили за рубаху.

— Бросай еще!—сказалъ Шавровъ.

Его снова бросили и снова—до шести-семи разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не поспѣлъ и не сталъ падать отъ слабости. За все время Вася ни разу не крикнулъ, не сказалъ ни слова, крѣпко-крѣпко сцѣпивъ зубы; одни глаза огнемъ горѣли, но и тѣ къ концу стали тухнуть, лицо—млѣть, а губы—вянуть и дрожать...

Когда, брошенный въ послѣдній разъ, онъ не могъ уже выплыть, Пахому пришлось доставать его.

— Будетъ, что-ли? — вопросительно посмотрѣлъ Пахомъ на хозяина, держа Васю на рукахъ.

— Будетъ,—отвѣтилъ за Шаврова Власъ.

Его положили на траву.

— Очухайся маленько... Это, братъ, тебѣ не сѣрые портки на улицу!..

Вспотѣвшіе, достаточно усталые, мужики неторопливо поплелись въ деревню къ нашему крыльцу.

А тамъ толпились дѣти, все еще хохочущій рядникъ, Павла и обходчикъ Севастьяновъ.

... Давно уже спустился вечеръ, вызвѣздилось небо, на деревнѣ примолкъ шумъ и пѣсни, а я все еще сидѣлъ за околицей, въ хлѣбахъ,

погруженный въ потокъ новыхъ, горькихъ мыслей. Безконечно было жалко Васю. Представлялось, какъ теперь терзается онъ злобой и желаніемъ отомстить своимъ обидчикамъ и какъ сознаніе безсилія надрываетъ его сердце.

— Можетъ-быть, вдвоемъ придумаемъ? Спалить ихъ развѣ, сволочей? За одну бѣду— семь бѣдъ на ихъ проклятыя головы!..

Эта новая мысль окрылила меня.

— Пускай потомъ острогъ. Сибирь, пускай рвутъ тѣло на куски, зато злодѣйство втуне не останется.

И когда рѣшеніе созрѣло, я поспѣшно пошелъ къ Пазухинымъ.

Ночь была тихая, душная, безросая. Сѣрыя избы почернѣли и разбухли. Въ грудахъ щебни курлыкали жабы, дрались кошки, подъ повѣтями пищали и возились воробьи.

Обычно Вася спалъ въ сѣняхъ, на двухъ приложенныхъ къ стѣнѣ скамейкахъ, и я направился туда. Осторожно стукнулъ. Двери сами собой отворились.

— Вася!..

На соломѣ кто-то завозился.

— Чтъ жъ ты гдѣ лежишь? На постель бы шелъ... Это—я...

Я наклонился и—сейчасъ же отскочилъ: въ лицо меня лизнула Дамка, ихъ собака, а постель была пуста. Я обшарилъ сѣни и чуланъ, постоялъ на крыльцѣ и хотѣлъ было уже итти домой, какъ услышалъ странный шорохъ и хрипъ со двора.

Закутанный въ тулупъ, подъ навѣсомъ, на кострикѣ, лежалъ Вася, а въ ногахъ, обнявъ его колѣни и прижавшись головою къ нимъ,— Шавровъ, шепча:

— Дѣтка моя... Вася!.. Дѣтка моя... Дѣтонька умильная!.. Дѣтонька умильная!..

Высвободивъ изъ-подъ тулупа тонкую, худую руку, Вася молча гладилъ его волосы, а Шавровъ ползалъ, бился и хрипѣлъ, обливаясь слезами.

— Дѣтонька... Дѣтонька... Дѣтонька...

Хватаясь за заборъ, чтобъ не упасть, я опустился рядомъ съ ними.

* * *

... Въ третій разъ захлопалъ крыльями и закричалъ пѣтухъ надъ нами. Изъ сосѣдняго двора ему отозвался одинъ, потомъ другой, третій и черезъ минуту весь околотокъ огласился разноголосымъ пѣніемъ.

— Стунай, Ваня, отдохни: скоро разсвѣтъ,— дотронулся Васютка до моей руки.

Заря уже горѣла яркимъ полымемъ. Половина неба окуталась въ блѣдно-розовыя ткани, а другая—въ темно-синія, и на ней еще мерцали трепетныя звѣзды.

Надъ рѣкой и по выгону стлался легкій, свѣтло-сѣрый поползень—туманъ, предвѣстникъ сухменя.

Въ воротахъ, открывъ ротъ, раскинувъ руки и подогнувъ одну ногу подъ себя, храпѣлъ Власъ, а на одѣялѣ, съ которымъ онъ не разставался, рябко съ Волчкомъ.

Чтобы не будить домашнихъ, я черезъ окно влѣзъ въ теплушку, оттуда, мимо спящихъ бабъ,—прошелъ въ сѣни и, снявъ съ крючка войлокъ, легъ на полу, и только тогда почувствовалъ, какъ я разбитъ. Помню, ужъ слипались глаза и въ головѣ стало мутиться, а тѣло пропизала сладкая истома, еще одинъ мигъ, и я уснулъ бы, но вдругъ рядомъ, въ чуланѣ, гдѣ спала Варвара, кто-то зашаркалъ ногами и запыхтѣлъ.

— Должно быть, Власъ пришелъ, — подумалъ я.—Ломаетъ тебя, чорта страшнаго!..— и чтобы не слышать шороха, укрылся съ головой свитой.

Но возня не унималась. Сначала раздался испуганный шопотъ, потомъ визгъ, отъ одной стѣны къ другой кто-то быстро побѣжалъ босыми ногами, споткнулся, всхлипнулъ, кто-то торопливо раскрывалъ окно, къ нему подбѣжали, началась борьба... Я уже сидѣлъ, трясясь... Кто-то зажималъ кому-то ротъ, скрипѣлъ кроватью, на полъ шлепались подушки, кто-то хрипло, громко дышалъ, а кто-то другой отчаянно отбивался, силясь закричать, но ему мѣшали и этотъ—другой лишь тоненько, по-заячьи, пищалъ и бился... Потомъ на полъ сразу что-то грузно ухнуло, такъ что застонали половицы, и въ уши мои, какъ горячей смолой, плеснуло:

— Батюшка, не падо!.. Золотой, не трогай!.. Миленькій, грѣшно!.. Ой, пожалѣй, ой, пожалѣй!.. Ой, родненькій!.. Ой, бат-т...

Баба завизжала, словно подъ ножемъ.

— Убили! Кар-раулъ! Зарѣзали!—что есть силы закричалъ я, выбѣгая на крыльцо.— Православные, скорѣе! Православные!..

Двери изъ чулана съ трескомъ распахнулись, и Варвара, полуобнаженная, въ рубахѣ—ленточкамп, съ перекошеннымъ отъ ужаса лицомъ, рыдая, пробѣжала мимо.

Я завопилъ еще отчаяннѣй:

— Смертоубійство, православ-авные!

Схвативъ за воротъ рубахи, Шавровъ ударилъ меня сзади въ голову, зажимая ротъ, но изъ теплушки уже выскочили Павла, Любка, братъ хозяина Федоръ Тырпнъ и Гавриловна.

— Къ Варварѣ приставалъ... Хотѣлъ ее зарѣзать!..—лепеталъ я.—Всю рубаху на ней изорвалъ, меня ударилъ въ голову...

— Срам-никъ! — вся какъ-то сжавшись, блѣдная, прошептала Любка и, подойдя къ отцу, плюнула ему въ лицо, а сама упала на перила.

Послѣ этого всѣ разомъ завыли и закрутились по крыльцу. Гавриловна вцѣпилась мужу въ бороду, а онъ наотмашь хлесталъ ее кулакомъ по лицу; растерявшійся Федоръ безтолково метался, хватая то одного, то другого за руки, но, получивъ нѣсколько увѣсистыхъ оплеухъ отъ Шаврова, озвѣрѣлъ и вцѣпился ему въ волосы...

Сбитаго съ ногъ хозяина мы молотили поленьями, скамейкой, кирпичами — всѣмъ, что попадалось подъ руки, до тѣхъ поръ, пока не сбѣжались сосѣди и не разлили насъ водою.

Въ обѣдъ Варвару нашли удавившеюся..."

„Русскій духъ" въ иностранной художественной литературѣ.

(„Lukardis" Я. Вассермана).

Россія, загадочная русская душа, чуждая русская жизнь, въ частности и въ особенности—недавно пережитая нами революція, продолжаютъ сильно интересовать и вдохновлять западныхъ беллетристовъ и драматурговъ. Изъ послѣднихъ по времени попытокъ уловить художественнымъ чутьемъ „русскій духъ", осилить заманчивую задачу: чтобъ „Русью пахло"— болѣе удачная принадлежитъ извѣстному нѣмецкому (австрійскому) писателю Якову Вассерману. Сюжетъ его новаго, только что появившагося въ журналѣ *Die Neue Rundschau*, разсказа „Lukardis" таковъ.

Въ дни знаменитаго московскаго возстанія одинъ изъ усмирителей, молодой офицеръ Евгеній Падинскій, неожиданно переходитъ на сторону революціонеровъ. Сражаясь на баррикадахъ, онъ былъ тяжело раненъ. Новые товарищи недавняго врага революціи озабочены тѣмъ, чтобы спасти его отъ преслѣдованія полиціи, уже напавшей на слѣдъ Падинскаго. И вотъ офицера-революціонера наскоро прячутъ въ „домъ свиданій", гдѣ роль „возлюбленной" согласилась разыграть юная красивая дѣвушка Лукардисъ (Лукерья)—дочь генерала Шмоля.

„Лукерья мало знала о революціонномъ движеніи. Она жила въ атмосферѣ сладкихъ сновъ, сохранила еще воспоминанія о куклахъ, она еще внимала отголоскамъ задорныхъ любезностей женатыхъ мужчинъ и почтительныхъ ухаживаній холостыхъ, и все же она трепетала, какъ лѣсной звѣрь, который почуялъ отдаленный шумъ погони, грозное движеніе, кровь, страданіе и смерть. Она была готова дѣйствовать, сама того не подозрѣвая; бывали моменты, когда она испытывала страстное безпокойство, безконечную тревогу, какое-то повелительное желаніе разорвать кругъ лицемѣрной тишины, въ которомъ протекала ея бытіе".

Именно на эту-то Лукерью Шмоль, генеральскую дочь, и возложено было почему-то щекотливое и опасное порученіе. И Лукерья-Лукардисъ, несмотря на всю необычайность требуемой отъ нея жертвы, приняла рѣшеніе безъ колебаній, „услышавъ призывъ долга". Ее только смущала мысль о женихѣ, солидномъ, уровновѣшенномъ Александрѣ Михайловичѣ. Но когда попытались успокоить ее на этотъ счетъ, она холодно отвѣтила, что „ея женихъ никогда не допуститъ мысли о томъ, будто она способна совершить что-нибудь дурное или недопустимое".

„Въ 6 часовъ вечера Евгеній и Лукерья въ закрытомъ экипажѣ пріѣхали въ домъ свиданій. Онъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы казаться здоровымъ и элегантнымъ жуиромъ, а она всячески старалась, превозмогая охватывавшее ее отвращеніе, казаться игривой, беззаботной возлюбленной.

Лукерья пріѣхала нарумяненная и декольтированная. Она старалась быть кокетливой и болтливой, то-и-дѣло клала руки на плечи Евгенія, дѣлая видъ, будто его обнимаетъ.

Каждый разъ, когда лакей выходилъ изъ комнаты, на ея лицѣ появлялось выраженіе какой-то напряженности, будто она старалась что-то вспомнить, ибо ей стало казаться, что она оставила родительскій домъ уже много лѣтъ назадъ. Падинскій въ такія минуты глядѣлъ на нее со скорбнымъ удивленіемъ, искалъ ее какъ бы подъ маской, съ нѣмой жалобой— и ему бывало нелегко снова вызывать на лицѣ вынужденную улыбку при появленіи прислуги".

Наконецъ, они остались одни.

Они заняли двѣ комнаты. Падинскій пошелъ въ другую комнату, гдѣ свалился безъ силъ на двуспальную кровать. Лукерья помогла ему раздѣться. „Это—человѣкъ!—мысленно сказала себѣ Лукерья, у которой внезапно показались слезы на глазахъ, и съ какимъ-то страхомъ она вспомнила краснощекое лицо своего жениха, Александра Михайловича. Она обмыла и перевязала раны Падинскаго. Послѣдній ощущалъ нѣжныя прикосновенія ея рукъ, какъ ощущаютъ въ полуснѣ благоуханія. Онъ боялся оскорбить ее какимъ-нибудь благодарнымъ взглядомъ".

Падинскій заснулъ. Лукерья неподвижно си-

дѣла въ креслѣ. Она старалась вызвать въ душѣ своей образъ родителей, жениха, подругъ, знакомыхъ, образы ея прежней жизни. Но тщетно. Будто вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ она очутилась въ притонѣ. До ея слуха доходило болѣзненное дыханіе Надинскаго, она видѣла его блѣдное, красивое, отъ страданій уставшее лицо,—но и онъ казался ей далекимъ и недостижимымъ. Также доходили до нея реальные отзвуки ночной жизни притона. Подозрительные вздохи, сладострастные шорохи, одурманивающе-противные запахи, разгульная музыка. Всѣ эти звуки вызывали въ ней образы, которые ее тревожили, волновали, возмущали. Такой отвратительной она себѣ не представляла жизнь...

Надинскій застоналъ. Подала ему стаканъ воды и положила ему влажную повязку на лобъ. Вдругъ послышался сильный стукъ у воротъ. Въ домѣ все загадочно затихло. Евгеній и Лукерья были охвачены глубокой тревогой напряженнаго ожиданія. Однако скоро все успокоилось, и притонъ снова зажилъ своей ночной жизнью. Но эти нѣсколько минутъ ожиданія ихъ страннымъ образомъ объединили. Она въ тотъ моментъ забыла все на свѣтѣ, всѣмъ существомъ своимъ готовая отстоять его жизнь, а онъ весь былъ охваченъ безнадежнымъ страхомъ за ея честь и безопасность...

Надинскій снова заснулъ. Лукерья страшно устала и также хотѣла привлечь, но въ обѣихъ комнатахъ была только одна кровать. Тогда она подостлала себѣ на полу свое пальто, легла и сейчасъ же впала въ кошмарный полусонъ. Она слыхала сквозь дремоту стоны Надинскаго, ощущала къ нему какую-то ненависть, и все же чувствовала, что онъ сейчасъ только одинъ существуетъ для нея.

Наступило утро. Понадобилась свѣжая вода, чтобы обмыть раны Евгенія. Но надо было при этомъ внушить полное довѣріе прислугѣ. Лукерья рѣшилась на героическое средство. Она отперла дверь, легла въ кровать подъ одѣяломъ рядомъ съ Надинскимъ и позвонила горничной. Увы! Она „забыла“ раздѣться,—деталь, сейчасъ-же отмѣченная внимательной прислугой. Но этотъ „промахъ“ сошелъ благополучно, благодаря щедрымъ „на-чай“.

Снова она ему перевязала раны и снова потянулись томительные часы. Евгеній спалъ тревожнымъ сномъ выздоравливающаго, а Лукерья была погружена въ тяжелыя думы-видѣнія. Какъ все измѣнилось вокругъ нея, какъ все прошлое отошло отъ нея! Исчезло все: ея безпечная молодость, шумная Москва, родители и краснощекій Александръ Михайловичъ... Она видѣла передъ собой только одного человѣка—Евгенія Надинскаго, который безконечное количество разъ отражался въ стоявшихъ одно противъ другого трюмо...

Снова въ тревожной неподвижности прошелъ день и наступила ночь, снова закипѣла жизнь въ притонѣ. Все дальше и дальше отходила отъ Лукерьи прежняя жизнь. Ночью она прикурнула какъ-то, сидя въ креслѣ возлѣ кровати Надинскаго. Во снѣ она чуть было не упала на полъ, но проснувшійся случайно Надинскій подхватилъ ее, и она такъ проспала нѣсколько часовъ на его груди. Проснувшись, она строго испытующе посмотрѣла на него, и снова погрузилась въ заботы о немъ и въ мысли о себѣ, о жизни, объ одиночествѣ... Чѣмъ больше росла между ними близость, чѣмъ больше ихъ влекло другъ къ другу, тѣмъ глубже становилась раздѣляющая ихъ пропасть. И когда они въ назначенный часъ прощались на вокзалѣ, „они сами себѣ казались фигурами изъ какого-то видѣнія“.

... Когда Лукерья, совершивъ свое дѣло, вернулась въ родительскій домъ, ей пришлось выдержать цѣлую бурю. Но она оставалась все время безстрастной. Съ такой же безучастностью она скоро, къ величайшему негодованію родителей, отказала вдругъ своему жениху. Она вся ушла въ себя, избѣгая людей, даже самыхъ близкихъ.

„Однажды ночью мать ее застала на террасѣ сидящей съ широко открытыми глазами, устремленными въ небо. Выраженіе ея лица при этомъ говорило о безконечномъ, большинству людей неизвѣстномъ, одиночествѣ“...

Изъ литературнаго прошлаго.

Н. К. Михайловскій.

Девятая годовщина смерти Михайловскаго (28 янв.), какъ рядовая, неюбилейная, прошла бы незамѣченной для широкой публики, если бы не вышелъ къ этому времени дополнительный, 10-ый, томъ сочиненій покойнаго нашего публициста-идеолога, — состоящій изъ ряда не перепечатанныхъ до сихъ поръ журнальныхъ и газетныхъ, зачастую анонимныхъ, статей его и изъ анонимныхъ же рецензій, равно какъ изъ нелегальныхъ его произведеній,—и если бы не появились кстати новыя воспоминанія о Н. К—чѣ, пріятельницы его В. А. Николенко-Гильченко (въ первой кн. „Завѣтовъ“), опубликованной вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько десятковъ писемъ Михайловскаго. Такимъ образомъ, на экранѣ общественнаго вниманія неожиданно промелькнула свѣтлая

фигура того, кто 43 года неутомимо, мужественно стоялъ на своемъ „славномъ посту“.

Очень интересный документъ въ выпущенномъ томѣ—памятка Михайловскаго, дословно запечатлѣвшая конфиденціальную бесѣду его съ Плеве. Это было 10 дек. 1902 г., въ то время когда русская печать собиралась отпраздновать 200-лѣтній юбилей своего существованія. Встревоженный министръ вн. д. поспѣшилъ вызвать къ себѣ вліятельнаго журналиста, „властителя думъ“.

— Вы, Н. К., мещовскій уроженецъ?— были первыя слова Плеве.—Я тоже мещовскій, и наши отцы были, помнится, знакомы... Вы понимаете, впрочемъ, что я пригласилъ васъ не затѣмъ, чтобы счесться землячествомъ.

И министръ перешелъ прямо къ сути: сталъ обвинять русскую литературу въ „непрестанномъ противодѣйствіи видамъ правительства и сѣяніи сѣмянъ революціи“...

— Простите, ваше высокопревосходительство,—попытался возразить Н. К.,— но русская литература находится въ такихъ цензурныхъ условіяхъ, что ни о революціи, ни о противодѣйствіи видамъ правительства и рѣчи быть не можетъ. Если бы я могъ показать вамъ нѣкоторыя цензорскія корректуры...

Плеве (серьезно и почти строго). Я васъ прошу, если вы хотите продолжать нашу бесѣду, не считать меня за простака, на котораго можно подѣйствовать такими аргументами. Я не хуже васъ знаю, что литература умѣетъ намеками, обходами и умалчиваніями дѣлать свое дѣло, а дѣло это есть революція. (*Мягче.*) Но не будемъ, пожалуй, употреблять это слово, будемъ говорить—общественное движеніе. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что это общественное движеніе есть плодъ литературы. Студенты, вообще, молодежь, рабочіе, крестьяне, все это—пушечное мясо. Двигатель—печать, и она должна платиться за всѣ безпорядки, и будетъ платиться: я именно хочу васъ объ этомъ предупредить. Я сдѣлалъ однажды вамъ зло и не хотѣлъ бы сдѣлать его вамъ вторично. Вы—умный и талантливый человѣкъ (*я кланяюсь*), я съ большимъ интересомъ читалъ нѣкоторыя ваши произведенія... конечно, не для поученія; и, повторяю, не желаю причинить вамъ зло. Поэтому-то и предупреждаю. Пока вы только литература, я васъ не трону, но если начнутся какіе-нибудь безпорядки, я не остановлюсь ни передъ ссылками, ни передъ ихъ числомъ... Правительство, повѣрьте, достаточно сильно, чтобы сломить всякое противодѣйствіе, но сила не навадаетъ—это свойство слабости. Но нельзя терпѣть, чтобы за господъ писателей платились ихъ жертвы, вся несчастная увлекающаяся молодежь. Намъ вовсе не весело вносить горе въ семьи...

Я. Ваше в-во, я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что если въ безпорядкахъ виноваты писатели, то они должны платиться, но не знаю, почему вы обвиняете именно ихъ. Такое мнѣніе мнѣ случалось видѣть даже въ печати, но вѣдь у насъ есть тоже дѣти, горе вносится и въ наши семьи...

Плеве. Я очень радъ, если среди васъ есть люди, чуждые подстрекательству молодежи, но въ общемъ остаюсь при своемъ мнѣніи. Теперь пока все тихо, но господа литераторы уже ходятъ на студенческія вечеринки и говорятъ тамъ рѣчи, г-жа Яворская читаетъ тамъ стихи. Въ частности вашъ журналъ главный штабъ революціи, особенно теперь, когда вы сразили марксизмъ и остались одни. Кто у васъ въ редакціи, кромѣ васъ? Анненскій, Мякотинъ, Иванчинъ-Писаревъ... Эта старая гвардія опять поднимается, я знаю ея связи съ Воронежемъ... Въ „Союзѣ писателей“ вы дѣлали дождь и хорошую погоду, и вотъ теперь устроили самочинный комитетъ для празднованія двухстолѣтія печати... И срокъ-то этотъ апокрифическій, и вся затѣя разсчитана исключительно на агитацію, а не на какой-нибудь практическій результатъ. Всякую петицію, всякое *обращеніе къ обществу* (*подчеркнулъ голосомъ*) о свободѣ печати я считаю въ настоящее время неумѣстнымъ и незаконнымъ дѣломъ...

Я. Даже петицію на имя вашего высокопревосходительства?

Плеве. Даже петицію на мое имя. Во-первыхъ, петиція, поданная скопомъ, противозаконна. Во-вторыхъ, въ петицію войдетъ, конечно, ходатайство о передачѣ дѣлъ о правонарушеніяхъ путемъ печати въ судебныя учрежденія, а это значитъ—прибавить къ нашимъ перьямъ языки адвокатовъ. Я этого не допущу...

Я. Соласитесь, однако, ваше в-во, что въ виду двухстолѣтія періодической печати мы могли бы разсчитывать и на какой-нибудь практическій результатъ.

Плеве (подумавъ). Ни въ какомъ случаѣ. И если вамъ не удастся заклясть того духа, котораго вы вызвали...

Я. Я никакого духа не вызывалъ, ваше в-во, и ничего не берусь заклинать. Прошу васъ только разрѣшить мнѣ сообщить то, что я отъ васъ слышалъ, моимъ товарищамъ.

Плеве. Товарищамъ по редакціи—да, а не самочинному комитету... я врагъ всякой рекламы, въ томъ числѣ и съ отрицательнымъ

знакомъ, и не хотѣлъ бы, чтобы наша бесѣда получила большое распространеніе и передавалась, какъ всегда, въ извращенномъ видѣ въ заграничной печати. Съ вами, какъ главнокомандующимъ, я хотѣлъ побесѣдовать, а съ другими не хочу говорить. Я приказалъ директору департамента полиціи вызвать, по его выбору, генераловъ и полковниковъ революціонной арміи. А вамъ въ заключеніе подамъ совѣтъ: уѣзжайте-ка вы на это время изъ Петербурга. Подумайте.

Я сначала не придалъ значенія концу бесѣды, но потомъ рѣшилъ написать министру.

Ваше Высокопревосходительство,

Милостивый Государь,

Вячеславъ Константиновичъ.

Простите, что утруждаю, хотя на одну минуту, Ваше вниманіе своимъ личнымъ дѣломъ.

Обдумавъ Вашъ благожелательный совѣтъ, долгомъ совѣсти своей считаю довести до Вашего свѣдѣнія, что не могу ему послѣдовать,—не могу въ настоящее время уѣхать изъ Петербурга. Нужнымъ нахожу прибавить, что только съ совѣстью я совѣтовался, принимая это рѣшеніе, грозящее мнѣ тяжкими послѣдствіями.

Примите и проч.

Николай Михайловскій.

12-го декабря 1902 года.

То, что грозило Михайловскому въ 1902 г.,—высылка изъ Петербурга, П. К—чу уже пришлось разъ испытать—въ 1891 г., когда за безпорядки на похоронахъ Шелгунова онъ былъ выславъ въ Любань. Эта ссылка послужила поводомъ для слѣдующаго обмѣна мыслей между двумя тогдашними „вершителями судебъ"—двумя Дурново: министромъ вн. д. и директоромъ департ. полиціи.

Какъ сообщаетъ г-жа Николенко-Гильченко, при встрѣчѣ ихъ въ салонѣ баронессы В. И. И. министръ спросилъ своего подчиненнаго: чѣмъ, собственно, опасенъ Михайловскій?—Онъ опасенъ тѣмъ, что пишетъ,—былъ убѣжденный отвѣтъ.—А въ Любани онъ, значитъ, не пишетъ?—Пишетъ и въ Любани,—пришлось отвѣтить. Въ такомъ случаѣ,—резонно замѣтилъ министръ,—не все ли равно, гдѣ онъ будетъ писать, въ Любани или въ Петербургѣ?—И Николаю Константиновичу разрѣшили, наконецъ, вернуться въ Петербургъ...

О своей ссылкѣ Михайловскій писалъ г-жѣ Николенко-Гильченко изъ Любани:

„Моя высылка есть нѣчто до послѣдней степени безобразное. Я—настоящій козелъ отпущенія, на котораго полиція, пародируя библейскихъ евреевъ, навалила свои грѣхи и выгнала въ пустыню. Это козлиное (или козловое?) положеніе, непріятное вообще, еще отягчается для меня особенными обстоятельствами. Я долженъ былъ бросить ребятъ передъ самыми экзаменами (высылка объявлена въ страстную субботу, и сначала требовали, чтобы я уѣхалъ въ тотъ же день, но потомъ расщедрились на два дня)."

Что значило для него „бросить ребятъ" (двухъ сыновей), можно судить по такому сообщенію автора воспоминаній.

„Я,—пишетъ она,—и теперь точно вижу, какимъ мягкимъ внутреннимъ свѣтомъ загорались сѣро-голубые глаза, умѣвшіе такъ испытующе-сурово вниваться иногда въ лицо собесѣдника, а въ голосѣ прорывалась довѣрчивая нотка, когда онъ разсказывалъ, напр., о томъ, какъ любитъ его маленькій Маркъ: при попыткахъ внушить ему представленіе о Богѣ, Маркъ пресерьезно заявилъ: „Богъ—это папа"... Показалъ мнѣ Ник. Конст. и „кольцо сиротства", которое онъ носилъ, только находясь въ разлукѣ съ дѣтьми: первые выпавшіе зубы обоихъ мальчиковъ, обдѣланные въ золото съ брилліантами."

Не только маленькій Маркъ отождествлялъ Бога съ „папой". Какъ на Бога, взирали на Михайловскаго и иные изъ его черезчуръ прямолинейныхъ почитателей.

Н. К. какъ-то въ Кисловодскѣ (въ 1884 г.) самъ разсказывалъ, комически-серьезно, въ какое „конфузное положеніе" ставятъ его иногда.

— Студентъ одинъ... вотъ тутъ же, за этимъ столикомъ (разговоръ происходилъ въ мѣстномъ ресторанчикѣ „Туземныя удовольствія"), смотрѣлъ на меня въ упоръ голодными глазами, да вдругъ и выпалилъ: „Что вы думаете о будущемъ Россіи?"—между двумя-то кусочками жирнаго шашлыка!..

На Кавказѣ, отдыхая отъ напряженной журнальной работы, Михайловскій велъ себя непринужденно—развлекался, веселился, какъ и всѣ другіе, посѣщая, напр., танцовальные вечера въ курзалѣ.

„П. К.,—вспоминаетъ г-жа Никольченко-Гильченко,—оказался неутомимымъ вальсеромъ и танцовалъ очень охотно, особенно часто приглашая на туръ вальса мою пріятельницу, Юлію Петровну Кащенко, дочь разорившагося полтавскаго помѣщика. Предпочтеніе, оказываемое имъ „толстой Юлочкѣ" передъ другими дамами, Ник. Конст. объяснялъ такъ: „лучше всѣхъ она танцуетъ, съ ней такъ легко носишься въ вальсѣ, точно перышко она—эта „толстая Юлочка". Но вѣрнѣе, что не легкость въ вальсѣ, а легкость, съ какой весела Ю. П. боль-

шія тяготы своей жизни, обратила на себя вниманіе чуткаго къ людямъ писателя...“

Въ заключеніе—немного юмористики.

Въ началѣ 1891 г. Н. К. писалъ о своихъ занятіяхъ спиритизмомъ:

„...Новость одна. Появилась у насъ тутъ спиритка (женщина-врачъ), очень милая и, должно быть, очень несчастная женщина, близкая, мнѣ кажется, къ поврежденію. И мы завертѣли столы и свободно бесѣдуемъ съ Номяловскимъ и другими покойниками. Южаковъ это занятіе вполнѣ презираетъ, а Успенскій вполнѣ увѣровалъ и не находитъ ничего удивительнаго въ томъ, что Номяловскій ходитъ къ намъ въ гости, а Щедринъ сочиняетъ на томъ свѣтѣ сатиру подъ заглавіемъ „Небесные помпадуры“.

Однажды на именинахъ Михайловскаго П. П. Вейнбергъ произвелъ большой фуроръ своимъ шуточнымъ привѣтствіемъ герою дня. Оно начиналось строфою:

Ужъ давно сказалъ Державинъ:
Эти годы—годы скучны,
Въ коп граціи престали
Намъ трепать лапоть тучны...

а заканчивалось, послѣ перечисленія достоинствъ „нашего дорогого Михайловскаго“, словами:

Ни въ умѣ его, ни въ тѣлѣ—
Никакихъ модификацій,
И сдается, что доселѣ
Онъ не чуждъ и трепки граціи...

Достоевскій.

Журналъ „Сибир. Архивъ“ далъ очеркъ Б. Г—ва „Къ пребыванію Ѳ. М. Достоевскаго въ г. Семипалатинскѣ“, составленный на основаніи, главнымъ образомъ, воспоминаній о Достоевскомъ старожиловъ этого города. Нѣкоторыя подробности весьма характерны для нашего великаго писателя.

Суровыя условія казарменной службы,—разсказываетъ авторъ статьи,—не менѣе суровая дисциплина, слабое здоровье, растлѣнное каторгой, привившей Достоевскому эпилепсію, жестоко потомъ мучившую писателя,—все это давало себя чувствовать Ѳ. М.

Но онъ неопустительно исполнялъ всѣ требованія военной дисциплины. Въ лицѣ даже унтеръ-офицеровъ рядовой Достоевскій—и тутъ уже начинаютъ выявляться будущія черты этой сложной, то нѣсколько дерзающей, то раболѣпной, но всегда изломанной натуры—прежде всего видѣлъ начальство, къ которому относился почтительно.

Личныя непріятности въ казармѣ Ѳ. М. переносилъ терпѣливо. По обязанностямъ службы Достоевскій несъ караулъ: у порохового погреба, денежной кладовой казначейства, продовольственнаго магазина арестантской камеры госпиталя, у гауптвахты и тюрьмы. Чаще всего Ѳ. М. отправляли къ гауптвахтѣ. Въ карауле Д. былъ всегда исправенъ, отбывая положенные часы въ полной аммуниціи и не позволяя себѣ никакихъ послабленій даже и тогда, когда это разрѣшалось уставомъ.

Въ казармѣ Ѳ. М. жилъ уединенно. Его не видѣли смѣющимся. На лицѣ его всегда лежала печать скорби и затаенной грусти. Голосъ у него былъ мягкій, тихій, пріятный. Говорилъ не торопясь, отчетливо. Былъ мало разговорчивъ. Изъ книгъ у него было только одно Евангеліе, которое онъ очень берегъ и, видимо, имъ очень дорожилъ.

Пришлось Достоевскому принять участіе въ такъ называемой „зеленой улицѣ“, наказаніи шпицрутенами провинившагося солдата. По словамъ одного очевидца, Достоевскій стоялъ въ строю блѣдный; лицо у него нервно подергивалось. Трясущимися руками нанесъ онъ очередной ударъ преступнику.

А ночью—припадки падучей...

Л. Толстой.

„Соврем. Міръ“ въ первой своей книжкѣ началъ печатаніе (особымъ приложеніемъ) обширной переписки Л. Н—ча съ извѣстнымъ въ свое время критикомъ-философомъ Н. Н. Страховымъ, изъ которой только часть писемъ появилась въ печати раньше. Открывается переписка длиннымъ письмомъ Толстого, написаннымъ 19 марта 1870 г. Здѣсь авторъ „Анны Карениной“, по поводу журнальной статьи своего корреспондента о женщинахъ, излагаетъ собственный взглядъ на женскій вопросъ.

„...Такихъ женщинъ („безплодныхъ“) нѣтъ, какъ нѣтъ четвероногихъ людей. Отрожавшаяся женщина и не нашедшая мужа женщина все-таки женщина, и если мы будемъ имѣть въ виду не то людское общество, кот. обѣщаютъ намъ устроить Милли и пр., а то, которое существуетъ и всегда существовало по винѣ непризнаваемаго имъ *кого-то*, мы увидимъ, что никакой надобности нѣтъ придумывать исходъ для отрожавшихся и не нашедшихъ мужа женщинъ: на этихъ женщинъ безъ конторъ, каѳедръ и телеграфовъ всегда есть и было требованіе превышающее предложеніе. — Повивальныя бабки, няньки, экономки, распутныя женщины. Никто не сомнѣвается въ необходимости и недостаткѣ пов. бабокъ, и всякая несемейная женщина, неха-

тящая распутничать тѣломъ и душою, не будетъ искать благодѣтельницъ, а пойдетъ, насколько умѣетъ, помогать родильницамъ. Няньки—въ самомъ обширномъ народномъ смыслѣ. Тетки, бабки, сестры это няньки, находящія себѣ въ семьѣ въ высшей степени цѣнимое призваніе. Гдѣ семья, въ кот. бы не было такой няньки, кромѣ наемной? И счастлива та семья и тѣ дѣти, гдѣ она есть. И женщина, не хотящая распутничать душой и тѣломъ, вмѣсто телеграфной конторы всегда выберетъ это призваніе,—даже не выберетъ, а сама собой нечаянно впадетъ въ эту колею и съ сознаніемъ пользы и любви пойдетъ по ней до смерти. Не говорю о наемныхъ нянькахъ, кот. мы выписывали изъ Швейцаріи, Англіи, Германіи.

Подъ экономками, кромѣ наемныхъ, опять я разумѣю тещъ, матерей, сестеръ, тетокъ, бездѣтныхъ женъ. Опять призваніе женственное, въ высшей степени полезное и достойное. Не знаю, почему для достоинства женщины—человѣка вообще выше передавать чужія депеши или писать рапорты, чѣмъ соблюдать состояніе семьи и здоровье ея членовъ.

Вы можетъ быть удивитесь, что въ число этихъ почетныхъ званій я включаю и несчастныхъ б...й Это я обязанъ сдѣлать потому, что мои доводы строятся не на томъ, что бы мнѣ желательно было, а на томъ, что есть и всегда было. Эти несчастныя всегда были и есть, и по-моему было бы безбожіемъ и безсмысліемъ допускать, что Богъ ошибся, устроивъ это такъ, и еще больше ошибся Христосъ, объявивъ прощеніе одной изъ нихъ. Я только смотрю на то, что есть, стараюсь понять, для чего оно есть. То, что этотъ родъ женщинъ нуженъ, вамъ доказываетъ то, что мы выписали ихъ изъ Европы; то же, для чего онѣ необходимы, нетрудно понять, если мы только допустимъ то, что всегда было, что родъ человѣческій развивается только въ семьѣ. Семья только въ самомъ первобытномъ и простомъ быту можетъ держаться безъ помощи магдалинъ, какъ это мы видимъ въ глуши мелкихъ деревень; но чуть только является большое скопленіе въ центрахъ—большія села, маленькіе города, большіе города—столицы, такъ являются онѣ и всегда соразмѣрно величинѣ центра. Только земледѣлецъ, никогда не отлучающійся изъ дома, можетъ, женившись молодымъ, оставаться вѣрнымъ своей женѣ и она ему, но въ усложненныхъ формахъ жизни мнѣ кажется очевиднымъ, что это невозможно (въ массѣ, разумѣется). Что же было дѣлать тѣмъ законамъ, кот. управляютъ міромъ? Остановить сосредоточеніе центровъ и развитіе? Это противорѣчитъ другимъ цѣлямъ. Допустить свободную перемѣну женъ и мужей (какъ этого хотятъ пустобрехи либералы)—это тоже не входитъ въ цѣли провидѣнія по причинамъ ясныхъ для насъ—это разрушало семью. И потому по закону экономіи силъ явилось среднее—появленіе магдалинъ, соразмѣрное осложненію жизни. Представьте себѣ Лондонъ безъ своихъ 70 т. магдалинъ. Что бы осталось съ семьями? Много ли бы удержалось женъ, дочерей чистыми? Что бы сталось съ законами нравственности, кот. такъ любятъ блюсти люди? Мнѣ кажется, что этотъ классъ женщинъ *необходимъ* для семьи, при теперешнихъ усложненныхъ формахъ жизни. Призваніе женщины все-таки главное—рожденіе, воспитаніе, кормленіе дѣтей. Мишле прекрасно говоритъ, что есть только женщина, а что мужчина есть le mâle de la femme (самецъ женщины). Посмотрите же на эту женщину, исполняющую свой прямой долгъ. Тотъ, кто жилъ съ женщиной и любилъ ее, тотъ знаетъ, что у этой женщины, рожающей въ продолженіе 10, 15 лѣтъ, бываетъ періодъ, въ которомъ она бываетъ подавлена трудомъ. Она носитъ или кормитъ; старшихъ надо учить, одѣвать, кормить; болѣзни, воспитаніе, мужъ и вмѣстѣ съ тѣмъ темпераментъ, кот. долженъ дѣйствовать, ибо она должна рожать. Въ этомъ періодѣ женщина бываетъ, какъ въ туманѣ напряженія, она должна выказать упругость энергіи непостижимую, если бы мы не видали ее. Это въ родѣ того, какъ наши сѣверн. мужики въ 3 мѣс. лѣта убираютъ поля. Въ этомъ-то періодѣ представьте себѣ женщину, подлежащую искушеніямъ всей толпы неженатыхъ кобелей, у кот. нѣтъ магдалинъ, и главное—представьте себѣ женщину безъ помощи другихъ женщинъ—сестеръ, матерей, тетокъ, нянекъ. И гдѣ есть женщина, управившаяся одна въ этомъ періодѣ?—Такъ какое же нужно еще назначеніе несемейнымъ женщинамъ? Онѣ всѣ разойдутся въ помощницы рожающимъ, и все ихъ будетъ мало, и все будутъ мереть дѣти отъ недосмотра и будутъ отъ недостатка дурно накормлены и воспитаны".

Достойно примѣчанія, что 23 года спустя Толстой высказался по „женскому вопросу",—въ бесѣдѣ съ писательницей В. Микуличъ,—въ томъ же духѣ. Въ послѣдней кн. „Истор. Вѣст.", въ очеркѣ его воспоминаній „Тѣни прошлаго", читаемъ слѣдующее: „...Потомъ мы говорили о романѣ Золя, о его героиняхъ, и Л. Н. сталъ говорить о женщинахъ вообще. Онъ сказалъ, что у насъ неправильно стоитъ женскій вопросъ. Нельзя изъ водовозной лошади сдѣлать скакуна. А у насъ хотятъ именно этого. Теперь женщины забираютъ страш-

ную власть. И не власть Евы и Клеопатры,— это всегда было,—а забираютъ власть своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла. Это очень нехорошо"...

Въ „Рус. Сл." (янв.), со словъ кн. В. П. Долгорукаго, переданъ діалогъ между Л. Н. и однимъ изъ архипастырей — діалогъ столь же выразительный, сколь и краткій.

Еще до перевода своего имѣнія на жену, Толстой однажды обратился къ мѣстному преосвященному, арх. Никандру, за совѣтомъ:

— Ваше преосвященство, я хотѣлъ бы свое имѣніе раздать нищимъ.

Преосвященный отвѣчалъ:

— Никогда еще въ своей жизни я не встрѣчалъ такого гордеца, какъ вы, графъ!

Вл. Соловьевъ.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Богосл. Вѣст." помѣщено неизвѣстное доселѣ письмо Вл. С., адресованное нѣсколькимъ студентамъ Московскаго университета и техническаго училища.

Въ 1900 г. Соловьевъ прочиталъ лекцію объ антихристѣ, полную пророчествъ и предвѣщаній, изъ которыхъ одно,—о движеніи на Европу желтыхъ варваровъ,—до извѣстной степени уже исполнилось.

Исключительная тема лекціи въ свое время подала поводъ къ обильнымъ насмѣшкамъ газетъ. Но такимъ глумливымъ отзывамъ ознакомясь съ лекціей, не постаравшись даже и прочесть ея, группа молодыхъ людей, не считаясь съ своеобразнымъ настроеніемъ нашего философа-мистика, послала Соловьеву дерзкое письмо, совершенно неприличное и по тону.

„Многоуважаемый Владиміръ Сергѣевичъ!

Прочтя отчетъ о вашей лекціи „Конецъ всемірной исторіи", мы пришли въ крайнее недоумѣніе: что за цѣль и смыслъ подобной праздной и безголковой фантазіи! Если вы интереснымъ заглавіемъ вашей лекціи хотѣли привлечь больше публики, хотя бы и съ благотворительной цѣлью, то такой способъ дѣйствія не достоинъ вашего имени и вашего прошлаго.

Если же допустить, что вы хотѣли изобразить общехристіанскіе взгляды на этотъ вопросъ, то на это можно возразить, что всякому доброму христіанину должна быть близка заповѣдь: „Люби ближняго твоего", а вы изображаете конецъ міра, какъ какую-то всеобщую рѣзню (магометанъ, евреевъ и т. д.).

Наконецъ, если ваша философія есть результатъ вашихъ упорныхъ и долгихъ размышленій, то вамъ мѣсто не на каѳедрѣ, а въ пріемной невропатолога, въ совѣтѣ котораго вы настоятельно нуждаетесь.

X. Y. Z.".

Вотъ отвѣтъ В. С., не пожелавшаго оставить наглецовъ безъ урока.

„Г. г. X. Y. Z. М. N. и т. д.

Не имѣя времени писать длинныхъ писемъ, я пишу вамъ только для того, чтобы показать вамъ неразумность и безтактность вашего поступка, конечно, вами не сознаваемаго.

Нѣсколько учащихся молодыхъ людей, не получившихъ еще никакого права на чье-либо уваженіе, рѣшились на основаніи передачи чтенія изъ вторыхъ, а, можетъ быть, и третьихъ рукъ, послать строгій выговоръ человѣку пожилому, лично имъ неизвѣстному, но за которымъ они сами признаютъ уважаемое имя и заслуги въ прошломъ. Этотъ выговоръ оканчивается предположеніемъ помѣшательства у того, кому онъ посылается, что характеризуетъ ваше настроеніе, лишенное всякаго логическаго контроля.

Если вы не думаете серьезно объ его помѣшательствѣ, то ваша выходка есть мальчишеская дерзость, которая не достойна не только студентовъ, но и благовоспитанныхъ гимназистовъ приготовительнаго класса. Если же вы, дѣйствительно, считаете его страдающимъ умственнымъ разстройствомъ, то укорять больного его болѣзнью—свидѣтельствовало бы о полной атрофіи въ васъ всякихъ человѣческихъ чувствъ, что не хотѣлъ бы предположить въ васъ, а потому объясняю себѣ вашъ поступокъ нашимъ неразумѣніемъ и недомысліемъ.

Этимъ же объясняю себѣ и то, что вмѣсто того, чтобы собираться коллективно и посылать вашъ выговоръ, не зная сами точно кому и въ чемъ, вы могли бы единогласно обратиться ко мнѣ съ запросомъ, гдѣ напечатана моя лекція. Я отвѣтилъ бы вамъ, что въ февральской книжкѣ „Недѣли", или прислалъ бы вамъ оттискъ.

Тогда, по крайней мѣрѣ, если бы вы и послали мнѣ вашъ выговоръ, то онъ имѣлъ бы болѣе смысла.

Что касается моихъ заслугъ въ прошломъ и уваженія, которымъ пользуется мое имя (какъ вы сами пишете), то я это считаю въ связи съ тѣмъ, что, находясь въ полномъ согласіи съ истиной, я своего мнѣнія не ставлю на одну доску съ мнѣніемъ Пв. П—ча, П. П.—ча, Л. Ник—ча и всей вселенной, а держусь твердаго убѣжденія, что видимый міръ проходитъ, и истина всегда живетъ и Богъ вмѣстѣ съ нею.

Вамъ теперь я пишу не потому, что ваше письмо могло затронуть мои убѣжденія, а изъ искренней жалости къ безпомощному состоянію вашихъ мозговъ и сердецъ. Я твердо увѣренъ, что мой „Антихристъ“ уже принесъ матеріальную пользу питомцамъ петербургскаго воспитательнаго дома, а это письмо принесетъ, вѣроятно, нѣкоторую нравственную пользу питомцамъ Московскаго университета и техническаго училища.

Отъ души желаю вамъ всякаго блага.

Владиміръ Соловьевъ“.

Островскій.

П. Д. Бобрыкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ „За половѣка“, которыя теперь печатаются въ „Рус. Старинѣ“, отмѣтилъ слѣдующую особенность писательской индивидуальности покойнаго драматурга.

„И тогда уже (въ началѣ 60-тыхъ гг.), и позднѣе, на протяженіи болѣе двадцати лѣтъ, я находилъ въ Островскомъ такую вѣру въ себя, такое довольство всѣмъ, что бы онъ ни написалъ, какого я рѣшительно не видалъ ни въ комъ изъ нашихъ корифеевъ: ни у Тургенева, ни у Достоевскаго, ни у Гончарова, ни у Салтыкова, ни у Толстого и, всего менѣе — у Некрасова.

Но этой части онъ, съ молодыхъ годовъ — по свидѣтельству своихъ ближайшихъ пріятелей—„побилъ рекордъ“, какъ говорятъ нынче. Его пріятель—будущій критикъ моего журнала „Библіотека для чтенія“ Е. И. Эдельсонъ, человѣкъ деликатный и сдержанный, когда заходила рѣчь объ этомъ свойствѣ Островскаго, любилъ повторять два эпизода изъ временъ ихъ совмѣстнаго „прожиганія“ жизни, очень типичныхъ, въ этомъ смыслѣ.

Когда мнѣ лично привелось разъ замѣтить А. И—чу, какъ хорошо какое-то лицо въ его пьесѣ, онъ, съ добродушной улыбкой, поглаживая бороду и поводя головой на особый ладъ (жестъ, памятный всѣмъ, особенно тѣмъ, кто умѣлъ его копировать) выговорилъ невозмутимо:

— Вѣдь у меня всегда всѣ роли — превосходныя!

Поэтому, когда онъ ставилъ пьесу — и на Александринскомъ театрѣ — онъ всегда былъ отмѣнно доволенъ всѣми исполнителями, даже и актера Нильскаго похваливалъ. Разъ они играютъ въ его пьесѣ—они должны быть безукоризненно хороши.

Можетъ быть, это повышенное самосознаніе и давало ему нравственную поддержку въ тѣ годы (а они продолжались не одинъ десятокъ лѣтъ), когда онъ постоянно бился изъ-за постановки своихъ вещей, и дирекція держала его, въ сущности, „въ черномъ тѣлѣ“.

Міровоззрѣніе какъ факторъ здоровья.

„Въ дому Отца моего обителей много. Для меня безразлично, какая комната будетъ тамъ отведена мнѣ, лишь бы я зналъ, что я буду жить у Него“.

Марциновскій.

Недавно на русскомъ языкѣ вышла книга берлинскаго психотерапевта Марциновскаго, подъ заглавіемъ „Нервность и міросозерцаніе“. Книга представляетъ выдающійся интересъ въ томъ отношеніи, что авторъ ея не теоретическимъ путемъ, а путемъ практики, путемъ долголѣтняго опыта пришелъ къ выводу, что большинство душевныхъ заболѣваній объясняется не внѣшними причинами, на которыя у насъ привыкли ссылаться, а исключительно отсутствіемъ здороваго міросозерцанія. Поэтому, если врачъ-психотерапевтъ сумѣетъ внушить своему развинченному паціенту здоровое, гармонирующее съ его природою міровоззрѣніе, то послѣдній можетъ надѣяться на возвратъ къ здоровой, жизнерадостной дѣятельности и къ полному обладанію сокровищами жизни. Всестороннему выясненію этого именно вопроса и посвящена названная книга.

Въ человѣкѣ живетъ, — пишетъ авторъ, — непреодолимое стремленіе искать удовлетворительнаго объясненія загадокъ жизни. Все, что кругомъ неясно и непонятно, заставляетъ насъ страдать, и мы жаждемъ избавленія отъ этихъ страданій. Единственное средство для этого — созданіе такого міровоззрѣнія, при которомъ вещи являлись бы въ другомъ освѣщеніи, не заставляя насъ страдать, а, напротивъ, дѣлая насъ счастливыми и освобождая насъ отъ невыносимаго положенія, которое будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока мы чувствуемъ все окружающее, при нашей безпомощности, какъ грубый и безчувственный произволъ. Путь къ успокоенію есть познаніе міронаполняющей идеи божества. Въ ней находимъ мы успокоеніе для нашего „исканія истины“, какъ мы называемъ это страстное желаніе спокойствія.

Но что же здѣсь общаго съ нервностью? Очень многое, потому что нервно-больной страдаетъ отъ этой борьбы чувствъ сильнѣе, чѣмъ другіе люди, и для его выздоровленія, для

исдѣленія нарушеннаго душевнаго равновѣсія необходимо, какъ основное условіе, міровоззрѣніе, которое отклоняло бы его разстроенныя чувства отъ личнаго страданія и направляло бы ихъ на мысли о вѣчности, въ которыхъ личное страданіе тонетъ. Нервно-больной нуждается въ цѣльномъ міровоззрѣніи для укрѣпленія его нравственныхъ стремленій и для воспитательнаго воздѣйствія на его слабости.

Со многими болѣзненными состояніями не только сочетается душевное страданіе, но послѣднее служитъ источникомъ и для многихъ тѣлесныхъ формъ заболѣванія. Сюда мы должны отнести смѣло 99% всѣхъ явленій нервности, такъ что собственно для врача становится труднымъ не усматривать всюду психо-терапевтическихъ показаній.

Первое, чему долженъ научиться больной, это тому, что характеръ нашего внутренняго отношенія къ проблемамъ жизни и взглядъ нашъ на содержаніе жизни и міровой смыслъ имѣютъ рѣшающее значеніе для опредѣленія того, будемъ ли мы страдать отъ нашихъ жизненныхъ условій, отъ людей, вещей и обстоятельствъ. „Быть больнымъ и страдать — это двѣ вещи разныя". Тамъ, гдѣ мы часто не можемъ совладать съ болѣзнью, потому что наше искусство и знаніе поставлены еще въ слишкомъ узкія границы, тамъ мы можемъ все же облегчить страданіе, если и не вовсе устранить его, и это бываетъ вовсе не такъ рѣдко.

Ничто другое не выражаетъ въ такой классической чистотѣ воззрѣнія стоиковъ, какъ слова, записанныя въ дневникѣ императора Марка-Аврелія. „Тебѣ слѣдуетъ только измѣнить твой взглядъ на данную вещь, и ты будешь по отношенію къ ней въ безопасности". И дѣйствительно, эта лежащая въ самыхъ стоикахъ гордая вѣра въ ихъ неуязвимость есть самое сильное лѣкарство, которое мы можемъ предложить той жалкой слабости, которою обычно отличается наше нервное время! Мы не хотимъ ничего болѣе переносить. Мы сдѣлались такими чувствительными, что при малѣйшемъ недомоганіи, полные смертельнаго страха, бѣжимъ къ ближайшему спеціалисту. По моему мнѣнію, въ этихъ случаяхъ недостаточно того, что мы объяснимъ больному ничтожность его жалобъ и утѣшимъ его; мы должны указать и убѣдить его, что жалкій характеръ его поведенія есть слѣдствіе его слабаго пониманія жизни вообще.

Мы потеряли здоровый взглядъ на хорошія и худыя качества вещей и черезъ это пришли къ ложнымъ жизненнымъ цѣлямъ. Въ этомъ состоитъ ошибка, и это должно быть исправлено. Этому загнанному дѣтскими страхами міровоззрѣнію съ преувеличенной оцѣнкой всѣхъ возможныхъ жизненныхъ обстоятельствъ должно быть противопоставлено міровоззрѣніе *съ правильной оцѣнкой* вещей и условій, т.-е. міровоззрѣніе съ *правильно-низкой* оцѣнкой всѣхъ этихъ отчасти совершенно неважныхъ внѣшнихъ вещей, относительно которыхъ по крайней мѣрѣ еще очень сомнительно, имѣемъ ли мы право предполагать въ нихъ сколько-нибудь замѣтное вліяніе на наше ощущеніе счастья. Вредъ, причиняемый въ этомъ случаѣ нашему счастью, исходитъ не отъ *вещей*, а отъ той нашей *внутренней точки* зрѣнія, съ которой мы разсматриваемъ вещи, отъ тѣхъ представленій, которыя мы съ ними соединяемъ. Нервному больному, да и не только ему одному, никогда нельзя достаточно серьезно внушить, что не вещи намъ что-нибудь дѣлаютъ, а лишь мы сами создаемъ себѣ страданіе черезъ вещи, которыя въ крайнемъ случаѣ невинно играютъ роль козла отпущенія, и отношеніе которыхъ къ намъ мы готовы несправедливо обратить въ отношеніе воображаемой зависимости, которая для мыслящаго человѣка была бы столь же недостойна, сколь его мышленіе въ данномъ случаѣ было бы ложно.

И это положеніе также заслуживаетъ того, чтобы проводить его въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Мы должны проникнуться его содержаніемъ такъ, чтобы оно сдѣлалось для насъ второю натурой. Наша судьба зависитъ не отъ того, удары чего дѣйствуютъ на насъ извнѣ; напротивъ, цѣнность нашего счастья зависитъ скорѣе отъ того, какъ мы въ данномъ случаѣ оцѣниваемъ событія изнутри. Изъ различія внутренней точки зрѣнія выходитъ, что одно и то же событіе на одного дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ, а другого возвышаетъ.

Если мы будемъ изслѣдовать, откуда произошли эти ложныя представленія зависимости отъ внѣшнихъ вещей, возрастающія у больного до степени мучительнаго боязливаго самонаблюденія, благодаря которому наша эпоха отличается вялостью и безсиліемъ, то мы и здѣсь тотчасъ наткнемся на проблему міровоззрѣнія, а слѣдовательно, и на необходимость предпринять поправки въ широкихъ размѣрахъ, а не только въ частностяхъ.

Мышленіе нынѣшнихъ культурныхъ людей построено на результатахъ естественно-научныхъ открытій, которыя дали всей картинѣ міра и его внутренняго устройства другой видъ. Проникновеніе въ тайны природы открыло нашему сердцу и нашему религіозному чувству такіе источники, которые, казалось, долгое время были закрыты; однако, между пшеницей выросли и плевелы.

Однимъ изъ важнѣйшихъ положеній естественно-научнаго мышленія является ученіе о необходимости и взаимной зависимости всего происходящаго, положеніе, окончательно разрывающее со всякимъ произволомъ въ большомъ и маломъ и не оставляющее мѣста ни для какихъ исключеній изъ закономѣрности. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что вѣренъ вытекающій отсюда выводъ о томъ, что всѣ жизненныя явленія также надо разсматривать какъ реакціи на раздраженія. Но одностороннее преувеличеніе, съ которымъ во взаимоотношеніи субъектъ-объектъ, т.-е. реагирующій и носитель раздраженія, увидѣли въ раздражителѣ существенную сторону искусственно расчлененнаго явленія, привело къ образованію представленій, которыя подвергли, по крайней мѣрѣ теоретически, сомнѣнію всѣ наши возможности нравственнаго развитія и на практикѣ принесли тоже огромный вредъ. Причинность сдѣлалась боевымъ лозунгомъ, противоположнымъ прежнему—„свободной волѣ“ и случайности. Но причинностью называется: видѣть ходъ вещей только въ одномъ направленіи, въ которомъ изъ причинъ вырабатываются слѣдствія.

Мы, однако, имѣемъ не только причины *позади* насъ, но цѣли *передъ* нами. За ближайшими поводами къ нашей дѣятельности мы имѣемъ прежде всего еще болѣе глубокія движущія основанія, находящіяся въ *насъ* самихъ и непосредственно намъ указывающія на особенности отдѣльной личности, которыя накладываютъ свою печать на формы реакціи въ такой мѣрѣ, что значеніе рода и величины раздраженія сводится къ совершенно ничтожному только поводу. Въ ученіи о специфической реакціи высокодифференцированныхъ органовъ это отношеніе выступаетъ вполнѣ ясно. Но этотъ фактъ не принесъ никакой пользы для общаго пониманія жизни. Люди оказались какъ бы ослѣпленными понятіемъ причинности, и даже теперь истинный естественно-научный матеріализмъ не знаетъ, что дѣлать съ такъ ясно выступающими избирательными свойствами и способностями живого вещества. Пристальный взглядъ, устремленный на приходящія извнѣ раздраженія, какъ на причину всего совершающагося, проглядѣлъ столь очевидный фактъ, что формо-опредѣляющіе факторы жизни въ гораздо большей степени заключаются въ особенностяхъ даннаго индивида, чѣмъ въ раздраженіяхъ извнѣ, отъ которыхъ, какъ люди несправедливо думаютъ, они будто бы уже такъ зависятъ.

Насколько все это помогаетъ утвержденію ложныхъ представленій о нашей зависимости — это достаточно ясно. Изъ этого посѣва выросло нездоровое ученіе о наслѣдственномъ отягощеніи. При этомъ не обратили вниманія на то, что мы наслѣдуемъ также и способности къ преодолѣнію наслѣдственнаго отягощенія, о которыхъ уже священное писаніе утверждаетъ, что онѣ относятся къ злому наслѣдству, которое перешло къ намъ въ наказаніе вмѣстѣ съ грѣхами отцовъ, по меньшей мѣрѣ, какъ 1000 къ 4. Въ заключеніе стали видѣть въ человѣкѣ не что иное, какъ продуктъ его прожденныхъ наклонностей и дѣйствія на него окружающей среды.

Нужно пережить то, какъ освободительно дѣйствуетъ уничтоженіе этого чудовищнаго догмата на людей, въ теченіе многихъ лѣтъ страдавшихъ подъ его рабствомъ. Въ мірѣ нашихъ представленій нѣтъ ни одного положенія, которое имѣло бы столь вредное и столь далеко захватывающее значеніе; нѣтъ ни одной мысли, которая была бы способна сильнѣе и на болѣе продолжительное время парализовать нашу нравственную силу. *Врожденныя* склонности! — *Врожденный* характеръ! *Неизбѣжная* судьба! Всякая попытка воспитанія не имѣетъ смысла. Значитъ, мы не что иное, какъ несвободныя маріонетки! Отвѣтственность, долгъ — безсмыслица. Они не имѣютъ мѣста въ этой системѣ. Наибольшая сила высказывается еще въ томъ, чтобы безъ всякаго стѣсненія осуществлять свое прирожденное безпутство и въ лучшемъ случаѣ видѣть высшее изъ возможныхъ благъ въ томъ, чтобы быть „веселымъ малымъ“. Стоитъ только подвести подъ эту же формулу столь въѣвшуюся въ наше народное тѣло язву, какъ современный гомосексуализмъ, чтобы заставить раздѣлять мое мнѣніе.

Если бы этотъ матеріалистическій догматъ былъ по крайней мѣрѣ въ спеціальномъ смыслѣ правиленъ, тогда слѣдовало бы, отдавая дань уваженія истинѣ, постараться примириться съ его послѣдствіями. Но догматъ этотъ и невѣренъ. Безъ сомнѣнія, никакой организмъ не могъ бы дать развиться въ себѣ тому, что не было бы ему прирождено, какъ возможность или наклонность. Безъ сомнѣнія, мы ежедневно сознаемъ въ своей жизни вліяніе окружающей среды. Оба эти понятія охватываютъ, однако, собой громадную сумму отдѣльныхъ слагаемыхъ, — и результатомъ избирательныхъ способностей, въ которыхъ выражается наша личная оригинальность, является выборъ изъ многихъ тысячъ находящихся вокругъ насъ возможностей тѣхъ, которымъ мы позволяемъ имѣть на насъ вліяніе.

Такимъ образомъ, мы реагируемъ лишь на ничтожную ихъ часть. Мы можемъ только коле-

баться вмѣстѣ съ тѣми топями, на которые настроена наша душа. Все остальное скользитъ безслѣдно мимо насъ. Но настройка принадлежитъ намъ. Внутри насъ самихъ рѣшается вопросъ: какъ и на что мы реагируемъ. Все это, разумѣется, въ извѣстныхъ границахъ. Но въ этихъ границахъ, поскольку это зависитъ отъ закономѣрностей нашего собственнаго существа, мы свободны.

Я, конечно, не предполагаю свободы въ абсолютномъ смыслѣ. Если мы употребляемъ это слово, то мы всегда должны присоединять къ нему объясняющій вопросъ: свободенъ—отъ чего? Быть свободнымъ — это значитъ быть независимымъ отъ вещей, внѣ насъ находящихся. То, что, кромѣ того, существуетъ зависимость отъ внутреннихъ свойствъ собственнаго существа, ничего не измѣняетъ въ правомѣрности чувства: въ противоположность внѣшнимъ вещамъ имѣть и нѣкоторое самоопредѣленіе. И это относится ко множеству нашихъ внутреннихъ событій, которыя, несмотря на всѣ ихъ взаимодѣйствія съ окружающимъ міромъ, носятъ на себѣ печать нашего собственнаго существа.

Такой ходъ мыслей долженъ быть противопоставленъ несчастному догмату о неизбѣжной судьбѣ для того, чтобы имѣть возможность раскрыть всю свою спасительную и освободительную силу. Человѣка, который самъ позволилъ себѣ упасть, надо снова поставить на свои ноги. Онъ долженъ знать, что въ немъ самомъ, его особенныхъ свойствахъ, заключалось то, что ударъ свалилъ его, а не въ ударѣ, потому что онъ могъ научиться перевести ударъ. Онъ долженъ понять, что измѣненіе должно быть произведено не во внѣшнемъ мірѣ, гдѣ его всѣ столь охотно ищутъ, — кто же можетъ удалить съ его дороги всѣ „удары“? Исправленъ долженъ быть онъ самъ. Обстоятельства, обусловливавшія его паденіе, могутъ и должны быть измѣнены. Поэтому онъ долженъ знать, что измѣненіе возможно, что человѣкъ подлежитъ воспитанію, потому что, кромѣ тѣхъ наклонностей, которыя въ немъ до сихъ поръ развивались, существуютъ и другія, и живой организмъ не есть что-нибудь неизмѣнное, окончательно установленное, а, напротивъ, нѣчто развивающееся и развивающееся. Но то, что такимъ образомъ сдѣлалось, можетъ каждую минуту сдѣлаться и другимъ, а не застываетъ въ неизмѣнности. Надо открыть только тѣ законы, на основаніи которыхъ совершается такое развитіе, и воспользоваться ими въ своихъ цѣляхъ. На этомъ основывается возможность воспитанія, возможность сознательнаго самопревращенія, самовоспитаніе и возможность на основаніи такого самопознанія личнаго вмѣшательства даже въ ходъ собственнаго развитія. Если мы къ этому прибавимъ еще, что познаніе послѣдствій дѣлаетъ отвѣтственнымъ, то мы благополучно соберемъ снова изъ развалинъ весь арсеналъ нашего нравственнаго оружія и не будемъ больше бояться безутѣшнаго, разслабляющаго безсилія односторонняго матеріализма.

Нервность есть почти всегда слѣдствіе тяжкихъ внутреннихъ конфликтовъ. То, что мы знаемъ о первыхъ формахъ болѣзней, есть только тѣлесная форма выраженія для этихъ долго остающихся неразрѣшимыми душевныхъ возбужденій и конфликтовъ. Вся внутренняя растерзанность рисуется такимъ образомъ по поверхности въ видѣ гіероглифовъ. Старая борьба; которая постоянно должна возобновляться, но, тому что въ нашей груди живутъ двѣ души-старая борьба между властными влеченіями нашего существа и преградами, возникающими для нихъ изъ препятствій, воздвигаемыхъ собственной жизнью представленій, — борьба, въ которой наши больные въ мучительномъ безсиліи или грызущемъ сомнѣніи бьются о стѣны, воздвигнутыя общественной нравственностью изъ совсѣмъ другихъ побужденій, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ внутренней необходимости отдѣльныхъ личностей,— эта борьба, благодаря несвободному и ошибочному понятію о грѣхѣ въ средѣ узкомыслящаго, лицемѣрнаго общества, должна вести къ нарушеніямъ душевнаго равновѣсія, такъ какъ такіе конфликты не распутываются, а только разбиваются.

Отсюда вытекаетъ для насъ необходимость вмѣсто несвободной, кажущейся морали поставить широко начертанное и высшее пониманіе жизни, при которомъ грѣхомъ должно признаваться только то, что грѣшитъ противъ святого духа правды и внутренняго убѣжденія.

Какая же, однако, связь между міровоззрѣніемъ и тѣлесными заболѣваніями? Иначе говоря, что общаго имѣетъ содержаніе представленій съ самою болѣзнью?

На это авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ.

Во всемъ тѣлѣ, — пишетъ онъ, — нѣтъ ни одного мельчайшаго жизненнаго проявленія, химическаго, физическаго или какого бы то ни было, которое не получало бы сперва воздѣйствія отъ тока первной энергіи. Такимъ образомъ, всѣ эти явленія зависятъ отъ нервовъ.

Токи первной энергіи притекаютъ къ клѣткамъ и органамъ нашего тѣла по первнымъ путямъ; послѣдніе всѣ имѣютъ свое начало въ большихъ центральныхъ аппаратахъ головного мозга, отъ которыхъ зависитъ, такимъ образомъ, состояніе всѣхъ клѣтокъ тѣла.

Совершается ли все это сознательно или безсознательно, въ сущности не имѣетъ большого значенія. Явленія, которыя увысшихъ организмовъ совершаются обыкновенно безъ участія сознанія, сдѣлались безсознательными въ теченіе всей исторіи развитія животныхъ существъ. Повтореніе много согенъ тысячъ разъ сдѣлало ихъ устойчивыми, увѣренными въ себѣ явленіями, не требующими постояннаго сознательнаго наблюденія со стороны высшихъ центровъ. Вѣдь они возникаютъ большею частью въ такое время, когда еще не существуетъ такихъ центровъ, т.-е. отдѣльныхъ мозговъ, въ нашемъ — человѣческомъ смыслѣ слова. Мы поэтому называемъ ихъ растительными, такъ какъ они сходны съ явленіями, присущими растеніямъ, которыя, повидимому, въ большинствѣ случаевъ протекаютъ безъ сознанія, свойственнаго животнымъ.

Такимъ же образомъ и дѣятельность нашихъ органовъ постепенно переходитъ за порогъ сознательной жизни, органы научаются обходиться безъ сознательнаго вниманія. Но изъ мѣстнаго хозяйства органовъ исходятъ разные увѣдомленія и отчеты въ видѣ обратно идущихъ нервныхъ токовъ, достигающихъ высшихъ отдѣловъ головного мозга и пробуждающихъ тамъ представленіе о состояніи органа.

Если все въ порядкѣ, дѣло продолжаетъ итти своимъ чередомъ, если же что-нибудь не такъ, какъ слѣдуетъ, то органу даются особыя приказанія, которыя должны привести все къ нормальному положенію. Такова картина органическаго разстройства и его естественнаго исцѣленія. Но если мы не будемъ больше называть этотъ автоматическій процессъ органической дѣятельности, протекающій по ставшимъ постояннымъ рефлекторнымъ путямъ, душевно обусловленнымъ, а будемъ называть, какъ процессъ, только руководимый и управляемый изъ центра, то мы поступимъ не правильно, если только принять во вниманіе несомнѣнное вліяніе чисто душевныхъ событій на состояніе нашего тѣла. Зависимость тѣла отъ головного мозга обусловливаетъ указанное вліяніе. Точно такъ же, какъ внѣшнее раздраженіе, только пройдя черезъ головной мозгъ, вызываетъ мѣстное измѣненіе, которое мы называемъ реакціей, точно такъ же нарушенія органической дѣятельности могутъ возникнуть безъ участія внѣшняго раздраженія только отъ раздраженія въ самомъ головномъ мозгу.

Мы должны считаться съ подобными вліяніями не только потому, что они часто могутъ быть рѣшающими и опредѣляющими, но главнымъ образомъ по той причинѣ, что они даютъ безпрерывно дѣйствующее основное настроеніе. Если эти вліянія имѣютъ значеніе уже для нормальнаго теченія органической дѣятельности, то ясно, что нарушеніе душевнаго равновѣсія — ошибочное представленіе, ложное сужденіе должны имѣть своимъ послѣдствіемъ значительныя разстройства тѣлеснаго характера. Импульсы, которые исходятъ къ органамъ, и отъ которыхъ зависитъ состояніе послѣднихъ, являются, такимъ образомъ, лишь выраженіемъ состоянія высшихъ центровъ, т.-е. временно господствующихъ представленій.

Я уже указывалъ вамъ, какой помѣхой является, напр., уже одно вниманіе, одно сознательное наблюденіе надъ тѣлесными движеніями для ихъ правильнаго безсознательнаго теченія. Такое наблюденіе неизбѣжно влечетъ за собой появленіе различныхъ непривычныхъ иннервацiонныхъ токовъ [1]), которые нарушаютъ обычный ходъ вещей, какъ непрошенное наблюденіе и помощь мѣшаютъ дѣлу самаго искуснаго работника.

Точно такъ же, какъ и въ области сознательнаго, безсознательная внутренняя логика событій работаетъ только тогда увѣренно и правильно, когда чувство не вмѣшивается необдуманно въ ея работу, вызывая въ ней разстройство своими ни на чемъ не основанными и предвзятыми мнѣніями. Поэтому нѣкоторыя разстройства пищеваренія правильно называютъ „дурнымъ настроеніемъ желудка“— эмоціональной диспепсіей.

На основаніи этой связи наше глубоко подавленное состояніе духа приводитъ къ пониженію вашихъ тѣлесныхъ жизненныхъ проявленій; поэтому вы были устаты и невеселы; поэтому ваши пищеварительныя железы выдѣляли неудовлетворительный сокъ, такъ что вы чувствовали отвращеніе къ пищѣ и худѣли.

Совершенно такимъ же путемъ возбужденія ведутъ къ чрезмѣрной дѣятельности органовъ; нарушенія равновѣсія вашей душевной жизни ведутъ къ безпорядочному теченію тѣлесныхъ процессовъ, причину чего вы видите въ различныхъ внѣшнихъ событіяхъ, въ вещахъ, которыя нисколько въ этомъ не виноваты, но ошибочное обвиненіе которыхъ ведетъ къ столь же ложнымъ терапевтическимъ мѣрамъ.

То, что все это происходитъ безсознательно, вовсе не должно служить въ будущемъ оправданіемъ для вашихъ судорожныхъ стараній найти козла отпущенія во внѣшнихъ событіяхъ. Въ васъ самихъ находится недочетъ, тамъ и должно быть произведено измѣненіе.

Поэтому я не могу допустить, чтобы вы

[1]) Иннервацiонные токи—нервные токи, возбуждающіе дѣятельность органовъ и сокращенія мускуловъ.

сваливали ваше истощеніе на переутомленіе. Я вообще очень рѣдко признаю право на это. Не минный излишекъ работы, а нерасположеніе къ душевнымъ переживаніямъ, сопровождающимъ работу и жизнь, было причиной того, что вы надорвались во время работы.

Помните изъ всего сказаннаго одно: всѣ внѣшнія проявленія жизни суть не что иное, какъ воплощенія, пластическія послѣдствія содержанія вашихъ представленій, сознательно или безсознательно, произвольно или же инстинктивно лежащихъ въ основѣ соотвѣтственнаго иннерваціоннаго импульса.

И теперь вамъ станетъ ясно, почему я для лѣченія вашего нервнаго страданія, которое я считаю психогеннымъ, слѣдовательно, псевдоорганическимъ, беру за исходный пунктъ не органы вашего тѣла, а вашу психику, съ ея неразрѣшенными внутренними конфликтами и напряженіями. Поэтому вы поймете также, почему я придаю вашимъ воззрѣніямъ на жизнь больше значенія, чѣмъ вашему образу жизни, и ставлю первымъ условіемъ вашего выздоровленія здоровое міросозерцаніе.

Идеалъ труда.

Когда мы беремся отгадывать загадку человѣческаго счастья — этотъ, пожалуй, важнѣйшій, для подавляющаго большинства людей, вопросъ бытія,—мы неизбѣжно наталкиваемся на другую задачу—на вопросъ о трудѣ и нашемъ отношеніи къ нему. Никогда намъ не найти не то что счастья, но даже и пути къ нему, если не постараемся предварительно уяснить себѣ, каковъ же долженъ быть *настоящій*, достойный человѣка, нормальный трудъ на землѣ, трудъ дающій занятому имъ полное удовлетвореніе.

Вотъ почему въ книгѣ П. Д. Успенскаго „Внутренній кругъ“ заслуживаютъ особаго вниманія также и тѣ страницы, гдѣ авторъ—попутно—пытается рѣшить проблему труда.

Понимать „трудъ“, — читаемъ мы здѣсь,— и говорить о немъ очень не легко, потому что однимъ словомъ *трудъ* обозначаются вещи, въ сущности совершенно разныя. Это объясняетъ необыкновенное разнообразіе мнѣній относительно труда, существующее у людей. Трудъ—то проклятіе Божіе, то благословеніе, путь въ новую жизнь. Люди явно путаются, говоря о трудѣ, и это совершенно естественно, потому что они обыкновенно говорятъ о разныхъ вещахъ. Труда вообще нѣтъ, есть разные труды.

Для голоднаго трудъ божество, прогоняющее злыхъ демоновъ голода, холода, безпріютности и неприкрытости.

Для празднаго трудъ—божество, спасающее отъ тоски бездѣлія, отъ ужаса безконечнаго верченія въ кругу своихъ собственныхъ мыслей, чувствъ и переживаній; какая-то возможность соприкоснуться съ реальной жизнью; намекъ на какой-то смыслъ существованія: отдыхъ отъ самого себя. Такимъ образомъ, праздными и голодными создается *фетишизмъ труда*.

Человѣкъ не удовлетворяется тѣмъ освобожденіемъ отъ себя, какое ему даетъ трудъ. Ему начинаетъ казаться, что причина этого не въ немъ самомъ, а въ трудѣ, что трудъ—всякій трудъ, просто потому, что онъ трудъ,—есть что-то великое и необыкновенно *моральное*. Люди не умѣютъ подходить къ труду просто, всегда стараются соединить съ нимъ какую то фальшивую идейность. Это мѣшаетъ имъ разбираться въ трудѣ.

Удивительно характерны разговоры о „трудѣ“ въ „Трехъ сестрахъ“ Чехова, гдѣ послѣ восторженныхъ словъ о томъ, что нужно трудиться, и, что безъ труда нельзя жить, Ирина поступаетъ на службу на телеграфъ, потомъ въ городскую управу, потомъ собирается стать учительницей.

Неумѣніе предъявлять къ труду настоящія, реальныя требованія и составляетъ главное несчастіе чеховскихъ героевъ.

Дальше, разбирая отношеніе къ труду, мы видимъ, кромѣ голодныхъ и жаждущихъ труда,— людей, задавленныхъ трудомъ и начинающихъ мечтать покорить себѣ „дикаго бога“, *взять себѣ результаты своего труда*.

Въ сущности наивны и малы мечты и цѣли всѣхъ грозныхъ „платформъ“ освобожденія труда. Если мы предположимъ осуществленіе всѣхъ соціалистическихъ идеаловъ, сокращеніе до минимума времени работы, поднятіе до максимума вознагражденія, переходъ къ рабочему и орудій производства, и всѣхъ предпріятій, то немедленно проблема труда станетъ передъ нами въ своемъ психологическомъ аспектѣ. И станетъ ясно, что нужно не это.

Въ дѣйствительности человѣку нуженъ такой трудъ, въ который онъ могъ бы вкладывать *всѣ* свои силы и способности, и трудъ интересный и нужный *ему лично*, не ради заработка или дохода.

Кромѣ голода, праздности, тщеславія и честолюбія, отношеніе къ труду опутываетъ иногда *наслажденіе процесса труда*, безъ отношенія къ его нужности, смыслу и цѣли. Это чувство является оттого, что трудъ содержитъ въ себѣ элементъ *спорта*. Есть люди, способные ощущать спортъ *во всякомъ* трудѣ, за

который они берутся. Заставить ихъ дѣлать папиросы, они будутъ дѣлать папиросы на 1.000 штукъ въ день больше всякаго другого. Заставить дѣлать бомбы, они будутъ дѣлать бомбы чисто, увѣренно и хорошо. Эти люди создали современную культуру со всѣми ея достоинствами и недостатками. *Трудъ* покоряетъ ихъ, подчиняетъ себѣ, они не разбираютъ его, не анализируютъ. Для нихъ трудъ хорошъ и интересенъ, потому что онъ трудъ. Эти люди—спортсмэны труда. Наслажденіе, получаемое отъ труда для нихъ усиливается *властью*, правомъ распоряжаться и принуждать къ труду другихъ, которое дается лучшему работнику. Не думая и не желая думать, эти люди въ то же время непрерывно шарлатанятъ. Они стремятся придать необыкновенное значеніе тому, что дѣлаютъ, показать, что они увлечены трудомъ, не могутъ жить именно безъ этого труда — и что они считаютъ этотъ трудъ нужнымъ, полезнымъ и важнымъ. Съ точки зрѣнія общей эволюціи эти люди — махровые цвѣтки. Ихъ трудъ можетъ быть и полезенъ, и вреденъ. Случайно онъ можетъ направиться очень хорошо, случайно очень плохо. Они не задумываются надъ этимъ, имъ прежде всего *некогда думать*.

Голодные люди продаютъ свой трудъ за кусокъ хлѣба и стремятся продать его подороже. Праздные продаютъ свой трудъ за освобожденіе отъ самихъ себя, которое имъ дастъ трудъ, и они стремятся имѣть трудъ посознательнѣе и поинтереснѣе. Честолюбивые и тщеславные продаютъ свой трудъ за то, что щекочетъ ихъ тщеславіе и честолюбіе. Наконецъ „люди труда“ продаютъ свой трудъ за житейскія блага, за комфортъ, за положеніе, за много всякихъ вещей.

Продажа труда неразрывно связана съ шарлатанствомъ.

Всѣ люди, *продающіе трудъ*, сходятся между собой въ высокой оцѣнкѣ труда, какъ труда. Это совершенно естественно. Не имъ обезцѣнивать свой товаръ. Всѣ они такъ или иначе стремятся получить за свой трудъ возможно дороже, всѣ ревниво осуждаютъ и презираютъ бездѣліе.

Принятый, ходячій „моральный“ взглядъ на трудъ, какъ на нѣчто, хорошее безъ отношенія къ его цѣли и смыслу, и на бездѣліе, какъ на нѣчто безнравственное, созданъ людьми, продающими трудъ; основа этого взгляда лежитъ въ воспоминаніи о голодѣ, отъ котораго спасъ трудъ, и въ смыслѣ о благахъ, которыя можно купить на трудъ.

И люди, „продающіе трудъ“, совершенно не сознаютъ и не хотятъ сознавать, что продажа труда, это — такая же *проституція*, какъ продажа любви. Эта мысль совершенно чужда сознанію современнаго человѣка. Попытки указать на неправильность нашего отношенія къ труду, въ родѣ „Недѣланія или дѣла“ Толстого и статей Глѣба Успенскаго („Крестьянинъ и крестьянскій трудъ“ и др.), не обратили на себя достаточнаго вниманія.

Недавно мнѣ было очень интересно встрѣтить глубокія и вѣрныя мысли о трудѣ въ статьѣ нашей соотечественницы А. Л. Погосской „Трудъ есть любовь“ („Work is Love“), въ журналѣ „The Theosophist“, издающемся въ Индіи.

А. Л. Погосская говоритъ:

„Пока большинство считаетъ правильнымъ зарабатывать *любымъ способомъ*, первой встрѣтившейся подходящей работой, пока заработокъ и простое накопленіе богатствъ есть единственная цѣль труда — неправильное отношеніе къ труду не можетъ измѣниться. Очень странно, что, несмотря на высокую культуру и на этическія вліянія, идущія къ намъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ вѣковъ, идеалы труда находятся у насъ въ младенческомъ состояніи. Въ другихъ сферахъ мы ушли гораздо дальше. Напримѣръ, если молодая дѣвушка выходитъ замужъ за стараго богатаго челонѣка, не любя его, но желая только имѣть комфортабельную жизнь, то отношеніе къ ея поступку будетъ совершенно ясно. Всякій поймете, что она дѣйствовала нехорошо и безчестно. И въ такихъ бракахъ мотивы обыкновенно заботливо скрываются. Стыдъ слишкомъ великъ.

Но, если человѣкъ беретъ какую-нибудь работу безъ любви, то объ этомъ никто не думаетъ, какъ о чемъ то дурномъ. Пока человѣкъ зарабатываетъ деньги, онъ можетъ дѣлать всякую безполезную и даже вредную работу.

Молодой человѣкъ или дѣвушка о чемъ то мечтаютъ, стремятся къ пріобрѣтенію научныхъ знаній. Родители тратятъ деньги на ихъ „воспитаніе“. Потомъ этотъ молодой человѣкъ или молодая дѣвушка будутъ продавать водку или служить въ акцизѣ; и при этомъ будутъ искренно считать себя выше кухарки или сапожника; очевидно, понятія смѣшались. Люди, говоря о трудѣ, берутъ не трудъ а заработокъ; трудъ, какъ служеніе, для нихъ пустой звукъ.

Они берутъ заработокъ, т.-е. рабство. И эта путаница понятій, ставшая привычной, производитъ огромное зло, которое мы приписываемъ причинамъ, внѣ нашего контроля. Такимъ ошибочнымъ отношеніемъ къ труду полонъ весь міръ, и оно больше всего другого препятствуетъ нашему движенію по правильному пути“.

Разсмотрѣніе труда, *какъ онъ есть*, какъ мы его видимъ въ жизни, не даетъ правильнаго пониманія. Мы видимъ совершенно раз-

личные виды труда, настолько различные, что ихъ невозможно называть однимъ словомъ. Анализъ плохо помогаетъ. Общія черты совершенно отсутствуютъ во многихъ видахъ труда.

Необходимо попробовать синтетическій методъ: соединить вмѣстѣ тѣ черты труда, которыя дѣлаютъ его *положительнымъ явленіемъ* для самого трудящагося и для окружающихъ, и посмотрѣть, нѣтъ ли въ жизни группъ или отдѣловъ труда, подходящихъ подъ такія требованія, т. е. включающихъ въ себя всѣ условія, которыя дѣлаютъ трудъ *положительнымъ*.

Трудъ положительнаго характера это—прежде всего такой трудъ, который *не продается*, т. е. совершается не ради *постороннеи* ему цѣли, а ради цѣли, заключевной въ немъ самомъ, ради его собственнаго результата.

Затѣмъ это трудъ, который человѣкъ дѣлаетъ *для себя*, такой трудъ, результаты котораго нужны и пріятны ему лично, или трудъ альтруистическій, *для другихъ*. Но во всякомъ случаѣ человѣкъ долженъ знать, *для кого* его трудъ. Ему не должны быть безразличны результаты его труда. Согласіе людей совершать трудъ, не зная его результатовъ, это главное проклятіе нашей жизни.

Дальше, это трудъ, который человѣкъ началъ *самъ*, по собственному почину, по собственной иниціативѣ, или если это трудъ, начатый другими, то во всякомъ случаѣ такой трудъ, съ которымъ онъ согласенъ, смыслъ и цѣль котораго онъ понимаетъ, къ которому онъ присоединился добровольно, не ради платы.

Для того, чтобы обладать всѣми этими свойствами, т.-е. быть *своимъ*, а не чужимъ,—совершаться съ сознаніемъ цѣли и результатовъ—и являться проявленіемъ воли и иниціативы человѣка, трудъ долженъ быть *цѣльнымъ*, т.-е. въ результатѣ долженъ давать что-нибудь *цѣлое*, законченное, понятное, опредѣленное и *нужное*.

Затѣмъ необходимо, чтобы трудъ являлся выраженіемъ личности и индивидуальности человѣка, не былъ чѣмъ-то *отдѣльнымъ* отъ него, не былъ *ниже* его, ниже его пониманія, его силъ и способностей. Трудъ долженъ быть такимъ, чтобы человѣкъ могъ вкладывать въ него *всего себя*.

Обладающій всѣми этими свойствами трудъ является чрезвычайно сильно *воспитывающимъ*; онъ воспитываетъ всего человѣка, его умъ, чувство и волю. Затѣмъ такой трудъ служитъ *познанію*, можетъ давать познаніе путемъ творчества, служитъ внутреннему росту.

Если трудъ ниже человѣка, человѣкъ, совершая его, не растетъ, а понижается, ослабѣваетъ, теряетъ силы.

Разсматривая съ поставленной точки зрѣнія всѣ извѣстныя намъ виды, типы и подраздѣленія труда, мы безъ всякаго затрудненія увидимъ, что всѣми указанными свойствами положительнаго труда обладаетъ только *творческій художественный трудъ*. И что вообще трудъ нужно расчѣпивать по количеству творческаго элемента въ немъ.

Этотъ творческій элементъ часто дѣлаетъ высоко-художественнымъ внутренно, внѣшне совершенно нехудожественный трудъ. Это именно понималъ, въ своихъ мечтахъ о *гармоническомъ трудѣ*, непонятый и даже плохо понимавшій самъ себя философъ-мистикъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ полосъ нашего безвремевія.

Повявъ трудъ со стороны творчества и художественности, мы вмѣстѣ съ тѣмъ поймемъ, что проблема труда ставится у насъ вообще совершенно неправильно.

Трудъ не творческій и не художественный *не нуженъ совсѣмъ*. Эволюція труда заключается не въ облегченіи его, не въ повышеніи его продажной цѣнности, а въ превращеніи его въ творческій и художественный. Только творческій трудъ не есть „проклятіе Божіе“. Все, что въ трудѣ не способно эволюціонировать въ этомъ направленіи, должно исчезнуть совсѣмъ. Будущее принадлежитъ творческому и художественному труду, въ которомъ единственно можетъ проявиться *весь* внутренній міръ человѣка, и который единственно содѣйствуетъ внутреннему росту.

Всякій *не творческій* трудъ есть остановка, задержка въ развитіи — тупикъ, изъ котораго нужно выйти, пятясь назадъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найденъ поворотный пунктъ. Всѣ стремленія къ освобожденію отъ эксплуатаціи обыкновеннаго труда, не художественнаго и не творческаго, совершаемаго за плату, это — не что иное, какъ стремленіе къ регистраціи проституціи.

Эволюція труда есть эволюція художественнаго и творческаго труда, *только этотъ* трудъ можетъ быть *сознательнымъ*, потому что дѣйствительно *сознательный работникъ* не удовлетворится механическимъ и не художественнымъ трудомъ.

Эти идеи должны быть необыкновенно близки человѣку высшаго типа, и для него это должна быть *не отвлеченная идея*, а главный мотивъ всей жизни. Человѣкъ внутренняго роста, человѣкъ, приближающійся къ высшему типу, не долженъ и не можетъ соглашаться на рабскую работу, на проституцію труда. Работа безъ

элемента творчества въ ней, работа, не служащая украшенію жизни, не служащая будущему, должна быть невозможна для него, или невыносимо тяжела. И если обстоятельства жизни принуждаютъ его къ такой работѣ, принуждаютъ его проданать свой трудъ, то онъ все-таки всегда найдетъ возможность отдать хоть маленькій уголокъ своей души какой-нибудь творческой работѣ. Жизнь совсѣмъ безъ всякой творческой работы, безъ всякаго служенія будущему станетъ для него совершенно невозможной. И онъ найдетъ среди условій нашей жизни, среди фактическаго роста всего некраснаго и безобразнаго, пути и способы проявленія своего пониманія идеи труда. Но онъ увидитъ, насколько это трудно; научится понимать при этомъ, что значатъ евангельскія слова о невозможности служить одновременно Богу и мамонѣ.

Чудеса человѣческой души.

Всякій, кто задумывался надъ духовной жизнью слѣпо-глухо-нѣмыхъ, не могъ не почувствовать жгучаго любопытства къ загадкѣ: какъ воспринимаютъ эти несчастные, обиженные судьбою, окружающій міръ и какъ вообще складываются ихъ душевныя переживанія? Понятный этотъ интересъ увеличивается еще при мысли о томъ, что среди нихъ,—казалось бы, „нищихъ духомъ“, въ полномъ смыслѣ слова,—горитъ яркимъ свѣтомъ такая глубокая, сложная и могучая личность, какъ американка Эленъ Келлеръ.

Объ этой замѣчательнѣйшей женщинѣ, которой сейчасъ всего 32 года, существуетъ уже цѣлая литература. Послѣдняя обогатилась еще одной книгой,—вышедшей въ Парижѣ: Gérard Harry. Le miracle des hommes Helen Keller. Avant-propos par M-me Georgette LeBlanc-Maeterlinck. Названной книгѣ, предлагающей нѣкоторыя новыя подробности о жизни и духовномъ развитіи знаменитой американки—„чуда среди людей“, удѣлено вниманіе и въ русской печати. Снова и снова привлекаютъ къ себѣ напряженный интересъ „загадки души“ (такъ называется статья И. Вѣтрова въ „Совр. Сл.“—№ 1814,—которую мы ниже цитируемъ), загадки человѣческой души, не знающей никакихъ преградъ, вырывающейся на свободу даже тамъ, гдѣ она, повидимому, заключена была въ *глухую темницу* навѣки.

Эленъ Келлеръ родилась въ концѣ іюня 1880 года въ небольшомъ городкѣ Тускумбіи, въ штатѣ Алабама. Ея отецъ былъ богатъ и образованъ, мать была значительно моложе отца. Первые 19 мѣсяцевъ своей жизни она, какъ извѣстно, была совершенно нормальнымъ ребенкомъ, но на 20-мъ мѣсяцѣ жизни внезапное мозговое и желудочное разстройство лишили ее зрѣнія, слуха и способности рѣчи и сдѣлали ее самымъ безпомощнымъ изъ живыхъ существъ.

Родители ея были совершенно подавлены этимъ несчастіемъ. Они удовлетворяли ея физическія потребности, изъ жалости не противорѣчили и ея капризамъ, но лѣчить ее не считали даже возможнымъ. Все же, когда ей минуло 6 лѣтъ, они повезли ее къ знаменитому окулисту въ Балтимору. Послѣдній призналъ ея слѣпоту неизлѣчимой, но для излѣченія слуха направилъ ихъ къ великому физику Грэхемъ Беллу, изобрѣтателю телефона и фотофона и учителю глухо-нѣмыхъ. Беллъ въ свою очередь направилъ ее въ Бостонскій институтъ Перкинса.

Здѣсь жила въ качествѣ учительницы слѣпыхъ Анна Сюливенъ, поступившая въ институтъ сначала въ качествѣ больной начавшейся слѣпотой и здѣсь же излѣчившаяся. Ей было 21 годъ, и она рѣшилась взять на себя превращеніе Эленъ Келлеръ въ сознательное человѣческое существо, для чего переѣхала въ ея родной городокъ Тускумбію въ домъ ея родителей.

Знакомство Эленъ Келлеръ съ внѣшнимъ міромъ началось съ того, что ея учительница чертила на ея ладони слова „пирожное“ и „кукла“ на англійскомъ языкѣ и затѣмъ давала ей ощупывать эти предметы. Такимъ образомъ, мало-по-малу удалось установить въ умѣ Эленъ соотношеніе между этими предметами и словами, начерченными на ея ладони. Затѣмъ, имѣя въ виду, что всякое дитя воспринимаетъ сразу цѣлыя слова и фразы и лишь впослѣдствіи научается расчленять ихъ на буквы и звуки, учительница чертила на ея ладони цѣлыя фразы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Эленъ изучила около 60 словъ, означающихъ осязаемые предметы, посуду, мебель и т. п. Наконецъ, она поняла, что каждое слово соотвѣтствуетъ какой-либо вещи, и она начала дотрагиваться до различныхъ вещей и спрашивать, какъ онѣ называются. Тогда же впервые она поняла, что ея учительница является ея избавительницей отъ вѣчнаго мрака и безмолвія и стала относиться къ ней съ нѣжностью.

До сихъ поръ дѣло шло только о вещахъ, къ которымъ можно было прикасаться. Оставалась еще огромная область абстрактныхъ понятій, чувствъ и идей, которыя двигаютъ людьми и всей исторіей человѣчества, но не имѣютъ запаха и не поддаются познанію на ощупь. Какъ же внушить ихъ?

Однажды, когда Элень задумалась, учительница написала ей на лбу слово „думать“. При этомъ, повидимому, воображеніе Элень установило связь между тѣмъ, чѣмъ она была сейчасъ занята, и словомъ, которое ей начертили. Это было ея первымъ представленіемъ о нематеріальной вещи и оно послужило для нея мостомъ для пониманія другихъ неосязаемыхъ вещей: нѣжности, раздраженія, сомнѣнія, гордости, любви и т. п.

Теперь уже было легко обучить ее алфавиту, спеціально для нея сдѣланному изъ рельефныхъ буквъ, затѣмъ чтенію, языкамъ и разнымъ наукамъ. Ей удалось даже сдать кандидатскій экзаменъ при университетѣ при помощи третьяго лица, которое передавало ей вопросы, чертя ихъ на ея ладони, отвѣты же Элень давала письменно.

Изъ несчастнаго человѣческаго обрубка, Элень Келлеръ, слѣпая и глухо-нѣмая, превратилась въ женщину, знающую основательно математику, астрономію, языки латинскій и греческій, англійскій, французскій и нѣмецкій. Она пишетъ поэтическія произведенія, а также статьи по философіи, психологіи и соціальному вопросу. Она—горячая соціалистка и въ статьяхъ своихъ отстаиваетъ интересы рабочихъ массъ. Но прежде всего она — усердная дѣятельница по образованію лицъ, лишенныхъ тѣхъ же чувствъ, что и она. По общественной подпискѣ ею основанъ институтъ для учительницъ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ и создана библіотека, напечатанная спеціальнымъ шрифтомъ и состоящая изъ массы учебниковъ и классическихъ произведеній на разныхъ языкахъ. Кромѣ того, Элень Келлеръ шьетъ, вышиваетъ, рисуетъ, гребетъ, ѣздитъ верхомъ, играетъ въ шахматы и въ карты и развитѣе трехъ четвертей нормальныхъ женщинъ и мужчинъ. Она посѣщаетъ музеи, выставки и театры и выноситъ оттуда впечатлѣнія не менѣе богатыя, чѣмъ тѣ, которыя выносятся нормальными людьми.

Маркъ Твэнъ сказалъ о ней: „Девятнадцатый вѣкъ видѣлъ смерть и рожденіе двухъ исключительныхъ существъ: Наполеона и Элень Келлеръ“. Англійскій путешественникъ Вильямсъ пишетъ о ней: „Соединенные Штаты обладаютъ двумя диковинками свѣта: Элень Келлеръ и Ніагарскимъ водопадомъ“.

Двухтомная автобіографія „The Story of my life“, написанная Элень Келлеръ, представляетъ собою самую замѣчательную книгу, которую когда-либо написалъ человѣкъ.

Какимъ же образомъ, спроситъ читатель, все это чудесное превращеніе Элень Келлеръ стало возможно? Дѣло въ томъ, что обоняніе и осязаніе заняли въ ея развитіи то мѣсто, которое у нормальныхъ людей принадлежитъ обыкновенно зрѣнію и слуху. При помощи обонянія она получила понятіе о разстояніи и перспективѣ и даже о цвѣтахъ. Различая какой-нибудь запахъ вблизи или издали, она устанавливаетъ для себя линію горизонта. О присутствіи многихъ вещей, которыхъ нормальные люди не замѣчаютъ, она имѣетъ представленіе только благодаря ощущенію своихъ ноздрей. Понятіе объ оттѣнкахъ цвѣтовъ она составила себѣ по аналогіи съ различными запахами: зеленый цвѣтъ соотвѣтствуетъ для нея свѣжести, красный — силѣ, бѣлый—чистотѣ и т. п. Осязаніе ея такъ развито, что она ощущаетъ различіе колебаній воздуха, производимыхъ звуками нашего голоса. Въ атмосферѣ она различаетъ колебанія, совершенно недоступныя для обыкновенныхъ людей. Пожатіе чьей-либо руки даетъ ей понятіе о характерѣ ея обладателя, объ его умѣ, привычкахъ, профессіи. Рука говоритъ ей не линіями своими, какъ утверждаютъ хироманты, а только температурой, эластичностью, игрой мускуловъ и нервовъ.

Жена Метерлинка, въ свою очередь знаменитая артистка, Жоржетъ Леблянъ-Метерлинкъ посѣтила Элень Келлеръ въ началѣ 1912 года, и она свидѣтельствуетъ, что послѣ нѣсколькихъ пожатій руки Элень Келлеръ описала главныя черты ея характера лучше, чѣмъ это могли бы сдѣлать многіе изъ ея старыхъ друзей. Когда г-жа Метерлинкъ явилась къ Элень Келлеръ въ третій разъ безъ предупрежденія, послѣдняя узнала ее, пожавъ ея руку, хотя ей не говорили, кто пришелъ. А надо замѣтить, что этотъ третій визитъ былъ совершенно неожиданнымъ, потому что г-жа Метерлинкъ во время предыдущаго своего посѣщенія окончательно простилась съ Элень Келлеръ, и предполагалось, что она уже уѣхала въ Европу.

Но интереснѣе всего сны Элень Келлеръ и общій взглядъ ея на жизнь. Во снѣ она часто видитъ себя въ морѣ свѣта и воспринимаетъ окружающее помимо осязанія. Любовь ея къ жизни велика необычайно. Первое понятіе о старости и смерти привело ее въ отчаяніе и ужасъ, но съ теченіемъ времени они разсѣялись безслѣдно. Она жизнерадостна и смотритъ на жизнь оптимистически. Она считаетъ даже, что счастливѣе нормальныхъ людей, потому что сомнѣвается, чтобы послѣдніе могли получить отъ зрѣнія больше удовольствія, чѣмъ она получаетъ отъ всего благодаря обонянію.

Элень Келлеръ научилась даже говорить, хотя она не слышитъ своего голоса. На послѣднемъ отологическомъ конгрессѣ Гарвард-

ской медицинской школы она даже *пѣла*. Но говорить она медленно пока и для быстроты бесѣды пользуется чаще всего помощью своей учительницы, которая до сихъ поръ находится при ней и пишетъ на ея ладони все, что ей говорятъ, тогда какъ Эленъ Келлеръ даетъ свои отвѣты письменно.

Принимая во вниманіе сновидѣнія ея, во время которыхъ она воспринимаетъ явленія помимо осязанія, не разъ задавались вопросомъ, не сохранила ли она въ памяти отпечатковъ окружающаго міра съ той отдаленной поры, которая предшествовала потерѣ ею зрѣнія и слуха, т.-е. до 20-го мѣсяца ея жизни? Сама Эленъ Келлеръ полагаетъ, что отъ этого періода жизни у нея осталось кое-что въ памяти. Но въ этомъ можно сомнѣваться, и вотъ по какой причинѣ. Во Франціи въ 1885 году въ Нижней Луарѣ въ Верту въ семьѣ бѣднаго и невѣжественнаго бочара Эртэнъ (Heurtin) родилась дочь Марія, оказавшаяся глухо-нѣмой и слѣпой отъ рожденія. Тѣмъ не менѣе, когда ее на десятомъ году жизни отдали на воспитаніе въ Ларнейскій женскій монастырь около Нуату, въ 320 километрахъ отъ Парижа, гдѣ воспитываются глухо-нѣмыя и слѣпыя дѣвочки, Марію тоже оказалось возможнымъ научить грамотѣ и разнымъ работамъ. Это доказываетъ, что человѣческій мозгъ одаренъ духовной впечатлительностью съ самаго рожденія, а не благодаря развивающимся впослѣдствіи внѣшнимъ чувствамъ зрѣнія и слуха. (О Маріи Эртэнъ написалъ интересную книгу „Ames en prison“ Лун Арну).

Эленъ Келлеръ, какъ и Марія Эртэнъ и Лаура Бриджменъ и другія глухо-нѣмо-слѣпые, которыхъ по статистикѣ 1909 г. насчитывается во всемъ мірѣ 338 человѣкъ, представляютъ собою благодарный матеріалъ для психолога. Послѣдній можетъ изучать на нихъ развитіе человѣческой души и убѣдиться, что въ основаніи нашей душевной жизни лежатъ чувства осязанія и обонянія, общія у человѣка съ животными. Но между тѣмъ, какъ послѣднія ни до какихъ общихъ понятій, ни до самопознанія никогда не доходятъ, человѣкъ лишенный даже того зрѣнія и слуха, которые имѣются у животныхъ, можетъ сравняться по духовному развитію съ нормальными людьми и даже превосходить ихъ своими дарованіями. Здѣсь душевная жизнь развивается какъ бы „изъ ничего“, и вѣковѣчная загадка души становится еще болѣе запутанной, чѣмъ когда-либо, — замѣчаетъ авторъ упомянутой статьи.

Но примѣръ глухо-нѣмо-слѣпыхъ даетъ поводъ и къ нѣкоторымъ богатымъ выводами догадкамъ, чреватымъ практическими послѣдствіями для науки и для воспитанія дѣтей. Знаменитые физики Грэхемъ Бэлль и Эдисонъ извлекли изъ знакомства съ Эленъ Келлеръ извѣстные уроки для своихъ акустическихъ и телефонныхъ опытовъ. Филологи могутъ задаться вопросомъ, не образованы ли и первыя понятія первобытныхъ народовъ путемъ осязанія и обонянія. Педагоги же, убѣдившись въ томъ, какую роль играютъ въ душевной жизни осязаніе и обоняніе, могутъ подумать о большемъ развитіи этихъ чувствъ и у нормальныхъ дѣтей. Главное же для педагоговъ въ томъ, что они убѣждаются, до какой степени умѣло поставленное воспитаніе и обученіе можетъ исправлять видимыя несовершенства человѣческаго организма.

Переворотъ въ наукѣ.

(Принципъ относительности. *)

Конецъ XIX и начало XX столѣтія ознаменованы исключительными успѣхами науки. Не только добыты новые матеріалы, но подверглись пересмотру основныя понятія различныхъ областей знанія. Наиболѣе поразителенъ переворотъ, который испытали физика и химія, — эти, послѣ отвлеченной математики, самыя точныя изъ всѣхъ наукъ. Здѣсь, казалось, были совершенно непоколебимо установлены краеугольныя понятія, и оставалось, повидимому, только достраивать зданіе; однако, нигдѣ эти понятія не подверглись такой коренной ломкѣ, какъ въ физико-математическихъ дисциплинахъ. Достаточно указать на открытіе радіоктивныхъ тѣлъ, которое разрушило наше представленіе о неизмѣнности и недѣлимости атомовъ (само слово „атомъ“ — значитъ „недѣлимое“) и, казалось, дало намъ источникъ самопроизвольно выдѣляющейся энергіи; достаточно упомянуть объ электронной теоріи, кото-

*) Научное открытіе, которому посвящена настоящая статья, — не злободневная новость: оно насчитываетъ уже годы своего существованія, и на книжномъ рынкѣ, въ частности — на русскомъ — появилось масса работъ, посвященныхъ ему. Однако, при всей глубокой важности этого открытія крайняя непопулярность появившихся на русскомъ языкѣ статей, изтагающихъ сущность его, не давала возможности использовать эти статьи для „Бюллетеней“. Только теперь съ появленіемъ въ журналѣ „Природа“ (хі—12 г.) популярнаго очерка проф. О. Д. Хвольсона и отчета о докладѣ этого же ученаго въ петерб. физико-химическомъ обществѣ („День“ № 17 — 13 г.), ред. „Бюллетеней“ считаетъ возможнымъ познакомить съ сущностью „принципа относительности“ и своихъ читателей.

рая дала опытное подтвержденіе существованія атомовъ и уничтожила различіе между матеріей и электричествомъ, приписавъ самой матеріи электрическую природу. Но на этомъ дѣло не остановилось. „Въ настоящее время,— говоритъ проф. О. Д. Хвольсонъ,—мы вновь переживаемъ время ломки стараго научнаго зданія, но такой ломки, которой не знаетъ исторія науки, и которая по обширности и основательности далеко оставляетъ за собою всѣ прежнія. Эта ломка, этотъ неслыханный по своей грандіозности научный переворотъ, прежде всего, тѣмъ замѣчателенъ, что онъ почти одинаково затрагиваетъ всѣ отдѣлы физики. Ни одна изъ частей великаго научнаго зданія, сооруженнаго работою нѣсколькихъ столѣтій, не остается въ прежнемъ ея видѣ; всѣ они до основанія разрушаются, вся физика замѣняется новою. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояніе сравнительно немногихъ, но въ самомъ корнѣ перепачиваются самыя основныя, элементарнѣйшія представленія обыденной жизни, съ которыми мы свыклись съ малолѣтства, которыя казались не подлежащими никакой критикѣ, никакому сомнѣнію. Разрушаются даже такія истины, которыя никогда и никѣмъ не высказывались, не подчеркивались, потому что онѣ казались самоочевидными, и потому, что ими безсознательно пользовались всѣ и клали ихъ въ основу всевозможныхъ разсужденій. Мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду неслыханный, по своей смѣлости и по своей сокрушительной силѣ, взглядъ на понятіе о времени, о длинѣ и о пространствѣ.

Но ученіе, возникшее въ 1905 г. по почину Эйнштейна (Einstein), и извѣстное подъ названіемъ *принципа относительности*, или, какъ иногда говорятъ, *релятивности*, перепорачиваетъ вверхъ дномъ всю физику. Въ сравнительно немногіе, прошедшіе съ того времени годы появилась обширная, почти необозримая, вызванная имъ литература, и происходила дѣятельная постройка новаго научнаго зданія. За это же время появилось пожалуй еще болѣе смѣлое ученіе безвременно скончавшагося Минковскаго, который совершенно уничтожилъ отдѣльное другъ отъ друга понятіе о пространствѣ и времени, сковалъ эти два понятія въ одно нераздѣльное и однородное цѣлое, и этимъ далъ самымъ основамъ принципа относительности новое толкованіе.

До чего глубоко идетъ разрушеніе старой науки и старыхъ ея основъ, видно изъ того, что она заставляетъ отказаться даже отъ основныхъ положеній механики, созданной Ньютономъ и выраженной всѣмъ извѣстными тремя законами движенія. Механика Ньютона, которою жила физика въ теченіе двухъ столѣтій, на которой она строила всѣ свои разсужденія, какъ на вѣковѣчномъ фундаментѣ, уничтожена новымъ ученіемъ: отъ нея почти ничего не остается. Вмѣстѣ съ представленіемъ о пространствѣ и времени, измѣнились и понятія о скорости, силѣ и массѣ, оказались невѣрными такія элементарныя вещи, какъ, напр., законъ параллелограмма скоростей.

Особенно характерною чертою новаго ученія является неслыханная *парадоксальность* многихъ изъ ея, даже простѣйшихъ, выводовъ; они явно противорѣчатъ тому, что принято называть, хотя и далеко не всегда съ достаточною мотивировкою, „здравымъ смысломъ“. Требуется немало усилій надъ самимъ собою и продолжительная работа, чтобы вдуматься въ основы новаго ученія, но еще несравненно труднѣе принять, если можно такъ выразиться — переварить упомянутые, вытекающіе изъ него парадоксы. Пока занимаются новымъ ученіемъ еще сравнительно немногіе люди науки, и немало имъ приходится работать, вдумываться, отказываться отъ всего, къ чему они привыкли, и мало-по-малу пріучать себя мыслить и разсуждать по новому. Если бы новыя идеи добились всеобщаго признанія и пришло бы время сдѣлать ихъ обязательнымъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ людей, то человѣчеству пришлось бы пережить такой интеллектуальный переворотъ, сравнительно съ которымъ переходъ отъ геоцентрическаго міровоззрѣнія къ геліоцентрическому показался бы совершенно простымъ и ничтожнымъ...

Современный же переворотъ характеренъ тѣмъ, что разница между новымъ и старымъ, громадная въ области отвлеченнаго мышленія, совершенно неосязательна на практикѣ. Дѣло въ томъ, что *количественныя* измѣнія, вводимыя новымъ ученіемъ въ численныя значенія всевозможныхъ физическихъ величинъ, зависятъ отъ *скоростей*, съ которыми тѣла движутся. *Если эта скорость мала сравнительно со скоростью свѣта* (300.000 километровъ въ секунду!), *то упомянутыя измѣненія оказываются неизмѣримо малыми*. Но всѣ скорости, съ которыми мы имѣемъ дѣло на земной поверхности, ничтожно малы сравнительно со скоростью свѣта. Поэтому *практически все остается по старому*. Мы сказали, что старая механика разрушена. Но практически она остается неизмѣнной, и астрономы, инженеры, архитектора и т. д. никогда не перестанутъ ею пользоваться, какъ безошибочною основою своихъ разсужденій и вычисленій.

Однако, истинное значеніе всякаго рода

новыхъ мыслей вовсе не опредѣляется только тѣми *практически осязательными* результатами, къ которымъ онѣ приводятъ. Если эти мысли *вѣрны*, если въ нихъ отражается реальное существующее, то онѣ должны возбудить огромный интересъ у всякаго, кому дорогъ прогрессъ пониманія окружающаго насъ міра, возникновеніе новаго міровоззрѣнія, какъ бы не были отвлечены новыя завоеванія человѣческой мысли и неосязательны практическія ихъ результаты".

Прежде всего нужно выяснить источникъ новаго ученія, причины, заставившія науку притти къ принципу относительности. Такимъ источникомъ служитъ исторически сложившійся ходъ ея развитія. Назовемъ системой нѣсколько тѣлъ, движущихся, какъ одно цѣлое (напримѣръ, пароходъ, поѣздъ, земля). Изъ старой механики Ньютона извѣстно, что если такая система движется прямолинейно и равномѣрно, т.-е. проходитъ въ равныя времена одинаковыя разстоянія, то всѣ механическія явленія въ ней происходятъ такъ, какъ если бы она оставалась въ покоѣ; поэтому, находящійся въ системѣ наблюдатель не въ состояніи замѣтить ея движенія. Сидя въ каютѣ мы не замѣчаемъ движенія парохода. Только измѣненіе скорости движенія или переходъ прямолинейнаго движенія въ криволинейное могутъ быть обнаружены. Мы чувствуемъ, когда поѣздъ дѣлаетъ поворотъ, маятникъ Фуко доказываетъ вращеніе земли. Наблюдатель можетъ обнаружить равномѣрное движеніе системы только въ томъ случаѣ, если оно происходитъ въ какой-нибудь неподвижной средѣ. Допустимъ, напримѣръ, что воздухъ неподвиженъ и въ немъ движется поѣздъ. Возьмемъ въ этомъ поѣздѣ двѣ точки и измѣримъ время, въ теченіи котораго звукъ распространится отъ одной точки къ другой; окажется, что время, которое понадобится звуку, чтобы пройти разстояніе между точками въ направленіи движенія поѣзда, будетъ больше, чѣмъ при прохожденіи звука въ обратномъ направленіи, потому что въ первомъ случаѣ звукъ догоняетъ уносящуюся впередъ точку, а во второмъ она идетъ ему навстрѣчу. Совершенно тѣ же самыя разсужденія были перенесены и на свѣтовыя явленія. Какъ извѣстно, свѣтъ объясняется волнами, распространяющимися отъ свѣтящагося тѣла въ особой гипотетической средѣ, называемой эфиромъ. Свойства этой предполагаемой среды подверглись ученымъ всестороннему выясненію, и одно можно считать вполнѣ установленнымъ: если эфиръ существуетъ, то онъ неподвиженъ. Поэтому, равномѣрное движеніе черезъ эту неподвижную среду, какъ и въ примѣрѣ съ воздухомъ, повидимому, можетъ быть обнаружено. Скорость распространенія свѣта въ системѣ, напримѣръ, на землѣ, движущейся черезъ эфиръ, не можетъ быть одинакова въ направленіи движенія земли и въ направленіи, ему противоположномъ. Къ сожалѣнію, во всѣхъ способахъ опредѣленія скорости свѣта (Физо и др.) можно опредѣлить время прохожденія свѣтомъ какого-нибудь пути только туда и обратно. Поэтому былъ придуманъ способъ опредѣлить время, въ теченіе котораго свѣтъ проходитъ разстояніе между двумя точками туда и обратно въ двухъ случаяхъ: когда свѣтъ идетъ по направленію движенія земли и когда онъ идетъ по направленію, перпендикулярному этому движенію. Это былъ знаменитый опытъ Майкельсона, произведенный впервые въ 1881 году, а впослѣдствіи повторенный болѣе точно имъ самимъ и другими учеными. Разница между временами распространенія свѣта въ этихъ двухъ случаяхъ, конечно, очень мала, но опытъ былъ такъ тщательно поставленъ, что можно было обнаружить разницу во много разъ меньшую, чѣмъ та, которая требовалась по теоріи. Однако, всѣ опыты дали отрицательный результатъ, и движеніе земли черезъ эфиръ не было обнаружено. Произошло нѣчто непостижимое, противорѣчащее здравому смыслу и всѣмъ установленнымъ и подтвержденнымъ опытомъ законамъ. Чтобы объяснить этотъ поразительный фактъ, два ученыхъ, Лоренцъ и Фицжеральдъ независимо другъ отъ друга, предположили, что при движеніи тѣла черезъ эфиръ размѣры его укорачиваются по направленію движенія. Это укорачиваніе очень мало, но оно достаточно, чтобы объяснить отрицательный результатъ опыта Майкельсона, такъ какъ, согласно сказанному выше, приборъ приходилось поворачивать на прямой уголъ. Эта странная гипотеза не была принята въ наукѣ.

„И вотъ, въ 1905 г. Эйнштейнъ далъ новое объясненіе неудачи вышеупомянутыхъ опытовъ, исходя изъ такихъ мыслей, которыя, по своей смѣлости, не имѣютъ себѣ подобныхъ. Выводя строго логично всѣ послѣдствія изъ факта, обнаруженнаго этими опытами, онъ создалъ новый, уже всеобъемлющій принципъ относительности, и тѣмъ положилъ фундаментъ новому міровоззрѣнію и тому великому научному перевороту, о которомъ мы уже говорили...

Исходную мысль ученія Эйнштейна можно выразить весьма просто. Вспомнимъ, что несмотря на многочисленныя разнообразныя попытки не *удалось* путемъ опытовъ обнаружить прямолинейнаго и равномѣрнаго движенія земли черезъ эфиръ. Сущность теоріи Эйнштейна за-

ключается въ замѣнѣ словъ „не удалось“ словами *„не можетъ удасться“*. Но существу эта замѣна совершенно измѣнитъ смыслъ и значеніе приведенныхъ словъ.

„Не удалось“ — это исторически сложившійся фактъ, это — неожиданный результатъ многочисленныхъ опытныхъ изслѣдованій, могущій вызвать величайшее удивленіе и недоумѣніе. Этотъ фактъ можно попытаться объяснить, отыскивая возможныя причины страннаго несогласія результата опытовъ съ тѣмъ, что теоретически казалось безусловно вѣрнымъ и необходимымъ. Гипотеза Лоренца и Фицжеральда представляетъ смѣлую попытку такого объясненія.

„Не можетъ удасться“ — это априорно выставленная аксіома, это постулатъ, положенный въ основу новаго міровоззрѣнія. Эти слова означаютъ, что міръ, насъ окружающій, такъ устроенъ, что прямолинейное и равномѣрное движеніе въ пространствѣ ни при какихъ условіяхъ и никакими наблюденіями не можетъ быть обнаружено. Это ни что иное, какъ расширеніе принципа относительности старой механики, который училъ, что въ равномѣрно и прямолинейно движущейся системѣ (лабораторіи) всѣ физическія явленія происходятъ совершенно такъ, какъ въ покоющейся. Но этотъ принципъ не могъ относиться къ явленіямъ, происходящимъ въ *средѣ*, относительно которой система движется, и мы легко убѣдились, что онъ дѣйствительно неприложимъ къ звуковымъ явленіямъ. Новый принципъ утверждаетъ, что указанная невозможность распространяется на всѣ явленія, передатчикомъ которыхъ считался эфиръ, а, слѣдовательно, прежде всего къ явленіямъ свѣтовымъ. *Никакими изслѣдованіями распространенія свѣта нельзя обнаружить прямолинейнаго и равномѣрнаго движенія той системы* (*лабораторіи*), *въ которой находится наблюдатель*. Это слѣдуетъ принять, какъ постулатъ, какъ *уму непостижимое свойства міра*. Ни о какомъ его доказательствѣ, ни о какой попыткѣ его объясненія не можетъ быть и рѣчи. Принявъ его, мы должны на немъ, какъ на главномъ фундаментѣ, построить физику; мы должны постараться вывести всевозможныя вытекающія изъ него *слѣдствія*, и, если это окажется возможнымъ, провѣрить на опытахъ справедливость полученныхъ выводовъ.

Окончательно мы получаемъ такую формулировку перваго изъ двухъ постулатовъ теоріи Эйнштейна: *Міръ, насъ окружающій, такъ устроенъ, что никакими наблюденіями, произведенными въ произвольной системѣ, напр., на землѣ, нельзя обнаружить прямолинейнаго и равномѣрнаго движенія этой системы, и, тѣмъ болѣе, нельзя опредѣлить скорость этого движенія.*

Иначе говоря: *Законы явленій, происходящихъ въ любой системѣ, не зависятъ отъ этой системы, если только скорость ея движенія не мѣняется ни по величинѣ, ни по направленію.*

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что новый принципъ весьма мало отличается отъ стараго, который только распространяется еще и на явленія въ эфирѣ, прежде всего на явленія свѣтовыя. Но въ дѣйствительности это, на видъ небольшое, обобщеніе связано съ величайшимъ переворотомъ въ основныхъ нашихъ представленіяхъ. И это дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что эфиръ, если онъ существуетъ, *неподвиженъ*. Всѣ наши основныя понятія и такъ наз. „здравый смыслъ“ безусловно требуютъ, чтобы движеніе системы въ неподвижномъ эфирѣ могло быть обнаружено. Нашъ постулатъ противорѣчитъ этому требованію, а потому и неудивительно, что вытекающія изъ него послѣдствія привели къ величайшему въ исторіи научному перевороту.

Второй постулатъ Эйнштейна тѣсно связанъ съ первымъ, такъ что нѣкоторые ученые считаютъ его за простое слѣдствіе, вытекающее изъ перваго. Этотъ *второй постулатъ* Эйнштейна гласитъ: *Гдѣ и при какихъ бы условіяхъ не измѣрялась бы скорость свѣта, для насъ всегда получается одна и та же величина с* (*въ пустотѣ*)“...

Слѣдствія изъ положеній Эйнштейна весьма многочисленны; многія изъ нихъ кажутся изумительными и парадоксальными. Здѣсь могутъ быть приведены только немногія слѣдствія и притомъ почти безъ доказательствъ, такъ какъ они потребовали бы серьезной математической подготовки. Прежде всего, всякое представленіе объ абсолютномъ движеніи и абсолютномъ покоѣ должно быть устранено, такъ какъ движеніе отъ покоя, неподвижности, должно было бы отличаться, конечно, по отношенію къ свѣтовымъ явленіямъ. Такъ какъ неподвижный эфиръ все равно, что абсолютный покой, то дальнѣйшимъ слѣдствіемъ принятыхъ положеній будетъ отрицаніе эфира. Въ противоположность господствующей теоріи необходимо принять, что свѣтовыя волны имѣютъ самостоятельное существованіе, что онѣ испускаются свѣтящимися тѣлами, распространяются въ пустотѣ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, и затѣмъ поглощаются тѣлами, на которыя онѣ падаютъ. Далѣе слѣдуетъ центральный

пунктъ новаго ученія. Что же нужно измѣнить въ нашихъ понятіяхъ, чтобы ввести новое міровоззрѣніе? Эйнштейнъ пришелъ къ замѣчательной мысли, что нужно измѣнить наше представленіе о времени.

„Этотъ, на первый взглядъ непостижимо странный взглядъ затрагиваетъ и переворачиваетъ элементарнѣйшія наши представленія, къ которымъ мы привыкли съ малолѣтства, которыми мы непрерывно пользуемся и которыя мы никогда не считали нужнымъ формулировать, убѣжденные въ томъ, что они какъ бы самоочевидны.

Какъ мы представляемъ себѣ время? какъ нѣчто непрерывно и равномѣрно протекающее, съ вѣчно и *вездѣ* одинаковою скоростью. Одно и то же время течетъ во всемъ мірѣ; нѣтъ и, повидимому, быть не можетъ двухъ временъ, которыя *въ различныхъ мѣстахъ вселенной* текли бы не одинаково быстро. Тѣсно съ этимъ связаны наши представленія *объ одновременности двухъ событій*, *о „раньше“ и „позже“* и эти три элементарнѣйшихъ представленія доступныя ребенку, имѣютъ одинаковый смыслъ, кто и гдѣ бы ими не пользовался. Въ понятіи о времени кроется для насъ нѣчто *абсолютное*, нѣчто вполнѣ *безотносительное*...

Положимъ, что, изъ двухъ событій, одно происходитъ на землѣ, а другое на Сиріусѣ. Намъ кажутся ясными и вполнѣ понятными представленія о томъ, что эти два событія произошли одновременно, а также, что первое произошло раньше, или позже второго.

Все это оказывается, по теоріи Эйнштейна, не только совершенно невѣрнымъ, но даже лишеннымъ всякаго смысла. По этой теоріи *никакого абсолютнаго времени не существуетъ*. Каждая изъ двухъ движущихся другъ относительно друга системъ S и S' фактически имѣетъ *свое время*, воспринимаемое и измѣряемое наблюдателемъ, который въ этой системѣ находится и съ нею движется.

Понятіе о одновременности, въ общемъ смыслѣ, не существуетъ. Два событія, которыя происходятъ въ одно и тоже время t системы S, происходятъ въ различные моменты времени t' системы S'. Если, изъ двухъ событій, первое происходитъ во времени t системы S *раньше* второго, то оно во времени t' системы S' фактически можетъ произойти *позже* второго.

Ни объяснить, ни разъяснить мы тутъ ничего не можемъ. Мы можемъ только пригласить нашихъ читателей поработать надъ собою, постараться вникнуть въ эти идеи, настойчиво въ нихъ вдумываться и всѣми силами постараться отречься отъ обычныхъ и какъ будто самоочевидныхъ представленій. Отчасти это, можетъ быть, облегчается тѣмъ, что понятіе о времени, какъ ни какъ, довольно туманное, отвлеченное и мало осязательное. Слѣдуетъ, напримѣръ, спросить себя: что это значитъ, если мы утверждаемъ, что событія на землѣ и на Сиріусѣ произошли одновременно? И мы немедленно почувствуемъ, что это вовсе ужъ не такъ просто, какъ оно сперва кажется, и что формулировать эту одновременность, выяснить ея смыслъ довольно мудрено, или даже невозможно.

На одной и той же системѣ, движущейся какъ цѣлое (напримѣръ, на землѣ), по теоріи Эйнштейна существуетъ *одно только время*, и для двухъ событій, происходящихъ въ различныхъ мѣстахъ этой системы, конечно, существуетъ одновременность, какъ нѣчто вполнѣ опредѣленное, а, слѣдовательно, и слова „раньше“ и „позже“ имютъ вполнѣ опредѣленный, ясный смыслъ, не могущій вызвать никакихъ сомнѣній или недоразумѣній...

Резюмируя, мы скажемъ, что *ученіе Эйнштейна отрицаетъ абсолютный характеръ времени, а потому и существованіе мірового времени*. Время переносится въ списокъ величинъ, имѣющихъ смыслъ только, если ихъ понимать, какъ величины относительныя. *Каждая изъ неодинаково движущихся системъ имѣетъ свое собственное время, и быстрота теченія времени на нихъ неодинаковая*“. *)

Не менѣе парадоксальнымъ кажется и взглядъ Эйнштейна на пространство, занимаемое какимъ-нибудь тѣломъ, и на его форму. Допустимъ, что наблюдатели какой-нибудь системы измѣряютъ длину стержня. Если эта система движется относительно другой, и наблюдатели второй системы одновременно отмѣтятъ точки, въ которыхъ мимо нихъ про-

*) А. Бачинскій въ статьѣ „Старое и новое въ физикѣ“ („Рус. М.“ I—1912 г.) приводитъ примѣръ, иллюстрирующій это научное положеніе. „Если, говоритъ онъ, — въ тѣлѣ, движущемся по отношенію къ наблюдателю, происходитъ какой-нибудь процессъ, то наблюдателю этотъ процессъ всегда представляется замедленнымъ — тѣмъ больше, чѣмъ скорѣе движется тѣло. Если скорость тѣла почти равна скорости свѣта, процессъ покажется почти остановившимся. Иллюстрирую эту мысль такимъ фантастическимъ примѣромъ. Пусть съ какой-нибудь звѣзды выѣзжаетъ двадцатилѣтній юноша-пассажиръ и движется по отношенію къ намъ со скоростью 280.000 километровъ въ секунду. Тогда спустя 40 лѣтъ путешествія ему стукнетъ шестьдесятъ; но если мы слѣдили за нимъ все время, то по нашей оцѣнкѣ ему будетъ въ этотъ моментъ только 33 года“.

несутся концы стержня, то разстояніе между точками не будетъ равно длинѣ стержня. Каждое тѣло, думаетъ Эйнштейнъ, имѣетъ двѣ формы — геометрическую, опредѣляемую наблюдателемъ, находящимся въ той же системѣ, что и тѣло, и кинематическую, опредѣляемую, наблюдателемъ другой системы. Съ перваго взгляда кажется, что принципъ относительности приводитъ къ гипотезѣ Лоренца и Фицжеральда, по которой размѣры тѣла измѣняются при движеніи. Но сходство это только внѣшнее. По гипотезѣ Лоренца, движущееся тѣло фактически укорачивается, тогда какъ по ученію Эйнштейна никакого реальнаго уменьшенія размѣровъ тѣла нѣтъ, и только наблюдатели, находящіеся на разныхъ системахъ, воспринимаютъ различныя формы одного и того же тѣла.

Чрезвычайно поразительны слѣдствія, къ которымъ приводитъ разсматриваемая теорія относительно массы и энергіи. Мы сообщимъ здѣсь только окончательные выводы. Для наблюдателей разныхъ системъ одно и то же тѣло обладаетъ неодинаковой массой. Чтобы сообщить какому-нибудь тѣлу скорость, равную скорости свѣта, необходимо затратить безконечно большую работу, а такъ какъ это невозможно, то такая скорость неосуществима, она является предѣльной. Далѣе оказывается, что кинетическая энергія обладаетъ массой, а такъ какъ одинъ видъ энергіи переходитъ въ другой, то массой обладаютъ и свѣтъ и теплота. Чѣмъ большимъ количествомъ теплоты обладаетъ какая-нибудь система, тѣмъ больше ея масса и наоборотъ. Поэтому, если система выдѣляетъ теплоту, то ея масса уменьшается. Напримѣръ, при соединеніи 16 граммовъ кислорода съ 2 гр. водорода въ воду выдѣляется много тепла, и можно вычислить, что послѣ соединенія получаются не 19 гр. воды, а меньше на 3,2 милліонныхъ милиграмма. Такимъ образомы, и законъ сохраненія вещества оказывается неточнымъ. Наконецъ, въ прошломъ году Эйнштейнъ нашелъ, что всякая энергія обладаетъ нѣкоторымъ вѣсомъ, и поэтому если лучъ свѣта отъ какой-нибудь звѣзды проходитъ мимо солнца, то, какъ всякое вѣсомое тѣло, онъ подвергается дѣйствію всемірнаго тяготѣнія и отклоняется отъ своего пути на 0,83",—величина, доступная астрономическимъ набюденіямъ.

Можно задать себѣ вопросъ, чѣмъ объясняется побѣдоносное шествіе этой смѣлой теоріи, чѣмъ объясняется, что выдающіеся ученые сдѣлались ея ярыми приверженцами, что, несмотря на недавнее появленіе, ей посвящено уже больше 300 работъ? Объясненіе, быть можетъ, заключается въ глубокой особенности нашей психики. Когда-то въ физикѣ господствовало ученіе, что природа боится пустоты (horror vacui). Это ученіе оказалось несостоятельнымъ, но есть въ насъ другой horror — это боязнь абсолютнаго (horror absoluti). Недаромъ многіе философы абсолютнымъ считали только Бога! Но имѣемъ ли мы право переносить свойство нашей психики та природу? Вѣдь наука стремится изгнать всякій антропоморфизмъ. Однако, ненужно забывать, что человѣкъ—самъ созданіе природы, и съ точки зрѣнія пантеизма, отождествляющаго природу съ Божествомъ, глубокое значеніе имѣетъ выраженіе: человѣкъ созданъ по образу и подобію Бога. Изслѣдуя глубины нашей психики, мы можемъ открыть новый источникъ изученія природы, и присущій намъ horror absoluti, быть можетъ, служитъ указаніемъ на истинность принципа относительности. „Слѣдя за доводами сторонниковъ и противниковъ новаго міровоззрѣнія, — закончилъ профессоръ Хвольсонъ, — я спрашивалъ себя, нельзя ли все-таки отказаться отъ этого принципа, и пришелъ къ убѣжденію, что признать его требуетъ horror absoluti."

Кризисъ семейнаго воспитанія.

Первый всероссійскій съѣздъ по вопросамъ семейнаго воспитанія, происходившій въ Петербургѣ въ декабрѣ прошлаго года, всѣми своими докладами и преніями констатировалъ, что Россія переживаетъ серьезный затяжной кризисъ въ дѣлѣ воспитанія юношества.

Считаемъ не лишнимъ познакомить своихъ читателей съ тѣми теченіями, которыя обнаружились на съѣздѣ по этому кардинальному вопросу нашей современности. Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ провинціальной газеты „Голосъ" (№ 30).

Русская семья желаетъ воспитывать, жаждетъ руководящихъ указаній по семейному воспитанію, но воспитывать она не умѣетъ. Средняя школа еще менѣе того способна къ гармоническому воспитанію подростающаго поколѣнія. Въ глазахъ семьи и даже самихъ дѣятелей средней общеобразовательной школы надъ воспитательнымъ вліяніемъ этой школы поставленъ крестъ. Съ современной школой невозможно даже благотворное сотрудничество семьи. Никто не вѣритъ въ ея возрождающую силу, никто не надѣется, что оттуда придетъ помощь для семьи. Приспособленіе школы къ государ-

ственнымъ видамъ, объемъ и методы обученія приносятъ большой вредъ физическому здоровью дѣтей, воспитываютъ отвращеніе къ ученію и книгѣ вообще, развиваютъ школьную лѣность, которою молодежь борется противъ истощенія организма, неискренность и даже враждебность отношеній учениковъ и педагоговъ, уродуютъ какъ учениковъ, такъ и учителей, сосредоточивая все вниманіе первыхъ на дипломѣ, какъ единственномъ цѣнномъ результатѣ школьнаго обученія, а во вторыхъ—угашая проблески педагогическаго творчества, работы по призванію, заглушая чувство справедливости и воспитывая произволъ учительскаго всемогущества надъ дѣтьми.

Только съ новой школой, основанной на автономіи педагогическихъ совѣтовъ и широкомъ участіи родителей во всѣхъ сторонахъ школьной жизни, возможно сотрудничество семьи.

Но что такое современная русская семья въ воспитательномъ отношеніи?

Она не умѣетъ воспитывать потому что невѣжественна въ наукѣ воспитанія и не имѣетъ опредѣленнаго воспитательнаго идеала. Вѣка татарщины и крѣпостничества не дали возможности выработать стройной системы воспитанія, рабское подражаніе Западу наградило лишь безпочвенными обрывками воспитательныхъ системъ и поселило воспитательный хаосъ въ головахъ интеллигентныхъ родителей. Серія русскихъ педагоговъ прошла безслѣдно не только для семьи, но и для школы. Нужно обратиться къ натуральному воспитанію, какъ оно происходитъ въ народной средѣ, и здѣсь найти элементы здороваго воспитательнаго воздѣйствія на подростающее поколѣніе. Въ деревнѣ осуществляются тѣ стороны воспитанія, на которыя все больше и больше обращаетъ вниманіе развивающійся педагогическій опытъ человѣчества. Это—близость къ природѣ, участіе съ раннихъ лѣтъ въ трудовомъ процессѣ семьи, самостоятельность дѣтей, предоставленныхъ въ значительной степени самимъ себѣ и путемъ труда и игръ развивающихъ общественныя чувства, смышленность, выносливость, сердечность отношеній. Развитію этихъ свойствъ содѣйствуетъ и участіе дѣтей во всѣхъ горяхъ и радостяхъ семейной жизни, которыя не прячутся въ деревнѣ отъ дѣтей. Народныя сказки и пѣсни воспитываютъ эстетически и передаютъ наиболѣе цѣнные элементы вѣковой умственной работы человѣчества.

Національзація дошкольнаго воспитанія должна заключаться въ усвоеніи педагогикой этихъ элементовъ деревенскаго воспитанія.

Современная семья не можетъ воспитывать и потому, что ей чуждо самовоспитаніе. Поведеніе родителей является рѣшающимъ факторомъ въ воспитаніи, но это поведеніе чаще всего ведетъ къ порчѣ дѣтей. Алкоголь, нечистота половыхъ отношеній въ семьѣ, грубый семейный эгоизмъ, погоня за матеріальнымъ успѣхомъ, тщеславіе, суетность матерей,—все это портитъ дѣтей. Стремленіе къ показной бутафорской сторонѣ жизни, къ жизни, въ которой на первомъ мѣстѣ стоитъ „казаться“, а не „быть“,—характеризуетъ наиболѣе любимыя дѣтьми произведенія писательницы Чарской. На этихъ произведеніяхъ воспитываются матери и дочери. Они являются суетнымъ катехизисомъ современной семьи, лишенной нравственнаго идеала и цѣльнаго міровоззрѣнія. Отсутствіе цѣльнаго міровоззрѣнія, съ разрушеніемъ традиціонно-религіознаго, лишаютъ семью самого основанія для развитія въ себѣ наиболѣе цѣнныхъ сторонъ воспитательнаго воздѣйствія.

Современная интеллигентная семья не можетъ воспитывать и въ силу экономическихъ условій существованія. Родители, въ томъ числѣ и мать, принуждены большую часть жизни проводить внѣ дома за работой. Дѣти остаются на попеченіи нянекъ, горничныхъ, улицы. Отъ этого страдаетъ здоровье и духовное воспитаніе дѣтей. Переутомленная трудомъ мать, и по возвращеніи домой, уже не носитъ въ себѣ душевнаго равновѣсія для благотворнаго вліянія на дѣтей.

Вспомогательныя учрежденія для воспитанія дѣтей, оставляемыхъ родителями на большую часть дня, въ Россіи мало развиты. Въ этомъ отношеніи она отстала отъ всѣхъ странъ, даже отъ Японіи.

Стремленіе женщины къ экономической самостоятельности и политическому самоопредѣленію дѣлаютъ ослабленіе материнскаго воздѣйствія на дѣтей постояннымъ и общимъ явленіемъ. Поэтому развитіе означенныхъ вспомогательныхъ учрежденій въ видѣ дѣтскихъ садовъ, площадокъ, яслей и т. п. является дѣломъ первостепенной важности.

Отрицательныя стороны современной семьи и растущее разложеніе ея привели нѣкоторыхъ участниковъ съѣзда къ мысли объ упраздненіи семейнаго воспитанія и о замѣнѣ его общественнымъ. Однако, большинство съѣзда не согласилось съ этимъ и остановилось на мысли возродить семью, чтобы воздѣйствіемъ ея сохранить тѣ цѣнныя стороны человѣческаго характера, которыя воспитываются семьей, индивидуальность, являющуюся тѣмъ кусочкомъ геніальности, которое дитя приноситъ въ міръ, теплоту и сердечность отношеній, которыя часто тонутъ въ разсудочности общественнаго воспитанія.

Какъ же можетъ быть реформирована семья? Самовоспитаніемъ родителей и организаціей ихъ съ цѣлями взаимопомощи какъ въ мѣстные семейно-педагогическіе кружки, такъ и въ всероссійскій союзъ родителей, который поставитъ своей цѣлью объединеніе всѣхъ мѣстныхъ кружковъ, созданіе новыхъ и содѣйствіе родителямъ въ выработкѣ и проведеніи въ жизнь началъ новаго воспитательнаго воздѣйствія семьи. Общій же сдвигъ семейной жизни къ ея возрожденію можетъ дать только преобразованіе всей жизни на демократически-трудовыхъ началахъ.

Въ отношеніи полового воспитанія дѣтей—самое главное развитіе въ дѣтяхъ такого отношенія къ фактамъ этого рода, чтобы они больше всего обращали вниманіе на духовную сторону половыхъ отношеній, серьезность и глубину полового чувства въ жизни природы. Одухотвореніе полового чувства при серьезности отношенія родителей къ его проявленіямъ при постепенномъ и осторожномъ сообщеніи свѣдѣній о половой жизни самими родителями, является главными чертами полового просвѣщенія

Совмѣстное обученіе, начинаясь съ первыхъ лѣтъ школьнаго обученія весьма благотворно дѣйствуетъ на половое воспитаніе дѣтей; но оно не является панацеей отъ всѣхъ воспитательныхъ золъ, требуетъ исключенія изъ общей школьной семьи дѣтей испорченныхъ или преждевременно проявляющихъ половое чувство—и частыхъ съѣздовъ дѣятелей школъ совмѣстнаго типа для обмѣна мнѣній по практикѣ совмѣстнаго воспитанія.

Таковы въ главнѣйшихъ чертахъ тѣ теченія, которыя выразились на съѣздѣ въ главнѣйшихъ докладахъ и въ обмѣнѣ мнѣній между участниками съѣзда. Послѣдній обнаружилъ, что современная семья поставлена въ тупикъ, что въ ней завелась червоточина. Онъ не далъ, или очень мало далъ рецептовъ воспитательнаго воздѣйствія, на что былъ особенно великъ спросъ между собравшимися родителями, но далъ возможность высказать то, что наболѣло, и что несомнѣнно послужитъ толчкомъ для дальнѣйшей работы мысли.

Отзывы о книгахъ.

384. [. . . . .] 016:087

Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія. Отд. дѣт. чт. Комисс. по орг. домаш. чт. при Уч. Отд. М. О. Р. Т. 3. Изд. 2-е, дѣт. библ. М. В. Березниковой. М. 1912. Стр. 259. Ц. 75 к.

На книжный рынокъ выбрасывается масса всяческихъ дѣтскихъ книгъ. Но часто ли при этомъ задаются вопросомъ, насколько эти книги, столь самоувѣренно предназначаемыя для дѣтей, дѣйствительно отвѣчаютъ запросамъ и интересамъ послѣднихъ, развиваютъ ихъ художественный вкусъ и здоровую пытливость? Нѣтъ, чаще надѣются, что у невзыскательнаго малыша многое сойдетъ, и какой-нибудь аляповатой картинкой нетрудно его подкупить. При такой пестротѣ и сомнительной художественной и педагогической доброкачественности дѣтской литературы особый интересъ могутъ имѣть указатели и каталоги; за послѣднее время и ихъ развелось немало, нужно разбираться и въ нихъ, такъ какъ и здѣсь отборъ книгъ сплошь-и-рядомъ бываетъ произвольнымъ, и рекомендуется подчасъ книга, совсѣмъ непригодная для дѣтскаго чтенія. Этого нельзя сказать про вышедшій недавно *„Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія"*. Составители его оказались достаточно требовательными и строгими, чтобы отвергнуть нехудожественное, сантиментально-тенденціозное, по недоразумѣнію адресованное для дѣтей. Въ каталогѣ такъ и выдѣлена особая рубрика, оказавшаяся довольно обширной, этихъ *нерекомендуемыхъ* книгъ. И читатель хорошо сдѣлаетъ, если съ нея и начнетъ обзоръ этого каталога. Онъ найдетъ здѣсь и мотивировку, почему та или иная книга попала въ этотъ проскрипціонный списокъ. При чемъ составители признаютъ, что подборъ книгъ для подростковъ (17—18-ти л.) далеко не полонъ, такъ что имѣется въ виду составить для старшаго школьнаго возраста спеціальный каталогъ въ связи съ вопросомъ о систематическомъ чтеніи. Можно думать, что тогда возникнутъ нѣкоторые новые отдѣлы, теперь совсѣмъ отсутствующіе: философія, искусство, общественныя науки. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд." 1913—25*).

Каталогъ библ. Б. появляется 2 изданіемъ (1-е вышло въ 1908 г.): оно почти вдвое больше перваго и содержитъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ. Вся дѣтская литература распредѣлена въ указателѣ на 4 возраста, при чемъ въ старшій возрастъ включены и книги для подростковъ: книги для каждаго возраста разбиты на подробные отдѣлы по характеру произведеній, при чемъ въ отдѣлахъ научныхъ книгъ беллетристика отдѣлена отъ собственно научныхъ; особые отдѣлы составляютъ: книги дешевыя (до 15 коп.) по беллетристикѣ, также распредѣленныя по возрастамъ; книги на франц., нѣмецк., украинскомъ языкахъ; дѣтскій театръ; игры и забавы, дѣтскіе журналы и библіографическіе указатели. Въ концѣ указателя помѣщенъ списокъ книгъ, нерекомендуемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, часть книгъ съ отзывами, относительно другихъ сдѣлана ссылка на журналъ „Нов. Дѣт. Литер.", гдѣ помѣщены были отзывы о нихъ. Большими достоинствами указатели является обширный, хорошо подобранный матеріалъ, указывающій на широкое и основательное знакомство съ дѣтской литературой, детальныя рубрики, имѣющія большое значеніе въ указателяхъ безъ отзывовъ, затѣмъ отдѣлы книгъ на иностранныхъ языкахъ, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ указателей. Выдѣленіе дешевыхъ книгъ внесло нѣкоторую путаницу въ общую систему, тѣмъ болѣе, что выдѣленіе это коснулось только беллетристики. Не вполнѣ удовлетворяетъ насъ отдѣлъ для подростковъ — онъ носитъ случайный характеръ, особенно въ отдѣлахъ научныхъ, гдѣ рядомъ съ легкими, элементарными книгами, помѣщены книги, которыя не всегда могутъ быть отнесены къ популярнымъ. Не вполнѣ согласны мы съ отрицательной оцѣнкой нѣкоторыхъ книгъ въ отдѣлѣ нерекомендуемыхъ: (Лукашевичъ—Босоногая команда, Гамильтонъ-Даніэль—Сильные сердцемъ и др.). Отсутствіе алфавита авторовъ затрудняетъ пользованіе указателемъ. Всѣ указанные недочеты незначительны въ сравненіи съ достоинствами указателя, и мы считаемъ его однимъ изъ лучшихъ указателей безъ отзывовъ и рекомендуемъ его школамъ, библіотекарямъ, семьямъ и всѣмъ, занимающимся дѣтскими книгами. (*О. Капица. „Семья и Шк." 1912—11*).

На каталогѣ лежитъ печать случайности, приводящей къ противорѣчіямъ. Впечатлѣніе получается такое, словно составители не спѣлись, и потому каталогъ лишенъ той общности принциповъ, которая изъ коллективной работы создаетъ стройное цѣлое. Нельзя ни указать на самое слабое мѣсто каталога—переводную литературу. Каталогъ долженъ бы отмѣтить лучшіе переводы, но это здѣсь вовсе не дѣлается. Мало того, что не дѣлается разграниченій, зачастую рекомендуется лишь одинъ, но очень плохой переводъ, когда существуютъ другіе лучшіе. Въ каталогъ включены книги распроданныя и не переиздававшіяся. А какой смыслъ имѣютъ приведенные въ концѣ каталога, въ „спискѣ библіографическихъ указателей по дѣтскому чтенію и руководствъ по библіотекѣ-читальнѣ" указатели 80-хъ гг., которыми теперь пользоваться для практическихъ цѣлей совсѣмъ не приходится. Въ каталогѣ съ одной стороны много пробѣловъ, съ другой — много ненужнаго. Въ библіографическомъ отношеніи онъ чрезвычайно слабъ. На руководящую роль новый каталогъ претендовать не можетъ и нуждается въ переработкѣ. (*Х. Г. „Ист. Восп." 1913—1*).

385. Сватиковъ, С. Г. 016:7

Обзоръ литературы по исторіи искусства. Спб. 1912. Стр. 16. Ц. 15 коп.

Этотъ краткій, далеко не полный обзоръ авторъ предназначилъ для „трудовой интеллигенціи", для людей небогатыхъ и, думается, напрасно сузилъ свою задачу. Онъ могъ выпустить

указатель книгъ, задавшись цѣлью исчерпать по возможности полис литературу по искусству, отмѣчая въ своемъ указателѣ наиболѣе необходимыя и наиболѣе доступныя по цѣнѣ книги. Изъ пропущенныхъ книгъ хотѣлось бы указать „Жизнеописаніе Бенвенуто Челлини“ — драгоцѣнный документъ эпохи Возрожденія. Во всякомъ случаѣ и этотъ обзоръ будетъ полезенъ. (*В. Л. Р. „Совр. М.“ 1912—12*).

Въ послѣдніе годы въ различныхъ слояхъ русскаго общества замѣчается повышеніе интереса къ произведеніямъ и вопросамъ искусства. Однако, лицамъ, желающимъ получить общую подготовку къ пониманію и истолкованію произведеній искусства, приходится встрѣчать у насъ значительныя затрудненія. Наша литература по искусству и не обильна, и порядка въ ней нѣтъ. Книжка С. сослужитъ всѣмъ интересующимся искусствомъ большую службу, давъ имъ руководящую нить въ чрезвычайно хаотичной литературѣ. Авторъ прекрасно разбирается въ литературѣ вопроса — и его маленькій путеводитель отлично поможетъ русскому читателю найти по всѣмъ вопросамъ искусства нужную и и доступную книжку. (*Б. „Нов. Журн. для Вс.“ 1913—1*).

386. Бачалдинъ, И. 028:257(47)

Что читаютъ въ духовной школѣ? (Анкета среди учащихся). Вологда. 1912. Стр. 36. Ц. 15 к.

Забытая школа, эта наша современная бурса! Оффиціальный, казенный режимъ налагаетъ свою властную руку на будущихъ пастырей, заставляетъ ихъ заранѣе тяготиться своей вынужденной миссіей и на сторонѣ, крадучись, искать удовлетворенія своей здоровой пытливости. Что же читаютъ учащіеся въ духовной школѣ, что хотятъ читать, чѣмъ питается ихъ свободная мысль? Это вопросы злободневные, очень важные. Не праздное любопытство заставляетъ ставить ихъ. Б. продѣлалъ очень нужную и цѣнную работу, тѣмъ болѣе, что исполнилъ ее добросовѣстно и серьезно. Воспитанникамъ всѣхъ классовъ вологодской духовной семинаріи въ началѣ 1910—11 гг. онъ предложилъ дать анонимный отвѣтъ на 4 вопроса: 1) Что вы читали нынѣшнимъ лѣтомъ? 2) Что вы читали въ прошломъ учебномъ году? 3) Изъ прочитанныхъ вами (за все время вашего ученія) книгъ какія особенно понравились вамъ и почему? и 4) Какія книги вамъ хотѣлось бы прочитать и почему вамъ не удалось ихъ прочитать до сихъ поръ? Очевидно, учащіеся съ интересомъ отнеслись къ этой анкетѣ, если изъ 485 учениковъ дали отвѣтъ 396, т. е. 82%. Въ общемъ итогѣ получились такіе результаты. Количество читателей распредѣляется такъ:

	Лѣтомъ.	Въ учеб. пр.
1. Хорошая беллетристика.	299	379
2. Смѣсь.	160	168
3. Журналы и газеты.	143	53
4. Серьезное чтеніе.	84	111

Что же именно читаютъ вологодскіе семинаристы? На первомъ мѣстѣ стоятъ имена Гоголя (108 уч.), Пушкина (68); далѣе идутъ: Загоскинъ, Лермонтовъ, Гончаровъ, Достоевскій и др. Многіе ученики еще желаютъ ознакомиться съ Толстымъ („Война и миръ“, „Анна Каренина“), Гончаровымъ, Андреевымъ, Достоевскимъ, Горькимъ, Тургеневымъ, но жалуются, что трудно достать этихъ авторовъ. Таковы, напр., жалобы: „Я удивляюсь, почему въ семинарской библіотекѣ не имѣется сочиненій современныхъ писателей“ (II кл.). „Не читалъ „Исповѣдь“ Толстого, потому что трудно достать это сочиненіе“ (VI кл.). „Хотѣлось бы прочитать сочиненія Андреева. Постоянно читаешь объ этихъ сочиненіяхъ въ газетахъ, слышишь относительно ихъ различные отзывы и не знаешь, что они изъ себя представляютъ“. (II кл.) О Горькомъ пишутъ: „Почему-то этимъ писателемъ наша семинарская ученическая библіотека пренебрегаетъ“... Многимъ воспитанникамъ трудно было достать этихъ авторовъ и лѣтомъ, почему и приходилось пробавляться тѣмъ, что было подъ рукою. Даже газеты приличной нельзя было достать. Сравнительно незначительную дань отдали семинаристы Пинкертону и Ш. Холмсу. Сыщики читались преимущественно зимою, между дѣломъ, лѣтомъ же, въ деревнѣ, достать ихъ было труднѣе. Эта макулатура сочувствія не встрѣтила, что показываютъ два характерныхъ отзыва. О своемъ лѣтнемъ чтеніи ученикъ III кл. пишетъ: „Между прочимъ, отъ бездѣлья и скуки, за неимѣніемъ лучшаго, пробавлялся нѣкоторое время безъ особеннаго интереса лубочными Шерлоками и Пинкертонами, которыхъ, къ стыду сказать, я прочелъ штукъ 30; но скоро они мнѣ надоѣли своей шаблонностью, и я ихъ оставилъ“. Другой третьеклассникъ произвелъ надъ собой такой опытъ: „Лѣтомъ прошлаго года, такъ сказать, спеціально узнавалъ, что изъ себя представляютъ различные Пинкертоны, Ш. Холмсы и т. п., которыми такъ увлекается въ послѣдніе время юная молодежь. Изъ книгъ послѣдняго рода я прочелъ 146 штукъ и нашелъ, что онѣ замѣчательно живо дѣйствуютъ на горячее воображеніе юныхъ читателей и могутъ довести послѣднихъ до столь печальныхъ результатовъ, какіе наблюдаются въ настоящее время“. Важно знать, какъ относятся старшіе семинаристы къ чтенію философскому и богословскому. Возбуждаетъ ли духовная школа интересъ къ чтенію религіозному? Б. пишетъ: „Цифра пожеланій богословскаго чтенія (13) настолько мала, что вызываетъ представленіе о незначительности богословскихъ интересовъ среди семинаристовъ, если имѣть въ виду спеціальную задачу духовной школы. Такое представленіе усиливается слѣдующимъ отрицательнымъ отзывомъ одного ученика о богословскомъ чтеніи: „Богословскія сочиненія меня еще мало интересуютъ (а вѣдь уже V-й классъ), видно, не вошелъ во вкусъ, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ я читалъ отрывками тѣ или иныя книги. Въ общемъ мало интереснаго. По-моему, всѣ эти богословскія разсужденія ни къ чему не ведутъ... ничего не уясняютъ, ничего не прибавляютъ для вѣрующей души—не могутъ заставить вѣрить и невѣрующаго. Кто вѣритъ, и безъ нихъ вѣритъ... а кто не вѣритъ, и при нихъ не вѣритъ“... Въ общемъ получается выводъ, что число любителей богословскаго чтенія много ниже количества симпатизирующихъ серьезному свѣтскому чтенію. Очень многіе ученики жалуются, что въ учебное время имъ совсѣмъ некогда читать то, чего бы хотѣлось. Лѣтомъ негдѣ достать хорошую книгу, а зимой некогда ее прочесть, даже если и достанешь,—таковъ печальный итогъ для многихъ семинаристовъ. И все же литературная критика и лучшія творенія художниковъ слова—

вотъ ихъ естественная здоровая пища, къ которой неодолимо стремятся всѣ. (*И. Соловьевъ. „Вѣст. Воспит.“ 1912—8*).

* **Эрнъ, Вл.** 1:92(С)
См. пор. № 413.

* **Бачалдинъ, И.** 257(47):028
См. пор. № 386.

* **Конради, В.** 28:92(Ф)
См. пор. № 414.

387. Поповъ, М. С., свящ. 322(47)

Арсеній Мацѣевичъ и его дѣло. Изслѣдованіе. Спб. 1912. Стр. 591+87. Ц. 3 р. 50 к.

Затрогивая интересный вопросъ о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ при Екатеринѣ II, т.-е. вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства, которому въ общихъ историческихъ работахъ, къ сожалѣнію, удѣляютъ очень мало вниманія, — работа, посвященная ростовскому архіерею Арсенію Мацѣевичу, одному изъ противниковъ указанной секуляризаціи, помимо принципіальнаго интереса, вскрываетъ характерный эпизодъ изъ эпохи царствованія Екатерины,—характерный какъ по личности героя, такъ и по скорбной судьбѣ его: „враль“ Арсеній долженъ былъ закончить свой жизненный путь полугодовой смертью въ казематѣ, заложенномъ кирпичемъ... Авторъ новой, весьма обстоятельной работы объ Арсеніи Мацѣевичѣ уже выступалъ съ книгой, посвященной тому же вопросу. Къ новому своему труду онъ привлекъ богатый, неизвѣстный еще архивный матеріалъ, часто доступный еще немногимъ. Помимо печатныхъ документовъ имъ использовано 16 хранилищъ архивнымъ матеріаловъ. Онъ далъ обстоятельное жизнеописаніе ростовскаго архіерея, познакомилъ съ его литературными трудами и его практической дѣятельностью. Въ этомъ—несомнѣнная цѣнность изслѣдованія свящ. П. Но теоретическая часть книги, насколько изложеніе связывается съ вопросомъ о секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, значительно слабѣе. Не говоря уже о томъ, что авторъ склоненъ къ идеализаціи фигуры Арсенія Мацѣевича, — человѣка жестокаго и узкаго, — отрицательное отношеніе автора къ самой идеѣ секуляризаціи заставляетъ его недооцѣнивать имущественное положеніе церкви въ концѣ XVIII в., и быть можетъ, несовсѣмъ вѣрно охарактеризовать положеніе монастырскихъ крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и систему управленія ими монастырскими властями. Поэтому точка зрѣнія автора могла бы вызвать немало существенныхъ возраженій, при которыхъ самая постановка вопроса получилась бы иная. (*С. Мельгуновъ. „Рус. Вѣд.“ 1912—269*).

Это, конечно, спеціальное изслѣдованіе, мимо котораго большая публика пройдетъ, полагая, что оно интересно только спеціалистамъ-историкамъ. Между тѣмъ, въ немъ чрезвычайно много интереснаго бытового матеріала. Дѣло въ томъ, что личность митрополита Арсенія Мацѣевича, человѣка энергичнаго и правдиваго, особенно можетъ заинтересовать въ данный моментъ. Онъ всю свою жизнь боролся за права церкви, ратовалъ противъ синода, противъ казеннаго православія и въ этомъ отношеніи обнаружилъ не мало гражданскаго мужества. Онъ, напримѣръ, не побоялся высказывать, что „неумѣстное ласкательство“ именовать царя даже въ служебной священнической присягѣ „верховнымъ судьею“. Результаты этой борьбы съ свѣтской властью оказались для Арсенія плачевными. Любопытно, что, какъ свидѣтельствуетъ авторъ, народъ, слѣдившій за этой борьбой, было всецѣло на сторонѣ „арестанта“. И не только по чувству состраданія. „Народъ, — говоритъ о. П., — рано сталъ вкушать тѣ горькіе плоды Екатерининскаго управленія, которые предсказывалъ Арсеній. Тронныя обѣщанія не исполнялись. Экономическимъ крестьянамъ имѣсто дарованія свободы перемѣнили лишь хозяина. При осужденіи дѣла Арсенія выиграли только дворяне, знатные люди и іезуиты... Весь народъ изнывалъ въ усиливающейся крѣпостной зависимости, безправіи и нищетѣ. Произволъ привилегированнаго сословія былъ узаконенъ. Трудъ, завѣщанный Петромъ I, принижень, народное образованіе заброшено. И народъ оцѣнилъ протестъ Арсенія, имѣвшаго мужество выступить противъ такого режима. (*—скій. „День“. 1913—6*).

388. Хейсинъ, М. Л., д-ръ. 331.823(47)

Что такое и какъ организовано государственное страхованіе рабочихъ въ Россіи. Спб. 1913. Стр. 114. Ц. 30 к.

Потребность въ популярномъ изложеніи и комментированіи страховыхъ законовъ, изданныхъ третьей Думой, ощущается въ настоящій моментъ очень остро: массамъ рабочаго класса идеи страхованія и сущность новыхъ законовъ,— какъ показываютъ многіе факты,—очень мало извѣстны. При такихъ условіяхъ фактическое введеніе страхованіе можетъ произойти такъ, что рабочіе не используютъ даже и тѣхъ возможностей, которыя открываютъ собой новые законы. Попытокъ популяризаціи нашихъ законовъ о страхованіи мы имѣемъ уже нѣсколько. Это не мѣшаетъ, однако, встрѣтить радушно и еще новую попытку въ брошюрѣ д-ра Хейсина. Дѣло въ томъ, что, напримѣръ, брошюра г. В. Литвинова-Фалинскаго („Какъ и для чего страхуются рабочіе?“ СПБ., 1912 г.) не лишена совершенно неумѣстныхъ, въ данномъ случаѣ, панегирическихъ нотъ и стремленія затушевывать многія, очень слабыя стороны законовъ. Брошюра г. Данскаго („Страхованіе рабочихъ“) нѣсколько грѣшитъ по части партійнаго пристрастія, хотя въ общемъ эта брошюра очень полезна.

Изложеніе Х. лишено этихъ недостатковъ и въ то же время проще, популярнѣе и отчетливѣе, чѣмъ у Данскаго. Очень полезны должны быть схематическія сводки, даваемыя въ приложеніяхъ (*Вик. П. „Рѣчь“. 1913—31*).

Какъ и всѣ работы д-ра Х. по рабочему вопросу, и эта отличается простотой изложенія, ясностью, конкретностью. Работа его появляется болѣе, чѣмъ кстати. Въ работѣ Х. удачно на нашъ взглядъ соединены задачи критическія и практическія. Цѣлый рядъ приложеній и предметный указатель даютъ возможность легко найти справку по любому частному вопросу страховой практики. Самая организація страхованія наглядно показана на чертежѣ, сразу дающемъ возможность ориентироваться системѣ страховыхъ учрежденій. Къ книжкѣ приложенъ полный текстъ новыхъ законовъ. (*„День“. 1913—19*).

389. [. . . . .] 343.9

Заключенный № 1776. Современная тюрьма и ея вліяніе. Открытое письмо обществу. Пер. съ англ. подъ ред. И. И. Люблинскаго. Спб. 1913. Стр. 81. Ц. 80 к.

Письмо одного изъ заключенныхъ въ пенитенціаріи С.-А. Соед. Шт. представляетъ собою рѣзкій обвинительный актъ противъ современной системы уголовныхъ наказаній. Особенностью автора является то, что онъ совершенно отказывается отъ дѣйствія на мягкосердечіе и чувствительность читателя. О самыхъ ужасныхъ вещахъ онъ пишетъ въ спокойно-раціоналистическомъ тонѣ, хотя всѣ эти ужасы ему пришлось лично видѣть и испытывать. Сильными сжатыми положеніями, иногда блестящими по стилю, онъ разоблачаетъ всю нелѣпость теоріи „привычныхъ", „прирожденныхъ" преступниковъ. Онъ очень удачно показываетъ, что черты, считаемыя за специфически преступныя, свойственны всѣмъ людямъ, находящимся въ тѣхъ или иныхъ условіяхъ жизни. Съ своей же стороны государство и общество поддерживаютъ, иногда даже примѣненіемъ голой силы, цѣлый рядъ такихъ условій, которыя такъ же неотвратимо дѣлаютъ человѣка „преступнымъ", какъ кризисъ дѣлаетъ рабочаго безработнымъ. Когда цѣлый рядъ современныхъ экономическихъ и политическихъ условій сдѣлали человѣка „преступнымъ", государство, стоящее на стражѣ этихъ условій, начинаетъ его „исправлять".

О характерѣ и значеніи „исправительныхъ методовъ" авторъ даетъ рядъ блестящихъ замѣчаній. Онъ беретъ цѣлый рядъ типовъ заключенныхъ и, подробно прослѣживая исторію ихъ пребыванія въ заключеніи, каждый разъ съ большой силой психологическаго анализа показываетъ, что тюрьма исправила ихъ въ одномъ отношеніи: изъ преступниковъ случайныхъ, они исправились въ преступниковъ профессіональныхъ. Окончательное „исправленіе" даетъ преступнику современное общество, встрѣчающее освобожденнаго преступника молчаливымъ заговоромъ презрѣнія, отверженія, трусости и ханжества. Мысли, развиваемыя авторомъ, сами по себѣ не новы. Но личный, тяжелый опытъ, близость къ описываемой средѣ, при наличности незауряднаго литературнаго таланта, придаютъ его критикѣ современной системы наказанія очень большой общественный и психологическій интересъ. Получается картина какого-то изумительнаго искаженія законовъ здраваго смысла, человѣческой психики и общественной эволюціи, красной нитью проходящаго черезъ всѣ детали современной карательной системы. Каждымъ своимъ шагомъ, каждой своей деталью она гнетъ въ сторону образованія все большаго и большаго, числа людей, для которыхъ нѣтъ иныхъ путей, кромѣ преступленія. И у автора очень осторожно, но и достаточно ясно проводится мысль, что въ послѣднемъ счетѣ карательная система, лишенная и устрашающаго, и репрессивнаго характера, является болѣе или менѣе неудачной, замаскированной формой мести. Карающіе институты являются тогда выраженіемъ слѣпыхъ чувствъ господствующихъ элементовъ, поручающихъ имъ выполненіе жестокаго дѣла. Собственные взгляды автора на мѣры борьбы съ преступностью не отличаются глубиной. Притомъ, своими положительными рецептами онъ значительно ослабляетъ силу своей очень суровой и яркой критики. (*„День". 1913—26*).

Пусть читатель не думаетъ, подходя къ этой книжкѣ, что въ ней онъ встрѣтитъ рядъ сухихъ теоретическихъ положеній, способныхъ заинтересовать лишь криминалиста. И если, какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ перевода, „въ этомъ „человѣческомъ документѣ" криминалистъ можетъ почерпнуть много поучительнаго" то не менѣе интереснымъ окажется онъ, безъ сомнѣнія, и для самыхъ широкихъ круговъ читающей публики. Въ связи съ тюремнымъ заключеніемъ —въ легкой увлекательной формѣ иллюстрированные живыми примѣрами проходятъ всѣ недостатки современной карательной системы. Безукоризненно сдѣланъ переводъ книги — красиво, просто, легко. (*Е—а Г—гъ. „Кіев. Мысль" 1913—39*).

390. [. . . . .] 37

Русскіе учителя за границей. Сборникъ. Годъ IV. Изд. Учебн. отд. Общ. распростр. технич. зн. М. 1913. Стр. 252. Ц. 50 к.

Учебн. отд. моск. общ. распростр. техн. знаній принадлежитъ благородный починъ въ дѣлѣ устройства заграничныхъ экскурсій учителей и учительницъ среднихъ и низшихъ школъ и вообще трудовой интеллигенціи. Въ истекшемъ году сдѣланъ былъ уже четвертый опытъ такихъ экскурсій. Отчетъ объ этомъ послѣднемъ опытѣ представленъ въ разбираемой книгѣ. Всѣхъ экскурсантовъ въ 1912 году было 1453. Экскурсій организовано было по 10 маршрутамъ (германскихъ 3, французскихъ 2 швейцарскихъ 1, итальянскихъ 2, скандинавскихъ 1 и англійскій 1). По каждому маршруту экскурсанты отправлялись группами (отъ 40 до 60 человѣкъ въ группѣ); всѣхъ группъ было 30. Стоимость экскурсіи отъ 60 до 185 руб. въ зависимости отъ продолжительности путешествія (отъ 20 до 36 дней). За эту сумму каждый экскурсантъ получалъ билетъ на проѣздъ и полное содержаніе въ дорогѣ и въ мѣстахъ остановокъ, а также (что самое важное) въ мѣстахъ остановокъ пользовался указаніями опытныхъ руководителей. Горячо рекомендуемъ книгу вниманію учителей и учительницъ. (*Педагогъ. „Сиб. Ж. 1913—24*).

Въ приложеніяхъ помѣщены проекты маршрутовъ на 1913 годъ, правила записи, выдержки изъ устава о паспортахъ, списокъ книгъ для подготовки къ поѣздкамъ и даже бланки для заявленій. Сборникъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ лицъ, собирающихся принять участіе въ предстоящихъ въ текущемъ году экскурсіяхъ, но очень интересенъ и вообще для всѣхъ, желающихъ получить представленіе о заграничной жизни и объ условіяхъ путешествій по чужимъ странамъ. (*І. И. „Сар. Вѣст." 1913—24*).

Часть сборника—впечатлѣнія участниковъ: „учителей, студентовъ, курсистокъ, художниковъ, врачей, фельдшеровъ, священниковъ, офицеровъ, чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, мелкихъ помѣщиковъ, дѣвицъ и дамъ всѣхъ сословій, отъ титулованныхъ до непомнящихъ родства", какъ характеризуетъ участниковъ поѣздокъ одинъ изъ составителей,—даетъ огромный, неисчерпаемый матеріалъ для того изслѣдователя, который займется спеціально этимъ оригинальнымъ „порывомъ въ Европу". Красной нитью черезъ всѣ эти нос-

номинанія и путевые наброски проходитъ стремленіе къ свѣту, жажда знанія и объединенія подъ знаменемъ знанія. Очень интересны „Отрывки мыслей и наблюденій“ М. Осоргина, „Объединеніе“ г-жи Горской, „Въ гостяхъ у англійскихъ учителей“ и „Поѣздка въ Оксфордъ“ Н. Блинова, да и всѣ эти впечатлѣнія, непосредственныя, часто наивныя, интересны. Книга издана чрезвычайно изящно, не менѣе изящно иллюстрирована, крайне недорога и представляетъ интересъ не только для участниковъ поѣздокъ. (*М. Р. „Столич. Молва“ 1912—283*).

Лучшимъ показателемъ того, насколько цѣлесообразно поставлена Уч. Отд. организація образовательныхъ поѣздокъ за границу, служатъ отвѣты участниковъ экскурсій на вопросъ анкеты: „считаете ли вы свою поѣздку удавшейся“: 89,4% отвѣтили въ положительномъ смыслѣ. Это наивышій % за 4 года. Желаемъ книгѣ возможно большаго распространенія среди народныхъ учителей. (*С. С—О. „Педаг. Л.“ 1913—2*).

391. Динзе, Вл. 371

О національномъ воспитаніи. Изд. О. В. Богдановой. Спб. 1913. Стр. VII+89. Ц. 50 к.

Авторъ такъ формулируетъ задачу своей работы: она является живымъ откликомъ на острыя явленія русской жизни и посильнымъ отвѣтомъ на старый и основной вопросъ педагогики: человѣкъ или гражданинъ долженъ составлять идеалъ воспитанія? Міръ, или отечество, вселенская земля — или родная почва должны быть положены въ его основу? Вопросъ, какъ видимъ, поставленъ довольно рѣзко, — какъ будто обѣ половины этой дилеммы дѣйствительно такъ непримиримы одна съ другой. Впрочемъ, о самой сущности „національнаго воспитанія“ авторъ говоритъ очень немного и то въ самомъ концѣ своей книжки. Большая же часть ея посвящена вопросамъ о томъ, что такое нація, въ какомъ отношеніи находится націонализмъ съ космополитизмомъ и пр. Нотъ нынѣшняго „воинствующаго“ націонализма въ книжкѣ не слышно. Авторъ повторяетъ общеизвѣстныя положенія, что дѣло воспитанія можетъ развернуться только на народной почвѣ, что путь къ всечеловѣчеству идетъ черезъ національность. „И на этомъ пути мы не должны заряжаться обязательно однѣми отталкивающими силами вражды и презрѣнія къ чужимъ народамъ. Если же въ здоровомъ чувствѣ любви къ роднѣ мы видимъ судороги національной исключительности, то мы всегда должны учитывать сопутствующія этому явленію обстоятельства и твердо помнить, что душевное состояніе человѣка, находящагося въ жестокой дракѣ, не можетъ дать намъ вѣрнаго представленія о нормальномъ ходѣ его душевной жизни“. Къ сожалѣнію, „національное воспитаніе“, какъ оно практикуется въ казенной педагогикѣ, заботится именно о созданіи людей, для которыхъ состояніе „жестокой драки“ является нормальнымъ душевнымъ состояніемъ... (*„Совр. Сл.“ 1913—1806*).

Изъ пяти главъ, вошедшихъ въ составъ книжки Д., только одна, послѣдняя, касается существа вопроса. Все же остальное представляетъ изъ себя какую-то пеструю мозаику различныхъ ученыхъ цитатъ, притомъ не связанныхъ между собой никакой руководящей мыслью; кажется, что авторъ запутался въ этихъ ученыхъ предпосылкахъ, заполняющихъ цѣлыхъ 72 страницы, и съ трудомъ выявляетъ то, что считаетъ непосредственно относящимся къ вопросу о національномъ воспитаніи. Что касается существа вопроса, т. е. проблемы національнаго воспитанія, то здѣсь у автора обнаруживается полная сумбурность въ его „націоналистическомъ“ умозрѣніи. Обобщая нѣкоторыя общія тысли К. Ушинскаго и Стоюнина, онъ самъ ничего новаго не вноситъ въ систему національнаго воспитанія и лишь скорбитъ объ утратѣ въ нашей культурной средѣ чувства народности, о рѣзкомъ уклоненіи ея отъ старозавѣтныхъ идей славянофильства. (*И. Б—ій. „Рѣчь“. 1913—34*).

392. Хейсинъ, М. Л., д-ръ. 374(06)

Какъ организовать и вести общество самообразованія. Спб. 1913 г. Стр. 72. Ц. 25 к.

Пятилѣтній опытъ существованія рабочихъ клубовъ и различныхъ кружковъ самообразованія выработалъ извѣстныя организаціонныя формы, опредѣленныя черты физіономіи этихъ организацій, опредѣлилъ общій характеръ и направленіе ихъ. Авторъ настоящей брошюры дѣлаетъ попытку формулировать нѣкоторые итоги этого опыта и сдѣлать ихъ общимъ достояніемъ, закрѣпивъ ихъ въ опредѣленную сводку. Авторъ использовалъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю, такъ сказать, часть этого опыта: онъ описываетъ преимущественно пріемы открытія обществъ и способы веденія ихъ, сообщая, какъ устраиваются собранія, какъ они ведутся и пр. Словомъ, брошюрка носитъ по преимуществу справочный характеръ. Конечно, это не лишаетъ ее своей цѣнности—наоборотъ, работа выполненная авторомъ, очень почтенна и вполнѣ отвѣчаетъ потребности, все болѣе настоятельно ощущающейся въ кругахъ нашей прогрессивной, стремящейся къ свѣту и культурѣ демократіи. (*„Совр. Сл.“ 1913—1818*).

Общества самообразованія рабочихъ привились, главнымъ образомъ въ Спб., въ другихъ городахъ они насчитываются единицами. Не замѣняя собою клуба, эти общества дѣлаютъ крупное дѣло, втягивая въ общественную среду широкіе круги рабочихъ, давая имъ возможность разумно и съ пользой проводить время, поднимая ихъ культурный уровень. Г. Х. одинъ изъ видныхъ организаторовъ и лекторовъ спб. обществъ самообразованія, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпустилъ брошюру, въ которой давалъ практическія указанія объ организаціи и веденіи ихъ. Новая брошюра гораздо полнѣе первой; въ ней использованъ пятилѣтній опытъ петербургскихъ обществъ, указывается, какъ дѣлать первые шаги по устройству общества, какъ ставить въ немъ счетоводство, запись членовъ, какъ организовать лекціи, бесѣды и пр. Всѣ эти указанія весьма ясны, точны, всюду приведены ссылки на статьи законовъ и правилъ... Всѣмъ должностнымъ лицамъ образовательныхъ обществъ книжка эта окажетъ незамѣнимыя услуги. Еще большую пользу она принесетъ рабочимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такія общества еще не привились, гдѣ при организаціи ихъ приходится наталкиваться на еще большія препятствія, чѣмъ въ Петербургѣ. Обязанность каждаго сознательнаго рабочаго содѣйствовать распространенію брошюры, особенно среди провинціальныхъ товарищей. (*В. Е. „Лучъ“ 1912—62*).

393. [. . . . .] 374 : 3

Комиссія по организаціи домашняго чтенія. Программа для самообразованія (курсъ высшей школы). Науки общественно-юридическія. М. 1913. Стр. XX+264 Ц. 60 к.

Послѣ довольно продолжительнаго перерыва „Коммиссія по организ. домашн. чт." приступила къ новому изданію своихъ широко распространенныхъ „Программъ для самообразованія" (курсъ высшей школы). При этомъ она внесла очень существенное измѣненіе въ порядкѣ распредѣленія по выпускамъ предлагаемаго ею матеріала. Тогда какъ прежде каждый отдѣльный выпускъ представлялъ собой какъ бы университетскій годъ, обнимая программы различныхъ факультетовъ, теперь коммиссія рѣшила издавать программы въ видѣ сборниковъ, посвященныхъ дисциплинамъ одного какого-либо научнаго объема, безъ раздѣленія на годы. Сдѣлано это съ цѣлью возвысить доступность программъ, освободивъ лицъ, пользующихся ими, отъ необходимости пріобрѣтать программы и по тѣмъ наукамъ, которыя лежатъ внѣ круга ихъ занятій. Въ первую очередь коммиссія переиздала въ новомъ видѣ программы по общественно-юридическимъ наукамъ. Это переизданіе—плодъ большой работы. Не только всѣ прежнія программы подверглись тщательному пересмотру и поставлены на полный уровень современности, но прибавился рядъ новыхъ. Такъ А. А. Кауфманъ далъ новую программу по аграрному вопросу; проф. А. И. Анциферовъ—по сельско-хозяйственной коопераціи; проф. С. Н. Булгаковъ—по соціальнымъ теоріямъ XIX вѣка; С. О. Загорскій—по профессіональному рабочему движенію; А. В. Горбуновъ—по административному праву. Новой въ сущности является и программа по государственному праву, составленная Б. А. Кистяковскимъ: до такой степени она расширена и углублена. Новостью является, наконецъ, и общее введеніе ко всему выпуску, составленное А. А. Мануиловымъ и посвященное вопросу объ отношеніи между правомъ и хозяйствомъ. Въ нѣкоторыхъ изъ программъ (особенно у проф. Н. А. Каблукова и А. А. Кауфмана) впервые проведена извѣстная дифференціація матеріала сообразно съ различными запросами лицъ, желающихъ познакомиться съ данной отраслью науки; предложены отдѣльныя указанія для тѣхъ, кто стѣсненъ временемъ и готовъ удовлетвориться только главными чертами. Нововведенія этого нельзя не привѣтствовать. (*И. Сперанскій. „Рус. Вѣд." 1913—13*).

Въ программахъ сдѣланы указанія на основные вопросы каждой науки и приведенъ списокъ тѣхъ литературныхъ пособій, въ которыхъ вопросы эти разработаны. Программы составлены спеціалистами и заслуживаютъ полнаго вниманія. (*Юристъ. „Сиб. Ж. 1913—18*).

394. Кутюра, Л. 51(01)

Философскіе принципы математики. Перев. съ франц. Б. Кореня, подъ ред. П. С. Юшкевича, со вступ. статьей Ф. Ф. Линде. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1913. Стр. VIII+260. Ц. 2 р. 85 к.

Книга К. дастъ изложеніе тѣхъ результатовъ изслѣдованія основъ математики, которые привели къ созданію такъ называемой математической или символической логики, объединившей въ себѣ формальную логику и ту область науки, которая называется теперь многими чистой математикой. Самый значительный трудъ въ этой области представляетъ книга Рёсселя (B. Russell) „The Principles of Mathematics", и К. даетъ въ своей книгѣ доступное болѣе широкому кругу читателей, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ научное изложеніе какъ этого труда, такъ и другихъ новыхъ изслѣдованій въ этой области. Первая глава книги содержитъ очеркъ символической логики, составляющей основу всего дальнѣйшаго. Съ новѣйшей точки зрѣнія, представляемой Рёсселемъ, чистая математика неотождествима съ формальной логикой и состоитъ изъ утвержденій, что если опредѣленное предложеніе вѣрно по отношенію къ чему бы то ни было, то другое опредѣленное предложеніе вѣрно по отношенію къ тому же самому. Такимъ образомъ, какъ говоритъ Рёссель въ одной изъ своихъ статей, чистая математика есть наука, въ которой мы никогда не знаемъ, о чемъ мы говоримъ, и не знаемъ, вѣрно ли то, что мы говоримъ. При такомъ формальномъ взглядѣ на математику понятно все значеніе для нея формальной логики, которая и дѣлается, естественнымъ образомъ, основаніемъ дальнѣйшихъ теорій. Символическая логика сводитъ всѣ операціи дедуктивной логики на исчисленіе предложеній, исчисленіе классовъ и исчисленіе отношеній, изъ которыхъ послѣдніе имѣютъ для математики наиболѣе существенное значеніе. Анализъ этихъ символическихъ логическихъ исчисленій ведетъ къ расширенію тѣхъ принциповъ, на которыхъ основываются заключенія классической логики. Слѣдующія главы содержатъ изслѣдованія съ точки зрѣнія логики всѣхъ основныхъ понятій, съ которыми оперируетъ анализъ,—понятій числа, порядка, непрерывности и величины. Послѣдняя глава разематриваетъ такимъ же образомъ чистую геометрію, какъ науку о всѣхъ логически возможныхъ пространствахъ. Чтобы сдѣлать еще болѣе яснымъ различіе между современнымъ и прежними воззрѣніями на философію математики, К. приложилъ къ книгѣ свою статью „Кантова философія математики", напечатанную имъ въ „Revue de métaphysique et de morale" и содержащую анализъ воззрѣній Канта на математику съ точки зрѣнія новыхъ теорій. (*Б. Млодзѣевскій. „Рус. Вѣд." 1913—30*).

Въ подлинникѣ книга К. называется „Les principes des mathématiques"—„Принципы математики". Прилагательное „философскіе", прибавленное въ русскомъ переводѣ, не совсѣмъ точно характеризуетъ содержаніе книги французскаго автора, въ которой трактуется о логическомъ обоснованіи всей системы математическихъ наукъ, о чисто дедуктивномъ выведеніи математики изъ небольшого числа общелогическихъ посылокъ и понятій. Разумѣется, по существу дѣло идетъ здѣсь о теоретико-познавательной, философской проблемѣ, какъ указываетъ въ своемъ „Предисловіи" и „Введеніи" самъ К., но способъ трактовки ея, методы рѣшенія настолько отличаются отъ обычныхъ философскихъ методовъ и пріемовъ, что терминъ „философскій" можетъ породить лишнія недоразумѣнія. Книга К.—это работа не философа, а логика, даже логиста, т.-е. приверженца мате-

матической, символической логики. Эта философская дисциплина, начало которой положилъ въ 1854 году Буль (если не говорить о болѣе раннихъ и долгоо времи забытыхъ работахъ Лейбница), разрабатывается теперь на Западѣ цѣлымъ рядомъ теоретиковъ (ознакомиться съ ней въ общихъ чертахъ можно по книжкѣ того же К. „Алгебра логики", вышедшей въ русск. пер. въ изданіи „Матезиса"). Въ трудахъ итальянскаго математика Пеано и его школы, затѣмъ Б. Ресселя, Уайтхеда и др., она получила широкое развитіе, выработала свою особую символику, которая превращаетъ работы логистовъ въ далеко нелегкую для чтенія „тайнопись". Логика здѣсь рѣшительно математизировалась. Но за послѣднія 50 лѣтъ математика, въ свою очередь, въ трудахъ Вейерштрасса, Дедекинда, Кантара и др. логизировалась (какъ въ смыслѣ большей логической строгости математической дедукціи, такъ и въ смыслѣ углубленія въ основы математики). Логика и математика такъ близко подошли другъ къ другу, что, какъ вѣрно замѣчаетъ К., нельзя различить, гдѣ кончается логика и гдѣ начинаэтся математика. Работа К. и ставитъ себѣ цѣлью „оправдать тезисъ о тождествѣ логики и математики въ ихъ основахъ, показавъ, что всѣ предложенія математики опираются на девять неопредѣлимыхъ понятій и двадцать недоказуемыхъ принциповъ, которые являются первыми понятіями и принципами самой логики" (стр. 8). Книга К. вышла въ 1905 г. За восемь протекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ въ логистикѣ произошли значительныя измѣненія, намѣтился цѣлый рядъ трудностей и противорѣчій, побудившихъ Б. Ресселя (въ сотрудничествѣ съ Уайтхедомъ) перестроить свою систему (см. ихъ совмѣстную работу „Principia mathematica", два тома которой вышли въ 1910 и въ 1911 гг.). Но это, по справедливому замѣчанію автора вступительной статьи Ф. Линде, нисколько не лишаетъ книги К. ея значенія, которое для русскаго читателя усугубляется еще тѣмъ, что она представляетъ вообще первое на русскомъ языкѣ изложеніе взаимоотношеній логистики и математики. Обширное „Приложеніе" въ концѣ книги (принадлежащее К. же) даетъ содержательный очеркъ и анализъ кантовой философіи математики. (*„День". 1913—19*).

Въ послѣднее время въ области логики и математики одной изъ очередныхъ проблемъ является проблема взаимоотношенія этихъ наукъ. Большое значеніе въ этомъ направленіи имѣли работы Пеано, Ресселя и Уайтхеда, приведшія къ сліянію дедуктивной логики и чистой математики въ одну научную систему, извѣстную подъ именемъ логистики. Одинъ изъ лучшихъ трудовъ, знакомящихъ съ этой символической логикой, а именно, трудъ Кутюра „Философскіе принципы математики" появился и на русскомъ языкѣ въ недурномъ переводѣ К. Кореня въ изд. Карабасникова. Значительность книги увеличивается еще тѣмъ, что здѣсь научность сочетана съ простотой и ясностью изложенія. (*Іус. Молса" 1913—61*).

395. Игнатьевъ, Е. И. 511(075)

Букварь-задачникъ по ариѳметикѣ для начальныхъ школъ, дѣтскихъ садовъ и домашняго обученія. М. 1912. Изд. И. Д. Сытина. Стр. 108. Ц. 30 к.

Внимательное изученіе авторомъ литературы вопроса о методахъ преподаванія начальной ариѳметики чувствуется на каждой страницѣ составленнаго имъ пособія. Богато иллюстрируя свою книжку разнообразными рисунками, онъ, повидимому, не расчитываетъ на то, что этого рода наглядность, да и вообще какая бы то ни было наглядность (важность многихъ пріемовъ которой, однако, до сихъ поръ далеко не всѣми достаточно оцѣнивается) можетъ исчерпывать собой всѣ средства, какими долженъ располагать преподаватель. Мы находимъ поэтому здѣсь множество задачъ, близкихъ и доступныхъ ребенку; изученію числа удѣлено всюду должное вниманіе, иногда, правда, заводящее автора въ слишкомъ большія подробности. Мы, однако, не можемъ упрекнуть составителя за эти подробности, такъ какъ не всегда въ должномъ мѣстѣ преподаватель самъ предложилъ бы достаточное число придуманныхъ имъ тутъ же въ классѣ примѣровъ. Можетъ быть небольшое и очень недорогое по цѣнѣ методическое поясненіе для учителей, написанное авторомъ, примѣнительно къ его букварю, позволило бы сократить во 2-мъ изданіи нѣкоторые примѣры. Но, во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ видѣ книгу горячо рекомендуемъ преподавателямъ начальнаго курса ариѳметики. (*А. К. „Рѣчь". 1912—353*).

Стоящее на очереди обновленіе нашей школы и домашняго обученія породило въ послѣдніе годы появленіе многочисленныхъ руководствъ, учебниковъ и пособій для школы и семьи, стремящихся стать на уровнѣ современной педагогической науки. Къ числу такихъ интересныхъ попытокъ принадлежитъ и книга И., расчитавная на первые шаги обученія. Среди родителей, воспитателей и въ начальныхъ школахъ книга эта получитъ заслуженное распространеніе. (*Н. Р. „Нов. Журн. для Вс." 1913—1*).

При составленіи книжки авторъ использовалъ почти всѣ важнѣйшія указанія по части нагляднопредметнаго живого обученія такихъ заграничныхъ авторитетовъ, какъ Лай, Штеклинъ, Лезанъ, Вентвортъ, Ридъ, Юнгъ и др.; умѣло и въ достаточномъ количествѣ подобралъ рисунки, числовыя фигуры, и т. д.; онъ составилъ много новыхъ „стишковъ" на разныя числовыя темы и приложилъ таблицы для упражненія въ быстромъ счетѣ, таблицы монетъ и часовъ. Главное вниманіе въ книгѣ обращено на счетъ и на ариѳметическія дѣйствія въ предѣлахъ первыхъ 2-хъ десятковъ. Къ числу недостатковъ этой интересной и весьма полезной книжки нужно отнести нѣкоторое однообразіе предлагаемыхъ задачъ, не вездѣ удачный выборъ загадокъ и скороговорокъ, а также и плохое выполненіе нѣкоторыхъ рисунковъ. Вообще же книга заслуживаетъ вниманія начальныхъ и сельскихъ учителей; это хорошая педагогическая новинка, въ которой имъ стоитъ внимательно разобраться. (*В. Д—евъ. „Ил. Обозр. Тол. М." 1912—237*).

Тщательно изучивъ книжку, мы пришли къ заключенію, что она является яркимъ примѣромъ нарушенія почти всего того, что авторъ обѣщалъ въ „предисловіи". Ни въ одной ариѳметикѣ, ни на русскомъ, ни на иностранныхъ языкахъ, нѣтъ такого обилія „народныхъ изреченій", какъ у И., и это составляетъ особенность его книжки сравнительно со всѣми другими однородными работами. Эта особенность книжки И. является нарушевіемъ важнѣйшихъ указаній по части наг-

лядно-предметнаго и живого обученія заграничныхъ авторитетовъ. И г. И., судя по его книжкѣ, не усвоилъ сути и особенностей работъ заграничныхъ авторовъ. Въ книжкѣ есть немало хорошихъ рисунковъ, пусть и заимствованныхъ, и вообще съ внѣшней стороны книжки издана недурно. (*Д—скій. „Вѣст. Всп."* *1913—1*).

396. Фурнье-д'Альбъ, Э. 537/8

Теорія электроновъ. Общедоступное изложение современ. теоріи электрич. и магнетизма. Пер. подъ ред. проф. В. И. Эсмарха. Изд. В. М. Саблина. М. 1912. Стр. 255. Ц. 1 р. 50 к.

Достоинства этой книги, выдающейся по своему содержанію и изложенію, совершенно правильно указываетъ въ предисловіи къ русскому изданію ея переводчикъ Эсмархъ, который говоритъ: „Среди этихъ сочиненій (т.-е. заключающихъ въ себѣ изложеніе современной теоріи электричествъ) совершенно особое положеніе занимаетъ книга Ф.-д'А., какъ по методу изложенія, такъ и по преслѣдуемой авторомъ цѣли. Книга написана въ высшей степени своеобразно, колоритно и живо, и развертываетъ передъ читателемъ необыкновенно стройную, цѣнную и детальную картину всѣхъ тѣхъ явленій, которыя охватываются теоріей электроновъ".

По отзыву извѣстнаго физико-математика проф. Зоммерфельда въ Мюнхенѣ, приведенному въ томъ же предисловіи, „книга предназначена собственно не для ученыхъ читателей. Тѣмъ не менѣе она окажется весьма полезной и интересной также для лицъ, уже знакомыхъ съ теоріей электроновъ въ обычномъ изложеніи, забронированной въ математическія формулы, каковою она представлена, хотя бы въ извѣстныхъ статьяхъ Lorentz'a въ энциклопедіи математическихъ наукъ". Книга общедоступна не только по своему ясному, колоритному и простому языку, но еще и потому, что ее могутъ легко понимать тѣ изъ читателей, математическія познанія которыхъ не превышаютъ основныхъ правилъ алгебры. По словамъ автора книги во „Введеніи" къ книгѣ помянутые читатели „въ достаточной мѣрѣ совладаютъ съ основными началами новаго ученія, чтобы быть въ состояніи прилагать ихъ при рѣшеніи практическихъ задачъ". Какъ возникла и развилась электронная теорія, объ этомъ читатель узнаетъ изъ второй главы. Электронъ—это наименьшая существующая электрическая частица. Движеніемъ этихъ частицъ образуется электрическій токъ. Электронъ меньше атома, т.-е. наименьшей, недѣлимой частицы вѣсомой матеріи. Роль электрона въ электрическомъ разрядѣ, въ явленіяхъ термоэлектричества, Вольтова электричества и магнетизма, въ колебаніяхъ электро-магнитныхъ волнъ и т. д., эта важная роль неѣсомаго электрона и описывается въ книгѣ и изображается не только научно, но и яркообразно. И чтеніе книги доставляетъ читателю большое удовольствіе.

Недостатокъ книги заключается въ томъ, что въ ней нигдѣ не встрѣчается критическій разборъ экспериментальныхъ данныхъ и теоретическихъ основъ. Но съ этимъ обстоятельствомъ можно вполнѣ примириться, если,—выражаясь словами переводчика книги, Эсмарха, — „имѣть въ виду особую цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ: вѣдь именно благодаря догматической увѣренности, съ которою излагается теорія, автору удалось нарисовать столь яркую и выразительную картину явленій". (*Н. П. „Вятск. Р." 1912—25*).

При сравнительной новизнѣ и большой научной важности электронной теоріи переводъ этотъ является весьма цѣннымъ вкладомъ въ русскую популярно-научную литературу. (*Л. Миндалевъ. „У. Рос." 1913—33*).

397. Кюри, m-me. 546

Радіоактивность. Томъ. I, вып. I и II Изд. М. В. Пирожкова Спб. 1912. Стр. 403 Ц. 4р. 50 к.

Среди современныхъ трактатовъ по радіоактивности на ряду съ классической книгой Рутерфорда сочиненіе m-me К. несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто. Уже одно то обстоятельство, что m-me К. совмѣстно съ покойнымъ П. Кюри выдвинули въ наукѣ едва ли не наиболѣе интересную главу ученія о радіоактивности, заставляетъ признать за этой работой огромное значеніе. Личное участіе, которое принимала К. въ разработкѣ ряда вопросовъ, вездѣ дастъ себя чувствовать, и, несомнѣнно, ея книга является не только превосходнымъ учебникомъ по вопросамъ радіоактивности, но и отличной настольной справочной книгой, которая необходима всякому, кто хотѣлъ бы серьезно заниматься радіоактивностью. Два первыхъ выпуска русскаго перевода содержатъ въ себѣ ученіе объ іонахъ, электронахъ, общее введеніе, касающееся методовъ радіоактивныхъ изслѣдованій. Дальнѣйшія главы заключаютъ въ себѣ ученіе о радіоактивности урана, торія и радія, ученіе объ эманаціяхъ, объ индуцированной радіоактивности и теорію радіоактивныхъ превращеній. Къ сожалѣнію, въ книгѣ, въ общемъ переведенной удовлетворительно, мѣстами встрѣчается невѣрная передача терминовъ. (*П. Лазаревъ. „Рус. Вѣд." 1912—269*).

398/399. Беккерель, Жанъ, проф. 575

Эволюція матеріи и міровъ. Пер. съ франц. С. А. Алексѣева. Изд. „Physiec". Спб. 1912. Стр. 46. Ц. 30 к.—*Тоже*—Пер. съ примѣч. и статьей Г. А. Гуревича М. 1913. Стр. 172.

Ученіе о радіоактивныхъ явленіяхъ настолько продвинулось за послѣдніе годы впередъ, что позволяетъ дать совершенно новое объясненіе существующихъ въ природѣ измѣненій. Вопросъ о накопленіи и разсѣяніи энергіи въ міровомъ пространствѣ, равно какъ и вопросъ о постепенномъ превращеніи элементовъ получаетъ новое рѣшеніе, и, можетъ быть, недалекъ тотъ день, когда мы увидимъ созданіе новой системы элементовъ, взаимно зависящихъ другъ отъ друга и являющихся только равновидностями одного и того же простого или немногихъ простыхъ веществъ. Въ связи съ этими новыми теченіями проф. Б., пытается въ этой рѣчи дать новую теорію эволюціи матеріи и міровъ. Книжка написана живымъ, увлекательнымъ языкомъ. Переводъ С. А. Алексѣева вполнѣ удовлетворителенъ. (*А. Лѣтникъ. „Рус. М." 1912—11*).

Въ книгѣ переводчику и истолкователю принадлежитъ больше половины текста и получается впечатлѣніе, что оригинальная статья Б. служитъ переводчику только предлогомъ для изложенія его собственныхъ взглядовъ, заимствованныхъ имъ у цѣлаго ряда современныхъ ученыхъ и часто даже расходящихся со взглядами Б. Къ книгѣ Б. въ видѣ приложенія дана классификація звѣздъ по родамъ, соотвѣтственно ихъ химиче-

скому составу и температурѣ. Переводчикъ (Г. А. Гуревичъ) съ своей стороны, въ пространной статьѣ „Новѣйшія воззрѣнія о жизни и развитіи вселенной", истолковывая взгляды В., останавливается на вопросѣ о пространственномъ протяженіи вселенной и приходитъ къ общему выводу, что эмблема міра — „фениксъ, сгорающій и вѣчно изъ пепла своего возраждающійся". (*К. „Рѣчь". 1912—339*).

400. Омелянскій, В. Л. 577

Основы микробіологіи. Изд. 2-е. Спб. 1912. Стр. 446, съ 354 иллюстр. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Книга О. заслуживаетъ быть не только отмѣченной, но и поставленной на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Строгая научность изложенія, соединенная съ ясностью и живостью, отсутствіе лишнихъ деталей, достаточная полнота во всемъ существенно важномъ, хорошій общій планъ,— все это дѣлаетъ книгу привлекательной и полезной. Обиліе хорошо исполненныхъ рисунковъ удачно дополняетъ текстъ, и вообще внѣшность изданія соотвѣтствуетъ его внутреннимъ достоинствамъ. Послѣ характеристики задачъ микробіологіи и историческаго очерка развитія этой науки дается изложеніе основъ микробіологической техники, морфологіи и физіологіи микробовъ. Далѣе идутъ главы, посвященныя распространенію микробовъ въ природѣ и ихъ роли въ круговоротѣ веществъ. Вопросъ о ферментативныхъ свойствахъ микробовъ освѣщенъ съ достаточной полнотой, а главы о химической роли ихъ въ природѣ, о круговоротѣ азота и углерода являются какъ бы центромъ всего изложенія. Не забыты также и другіе менѣе распространенные и важные процессы, какъ участіе бактерій въ круговоротѣ сѣры, фосфора, въ производствѣ пигментовъ, въ свѣченіи различныхъ веществъ и т. д. Наконецъ, двѣ послѣднія главы даютъ, правда, краткую и неполную, но ясную и въ общемъ правильную характеристику болѣзнетворной роли микробовъ. Такимъ образомъ, „Основы микробіологіи" даютъ всестороннее представленіе о жизни и жизнедѣятельности микробовъ и могутъ быть рекомендованы всякому, желающему познакомиться съ этой отраслью біологіи. (*Л. Тарасевичъ. „Рус. Вѣд." 1913—25*).

Какъ на крупное преимущество даннаго руководства передъ всѣми другими, существующими на русскомъ языкѣ, нужно указать на единство мысли, вложенной авторомъ въ освѣщеніе вопросовъ біологіи. Авторъ иллюстрируетъ изложеніе большимъ количествомъ рисунковъ, что въ значительной степени облегчаетъ понаманіе и запоминаніе прочитаннаго. Но еще больше оживляютъ изложеніе предмета — постоянныя экскурсіи въ область прикладного значенія микроорганизмовъ, въ особенности въ сельскохозяйственной отрасли знанія. (*Д. Ф. Коневъ. „Бюлл. Харьк. О. Люб. Пр." 1912—4*).

401. Аверинцевъ, С. В. 59(02)

Руководство къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. (Курсъ высш. уч. зав.) Спб. 1913. Стр. 406. Съ рис. Ц. 2 р.

Въ настоящее время, когда курсовымъ практическимъ занятіямъ отводится въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такъ много мѣста, книга А. является очень кстати. Съ нашей точки зрѣнія она излишне полна; эта полнота, пожалуй скорѣе отпугаетъ отъ занятій зоологіей, нежели привлечетъ къ нимъ. На основаніи своего долголѣтняго опыта мы считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ проходить практически гораздо меньшее число животныхъ, но зато проходить ихъ возможно основательно. Мы болѣе или менѣе согласны съ А., что практическія занятія должны слѣдовать за теоретическимъ курсомъ, а не предшествовать ему. Отдѣлы разбираемаго руководства разработаны далеко не равномѣрно, въ чемъ нетрудно убѣдиться, сравнивъ практическія занятія по позвоночнымъ съ практическими занятіями по безпозвоночнымъ. Пособія указаны у г. Аверинцева не всегда удачно. Рисунки не оригинальны, но въ общемъ удовлетворительны, и издана книга хорошо и недорого. (*М. Мензбиръ. „Рус. Вѣд." 1912—30*).

Мы не имѣемъ не только на русскомъ, но и иностранныхъ языкахъ руководства къ практическимъ занятіямъ, которое содержало бы указанія относительно строенія и препаровки такого большого количества формъ. Правда, многія изъ нихъ разобраны весьма поверхностно, но другія съ достаточной подробностью. Въ общемъ предлагаемый вниманію занимающагося матеріалъ таковъ, что полное ознакомленіе съ нимъ далеко выходило бы за предѣлы обычныхъ студенческихъ занятій и можетъ служить планомъ работы лишь для тѣхъ, кто подготовляетъ себя къ спеціальной научной дѣятельности. Изложеніе начинается краткими свѣдѣніями по микроскопіи и общей лабораторной біологической техникѣ. Этотъ отдѣлъ изложенъ схематично, безъ большихъ подробностей. Техника фиксированія, окраска и заливка, не выдѣлена въ отдѣльную главу, а разбросана по разнымъ мѣстамъ книги при соотвѣтственныхъ объектахъ, но при этомъ отнесеніе того или иного техническаго пріема къ опредѣленному объекту является въ значительной степени дѣломъ случая. Указанія по техникѣ изслѣдованія не отличаются большой подробностью и обиліемъ, такъ что справочной книги по техникѣ эта книга замѣнить не можетъ, да это и не ея цѣль. А что касается помощи для практическаго изученія зоологіи, то въ этомъ отношеніи заслуга А. въ общемъ весьма существенна. Въ общемъ книгѣ А. можно пожелать самаго широкаго распространенія среди студентовъ и студентокъ, а также и среди преподавателей естественой исторіи, хотя эта книга не для средней школы, а только для высшей. (*Проф. Г. Кожевниковъ. „У. Рос." 1912—283*).

Эта книга не нуждается въ особой рекомендаціи. Ее слѣдуетъ только отмѣтить къ свѣдѣнію нашего многочисленнаго студенчества. Очень и очень многіе, особенно изъ начинающихъ, не безъ робости приступаютъ къ практическимъ работамъ. Для нихъ такое руководство будетъ незамѣнимой книгой. Тѣмъ болѣе, что подобнаго ему у насъ, какъ кажется, еще не было. Общество естествоиспытателей уже наградило автора преміей за эту книгу и это служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу ея достоинствъ. Къ числу этихъ достоинствъ относится и указаніе спеціальной литературы на иностранныхъ языкахъ, которое даетъ авторъ по каждому отдѣлу или классу животныхъ особо. (*М. Новорусскій. „Рѣчь". 1912—34*).

* **Сватиковъ, С. Г.** 7:016

См. пор. № 385.

402. Крэгъ, Гордонъ. 792

Искусство театра. Изд. Н. И. Бутковской. Спб. 1912. Стр. 176, съ 12 рис. Ц. 2 р.

Какъ и всѣ прочія изданія г-жи Бутковской, книга извѣстнаго апологета сцены и реформатора театра — Г. К. прежде всего явленіе художественнаго порядка и уже по одному этому заслуживаетъ вполнѣ быть отмѣченной. Я скажу болѣе:—книга эта заинтересовываетъ, волнуетъ; вѣрнѣе—не сама книга, а талантливый авторъ, ее создавшій. Зачастую авторъ или перерастаетъ книгу, или не хватаетъ до нея. Такъ, если читатель припомнитъ,—въ эпоху шума, вызваннаго появленіемъ романа Арцыбашева „Санинъ", весь интересъ сосредоточился на самомъ романѣ, на „Санинѣ", а не на авторѣ его, тогда какъ въ другихъ случаяхъ, подобныхъ настоящему, произносится именно имя автора, а не произведенія, не книги. Я думаю, впрочемъ, что послѣдній признакъ отнюдь не служитъ комплиментомъ автору и означаетъ скорѣе дефектъ даннаго творчества: — повидимому, авторъ обѣщалъ,— можетъ дать гораздо больше, чѣмъ даетъ, чѣмъ далъ, но по какой-то странной, а, можетъ, и неизбѣжной причинѣ не выполняетъ этихъ обѣщаній, да, можетъ, онъ и не способенъ ихъ выполнить въ силу какихъ-то имманентныхъ законовъ своего дарованія. Несомнѣнно, что, знакомясь со взглядами на театръ талантливаго англійскаго теоретика сцены, мы съ огромнымъ интересомъ слѣдимъ за скачками его порывистой, парадоксальной, но всегда творчески-живой мысли, отдаемъ должное его мѣткому, ѣдкому анализу, его оригинальной фантазіи, пламенной любви къ театру и фанатической вѣрѣ въ будущее искусство. Нельзя безъ глубочайшаго сочувствія внимать его огненной ненависти къ рутинному, обезличенному и рабскому началу, которымъ хромоногіе прислужники сцены прикрываютъ свою эстетическую и созидательную немощь, именуя ее громкимъ словомъ сценическаго реализма. Строки, которыми К.— органически ненавидящій всѣхъ копировщиковъ и фотографовъ, выдающихъ себя за художниковъ и артистовъ,— эти яростныя строки, которыми онъ клеймитъ жалкихъ приспѣшниковъ для него великаго и святого искусства, достойны быть включены въ катехизисъ всякаго неофита сцены. К. вполнѣ справедливо начинаетъ сомнѣваться, „не бѣдное ли это искусство, не убогая ли способность, которая не можетъ выявить духъ, сущность идеи для зрителей, а можетъ показать лишь грубую копію, факсимиле самаго предмета. Это имитаторы, а не артисты". Мы не хотимъ въ искусствѣ реальнаго воспроизведенія жизни,— правда, итакъ достаточно надоѣвшей намъ со всей своей будничностью и матеріальностью. И въ самомъ дѣлѣ—стоитъ ли ужъ такъ рьяно добиваться воспроизведенія на холстѣ или картинѣ „живого" лѣса, когда часто эскиза, силуэта, намека на форму достаточно, чтобы вызвать живѣйшее представленіе о предметѣ. Зачѣмъ все это, „какъ живое",—разъ сама сцена условность „an und für sich" и театръ, по самому существу своему, призванъ давать иллюзію, обманывать зрителя только внѣшнимъ подобіемъ формъ, выявляя внутреннее—душу предмета? „Вѣдь цѣль искусства не отражать дѣйствительные факты. У художника не должно быть привычки итти въ хвостѣ, позади всего. Онъ имѣетъ привиллегію шествовать въ авангардѣ, быть всюду лидеромъ. Пусть ужъ лучше жизнь отражаетъ подобіе духа, ибо духъ искони избралъ художника живописателемъ своей красоты". Противоположеніе искусства жизни, суверенность иллюзіи, мечты надъ дѣйствительностью, идеальнаго надъ реальнымъ—не слыхали ли мы всѣхъ этихъ словъ — истинъ гдѣ-то ближе туманнаго Альбіона, въ устахъ нашего роднаго поэта и фанатика служенія искусству—Ѳ. Сологуба? Не то же ли странное, но властное влеченіе у обоихъ къ смерти (тихая страна, по выраженію К.), къ духамъ, тѣнямъ, личинамъ, только воплощающимъ жизнь— тяготѣніе, доходящее у К. до почти парадоксальнаго отрицанія живого актера въ его современномъ аспектѣ, какъ уже слишкомъ отравленнаго ядомъ вульгарной реальности и антихудожественности, и замѣнѣ его „куклой, маріонеткой". Какъ именно создать истинно-художественный театръ, въ которомъ суверенны лишь идеалы искусства, безъ всякихъ практическихъ и иныхъ соображеній, — точно К. не указываетъ, но его безпощадная критика современнаго театральнаго строя, въ нѣкоторомъ родѣ,— раба своей „кассы", уже одна способна освѣжить затхлую атмосферу сцены и положить основной камень въ фундаментъ новаго прекраснаго зданія. (*Ан. Чеботаревская. „Нов. Ж.". 1912—11*).

403. Герцль, Теодоръ. 83 — 3

Фельетоны. Перев. С. А. Розовой. Предисл. Вл. Жаботинскаго. Спб. 1912. Стр. 222. Ц. 1 р. 50 к.

Фельетонъ—это, конечно, не всегда литература. Надо обладать талантомъ Гюисманса, чтобы его „Парижскія арабески", печатавшіяся въ газетѣ, которая обычно живетъ не долѣе сутокъ могли быть интересны теперь. То же самое можно сказать о знаменитомъ остротѣ Сафирѣ, фельетоны котораго продолжаютъ издаваться и понынѣ, несмотря на то, что уже прошло пятьдесятъ пять лѣтъ, какъ Сафиръ, по его собственнымъ словамъ, покончилъ со всѣми хлопотами по передачѣ своей жизни въ руки смерти. То, что было злободневнаго въ нихъ, испарилось; осталось имѣющее право на долговѣчность — искусство. Намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно, кто далъ сборнику Г. названіе „Фельетоны" — онъ самъ, наслѣдники его, или переводчица. Но названіе это невѣрное. По своему содержанію, совершенно чуждому злободневности, это миніатюры, размышленія или наброски, и словъ Вл. Жаботинскаго въ предисловіи о томъ, что Г. унесъ съ собою въ могилу тайну настоящаго фельетона, могутъ быть отнесены не больше, какъ въ паосной литературѣ, всѣхъ предисловій вообще. Что безспорно въ предисловіи Вл. Жаботинскаго,— это указаніе на лирическое дарованіе Г., на его красивую и вдумчивую наблюдательность, которой проникнуты эти стихи въ прозѣ, столь, казалось бы, несоотвѣтствующіе характеру политическаго дѣятеля и энергичнаго борца, какимъ онъ перешелъ въ исторію сіонизма. Изящныя миніатюры Г. читаются съ интересомъ. Особенно тѣ изъ нихъ, которыя посвящены дѣтямъ. И для того, кто интересуется личностью этого общественнаго дѣятеля и организатора, книга эта, пожалуй, дастъ небезынтересный матеріалъ для сопоставленія между Герцлемъ-вождемъ и Герцлемъ-писателемъ. Издана книга прекрасно. (*В. Ир. „Рѣчь". 1912—311*).

Вождь сіонизма, „пророкъ въ сюртукѣ“ — Теодоръ Герцль былъ фельетонистомъ „Neue Freie Presse“; его фельетоны собраны любящей рукой. Въ книгѣ 4 отдѣла: 1. Среди дѣтей. 2. Маленькія комедіи. 3. Философскіе разговоры. 4. Книги. Самый интересный отдѣлъ — второй. Тонкій юморъ и желчь сердца разлитъ въ миніатюрныхъ комедіяхъ. На „Философск. разговорахъ“ нужно учиться глубоко освѣщать и понимать мелочи жизни, спасти миніатюру отъ забвенія. Въ IV отдѣлѣ хорошъ фельетонъ: „Гейне и любовь“. Въ общемъ книга весьма поучительна и необходима, но только для широкой публики— спеціальна. Кто любитъ Г., тому фельетоны много скажутъ, читатель толпы оставитъ книгу неудовлетвореннымъ, для характеристики Г. книга фельетоновъ даетъ любопытный комментарій его общественной дѣятельности, не самостоятельная цѣнность книги—невелика. Предисловіе Вл. Жаботинскаго выразительно и сильно написано. Книга издана на приличной бумагѣ, но украшенія устарѣлы и безвкусны. (*С. Б.* „*День*“. *1913—6*).

404. Мюлау, Елена, фонъ. 83 — 3

Послѣ третьяго ребенка. Романъ. Пер. М. Кадишъ. М. 1913. „Универс. книгоизд.“ Л. А. Столяръ. Стр. 222. Ц. 1 р.

Въ основѣ романа лежитъ изображеніе внутренняго міра и переживаній главной героини, отъ имени которой ведется повѣствованіе. Героиня романа, Роза, желаетъ быть примѣрной женою и матерью,— у нея трое дѣтей, но она— жертва матеріальной необезпеченности, гнетущей семью. Оба супруга принуждены заранѣе съ тревого думать о тѣхъ новыхъ расходахъ, какіе неизбѣжно приноситъ съ собою рожденіе каждаго ребенка. Постепенно отношенія между ними портятся именно подъ вліяніемъ матеріальныхъ невзгодъ, необходимости изыскивать средства для прокормленія дѣтей; появленіе на свѣтъ третьяго ребенка,— какъ нарочно болѣзненной, тщедушной дѣвочки, съ теченіемъ времени обнаруживающей сверхъ того признаки слабоумія,— вызываетъ у мужа Розы чувства раздраженія, досады, и бѣдная женщина нерѣдко должна выслушивать отъ озлобленнаго житейскими неудачами мужа совершенно незаслуженныя обвиненія, смѣняющіяся приступами покаяннаго настроенія и попытками загладить свою грубость... Одно изъ лучшихъ мѣстъ въ романѣ — описаніе того, что переживаетъ главная героиня, почувствовавъ себя беременною въ четвертый разъ и рѣшивъ прибѣгнуть къ искусственному выкидышу, только бы ей не пришлось сообщить своему мужу ту вѣсть, которая должна привести его въ ярость. Весь этотъ эпизодъ полонъ драматизма, да и нѣкоторыя другія переживанія Розы производятъ впечатлѣніе благодаря правдивому, безыскусственному освѣщенію, какое придастъ имъ романистка, желавшая сдѣлать свое произведеніе печальнымъ, но вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительности „человѣческимъ документомъ“. То, что испытываетъ героиня романа, можетъ быть пережито женщинами, принадлежащими къ различнымъ общественнымъ слоямъ; для насъ не представляетъ поэтому особеннаго интереса та сторона романа, которая привлекла вниманіе многихъ нѣмецкихъ критиковъ: то что Роза является женою прусскаго офицера. Для русскаго читателя въ этомъ случаѣ всего интереснѣе общечеловѣческое, а не мѣстная и классовая сторона. (*Ю. Веселовскій.* „*Рус. Вѣд.*“ *1913—25*).

Тенденціозное названіе, отчасти пахнущее бульваромъ, первый моментъ отталкиваетъ и дастъ право думать о легкости и никчемности. При чтеніи же первыхъ страницъ сомнѣніе разсѣивается, и интересъ возрастаетъ. Глубокій, полный трагизма вопросъ ставитъ авторъ. Будь книга немного короче, яркость страданій рельефнѣе выявлялась бы, но и этотъ недостатокъ не мѣшаетъ быть ей одной изъ интересныхъ книгъ послѣдняго времени. (*„Вечер. Изв.“ 1913—78*).

405. Доброхотовъ, Анатолій. 891 . 7 — 1

Пѣсни воли и тоски. 1900—1912. гг. М. 1913 г. Стр. 366. Ц. 1 р. 50 к.

Авторъ отличается отъ современныхъ поэтовъ тѣмъ, что сравнительно мало дорожитъ формою. Его стихотворенія — не красивые, виртуозные узоры словъ, а рифмованные, поскольку рифма соглашалась подчиняться содержанію. Повидимому, онъ пишетъ стихотвореніе не для того, чтобы написать таковое, а для того, чтобы удовлетворить потребности выразить очередную мысль или настроеніе. Мысли же и настроенія у него крайне разнообразны. Заглавіе книги — „Пѣсни воли и тоски“ далеко не охватываетъ ихъ. Оно дано, вѣроятно, для звучности, между тѣмъ какъ мы видимъ передъ собою душевный обиходъ современнаго интеллигента,—отраженіе его интересовъ, начиная съ мотивовъ политической скорби, кончая хорошо стилизованной балладой нѣмецкаго средневѣковья. Каждый современный интеллигентъ немножко интернаціоналевъ, и Д. подтверждаетъ это, потому что на каждой страницѣ переносится изъ Россіи въ Италію, изъ Италіи въ Германію, изъ Германіи— въ Англію, смотря по ходу своей капризной мысли. Къ сожалѣнію, замѣтно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ онъ побывалъ только воображеніемъ. Стихотворенія, посвященныя Англіи, напримѣръ, хотя не лишены чувства, но имѣютъ такое же отношеніе къ англійской дѣйствительности, какъ къ японской, индійской или какой-нибудь другой. Знакомства съ Германіей у автора чувствуется очень много, съ Англіей, повидимому, онъ тоже, хоть слегка, хоть внѣшне, но знакомъ по личнымъ впечатлѣніямъ. (*Л. Николаевъ.* „*У. Рос.*“ *1912—299*).

Большая, недурно изданная книга, къ которой приступаешь съ нѣкоторымъ изумленіемъ предъ плодовитостью ея автора (вѣдь эти три сотни страницъ—одни сплошные стихи!), и съ чувствомъ вполнѣ опредѣленной досады: какъ можно въ наши дни выступать съ результатами своего творчества за цѣлыя 12 лѣтъ, ни разу за этотъ долгій срокъ не заявивъ себя болѣе или менѣе яркой поэтической индивидуальностью? Надо имѣть большую смѣлость, чтобы въ пору нашего теперешняго чеканенаго, доведеннаго почти до совершенства формы стиха писать:

„Держалъ ты безтрепетно стягъ идеала,
Лелѣялъ завѣтное слово „вародъ“.

Писать такъ и не чувствовать, что это чистѣйшей воды заурядная проза, ковечно, нельзя. И авторъ самъ чувствуетъ это, но, видимо, еще сильнѣе чувствуетъ онъ, что поэтъ прежде всего долженъ быть „тиранамъ грозой“ и „зарею для

лабовъ". И авторъ, какъ умѣетъ, такъ и проявряетъ это въ своихъ многочисленныхъ стихахъ, воспѣвающихъ: волю, страдающихъ и униженныхъ, любовь, города и страны. Въ результатѣ получаются дѣйствительно „пѣсни воли и тоски", правда, грубоватыя по формѣ, часто повторяющія давно и гораздо лучше спѣтые мотивы поэтовъ гражданской музы, но за всѣмъ этимъ чувствуется у Д. ненаддѣльная искренность его переживаній и глубоко страдающая душа гражданина, поглощеннаго одной мыслью: „о всеобщемъ единственномъ Богѣ, о грядущихъ за нраву великихъ бойцахъ, о священномъ свободы чертогѣ". Родственныя поэту души, не могущія себя выразить даже и такъ несовершенно, какъ выражаетъ себя онъ, будутъ все же съ любопью читать „пѣсни воли и тоски", находитъ въ нихъ желанный родственный откликъ. („*Вечерн. Изв.*" *1913—78*).

На днѣ морскомъ Д. напримѣръ, усмотрѣлъ «прекрасную лилею» и сразу же догадался о чемъ она думала. Оказывается, лилія, взросшая на днѣ морскомъ, думала:

О пестрыхъ мотылькахъ, о зелени полей.
Среди глубокихъ водъ въ пучинѣ океана.
Ей жизни хочется ласкающей земной,
Ей снится лилія зеленая поляны
И крикъ перепеловъ и мѣсяцъ голубой...

Вотъ какая лилея! Даже перепела ей снятся! По одной этой лилеѣ уже можно судить о музѣ Д. Любопытно, однако, что большинство вошедшихъ въ этотъ томъ стихотвореній все же появлялись уже въ печати на страницахъ преимущественно провинціальныхъ газетъ, но даже и въ „Вѣстникѣ Европы" и „Русскомъ Богатствѣ". (*Б. „День". 1913—6*).

Молодой, но уже составившій себѣ имя, поэтъ Д. хорошо извѣстенъ читателямъ „Юн. Росс." и „Пед. Л." Большая часть стихотвореній проникнута бодрымъ настроеніемъ, почему сборникъ очень желателенъ въ рукахъ юношества. (*„Пед. Л." 1913—1*).

Когда начинаешь читать сборникъ стихотвореній г. Д., то невольно увлекаешься ими. Это несомнѣнный и оригинальный поэтическій талантъ, можно даже сказать: „поэтъ Божьей милостью". Въ томъ смыслѣ, что у него мало выработки, но много прирожденнаго таланта. У него постоянное поэтическое настроеніе, почему каждое явленіе жизни, прочитанная книга, промелькнувшій видъ—вызываютъ у него стихи. Стихи Д. всѣ окрашены живымъ поэтическимъ чувствомъ, вродѣ стиховъ Надсона. Только вродѣ, потому что у него свое собственное оригинальное настроеніе, хотя мѣстами можно констатировать и вліяніе Надсона, не вслѣдствіе подражанія, а вслѣдствіе сходства таланта и настроенія... Давно уже писалось о двухъ типахъ артистовъ: одни играютъ „нутромъ", у другихъ много выучки, выработки. О Д. можно сказать, что у него, какъ поэта, много „нутра", но мало выучки. Много „сердца горестныхъ замѣтъ", но „мало ума холодныхъ наблюденій". (*„Нижегор. Л." 1912—19—XII*).

406. Бурлюкъ, Д. и др. 891.7—1

Пощечина общественному вкусу. Стихи. Проза. Статьи. Въ защиту свободнаго искусства. Изд. Г. Л. Кузьмина. [М. 1913.] Стр. 112. Ц. 1 р.

Пощечиной по собственной физіономіи прозвучала книжечка прозы и стиховъ молодыхъ эксцентриконъ.—Сѣрая бумага, въ какую завертываютъ въ мелочной лавкѣ наксу и крупу, обложка изъ парусины цвѣта „вши, упавшей въ обморокъ", заглавіе, тиснутое грязной кирпичной краской, — все это, намѣренно безвкусное, явно разсчитано на ошеломленіе читателя. Если ужъ послѣ этого онъ не разинетъ рта,—очевидно надо отказаться отъ всякихъ попытокъ его озадачить. Что нередъ этимъ розовая бумага былыхъ декадентовъ, слова безъ еровъ или изображенія поэтомъ съ крыльями демона! Теорія „ благого мата" здѣсь доведена до предѣльной точки. Если теперь не замѣтятъ,—надо ложиться въ гробъ и умирать. Довольно метать бисеръ передъ свиньями!

Мы хохотали недавно надъ выставкой „Союза молодежи", надъ этой смѣхотворной мазней кубическихъ лицъ, четыреугольныхъ цвѣтовъ и людей, точно свинченныхъ изъ точеныхъ стальныхъ частей. Въ „Пощечинѣ"—дана словесная мотивировка этихъ дикихъ новшествъ. Мечта этой молодой компаніи—„бросить Пушкина, Достоевскаго, Толстого и проч., и проч. съ парохода современности", стащить бумажныя латы съ Брюсова. Эта кучка поучаетъ: „вымойте ваши руки, прикасавшіяся къ грязной слизи книгъ, написанныхъ безчисленными Леонидами Андреевыми!" Таковъ манифестъ новаго искусства, подписанный именами: Д. Бурлюка, А. Крученыхъ, В. Маяковскаго и В. Хлѣбникова. Долой Пушкина и да здравствуютъ Бурлюки!.. Воинственная горсточка идетъ на бой и нестерпимо стучитъ игрушечными сабельками. Она смертельно разобижена тѣмъ, что ея не замѣчаютъ, что о ней молчатъ. Вся книжка новыхъ декадентовъ полна невѣроятными дикостями и намѣренными вычурами. Это не какія-нибудь исканія, а чистое дурачество. При всей готовности невозможно повѣрить въ „непосредственность" этого идіотства, и надо заподозрѣть его предвзятость. Вотъ, напр., „стихи" Маяковскаго:

Угрюмый дождь скосилъ глаза
А за
Рѣшеткой,
Четкой,
Желѣзной мысли проводовъ
Перина
И на
Нее, легко встающихъ звѣздъ оперлись
Поги.
Но гибель фонарей,
Царей
Въ коронѣ газа,
Для глаза
Сдѣлала больнѣй враждующій
Букетъ бульварныхъ проститутокъ...

Велиміръ Хлѣбниковъ вопрошаетъ:

Кому сказатеньки,
Какъ важно жила барынька
Нѣтъ, не важная барыня,
А такъ сказать лягушечка...

И надписываетъ это—„Опусъ № 14", а въ „Опусѣ № 15" сюсюкаетъ:

На островѣ Эзелѣ
Мы вмѣстѣ грезили,
Я былъ на Камчаткѣ
Ты теребила перчатки...

Хлѣбниковъ помѣшанъ на производствѣ новыхъ словъ. Его разсказы полны „слезатыми

слезивями", „міристѣющими птицами", „умрутными голубями", „старикатыми далями", „взоровитыми чашами".

Бенедиктъ Лившицъ самымъ дѣломъ сокрушаетъ Пушкина и культивируетъ такой русскій языкъ:

— „Долгіе о грусти ступаемъ стрѣлой. Желудѣютъ по канаусовымъ яблонямъ, въ пенелъ оливковыхъ запятыхъ, узкія севы. Чернымъ объ опочившихъ поцѣлуяхъ медомъ пусть восьмигранникъ, и коричневыми газетныя астры. Но тихія. Ахъ, милый поэтъ, здѣсь любятся не безвременьемъ, а къ развѣяннымъ облакамъ. Это правда: я уже сказалъ. И еще болѣе долгіе, онепленные былымъ, гіацинтофоры декабря".

Вотъ синтаксисъ и этимологія Бедлама! Недавно въ научной книгѣ о помѣшанныхъ нѣкто г. Вавулинъ привелъ многисленные отрывки изъ „литературы" больныхъ. Но куда же куцому до зайца! Тамъ есть и смыслъ и образность,—здѣсь, у декадентскаго вывертыша, намѣренный подборъ безсмыслицъ!

А. Крученыхъ насаждаетъ такую поэзію, попутно увѣчтожая даже знаки препинанія и прописныя буквы

Офицеръ сидитъ в
с рыжею полей
и надменный самоваръ
выпускаетъ паръ
и свистаетъ
рыбки хлещутъ
у офицера
глаза маслинки
хищныя манеры
губки малинки
глазки сѣры
у рыжей поли
брошка вѣромъ
хорошо быть въ полѣ.

На 112 стр. несчастный наборщикъ набиралъ безнадежную, похожую на разсыпанный наборъ чепуху, вымученный бредъ претенціозно бездарныхъ людей, одно прикосновеніе къ которымъ, повидимому, заражаетъ бездарностью. „Идутные идутъ, могутные могутъ, смѣхутные смѣются",— пишетъ Хлѣбниковъ, и надъ нимъ смѣются даже не смѣхутные. Да, игра кончилась, огни погашены, погремушки сломаны и брошены. На могилѣ запоганаго декадентства копошатся послѣдніе эпигоны, печальные рыцари ослинаго хвоста наполняютъ воздухъ запоздалой отрыжкой и только одни не сознаютъ, что не строятъ на ней что-либо новое, а забиваютъ въ нее послѣдній осиновый колъ. (*А. Измайловъ. „Бирж. Вѣд." 1913—13365*).

407. Лазаревскій, Борисъ. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. IV. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 300. Ц. 1 р.

Въ IV т. больше всего мѣста занимаетъ не то разсказъ, не то повѣсть подъ заглавіемъ „Болѣзнь", гдѣ герой описываетъ свои переживанія, увлекаясь россійской demie vierge, въ то же время не переставая цѣнить и любить свою супругу. Съ особымъ удовольствіемъ авторъ останавливается на любовныхъ сценахъ, гдѣ его герои „безъ всякаго участія воли" цѣлуютъ женское тѣло. Этой любовной психологіи съ участіемъ и „безъ всякаго участія воли" посвящены девять десятыхъ произведеній Л. Въ концѣ-концовъ, грустно становится, когда читаешь и Л., и др. подобныхъ ему писателей. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительность не подсказываетъ имъ иныхъ сюжетовъ, болѣе жгучихъ и значительныхъ, чѣмъ любовная канитель „безъ всякаго участія воли"? Или настолько пуста ихъ душа, что надъ ними господствуетъ одна лишь физіологія? Многіе склонны утверждать: важность состоитъ не въ томъ, что писать, а какъ. Не всѣ имѣютъ право утверждать это. Въ большинствѣ случаевъ, приверженцы такого мнѣнія лишены силъ изобразительности, произведенія ихъ блѣдны и легко забываются. Такой участи не избѣгаетъ и Л., хотя и выпустилъ уже 4 т. собранія своихъ сочиненій. (*А. Вельскій. „Завѣты." 1913—1*).

Разсказы Л. въ IV т. всѣ, какъ на подборъ: сѣренькую жизнь изображаетъ авторъ, сѣренькія мысли и чувства у его героевъ, — сѣренькимъ языкомъ они говорятъ о нихъ, и даже происшествія всѣ какія-то сѣренькія. И оттого происходитъ, что конца разсказа въ 10 — 15 стр. ждешь не дождешься, не говоря уже о разсказахъ въ 50—80 стр. (напр., „Нравственность", „Болѣзнь",) прочесть которые можно только при терпѣніи или досугѣ чрезвычайныхъ. И вотъ тутъ-то удивляешься: какъ умѣли Чеховъ и Гл. Успенскій такую же сѣренькую жизнь, такихъ же сѣренькихъ людей изображать такъ ярко, что написанное ими читаютъ и перечитываютъ! (*І. И. „Сиб. Ж." 1912—262*).

Беллетристъ Л.—одинъ изъ многихъ, кому судьба отпустила больше, чѣмъ надо, литературной рѣшимости и меньше, чѣмъ надо, литературнаго дарованія. У него есть кое-какая наблюдательность, кое-какое умѣнье клеить несложную фабулу, но нѣтъ ни искры того подлиннаго огня, который дѣлаетъ честнаго труженика художникомъ. Всѣ его художественные пріемы, весь незатѣйливый инвентарь его мыслей и образовъ подернуты, какъ легкой копотью, флеромъ неискоренимой банальности.

„Я вспоминалъ красочные моменты своей жизни"... „Очень молоденькая барынька топталась возлѣ барьера"... „Я никогда не видалъ барышенъ такой кристальной чистоты"... Это ли не языкъ несложнаго искусства? Одинъ изъ его героевъ говоритъ дѣвушкѣ: „Меня поразила въ ней золотая середина... всегда казавшаяся мнѣ недостижимымъ идеаломъ"... Л-имъ этотъ идеалъ достигнутъ. Онъ—срединность. математически точная. (*С. Кречетовъ. „У. Рос." 1913—22*).

408. Пришвинъ, М. 891.7—3

Томъ 2-й. Очерки. Изд. „Знаніе". Спб., 1913. Стр. 291. Ц. 1 р. 25 к.

Есть такіе люди, которые начинаютъ нравиться съ первой встрѣчи, съ первыхъ двухъ словъ; и есть книги, которыя внушаютъ рѣшительную симпатію съ первыхъ страницъ. Именно таковы книги П. Правда, онѣ интересны и по содержанію, но оцѣнка содержанія приходитъ гораздо позднѣе того непосредственнаго впечатлѣнія, которое охватываетъ читателя при самомъ началѣ чтенія. Въ разсказахъ и очеркахъ П. очень много хорошаго, свѣжаго, напоеннаго то смолистымъ лѣснымъ, то соленымъ морскимъ ароматомъ здороваго воздуха, отъ котораго помимо всякихъ сознательныхъ критическихъ оцѣнокъ сама-собою подымается грудь и дышится полно и легко... Лѣсъ, мохъ, дикіе цвѣты, дымъ костра

озеро со скользящей по нему лодкой; красные сѣверные утесы, о которые бѣшено бьются, разбиваясь въ соленую пыль, океанскіе „взводни“, „горвій“ вѣтеръ, сгоняющій сѣрый туманъ съ успокоеннаго моря, бѣлыя полчища птицъ, выхватывающія изъ рыбацкихъ сѣтей сверкающую, трепещущую рыбу; люди, не боящіеся ничего на свѣтѣ и не оплакивающіе мертвыхъ; странныя лѣсныя повѣрія, морскія легенды, гдѣ сказка перемѣшана съ былью,—вся эта нищая культурой, но дышащая стихійной цѣльной силой жизнь свободно и полно отражается въ небольшихъ, какъ-будто мимоходомъ набросанныхъ разсказахъ и очеркахъ П. Нѣкоторые изъ нихъ (какъ, напр., „Анархическая колонія“) помимо основнаго „здороваго“ настроенія, свѣжихъ красокъ, сочнаго и оригинальнаго языка чрезвычайно интересны и по содержанію, отражающему своеобразный бытъ нашихъ поморовъ, считающихся цвѣтомъ русской народности, но исповѣдующихъ при этомъ глубокое презрѣніе къ чиновничьей и рабской Россіи. Три первыхъ разсказа („Свиданіе у Канина носа“, „Анархическая колонія“, „Къ варягамъ“)—вообще лучшіе въ книжкѣ по выдержанности повѣствовательной формы. Остальные носятъ характеръ почти сырого этнографическаго и географическаго матеріала, собраннаго съ большой наблюдательностью и умѣньемъ и частью облеченнаго въ художественныя формы. Во всякомъ случаѣ вся книжка прочтется легко и съ удовольствіемъ. (*Е. Сингубъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—30*).

Въ этомъ томѣ собраны раннія работы автора—еще не чисто художественныя: этнографическія описанія, путевые очерки, полубеллетристика. Вся книга—если не считать немногихъ главъ, посвященныхъ пребыванію автора въ приполярной Норвегіи—занята изображеніемъ русскаго Сѣвера—Мурмана и Выговскаго края: областей Европ. Россіи, столь близкихъ, въ сущности отъ насъ и столь отличныхъ, столь мало знакомыхъ. Картинъ необычайной природы, образовъ необычныхъ людей полны очерки П.,—да и какъ оно можетъ быть иначе „въ краю непуганныхъ птицъ“. Все это свѣжо, сжато, передано въ обостренно лирической формѣ, заставляющей почувствовать то, что недосказано въ дѣловой прозѣ разсказа. Быть можетъ, здѣсь наилучшее примѣненіе для дарованія П. Онъ сообщаетъ въ предисловіи, что „началъ писать, вовсе не имѣя въ виду художественныхъ задачъ, но самый процессъ работы, стремленіе писать какъ можно короче и выпуклѣе, заставили добиваться литературной формы“. Въ сущности—если ставить настоящія большія требованія—онъ и не добился этой искомой художественной формы. Сырьемъ отдастъ и отъ ого „законченныхъ“ разсказовъ, концы съ концами плохо сведены, архитектура нигдѣ не кажется безукоризненной. А между тѣмъ матеріалъ его богатъ; онъ, какъ немногіе, умѣетъ проникнуть въ толщу народной жизни, умѣетъ сойтись съ человѣкомъ, умѣетъ видѣть и слышать; его память хранитъ сотни колоритныхъ областныхъ словъ, такихъ близкихъ по корню и и звуку и однако непонятныхъ, такихъ русскихъ и въ тоже время чужихъ. (*„Рус. Бог.“ 1913—1*).

Читатель, разъ попавшись въ руки автора, покорно влачится за нимъ въ незнакомые раскольничьи скиты, выслушиваетъ диссертацію о хозяйственномъ бытѣ старовѣрческихъ монастырей въ XVII и XVIII столѣтіяхъ и т. п. Любопытное явленіе „Очерки“ П. въ литературѣ нашихъ дней. Художественная этнографія „Очерковъ“, будучи сопоставлена съ цѣлымъ рядомъ другихъ литературныхъ произведеній, посвященныхъ изображенію жизни народа, наводитъ на размышленія. Въ этомъ интересѣ къ жизни и правдѣ народной чудится что-то родственное 70-мъ годамъ. Словно къ роднику живой воды приникли запекшіяся губы не вынесшаго бремени индивидуализма интеллигента и жадно тянутъ свѣжій напитокъ. Красиво характеризуетъ творчество П. г. Ивановъ-Разумникъ; оно представляется ему старо-новгородскимъ: „Кремль“, „Дѣтинецъ“, но безъ орнаментальныхъ хмурыхъ завитковъ, строгая св. Софія, строгія церковки и скиты на Неруновомъ островѣ, а вокругъ водная ширь Ильмень-озера и безконечные глухіе лѣса, въ которыхъ живутъ современники Рюрика, полусказочные „борноволоки“ и въ которыхъ старые глухари-мошники клюютъ красную журавину клюкну... („Завѣты“, 1912 г. кн. 8). Если читатель не отравленъ до конецъ культурой и утонченной ложью города, мы отъ души рекомендуемъ ему книжку П. Онъ замечтается надъ ней и навѣрное полюбитъ всѣхъ этихъ „вопленицъ“, полѣсниковъ и прочихъ чудаковъ, которые гдѣ-то по своему живутъ и думаютъ, и отъ которыхъ вѣетъ освѣжающимъ дыханіемъ сѣверныхъ лѣсовъ и озеръ. (*И. Ильинскій. „Оренб. Край“. 1913—23*).

409. Чапыгинъ, А. 891.7—3

Нелюдимые. Разсказы. Изд. „Т-ва Писателей“. Спб. 1913. Стр. 241. Ц. 1 р.

Ни въ одной литературѣ нѣтъ столько писателей изъ народа, какъ въ литературѣ русской: рвется наружу подавленная сила. Отъ Кольцова до Горькаго—какой размахъ поэзіи, сколько жизненной правды въ этой вслитературной литературѣ. Ч.—писатель вышелъ изъ рабочей среды—занимаетъ особое мѣсто въ этомъ кругу: не бытъ, не реалистическую характерность, столь свойственную писателямъ изъ народа, даетъ намъ авторъ; его разсказы—эстетика, иногда даже экзотика рабочей жизни, и въ этомъ своеобразный интересъ его книги, въ этомъ ея художественный и психологическій смыслъ. Ч. беретъ въ геров своихъ разсказовъ „нелюдимыхъ“, одинокихъ мечтателей, которыхъ такъ много на Руси во всѣхъ классахъ общества, и изображаетъ ихъ личную драму, развалъ или торжество ихъ втайнѣ выношенной идеи. Всѣ эти (Шошка, старый иконописецъ, живописецъ—врагъ антихриста) эстеты и мистика оторваны отъ своей среды, да и отъ всякой среды. Автору видятся они внѣ соціальныхъ условій; окружающая ихъ бѣдность и людское непониманіе только рѣзче оттѣняютъ ихъ мечтательное самоуглубленіе. И, если ихъ психологическая драма развита авторомъ эскизно, если ихъ мысли небогаты діалектикой, не поражаютъ новизной—уже много новаго въ самомъ душевномъ обликѣ этихъ „нелюдимыхъ“ людей, сознающихъ свою религію или эстетику въ сѣромъ подвальномъ углу, въ нищетѣ незамѣтной жизни. Въ лучшихъ своихъ разсказахъ Ч. является безусловно искуснымъ стилистомъ. Не утративъ непосредственной свѣжести народной рѣчи, онъ умѣетъ придать ей утонченную красочность. Игра свѣта и тѣни въ убогой рабочей комнатѣ, случайный лучъ луны, падающій на полъ, блескъ уличнаго фонаря, дымча-

тая мышка, шуршащая бумагой на рабочемъ столѣ, скудныя пятна красоты: ихъ ищетъ глазъ глазъ художника-рабочаго, и находитъ и утѣшается. Конечно, естественно ждать отъ автора, претерпѣвшаго долгую школу рабочаго труда, иного, болѣе нормальнаго для него содержанія; напрашивается основательная мысль—не отразилось ли въ его произведеніяхъ эстическое броженіе послѣдняго десятилѣтія, увлекающее въ сторону формальныхъ художественныхъ исканій; хотѣлось бы узнать, что пережилъ писатель и перестрадалъ въ тѣ трудные годы, въ сложные годы, въ сложныхъ столкновеніяхъ съ людьми, съ общественной жестокостью. И отдѣльные намеки на это встрѣчаются въ его книгѣ... Но съ ужасомъ и брезгливостью отворачивается онъ отъ жизненной борьбы: чувствуется, что онъ какъ его герой „Игошка“ прежде всего блюдетъ свою эстетическую созерцательность, все остальное—„безобразіе человѣчье“—зотъ что сквозитъ въ его разсказахъ. Это придаетъ имъ художественную ограниченность: но несомнѣнно ихъ своеобразіе, и трогателенъ обликъ художника, безкорыстно ищущаго красочной красоты во тьмѣ и скудости рабочей жизни. (*„Рус. Бог. 1913—1*).

Ч.—талантливый изобразитель народной жизни, горя и нужды, дикихъ порывовъ болѣзненной воли. Та великая загадка, имя которой—народъ, нашла въ немъ если не прозорливаго отгадчика, то вдумчиваго выразителя. У него много наблюдательности, осторожнаго, цѣломудреннаго юмора, и чуткое любящее сердце. Стиль его строгъ и четокъ, тонъ спокоенъ, но этимъ внѣшнимъ безстрастіемъ онъ умѣетъ брать за душу. Онъ самъ страдаетъ и читателя заставляетъ страдать. Русская деревня, съ ея безпросвѣтнымъ трудомъ и безпросвѣтнымъ озорствомъ, рабочіе кварталы города, этотъ проклятый „Бурковъ домъ“, въ грязныхъ нѣдрахъ котораго, какъ въ адскомъ котлѣ, кипятъ замученныя тѣла человѣческія и замордованныя души,—вотъ сфера Ч., надъ которой звучитъ немолчнымъ приговоромъ вздохъ одной изъ его жалкихъ героинь: „Богъ проститъ, такъ-то люди живутъ!..“ Изъ всѣхъ русскихъ писателей Ч. особенно близко подходитъ къ Ремизову. Онъ не такъ широко, какъ Ремизовъ, охватываетъ трагизмъ жизни, но такъ же остро ощущаетъ горечь неизбывной „насмѣшки рока надъ землей“. При этомъ въ его картинахъ жизнь есть движеніе, дающее имъ „интересность“ Не трудно предсказать Ч хорошее литературное будущее. (*Н. Л. „Рѣчь“. 1913—28*).

Двѣ стихіи—городъ и природа—попеременно владѣютъ душой автора. Любитъ Ч. городъ, но не менѣе тяготѣетъ онъ и къ природѣ, къ дикой, величественной природѣ родного ему сѣвера. Ей и посвященъ у него лучшій разсказъ—„Лѣсной пѣстунъ“, жуткая повѣсть изъ жизнс сѣверныхъ охотниковъ. Изъ „лирическихъ отрывковъ“ всего больше понравилось намъ „Осеннее“ и „Туманы“. Вообщо къ достоинствамъ книги нужно отнести описанія природы: въ нихъ нѣтъ книжныхъ, заученныхъ пріемовъ; рисунокъ своеобразенъ и выполненъ съ любовью. Ч. встрѣтитъ надо думать, радушный пріемъ читателей,—онъ этого заслуживаетъ. (*С. Басовъ „Ж. для Вс.“ 1913—1*).

Чапыгинъ—пѣвецъ города, и въ этомъ отношеніи его муза напоминаетъ музу Некрасова. Психологія деревенскаго жителя, загнаннаго нуждой съ широкихъ, вольныхъ полей въ круговоротъ городской сутолоки—вотъ основная ткань, корую писатель украшаетъ разноцвѣтными узорами своей фантазіи. Приманки и соблазны города, интенсивная борьба за существованія быстро перерабатываютъ патріархальную психологію деревенскаго пришельца, развиваютъ въ немъ жажду наслажденій и толкаютъ въ омутъ разврата и преступленія. Но герои Ч. еще не дошли до крайнихъ предѣловъ нравственнаго паденія. Ихъ грызетъ еще совѣсть, въ нихъ еще не исчезла закваска болѣе чистыхъ деревенскихъ нравовъ, и они чувствуютъ себя одинокими, нелюдимыми и часто погибаютъ въ непосильной борьбѣ за существованіе. Нѣкоторыхъ охватываетъ какой-то мистическій ужасъ предъ бездной грѣховности, которая открывается ихъ цѣломудренному взору; ихъ испуганному воображенію представляется, что міръ долженъ погибнуть, и они жадно ищутъ выхода изъ невыносимаго положенія. Вотъ герой разсказа „Образъ“—Аггѣичъ, пораженный безобразіемъ жизни, стремится обрѣсти красоту. Онъ иконописецъ: его оскорбляетъ, что „богомазы подымаютъ нечистыя руки... съ душою холодной, корыстной пачкаютъ кинарисъ“. Долго искалъ онъ красоту и нашелъ въ пыли невѣдомо кѣмъ заброшенный образъ Богоматери, которы „красотой, величіемъ страшитъ, восхищаетъ, согрѣваетъ и зоветъ къ блаженству человѣческую душу. Въ откровеніи велитъ слезами омыться, любить и раскаяться“. Аггѣичъ мечтаетъ сотворить великіе образы, для которыхъ будутъ содѣяны великіе храмы, и тогда увѣруютъ люди и спасутся. Къ числу „нелюдимыхъ“ авторъ, очевидно, относитъ и самого себя. Въ концѣ книги помѣщены лирическія стихотворенія въ прозѣ, въ которыхъ довольно полно рисуется предъ нами душевный міръ писателя. Его не пугаютъ нарисованныя имъ картины городской жизни: борьба за жизнь, страданіе движеніе куда-то впередъ притягиваютъ его, очарозываютъ его, какъ змѣя маленькую птичку, своими разноцвѣтными глазами. Лирическія стихотворенія въ художественномъ отношеніи стоятъ выше разсказовъ. Авторъ не умѣетъ бытописать: на его палитрѣ недостаточно красокъ, нѣтъ яркости и выпуклости образовъ. Талантъ автора по преимуществу лирическій, именно, лиризмъ дѣлаетъ его разсказы привлекательными. (*М. С-кій. „Сиб. Ж.“ 1913—24*).

410. Булгакова, Е. И. 9(47)„1598:1613“ Герои и подвижники Смутнаго времени. Популярный очеркъ. Съ рис.—„Историч. Коммисс. Уч. Отд. О. Р. Т. Зн.“, ред. В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье, В. И. Пичета. Изд. „Задруга“ М. 1913. Стр. 128. Ц. 30 к.

Изданіе слѣдуетъ признать довольно удачнымъ Въ очеркѣ яркимъ нерѣдко образнымъ языкомъ описана Смута съ момента зарожденія и кончая избраніемъ царя Михаила. На факторы экономическіе и соціальные обращено достаточное вниманіе. Политическая сторона событій эпохи обрисована вполнѣ правильно. Почти всѣ характеристики дѣйствующихъ лицъ періода Смуты отличаются большой яркостью и рельфностью. Можно, пожалуй, указать только недочетъ—это отсутствіе заключительной главы о послѣдствіяхъ Смуты въ русской жизни первой половины XVII в. Эту брошюру, хорошо иллюстрированную и доступную по цѣнѣ, можно свободно дать въ ру-

ки ученикамъ старшихъ классовъ народной школы и вообще подросткамъ 14-15 л. возраста. (*В. Бочкаревъ. „Для Нар. Уч." 1913—3*).

Авторъ серьезно отнесся къ своей задачѣ и вышла хорошая книжка. Можно поставить въ упрекъ только сгущеніе черныхъ красокъ на портретѣ Бориса и пропускъ того факта, что Лжедмитрій I вѣрилъ въ свое царское достоинство. Языкъ живой и легкій. Рисунки подобраны хорошо и нужно бы только дать ихъ побольше. (*Вл. Арскій. „Рус. Молва." 1913—51*).

Содержаніе книжки шире заглавія: это не рядъ біографій героевъ Смуты, а связный очеркъ всей исторіи этого періода. Г-жа Б. не дала очерка состоянія Москов. Руси передъ Смутой; только въ небольшой 3 главѣ бѣгло охарактеризованъ „югъ Россіи", такъ легко перешедшій на сторону самозванца. Со стороны фактической есть промахи болѣе или менѣе существенные. Встрѣчаются иногда положенія, невѣрство ва чемъ основанныя. Но въ общемъ книжка Б. даетъ вполнѣ удовлетворительный очеркъ Исторіи Смутнаго времени. Простота конструкціи, ясный хорошій языкъ дѣлаютъ ее доступной дѣтямъ, конечно, лишь старшей группы. Издана книга хорошо. (*И. Любомировъ. „Что и какъ чит. дѣт." 1912—13—5*).

411. Быкова, А. 9(47),„1598:161"

Смутное время на Руси. (1598—1613 гг.) Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. (Безъ г. печ.) Стр. 112. Съ рис. Ц. 50 к.

Г-жа Б. правильно понимаетъ задачу научной популяризаціи. Предназначая свою книгу для не-спеціалистовъ, она не понижаетъ серьезности содержанія трактуемаго предмета, а лишь стремится къ доступности его изложенія и въ этомъ отношеніи обнаруживаетъ большую опытность и несомнѣнное дарованіе. Ея изложеніе точно, ясно, общедоступно. Давая очеркъ положенія всѣхъ общественныхъ классовъ въ московской Руси передъ началомъ смуты, Б. не обходитъ трудныхъ вопросовъ и сложныхъ явленій, но она всегда умѣетъ изложить ихъ съ прозрачной ясностью. Приходится, однако, пожалѣть о томъ, что вниманіе автора въ вводномъ очеркѣ, составленномъ съ полнымъ знаніемъ предмета, сосредоточилось только на юридическомъ положеніи общественныхъ классовъ и лишь очень бѣгло и блѣдно затронуты въ ея изложеніи экономическія отношенія той поры, знаніе которыхъ столь важно для объясненія происхожденія смуты. Разсказъ о событіяхъ самой смуты отличается отчетливостью и содержательностью при всей его сжатости; Б. съ большимъ умѣньемъ выдвигаетъ въ этомъ разсказѣ наиболѣе существенные моменты, отбрасывая второстепенныя подробности. Въ общемъ книга можетъ быть смѣло рекомендована не-спеціалистамъ, желающимъ въ краткомъ очеркѣ ознакомиться съ результатами новыхъ изысканій по исторіи смуты. (А. *Кизеветтеръ. „Рус. Вѣд" 1913—25*).

Слѣдуя лучшимъ послѣднимъ научнымъ работамъ по смутѣ (Ключевскаго, Платонова идр.) авторъ даетъ дѣльный и содержательный очеркъ. Его планъ опредѣленъ и ясенъ; изложеніе — нѣсколько суховатое во вступительномъ очеркѣ (дающемъ полное и хорошее представленіе о соціально-политическомъ строѣ Руси въ концѣ XVI в.)— становится болѣе живымъ съ переходомъ къ разсказу о смутѣ. Ходъ смуты авторъ трактуетъ, какъ развитіе соціально-политическихъ противорѣчій. Но изложеніе идетъ конкретно, съ привлеченіемъ цитатъ изъ источниковъ и бытовыхъ подробностей, такъ что очеркъ читается довольно легко. Книжка вполнѣ подойдетъ читателямъ въ возрастѣ 13—15 л.; она дастъ имъ много интереснаго и сообщитъ правильное представленіе о смутѣ. (*„Нов. Дѣт. Лит." 1913—5*).

Прекрасно подобранные и введенные въ текстъ старинные термины, пѣлыя выраженія изъ памятниковъ придаютъ особую прелесть изложенію. Книжка иллюстрирована недурно-исполненными портретами и снимкомъ съ памятника Минину и Пожарскому. Серьезность изложенія и сложность трактуемыхъ вопросовъ дѣлаютъ работу Б. подходящей только для читателей, знакомыхъ уже съ событіями Смуты по хорошему учебнику, т. е. для дѣтей старшаго возраста (15—16 л.) (*П. Любомировъ. „Что и какъ чит. дѣт." 1912—13—5*).

412. Грушевскій, Мих., проф. 9(47.71)

Иллюстрированная исторія Украины. Авториз. пер. со 2-го украин. изд. Съ 387 рис. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Сбн. 1913. Стр. XVI.+536. Ц. 3 р. 50 к.

Содержаніе книги распадается на шесть частей: время до основанія кіевскаго государства, эпоха государственной жизни (Кіевская Русь), литовско-польская эпоха, казацкая эпоха, упадокъ казачества и украинской жизни и украинское возрожденіе. Вопреки установившемуся историческому представленію о московскомъ государствѣ, какъ органически выросшемъ изъ Кіевской Руси, проф. Г. видитъ въ Кіевской Руси созданіе украинской народности, и схема украинской исторіи устанавливается имъ, какъ исторія украинскаго народа на всемъ протяженіи его жизни на занимаемой имъ территоріи. Слѣдуетъ пожелать русскому переводу книги Г. такъ прекрасно изданному тов. „Просвѣщеніе" такого же успѣха, какой книга имѣла въ украинскомъ оригиналѣ. (Первое изданіе въ количествѣ 6000 экз. разошлось въ теченіе года). Многочисленныя великолѣпныя иллюстраціи, украшающія книгу, — снимки съ памятниковъ письменности и искусства, портретовъ историческихъ дѣятелей и видовъ достопамятныхъ мѣстностей — должны, по справедливой мысли автора, не только оживлять изложеніе, запечатлѣвая его въ памяти, но и знакомить читателя съ чертами стараго была и художественнымъ творчествомъ разныхъ эпохъ. Интересъ книги и ея научное значеніе отъ этого значительно возрастаютъ. (*Мих. Могилянскій. „Рѣчь". 1913—34*).

Изданная теперь свой трудъ на русскомъ языкѣ, почтенный украинскій ученый идетъ навстрѣчу несомнѣнной потребности сдѣлать его доступнымъ для широкихъ круговъ русскаго общества и для тѣхъ читателей на Украйнѣ, которые еще не вполнѣ освоились съ литературной украинской рѣчью. Появившійся въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ интересъ къ украинскому вопросу, поддерживаемый различными теченіями злободневной политики, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ вызвать интересъ и къ исторіи украинскаго народа, на томъ или иномъ пониманіи которой базируютъ свое отношеніе къ украин-

ству его враги и люди, ему симпатизирующіе. И такъ какъ на книжномъ рынкѣ уже появляются такія грубо-тенденціозныя издѣлія, представляющія собой самый уродливый суррогатъ исторической популяризаціи, какъ, напр., „Исторія Малороссіи“ проф. Ковалевскаго, то тѣмъ болѣе своевременно появленіе на русскомъ языкѣ доступнаго для всѣхъ курса украинской исторіи, принадлежащаго перу выдающагося спеціалиста. Эта книга, изложенная такъ увлекательно, снабженная такимъ великолѣпнымъ подборомъ научныхъ иллюстрацій, съ наибольшимъ успѣхомъ можетъ разсѣивать неправильныя и предвзятыя представленія объ историческомъ развитіи украинской народности и укрѣплять дѣйствительно научные взгляды на наше прошлое, дающіе вѣрный ключъ къ пониманію настоящаго. Въ книгѣ мы находимъ широкій образъ „политической, общественной и культурной жизни украинскаго народа и картину занимаемой имъ территоріи на протяженіи его исторической жизни“. Не только рядовой русскій интеллигентъ, желающій составить себѣ вѣрное представленіе объ исторіи украинскаго народа, но и русскій журналистъ, русскій общественный дѣятель, публично выступающіе съ мнѣніями объ украинствѣ, должны будутъ обращаться къ этой краткой исторической энциклопедіи Украйны, и книга проф. Г. сдѣлается для многихъ своего рода настольнымъ справочникомъ. (*Д. Д-ко. „Украин. Ж.“ 1912—12*).

413. Эрнъ. Вл. 92(С):1

Григорій Саввичъ Сковорода. Жизнь и ученіе. Книгоизд. „Путь“. Стр. 342. Ц. 2 р.

„Русская философская мысль имѣетъ не только геніальныхъ и глубоко-талантливыхъ представителей, она въ корнѣ, въ основаніи тенденціи своей существенно оригинальна. Въ цѣломъ міровой философіи русская мысль занимаетъ особое мѣсто, свойственное ей, какъ явленію sui generis, какъ созданію творческаго духа. Но мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной книги по исторіи русской философіи и очень мало изслѣдованій и даже статей, посвященныхъ отдѣльнымъ русскимъ мыслителямъ“. Авторъ приведенныхъ строкъ — молодой московскій ученый г. Э. — внесъ свою лепту для заполненія этого пробѣла, и его монографія займетъ, надо полагать, не послѣднее мѣсто въ нашей историко-философской библіотекѣ. Среди русскихъ философовъ, непризнанныхъ и неоцѣненныхъ въ родной странѣ едва ли найдется кто-либо болѣе забытый и невѣдомый, нежели Сковорода. Если память о жизни бездомнаго въ мірѣ странника и нищаго праведника продолжала въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ держаться среди украйнскаго простонародья и даже нашла отраженіе въ литературѣ, то философское ученіе его до недавнихъ поръ оставалось почти никому неизвѣстнымъ. Крайне легкомысленно Сковороду зачислили въ лагерь раціоналистическихъ сектантовъ и моралистовъ. Опроверженіе его ходячаго взгляда составляетъ неотъемлемую заслугу г. Э. Философіи Сковороды, коренным образомъ противоположная раціонализму, вся наполнена особой возвышенной мистикой. Учителями своими онъ по праву называлъ Платона, Аристотеля, Эпикура, Филона Александрійскаго и нѣкоторыхъ восточныхъ отцовъ церкви. Примыкая къ ихъ традиціи, онъ сумѣлъ, однако, выработать собственную доктрину, въ высокой мѣрѣ своеобразную и оригинальную. Какъ могъ кіевскій бурсакъ, прошедшій схоластическую школу тогдашней духовной академіи, опредѣлить такъ увѣренно свой особый путь въ философіи, — это секретъ его генія. Если смѣлая независимость ищущей мысли даетъ право на интересъ, то Сковорода, какъ бы къ нему ни относиться, вполнѣ заслужилъ наше вниманіе. Это, однако, не все. Философія Сковороды не была однимъ только капризнымъ блужданіемъ его индивидуальнаго ума: г. Э. указываетъ на связь его теорій съ раннимъ московскимъ славянофильствомъ. Эта связь была чисто внутренней: первые славянофилы не знали Сковороды. Но тѣмъ знаменательнѣе оказывается ихъ совпаденіе. Значитъ, славянофилы своими взглядами не были всецѣло обязаны философіи германскаго романтизма. Заимствованъ у этой послѣдней внѣшнія формы мышленія и изложенія, они вложили въ эти формы свою особенную, исконно-русскую сущность. Вотъ фактъ, надъ которымъ стоитъ задуматься всѣмъ изучикамъ нашей отечественной культуры. Безполезно было бы мечтать о полномъ литературномъ воскресеніи Сковороды. Темный и неустановившійся языкъ его твореній послужилъ бы тому препятствіемъ. Но имя патріарха русской философіи не можетъ и не должно исчезнуть, и надо надѣяться, книга г. Э., вдумчиво и съ любовью написанная, отыщетъ своихъ читателей. (*И. А. „Рус. Молва“. 1913—28*).

Э. въ двухъ частяхъ своей интересной монографіи отдѣльно разсматриваетъ сначала жизнь Сковороды, а затѣмъ и его міровоззрѣніе. Но прекрасная по замыслу, монографія г. Э. не совсѣмъ такова по исполненію: онъ на нашъ взглядъ, грѣшитъ излишнимъ субъективизмомъ. Изъ-за спины почтеннаго старичка Сковороды все время смотритъ на насъ молодое лицо самого г. Э., который по поводу Сковороды, развиваетъ, въ сущности, свою собственную мистико-логистическую философію, съ ея повсюднымъ „паѳосомъ“ (паѳосъ борьбы“, „паѳосъ разстоянія“ и т. п.). (*Прив.-доц. Покровскій. „У. Рос.“ 1913—16*).

Монографія В. Э. посвящена давно забытому и совершенно неоцѣненному русскому мыслителю Гр. Сав. Сковородѣ, жившему въ XVIII вѣкѣ (1722—1794 гг.). Мало кто даже слышалъ эту фамилію, а если кто и слышалъ, такъ большею частью соединяетъ съ нею лишь смутное представленіе о какомъ-то полуницемъ странникѣ, не то просто чудакѣ, юродивомъ, не то какомъ-то самодѣльномъ, примитивномъ философѣ. Удивительная вещь: около полутораста лѣтъ прошло съ того времени, какъ жилъ и писалъ Сковорода и только теперь начинаетъ открываться, что это былъ одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ умовъ не только въ тогдашней Россіи, но и Европѣ. Объ его учености можно судить потому, что помимо новыхъ языковъ онъ свободно владѣлъ латинскимъ и детально изучилъ римскую литературу по подлинникамъ, затѣмъ, благодаря знанію греческаго языка обладалъ рѣдкимъ и по нашему времени знакомствомъ съ греческой философіей. Библію онъ читалъ на еврейскомъ языкѣ. Предметомъ глубокаго его вниманія и изученія были творенія св. отцовъ церкви, знакомъ онъ былъ и съ представителями новой философіи. Во время своего заграничнаго путешествія онъ ознакомился съ господствовавшими тамъ и всѣхъ тогда увлекавшими раціона-

листическими ученіями. но не подчинился общему теченію Сковорода и, вопреки западнымъ вліяніямъ, самостоятельно создалъ свое ученіе, исходившее въ своихъ основахъ не изъ „внѣшняго“, какъ въ раціонализмѣ, а изъ „внутренняго“, т.-е. вполнѣ въ соотвѣтствіи со стихіей русскаго народнаго духа, создавшаго Достоевскаго, Толстого и др. Э. справедливо называетъ Г. С. Сковороду нашимъ первымъ философомъ. Сковорода интересенъ не только какъ философъ, онъ былъ въ то же время и поэтомъ. Есть въ немъ что-то общее, сближающее его съ Влад. Соловьевымъ и въ философскихъ вкусахъ, и въ мотивахъ ихъ поэзіи.

Возвращаясь къ книгѣ г. Э., отмѣтимъ, что добрая половина ея посвящена изображенію жизни изслѣдуемаго имъ мыслителя, который о себѣ сказалъ: „Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“. Жизнь эта представляетъ глубокій интересъ и очень поучительна во многихъ отношеніяхъ. (*Ал—дръ Елецкій. „Нов. Вр.“ 1913—13226*).

414. [. . . . .] 92(Ч)

Чернышевскій въ Сибири. Переписка съ родными. Статья Е. Ляцкаго. Примѣчанія М. Чернышевскаго. Вып. II. Спб. 1913 г. Ц. 2 р.

Въ этомъ выпускѣ помѣщены письма 1876 и 1877 годовъ, огромныя странныя письма, похожія на диссертаціи. Онъ въ нихъ споритъ съ учеными, излагаетъ свои теоріи, старается шутить и смѣяться надъ собой — но все это не можетъ прикрыть той трагедіи, которая развертывается подъ благодушнымъ тономъ этихъ писемъ. Конечно, вопреки мнѣнію многихъ, на этихъ письмахъ ясно виденъ налетъ безумія. Они свидѣтельствуютъ о разрушеніи умственныхъ силъ. Вы видите, какъ въ одиночествѣ гибнетъ заживо похороненный въ вилюйскихъ снѣгахъ русскій писатель, не такъ давно руководившій мыслями всей молодой Россіи.

Когда въ 1871 г. кончился срокъ каторги Чернышевскаго, онъ надѣялся, что ему удастся вырваться изъ Сибири. Вмѣсто того, вопреки закону, его упрятали въ Вилюйскъ. Жена и дѣти пробовали хлопотать, подавали даже прошеніе на Высочайшее имя — ничего не вышло. Отчаяніе овладѣло душой Чернышевскаго. Въ письмахъ его нѣтъ болѣе ни малѣйшаго намека на надежду, и вы видите, какъ разрушительный процессъ дѣлаетъ свое дѣло.

Онъ совершенно одинокъ. По цѣлому мѣсяцу онъ не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова. „Я и прежде рѣдко съ кѣмъ видался. Здѣшніе люди добры, какъ вездѣ добры люди; но они мало образованы. Поэтому я очень скучалъ бесѣдами съ ними. А теперь вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ я вовсе не вижусь ни съ кѣмъ“. Онъ прямо сказалъ своимъ сосѣдямъ, что онъ имъ безполезенъ, а они ему скучны. Это признаніе вырвалось не въ письмѣ къ женѣ и къ дѣтямъ, которымъ онъ никогда не писалъ правды о своемъ положеніи, а въ единственномъ письмѣ къ Пыпину.

Но нельзя же жить буквально одному. Не видясь ни съ кѣмъ изъ окружающихъ, не выходя мѣсяцами изъ дома, погруженный только въ припоминаніе ранѣе прочитанныхъ книгъ, Чернышевскій создалъ себѣ совершенно фантастическій міръ. Онъ создалъ въ воображеніи тяжкую болѣзнь своей жены, благополучно пережившей его на десятки лѣтъ. Онъ рѣшилъ, что для излеченія ея болѣзни единственное средство — переѣздъ на зиму въ южную Италію. Эта мысль становится положительно навязчивой идеей. Онъ твердитъ ее въ каждомъ письмѣ, приводя, видимо, въ ужасъ Ольгу Сократовну маніакальностью этихъ повтореній. Онъ ей сообщаетъ, на основаніи сохранившихся въ памяти отрывковъ изъ исторіи Италіи, свои соображенія объ итальянскомъ климатѣ и о нравахъ итальянцевъ. Онъ создалъ въ своемъ мозгу фантастическій образъ лечащаго Ольгу Сократовну „медика“. Для поученія его, онъ переводитъ отрывки изъ журнальныхъ статей о значеніи климата и ожесточенно полемизируетъ со сторонниками теоріи безвредности холода для человѣка. Такого сторонника холода онъ видитъ въ „медикѣ“, лечащемъ его жену, и донимаетъ его то сарказмами, то длинными поученіями.

По письмамъ Чернышевскаго, по разсѣяннымъ въ нихъ намекамъ можно опредѣлить и ту почву, на которой выросла вся эта система навязчивыхъ идей. Самъ Чернышевскій, пораженный скорбутомъ, зобомъ и тяжелымъ ревматизмомъ, невыносимо страдалъ отъ сибирскихъ холодовъ. Какъ голодному грезятся столы, уставленные кушаньями, такъ мысль его, удрученнаго холодами, страстно тянулась къ теплу, къ жарѣ, къ экватору. Онъ создастъ теорію, что естественной областью жизни человѣка является экваторъ, что наилучшій климатъ тамъ, даже не подъ тропиками, а только на экваторѣ. Получивъ первыя извѣстія о недомоганіи своей жены, онъ для нея создаетъ свой рецептъ „Южной Италіи“ и твердитъ его въ каждомъ письмѣ.

Своихъ дѣтей онъ оставилъ въ младенческомъ возрастѣ. Со времени ссылки онъ только одинъ разъ, нѣсколько дней въ 1866 г., видѣлъ своего младшаго восьмилѣтняго сына. Шли годы. Дѣти учились, кончали курсъ въ гимназіяхъ, въ университетахъ, превращались во взрослыхъ. Отецъ ихъ не видѣлъ и не зналъ. Но у этого человѣка, столь спокойнаго по внѣшности, привыкшаго всегда сдерживать себя, въ душѣ билось горячее чувство, съ которымъ онъ всегда боролся книжными построеніями. Не видя и не зная дѣтей своихъ и страстно любя ихъ, онъ создалъ въ головѣ своей ихъ образы, опять-таки фантастическіе, не отвѣчавшіе дѣйствительности. И съ этими фантастическими образами своихъ дѣтей онъ вступилъ въ переписку, изыскивалъ предметы, которые могли бы ихъ заинтересовать, сочинялъ шутки, которыя могли бы ихъ позабавить.

Но онъ не могъ, конечно, не видѣть всей искусственности своей переписки. Иногда съ его пера срываются трагическія строки. „Хочешь,— пишетъ онъ своему взрослому, окончившему университетскій курсъ, сыну Александру, — буду, сколько угодно потѣшать тебя своими восхитительными математическими трудами. Но не для смѣха я не въ состояніи трудиться на пользу математики. А кромѣ нея, какія есть у тебя ученыя пристрастія, не умѣю я догадаться... Въ такомъ случаѣ надобно мнѣ будетъ въ письмахъ къ тебѣ заниматься лишь житейскими разсужденіями о томъ, какъ идутъ твои дѣла по устройству твоей карьеры“.

Кончилось это настоящей трагедіей. Александръ, духовнаго міра котораго Чернышевскій совершенно не зналъ, пошелъ волонтеромъ на русско-турецкую войну. Извѣстіе это сразило его и какъ отца, испугавшагося за жизнь сына, и какъ человѣка опредѣленныхъ воззрѣній. Онъ

упрекаетъ себя за то, что не ознакомилъ сына со своими взглядами на русско-турецкую войну, которую давно предвидѣлъ, и „ты остался не имѣющимъ той поддержки твоему размышленію, какую могли бы дать мои ученыя изслѣдованія о характерѣ того ряда фактовъ, къ которому принадлежитъ нынѣшняя война". Обыкновенно столь сдержанный въ письмахъ къ женѣ, Чернышевскій на этотъ разъ сдержать себя не въ силахъ: „думаю о томъ, цѣлъ ли Саша. И не въ состояніи писать ничего больше". „Трудно было мнѣ,—говоритъ онъ въ другой разъ,—въ предыдущихъ письмахъ сдержать себя отъ болѣе подробнаго изложенія моихъ мыслей о рѣшеніи Саши отправиться въ дѣйствующую армію. Трудно мнѣ и теперь. Но сдержать себя прежде, сдержу себя и теперь. Трудно это. Но сдержу себя".

Ч—скій погибъ отъ мучительнаго одиночнаго заключенія, въ которомъ его держали 20 долгихъ лѣтъ. Если даже признать, что прокламація, за которую его судили, писана имъ, и что приговоръ былъ постановленъ сенатомъ, „согласно законамъ", то и тогда очевидно, что съ 1871 года къ Чернышевскому отнеслись съ попираніемъ даже формальной законности. (*А. С. Изгоевъ. „Рѣчь" 1913—21*).

415. Кашкинъ, Н. Н. 929(В)

Родословныя развѣдки. Посмертное изданіе, съ портретомъ автора. Подъ редакціей Б. Л. Модзалевскаго. I. Спб. 1912. Стр. XI+451. Цѣна 1 руб.

Вотъ книга, въ которой заглавіе находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ содержаніемъ, вполнѣ не соотвѣтствуя послѣднему. По заглавію можно предположить что-то очень ученое, очень скучное, интересное лишь для тѣхъ немногихъ избранныхъ, которые поняли всю прелесть генеалогіи, геральдики и прочихъ, какъ иногда называютъ, средневѣковыхъ наукъ. Но разверните эту книгу на страницѣ 26-й и начните читать „Родъ Вындомскихъ", и я убѣжденъ, что, прочитавъ эту статью, вы начнете читать книгу съ начала и не прервете вашего чтенія, пока не подойдетъ послѣдняя страница, перевернувъ которую, вы пожелаете скорѣйшаго выхода слѣдующаго тома.

Истинный талантъ виденъ всегда, вездѣ и во всемъ. Для него нѣтъ равно неинтереснаго, равно и скучнаго. Въ самомъ незначительномъ, на первый взглядъ, документѣ онъ отыщетъ ту сторону, которая сдѣлаетъ этотъ документъ столь важнымъ, что невольно является недоумѣніе, какъ же не замѣчалось важное значеніе документа. Все это въ высокой степени относится къ разсматриваемому нами изданію.

Историческія разысканія автора относятся именно къ такимъ до сихъ поръ называемымъ „маловажнымъ" документамъ, къ семейнымъ бумагамъ, къ архиву одного изъ родовъ, не выдѣлившагося чѣмъ-либо особеннымъ на исторической аренѣ. Были люди, жили, служили, служили не особенно важно, не занимая высшихъ іерархическихъ ступеней. Сохранились отъ нихъ документы, съ большими пропусками, но появился „любящій" человѣкъ и занялся чисто мозаичной работой, изучилъ имѣющіеся документы, добавилъ по другимъ источникамъ главные пропуски, и передъ читателемъ ожила сѣдая старина, возстали былые ея дѣятели, и картина прошлаго пусть во многихъ мѣстахъ очень темная и непривлекательная на нашъ современный взглядъ, ожила, заговорила и дѣйствуетъ и на умъ и на сердце современника. Многое, что казалось темнымъ въ общемъ ходѣ историческаго процесса, проясняется именно въ зависимости отъ изученія жизни этихъ второстепенныхъ дѣятелей, а сами эти второстепенные актеры, фигуранты исторической сцены, перестаютъ быть какими-то пѣшками, пушечнымъ мясомъ, безсмысленной толпой... Выясняется и ихъ значеніе.

Первый томъ посвященъ роду Вындомскихъ, изъ котораго вышла Прасковья Александровна Осипова, игравшая такую роль въ жизни Пушкина, и біографіямъ или, какъ называетъ авторъ, жизнеописаніямъ нѣкоторыхъ членовъ рода Рти-щевыхъ, Аслановичей. Описывая жизнь послѣднихъ, авторъ выясняетъ многое изъ нашей исторіи XVII вѣка, выясняетъ жизнь Московскаго царства, наиболѣе неразъясненныя страницы русской жизни.

Но все-таки грустное чувство остается отъ этого изданія, невольно сожалѣешь съ одной стороны, что неумолимая смерть такъ рано похитила автора, прервавъ его историческіе труды чуть ли не въ самомъ началѣ ихъ, а съ другой стороны появляется жалость, что авторъ стоитъ сравнительно одинокимъ, что масса архивовъ лежитъ у насъ не тронутыми, и что нѣтъ еще работниковъ для нихъ и желанія ихъ изучать...

Имя редактора изданія Б. Л. Модзалевскаго конечно свидѣтельствуетъ о томъ, что это изданіе безупречно во всѣхъ отношеніяхъ. (*И. Зет. „Нов. Вр." 1912—13194*).

Въ этомъ томѣ собраны работы Н. Н. Кашкина, одного изъ видныхъ дѣятелей въ области русской генеалогіи. Названіе „Родословныя развѣдки" слишкомъ скромно для книги. Статьи Н. Н. Кашкина совершенно не соотвѣтствуютъ тому представленію, какое возникаетъ у насъ при словахъ: генеалогія или родословіе. Авторъ не считаетъ главной задачей составленіе генеалогическихъ таблицъ, ему хочется проникнуть въ жизнь прошлаго и оживить своихъ героевъ. Онъ собираетъ разсѣянныя всюду данныя, пишетъ біографіи и превращаетъ генеалогію въ исторію. Изслѣдованія Н. Н. Кашкина, сдѣланныя тщательно, съ интересомъ станетъ читать всякій любитель историческаго чтенія. Нельзя не отмѣтить поразительной дешевизны изданія: за 450 страницъ большого формата одинъ рубль! (*П. Е. „День" 1912—46*).

Покойный К. былъ большимъ любителемъ старины и выдающимся знатокомъ русской генеалогіи. Его перу принадлежитъ цѣлый рядъ цѣнныхъ работъ. Смерть не дала ему закончить нѣкоторые начатые труды; нынѣ его архивъ находится въ Академіи Наукъ. „К. говоритъ Модзалевскій, умѣлъ мысленно переноситься въ описываемыя имъ эпохи, проникался ихъ настроеніемъ, понималъ людей прошлаго и ихъ міросозерцаніе, все это, вмѣстѣ съ богатствомъ собраннаго имъ матеріала, съ умѣніемъ пользоваться для своихъ работъ даже мелочами, со знаніемъ бытовыхъ особенностей уклада прежней жизни и на ряду съ ювелирной тщательностью отдѣлки его работъ дѣлаетъ начертанные имъ образы живыми и жизненными. Со стороны научности работы, К. можетъ служить образцомъ по тщательности отдѣлки, по умѣлости обработки матеріала и по осторожности въ выводахъ". (*„Рус. Ст." 1913—1*).

Новыя книги.

Издатели и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеня" по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

1304. Саввинъ, Н. А. 016:087

Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1912 годъ. Изд. „Педагог. Листка". М. 1913. Стр. 63. Ц. 20 к.

1305. Аркадьевъ, Е. И. 016:098

Запрещенная литература. Книги, брошюры, газеты и журналы, арестованныя въ 1911 г. М. 1913. Стр. 38. Съ портр. Маркса, Бебеля, Каутскаго. Ц. 25 к.

1306. Шевченко, Е. П. 016:334

Что читать по коопераціи? Изд. 2-е, испр. и доп. ред. журн. „Наше Дѣло". Кіевъ. Стр. 15. Ц. 10 к.

1307. Обуховъ, Сѣрополко, Чеховъ. 016:371

Каталогъ учительской библіотеки. Изд. „Педагог. Листка". Стр. 20. Ц. 10 к.

1308. Линде и Каганъ-Шабшай. 059:621.3

Календарь-справочникъ для электротехниковъ на 1913 годъ. М. 1912. Стр. VIII+477. Ц. 1 р. 40 к.

1309. Городецкій, Сеогѣй. 087

Ау. Стихи для дѣтей. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 25. Ц. 15 к.

1310. Городецкій, Сергѣй. 087

Мика Летуновъ. Для младшаго возраста. Изд. И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 34. Съ рис. Ц. 15 к.

1311. Киплингъ, Редьярдъ, 087

Джунгли. Разсказъ для дѣтей и юношества. Пер. М. П. Благовѣщенской Изд. М. О. Вольфъ. М. 1913. Стр. 385. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

1312. Марріотъ, Э. 087

Въ защиту животныхъ. Очерки и разсказы. Пер. М. Веселовской. Изд. 2-е „Посредника"; № 455. М. 1913. Стр. 63. Ц. (не обозн.).

1313. Персіянинова, Н. Л. 087

Дитя-звѣзда. Сказка въ 6-ти карт. (въ 3-хъ дѣйств.) (сюжетъ заимств. у О. Уайльда). Изд. ред журн. „Семья и Шк." М. 1913. Стр. 48. Ц. 40 к.

* **Савинъ, Н. А.** 087:016

См. порядк. № 1304.

* **Аркадьевъ, Е. И.** 098:016

См. порядк. № 1305.

Философія [1]

1314. Толстой, Л. Н. 1(082)

Кругъ чтенія. Избранныя, собранн. и располож. на каждый день Л. Толстымъ мысли многихъ писателей объ истинѣ, жизни и поведеніи. Т. II, вып. 2-й. Изд. „Посредника", 2-е, съ 1-го изд., напечат. подъ личнымъ наблюд. Л. Н. Толстого. М. 1912. Стр. 614. Ц. 65 к.

1315. Сотонинъ, Константинъ. 1(К)

Словарь терминовъ Канта. (Къ тремъ критикамъ). Изд. Кн. М. А. Голубева. Казань. 1913. Стр. 90. Ц. 50 к.

* [. . . . .] 1:2

См. порядк. № 1324.

1316. [. . . . .] 13

Побѣда надъ смертью (Катха-Упанишадъ). Пер. съ англ. и изложеніе П. А. Буланже.— „Высшая мудрость народовъ міра. Вып. 5".— „Всемірная библіотека въ память Л. Н. Толстого Изд. „Посредника", № 1108. М. 1912. Стр. 47. Ц. 25 к.

Содержаніе: Введеніе. Значеніе слова „упанишады" и время появленія ихъ. О переводѣ упанишадъ.— Источники, использов. при писаніи этой книжки. — Побѣда надъ смертью. (Катха-Упанишадъ.) — Катха-Упанишадъ. (Пер. съ санскрит. Макса Мюллера).

1317. Кершенштейнеръ, Георгъ. 137

О характерѣ и его воспитаніи. Пер. съ нѣм. Е. Пашуканиса. Изд. газ. „Школа и Жизнь". Спб. 1913. Стр. 87. (Безпл. прилож. къ № 3 газ. „Шк. и Ж.")

Содержаніе: Предисловіе. Значеніе слова характеръ. Развитіе понятія индивидуальности у Шлейемахера и Бавзена. Понятіе индивидуальности у Рибо, Зигварта и Фулье. Понятіе индивидуальваго характера и его четыре корня. Сила воли. Ясность сужденія. Чуткость. Возбудимость души. О сущности воспитанія характеровъ. Воспитаніе характера въ семьѣ и школѣ. Самовоспитаніе. Примѣчанія.

1318. Малаперъ, П., проф. 137

Элементы характера и законы ихъ сочетаній. Пер. со 2 франц. перераб. изд. Л. А. Бессель. Подъ ред. и съ пред. П. А. Рубакина. „Педаг. библ.", изд. К. П. Тихомирова М. 1913. Стр. XXVIII+271. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Отъ редактора. Предисловіе автора. Элементы характера. Законы комбинаціи элементовъ характера. Формировка характера. Заключеніе.

1319. Е. П. 149.918

Перенеплощеніе. Калуга. 1913. Изд. „Лотосъ". Стр. 52. Ц. 25 к.

1320. Соловьевъ, Влад. Серг. 17

Собраніе сочиненій. Подъ ред. и съ примѣч. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. Т. VIII (1894—1897.) Изд. 2-е, т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. XXXIX+722. Ц. 2 р.

Содержаніе: Оправданіе добра. (Нравственная философія.): Предисловія къ 2 и 1 изд. Введеніе. Ч. I. Добро въ человѣческой природѣ.

Ч. II. Добро отъ Бога. Ч. III. Добро черезъ исторію человѣчества. — Право и нравственность. (Очерки изъ прикладной этики.) — Замѣчаніе на статью проф. Г. Ф. Шершеневича. — Минимая критика (отвѣтъ Б. Н. Чичерину.) — Необходимыя замѣчанія на „Нѣсколько словъ" Б. Н. Чичерина.—Примѣчанія.

1321. Толстой, Л. Н. 171.8

Посмертныя произведенія.—Благо-любіи. (Обращеніе къ людямъ-братьямъ.) Изд. „Посредника", № 1134. М. 1913. Стр. 8. Ц. 3 к.

1322. Новиковъ, Михаилъ. 178.1

Братьямъ-крестьянамъ. Крестьянская бесѣда о крестьянской жизни. — „Борьба съ пьянствомъ. Подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Вып. 24". Изд. „Посредника". М. 1912. Стр. 64. Ц. (не обозн.)

1323. Успенскій, М., врачъ. 178.7

О вредѣ куренія для здоровья. Изд. „Посредника", № 997. М. 1913. Стр. 16 Ц. 1½ к.

Религія [2]

1324. [. . . . .] 2:1

Религіозно-философскіе вечера. Вечера I—V. (Изъ книги М. Моравскаго „Abende am genfer See"). Изд. „Религіоз.-филос. библ.", 2-е. М. 1913. Стр. 117. Ц. 70 к.

Содержаніе: Религіозный вопросъ передъ судомъ современнаго человѣчества. Современная наука и религія. Богъ и зло въ мірѣ. Христіанство среди другихъ религій. Христосъ.

1325. Поторжинскій, М. А. свящ. 251

Образцы Русской Церковной Проповѣди XIX вѣка (съ планами для импровизаціи, съ программой и образчиками внѣбогослужебныхъ бесѣдъ и съ правилами для современнаго намъ церковнаго проповѣдничества въ Русской церкви. Изд. 3-е. Кіевъ. 1912. Стр. VI+731+V. Ц. 2 р. 70 к.

1326. Леонтьевъ, К. Н. 271

Отшельничество, монастырь и міръ. Ихъ сущность и взаимная связь. (Четыре письма съ Аѳона.) Изд. „Религіоз.-филос. библ." Сергіевъ-Посадъ. 1913. Стр. 44. Ц. 35 к.

1327. Василій Великій, св. 276

Душеспасительныя наставленія св. Василія Великаго. Вып. I—XII. Изд. 3-е „Посредника". М. 1912. Ц. ¾ к.—1 к.

Содержаніе выпусковъ: Гоненія, страданія и смерть. О богатствѣ и любостяжаніи. О бѣдности, о молитвѣ, о жизни въ настоящемъ. Объ обязанностяхъ христіанина. О воздержаніи. О гнѣвѣ и завистн. О гордости и празднословіи. О любви къ Богу и ближнему. О познаніи себя. О пьянствѣ. О смиреніи и покаяніи. Путь жизни.

1328. Врезскій, Б. А. 28

Смыслъ жизни и Эра разумнаго христіанина. Спб. 1913. Стр. 58. Ц. 60 к.

1339. Лопухинъ, И. В. 281.93.01

I. Искатель премудрости или Духовный Рыцарь. II. Нѣкоторыя черты о внутренней церкви и пр.—„Матеріалы по исторіи русскаго мастерства XVIII в. Вып. I". Изд. В. Ѳ. Саводника. М. 1913. Стр. 62+72. Ц. 1 р. 50 к.

1330. Филоненко, В. 29

Праздникъ „Кюсе" у восточныхъ черемисъ. (Изъ отчета о поѣздкѣ въ Бирскій у. къ язычникамъ- инородцамъ лѣтомъ 1912 г.). Уфа. Стр. 9. Ц. (по обозн.).

Изъ введенія: Слово „Кюсе" значитъ верхній, высшій. Праздникъ же такъ называется потому, что моленіе происходитъ на горѣ.

1321. Буланже, П. 294.3

Ученіе Будды. (Извлеченіе изъ буддійскихъ писаній.) Изд. „Посредника", № 1055. М. 1912. Стр. 48. Ц. 3.

Соціальныя науки [3]

1332. Соловьевъ, Владиміръ. 322

Владиміръ святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ франц. Г. А. Рачинскаго, съ прил. отрывка изъ письма еп. Штроссмайера кардиналу Рамполлѣ и предисл. кн. Е. Н. Трубецкого. Изд. „Путь". М. 1913. Стр. 51. Ц. 75 к.

1333. [. . . .] 323.1

Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. Изд. „Общ. Слав. Научн. Еденения". Спб. 1913. Стр. 139+14. Ц. 60 к.

Содержаніе: Значеніе единенія родственныхъ народовъ въ общечеловѣческой крультурѣ и современные вопросы славянства.—Проф. В. М. Бехтерева. Какой смѣтъ бросаетъ изученіе славянскаго права на бытовые порядки русскаго крестьянства. — Проф. М. М. Ковалевскаго. Сербскій народъ наканунѣ. — Д. П. Семиза. Балканскій союзъ и Сербія.— Проф. П. А. Лаврова. Балканская война и вопросы культуры.— Проф. М. П. Чубинскаго. Вліяніе Балканскихъ событій на русское общественное сознаніе.— Чл. Г. Д. А. М. Александрова. Славянскій вопросъ и художественно-литературное сближеніе.— Янко Лаврина. Приложеніе: Уставъ О-ва Слав. Научн. Ед.

1334. Визгуновъ, В. С. 332.7

Сборникъ счетоводныхъ документовъ и формъ книгъ Обществъ Взаимнаго Кредита. Одесса. 1913. Стр. 212. Ц. 2 р. 50 к.

Изъ предисловія: Быстрый ростъ Общ. Вз. Кр. и полное отсутствіе точныхъ указаній въ нашемъ законодательствѣ относительно формъ счетоводства и книгъ для этихъ учрежденій, навели меня на мысль, на основаніи моихъ практич. и теорет. работъ, издать и выпустить въ свѣтъ настоящій трудъ.

1335. [. . . . .] 334(05)

Ежегодникъ Моск. Союза потребит. Обществъ. 1912 г. Изд. Моск. Союза потр. Об. М. 1912 Стр 275. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе. Потребительская кооперація въ Россіи къ 1 янв. 1912 г.— А. Меркулова. Положеніе потребит. кооперація въ отдѣльныхъ губерніяхъ и областяхъ. Статистика Потребит. О-въ Моск. Союза. — А. Асаткина. Центральн. кооперація организація въ Россіи. — М. Танина. Моск. Союзъ въ 1911 г. Кооперація за границей въ 1911 г. Положеніе служащихъ въ рус. потреб. о-вахъ.—Н. Ленскаго. Таблицы. Приложенія. Діаграммы. Рисунки.

* **Шевченко, Е. П.** 334:016

См. пор. № 1306.

1336. Озеровъ, И. Х. 338

Что дѣлать? — „Обществ.-научн. библ." Изд. „Универс. Ки-ва", Л. А. Столяръ. М. 1912. Стр. 376. Ц 2 р.

Содержаніе: Предисловіе. Въ чемъ опасность. Пора проснуться. Промышленное творчество. По поводу государств. росписи на 1912 г. Слѣпота. Наши бюджетныя правила. Фонды и дивидендныя бумаги. Къ молодежи. О нашей школѣ. Промышленный классъ и выборы. Экономич. вопросы и новыя міровыя вѣянія. Творцы будущей Россіи. Каналъ Рига—Херсонъ. Вздороженіе нефти. Страхованіе отъ неплатежа. Къ мѣстнымъ финансамъ. Народный банкъ въ Москвѣ. Почему я сторонникъ сдачи въ аренду Пермскаго купеческаго завода. Наша внѣшняя торговля и торговые дивиденды. О сахарѣ. Американская прививка.

1337. Козлинина, Е. И. 34(47)(04)

Записки старѣйшей русской журналистки. за полвѣка. 1862—1912 гг. (50 лѣтъ въ стѣнахъ суда). Воспоминанія, очерки и характеристики М. 1913. Стр. 561. Съ фотографическ. снимками. Ц. 3 р.

Содержаніе: Передъ судебною реформою. Открытіе новаго суда. Дѣятели новаго суда. Изъ воспоминаній о выдающихся процессахъ первой эпохи новаго суда. Дѣло „червонныхъ валетовъ". Конецъ 70-хъ и начало 80-хъ гг. Конецъ 80-хъ гг. Девяностые годы. Начало XX в.

1338. Розинъ, Н. Н., проф. 343.1

Уголовное судопроизводство. Пособіе къ лекціямъ Стр. VI+569 Ц. 3 р. 50 к.

1339. Цагарели, А. А, проф. 318.819.7

Статьи и замѣтки по грузинскому церковному вопросу. Къ столѣтію (1811—1911 г.г.) вдовства грузинской церкви. Спб. 1912. Стр. XXXVI+134. Ц. (не обозн.)

1340. Пажитновъ, К. А. 352

Городское и земское самоуправленіе. Великія реформа шестидесятыхъ годовъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ. Изд. М. И. Семенова. Спб. 1913. Стр. 114 Ц. 1 р.

1341. Потоцкій, С., полк. 355(43.6)

Австро-Венгерская армія. Справочникъ современнаго устройства вооруженныхъ силъ Австро-Венгріи. Изд. П. А. Риттиха. 2-ое, испр Спб. 1913. Стр. 248. Съ 21 рис., 36 черт. и 2 карт. Ц. 1 р. 35 к.

1342. Померанцева-Фроленко, А. М. 361

Руководство къ устройству и веденію яслей. Спб. 1913. Стр. 36. Ц. 25 к.

1343. [. . . . .] 37:176

Происхожденіе человѣка. Сборникъ статей по половому воспитанію дѣтой. Предисловіе проф. А. П. Нечаева и вступит. статья женщ.-врача Л. В. Писаревой. Изд. „Освобожденіе". Спб. (Безъ г. печ.) Стр. 308. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе къ русс. изд. Проф. А. П. Нечаева. — Вступленіе. Жен.-вр. Л. В. Писаревой. Предисловіе Союза имени Дюрера. — Эротика и родительскій долгъ. Г. Фюртъ.—Дѣло не только въ знаніи. Б. Геринъ.— Работы въ народной школѣ. К. Агадъ.—Существуетъ только одна нравственность — правда. П. Гефмана. — Знаніе о зарожденіи человѣка. А. Сельмеръ. — Какъ фрау Марія открыла своей дочери источникъ жизни. Л. Гебгартъ. — Серьезная бесѣда. Т. Гартенъ.—Генке.—Мать и улица. Сансони. — Половой вопросъ въ воспитаніи дѣтей. Э. Экштейнъ. — Какъ Ганзель въ первый разъ услышалъ о своемъ братцѣ Б. Вазеръ. — Природа. Э. Вибироль.—Больше естественности! В. Ульбриха.—Мой мальчикъ. Е. Вильгельмъ.— Двѣ матери. Э. Мюке.—Вечерняя бесѣда. В. Ф. Брюль.—Какъ появляются на свѣтъ цыплята, кошечки и дѣтки. Д-ра В. Эйленбродъ. — О половомъ воспитаніи Э. Крукенбергъ. — Воспоминаніе дѣтства. М. Винъ.—Почему мы должны любить отца и мать. Р. Тейермейстеръ.—Откуда берутся дѣти. Г. Гропиъ—Откуда берутся маленькія животныя. Э. Ландманъ. —Какъ я говорилъ со своими учениками о зарожденіи человѣка. Ф. Лихтенберга.—Какъ Ева стала матерью. К. Пауша. — Господи, коснись устъ моихъ... Т. Краусбауера.—Amor ci conduca! Г. Фейгенгеймера. — Само по себѣ ничто не бываетъ хорошо или дурно, все зависитъ отъ нашего пониманія. А. Абрешъ.—Двойчатка. Д-ра Р. Пенцига. — Наставленіе отца при разлукѣ съ сыномъ. Г. Шваба.—Бесѣды съ дѣтьми. Ф. Тальгофера. — Грушевое дерево. А. Фрелиха.—Нравственность. Ф. Вилькома.—Красота и здоровье. Д-ра К. Лори.— Размышленіе учителя о половомъ воспитаніи. Г. Вебера.—Объясненіе размноженія человѣческаго рода. Шлеппи.—О первыхъ вопросахъ. Э. Стриговской.—Письмо матери. Пастора Э. Клейна.—О половомъ просвѣщеніи юношества. М. Мартинъ.— Дитя колокольчика. В. Шванера. — Половой вопросъ въ преподаваніи и въ книгахъ для юношества. А. Гарборгъ.—Что я въ одинъ прекрасный день сказала своей дочери. Э. Сиплландъ. — О родительскомъ долгѣ. М. Феддерсена.—Богъ въ любви. П. ф. Шнауна.

1344. Бартъ, П. 371.

Элементы воспитанія и обученія на основаніи современной психологіи и философіи. Томъ I. Пер. съ 3-го нѣм. изд. под. ред. В. А. Волковичъ. Изд. О. Богдановой. Спб. 1913. Стр. VI+275 II. Ц. 3 р. (за 2 тома.)

*** Обуховъ. А. и др.** 371:016

См. пор. № 1307.

1345. Гориневскій, В. В., д-ръ. 371.73

Физическое образованіе. Пособіе для воспитателей, преподавателей учебн. завед. и лицъ, занимающихся физич. воспитаніемъ. (Научно-популярное изложеніе). Спб. 1913. Стр. 312+VIII. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к.

1346. Никитинъ, Л. П. 371.73

Сокольство и физическое воспитаніе. Изд. Гимн. О-ва „Соколъ I." Спб. 1912. Стр. 13. Ц. 15 к.

1347. Радинъ, Е. П., д-ръ. 371.8

Душевное настроеніе современной учащейся молодежи, по даннымъ Спб. общестуденч. анкеты 1912 г. Изд. П. П. Карбасникова. Спб. 1913. Стр. 118+6. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Опросный листъ, его оцѣнка и разработка. Психологическая и соціалогическая характеристика личности. Разочарованность и самоубійства. Психологическая и соціалогическая самооцѣнка учащихся. Смыслъ жизни въ сужденіяхъ молодежи. Личные и общественные факторы разочарованности. Общіе выводы и совѣты съ разочарованностью.

Чистыя науки [5]

1348. Даннеманнъ, Ф. 5(09)

Исторія естествознанія. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. П. П. Боргмана. Съ 87 рис. и портр. Гальилея. Изд. „Матезисъ". Одесса. 1913. Стр. 484. Ц. 3 р.

Содержаніе: Введеніе. Древній періодъ. Средніе вѣка. Новый періодъ. Новѣйшее время.

1349. Васильевъ, А. В., проф. 51

Введеніе въ анализъ. Вып. I: Ученіе о цѣломъ положительномъ числѣ. Изд. 4, кн. маг. М. А. Голубева. Казань. 1912. Стр. IV+136. Ц. 1 р. 25 к.

1350. [. . . . .] (511)075

Живыя числа. Наглядный ариѳметическій задачникъ для семьи и школы. Составленъ Кружкомъ Преподавателей подъ ред. П. П. Лаврова. Вып. I. На числа до сотни. Изд. 2-е П. Д. Ситина. М. 1913. Стр. 84. Съ рис. Ц. 20 к.

1351. Лебединцевъ, К. Ф. 512(075)

Концентрическое руководство алгебры для средн. учебн. завед. Ч. 1. Изд. „Сотрудникъ". Кіевъ. 1913. Стр. X+274. Ц. 90 к.

1352. Индриксонъ, Ф. И. 53(075)

Начальныя работы по физикѣ. Вып. I. Первоначальныя измѣренія и вычисленія. М. 1913. Стр. V+72. Ц. 25 к. Вып. II. Ученіе о жидкостяхъ и газахъ. Ученіе о теплотѣ. Стр. 85. Ц. 25 к.

1353. Краевичъ, К. Д. 53(075)

Сокращенный учебникъ физики. Обраб. согласно существ. программамъ А. Л. Гершуномъ и В. В. Скобельцынымъ. Вып. 1 и 2-й. Изд. 7-е. Спб. 1913. Стр. VIII + 183 + VI + 185 — 492 Съ 393 рис. Ц. за 2 вып. 2 р.

1354. Хвольсонъ, О. Д. 537/8(02)

Курсъ физики. Т. IV. Ученіе о магнитныхъ и электрическихъ явленіяхъ. Вторая половина. 1 вып. При участіи А. Л. Гершуна и А. А. Добіаша. Съ 114 рис. въ текстѣ. Изд. К. Л. Ликкера. Спб. 1913. Стр. 392. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Постоянное магнитное поле. (прод.): Вліяніе магнитнаго поля на находящіяся въ немъ тѣла. Нѣкоторыя электрич. измѣренія и ихъ результаты. Измѣреніе силы тока, электродвиж. силы и напряженія магнитн. поля. Перемѣнное магнитное поле: Введеніе. Индукція. Теорія Максвелла. Основы электронной теоріи. Принципъ относительности.

1355. Лункевичъ, В. 571

Чудеса Общежитія. Жизнь первобытнаго человѣка и современныхъ дикарей. Изд. В. Яковенко. Спб. 1912. Стр. 72. Съ рис. Ц. 20 к.

1356. Лукьянская, В. 59(08)

Другъ животныхъ. Зоологическая хрестоматія. Ч. II. Для средняго возраста. Вып. III. Жизнь въ поляхъ и лугахъ, въ степяхъ и по проѣзжимъ дорогамъ. Съ рис.—„Библ. Горбунова-Посадова для дѣтей и юнош. № 269". М. 1913. Стр. 320. Ц. 1 р. 25 к.

Прикладныя науки [6]

1357. Никифоровъ, М. 611

Микрофотографическій атласъ патолого-гистологическихъ измѣненій къ основамъ патологической анатоміи. (Безпл. прилож. къ 4 изд. Патологич. анатоміи.) Изд. А. А. Карцева. М. 1913. Стр. XXIV. Съ 24 табл. рис. Ц. 1 р.

1358. Петровъ, Н. Н., проф. 611

Свободная пластика костей. Изд. „Практич. Медицина", О. В. Эттингеръ. Спб. 1913. Стр. 78. Съ 60 рис. Ц. 90 к.

1359. [. . . . .]. 612

Мужчина и женщина. Ихъ взаимныя отношенія и положеніе, занимаемое въ современ. культурной жизни. Томъ III. Вып. 1—13. Пер. съ нѣм. проф. А. С. Догеля, Р. А. Клеменца и А. П. Шабановой. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1912. Стр. 492. Съ рис. Ц. 6 р. 50 к.

1360. Бѣлоусовъ, Н. Ф., проф. 612(02)

Начальный курсъ практической физіологіи. Краткое руковод. для самообуч. и преподаванія. Съ 15 рис. Изд. Харьков. О-ва Люб. Природы. Харьковъ. 1913. Стр. 80. Ц. 40 к.

Изъ предисловія: Предлагаемое руководство служитъ элементарнымъ пособіемъ для лицъ, желающихъ самостоятельно и, по возможности безъ большихъ затратъ, безъ дорогихъ приборовъ, ознакомиться съ главнѣйшими основаніями физіологіи, этой интересной науки, которая изучаетъ природу человѣка и животныхъ организмовъ.

1361. Волкоза, М. М., врачъ. 616.89

Нервныя болѣзни. Предупрежденіе и лѣченіе ихъ (въ популярн. изложеніи). Лекціи, читанныя въ Соляномъ Городкѣ. Изд. В. Жукова. Спб. 1913. Стр, 157. Ц. 75 к.

Содержаніе: Нервность современной женщины, современнаго человѣка. Истерія и борьба съ нею. Борьба съ нервными заболѣваніями.

1362. [. . . . .]. 617

Русская хирургія. Руководство къ теоретической, оперативной и клинической хирургіи. Подъ ред. П. П. Дьяконова (†), Л. Л. Левшина (†), В. П. Разумовскаго и М. С. Субботина. Отд. XXXI, XL и XXV. Вып. 34-й (часть III, IV и V) Изд. В. С. Эттингера. Спб. 1912. Стр. 40+21+96. Съ рис. Ц. 1 р.

Содержаніе: Цеге-Фонъ-Мантейфаль, В. Г. Непроходимость кишекъ.—Александровъ, Л. П. Каменная болѣзнь мочеваго пузыря. — Пуссепъ, Л. М. Хирургическія заболѣванія позвоночника и спиннаго мозга.

* **Линде, И. и др.** 612.3 : 059

См. пор. № 1308.

1363. Груберъ, А. 681

Какъ сдѣлать самому пантографъ. (Приборъ, съ помощью котораго можно увеличивать и уменьшать всевозможные рисунки.) Съ прилож. подробн. чертеж. и рис.—„Библіотека П. Горбунова-Посадова. № 280. Какъ мнѣ сдѣлать самому? Вып. 7". М. 1913. Стр. 8+табл. Ц. 15 к.

Изящныя искусства [7]

1364. Cohn-Wiener. 701

Исторія стилей изящныхъ искусствъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ доб. М. С. Сергѣева. Съ иллюстр. Изд. „Космосъ". М. 1913. Стр. 291. Ц. 2 р. 25 к.

Содержаніе: Искусство египетское, доисторическое, греческое, эллинское и древнехри-

стіанское. Раннее средневѣковье въ Германіи и романскій стиль. Начало готики, высокая готика и поздняя готика. Итальянское возрожденіе. Городская готика въ Германіи и такъ наз. нѣмецкій ренессансъ Барокко. Стиль регентства и рококо. Стиль Людовика XVI и Empire. Искусство 19 столѣтія и современности. Русское искусство.

* **Ильинскій, А.** 78:92(В)

См. пор. № 1411.

1365. Евреиновъ, Н. Н. 792

Театръ, какъ таковой. (Обоснованіе театральности въ смыслѣ положительнаго начала сценическаго искусства и жизни). Съ иллюстр. Н. Н. Кульбина. Изд. Н. Н. Бутковской. Спб. (Безъ г. печ.). Стр. 119. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе безъ маски, но на котурнахъ. Апологія театральности. Театрализація жизни. Тайна статиста. Къ вопросу о предѣлахъ театральной иллюзіи. Несмѣшное „Вампуки". О театральной пьесѣ. Театральныя инвенціи.

* **Дьяковъ, Александръ.** 792:92(К)

См. пер. № 1412.

1366. Волконскій, С. М., кн. 796.4

„Листки курсовъ ритмической гимнастики." № 1. Январь 1913. Стр. 46. Съ рис. Ц. 50 к.

Литература [8]

1367. [. . . . .] 8—8

Литературно-художественные альманахи изд. „Шиповникъ". Книга 19. Спб. 1913. Стр. 278. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Артуръ Шницлеръ. Фрау Беата и ея сынъ — Леонидъ Андреевъ. Екатерина Ивановна.

1368. [. . . . .] 8—8

Сборникъ т-ва „Знаніе" за 1913 г. Книга 40. Изд. „Знаніе". Спб. 1913. Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: С. Найденовъ. Романъ тети Ани. — С. Астронъ. Стихи. — А. Золотаревъ. Во едину отъ субботъ.

1369. [. . . . .] 83—1

Пѣсни Германіи въ переводѣ русскихъ писателей. Собралъ П. Горбуновъ-Посадовъ. В. I—II. Изд. „Посредника", № 1077—78. М. 1912. Стр. 30—16. Ц. 2 к. (кажд. вып.).

Содержаніе выпусковъ: I. „Подъ липой" и др. народн. нѣм. пѣсни, стихи и басни. II. Лѣсной царь и др. стихотв. В. Гете, Г. Бюргера и др.

1370. Гете, В. 83—1

Германъ и Доротея. Пер. Н. Гиляровской, под. ред. — А. Е. Грузинскаго. Съ илюстр. — „Библіотека всемірной литературы. Европейскіе классики". Изд. „Окто". М. 1913. Стр. 58. Ц. 40 к.

1371. Гете, В. 83—1/2

Европейскіе классики. В. Гете. Въ 3-хъ томахъ, подъ ред. А. Е. Грузинскаго. Т. II. Съ 6 рис. въ тек. и 10 иллюстр. на отд. листахъ. Изд. „Окто". М. 1912. Стр. 357. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Германъ и Доротея. Пер. Н. Гиляровской. Учебные годы Вильгельма Мейстера. Пер. С. Займовскаго.

1372. Блокъ, Александръ. 891.7—1

Круглый годъ. Стихотворенія для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 28. Съ рис. Ц. 15 к.

1373. Блокъ, Александръ. 891.7—1

Сказки. Стихи для дѣтей. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Стр. 26. Съ рис. Ц. 15 к.

1374. Бѣдный, Демьянъ. 891.7—1

Басни. Спб. 1913. Стр. 100. Ц. 60 к.

Содержаніе: Хозяинъ и батракъ. Опека. Затейникъ. Бѣда. „Поютъ!" „Песъ." „Кашевары". „Опекуны". Волкъ. „Гуманность". „Рыболовы". Выродокъ. Благодарность. Совъ. Сынокъ. Ложка. Опекунъ. Гостропомъ. „Умница". Порода. Силуянъ. Воры. Климъ. Свинья. Отцы и дѣти. Гипнотизеръ. Лапоть и сапогъ. Правда. Эстетикъ. Домъ. Дворникъ. Правдолюбъ. Газета. Кларнетъ и рожокъ. Трибунъ. Кукушка. Лицедѣи. „Народникъ". Баня. „Соборъ". Питомникъ. Хоровод. Гастролеръ. Сватовство. „Невѣсты". „Дино". Шарикъ. Задворки. Тереха. Помники.

1375. Гурьевъ, Аркадій. 891.7—1

Безотвѣтное. Стихотворенія. (Безъ м. и г. печ.). Стр. 69. Ц. 1 р.

1376. Коробовъ, Иванъ. 891.7—1

Далекіе огни. Стихи. М. 1913. Стр. 110. Ц. 1 р.

1377. Соловьевъ, Сергѣй. 891.7—1

Цвѣтникъ царевны. III книга стиховъ. (1909—1912.) Изд. „Мусагетъ". М. 1913. Стр. 157. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Образъ милый. Розы Аѳродиты. Пѣсни. Поэмы. Посвященія и мадригалы. Благословеніе прошлаго. У ногъ царевны.

1378. Толстой, Л. Н. 891.7—2

Живой трупъ. Драма. Изд. „Посредника". № 1113. М. 1913. Стр. 64. Ц. 6 к.

1379. Андреевъ, Леонидъ. 891.7—3

Разсказъ о семи повѣшенныхъ. Съ рисункомъ И. Е. Рѣпина. „Бѣлая библіотека. Кн. 11—12", книгоизд. „Эпоха". М. 1913. Стр. 93. Ц. 20 к.

1380. Дмитріева, В. І. 891.7—3

Разсказы. Изд. „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 287. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Мечта. Разбойники. „Взыскующій града".

1381. Зайцевъ, Борисъ. 891.7—3

Изгнаніе „Бѣлая библіотека кн. 8." кн-ва „Эпоха". М. 1913. Стр. 45. Ц. 10 к.

1382. Клюнъ, Константинъ. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. I. Покоящіе. Романъ. М. 1913. Стр. 250. Ц. 1 р.

1383. Лазаревскій, Б. А. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Съ портр. автора. Т. V. Повѣсти и разсказы. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 309. Ц. 1 р.

Содержаніе: Нѣжность. Два брака. Обреченные. Пари. Melancholia. Корнетъ. Неподолго К. Г. 46. Самоубійство. Морозъ. Семнадцатый билетъ. Жить хочется. М—ле Магіе. Открытки. Уфъ, уфф....

1384. Ленскій, Вл. 891.7—3

Трагедія брака. Романъ. Изд. 2-е. „Бѣлая библіотека кн. 5—7", кн-ва „Эпоха". М. 1913. Стр. 156. Ц. 30 к.

1385. Пришвинъ, М. 891.7—3
Заворотка. Отклики жизни. Изд. „Москов. Кн-ва". М. 1913. Стр. 269. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Родная земля. Новые мѣста. Новая земля.

1386. Рывкинъ, М. Д. 891.7—3
Павѣтъ. (Романъ изъ эпохи Александра I—Николая I). Въ 4-хъ частяхъ. Спб. 1913. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

1387. Серафимовичъ, А. 891.7—3
Собр. сочин. Т. VI. Городъ въ степи. Романъ. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 228. Ц. 1 р. 25. к.

1388. Сологубъ, Ѳедоръ. 891.7—3
Опечаленная невѣста. Смерть по объявленію. Въ плѣну. „Универсальная библіотека". Изд. „Польза", В. Антикъ. М. 1912. Стр. 71. Ц. 10 к.

1389. Сургучевъ, Илья. 891.7—3
Разсказы. Т. II. Изд. т-ва „Знаніе". Спб. 1913. Стр. 306. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Сонъ. Губернаторъ.

1390. Тимковскій, Н. 891.7—3
Собраніе сочиненій. Т. VIII. Въ дворянской берлогѣ. Монахи. Изд. „Освобожденіе". Спб. 1913. Стр. 287. Ц. 1 р. 25 к.

1391. Тэффи. 891.7—3
Восемь миніатюръ.—„Театральн. библ. Сатирикона". Изд. М. Г. Корнфельда. Спб. 1913. Стр. 126. Ц. 2 р.
Содержаніе: „Выслужился". Тонкая психологія. Страшный кабачекъ. Женскій вопросъ. „Алмазная пыль". Контора Заренко. Брошечка. Счастливая любовь.

1392. Холщевниковъ, С. 891.7—3
Новая крѣпь. Очерки и разсказы. Изд. „Т-ва Писателей". Спб. 1913. Стр. 280. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Новая крѣпь. — Очеркъ. Первая смѣна. Въ Бѣловѣжской пущѣ.—Разсказы.

1393. Чирикозъ, Евгеній. 891.7—3
Изгнаніе. Романъ. Изд. „Москов. Кн-ва. М. 1913. Стр. 340. Ц. 1 р. 50 к.

1394. [. . . . .] 891.7—91
Слово о полку Игоря. Текстъ памятника съ примѣчаніями, прозаическій и поэтическій его переводы, матеріалы для сравнительнаго изученія, объяснит. статьи и словарь.—„Русская классная библіотека, изд. подъ ред. А. И. Чудинова. Пособіе при изученіи Русской литературы. Вып. I". Спб. 1913. Изд. И. Глазунова. Стр. VII+82. Съ 1 рис. и 1 портр. Ц. 30 к.

1395. Вейнбергъ, Л. О. 891.7—09
Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій-Айхенвальдъ). М. 1913. Т. I. Стр. VIII+449. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Стр. 404. Ц. 1 р. Т. III. Стр. IV+544. Ц. 1 р. 50 к.

1396. Владимирскій, Стеблевъ, и др. 891.7.09
Русская литература въ источникахъ. Курсъ VI кл. реальн. уч. М. 1913. Ч. I. Стр. IV+424. Ц. 1 р. 25 к. Ч. II. Стр. V+442. Ц. 1 р. 25 к.

1397. Кашинъ, Н. П. 891.7.09
Этюды объ Островскомъ. Т. II. М. 1913. Стр. 420. Ц. 2 р.

1398. Котляревскій, Несторъ. 891.7.09
Литературныя направленія Александровской эпохи. Пособіе для приступающихъ къ изученію русской изящной словесности XIX вѣка. Изд. 2-е, перераб. Спб. 1913. Стр. 407. Ц. 2 р.

1399. Львовъ-Рогачевскій, В. 891.7.09
Сноша наканунѣ. Сборникъ критич. статей и замѣтокъ. Изд. „Книгоид. Писат.". М. 1913. Стр. 209. Ц. 1 р. 25 к.
Содержаніе: Поэма запустѣнія (И. А. Бунинъ). Дурновка. М. Арцыбашевъ. Одержимый. („У послѣдней черты", ром. М. Арцыбашева). Погодинъ и Жигулевъ. Новая вѣра. („Исповѣдь". М. Горькаго). На дикомъ мустангѣ (С. Гусевъ-Оренбургскій). Писатель безъ выдумки (о романахъ А. Амфитеатрова). Самовдохновенная критика. Поворотное время. Художникъ-правдоискатель. Художникъ обездоленныхъ. Канунъ настоящаго дня.

1400. Нейкирхъ, Кулжинскій, Я. 891.7.09
Историческая хрестоматія. Отрывки изъ источниковъ и художественныхъ произведеній. Средняя исторія. Кн-во „Сотрудникъ". Кіевъ. 1912 г. Стр. VII+260. Съ рис. и табл. Ц. 1 р. 50 к.

1401. Алейхемъ, Шоломъ. 892.4—3
Собраніе сочиненій. Т. VIII. Лѣтнія уклады. Единств. разрѣш. и одобр. авторамъ пер. съ евр. Ю. І. Пинуса. Изд. „Совр. Проблемы." М. 1913. Стр. 301. Ц. 1 р. 25.
Содержаніе: Лѣтнія уклады. На воды. Маріенбадъ.

1402. Перецъ, Леонъ. 892.4—3
Собраніе сочиненій. Т. III. Время. Единств. разрѣш. авт. пер. съ евр. Ю. І. Пинуса. Изд. „Совр. Промблемы." М. 1913. Стр. 334. Ц. 1 р. 25 к.

Исторія и географія [9]

1403. Карѣевъ, Н. 9(44)„17"
Бѣглыя замѣтки по экономической исторіи Франціи въ эпоху революціи. Серія I. Спб. 1913. Стр. 192. Ц. 1 р.

1404. Бѣловъ, Евгеній. 9(47)
Казань. Нижній-Новгородъ. Кострома.—„Культурн. сокровища Россіи. Вып. IV". Изд. т-ва „Образованіе". М. 1913. Стр. 79. Съ рис. Ц. 2 р. 20 к.
Содержаніе: Е. Бѣловъ. Казань: Волжскіе Булгары. Начало Казани. Казанское царство. Памятники XVII в. въ Казани. XVI в. въ Казани. Казань XVII в. Вѣкъ Екатерины. Казань XIX в. Мусульманская Казань. Современная Казань.—З. П. Шамурина. Нижній-Новгородъ. Кострома. Указатель памятниковъ, рисунковъ.

1405. Вишняковъ, Е. и Пичета, В. 9(47)
Очерки русской исторіи.—„Народный Университетъ". (Серія наукъ общественно-гуманитарныхъ). Изд. „Польза", В. Антикъ и К°, 2-е М. 1912 Стр. 246. Съ рис. Ц. 1 р. 25. к.

1406. Кабановъ, А. К. 9(47)
Смута московскаго государства и Нижній Новгородъ. Съ рис. „Историч. Комм. Уч. Отд. О. Р. Т. Зн." Ред. В. Н. Бочкаревъ. Изд. Изд. 3-е, „Задруга". М. 1913. Стр. 64 Ц. 7 к.

1407. [. . . . .] 9(47)„1613"
Смутное время въ Московскомъ государствѣ

Сборникъ статей съ иллюстраціями. М. Изд. „Задруга". 1913 Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: В. Пичета. Моск. государство во втор. полов. XVI в.—К. Сивковъ. Царь Ѳедоръ Іоанн. и Борисъ Годуновъ.—В. Печаевъ. Смерть цар. Дмитрія.—Е. Богрова. Названный Дмитрій. — М. Коваленскій. Общ. и полит. теченія въ эпоху смуты.—П. Катаевъ. Тушино.—П. Рябининъ. Внѣшнія отношенія Россіи въ смутное время.—В. Боголюбовъ. Земщина въ эпоху смуты.—А. Кабановъ. Вожди земскихъ ополченій.—Е. Булгакова. Патр. Гермогенъ и Троицкая лавра.—В. Алексѣевъ. Освобожденіе Москвы и избраніе Михаила Ѳеодоровича.—Е. Вишняковъ. Филаретъ Никитичъ Романовъ..—Ю. Готье. Экономическія послѣдствія смуты въ народномъ хозяйствѣ.—В. Улановъ. Политич. и культурно-бытовыя послѣдствія смуты.—В. Бочкаревъ. Современники смуты

1408. И. В. К. 9(47)„1613:1913"

Трехсотлѣтіе царствованія Дома Романовыхъ. Краткій историч. очеркъ. Съ 17 портр. и рис. Изд. Пост. Комм. народ. чт. № 288. Спб. 1913 Стр. 59. Ц. 15 к.

1409. Михайловъ, В. А. 9(47)„1613:1913"

Великая разруха Государства Московскаго и начало Дома Романовыхъ. 1613—1913. Изд. Нижегор. Губ. Зем. Ниж.-Новгородъ. 1913. Стр. 71. Ц. 6 к.

1410. Кюнеръ, Н. В. 9(51)

Новѣйшая исторія странъ Дальняго Востока. Часть II. Обзоръ сношеній Китая съ европейскими державами съ XVI столѣтія до 1842 года. Вып. 1-й. Изд. 2-е.

Содержаніе: Сношенія съ Португаліей, Испаніей, Голландіей, Франціей., Американскими Соединенными Штатами и различными европейскими государствами, въ особенности со Швеціей. Владивостокъ. 1912. Стр. 172. Ц. 2 р. 50 к.

1411. Ильинскій А. 92(B):78

Рихардъ Вагнеръ, его жизнь и творенія. М. 1912. Изд. П. Д. Сытина. 85 стр.+16 лисс. и портр. Ц. 1 р. 25 к.

1412. Дьяконовъ, Александръ. 92(К):792

Вѣнокъ В. Ф. Коммиссаржевской. Изд. О. К. Канъ. Спб. 1913. Стр. 128. Ц. 80 к

Содержаніе: Безсмертіе (сказаніе). Послѣдній путь. (Воспоминанія).

Содержаніе журналовъ.

„Богословскій Вѣстникъ". (1913—1). К. Н. Леонтьевъ. О богословствованіи мірянъ.— М. Н. Катковъ. Классицизмъ и духовная школа, письмо. — В. Н. Виноградовъ. Платонъ и Филаретъ, митрополиты Московскіе. — Вопросъ о жизни на Марсѣ.— Іеромонахъ Пантелеймонъ. Три богослова: св. ап. Іоаннъ Богословъ, св. Григорій Богословъ и преп. Симеонъ Новый Богословъ.— В. Эрнъ. Письма о христіанскомъ Римѣ III.— Свящ. Н. Сахаровъ. Кризисъ въ нѣмецкомъ протестантствѣ.— Свящ. Н. Флоренскій. Предѣлы гносеологіи.— Критика.

„Вегетаріанское Обозрѣніе". (1913—1). І. П. Памяти друга.— Старый Вегетаріанецъ. Д-ръ А. А. Ясиновскій.— Мира К. Памяти А. А. Ясиновскаго.— Борисъ Б—чъ. Человѣкъ-другъ.— М. М. Пудавовъ. Памяти А. А. Ясиновскаго,—Д-ръ А. А. Ясиновскій. Мясной призракъ.— П. Мировновъ. „Земля и воля".— Проф. А. Н. Воейковъ. Выдѣленіе мочевой кислоты. — А. Бабинъ. Анкета Кіевскаго Вегет. О-ва.—П. Булановскій. Письма съ Черноморскаго побережья.— А. Перно. Письма изъ Англіи.— А. Н. Ковалевъ. У свѣжей могилы.— А. К. Какъ я стала вегетаріанкой.— Въ мірѣ печати.— Старый Вегетаріанецъ и С. О. Перперъ. По міру. Хроника вегетаріанскаго движенія въ Россіи и за границей.— Библіографія и критика.— Редакц. сообщенія.

„Вопросы Психіатріи и Неврологіи". (1913—1). С. А. Сухановъ. Къ клиникѣ резонирующей психопатіи.— Рецензіи.— Рефераты.— Хроника.

„Вѣстникъ Знанія". (1913—2). Проф. М. Н. Туганъ-Барановскій. Современныя школы политической экономіи въ критическомъ освѣщеніи. (Оконч.).— П. П. Маклецова. Пролетарій — буржуа-интеллигентъ.— Прив.-доц. А. Г. Генкель. Границы видимаго міра.— В. Бельше. Новые факты по вопросу о наслѣдственности. (Оконч.).— Д-ръ Эккардъ. Подкармливаніе птицъ зимой.— Умъ животныхъ.— Н. Мировичъ. Женщина во французскомъ обществѣ XVIII в. (Оконч.).— Новая жертва науки.— Э. С. Передовыя школы.— Д-ръ Нейбургеръ. Фотографированіе по телефону.— Образованіе и разложеніе элементовъ.— А. Аѣновъ. Современная народная мушка.— В. Г. Голиковъ. Питаніе язва.— Библіографія.— В. В. Битнеръ. Бесѣда съ молодежью.— К. Эвальдъ. Двуногій.— Полярныя собаки. — Э. Германъ. Осеннія нити.— Д-ръ Гинце. Бактеріи. (Оконч.).—Вопросы науки и практики.—Задачи.

„Вѣстникъ Иностранной Литературы". (1913—2). Заграничная хроника: I. Общественная жизнь: Выборы президента французской республики. Образованіе новаго министерства во Франціи. Денежные фонды на случай войны въ важнѣйшихъ европейскихъ государствахъ. Мысли и воспоминанія султана Абдулъ-Гамида. Убійство прокаженныхъ въ Китаѣ. Итоги за послѣдній авіаціонный годъ. Значеніе и роль современной женщины въ современномъ обществѣ. II. Историческія новости: Визитъ англійскаго путешественника къ Наполеону на островѣ св. Елены. Перевозеніе праха Наполеона съ острова св. Елены. III. Театръ и искусство: Исторія мебельнаго производства во Франціи. Торговля предметами искусства и роскоши.— Кенжиро Токутоми. Куросиво. Съ японск.— Э. Цаанъ. Женщины изъ Танне. Съ нѣм.— Э. де-Сеабра. Сокровище Бразиліи. Съ португ.— К. и А. Вильямсонъ. Гости Геркулеса. Съ англ.— Л. Нордстремъ. Томасъ Лакъ. Со шведск.— Разсказъ садовника. Посмертный разсказъ Чарльза Диккенса.— Непонятная. Е. Мюлау.— Жена. Граціи Деледда.— Удивительное приключеніе г-жи Эсколо Пьера. Луиса.— Оригинальная смерть. Джона Флеминга Уильсона.— Разсказчикъ. Робертъ Сведдонъ.

„Вѣстникъ Психологіи, Криминальной Антропологіи и Педологіи". (1912—IV и V). Проф. С. К. Гогель. Индивидуальные факторы преступности.— Д-ръ В. Н. Бражасъ. О вліяніи кумыса на психическую дѣятельность.—Б. Мышкисъ. Слѣдуетъ ли сохранить смертную казнь въ будущихъ Германскомъ и Австрійскомъ Угол. Уложеніяхъ?— П. А. Сорокинъ. Л. Н Толстой, какъ философъ.— Д-ръ Глинскій. О фонографѣ Эдиссона, какъ по-

собіи при изученіи иностр. языковъ.— Д-ръ Г. И. Гордонъ. Нѣкоторыя психологическія черты юныхъ самоубійцъ.— Проф. А. В. Герверъ. Отчетъ о дѣятельности Психо-Невролог. Института за 1911 г.— П. Каиаевъ. Первый Всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ.— П. Капаевъ. Отчетъ о засѣданіи общества экспериментальной педагогики.— Рефораты: Th. Elsenhaus. Теорія фантазіи. (В. Рабиновичъ). Waldstein. Подсознательное „Я". (П. Березинъ). Freud. Теорія полового влеченія (П. Березинъ). С. Сухановъ. Паталогическіе характеры. (П. Березинъ). Новая идея въ философіи. (П. Березинъ).— Уставъ Общества славянскаго научнаго единенія.

„Вѣстникъ Теософіи". (1913—2). Отъ Редакціи.— А. Безантъ. Путь къ посвященію и совершенствованію человѣка. Перев. В. Пушкиной.— Ч. Ледбитеръ. Ясновидѣніе. Перев. М. Станюковичъ.— Е. Писарева. Психологическія условія для успѣшнаго веденія народныхъ университетовъ.— А. Каменская. Народный университетъ и этическое воспитаніе народа.— М. Вудъ. „Мать всѣхъ сказаній".— В. Рудичъ. Стихотворенія. Перев. съ англ.— Анатолій. Сказаніе о томъ, какъ родился, жилъ и умеръ человѣкъ,— В. Пушкина. Обозрѣніе теософической литературы.— Alba. Хроника теософическаго движенія.— П. Т. Хроника жизни.— П. Т. Изъ газетъ и журналовъ.— М. Каменская. Указъ царя Асока.— М. Каменская. Письмо изъ Адіара.— Вопросы и отвѣты.— Отзывы о книгахъ.— Е. Н. Блаватская. Эволюція символизма изъ Тайной Доктрины.

„Дошкольное Воспитаніе". (1913—2). Питомецъ народныхъ дѣтскихъ садовъ въ школѣ.— Н. Мордвинова. Декоративное рисованіе и вырѣзываніе.— К. Маевская. Программа занятій въ дѣтскомъ саду.— Л. Лубенецъ. Всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію.— М. Козлова (Чернявова). По поводу 1-го Всерос. съѣзда по вопросамъ семейнаго воспитанія.— Педагогическая хроника.— Критика и библіографія.

„Журналъ Министерства Юстиціи". (1913—1). Д. В. Цвѣтаевъ. Избраніе Мих. Ѳед. Романова на царство.— Н. Г. Щегловитовъ. Привцъ П. Г. Ольденбургскій, какъ государственный и общественный дѣятель.— В. М. Гордонъ. Школа нрава (по поводу реформъ юридич. образованія въ Германіи).— Н. П. Паліенко. Новая доктрина народнаго суверинитета во французскомъ государствовѣдѣніи.— П. Шаль. А. Леруа-Болье (перев. съ рукописи).— Хроника.— С. Трегубовъ. Первый кабинетъ научно-судебной экспертизы въ Россіи.— А. Д. Савченко-Маценко. Кассаціонная практика.— Ф. Эвекенъ. Письма изъ Парижа. III.— Сесиль Мидъ Алленъ. Письма изъ Англіи.— Литературное обозрѣніе.— Отъ редакціи: увѣковѣченіе памяти А. Леруа-Болье.

„Завѣты". (1913—1). Р. Балтрушайтисъ. Лилія и Серно, стих.— Гр. А. П. Толстой. Насильники (Лѣтній), комедія въ 5 ти дѣйствіяхъ.— В. Ропшинъ. То, чего не было, ром.— П. Шмелевъ. Поденка.— К. Треневъ. На ярмаркѣ.— Николенко Гильченко. Воспоминанія о Н. К. Михайловскомъ.— Ивановъ-Разумникъ. Литература и общественность. Русская литература въ 1912 г.— Е. Лундбергъ. Проза и поэзія З. Гиппіусъ.— М. Пришвинъ. По градамъ и весямъ. Старый годъ.— Я. Вѣчевъ. Дѣла и дни. Современные примиренцы и „Алгебраическая формула" нашего политическаго положенія.— Н. Ракитниковъ. Къ пересмотру вашихъ взглядовъ на крестьянство.— Текущая жизнь.— Библіографія.— С. Мстиславскій. Свое и чужое.

„Маски". (1913—4). К. Эрбергъ. Художественное творчество въ сферѣ театра.— С. Глаголь. О критикѣ.— А. Блокъ. Маски на улицѣ.— К. Сахновскій. Противъ исторій на сценѣ.— О. Коммиссаржевскій. По поводу книги Ж. Э. Мейерхольда „о театрѣ". Айседора Дунканъ.— Е. Панинъ. Народный театръ во Франціи.— М. Бончъ-Томашевскій. Японскій театръ.— Памяти В. Ѳ. Коммиссаржевскій.— Е. Гунстъ. „Царская невѣста".— А. С. Даргомыжскій.— В. Ермиловъ. Жизнь актера.— За рубежомъ.— Театральная и музыкальная лѣтопись.

„Наша Заря". (1913—1). П. Масловъ. О теоріи заработной платы.— Н. И—ичъ. „Погибшіе и погибающіе". — Х — н. Выборы на Кавказѣ. — К. Оранскій. Какъ осуществить единство.— В. Левицкій. Политическое самоопредѣленіе русской буржуазіи.— Вл. Косовскій. Дѣло свободы и культуры.— П—кій. Либералы и соціалъ-демократы (письмо изъ Германіи).— В. Мировъ. Первые шаги с.-д. фракціи въ IV Гос. Думѣ.— М. Б—овъ. Государственный Совѣтъ и приказчики.— Velox. Письма въ редакцію.— Библіографія.

„Педагогическій Листокъ". (1913—1). Н. Каринцевъ. Ненормальныя дѣти и школа. — А. Обуховъ. Работа по народному образованію въ Мюнхенѣ за послѣдніе годы.— Е. Звягинцевъ. Экскурсія „въ средніе вѣка".— А. Сосницкій. В. Я. Стоюнинъ и учебный отдѣлъ Общества распр. техн. знаній.— А. Коринфскій. На распутьи, стих.— С. О. Сѣроплолко. Два слова объ анкетахъ.— А. Доброхотовъ. Клятва, стих.—Е. Нѣтухова. Образовательный ручной трудъ въ начальной школѣ, какъ вспомогательный методъ при начальномъ обученіи.—Воспоминанія учителя толстовской школы.—А. Закъ. Толстой и крестьянскія дѣти.— В. Морозовъ. Мой учитель.— Д. П. Т. Памяти добраго учителя.— Хроника.— Библіографія.

„Педагогическій Листокъ". (1913—2). Н. Каринцевъ. Народное образованіе въ Болгаріи.— А. Тулпаровъ. На первой ступени природовѣдѣнія.— З. Покровская. На зарѣ.— А. Коринфскій. Мои братья, стих.— А. Доброхотовъ. Въ февралѣ, стих.— К. А—въ. Къ юбилею А. Е. Зарина.— Лѣтніе курсы въ Москвѣ.— Съѣздъ по семейному воспитанію.— Хроника.— Библіографія.

„Популярный Литературно-Медицинскій журналъ" и „Домашній Докторъ". (1913—1). Д-ръ мед. Л. Левенвельдъ. Бракъ и счастье. Сокращ. перев. съ нѣм. Б. Виницкой.— Серотерапія и вакцинація. Перев. съ фр. ж.-вр. М. Безбоковой.— Д-ръ Ф. Кохъ. Уменьшеніе носовъ и др. методы носовой пластики.— В. Брусянинъ. Литературное обозрѣніе. Типы врачей и паціентевъ въ литературѣ.— Б. Фромментъ. Ясли въ деревнѣ.— Проф. Г. фонъ-Бунге. Отравленіе табакомъ.— Практическая медицина.— Общественная медицина.— Растительный столъ.— Домашняя ветеринарія.— Медицинскія замѣтки.— Библіографія.

„Природа". (1913—1). Проф. А. В. Писаржевскій. Новыя данныя къ вопросу о превращеніи элементовъ.— Проф. Г. Линкъ. Круговоротъ веществъ въ исторіи земли.— Проф. Г. В. Вульфъ. Прохожденіе Рентгеновскихъ лучей чрезъ кристаллы.— Проф. Е. Шеферъ. Природа, происхожденіе и сохраненіе жизни.— Проф. Б. Ф. Ве-

риго. Поль съ точки зрѣнія современной біологіи. Чѣмъ отличается идіоплазма яйцевой клѣтки отъ идіоплазмы сперматозоида?—С. Г. Григорьевъ. Нѣсколько словъ о географіи и страновѣдѣніи.—Проф. Л. Л. Ивановъ. На Новой Землѣ.—П. А. Бѣльскій. Тектоника Балканскаго полуострова.—Научныя новости и хроника.—Смѣсь.—Географическія извѣстія.—Мистереологическія извѣстія.—Библіографія.

„Просвѣщеніе". (1913—1). Л. Рольдъ. Суровые напѣвы.—В. Ильинъ. Итоги выборовъ.—Г. Цыперовичъ. За кулисами объединеннаго капитала.—Ал. Трояновскій. Война и интернаціоналъ.—Политикусъ. Ближе-Восточный узелъ.—Г. Зиновьевъ. Первые шаги с.-д. парламентаризма въ Россіи.—Демьянъ Бѣдный. Басни: Силуянъ. Воры.—Ч. Гурскій. Страховая компанія въ Петербургѣ.—Старый приказчикъ. Пробужденіе приказчиковъ.—К. Сталинъ. Фактическія справка.—Библіографія.

„Путь". (1913—2). Ив. Бунинъ. Чибисы, стих.—И. Новиковъ. Двойной орѣшекъ, разск.—Л. Столица. Плотникъ, стих.—И. Тимковскій. Сжалься, разск.—Вл. Вѣтницкій. Два стихотворенія.—П. Рахмановъ. Воспоминанія объ Элладѣ.—Ю. Соболевъ. Судьба Некрасова.—Ив. С. З. Н. Некрасова.—Литературный архивъ: 1. С. Семеновъ. О встрѣчѣ съ А. П. Чеховымъ. 2. Письмо А. П. Чехова. 3. Неизд. стихотв. В. И. Острогорскаго.—Г. Вяткинъ. Изъ дневника. Читатели.—Мальцева-Волкова. Литер. силуэты. Полежаевъ.—В. Гарскій. Провинціальные очерки.—И. Поповъ. За мѣсяцъ.—Библіографія.

„Русская Старина". (1913—1). А. Ѳ. Кони. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебнаго дѣятеля.—П. Д. Боборыкинъ. За полвѣка.—Е. С. Шумигорскій. Тысяча восьмисотый годъ.—Е. И. Бобриковъ. Участіе Сербіи въ войнѣ 1877—78 гг.—Кн. М. В. Волконская. За 38 лѣтъ. Отрывки изъ неизд. воспом.—М. Ф. Чулицкій. Изъ старыхъ дѣлъ.—Е. Менгденъ, бар. Изъ дневника внучки.—А. Голомбіевскій. Могила отца Суворова.—В. Шереметевскій. Басурманская неволя.—К. Шумскій. Эпизоды изъ обороны Порть-Артура.—Е. Фридрихсъ. Мое знакомство съ семьей. В. Г. Бѣлинскаго.—Е. Шихова. Въ началѣ жизни и на порогѣ вѣчности.—А. Лебедевъ. Къ біографич. очерку Г. Е. Благосвѣтлова.—С. О. Долговъ. Сто лѣтъ назадъ. Письма П. П. Одинцали къ А. Я. Булгакову—о петербургскихъ новостяхъ и слухахъ.—В. В. Тимощукъ. Донесенія французскихъ посланниковъ при дворѣ Екатерины II. 1762—1765 гг.—Вл. Марковъ. Изъ воспом. о бѣломъ генералѣ.—А. Н. А. Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 гг.—Изъ записной книжки „Р. Ст."—Д. У. Л. Н. Толстой и преосвященный Никаноръ.—Д. У. Всеподданнѣйшій рапортъ Державина.—П. А. Ниве. Къ характеристикѣ Я. П. Кульнева.—Библіографическій листокъ.

„Русская Старина". (1913—2). Е. Тураева-Цертелли. Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ.—Е. С. Шумигорскій. Тысяча восьмисотый годъ.—П. Д. Боборыкинъ. За полвѣка.—Г. П. Бобриковъ. Въ Берлинѣ на Конгрессѣ.—Кн. М. В. Волконская. За 38 лѣтъ.—Е. С. М. Депутатъ отъ Россіи (Воспом. и переписка О. А. Новиковой).—Р. П. Сементковской. Встрѣчи и столкновенія (В. А. Полетика и мои критики).—В. Шереметевскій. Бусурманская неволя.—К. Шумскій. Эпизоды изъ обороны Порть-Артура.—А. Лебедевъ. Къ біографическому очерку Г. Е. Благосвѣтлова.—А. Ѳ. Андріашева. Воспоминанія стараго педагога.—А. Е. К. М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа.—В. Н. Свѣтозаровъ. Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія.—С. О. Долговъ. Сто лѣтъ назадъ.—Вл. Лайминъ. Женатыя роты.—Б. Л. Модзалевскій. Письма гр. Ѳ. В. Растопчина къ А. Ѳ. Лабзину.—В. А. Шамуневъ. Спартанское воспитаніе кадетъ стараго времени.—Вл. Марковъ. Изъ воспоминаній о бѣломъ генералѣ.—Н. Морозовъ. Люди и нравы за полвѣка.—Изъ записной кн. „Р. Ст."—Письма ген.-адъют. Ливена Палицану о недоставленіи калмыцкихъ дѣтей. Сообщ. М. П. Федоровъ.—Свидѣтельство о прапорщикѣ Гусевѣ. Сообщилъ В. Н. Федоровъ.—Ив. Суворовъ. Личная неприкосновенность въ XVII в. (1673 г.).—В. А. Алексѣевъ. Неизданныя стихотворенія Н. А. Некрасова.—Библіографическій листокъ.

„Русское Богатство". (1913—1). К. Гамсунъ. Послѣдняя отрада.—А. Анненская. Изъ прошлыхъ лѣтъ.—Б. Лазаревскій. Единственный выходъ.—Ю. Филипченко. Очерки по вопросамъ эволюціи и наслѣдственности.—Г. Яблочковъ. Баррикада.—А. Пѣшеходовъ. На дѣйствительной службѣ.—Скиталецъ. Метеоръ.—О. Батюшковъ. Одна изъ встрѣчъ съ Н. Ѳ. Анненскимъ.—М. Грушовскій. На національныя темы.—В. Майскій. По деревенской Германіи.—Діонео. Изъ Англіи.—Н. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—П. Моківскій. Смерть и Логосъ.—В. Микотинъ. Новый трудъ объ Импер. Александрѣ I.—Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе". (1912—1913—5). Н. Крупская. Солнечный свѣтъ и свободное творчество дѣтей. По Р. Кеннигсу.—А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Бельгія: институтъ Декроли.—В. Цвѣтаева. О наглядномъ обученіи исторіи и другимъ предметамъ.—О. Кайданова и Ф. Глаголева. Питаніе школьниковъ.—Значеніе ручного труда въ современной школѣ. Съ нѣм. и фр.—Ф. Ганзбергъ. Живая работа въ школѣ. Съ нѣм. М. Левитиной.—И. Горбуновъ-Посадовъ. Недѣля ребенка (по поводу воспитательно-образовательныхъ съѣздовъ въ Петербургѣ въ концѣ 1912 и началѣ 1913 гг.).—Школа-интернатъ на открытомъ воздухѣ для слабыхъ и туберкулезныхъ дѣтей. Съ англ. Н. К.—Отовсюду.—Изъ книгъ и журналовъ.

„Современникъ". (1913—1). М. Горькій. Калининъ, очеркъ.—С. Астровъ. Стихотвореніе.—В. І. Дмитріева. Сухари, повѣсть.—А. Черемновъ. Вѣдьмы стих.—Ив. Бунинъ. Проступленіе, разск.—Отрывки изъ дневника гр. П. А. Валуева.—И. Сургучевъ. Слѣды вчерашняго.—Г. Гребенщиковъ. Ханство Багырбека, повѣсть.—Г. В. Плехановъ. Искусство и общественная жизнь.—Ю. Верховскій. Стихотв.—Бенгъ Бергъ. Генинсаретъ, ром. К. Жихаревой.—Е. Лицкій. Н. Г. Чернышевскій на порогѣ семейной жизни.—Новое о прошломъ. Памяти о Н. А. Некрасовѣ.—Михаилъ Павловичъ. Трансъ-Африканскіе пути.—Л. Герасимовъ. Континентальная система.—П. Е. Щеголевъ. Гр. М. Н. Муравьевъ-заговорщикъ. По неизд. матеріаламъ.—А. Черный. Сатиры.—Итоги и факты.—П. Шаскольскій. Международный конгрессъ по исторіи искусствъ.—Новыя книги.

„Сѣверныя Записки". (1913—1). Ю. Балтрушай-

тисъ. Звѣздный зовъ, стих.—С. Сергѣевъ-Ценскій. Нѣдра, разск.—В. Каратыгинъ. Памяти Даргомыжскаго. — К. Бальмонтъ. Ему, стих. — Нв. Вольный. На рубежѣ, этюдъ. — В. Шеферъ. Исторія одного ожерелья. Перев. съ нѣм. И. Розенфольдъ. — К. Бальмонтъ. Островъ четверга, стих.—А. Тиняковъ. Великій Незнакомецъ (О. И. Тютчовъ).—С. Золотаревъ. Связь между вопросами семейнаго, общественнаго и государственнаго воспитанія.—Б. Садовскій. Оклеветанныя тѣни. (О романѣ Мережковскаго—„Александръ I“). —Albus. Двуликій пессимизмъ. (О романѣ Ѳ. Сологуба „Заложники жизни“).—С. Патрашкинъ. Офицеры промышленной арміи. — Гр. Ландау. Политическія замѣтки. — І. Биккерманъ. Предъ лицомъ рока.—И. Быховскій. На поворотѣ. — Н. Гаевъ. Но Руси Великой. — П. Игнатовичъ. Новый трудъ объ Александрѣ I.—Н. Лернеръ. Забытая повѣсть Пушкина. — Приложеніе. Удивленный домикъ на Васильевскомъ. (Повѣсть Пушкина). XXX.

„Украинская Жизнь“. (1913—1). С. В. Петлюра. О переоцѣнкѣ.—Преф. Ѳ. Е. Коршъ. Объ украинскомъ національномъ возрожденіи. — Б. С. Познанскій. Воспоминанія.—В. В. Садовскій Русское землевладѣніе въ Правобережной Украинѣ.—М. Данька. Край скорби (Повѣсти и разсказы В. Стефаника).—П. В. Лебединскій. Къ вопросу объ изученіи украинскаго права.—Ю. Стрыжавскій. Украинское духовенство въ Галиціи. (Изъ впечатлѣній туриста).—С. А. Ефремовъ. На текущія темы.—А. Вар—ъ. Объ украинскомъ архитектурномъ стилѣ. — На Украинѣ и внѣ ея.—Библіографія.—Литературная лѣтопись.

„Художественно-Педагогическ. Журналъ“. (1913—1). М. Ранъ. 4-й международный съѣздъ по художественному воспитанію и прикладному искусству въ Дрезденѣ въ 1912 г. — Д-ръ А. А. Щепинскій. Психологія дѣтскихъ занятій лѣпкою.—Искусство и жизнь.—Хроника.—Иностранная худож. хроника.

„Что и Какъ Читать Дѣтямъ“. (1912—13—5). По поводу съѣзда по семейному воспитанію.—Обзоръ сочиненій Е. Овочкина. — Обзоръ книгъ по юбилею 1613 г. — Обзоръ серіи „Книжки-первинки“. — Сказки — Разборъ журнала. „Юная Россія“.—Отзывы о книгахъ. — Справки о нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгахъ.

Издатели: { В. Крандіевскій. / В. Носенковъ.

Редакторъ В. Крандіевскій.

Отъ редакціи: Въ этомъ № за недостаткомъ мѣста, не могъ быть помѣщенъ очередной списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Книжный складъ Т-ва А. А. ЛЕВЕНСОНЪ,

Москва, Трехпрудный, с. д., тел. 503-83.

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ЕВАНГЕЛІЕ 1092 года, изданное Румянцевскимъ музеемъ, воспроизведенное буква въ букву съ соблюденіемъ всѣхъ особенностей пергамента, письменъ и переплета. Ц. 100 р.

ДЕЛЬВИГЪ, Мои воспоминанія. Изд. Румянц. музея. Ц. 2 р. 50 к.

ВИКТОРЪ МИХАЙЛ. ВАСНЕЦОВЪ. Русскія пословицы и поговорки. Художествен. альбомъ. Ц. 10 р.

Итальянскія сказки, подъ редакц. М. Горькаго, пер. Андреевой. Т. I, ц. 1 р. 25 к., т. II, ц. 75 к. (съ рис.).

Словаръ иностранныхъ словъ, 2-е изд., ц. 1 р. 50 к.

Французско-русскій словарь, ц. 2 р.

Русско-англійскіе разговоры, цѣна 1 руб. 25 коп.

„МОСКВА“, роскошно иллюстрирован. альбомъ, размѣр. 6 × 7¾ верш., съ текстомъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ языкахъ, ц. въ папкѣ 4 р. экз.

Американскіе синдикаты — М. П. Назаревскій, ц. 2 р. 80 к.

Изданія „ОКТО“:

Письма Л. Н. Толстого, ц. въ нер. 2 руб., безъ пер. 1 р. 50 к.

„Библіотека классиковъ“: Шекспиръ I и II т., Гомеръ, Байронъ I и II т., Гете, т. I, II, III, цѣна за томъ 2 р. 50 к. (Гомеръ—3 р. 50 к.). Мольеръ, Шиллеръ печатаются. Принимается подписка на всю библіотеку (12 томовъ) на слѣд. условіяхъ: цѣна 31 р., задатокъ 2 р., а затѣмъ при полученіи каждаго тома 2 р. 50 к. (соч. Гомера 3 р. 50 к.). Задатокъ вычитается при доставленіи послѣдняго тома.

Историческіе очерки — А. А. Кизеветтеръ, ц. 3 р.

Образы прошлаго— М. О. Гершензонъ, ц. 3 р.

Гете — „Фаустъ“ (отд. вып.), ц. 1 р.

Байронъ — Чайльдъ Гарольдъ, ц. 50 к.

Байронъ — Донъ-Жуанъ, ц. 1 р.

Вся библіотека классиковъ выпускается въ переплетахъ.

Толстовское Общество.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ Л. Н. ТОЛСТОГО. Художествен. альбомъ, разм. 7½ × 10½ вершк., въ рисункахъ художн. В. Россинскаго. Ц. 7 руб.

Книгоиздательство и книжный складъ „НАУКА“.

Москва, Б. Никитская, 10, близъ Университета.

„Библіографическій Ежегодникъ“

подъ редакціей И. В Владиславлева.

Выпускъ II. 1913 г. Ц. 90 к.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I. Указатель вышедшихъ въ 1912 году книгъ.
Часть II. Указатель журнальной литературы.
Часть III. Указатель рецензій.
Часть IV. Библіографія иностранной литературы о Россіи.
Часть V. Библіографія по разл. областямъ знанія въ нѣм. журнал. (систем. указат.).
Часть VI. Отошедшіе. (Некрологъ).
Часть VII. Конфискованныя за годъ изданія.
Часть VIII. Свѣдѣнія о періодическихъ изданіяхъ, выходящихъ въ Россіи на рус. яз.

Въ первый выпускъ „Библіографическаго Ежегодника“ вошло до 4000 книгъ, свыше 1500 журналовъ и статей (изъ 24 журналовъ), около 2000 рецензій (изъ 32 періодическихъ изданій) и до 60 иностранныхъ книгъ о Россіи (изъ нихъ половина съ отзывами). Во второй выпускъ вошло до 6000 книгъ, болѣе 2500 статей (изъ 42 журналовъ) и не менѣе 3000 рецензій (изъ 44 журналовъ и газетъ).

И. ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, Русскіе писатели XIX—XX ст.

Опытъ библіографич. пособія по новѣйшей русской литературѣ. Изд. 2-е, перераб. и дополн. 1913 г. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I. Алфавитный указатель. 1. Художественная литература. 2. Критика и публицистика. 3. Исторія литературы.

Часть II. Систематическій указатель (по эпохамъ) въ связи съ историко-литерат. и историческими матеріалами. 1. Эпоха Александра I. 2. Эпоха Николая I. 3. 60-ые и 70-ые годы. 4. 80-ые годы. 5. 90-ые годы. 6. 900-ые годы.

Н. РУБАКИНЪ. Среди книгъ.

Опытъ обзора русскихъ книжныхъ богатствъ въ связи съ исторіей научно-философскихъ и литературно-общественныхъ идей. Справочное пособіе для самообразованія и для систематизаціи и комплектованія библіотекъ. 2-е совершенно переработ. изданіе. Т. I. XXIV+119+424 стр. 3 р.— Т. II, вып. I. 3 р. (заканчивается печатаніемъ).

Н. УЛЬЯНОВЪ. указатель журнальной литературы.

Выпускъ I. Журналы за 1906—1910 г.г. 90 к.
Выпускъ II. Журналы за 1895—1905 г.г. 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Задача указателя журнальной литературы. Построеніе указателя.— Ч. I. Алфавитный указатель. Ч. II. Предметный указатель. Ч. III. Систематическій указатель.

В. В. БРУСЯНИНЪ. Указатель книгъ и статей О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМѢ. Цѣна 40 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Предисловіе. II. Поименованный указатель. III. Предметный указатель. IV. Указатель по каждой изъ 4-хъ Думъ.

„Настоящее изданіе—строго безпартійное и имѣющее цѣлью регистрацію книгъ и статей „къ исторіи Гос. Думы“. Составитель старался сгруппировать названія всѣхъ книгъ, статей, брошюръ и отчетовъ, напечатанныхъ за послѣднія пять—шесть лѣтъ“. (Изъ предисловія).

Готовятся къ печати:

Примѣрные каталоги для народныхъ библіотекъ на разныя суммы (отъ 25 р. до 500 р.).

Примѣрные каталоги для библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній на разныя суммы (отъ 10 р. до 300 р.)

Торговый знакъ.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ВЪ РОССІИ МАГАЗИНЪ

спеціально **РЫБО**ловныхъ принадлежностей.

ТОРГОВАГО ДОМА

С. А. Малиновскій.

МОСКВА, РОЖДЕСТВЕНКА, 8.

Роскошно иллюстрированный, ясно и толково составленный ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ съ объясненіемъ всѣхъ способовъ уженья и примѣненія снастей высылается БЕЗПЛАТНО.

НОВЫЯ КНИГИ собственнаго изданія:

1) **„УЖЕНЬЕ РЫБЫ"**. П. Комарова. Цѣна безъ пересылки 1 рубль.
2) **„ЛОВЛЯ СОМОВЪ НА КВОКЪ"**. М. Ушакова. Цѣна безъ пересылки 35 коп.
3) Брошюра бр. Гарди „Катушки Silex и англійск. методы уженья спиннингъ" (переводъ съ англійск.) Цѣна безъ пересылки 35 коп.

Открыта подписка на 1913 г.

на большую НОВУЮ, ежедневную, политическую прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА".

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогресивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе — вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обмѣнъ уже объединили неразрывной духовной связью разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакція надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Широкая освѣдомленность, богатство справочнаго матеріала.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ спеціальнымъ и общественно-литературнымъ.

ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЮТЪ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ:

кн. З. Д. Аваловъ, свящ. К. М. Аггеевъ, С. А. Адріановъ, А. М. Александровъ, С. В. Аникинъ, С. Я Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчаниновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Велиховъ, Н. М. Волковыскій, Д. Д. Гриммъ, Э Д. Гриммъ, Н. А. Гредескулъ, П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гефдингъ, И. Н. Ефремовъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ, кн. С. П. Мансыровъ, В. В. Муйжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. И. Полнеръ, А. С. Посниковъ, А. Е. Пѣсняковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. ф.-Рутценъ, А. М. Рыкачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, кн. Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергежскій), С. Ф. Ромисъ, М. В. Челноковъ, С. П. Яремичъ, Г. Н. Штильманъ, А. А. Шахматовъ, С. Л. Франкъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м. — **12** р., на 6 м. — **6** р. **50** к., на 4 м. — **4** р. **50** к., на 3 м. — **3** р. **40** к., на 2 — **2** р. **30** к., на 1 м. **1** р. **20** к.

При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается **разсрочка**: при подпискѣ — 5 р., къ 1-му апрѣля — 4 руб. и къ 1-му августа — 3 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная **цѣна понижена**: на 12 м. — 9 р., на 9 м.—6 р. 75 к., на 6 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—2 р 40 к., на 1 м.—85 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му августа—2 р.

ПРОГРАММНЫЙ НОМЕРЪ (№ 1-й) имѣется на остаткѣ въ ограниченномъ количествѣ. Стоимость его съ перес.—7 к. Остальные номера, какъ пробные, въ одномъ экземплярѣ высыл. безпл.

Объявленія на льготныхъ условіяхъ — по дешевому тарифу.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 15-17. Телефонъ 121-54.
Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17. Телефонъ 121-54.
Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Русмолва".
Адресъ Отдѣленія Конторы: Невскій пр., домъ 27. Телефонъ 174-15.

Подписка принимается также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литерарура.

701. **Уайльдъ.** Герцогиня Падуанская.
702—705. **Флоберъ.** Мадамъ Бовари.
706. **Раффи.** Джалаледдинъ.
707. **Реймонтъ.** Изъ дневника.
708—711. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. **Агаронянъ.** Матери и др. разск.
713. **Мопассанъ.** Пышка и др. разсказы.
714. **Крагъ.** Стефанъ Іерпъ. Собака.
715—716. **Деларю-Мардрюсъ.** Наступленная.
717. **Мопассанъ.** Нездѣшній и др.
718—721. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. **Мендесъ.** Лесбія и др. разск.
723. **Верга.** Исторія одной малиновки.
724—727. **Вассерманъ.** Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. **Мопассанъ.** Пиетта.
729—731. **Дюма-сынъ.** Дама съ камеліями.
732. **Михаэлисъ.** Опасный возрастъ.
733—734. **Шиллеръ.** Разбойники.
735. **Мольеръ.** Скупой.
736—737. **Лоти.** Исландскій рыбакъ.
738. **Мелль.** Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739—742. **Диккенсъ.** Давидъ Копперфильдъ. Томъ III.
743. **Мопассанъ.** Домъ Телье.
744—747. **Бласко-Ибаньесъ.** Мертвые поведѣваютъ.
748. **Верлэнъ.** Избранныя стихотворенія.
749—750. **Ожешко, Э.** Мепръ Озофовичъ. Ч. I
751—752. **Ожешко, Э.** Мепръ Озофовичъ. Ч. II.
753. **Диккенсъ, Ч.** Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754—757. **Реймонтъ.** Мужики. Романъ Ч. IV. (Лѣто).
758. **Диккенсъ.** Колокола.
759—761. **Лагерлефъ, С.** Домъ Лиліекроны.
762. **Михаэлисъ, К.** Эльзи Линдтнеръ.
763. **Мопассанъ.** Лунный свѣтъ.
764—766. **Пшибышевскій, С.** Сумерки.
767. **Кастельнуово, Э.** Рыцари непорочной.
768—769. **Андрэ, П.** Мужскія письма.
770. **Байронъ.** Сарданапалъ.
771—773. **С. Михаэлисъ.** «1812. Вѣчный сонъ».
774. **Мопассанъ.** Напрасная красота.
775—780. **Г. Манъ.** Охота за любовью.
781. **Мопассанъ.** Оливковый садъ.
782—783. **Гейерстамъ.** Власть женщины.
784—785. **Ренье.** Необычайные любовники.
791—793. **Тетмайеръ.** Яносикъ Нендза Литмановскій.
794. **Бальзакъ.** Любовь подъ маской.
795—798. **Стриндбергъ.** Исповѣдь безумца.
799. **Гартлебенъ.** Гостепріимный пасторъ.
802—805. **Флоберъ.** Саламбо.
807—809. **Майнъ-Ридъ.** Ползуны по скаламъ.
810—811. **Мопассанъ.** Сказки дня и ночи.

Разсказы Джека Лондона.

431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская нѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.

Русская литература.

570. **Жуковскій.** Наль и Дамаянти.
571. **Жуковскій.** Рустемъ и Зорабъ.
572. Слово о полку Игоревѣ.
573. **Маркъ Крицицкій.** Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартевельдъ.
575—577. **Нарѣжный.** Бурсакъ.
578. **Богдановичъ, И. Ѳ.** Душенька.
579. **Ленскій, Д.** Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей, Л. А.** Царская невѣста.
581. **Мей, Л. А.** Псковитянка.
584. **Гусевъ-Оренбургскій.** Капитанъ Кукъ и др.
585. **Ковалевскій, К.** Жизнь-мгновеніе.
586. **Ѳ. Сологубъ.** Опечаленная невѣста.
587. **Толстой.** Отецъ Сергій.
590. **Л. Андресевъ.** Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Серія карманныхъ словарей.

601—604. Французско-русскій.
605—608. Русско-французскій карманный.
Цѣна каждаго словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова.** Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ.** Александръ I.
653—657. **Сегюръ.** Походъ въ Россію.
658. **В. Пичета.** Причины Отечественной войны.
659. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
661. **Т. Сократора (Алабина).** Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ.** Мины классической древности. Походъ аргонавтовъ.
663. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.
664. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. VI.
665—666. **Л. Гартманъ.** Паденіе античнаго міра.
667. **И. Тэнъ.** Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
669. **Дж. Уотсонъ.** Наслѣдственность.

Юбилейная литерат. (1613—1913).

670—671. **В. Пичета.** Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. **В. Филатовъ.** Родъ бояръ Романовыхъ.
673. **Е. Богрова.** Дмитрій I.
674. **М. Н. Коваленскій.** Московская смута XVII в. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Цѣна каждаго номера 10 коп. (Двойные выпуски — 20 к. Тройные выпуски — 30 к. Четверные выпуски — 40 к.)

Продажа во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются главной конторой наложеннымъ платежемъ.

Главная контора Кн-ва „ПОЛЬЗА" В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ „ПРОВИНЦІЯ“.
СПБ., Стремянная, 6. Тел. 86-20.

КНИГИ, НЕОБХОДИМЫЯ ПРИ СОСТАВЛЕНІИ БИБЛІОТЕКЪ:

1) **ТРУДЫ ВСЕРОССІЙСКАГО СЪѢЗДА по БИБЛІОТЕЧНОМУ ДѢЛУ.** 4 р. 50 к.
2) **ХАВКИНА.** Библіотеки, ихъ организація и техника. Ц. 3 р.
3) **ХАВКИНА.** Руководство для небольшихъ библіотекъ. Ц. 35 к.
4) **РУБАКИНЪ.** Среди книгъ, томъ 1-й. Ц. 3 р.
5) Указатель книгъ по исторіи и общественнымъ вопросамъ, подъ редакціей **Н. А. ГРЕДЕСКУЛА, С. Ф. ЗНАМЕНСКАГО и С. А. КНЯЗЬКОВА.** Ц. 2 р. 60 к.
6) **А. В. МЕЗІЕРЪ.** Русская словесность. Библіографическій указатель произведеній русской словесности въ связи съ исторіей литературы и критикой. Ц. 4 р.
7) **Н. А. РУБАКИНЪ.** Письма къ читателямъ о самообразованіи. Какъ начинающіе читатели должны приступить къ нему и какъ вести его. Ц. 2 р.
8) **А. М. ЛЕБЕДЕВЪ.** Въ помощь изучающимъ родную литературу. Ц. 35 к.
9) **ДЕРУНОВЪ.** Примѣрный библіотечный каталогъ. Избранная литература по всѣмъ отраслямъ знанія. Ц. 2 р.
10) Систематическій указатель литературы за 1911 г. Ц. 60 к.
11) Систематическій каталогъ книгъ вышедшихъ въ 1910 г. Ц. 25 к.
12) Указатель книгъ по учебной математической литературѣ. Ц. 15 к.
13) Обзоръ русскихъ хрестоматій, вып. 1-й Ц. 40 к.
14) **ВИТБЕРГЪ.** Указатель книгъ и статей по вопросамъ преподаванія исторіи русской литературы. Ц. 20 к.
15) Каталогъ книгъ по психол., педагогикѣ, гигіенѣ, анатоміи и физіол. Ц. 40 к.
16) Указатель книгъ по географіи. Ц. 45 к.
17) Указатель книгъ по естествознанію. Ц. 70 к.
18) Наглядныя учебныя пособія. Ц. 85 к.
19) **ПЕНКИНЪ.** Указатель учебныхъ руководствъ и пособій. Ц. 40 к.
20) **ЧАРНОЛУССКАЯ.** Указатель книгъ по дѣтскому чтенію, вышедш. въ 1911 г. Ц. 80 к.
21) Каталогъ книгъ для дѣтскаго чтенія, изд. дѣтск. библіот. Бередниковой. Ц. 65 к.
22) Новыя книги для дѣтей отъ 4 до 16 лѣтъ. Изд. дѣтской библіотеки Бередниковой. Ц. 60 к.
23) **Е. А. САВВИНЪ.** Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1908 г. Ц. 30 к.
24) **Е. А. САВВИНЪ.** Опытъ ежегодника дѣтской литературы. Дѣтская литература и журналистика за 1909—1910 г. Ц. 25 к.
25) **МАЛИНОВСКІЙ.** Избранныя книги изъ числа допущенныхъ Министерствомъ Нар. Просв. въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ. Ц. 25 к.
26) **СѢРОПСЛКО, С.** Народныя библіотеки. Ц. 15 к.
27) **ЛЕБЕДЕВЪ, А. И.** Дѣтская и народная литература, вып. 1-й Ц. 55 к.
28) **ПАНОВЪ.** Домашнія библіотеки. Ц. 40 к.
29) **НЕКРАСОВА, Е.** Народныя книги для чтенія, въ нихъ 25-ти лѣтней борьбѣ съ лубочными изданіями. Ц. 40 к.
30) Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослаго населенія. Томъ I ц. 1 р. 25 к., т. II ц. 1 р. 60 к., т. III ц. 1 р. 75 к., т. IV ц. 1 р. 75 к.
31) Библіографическій указатель популярной медицинской литературы, вып. 1-й 45 к., вып. 2-й 35 к.
32) Рецензіи общедоступныхъ книгъ по медицинѣ и гигіенѣ, вып. 1-й 50 к., вып. 2-й 70 к., вып. 3-й 40 к., вып. 4-й 30 к.
33) Что и какъ читать дѣтямъ. Журналъ за 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.
34) Бюллитени литературы и жизни. 1910—11 гг. Ц. 2 р., за 1911—1912 г. Ц. 3 р. Цѣна за 2 года въ перепл. 6 р. 50 к.

ПРИМАНКА „РЫБОЛИНЪ".

НЕОБХОДИМОЕ СРЕДСТВО для УСПѢШНАГО УЖЕНІЯ РЫБЫ.

При пользованіи этой приманкой не приходится сидѣть съ удочкой и ждать часами, когда рыба случайно наткнется на насадку. Примѣшанный къ насадкѣ „Рыболинъ" далеко распространяетъ въ водѣ любимый рыбами запахъ.

РЫБА НЕПРОИЗВОЛЬНО ПРИБЛИЖАЕТСЯ И КЛЮЕТЪ.

Большой флаконъ „РЫБОЛИНА" съ пересылкой и упаковкой 1 руб. 50 коп. Три большихъ флакона 3 руб. 50 к. Въ Азіатскую Россію добавляется по таксѣ.

Приманка „Рыболинъ" выпущена фирмою въ продажу уже болѣе десяти лѣтъ и употребляется всѣми московскими любителями.

Складъ „РЫБОЛИНА" для всей Россіи у изобрѣтателя.

И. ГЛАЗУНОВЪ, МОСКВА, Столешниковъ, № 8.

АБСОЛЮТНАЯ БЕЗВРЕДНОСТЬ ПРИМАНКИ ГАРАНТИРУЕТСЯ.

Каталогъ рыболовныхъ снастей съ образцами высыл. за 3 семи-коп. марки.

Открыта подписка на 1913 г.

на большую НОВУЮ, ежедневную, политическую прогрессивную, безпартійную газету

„РУССКАЯ МОЛВА".

Газета ставитъ своей задачей служить борьбѣ за право и культуру, за осуществленіе стремленій прогресивной и демократической Россіи. Въ странѣ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, совершается непрерывный политическій, экономическій и культурный ростъ. Отразить въ себѣ это неуклонное и несомнѣнное расширеніе жизни, дать ему правильное истолкованіе — вотъ главная задача новой газеты. Общегосударственная жизнь и постоянный культурный обмѣнъ уже объединили неразрывной духовной связью разноязычныя народности, входящія въ составъ государства. Принимаясь за новое дѣло, редакція надѣется, что найдетъ и сочувствіе, и откликъ, и живую поддержку въ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ раздѣлять ея стремленія.

Широкая освѣдомленность, богатство справочнаго матеріала.

Ежедневно въ справочномъ отдѣлѣ будетъ помѣщаться по возможности полный перечень новыхъ книгъ по вопросамъ спеціальнымъ и общественно-литературнымъ.

ВЪ ГАЗЕТѢ ПРИНИМАЮТЪ БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ:

кн. З. Д. Аваловъ, свящ. К. М. Аггеевъ, С. А. Адріановъ, А. М. Александровъ, С. В. Аникинъ, С. Я. Арефинъ, К. К. Арсеньевъ, А. А. Блокъ, А. Н. Брянчаниновъ, С. Н. Булгаковъ, Л. А. Велиховъ, Н. М. Волковыскій, Д. Д. Гриммъ, Э. Д. Гриммъ, Н. А. Гредескулъ, П. Гронскій, Любовь Гуревичъ, В. Ф. Гефдингъ, И. Н. Ефремовъ, И. В. Жилкинъ, М. М. Ковалевскій, С. А. Котляревскій, кн. Г. Е. Львовъ, Н. Н. Львовъ, А. Любимовъ, В. А. Маклаковъ, кн. С. П. Мансыровъ, В. В. Муйжель, М. М. Новиковъ, В. П. Обнинскій, кн. В. А. Оболенскій, С. Ф. Ольденбургъ, Т. И. Полнеръ, А. С. Посниковъ, А. Е. Пѣсняковъ, Д. Д. Протопоповъ, А. М. Ремизовъ, А. Н. ф.-Рутценъ, А. М. Рыкачевъ, Борисъ Садовской, М. А. Славинскій, А. А. Стаховичъ, П. Б. Струве, кн. Евг. Трубецкой, А. В. Тыркова (Вергежскій), С. Ф. Ромисъ, М. В. Челноковъ, С. П. Яремичъ, Г. Н. Штильманъ, А. А. Шахматовъ, С. Л. Франкъ и др.

Подписная цѣна съ доставкой: на 12 м. — **12** р., на 6 м. — **6** р. **50** к., на 4 м. — **4** р. **50** к., на 3 м. — **3** р. **40** к., на 2 — **2** р. **30** к., на 1 м. **1** р. **20** к.

При подпискѣ на годъ съ 1-го января допускается **разсрочка**: при подпискѣ — 5 р., къ 1-му апрѣля — 4 руб. и къ 1-му августа — 3 руб.

Для сельскихъ учителей и священниковъ, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшеровъ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ при непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору подписная **цѣна понижена**: на 12 м. — 9 р., на 9 м.—6 р. 75 к., на 6 м.—4 р. 50 к., на 3 м.—2 р. 40 к., на 1 м.—85 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ—4 р., къ 1-му апрѣля—3 р. и къ 1-му августа—2 р.

ПРОГРАММНЫЙ НОМЕРЪ (№ 1-й) имѣется на остаткѣ въ ограниченномъ количествѣ. Стоимость его съ перес.—7 к. Остальные номера, какъ пробные, въ одномъ экземплярѣ высыл. безпл.

Объявленія на льготныхъ условіяхъ — по дешевому тарифу.

Адресъ Главной Конторы: С.-Петербургъ, Троицкая ул., д. 15-17. Телефонъ 121-54.
Адресъ редакціи: Троицкая, 15-17. Телефонъ 121-54.
Адресъ для телеграммъ: Петербургъ, „Русмолва".
Адресъ Отдѣленія Конторы: Невскій пр., домъ 27. Телефонъ 174-15.

Подписка принимается также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и провинціи и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ и отдѣленіяхъ.

ТАКСА ОБЪЯВЛЕНІЙ:

Передъ текстомъ:

1 стр. . . . . 50 р.
1/2 стр. . . . . 30 р.
1/4 стр. . . . . 20 р.
1/8 стр. . . . . 15 р.

Послѣ текста:

1 стр. . . . . 35 р.
1/2 стр. . . . . 20 р.
1/4 стр. . . . . 14 р.
1/8 стр. . . . . 8 р.
строка петита . . 50 к.

№ 13 — Мартъ 1913 г.

БЮЛЛЕТЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ И ЖИЗНИ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на г.—3 р.; на 8 м.—2 р.; на 7 м.—1 р. 80 к.; на 1/2 г.—1 р. 50 к.; на 4 м.—1 р.; на 2 м.—75 к.; на 1 м.—35 к. За границу на г.—5 р.; на 1/2 г.—2 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № 20 к.
Перемѣна адреса 20 к.

Редакція и главн. контора: Москва, Арбатск. пл., Хлѣбный пер., д. 1. Тел. 44-67

Около церкви.

То, что намъ, какъ будто, „хорошо извѣстны" и общность нашей судьбы, и общность нашихъ страданій, и общность исканій нашего духа, не можетъ удовлетворить насъ. Пусть лучше— „мы знаемъ не столь достовѣрно", зато „чувствуемъ" интенсивно и ярко. Вѣдь, „чувствуемъ", а не „знаемъ"— способно только освѣтить и согрѣть нашу душу. И книжка священника С. Щукина, несомнѣнно, говоритъ больше сердцу, нежели уму; она „заставляетъ чувствовать", и, независимо отъ другихъ ея качествъ, въ этомъ ея большая заслуга [1]).

Авторъ книжки—служитель церкви, книжка его вся „около церкви", и читатель ея, какъ бы онъ ни былъ далекъ отъ церкви, невольно дѣлаетъ къ ней шагъ, а ставши ближе къ ней, онъ чувствуетъ себя уже не столь одинокимъ на своемъ земномъ пути. И эту нерушимую связь со всѣми „около церкви" онъ начинаетъ чувствовать съ первыхъ же строкъ, т. к. нѣкогда и онъ былъ среди „нихъ", которыхъ „приносятъ сюда (въ церкви) совсѣмъ крошечныхъ".

„Иногда они нарядны, въ красивыхъ кружевахъ, но чаще просто завернуты въ теплыя ватныя одѣяла. Откроешь и посмотришь: зашевелится сморщенное, красное, а иногда уже и теперь славное, крѣпкое личико, зачмокаютъ губы, лѣниво откроются и невольно закроются глаза. Старушка-бабка хлопотливо освобождаетъ ихъ отъ пеленокъ: кумъ часто хочетъ помочь, но иногда выпившій, почти всегда мѣшаетъ: помогаетъ кума. Маленькимъ людямъ холодно, когда я погружаю ихъ въ воду, они кричатъ, плачутъ и сопротивляются. Крещу, читаю молитвы; дѣтей уносятъ къ отцу, къ матери.

Откуда-то приносятъ, куда-то уносятъ. Идетъ время. Ихъ уже приводятъ родные, старшіе— такихъ милыхъ, съ ясными глазенками. Медленно они прикладываютъ пальчики ко лбу, къ груди, къ плечамъ и неумѣло, неловко кланяются, шепчутъ отдѣльныя, еще непонятныя слова молитвъ; изумленными, широко открытыми глазами смотрятъ на иконы.

А то сами придутъ два-три мальчика, двѣ-три дѣвочки. Станутъ вмѣстѣ, усердно крестятся, долго стоятъ, и вдругъ не выдержатъ, пошепчутся и что-то ихъ разсмѣшитъ. Быстро, быстро закрестятся, потомъ разомъ повернутся и застучатъ ногами къ церковнымъ дверямъ, удерживаясь, чтобы не разсмѣяться, и не въ силахъ это сдѣлать.

И что то веселое пройдетъ по церкви, когда вдали послышится ихъ сдержанный смѣхъ. Какъ-будто отъ этого смѣха равнодушный голосъ священника сталъ бодрѣе, улыбнулись молящіеся, и вдругъ задрожала веселымъ золотомъ паутина, прицѣпившаяся подъ потолкомъ алтаря.

Вотъ въ хорошее весеннее утро идетъ служба. Молодой и веселый лучъ солнца блеститъ на иконахъ, на позолотѣ церскихъ вратъ, на облаченіи священника. Стоитъ съ матерью хорошенькая дѣвочка въ бѣломъ. Станетъ на колѣни, стукнетъ лобикомъ въ полъ, какъ-то сбоку оглядываетъ оттуда всѣхъ лукаво и, поймавъ чей-нибудь взглядъ, смущенно встанетъ и начнетъ молиться. Большая, красивая муха вдругъ блеснула впереди въ золотѣ солнца. И дѣвочка позабыла и мать и молитву и (вдругъ) бросилась за мухой къ алтарю, къ царскимъ вратамъ. И ласково и смѣясь глазами, смотрѣли всѣ потомъ, когда она бѣжала обратно, напуганная и смущенная, вся освѣщенная ласковымъ свѣтомъ солнца, а церковный сторожъ, съ на-

[1]) Свящ. С. Щукинъ. „Около церкви". Сборникъ статей. Изд. „Путь". М. 1913 г. Ц. 1 р.

мѣренно страшнымъ выраженіемъ въ лицѣ, махалъ на нее руками.

Но идетъ время. И приходятъ вмѣсто мальчиковъ юноши, вмѣсто дѣвочекъ дѣвушки. Глаза веселые, любопытные; души свѣтлыя, открытыя добру, радости жизни. И Богъ ихъ свѣтлый, ясный и понятный. Онъ опредѣленно ясно говоритъ ихъ душѣ: въ мірѣ живетъ только добро, оно никогда не погибнетъ; добру, здоровью, радости—только имъ въ мірѣ „честь и мѣсто“. Жизнь прекрасна и широка передъ ними. И молятся они усердно, беззлобно, горячо, какъ святые.

Они отдали бы себя на служеніе правдѣ, но думаютъ, что это легко, не даетъ скорби, не мучитъ душу. Они спорили бы весело и не вѣря, если бы имъ сказали, что и злу даетъ мѣсто земля; и воевали бы во имя добра, и шли бы весело и радостно, не догадавшись, не успѣвъ понять, что гибнутъ.

Потомъ перерывъ. И одни уже совсѣмъ не приходятъ къ намъ, другіе, приходятъ, но какъ многое въ нихъ измѣнилось! Уже тѣнь земли легла на очень многихъ тяжело и устойчиво. Въ глазахъ видна печаль и, можетъ-быть, грѣхъ. Исчезъ нѣжный румянецъ щекъ. И грустны молитвы; и слова молитвъ не бодры, а полны сомнѣній. Усталость отъ жизни слышится въ нихъ.

И вѣра ихъ говоритъ: не только добру есть мѣсто въ мірѣ, но и злу, часто злу, страданію, горю, тоскѣ. Уже не споритъ противъ этого сердце, только плачетъ объ этомъ. И не смотрятъ впередъ посторженно, а все оглядываются назадъ, все смотрятъ кругомъ себя, съ тихой печалью, съ недоумѣніемъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше.

Рѣдко, рѣдко раздвинется предъ нимъ сумракъ непонятнаго, злого и смутнаго. Какъ будто покажется иногда край вѣчнаго неба, сверкающій ясностью истины, восторгомъ чудесной радости. Но не успѣютъ они уловить его мысль, не успѣютъ ощутить сердцемъ его поражающую красоту—его уже нѣтъ; и только скучнѣе дѣлаются туманы видимаго, безнадежно-ничтожнымъ количество и качество познаннаго; только больнѣе скорби дѣйствительности.

Изнемогаетъ мысль; и сердце ранится пораженіями самаго дорогого, чѣмъ горѣло оно. Тогда души многихъ начинаютъ быть терпимы и грустны. Дѣлаются люди снисходительны къ ошибкамъ ближняго, цѣнятъ даже незначительное участіе его, прощаютъ чужіе грѣхи, какъ простили себѣ. Потерявшіе много, полные сомнѣній и вѣры, они все же люб.
и недолгую радость ея; грустною и жалостною любовью любятъ ее, жалѣютъ человѣка и скорбятъ объ обидахъ его. И во Христѣ для нихъ цѣннѣе всего Его грусть и доброта; уязвленные ими, они и сами дѣлаютъ тихія дѣла любви къ ближнему, молятся о мірѣ печально и неотступно.

А души другихъ остаются твердыми и жестокими. Жизненный опытъ, какъ ненужное и безполезное дѣло, отрываетъ отъ этихъ снисходительность къ ошибкамъ, прощеніе чужимъ и своимъ увлеченіямъ, улыбки невѣдѣнію. Милосердіе, всепрощеніе они и во Христѣ считаютъ ошибкой. Только вѣрою превозмогая, только покрывая любовью, они не смотрятъ на эту сторону Христова дѣла, какъ вѣрные рабы закрываютъ глаза на ошибки господъ. Имъ кажется излишней ласковость къ людямъ, вредной мягкость, прощеніе недостигающимъ цѣли. Стойкіе и прямые, они стоятъ предъ людьми и предъ Богомъ, какъ обнаженные отъ ласкающей взоръ весенней зелени стоятъ осенью крѣпкіе и темные стволы деревьевъ. И молятся Богу сурово: „Воскресни, Боже, суди землю... Яви, Господи, въ людяхъ силу Твою“... Сколько горя, сколько людей, сколько молитвъ и стремленій противорѣчивыхъ.

Иногда высоко поднимается молитва: ее говоритъ правдивое сердце; знаешь, что побуждаетъ къ ней дѣйствительное, тяжелое, незаслуженное человѣкомъ, горе. И кажется: она скоро долетитъ до неба, ибо нѣтъ препятствій для ея силы и правды. Но видишь: уже устремлены къ Богу другіе глаза; въ нихъ о томъ же молитва, то же страданіе, та же обида. И чувствуешь, что, подвявшись обѣ, онѣ встрѣтятся, какъ враждебныя, и падутъ внизъ, уничтоживъ другъ друга.

И опять летитъ молитва, летитъ все къ Одному, съ тревогой, съ надеждой, съ вопросомъ: „Ты создалъ насъ, Ты намъ далъ душу, совѣсть, эти неудержимыя стремленія вверхъ и внизъ. Помоги же намъ!“

И кажется, это уже не отдѣльный человѣкъ молится, не о себѣ, не себѣ притязая получить нѣчто отъ другого съ болью для ближняго, съ обидой, со страданіемъ для него; кажется, что это общая человѣческая душа молитъ избавить ее отъ сѣтей многихъ жизни, молитъ о счастіи, о радости, молитъ съ робкой надеждой, а часто почти безнадежно; какую-то „сладкую“ скорбь и надежду „безнадежную“ неся въ себѣ.

Когда-то только одинъ воскликнулъ въ душевномъ смятеніи: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію!“ Теперь едва ли не всѣ одинаково восклицаютъ: „Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію. Хочу быть счастливымъ, возьми отъ меня жестокую скорбь моей жизни.

Жажду правды Твоей, избавь же меня отъ лжи, отъ которой устала, отъ которой плачетъ въ безсиліи одинокая моя душа".

И опять ихъ приносятъ, но не какъ раньше—крикливыхъ и безпокойныхъ. Молчаливые, спокойные, мертвые—они лежатъ теперь. Ихъ очень много. Видится низкая церковь въ нижнемъ этажѣ. Низкіе своды и подъ ними гробы, много гробовъ, чуть не всякій день. Клубится дымъ кадильный. Ходишь кругомъ гробовъ и вглядываешься въ мертвыя лица. Гдѣ-то въ сторонѣ люди плачутъ, стонутъ и вздыхаютъ. Ходишь, кланяешься и смотришь на мертвыхъ: что слышите вы, что видите? Говоришь: „слава Тебѣ, Боже, упованіе наше, слава Тебѣ!" Ты Одинъ знаешь все, куда-то ведешь, мы идемъ. Ты Одинъ знаешь.

„Ты одинъ знаешь", „Ты ведешь", но и мы порывались знать: куда мы идемъ? Зачѣмъ?

Есть жизнь, лежащая внѣ меня, и есть жизнь моя. Я смотрю въ мою жизнь, вглядываюсь въ грядущій мой день; но я тоже могу изслѣдовать находящееся внѣ меня; испытывать природу, изучать прошедшіе и грядущіе дни человѣчества. И тутъ и тамъ хочу найти смыслъ жизни, начала и цѣли ея, ея разумъ, ищу Бога.

Пути этихъ исканій различны. Одинъ путь—спокойный, надежный и вѣрный—идетъ чрезъ науку; другой—короткій и порывистый—идетъ чрезъ религію, черезъ храмъ.

Жизнь человѣчества и жизнь природы долга. Хоть та даль, въ туманѣ которой скрываются послѣднія цѣли ихъ, неопредѣленна, но она находится на той же почвѣ, на которой человѣчество, на которой природа всегда стояли и стоятъ сейчасъ. Между послѣднимъ пунктомъ жизни человѣчества и природы и между сегодняшнимъ ихъ днемъ мы не мыслимъ непереходимой пропасти, обрыва, который спускался бы въ другую, неземную, нездѣшнюю область. И когда хочу изслѣдовать ихъ жизнь, я иду по твердой, безобрывной дорогѣ. Въ моемъ распоряженіи богатство знаній, накопленныхъ прежде меня. Человѣчество раньше, чѣмъ я пришелъ въ міръ, добывало отвѣтъ, упорно и вѣками складывая мысль къ мысли, какъ кладутъ камень къ камню, отбрасывая ненужное и лживое. Я вхожу какъ собственникъ въ это зданіе, не мною построенное; беру знанія, найденныя другими, какъ свои; и имѣя впереди просторъ пути, конецъ котораго теряется въ безконечной дали, иду спокойно, осторожно и увѣренно; это неясно сегодня, но будетъ ясно завтра. У меня достаточно времени; есть полная возможность не отходить ни на шагъ отъ разслѣдованій безпристрастнаго, спокойнаго ума.

Путь же отдѣльнаго человѣка другой. Онъ слишкомъ коротокъ. Идя по землѣ, онъ скоро кончается обрывомъ, который ведетъ человѣка въ какую-то существенно иную, неземную область.

Я твердо знаю, что скоро и неизбѣжно приду къ этому обрыву. Поэтому и отвѣтъ на вопросъ: что я и что будетъ со мною?—мнѣ нуженъ сейчасъ, нуженъ сегодня. Я не могу отложить вопроса, ни на шагъ не могу уйти отъ него. Наука, исторія могутъ ждать, моя жизнь не ждетъ. Я скоро уйду отсюда. И важно для меня: я буду жить или нѣтъ? оправданъ я въ своихъ дѣлахъ или нѣтъ? Важно для меня это: я ухожу куда-то, ухожу; придетъ минута, и я останусь одинъ; не съ братомъ, не съ женою, не съ дѣтьми, не съ другомъ, не съ роднымъ народомъ. Отдѣлюсь отъ близкихъ и любимыхъ мною и одинъ пойду въ невѣдомый, но неизбѣжный мой путь.

И оттого, что я съ каждой минутой все ближе подхожу къ обрыву моей жизни и отвѣты мнѣ нужны сейчасъ, моя мысль устремлена сюда неотступно, мое требованіе отвѣта настойчиво, отношеніе къ вопросамъ страстно. И конечно, вслѣдствіе этого, мысль человѣка менѣе осторожна въ этой области; въ ней бываетъ личное, случайное, непровѣренное.

Но удивительно: результатъ исканій Бога путемъ науки и путемъ религіи получается не такой, какого бы слѣдовало ждать. Тамъ, въ наукѣ, для отысканія Бога берется только достовѣрное, точно провѣренное знаніе, съ устраненіемъ всего сомнительнаго и невѣрнаго. И однако ликъ Бога, полученный такимъ образомъ, оказывается неопредѣленен и смутенъ.

Еще почти не указала наука лица Божія; она дала лишь слабые намеки на Него, смутные, колеблющіяся при первомъ прикосновеніи, очертанія. Она не нашла, гдѣ ясная Божія мысль, еще не умѣетъ сказать, въ чемъ воля Его.

Оттого ли, что наука людей стоитъ пока невысоко, но Богъ, ею найденный, еще не есть Богъ живой, до такой степени онъ не живъ, что въ наукѣ возможны и законы и споры: есть Онъ или Его нѣтъ.

Здѣсь, въ религіи, въ храмѣ, элементы, изъ которыхъ складывается идея Бога, часто зыбки; въ нихъ много ненаучнаго, непровѣреннаго, страннаго. Но среди зыбкаго и непровѣреннаго ярко и выпукло видится Ликъ живого

Бога. Можетъ-быть „неваученъ“ Богъ храма, Богъ религіи, но Онъ живъ, живетъ всегда: утѣшаетъ, выпрямляетъ совѣсти, творитъ новую жизнь всякій день. И видна мысль этого Бога, и ясна и тверда о мірѣ и людяхъ воля Его.

И до того живъ Богъ религіи и церкви, что отъ человѣка, который увидалъ Его, уже никто Его не отниметъ. Убѣжденіе: „рече безумень въ сердѣ своемъ: нѣсть Богъ“ — сказано не человѣкомъ науки, но человѣкомъ, который слагалъ и пѣлъ церковные гимны въ честь Бога, скорбѣлъ: „вотъ я живу въ домѣ кедровомъ, а ковчегъ Божій находится подъ шатромъ“, и въ восторгѣ предъ этимъ ковчегомъ „скакалъ и игралъ“. Тамъ — около Бога науки — мнѣ холодно и одиноко; здѣсь — въ храмѣ — уютно, тепло, отдыхаетъ усталое сердце. Тамъ я могу холодно удивляться, благоговѣть предъ открывающимися „перспективами“, предъ великими „открытіями и изобрѣтеніями“. Сюда я прихожу плакать, радоваться, мечтать, и великаго отвлеченаго Бога, великую отвлеченную Силу чувствую, какъ живую Личность, которая утѣшаетъ меня въ горѣ, радуется моему счастію, поддерживаетъ мою мечту на высотѣ идеальнаго.

Здѣсь человѣческое *единится* съ Божіимъ.

Жизнь мою привесъ я съ собою въ міръ этотъ и съ нею исканія божественнаго. Ищу красоту, которой здѣсь нѣтъ, но отблескъ которой живетъ въ душѣ моей; правды жажду, которую вижу здѣсь только оскорбляемой, но которую душа требовательно хочетъ видѣть осуществленной. Всѣмъ человѣческимъ существомъ своимъ ищу я Бога моего. Давно, всегда, часто-часто, такіе отдѣльные люди, какъ я, все кричали Богу о помощи, все твердили Ему о своихъ обидахъ, все вопіяли, потрясая ранами души своей.

Долго былъ слышенъ по землѣ гулъ человѣческихъ жалобъ. И небеса наконецъ „преклонились“. Богъ сошелъ въ гущу человѣческаго, сошелъ какъ Человѣкъ, погрузился въ человѣческое. И вся бездна человѣческихъ мыслей, чувствъ, желаній, страданій — окружили милосерднаго Богочеловѣка и стали плакать надъ нимъ и надъ собою вмѣстѣ. И ужъ я не различаю въ церкви, не могу различить, гдѣ тутъ Божіе горе, гдѣ мое, гдѣ Его скорбь, гдѣ моя мука.

Въ Великій четвергъ, слушая „Страсти“, вся церковь тихо плачетъ. Спросите, и кто отвѣтитъ опредѣленно: плачетъ ли онъ о своей неудавшейся жизни, или о Христовыхъ страданіяхъ?

Какъ плотная ткань виситъ предъ человѣческимъ взоромъ міръ видимости. Въ немъ все устойчиво, имѣетъ свою причину, все разумно. Но стоитъ живой душѣ человѣка коснуться этого міра, какъ плотная ткань его превращается въ сѣть, въ которой на каждомъ шагу видны прорывы въ другой міръ, въ которомъ царитъ иная, намъ непонятная, логика, гдѣ другія цѣли, другая разумность.

Палъ дождь на сосѣднее поле; мое же, которое обработано съ одинаковымъ трудомъ, съ неменьшей любовью, — мое высушилъ вѣтеръ. Наука скажетъ причину дождя и причину вѣтра. Но вечерывающія для меня, — для меня эти причины не будутъ достаточны. Ибо оттого, что засуха постигла мою землю, отъ этого я и моя семья голодны и должны испытать невзгоды и тоску нищей жизни. И наука не скажетъ мнѣ, почему я или моя семья, или сосѣдъ мой, почему кто-нибудь изъ насъ долженъ стать несчастнымъ.

И я безъ сожалѣнія разрываю обступившій меня со всѣхъ сторонъ понятный и ясный міръ видимости и вглядываюсь въ то неясное, что лежитъ за нимъ; чувствую, что лишь тамъ смогу найти разумность, которая разъяснила бы жестокость ко мнѣ здѣшняго міра.

Жизнь мою я принесъ съ собою въ этотъ міръ, но въ ней все — ея горе и ея радость — ведутъ меня къ міру иному. Пахнула радость „нежданно-негаданно“. Я не заслужилъ ея и недостоинъ ея. Но вотъ она во мнѣ: трепещетъ и свѣтитъ и наполняетъ душу мою. Убѣждаюсь: ее далъ Богъ мой. И родитъ радость моя Бога моего.

Заслужилъ ли я горе это? Заслужилъ ли мученія смерти моего ребенка, заслужилъ ли онъ мученія своей смерти? Нѣтъ; но горе есть во мнѣ; оно тяжело опустошаетъ душу мою, ибо мертвъ ребенокъ мой, еще недавно милый, ласковый и радостный. И горе, какъ радость, родитъ мнѣ Бога моего.

Измѣнчивы, какъ бы случайны, но постоянны бываютъ эти прорывы въ нашей жизни въ иную область, и точно такъ же случайны, даже какъ бы неразумны, но непстребимы, но постоянны наши отвѣты на то, что мы видимъ тамъ.

„Трезвонимъ“ въ колокола при радости; „перезваниваемъ“ въ печали; усиливая молитву, мы „кадимъ“ передъ Господомъ; зажигаемъ свѣчи; „бьемъ“ поклоны передъ образами. Свѣча, колокольный звонъ, ладанъ — какія все случайныя и какъ бы ненужныя вещи.

Но какъ, случайно просвѣчивающіе сквозь свѣтъ видимаго, клочки иного міра, собранные вмѣстѣ мыслью, особенно же горячимъ „жела-

вѣмъ сердца" человѣка, являютъ изъ себя цѣлое бытіе, въ центрѣ котораго стоитъ Тотъ, Кого мы называемъ Богомъ,—такъ случайные и наивные отвѣты человѣка, собранные вмѣстѣ, являютъ цѣльную личность человѣка въ ея отношеніи къ Богу. Свѣча, ладанъ и звуки колокола, какъ средства связи съ потусторонннмъ міромъ, взятыя отдѣльно отъ того сложнаго, что составляетъ религію, случайны и непонятны, но они столь же случайны, какъ случайно то, что мое поле побито градомъ, что смерть унесла у меня ребенка; они столь же непонятны какъ непонятно мнѣ кажется землетрясеніе въ Мессинѣ.

Они не двинутъ впередъ науки, но согрѣютъ сердце; они не внесутъ новаго въ научное понятіе о Богѣ, но пріоткрываютъ Его сердцу до того, что сомнѣніе въ Немъ кажется безумнымъ.

Случайное и неразумное—все это тѣсно связано съ міромъ вѣчнаго.

Помните стихи:

„Вечерній звонъ, вечерній звонъ!
Какъ много думъ наводитъ онъ
О юныхъ дняхъ въ краю родномъ,
Гдѣ я любилъ, гдѣ отчій домъ—
И какъ я, съ нимъ на вѣкъ простясь,
Тамъ слушалъ звонъ въ послѣдній разъ".
(И. И. Козловъ.)

Чувства первой любви бываютъ сильны и глубоко ложатся въ душѣ человѣка. Однако, вмѣстѣ съ этими чувствами поэтъ помнитъ впечатлѣніе отъ колокольнаго звона. Сильныя чувства любви не заглушали ударовъ звона; онъ былъ услышанъ и хранился въ памяти вмѣстѣ съ самымъ дорогимъ и незабываемымъ.

Впечатлѣніе отъ колокольнаго звона что могло придать земнымъ — по преимуществу — чувствамъ любви?

Оно не ухудшило ихъ, съ ними соединившись; но возвысило, украсило высокой мечтательностью поэзіи, чистыми восторгами религіи. Въ данномъ случаѣ вечерній звонъ гораздо очевиднѣе сблизилъ то, что усердно стараются сблизить нѣкоторые изъ современныхъ писателей, на крайнихъ пунктахъ чего находится, съ одной стороны—размноженіе, съ другой—высоты религіи.

Изъ новѣйшихъ писателей Чеховъ часто и съ любовью говоритъ о звонѣ колоколовъ. „Изъ Обшина лѣтомъ носили икону крестнымъ ходомъ по сосѣднимъ деревнямъ, и звонили цѣлый день то въ одномъ селѣ, то въ другомъ, и казалось тогда преосвященному, что радость дрожитъ въ воздухѣ, и онъ (тогда его звали Павлушей) ходилъ за иконой безъ шапки, босикомъ, съ наивной вѣрой, съ наивной улыбкой, счастливый безконечно" („Архіерей"). И вѣрно многіе испытали сладкое чувство грусти, слушая церковный звонъ, слушая религіозныя, задумчивыя рѣчи, которыя удары колокола заставляютъ говорить душѣ и лѣсу, и рѣкѣ, и этотъ вечеръ, тихо идущій къ намъ съ дальняго края широкаго поля. Въ тишинѣ умирающаго дня онъ растворяется въ душѣ грустною и сладкою думой: ты уйдешь отсюда, уйдешь! Береги же землю и радость ея; проникнись жалостью къ живущему, благодарностью къ Сотворившему все.

Горитъ свѣча предъ иконой. Я думаю: кто-то поставилъ ее, кто-то „подалъ на свѣчку". Маленькій, колеблющійся и мигающій ея свѣтъ есть часть чьей-то души: тутъ чья-то мысль трепещетъ; чье-то сердце волнуется, страдетъ, радуется, о чемъ-то молитъ. И все это устремлено туда, куда и мое сердце и моя мысль. Какъ это окрыляетъ, какъ что-то пріоткрываетъ въ вѣчности. Ничтожное, едва замѣтное „оконце", но чрезъ него я гляжу въ то громадное, что неотрывно притягиваетъ къ себѣ мою душу.

Богъ великъ и всеобъемлющъ, душа же моя узка и убога. Но какія-то струны въ моей душѣ есть, которыя отвѣтно звучатъ Богу, что-то въ Немъ я начинаю понимать — и именно чрезъ это „случайное и неразумное", чрезъ огонь восковой свѣчки, чрезъ кадильный дымъ, чрезъ звонъ колокольный.

Дорогимъ и важнымъ дѣлается для меня это случайно и непужное"...

Современное искусство съ точки зрѣнія идеолога марксизма.

Въ послѣднихъ книжкахъ „Современника" за истекшій годъ и въ первой книжкѣ текущаго напечатаны статьи Г. В. Плеханова, объединенныя и общей темой и заглавіемъ: „Искусство и общественная жизнь". Задачей автора было—разсмотрѣть съ различныхъ сторонъ признаки и причины нынѣшняго упадка „буржуазнаго" искусства и литературы. Мы выдѣлимъ главныя разсужденія и выводы г. Плеханова, составляющіе, такъ сказать, фасадъ его идейной постройки.

Если Пушкинъ,—пишетъ онъ,—и современные ему романтики упрекали „толпу" въ томъ, что ей слишкомъ дорогъ печной горшокъ, то вдохновители нынѣшнихъ нео-романтиковъ упрекаютъ ее въ томъ, что она слишкомъ пяло

отстаиваетъ его, т.-е. въ томъ, что она не достаточно дорожитъ имъ. Отъ всей души ненавидя „сонныхъ“, нео-романтики хотятъ движенія. Но движеніе, къ которому они стремятся, есть *охранительное* движеніе, въ его противоположности *освободительному* движенію нашего времени. Въ этомъ вся тайна ихъ психологіи. И въ этомъ же тайна того, что даже самые талантливые изъ нихъ не могутъ создать такихъ значительныхъ произведеній, какія они создали бы при другомъ направленіи своихъ общественныхъ симпатій и при другомъ складѣ ихъ образа мыслей.

Когда художники становятся слѣпыми по отношенію къ важнѣйшимъ общественнымъ теченіямъ своего времени, тогда очень сильно понижается въ своей внутренней стоимости природа идей, выражаемая ими въ своихъ произведеніяхъ. А отъ этого непзбѣжно страдаютъ и эти послѣднія.

Когда талантливый художникъ вдохновляется ошибочной идеей, тогда онъ портитъ свое собственное произведеніе. А современному художнику невозможно вдохновиться правильной идеей, если онъ желаетъ отстаивать буржуазію въ ея борьбѣ съ пролетаріатомъ.

Что художникамъ, стоящимъ на буржуазной точкѣ зрѣнія, теперь несравненно труднѣе, чѣмъ прежде, послѣдовательно держаться теоріи искусства для искусства, это признаютъ, между прочимъ, и они сами. „Роль безразличнаго лѣтописца,—говоритъ Буржэ въ пьесѣ „La Barricade“,— невозможна для ума, способнаго мыслить, и для сердца, способнаго чувствовать, когда рѣчь идетъ объ этихъ ужасныхъ внутреннихъ войнахъ, отъ которыхъ зависитъ, какъ кажется по временамъ, вся будущность отечества и цивилизаціи“. Человѣкъ, обладающій мыслящимъ умомъ и отзывчивымъ сердцемъ, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ гражданской войны, происходящей въ современномъ обществѣ. Если его поле зрѣнія сужено буржуазными предразсудками, онъ окажется по одну сторону „баррикады“; если онъ этими предразсудками не зараженъ, то—по другую. Это такъ. Но не всѣ дѣти буржуазіи,—да, конечно, и всякаго другого класса,—обладаютъ мыслящимъ умомъ. Тѣ же изъ нихъ, которые мыслятъ, не всегда имѣютъ отзывчивое сердце. Такимъ и теперь легко оставаться послѣдовательными сторонниками теоріи искусства для искусства.

Она, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ равнодушію къ общественнымъ,—хотя бы и узко классовымъ,—интересамъ. А буржуазный общественный строй едва ли не больше всякаго другого можетъ развить подобное равнодушіе. Гдѣ цѣлыя поколѣнія воспитываются въ духѣ пресловутаго принципа: каждый за себя, а Богъ за всѣхъ,—тамъ весьма естественно появленіе эгоистовъ, думающихъ только о себѣ и интересующихъ только собою. И мы въ самомъ дѣлѣ видимъ, что въ средѣ современной буржуазіи такихъ эгоистовъ встрѣчается едва-ли не больше, чѣмъ когда бы то ни было. На этотъ счетъ у насъ есть весьма цѣнное свидѣтельство одного изъ самыхъ видныхъ ея идеологовъ, именно—Морриса Баррэса.

„Наша нравственность, наша религія, наше національное чувство, все это рушилось,—говоритъ онъ.—Мы не можемъ заимствовать изъ нихъ жизненныхъ правилъ. И въ ожиданіи того времени, когда наши учителя установятъ для насъ достовѣрныя истины, намъ приходится держаться за единственную реальность, за наше „я“ („Sous l'oeil des Barbares“).

Когда у человѣка все „рушилось“, кромѣ его собственнаго „я“, тогда ничто не мѣшаетъ ему играть роль свокойнаго лѣтописца великой войны, происходящей въ нѣдрахъ современнаго общества. Вѣрочемъ, нѣтъ. И тогда есть нѣчто мѣшающее ему играть эту роль. Этимъ нѣчто будетъ какъ разъ то отсутствіе всякаго общественнаго интереса, которое такъ ярко характеризуется въ приведенныхъ мною строкахъ Баррэса. Зачѣмъ станетъ выступать въ качествѣ лѣтописца общественной борьбы человѣкъ, нимало не интересующійся ни борьбой, ни обществомъ? Все, касающееся такой борьбы, будетъ навѣвать на него непреодолимую скуку. И если онъ художникъ, то онъ въ своихъ произведеніяхъ не сдѣлаетъ ни нее и намека. Онъ и тамъ будетъ заниматься „единственной реальностью“, то-есть своимъ „я“. А такъ какъ его „я“ можетъ все-таки соскучиться, не имѣя другого общества, кромѣ самого себя, то онъ придумаетъ для него фантастическій, „вотусторонній“ міръ, высоко стоящій надъ землею и надъ всѣми земными „вопросами“. Такъ и дѣлаютъ многіе изъ нынѣшнихъ художниковъ.

По словамъ Леконта де-Лилля, поэзія даетъ теперь идеальную жизнь тому, у кого уже нѣтъ жизни реальной. А когда у человѣка прекращается всякое духовное общеніе съ окружающими его людьми, тогда его идеальная жизнь теряетъ всякую связь съ землею. И тогда его фантазія уноситъ его на небо, тогда онъ становится мистикомъ. Насквозь пропитанный мистицизмомъ, интересъ ея къ общественнымъ вопросамъ не имѣетъ въ себѣ ровно ничего плодотворнаго.

У Сергѣева-Ценскаго поручикъ Бабаевъ говоритъ: „блѣдная немочь выдумала искусство“.

философствующій сынъ Марса сильно задается, полагая, что *всякое* искусство мано блѣдной немочью. Но совершенно споримо, что искусство, стремящееся къ то- „чего нѣтъ на свѣтѣ“ [1]). создается „блѣдй немочью“. Оно характеризуетъ собою упакъ цѣлой системы общественныхъ отношеній, потому очень удачно называется декадентскимъ.

Когда человѣкъ расположенъ считать свое „я“ единственной реальностью, внѣшній міръ будетъ интересовать его лишь постольку, поскольку онъ такъ или иначе касается все того же драгоцѣннаго „я“. У Зудермана, въ его очень интересной пьесѣ „Das Blumenboot“, баронесса Эрффлингенъ говоритъ своей дочери Пэѣ въ первой сценѣ второго дѣйствія: „Люди нашего разряда существуютъ затѣмъ, чтобы изъ вещей этого міра создавать что-то въ родѣ веселой панорамы, которая проходитъ передъ нами, или, вѣрнѣе, *кажется* проходящей. Потому что на самомъ-то дѣлѣ въ движеніи находимся мы. Это несомнѣнно. И при этомъ намъ не надо никакого балласта“. Этими словами какъ нельзя лучше обозначена жизненная цѣль людей того разряда, къ которому принадлежитъ госпожа Эрффлингенъ, людей, которые съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ могутъ повторить слова Баррэса: „единственная реальность это наше „я“. Но люди, преслѣдующіе такую жизненную цѣль, будутъ смотрѣть на искусство лишь какъ на средство такъ или иначе разукрасить ту панораму, которая „*кажется*“ проходящей передъ ними. При этомъ они и здѣсь постараются не обременить себя какимъ-нибудь балластомъ. Они или совсѣмъ будутъ пренебрегать идейнымъ содержаніемъ произведеній искусства, или будутъ подчинять его капризнымъ и измѣнчивымъ требованіямъ своего крайняго субъективизма.

Обратимся къ живописи.

Уже импрессіонисты обнаружили полное равнодушіе къ идейному содержанію своихъ произведеній. Одинъ изъ нихъ сказалъ, весьма удачно выражая убѣжденіе, свойственное имъ всѣмъ: „свѣтъ есть главное дѣйствующее лицо въ картинѣ“. Но ощущеніе свѣта есть именно только ощущеніе, то-есть *пока еще* не чувство, *пока еще* не мысль. Художникъ, ограничивающій свое вниманіе областью ощущеній, остается равнодушнымъ къ чувству и къ мыслямъ. Онъ можетъ написать хорошій пейзажъ. И въ самомъ дѣлѣ, импрессіонисты написали много превосходнѣйшихъ пейзажей. Но пейзажъ, это—еще не вся живопись. Вспомнимъ „Тайную Вечерю“ Леонардо да-Винчи и спросимъ себя: свѣтъ-ли былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой знаменитой фрескѣ?

Нѣкоторые французскіе критики сравнивали импрессіонизмъ съ реализмомъ въ художественной литературѣ. Это сравненіе не лишено основанія. Но если импрессіонисты были реалистами, то ихъ реализмъ долженъ быть признанъ совершенно поверхностнымъ, не идущимъ дальше „коры явленій“. И когда этотъ реализмъ завоевалъ себѣ широкое мѣсто въ современномъ искусствѣ,—а онъ неоспоримо завоевалъ его,—тогда живописцамъ, воспитаннымъ подъ его вліяніемъ, оставалось одно изъ двухъ: или мудрствовать лукаво надъ „корою явленій“, придумывая новые, все болѣе и болѣе удивительные и все болѣе и болѣе искусственные свѣтовые эффекты, или же попытаться проникнуть дальше „коры явленій“, понявъ ошибку импрессіонистовъ и сознавъ, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ картинѣ является не свѣтъ, а человѣкъ съ его многоразличными переживаніями.

И мы, дѣйствительно, видимъ и то, и другое въ современной живописи. Сосредоточеніе интереса на „корѣ явленій“ вызываетъ къ жизни тѣ парадоксальныя полотна, передъ которыми въ недоумѣніи разводятъ руками самые снисходительные критики, признавая, что современная живопись переживаетъ „кризисъ безобразія“. А сознаніе невозможности ограничиться „корою явленій“ заставляетъ искать идейнаго содержанія, т.-е. поклоняться тому, что сжигали еще такъ недавно. Однако, сообщить идейное содержаніе своимъ произведеніямъ не такъ легко, какъ это можетъ показаться. Идея не есть нѣчто, существующее независимо отъ дѣйствительнаго міра. Идейный запасъ всякаго даннаго человѣка опредѣляется и обогащается его отношеніями къ этому міру. И тотъ, чьи отношенія къ этому міру сложились такъ, что онъ считаетъ свое „я“ „единственной реальностью“, неизбѣжно становится круглымъ бѣднякомъ по части идей. У него не только нѣтъ ихъ, но, главное, нѣтъ возможности до нихъ додуматься. И, какъ, за неимѣніемъ хлѣба, люди ѣдятъ лебеду, такъ, за неимѣніемъ ясныхъ идей, они довольствуются смутными намеками на идеи, суррогатами, подчеркиваемыми въ мистицизмѣ, въ символизмѣ и въ другихъ подобныхъ „измахъ“, характеризующихъ собою эпохи упадка. Короче, въ живописи повторяется то, что мы уже видѣли въ беллетристикѣ: реа-

---

[1]) „О, пусть будетъ то, чего не бываетъ,
Никогда не бываетъ!
. . . . . .
Мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ,
Чего нѣтъ на свѣтѣ“.
(*З. Гиппіусъ*).

лизмъ падаетъ вслѣдствіе своей внутренней безсодержательности; торжествуетъ идеалистическая реакція.

Субъективный идеализмъ всегда опирается на ту мысль, что нѣтъ никакой другой реальности, кромѣ нашего „я“. Но понадобился весь безпредѣльный индивидуализмъ эпохи упадка буржуазіи для того, чтобы сдѣлать изъ этой мысли не только эгоистическое правило, опредѣляющее взаимныя отношенія между людьми, каждый изъ которыхъ „любитъ себя, какъ Бога“, — буржуазія никогда не отличалась избыткомъ альтруизма, — но также и теоретическую основу новой эстетики.

Крайній индивидуализмъ эпохи буржуазнаго упадка закрываетъ отъ художниковъ всѣ источники истиннаго вдохновенія. Онъ дѣлаетъ ихъ совершенно слѣпыми по отношенію къ тому, что происходитъ въ общественной жизни, и осуждаетъ на безплодную возню съ совершенно безсодержательными личными переживаніями и болѣзненно фантастическими вымыслами. Въ окончательномъ результатѣ такой возни получается нѣчто, не только не имѣющее какого бы то ни было отношенія къ какой бы то ни было красотѣ, но и представляющее собою очевидную нелѣпость, которую можно защищать лишь съ помощью софистическаго искаженія идеалистической теоріи познанія. (Напр., такъ-наз. кубизмъ въ живописи).

У Пушкина „холодный и надменный народъ“ „безсмысленно“ внимаетъ поющему поэту. Пушкинъ видѣлъ, что смѣшно было бы давать „смѣлые“ уроки бездушной свѣтской толпѣ; она ничего не поняла бы въ нихъ. Онъ былъ правъ, гордо отворачиваясь отъ нея. Больше того, онъ былъ не правъ тѣмъ, что, къ великому несчастью русской литературы, не достаточно отъ нея отвернулся. Но теперь, въ передовыхъ капиталистическихъ странахъ отношеніе къ народу поэта и вообще художника, не сумѣвшаго совлечь съ себя пошлаго буржуазнаго человѣка, прямо противоположно тому, какое мы видимъ у Пушкина: теперь въ пошлости можно упрекнуть уже не „народъ“, уже не тотъ настоящій народъ, — передовая часть котораго становится все болѣе и болѣе сознательной, — а художниковъ, которые „безсмысленно“ внимаютъ исходящимъ отъ народа благороднымъ призывамъ.

Я не говорю: современные художники „*должны*“ вдохновляться освободительными стремленіями пролетаріата. Нѣтъ, если яблоня *должна* родить яблоки, а грушевое дерево приносить груши, то художники, стоящіе на точкѣ зрѣнія буржуазіи, *должны* возставать противъ указанныхъ стремленій. *Искусство временъ упадка „должно“* быть упадочнымъ (декадентскимъ). Это неизбѣжно. И напрасно мы стали бы „возмущаться“ этимъ. Но, какъ справедливо говоритъ Манифестъ Коммунистической Партіи, „въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія“.

Между буржуа-идеологами, переходящими на сторону пролетаріата, мы видимъ очень мало художниковъ. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что „возвыситься до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія“ могутъ только тѣ, которые *думаютъ*, современные же художники, — въ отличіе, напримѣръ, отъ великихъ мастеровъ эпохи Возрожденія, — думаютъ чрезвычайно мало. Но какъ бы тамъ ни было, можно съ увѣренностью сказать, что всякій сколько-нибудь значительный художественный талантъ въ очень большой степени увеличитъ свою силу, если проникнется великими освободительными идеями нашего времени. Нужно только, чтобы эти идеи вошли въ его плоть и въ его кровь, чтобы онъ выражалъ ихъ именно какъ художникъ. Нужно также, чтобы онъ умѣлъ оцѣнить по его достоинству художественный модернизмъ нынѣшнихъ идеологовъ буржуазіи. Господствующій классъ находится теперь въ такомъ положеніи, что *итти впередъ* значитъ для него *опускаться внизъ*. И эту печальную судьбу раздѣляютъ съ нимъ всѣ его идеологи: наиболѣе передовые изъ нихъ это какъ разъ тѣ, которые опустились ниже всѣхъ своихъ предшественниковъ [1]).

Какъ отразился на модернизмѣ гнетъ капиталистическаго строя.

Снова обращаемся мы къ литературѣ „мятежныхъ и мятущихся“. Снова направляемъ

[1]) Въ этомъ и заключается разгадка того, на первый взглядъ непонятнаго и даже, пожалуй, невѣроятнаго явленія, что въ странахъ экономически отсталыхъ идеологія господствующихъ классовъ нерѣдко оказывается гораздо болѣе высокой, нежели въ передовыхъ.

вниманіе читателя на фактъ „постепеннаго удаленія веселаго, беспечнаго смѣха и юмора“ изъ произведеній западно-европейскихъ писателей послѣднихъ десятилѣтій, на „все большее исчезновеніе *бодраго* и *здороваго* отношенія къ жизни“ (см. „Бюл“ № 11). Но уже съ иной точки зрѣнія заглянемъ въ хаотическую гущу современной намъ „изящной“ литературы. И передъ нами откроются еще болѣе мрачныя, даже отвратительныя, извилины ея — еще болѣе „мучительное и противорѣчивое, неразрѣшимое и трагически-безвыходное“ въ ней.

Среди новинокъ книжнаго рынка — книга „Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ“. Авторъ ея, Ф. Фриче, задался цѣлью описать кошмарное художественное творчество трехъ эпохъ: позднѣйшаго ренессанса, романтизма и нашего времени (начиная съ конца XIX в.), а главное — вскрыть породившія это искусство *соціальныя* причины.

„Въ исторіи,— говоритъ В. Фриче,— бывали и бываютъ эпохи, когда все общество или извѣстные его классы смотрятъ на міръ глубоко пессимистически, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Въ такіе періоды искусство и литература естественно окрашены въ черный цвѣтъ. Жизнь изображается въ нихъ, какъ каторга или застѣнокъ. Изо всѣхъ угловъ выглядываютъ безобразные лики дьяволовъ и чудовищъ, женщина превращается въ вѣдьму, вселенная производитъ впечатлѣніе дикаго кошмара, ужаса и безумія.

Такіе періоды пессимистическаго творчества совпадаютъ съ періодами крупныхъ соціальныхъ кризисовъ, отъ которыхъ страдаетъ или все общество или значительная часть составляющихъ его классовъ.

Развитіе торговаго капитализма въ XV и XVI вв., возникновеніе индустріализма въ концѣ XVIII и началѣ XIX в., наконецъ, побѣдоносный расцвѣтъ капиталистической промышленности въ концѣ XIX и въ началѣ XX в. сопровождались распадомъ значительной части классовъ, ломкой старыхъ формъ быта, гибелью старыхъ идеаловъ, необходимостью приспособленія къ вновь создавшимся условіямъ существованія. На этой почвѣ и расцвѣла такъ пышно сумрачная поэзія, отражавшая жизнь, какъ сказку ужаса и безумія.

Другими словами: разсматриваемое нами теченіе въ искусствѣ и литературѣ, все вновь и вновь всплывавшее, все вновь и вновь торжествовавшее, переводило на языкъ художественныхъ образовъ совершавшійся въ жизни соціальный кризисъ, было симптомомъ болѣзни, разъѣдавшей общественный организмъ“.

Наибольшій, живѣйшій для насъ интересъ представляетъ, понятно, глава, посвященная третьей изъ этихъ эпохъ: “Модернизмъ (Апологей капитализма)“.

„Во второй половинѣ XIX в. капитализмъ достигаетъ своего высшаго развитія, вторгается и въ такія страны, которыя раньше были ему закрыты, окончательно перестраиваетъ бытъ уже покоренныхъ имъ владѣній.

И по мѣрѣ того, какъ совершался этотъ процессъ, замѣчается въ господствующей буржуазіи стремленіе создать эпикурейски-эстетическое міровоззрѣніе, которое соотвѣтствовало бы матеріальнымъ предпосылкамъ ея существованія.

Всюду много и громко говорятъ о новомъ Ренессансѣ.

Искусство второй половины XIX в. все болѣе ставитъ себѣ цѣлью не проповѣдь тѣхъ или другихъ моральныхъ или соціальныхъ идей, а просто красочное, ласкающее глазъ, воспроизведеніе дѣйствительности, независимо отъ важности затронутой художникомъ стороны жизни. Пышно расцвѣтаетъ художественная промышленность, стремящаяся эстетизировать предметы обихода, сдѣлать будничную дѣйствительность красивой и изящной. Въ литературѣ пробивается цѣлое теченіе, проникнутое языческой жизнерадостностью, культомъ красоты и наслажденія, нашедшее своихъ, наиболѣе яркихъ, представителей въ лицѣ Оскара Уайльда, Аннунціо и Генриха Манна.

Однако, на ряду съ этимъ жизнерадостнымъ, эпикурейски-эстетическимъ теченіемъ замѣчается въ новѣйшемъ искусствѣ и въ новѣйшей литературѣ Запада другое направленіе, прямо противоположное, дышащее мрачно-фантастическимъ пессимизмомъ, возрождающее мотивы и образы поздняго Ренессанса и вѣка романтики.

Въ современномъ обществѣ существуетъ несомнѣнная, пока еще мало изслѣдованная, связь между смѣной оптимистическихъ и пессимистическихъ теченій въ творчествѣ, и смѣной періодовъ расцвѣта и упадка экономической жизни.

Есть однако основаніе думать, что моменты хозяйственной депрессіи или устойчивости не столько порождаютъ пессимистическую или оптимистическую окраску художественныхъ произведеній, — хотя до извѣстной степени это такъ, — а скорѣе создаютъ среди публики спросъ на ту или другую литературу. Что же касается свѣтлаго или мрачнаго колорита самихъ художественныхъ произведеній, то онъ въ большинствѣ случаевъ обусловленъ болѣе глубокими органическими причинами. Иначе: въ

моментъ экономической депрессіи, напр., публика будетъ съ особенной охотой читать мрачныя произведенія, но эти мрачныя произведенія все равно возникли бы — за нѣкоторыми исключеніями — и въ періодъ хозяйственнаго расцвѣта, ибо самое художественное творчество вырастаетъ изъ болѣе глубокихъ нѣдръ соціальной жизни и не можетъ быть объяснено одной только модой. Конечно, въ эпоху экономическаго расцвѣта, когда вся публика или значительная ея часть настроена на жизнерадостный тонъ, писатель-пессимистъ будетъ вногда стараться поддѣлаться подъ это господствующее настроеніе, но, конечно, неудачно.

Новый подъемъ кошмарной поэзіи, вызванный довольно разнообразными, въ конечномъ счетѣ однако исключительно соціальными причинами, относится къ концу XIX и началу XX в., но отдѣльныя его проявленія, отдѣльные его симптомы замѣчаются и раньше. Отличаясь первоначально болѣе индивидуальнымъ характеромъ, это мрачно-фантастическое направленіе съ теченіемъ времени становится все болѣе массовымъ, все болѣе соціальнымъ, чтобы занять, наконецъ, очень значительный уголокъ, цѣлую „провинцію“ въ новѣйшемъ творчествѣ,— въ такъ называемомъ модернизмѣ.

Въ 1857 г. вышли „Цвѣты зла“ Бодлера. Это — „прологъ“ модернизма, подобно тому, какъ творчество Эдгарда По было „эпилогомъ“ романтизма.

Пригнетающая власть денежной буржуазіи, жалкое положеніе интеллигенціи, обреченной на существованіе богемы, подавляющій укладъ большого города, крайняя нервозность, вызванная всѣмъ строемъ современной жизни — все располагало поэта смотрѣть на жизнь, какъ на злой кошмаръ, какъ на скопище ужасовъ.

А въ будущее — болѣе свободное, свѣтлое и радостное — Бодлеръ не вѣрилъ.

Такъ оставался ему въ удѣлъ только безысходный мракъ, и онъ чувствовалъ себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ зловѣщими гримасами и дьявольскими ликами.

Съ теченіемъ времени, указанные соціальные факторы давали себя чувствовать все острѣе, все болѣе подчиняли себѣ психику и творчество писателей, связанныхъ съ извѣстными группами общества, и тогда мотивы и настроеніе „Цвѣтовъ зла“ приняли все болѣе массовый характеръ, легли въ основу цѣлаго широкаго теченія въ новѣйшемъ искусствѣ.

При объясненіи творчества отдѣльныхъ модернистовъ, возрождавшихъ съ новыми подробностями старую кошмарную поэзію, надо, строго говоря, считаться со всѣми выше указанными соціальными факторами, но, такъ какъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особую роль игралъ какой-нибудь одинъ изъ нихъ,— напр., въ одномъ случаѣ, принадлежность къ вытѣсняемому или принижаемому классу, въ другомъ — преимущественно обстановка большого города и т. д., — то можно творчество отдѣльныхъ писателей пріурочить также къ отдѣльнымъ указаннымъ соціальнымъ факторамъ, тѣмъ болѣе, что тогда яснѣе выступитъ связь между ихъ настроеніемъ и образами, съ одной стороны, и соціальными условіями — съ другой.

По мѣрѣ развитія капитализма отбѣсвялись назадъ классы стараго общества — и прежде всего — какъ во Франціи — дворянство.

Потомки старой знати низвергались въ ряды богемы, подвергались безпощадной нивелировкѣ новыхъ общественныхъ отношеній.

Не признавая воцарившагося буржуазно-демократическаго общества, живя всѣмъ своимъ существомъ въ прошломъ, послѣдніи аристократіи были, естественно, склонны смотрѣть на жизнь вообще, какъ на мрачную фантасмагорію.

Они и возродили старую поэзію ужаса и кошмаровъ.

Къ этой группѣ „послѣднихъ“ аристократовъ принадлежатъ Барбэ д'Оревильи и Вилье де-Лиль Адамъ.

Къ той же группѣ писателей принадлежитъ и Гюисмансъ. Начавъ свою литературную дѣятельность натуралистомъ, бытописателемъ мелкой буржуазіи и рабочаго класса, Гюисмансъ потомъ рѣшительно отвернулся отъ буржуазно-демократическаго общества, выступивъ апологетомъ средневѣковаго прошлаго, реставраторомъ средневѣковой демонологіи.

Правда, впослѣдствіи Гюисмансъ вернулся отъ сатанизма къ „доброму Богу“. Герой романа En route въ монастырѣ примиряется съ небомъ; всѣ козни сатаны терпятъ крушеніе. Но вотъ, что важно: Богъ могъ обнаружить свое всемогущество только въ монастырскомъ уединеніи,— только въ сторонѣ отъ современной жизни, гдѣ, очевидно, царитъ не Богъ, а „князь тьмы“. Романъ En route такимъ образомъ не противорѣчитъ настроенію романа „La bas“, а только логически его дополняетъ.

По мѣрѣ развитія капитализма, незавиднымъ становилось и положеніе интеллигенціи.

Мечтая о роли правящей группы, она на самомъ дѣлѣ низводилась буржуазіей на степень простого служебнаго аппарата. Стремясь къ матеріальной обезпеченности, она была обречена на нищенское существованіе.

Эта соціальная среда представляла, такимъ

образомъ, также очень благопріятную почву для возникновенія безразсѣтно-пессимистическаго взгляда на жизнь, для возрожденія вѣры въ дьявола, какъ хозяина міра.

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ защитниковъ идеи интеллигенціи, какъ правящей группы, является недавно умершій шведскій писатель Стриндбергъ („На шхерахъ", „Чандала").

„Новая аристократія" мудрецовъ-интеллигентовъ не вытѣснила „старой военной и придворной знати". Даже больше. Она была обречена на тяжкую конкурренцію, на равнодушіе общества и съ трудомъ отстаивала ужъ не свое право на власть, а просто свое право на существованіе.

И тогда непризнаннымъ мудрецамъ (какъ Боргъ въ „Чандала") стало казаться, что ихъ всюду окружаютъ явные и тайные враги, что ихъ хотятъ стереть съ лица земли.

Они начинаютъ страдать „маніей преслѣдованія".

Это болѣзненное настроеніе доходитъ до высшей точки въ романѣ, или скорѣе въ „исповѣди" Стриндберга — „Адъ".

По мѣрѣ роста капитализма, наконлялась въ большихъ городахъ многочисленная богема, интеллигентный пролетаріатъ, обреченный на нищенское существованіе, на голодъ и мракъ.

Въ мозгу этихъ нищихъ интеллигентовъ, этихъ пасынковъ общества, жизнь, естественно, отражается какъ безумная и дикая фантасмагорія.

Постепенно это отрицательное отношеніе интеллигентнаго пролетарія къ современному обществу переходитъ въ открытый анархическій бунтъ.

Пасынки буржуазіи становятся — „дѣтьми сатаны".

Такъ озаглавленъ одинъ изъ романовъ Пшибышевскаго.

Большой промышленный городъ съ его рѣзкой противоположностью между богатствомъ и бѣдностью, съ его лихорадочнымъ темпомъ жизни, его жестокой конкуренціей—вотъ новый источникъ кошмарныхъ видѣній.

И это впечатлѣніе невыразимаго ужаса будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше приспособлена, въ силу наслѣдственности, психика человѣка къ городской обстановкѣ. Оно превратится въ ужасную галлюцинацію, если, напр., предки даннаго человѣка испоконъ вѣковъ сидѣли на землѣ, дышали воздухомъ полей и лѣсовъ, росли въ атмосферѣ деревенскаго уклада.

Такой чисто крестьянской психикой обладаетъ польскій писатель В. Реймонтъ, авторъ въ своемъ родѣ классическихъ „Мужиковъ".

Большой городъ — центръ современной культурной жизни — всегда вызывалъ въ его душѣ отвращеніе и негодованіе. Иначе, какъ чернымъ по черному, Реймонтъ не рисовалъ его.

Чѣмъ внимательнѣе вглядывался Реймонтъ въ ликъ современнаго города, тѣмъ все страшнѣе казался онъ ему, тѣмъ все больше походилъ онъ въ его глазахъ на дьявольскую гримасу.

Изъ этого безвадежно-пессимистическаго настроенія выросъ романъ Реймовта „Вампиръ".

Весь укладъ современнаго капиталистическаго общества, съ его страшной конкуренціей, съ его безпощаднымъ эгоизмомъ, съ его жестокими войнами и острой классовой борьбой, невольно подсказываетъ писателямъ мысль, что жизнь — не что иное, какъ застѣнокъ пытокъ и мукъ, что за ея нарядной и блестящей внѣшностью таятся невыразимыя страданія, льется кровь, царитъ несказанный ужасъ.

Жизнь — это: „садъ пытокъ".

Такъ озаглавилъ Мирбо свой извѣстный романъ, гдѣ подъ видомъ экзотическаго Китая изображена, конечно, Европа и гдѣ за фантастическими очертаніями сказки ясно проглядываютъ контуры дѣйствительности.

„Всюду кровь!"—восклицаетъ авторъ романа.— „Гдѣ больше жизни, тамъ больше палачей, съ зловѣщими, ликующими лицами, палачей, терзающихъ тѣло, перешливающихъ кости, сдирающихъ кожу!"

„Садъ пытокъ"—это „символъ"— символъ жизни — и, кажется, нѣтъ надобности подчеркивать — не жизни вообще, а жизни *современной*, съ ея жестокимъ укладомъ, построеннымъ на конкурренціи и эксплуатаціи.

Вышеуказанныя соціальныя условія создали въ концѣ XIX в. благопріятную почву для повышенной нервозности, а эта послѣдняя породила — какъ нѣкогда въ началѣ XIX в.— инстинктивную тягу ко всему таинственному и ужасному.

Въ литературѣ конца XIX и начала XX в. снова входятъ въ моду „страшные" разсказы, бьющіе по нервамъ, вызывающіе жуть и ужасъ.

Какъ нѣкогда въ эпоху романтизма, является спросъ на привидѣнія, двойниковъ, фантастическія существа, всевозможныя необычайныя событія.

Это возрожденіе старыхъ кошмарныхъ темъ и образовъ замѣчается вездѣ — въ Англіи, Испаніи, Франціи и Германіи.

Хотя изобрѣтательность писателей, вообще говоря, довольно ограничена. надо отдать спеціалистамъ по части страшныхъ вымысловъ дань справедливости: они достаточно изобрѣтательны и, хотя одинъ пользуется часто мо-

тивами, придуманными другимъ, они умѣютъ придать имъ порою характеръ новизны. (Стивенсонъ, Хаггартъ, Л. Альфонсо, Эверсъ, Вассерманъ и др.).

Въ этихъ „страшныхъ“ разсказахъ и повѣстяхъ жизнь изображается неизмѣнно, какъ сцѣпленіе ужасныхъ событій, отъ которыхъ по спинѣ читателя долженъ пробѣгать морозъ, а человѣкъ превращается въ игрушку злыхъ случайностей, становится жертвой галлюцинацій, безвольнымъ повтореніемъ прошлаго.

Произведенія указанныхъ писателей не отличаются ни особенными художественными достоинствами, ни крупнымъ общественнымъ значеніемъ. Они созданы больше для рынка, являются отвѣтомъ на литературную моду.

И однако, ихъ нельзя игнорировать.

Эти произведенія, пользующіяся, несомнѣнно, сбытомъ — на что указываетъ хотя бы появленіе все новыхъ подобныхъ сборниковъ на книжномъ рынкѣ Германіи — важный симптомъ времени, важные документы эпохи.

Они служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что тяга ко всему таинственному и страшному не результатъ патологическаго состоянія отдѣльныхъ писателей, не сенсаціонная выдумка небольшихъ литературныхъ кружковъ, а — какъ нѣкогда въ эпоху романтизма — явленіе массовое, явленіе соціальное, подготовленное разнообразными общественными причинами.

Изъ глубины повышенной нервозности, вызванной всѣмъ укладомъ, всѣмъ развитіемъ капиталистическаго общества, родилась въ концѣ XIX в. также новая разновидность театра — драма ужаса.

Лицомъ къ лицу съ жестокой дѣйствительностью, таящей въ себѣ тысячу неожиданностей и случайностей, вернаго человѣка охватываетъ инстинктивный *страхъ жизни*.

Эта разновидность театра встрѣчается во всѣхъ странахъ: въ Германіи (Шляфъ), Польшѣ (Пшибышевскій), Скандинавіи (Стриндбергъ), особенно Бельгіи (Лемоннье, Лербергъ, Метерлинкъ).

Въ этихъ пьесахъ обыкновенно нѣтъ никакого „дѣйствія“, онѣ всецѣло покоятся на „настроеніи“, а это настроеніе — сконцентрированный, безсознательный ужасъ, постепенно охватывающій выведенныя лица, а вмѣстѣ съ ними и публику.

Надъ жизнью, ставшей безпрерывнымъ безпокойствомъ и страхомъ, непрекращающейся нервной тревогой, ставшей драмой инстинктивнаго ужаса, воцарилась съ косой въ костлявой рукѣ — Побѣдительница Смерть, Mors-Imperator.

Кромѣ вышеуказанныхъ соціальныхъ причинъ и обусловленной всѣми этими явленіями повышенной нервозности — была еще одна причина, располагавшая писателей и художниковъ смотрѣть на міръ, какъ на мрачную фантасмагорію, какъ на царство князя тьмы.

Взаимныя отношенія половъ — когда-то источникъ оптимистическихъ переживаній, источникъ свѣтлой и радостной поэзіи — также приняли въ концѣ XIX и началѣ XX в. зловѣщеугрожающій характеръ.

Половыя отношенія все болѣе принимали видимость — половой *вражды*, а эта вражда все болѣе обострялась.

На то существовало немало причинъ.

Крупная буржуазія ввела проституткѣ въ жизни огромную роль, приблизительно такую же, какую она играла въ вѣкъ Ренессанса и въ вѣкъ абсолютизма. Освободивъ женщину своего круга отъ хозяйственныхъ и даже материнскихъ обязанностей, крупная буржуазія и ее превращала все больше въ кокотку. Въ томъ же направленіи дѣйствовала и необходимость конкурировать съ дамами полусвѣта, вставшая передъ дамами буржуазіи, разъ послѣднія не хотѣли потерять вліяніе и власть надъ мужчинами своего класса.

Наступало царство кокотокъ и проституціи.

Низведенная мужчиной на степень простого орудія наслажденія, женщина мстила, естественно, своему господину-рабу вольно и невольно, не только превращая его, въ свою очередь, въ простое орудіе своего господства, но — что особенно важно — порабощая его стихійной силой своего пола.

И женщина должна была незамѣтно превратиться въ глазахъ мужчины въ врага, опаснаго и страшнаго, въ злую губительницу.

Такъ какъ вся тяжесть современнаго уклада жизни съ его жестокой и непрерывающейся конкуренціей ложилась особенной тяжестью на мужчину, то психика послѣдняго становилась замѣтно слабѣе психики женщины. Нервный и неуравновѣшанный мужчина (особенно интеллигентъ) пассивно подчинялся впечатлѣніямъ, исходившимъ на него отъ женщины, и эти впечатлѣнія порабощали его до полной потери собственной личности.

Мужчина невольно склонялся къ убѣжденію въ необходимости переоцѣнки стараго предразсудка о „сильномъ“ и „слабомъ“ полѣ. Онъ все больше укрѣплялся въ мысли, что въ любви мужчина играетъ только *пассивную* роль, тогда какъ инициатива всецѣло принадлежитъ женщинѣ (см. разсказъ Ф. Лангмана „Молодой человѣкъ 1895 г.“). При такихъ условіяхъ долженъ былъ совершенно измѣниться

и старый типъ Донъ-Жуана. Изъ порабощителя женщины онъ незамѣтно превратился въ ненавистника женщины (какъ Дж. Таннеръ въ пьесѣ Б. Шоу: „Человѣкъ и Сверхчеловѣкъ“).

Между тѣмъ, какъ мужчина становился все болѣе женоподобнымъ (первымъ, пассивнымъ, чувствительнымъ), женщина, напротивъ, превращалась все болѣе въ мужеподобную амазонку (активную, разсудочную, воинственную).

Стремясь сбросить съ себя вѣковое иго, она организовалась въ боевые кадры, выкинула знамя феминизма и перешла въ наступленіе. Успѣхи женскаго движенія, въ области экономической, политической и юридической, были такъ велики, такъ бросались въ глаза, были чреваты такими послѣдствіями, что заставляли невольно призадуматься.

Изъ прежней безсловесной и покорной служанки женщина выростала въ опаснаго конкурента, въ явнаго врага мужчины. И онъ, который когда-то презиралъ ее, сталъ ее бояться.

Таковы были причины, которыя привели въ концѣ XIX и началѣ XX в. ко все большему обострѣнію половой вражды.

Взаимныя отношенія половъ стали замаскированной или открытой ненавистью, любовь то и дѣло переходила въ жажду истребленія и уничтоженія.

Такъ родились образы Саломеи (О. Уайльдъ), Лулу (Ведекиндъ) и др.

Женщина становилась въ глазахъ мужчины *зломъ* и притомъ такимъ, противъ котораго самъ онъ безсиленъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такого взгляда на женщину придерживались всѣ тѣ писатели, которые были склонны видѣть и въ жизни вообще — царство дьявола или садъ пытокъ.

Женщина — воплощеніе зла, великая и вѣчная злодѣйка. Это она „замышляетъ, комбинируетъ и подготовляетъ“ всѣ преступленія. Она таитъ въ себѣ „непобѣдимую силу разрушенія“. Будучи „чревомъ жизни“, она тѣмъ самымъ и „чрево смерти“ (Мирбо).

Женщина принимаетъ образъ ядовитой паучихи-губительницы (Эверсъ).

Отъ представленія о женщинѣ, какъ паучихѣ, только одинъ шагъ къ представленію о ней, какъ о вампирѣ (Реймонтъ).

Такъ подготовлялась постепенно психологическая почва для возрожденія вѣры въ существованіе одержимыхъ дьяволомъ вѣдьмъ.

Для очень многихъ модернистовъ изъ числа тѣхъ, кто склоненъ вообще къ кошмарному взгляду на жизнь, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что вѣдьмы существуютъ на самомъ дѣлѣ (Стриндбергъ, Гюйсмансъ, Лемоннье).

Отсюда только одинъ шагъ къ реставраціи „Молота вѣдьмъ“, пресловутаго Mallens maleficarum, созданнаго нѣкогда въ XV в. Генрихомъ Инситоромъ и доминиканцемъ Яковомъ Шпренгеромъ.

Эту благородную задачу взялъ на себя Пшибышевскій въ „Синагогѣ сатаны,“ гдѣ онъ величаетъ книгу старыхъ инквизиторовъ „безсмертной“.

„Сатана любитъ женщину, ибо она вѣчный принципъ зла, вдохновительница преступленій,— восклицаетъ Пшибышевскій. — Женщина — возлюбленная сатаны, который пользуется ею для распространенія и укрѣпленія своего культа“ и т. д.

А если существуютъ вѣдьмы, поклоняющіяся дьяволу, то — почему не существовать и шабашу?..

Другіе писатели чувствуютъ, что, пожалуй, читатель не повѣритъ имъ, если они изобразятъ ему шабашъ, происходящій при свѣтѣ XIX вѣка, и переносятъ поэтому дѣйствіе въ первобытную среду. (Хаггартъ, Эверсъ).

А Гюйсмансъ, тотъ уже прямо переноситъ шабашъ въ наши дни. („Бездна“).

Такъ снова ожилъ при свѣтѣ XIX в., въ эпоху торжествующаго просвѣщенія, нелѣпо-страшный предразсудокъ былыхъ, невѣжественныхъ временъ. И, разумѣется, только наличность соціально-психологическихъ факторовъ существенной важности можетъ объяснить намъ это возрожденіе старыхъ дьявольскихъ ликовъ и кошмарныхъ картинъ...

Если между женщиной и мужчиной существуетъ, ничѣмъ не устранимый, стихійный антагонизмъ, если женщина не болѣе, какъ звѣрь или суккубъ, или вѣдьма, то ясно, что и самое половое чувство должно стать источникомъ мрачнаго пригнетающаго ужаса.

Любовь становится сексуальнымъ кошмаромъ.

Такъ стало даже и то чувство, изъ котораго когда-то билъ живой родникъ поэзіи и счастья, источникомъ подавляющаго ужаса, и изъ его нѣкогда столь свѣтлыхъ и ясныхъ глубинъ поднялись душу раздирающіе кошмары, пронизанные отчаяніемъ и мукой, озаренные отсвѣтомъ адской пропасти...

Ужасы и кошмары вторгаются въ концѣ XIX и началѣ XX в. и въ искусство.

Наиболѣе яркими представителями этого теченія въ живописи являются Ропсъ, Бердсей, Штукъ и Мунхъ“.

Л. Андреевъ объ отсталости театра.

Театръ переживаетъ такое тревожное время, когда вопросы о немъ ставятся и дебатируются чуть ли не съ такою же страстностью и серьезностью, какъ и такъ называемые „проклятые“ вопросы. Лекціи, рефераты, диспуты, статьи, книги и вообще литература о „кризисѣ театра“, „исканіяхъ театра“ — все это сыплется какъ изъ рога изобилія и пользуется неизмѣннымъ жаднымъ вниманіемъ далеко за предѣлами профессіональныхъ круговъ.

Записался въ теоретики сцены и Леонидъ Андреевъ. Въ журн. „Маски“ онъ сталъ печатать „письма о театрѣ“. Въ напечатанномъ пока первомъ письмѣ (въ третьей книжкѣ) онъ между прочимъ такъ объясняетъ наблюдаемыя сейчасъ шатанія театра и упадокъ, худосочіе современной драмы — не только у насъ, въ Россіи.

„Нужно ли театру, — спрашиваетъ писатель, — *дѣйствіе* въ его узаконенной формѣ поступковъ и движенія по сценѣ, — формѣ, не только принятой всѣми театрами, но и исповѣдуемой, какъ единственно необходимой и спасительной?

На этотъ еретическій вопросъ я позволю себѣ отвѣтить: нѣтъ. Въ такомъ дѣйствіи нѣтъ необходимости постольку, поскольку *сама* жизнь, въ ея наиболѣе драматическихъ и трагическихъ коллизіяхъ, все дальше отходитъ отъ внѣшняго дѣйства, все больше уходитъ въ глубину души, въ тишину и внѣшнюю неподвижность интеллектуальныхъ переживаній.

Какъ-то, перечитывая мемуары Бенвенуто Челлини, я поразился огромнымъ количествомъ событій въ этой жизни средневѣкового художника авантюриста: сколько бѣгствъ, убійствъ, неожиданностей, потерь и находокъ, любвей и дружбъ. Поистинѣ средній нашъ современникъ за всю жизнь не отмѣтитъ столько событій, сколько встрѣчалъ ихъ Челлини за короткую дорогу отъ дома до заставы! Но таковъ былъ не одинъ Челлини, а и всѣ тогдашніе, а и вся тогдашняя жизнь съ ея разбойниками, герцогами, монахами, шпагами, мандолинами. И только тотъ былъ въ ту пору интересенъ и богатъ переживаніями, кто двигался и поступалъ, а сидѣвшій на мѣстѣ былъ лишенъ переживаній, самой жизни, — сидѣвшій на мѣстѣ былъ подобенъ камню при дорогѣ, о которомъ нечего сказать. Естественно, что и сцена, даже при изображеніи генія бездѣйствія Гамлета, должна была наполняться герцогами, шпагами, убійствами, хотя бы около, хотя бы вокр. — иначе вѣдь нѣтъ живого человѣка!

Но перешагните нѣсколько столѣтій, и вотъ передъ вами жизнь... ну хотя бы Ницше, самаго трагическаго героя современности. Гдѣ въ его жизни событія, и движеніе и поступки? Ихъ нѣтъ. Въ пору молодости, когда Ницше еще двигался и что-то дѣлалъ въ формѣ прусскаго солдата, онъ былъ наименѣе драматиченъ: драма начинается какъ-разъ съ того момента, когда въ жизни воцаряются бездѣйствіе и тишина кабинета. Тутъ и мучительная переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, и трагическая борьба, и разрывъ съ Вагнеромъ, и обольстительный Заратустра. А что же сцена?

А сцена безсильна и нѣма. Покорная непреложному закону дѣйствія, она отказывается и *не можетъ* дать столь намъ близкаго и важнаго и необходимаго Ницше, но зато предлагаетъ въ огромномъ количествѣ уже ненужнаго, пережитаго, пустого Челлини съ его бутафорскими шпагами. Жизнь ушла внутрь, а сцена осталась за порогомъ. Поймите это, — и вы поймете, почему за послѣднія десятки лѣтъ ни одна драма не достигала высоты современнаго романа и не сравнялась съ нимъ; почему Достоевскій не написалъ ни одной драмы; почему Толстой, столь глубокій въ романѣ, въ драмѣ своей примитивенъ; почему хитрецъ Метерлинкъ мысли свои одѣлъ въ штаны, а сомнѣнія заставилъ бѣгать по сценѣ. Прослѣдите до конца мою мысль, и вы поймете, почему такъ очаровательно-сцениченъ (и такъ уже не нуженъ) Островскій, имѣвшій опору въ бытѣ, и почему такъ нуженъ и такъ несцениченъ Чеховъ. Держались еще за бытъ и этнографію, но вотъ негръ надѣлъ цилиндръ и манишку, Брусковъ поѣхалъ въ кембриджскій университетъ, — конецъ быту и этнографіи!

Я не говорю, что событія прекратились — никто не *дѣйствуетъ* — исторія прекратила свое теченіе. Нѣтъ: дневникъ происшествій еще достаточно полонъ, достаточно еще убійствъ и самоубійствъ, сложныхъ обмановъ, искусныхъ дѣйственныхъ комбинацій, живой и дѣйственной борьбы съ оружіемъ въ рукахъ, но... драматическая цѣнность всего этого понизилась. *Жизнь стала психологичнѣе*, если можно такъ выразиться; въ рядъ съ первичными страстями и „вѣчными“ героями драмы: любовью и голодомъ, — всталъ новый герой: интеллектъ. Не голодъ, не любовь, не честолюбіе: *мысль*, — человѣческая мысль, въ ея страданіяхъ, радостяхъ и борьбѣ, — вотъ кто истинный герой современной жизни, а, стало-быть, вотъ кому и первенство въ драмѣ.

Даже плохіе драматурги, плохая публика современности начали понимать, что внѣшнее оказательство борьбы, сколько бы ни проливать крови на сценѣ, есть наименѣе въ борьбѣ

драматическое. Не тотъ моментъ драматиченъ, когда рабочій идетъ на улицу, а тотъ, когда его слуха впервые касаются глаголы новой жизни, когда его еще робкая, безсильная и инертная мысль вдругъ вздымается на дыбы, какъ разъяренный конь, единымъ скачкомъ уноситъ всадника въ свѣтозарную страну чудесъ. Не тотъ моментъ драматиченъ, когда по требованію фабриканта уже прибыли солдаты и готовятъ ружья, а тотъ, когда въ тиши ночныхъ безсонныхъ размышленій фабрикантъ борется съ двумя правдами и ни одной изъ нихъ не можетъ принять ни совѣстью, ни издерганнымъ умомъ своимъ. То же и въ современной любви, — даже въ ней, и во всякомъ глубокомъ проявленіи жизни — отъ внѣшняго выраженія въ поступкахъ дѣйствіе ушло въ глубину и кажущуюся неподвижность переживаній.

Интересная подробность. Когда-то для одиночихъ и наиболѣе важныхъ мыслей и чувствъ героя существовалъ монологъ, но нынѣшняя реалистическая драма уничтожила и эту послѣднюю, довольно жалкую возможность уйти въ глубину: монологъ упраздненъ. Курьезно, къ какимъ хитростямъ и отводамъ глазъ прибѣгаютъ драматурги, чувствуя необходимость хотя бы въ коротенькомъ монологѣ, но не смѣя открыто обратиться къ нему: хоть съ глухимъ старикомъ, хоть съ печкой, хоть съ перчаткой, но только не одинъ разговаривай на сценѣ — неестественно, не похоже на жизнь. А это похоже на жизнь: совершать, не останавливаясь, поступки, болтать непрерывно, какъ развеселившемуся попугаю, и ни разу глубоко, больше чѣмъ на двадцать секундъ, не задуматься!

Переписываютъ по образцамъ мастеровъ все одинъ и тотъ же старый портретъ жизни, не замѣчая, что сходство давно уже утрачено, что не живое лицо они пишутъ, а только *копируютъ старую картину*.

И ушелъ геній изъ драмы — его ли могучему размаху вмѣститься въ эту унылую тѣсноту сцены! А когда и вздумаетъ расправить крылья пошире, то всегда роковымъ образомъ оказывается: наиболѣе глубокое и вдохновенное есть наименѣе сценическое... вспомните хоть того же Бранда.

Но не только генію: уже и среднему таланту становится тѣсна современная сцена, и ему приходится садиться на корточки и лепетать по-ребячьи, чтобы вышло *сценично*. Ибо на ряду съ неизбѣжнымъ дѣйствіемъ, современный театръ желаетъ давать и *зрѣлище*. И на вопросъ: долженъ ли современный театръ давать зрѣлище? — я также рѣшительно позволю себѣ отвѣтить: нѣтъ.

Отвѣтъ только послѣдовательный. Поскольку дѣйствіе зримо и есть зрѣлище, постольку имѣетъ и должны они покинуть сцену, оставивъ мѣсто незримой душѣ человѣческой, ея величайшему богатству, невидимому плотскими и ограниченными глазами. И здѣсь нарядно одѣтый бродяга Бенвенуто Челлини со всей роскошью и пестротой окружающаго уступаетъ мѣсто черному сюртуку Ницше, неподвижности глухихъ и однообразныхъ комнатъ, тишинѣ и мраку спальни и кабинета. Нынѣ усердно бродитъ по свѣту только коми-вояжеръ, а Л. Толстой съ его міровой драмой по четверти столѣтія сидитъ неподвижно. И разъ даже пророковъ и героевъ нашихъ стали побивать не камнями, а листомъ писаной или печатной бумаги то гдѣ ужъ тутъ мѣсто для *зрѣлища!*

Оскудѣніе драматической литературы... Вы знаете, конечно, что между символистами и „здоровымъ“ реализмомъ идетъ отчаянная борьба за сцену; вы знаете, конечно, что сейчасъ, въ моментъ печальнѣйшій для литературы вообще, у насъ побѣдилъ „здоровый“ реализмъ. Но удалось ли вамъ замѣтить, что эта побѣда почему-то совпадаетъ какъ разъ съ оскудѣніемъ драматической литературы и паденіемъ театра? Какъ щедринскій баринъ, по недоразумѣнію возненавидѣвшій и для ради чистаго воздуха истребившій мужиковъ, а вслѣдъ затѣмъ впавшій въ безвыходное состояніе голода и тоски, — публика и театръ съ восторгомъ истребили символизмъ на сценѣ, и вдругъ... тоска, голодъ... гдѣ же драма? Ахъ, какъ хорошо дышится въ чистомъ воздухѣ реалистической драмы... Но гдѣ же драма? Куда ушли драматурги? Мнѣ голодно, наконецъ, и очень скучно!

Но что же такое нашъ покойный символизмъ, со смертью котораго воздухъ такъ очистился, а ѣсть стало нечего?

Имя ему — компромиссъ. Лишь въ немногихъ случаяхъ сценическій символизмъ диктовался непреложными законами индивидуальнаго творчества, а большею частью онъ являлся только *средствомъ* проникнуть на сцену живой мысли, игралъ роль еврея-контрабандиста, который подъ видомъ барана проводитъ черезъ границу брюссельскія кружева. Ограниченный требованіями „дѣйствія и зрѣлища“, драматургъ не могъ воплотить на сценѣ всѣхъ образовъ современной души, души утонченной и сложной, взыскующей и парящей, пронизанной свѣтомъ мысли, творящей цѣнности новыхъ переживаній, отыскавшей невѣдомые древнимъ источники новаго и глубочайшаго трагизма. Не могъ воплотить, ибо не имѣютъ *плоти* новыя

переживанія души, и вотъ длинной вереницей потянулись на сцену контрабандисты съ тяжелымъ кладомъ недозволеннаго: стилизованныя фигуры, босоножки, загадочныя персоны безъ имени, отчества, гальванизированные (но не воскрешенные) Пьеро и Арлекины, нарочные слѣпые, нарочные глухіе и нѣмые, нарочные черти, гномы, феи и лягушки. Слѣпые натыкались на декораціи, черти проваливались, Арлекинъ стоналъ, какъ живой, босоножки замогильно танцовали, кто-то очень толстый и весьма даже упитанный безуспѣшно старался превратиться въ тѣнь... И весь этотъ наивный маскарадъ значилъ только одно: мысль задыхается на нашей сценѣ! — *душа* умираетъ на нашихъ подмосткахъ!"

Да здравствуетъ жизнь!

(„Нѣдра" С. Сергѣева-Ценскаго.)

Да здравствуетъ жизнь, но прежде всего — да здравствуетъ художникъ, волшебникъ-поэтъ, дающій намъ почувствовать — во всей ея благостной, животворящей силѣ — плѣнительную сладость жизни, красоту ея и мудрость, и святость. „Благословенъ грядый *во имя Господне...*" Стократъ благословенъ въ наши унылые дни, когда мы, точно слѣпцы, привыкли видѣть вокругъ себя только тьму, ночную жуть.

Названнымъ въ подзаголовкѣ разсказомъ Сергѣева-Ценскаго дебютируетъ новорожденный ежемѣсячникъ „Сѣверныя Записки". Если судить по этому разсказу, новый журналъ родился подъ счастливой звѣздой.

* * *

„Шелъ ей девяносто шестой годъ, — пожалуй, даже и нельзя ужъ было сказать „шелъ": — бабушка все время сидѣла въ креслѣ-качалкѣ, больше дремала, чѣмъ смотрѣла и слушала, и едва ли сознавала ясно, что идетъ время. Черепъ облысѣлъ, — прикрывала его чернымъ чепцомъ; безчетно много было морщинокъ коричневыхъ на ея лицѣ, — все еще большомъ, съ орлинымъ носомъ, — и держалась еще дряблая дородность въ тѣлѣ.

Въ серединѣ апрѣля часто стала впадать бабушка въ долгія забытья; думали, что отъ пьянаго весенняго воздуха, но знакомый докторъ предположилъ близость смерти. Тогда въ комнату бабушки стали чаще заглядывать днемъ, а ночью поочередно дежурили ея внучки и правнучки, чтобы въ моментъ смерти быть около незапамятно старой, ворчливой, любимой, когда-то побѣдно красивой, прожившей длинную жизнь.

Была своеобразная таинственность и жуткость въ томъ, какъ стерегли смерть. Въ домѣ слѣдили приходъ ея пять человѣкъ: старый чиновникъ губернскаго правленія, Никандръ Порфирьичъ, женатый на дочери умирающей, Ольгѣ Ивановнѣ; ихъ сынъ, пострадавшій за убѣжденія, женившійся въ Сибири и теперь пріѣхавшій съ женой въ родной городъ искать какого-нибудь мѣста, и баба-законница-кухарка Лукерья.

Потомъ пріѣзжали посмѣнно двѣ внучки, обѣ замужнія, жившія въ томъ же городѣ, полнокровныя, очень дѣятельныя, сентиментальныя, и три правнучки, двоюродныя сестры: Лиза — проснатанная за инженера Строгова, Даша — невѣста поручика Головачова, и Варенька, самая младшая, лѣтъ шестнадцати.

Тянулось это около двухъ недѣль, — все кто-то откладывалъ нежеланное, но жданное, и ужъ началось какое-то соревнованіе въ томъ, — кому предназначено увидѣть послѣднія минуты бабушкиной жизни, и было только любопытство, игроцкое, какъ въ карточной игрѣ, а боязни никакой не осталось.

Пріѣзжая, ужинали, болтали о чемъ-то своемъ, неистощимо женскомъ; потомъ, когда въ домѣ укладывались спать, шли на дежурство въ комнату бабушки. Въ комнатѣ стояла для дежурной свѣже-постланная кровать, на которой спать воспрещалось, но можно было лежать и читать при свѣтѣ книгу. Книгу выбрали толстую, — романъ съ нескончаемой любовью, — и рѣдко кто зналъ, какъ называется романъ, и никого, по обыкновенію, не занимало, кто авторъ, и то, что прочитывалось за ночь, черезъ день забывалось безслѣдно, и загнутые уголки страницъ вѣчно путали, путали и крестики среди текста, которые дѣлали шпилькой, — но свѣча и толстый романъ — это ужъ такъ повелось.

...Удивительный выдался вечеръ, когда Варенькѣ пришелъ чередъ вторично дежурить.

Первый разъ она храбро выдержала цѣлую ночь, и утромъ, когда тихо посвистывала носомъ сонная бабушка, — вся такая желтая-желтая, какъ шафранъ, — а Лукерья ужъ завозилась на кухнѣ, Варенька потянулась сладко, сдѣлала крестикъ въ романѣ, пріоткрыла ставень, отворила форточку, глотнула росистаго солнца, пахучаго, клейкаго сада, всего-всего утренне-радостно апрѣльскаго, сколько могла вобрать, а потомъ неумойкой одѣлась, побѣжала спать домой („домой" же — это недалеко было, черезъ улицу), и когда проснулась къ обѣду, — какъ-то даже и разсказать нечего

было: читала, на бабушку иногда смотрѣла, бабушка посвистывала легонько,—а страшнаго ничего.

Теперь же, когда шла она опять вечеромъ, попался на улицѣ семиклассникъ, Костя Орѣшкинъ,—нескладенъ и неряха. Когда были еще маленькіе, приготовишки,—звалъ ее „ослицей ширабахскою" (и откуда взялъ такое?), а теперь издумалъ ухаживать,—и такъ это у него смѣшно выходитъ, и такой сталъ глупый, и голосъ ломается на-двое: то дискантъ, то басъ.

Спросилъ (басомъ):

— Куда это, Варенька?

— А тебѣ зачѣмъ?..—Къ бабушкѣ.

— Ну, что-жъ... (дискантомъ) я подожду.

— Ого! Подожди-ка!.. Всѣ жданки поѣшь. Утромъ выйду.

— Ну—у? Ночевать будешь у бабушки?

Разсказала, что съ бабушкой, и какъ дежурятъ, — въ пяти словахъ.. — И вотъ, бабушка... и вотъ мы всѣ: Ольга Ивановна, тетя Серафима Павловна, тетя Прасковья Павловна и Даша и Лиза, и я... и вотъ цѣлую-цѣлую ночь... и романъ... И вотъ... Покойной ночи, а я ужъ пойду, вѣдь меня ждутъ!

А когда прощались, все никакъ не хотѣлъ онъ выпустить ея руку, и рука стала потная, такъ что она даже осерчала и выругала его осломъ ширабахскимъ, а онъ промолчалъ смиренно, какъ будто такъ и надо.

* *
*

Когда Варенька осталась на дежурствѣ и чинно взяла романъ, она долго, сосредоточено щелкала листами, чтобы найти свою замѣтку. Нашла, а читать было лѣнь, — бросила. Смотрѣла на свѣчку, щурила глаза отъ желтыхъ лучей, думала: вотъ послѣ Пасхи пойдутъ экзамены... Заядлая тросчинца, по убѣжденію... Ничего, все равно, дадутъ кончить: ни въ одномъ классѣ не сидѣла... Потомъ — восьмой,—сѣрое платье... А потомъ что? Курсы?.. И Лиза не была на курсахъ, и Даша не была... и какой толкъ отъ этихъ курсовъ? — Такъ только,—мода...

Комната бабушки была небольшая, въ одно окно. Обои старенькіе, желтые, съ синими цвѣточками; лавандой пахло.

Присмотрѣлась Варенька къ бабушкѣ, спокойно сидящей, — показалось, что бабушка на нее тоже смотритъ.

— Вы не спите, бабушка?

Какъ-то неловко стало; а въ домѣ тихо.

— Вамъ что-нибудь подать, бабушка?

Встала и подошла со свѣчей.

Бабушка, дѣйствительно, смотрѣла на нее, только спокойно; ласково ужъ разучилась смотрѣть—смотрѣла или спокойно или обиженно; если спокойно, значитъ, ничего не надо.

Одѣвали ее чистенько, только во все черное, какъ монашенку. Еще зимой бабушка чуть не каждый день ходила въ церковь, и теперь, когда приносили ей просвирку отъ ранней, была явно рада, цѣловала ее и клала на столикъ. Много ихъ скопилось возлѣ нея на столикѣ, точно и не бабушка сидитъ, а просвирни.

Отъ свѣчки бабушка щурилась, и глаза стали узенькіе, и въ нихъ по золотой точкѣ.

— Ва-ренька... — слабо сказала бабушка вдругъ...— Ва-рень-ка... и шевельнула рукой.

Варенька обомлѣла, на полъ поставила свѣчку, стала на колѣни возлѣ качалки; ужъ недѣлю никому ничего не говорила бабушка, только или простонетъ, или кивнетъ головой, а теперь назвала ее ясно: Варенька.

Подождала, не скажетъ ли еще чего-нибудь; смотрѣла на бабушку восторженно и робко, какъ на икону. Ничего больше не сказала, только поманила пальцемъ и вѣками глазъ, и когда Варенька положила голову ей на колѣно, погладила ее неожиданно крѣпко, точно сукно оттирала, и глядѣли спокойно, но какъ будто попрежнему—ласково...

Потомъ скоро сползла рука, глаза закрылись, — забылась бабушка, тихо засвистѣла носикомъ.

Варенька встала съ колѣнъ осторожно, чтобы не будить, взяла свѣчу, сѣла на свою кровать къ роману тоже осторожно, чтобы не скрипнуть, а самой такъ почему-то хорошо было оттого, что позвала и погладила ее бабушка, даже хоть бы и разсказать сейчасъ кому-нибудь, если бы былъ кто. Начала читать,—не поняла ничего; перевернула листикъ назадъ, чтобы вспомнить,—и тамъ не поняла.

Такъ минутъ десять прошло; читать не хотѣлось, все мечталось о чемъ-то, и съ бабушкой въ качалкѣ хорошо такъ было.

...Стукъ въ окошко,— слабенькій, такъ что не повернула даже головы Варя, только прислушалась. Потомъ опять, немного сильнѣе... Окошко было низкое и прямо въ садъ, и когда Варенька, замеревъ, подвялась къ нему со свѣчкой, она ужъ догадалась, что это— не зовъ изъ другого міра, а Костя Орѣшкинъ. Его и видно стало, когда отворила ставень: нескладный, шея длинная, воротъ блузы разстегнутъ, лицо робкое.

— Ты что это? — спросила Варенька въ стекло, очень тихо.

А Костя Орѣшкинъ улыбнулся застѣнчиво.

Когда улыбался онъ такъ, Варенькѣ всегда

хотѣлось на него прикрикнуть шутя: ужъ очень дѣтская была улыбка. Но теперь она только погрозила пальцемъ, косясь на бабушку, и прошептала:

— Какой глупый!.. Когда бабушка спитъ... Бабушка! — сказала громко. — А, бабушка! — еще громче.

Бабушка свистѣла носикомъ.

Тогда Варенька пріоткрыла окно.

— Ты зачѣмъ это пришелъ?

— Можетъ, мы... погуляемъ?

— Ты съ ума сошелъ! Когда я дежурю...

Костя подвинулся къ самому окну, такой же робкій.

— Мы бы немного... по саду.

— Ты какъ сюда попалъ? Калитка развѣ не заперта?

— Нѣтъ, я черезъ ограду... Тамъ, вѣдь, дырка въ оградѣ — планка одна вынута.

— Вотъ глупый!

— Очень ужъ ночь хорошая! — вздохнулъ робкій Костя.

А ночь была такая, что только подышать ею минуту, и вотъ ужъ усидѣть нельзя.

Въ саду было нѣсколько грушъ скороспѣлокъ; теперь (весна была ранняя) какъ разъ онѣ зацвѣли и ночью пахли куда крѣпче, чѣмъ днемъ. Потомъ соловьи... не въ этомъ,— тутъ ихъ пугали кошки, — въ сосѣднемъ саду, капитана Морозова, — у него насчетъ кошекъ было строже.

Груши и соловьи были только замѣтнѣе, а о всѣхъ другихъ запахахъ и другихъ звукахъ, такъ перемѣшавшихъ, такихъ особенно теплыхъ, апрѣльскихъ, тихо-уѣздно-городскихъ, — подумать словами какъ-то даже и невозможно было. Усидѣть на мѣстѣ нельзя, а почему, — Богъ знаетъ. Почему иногда человѣку каждый корявый сучокъ — родной братъ, каждая козявка — сестра, и къ парной землѣ хочется припасть губами?

Съ вечера прошелъ маленькій дождикъ, и теперь еще пахучѣй стало, чѣмъ раньше. Даже и та трава, которой еще не было, которая только завтра еще пробьется на свѣтъ,— и та ужъ пахла.

Отъ луны садъ внизу расписало тѣнями, и отъ свѣчки въ окнѣ, за Костей, въ кустъ барбариса полѣзла тѣнь.

— На минутку можно бы... — сказала Варенька.

— Ну, да, а то насколько же?!— просіялъ Костя.

— Какъ же?.. Въ окно?.. Нѣтъ,— застучу.

— Я помогу, ничего,— и протянулъ руки.

— На, платокъ мой теплый возьми.

— Да вѣдь и такъ тепло.

— Ну, все-таки — и поставивъ ногу на подоконникъ, еще разъ оглянулась на бабушку.

Изъ сада, насколько могла, притянула внутренній ставень и закрыла окно, чтобы на свѣтъ не залѣзло что-нибудь такое, чего не нужно. И когда очутилась въ саду рядомъ съ Костей, — „Вотъ спасибо тебѣ“! — сказалъ Костя.

* * *

Изъ-подъ теплаго платка, накинутаго на голову, снизу вверхъ на длиннаго Костю птичкой смотрѣла Варенька: а что онъ сдѣлаетъ? а что онъ скажетъ? а какъ поглядитъ?.. Теперь, ночью, все это было такъ таинственно: и то, что тополи надъ головой шуршатъ какъ жуки, и то, что груши пахнутъ крѣпче, и то, что тѣни отъ сучьевъ такъ же черны, какъ сучья, и то, что дышать такъ легко и сладко, и то, что бабушка зачѣмъ-то благословила ее (иначе она никакъ не хотѣла назвать того, какъ ее вспомнила бабушка), и то, что Костя какой-то новый, и съ нимъ хорошо.

— Видишь ли, Костя, — сказала она подумавъ,— я вотъ только за бабушку боюсь, а то бы мы съ тобой и по улицамъ погуляли.

— За бабушку что же бояться? — сказалъ Костя, радостно.—У нея, вѣдь, болѣзни никакой нѣтъ: у нея marasmus senilis.

— Что—что?

— Старческая дряхлость, а не болѣзнь... Долго она еще тянуть можетъ.

— Что ты! — Докторъ сказалъ... а иначе, зачѣмъ же намъ и дежурить?

— Такъ, у васъ времени больно много.

— Какой ты грубый, Костя! Я не пойду съ тобой.

— Ну, что ты... ну, прости... Доктора, вѣдь, они мало о человѣкѣ знаютъ... Только то, что онъ долженъ когда-нибудь помереть... Это я такъ... Ну, пойдемъ.

— А гдѣ же тутъ планка вынута?

— Она вотъ здѣсь; она не вынута—ее отодвинуть можно.

— Это ты ее и сломалъ, здѣсь всѣ планки были цѣлыя.

— Что ты, Варенька! Совсѣмъ не я.

— Ты, ты, ты,—ужъ не привораяйся,— я, вѣдь, все равно никому не скажу.

И когда Костя помогаетъ ей пробраться сквозь ограду на улицу, Варенька чувствуетъ, какъ бережно прикасаются къ ней его большія руки; ей весело; ей хочется засмѣяться звонко; но смѣяться звонко нельзя: ночь,—и она довѣрчиво и благодарно прижимается къ Костѣ плечомъ.

На улицѣ еще свѣтлѣе. Безобидныя собаки гдѣ-то лаютъ.

— Я такъ не люблю, такъ не люблю, что я — брюнетка! — почему-то говоритъ Варенька, вздохнувъ. — Когда я, совсѣмъ маленькая, ложусь, бывало, спать, — молюсь: „Господи! Ты, вѣдь, все можешь... Ну, что тебѣ стоитъ? — Сдѣлай, чтобъ я была блондинкой, чтобъ у меня пышные бѣлокурые волосы, и чтобъ вились... Боженька, сдѣлай!“... Очень я усердно молилась, ты не думай... Вставала утромъ, бѣгомъ къ зеркалу: — нѣтъ, такая же!.. Ревѣла я тогда, какъ телушка.

— Зачѣмъ тебѣ блондинкой?

— А затѣмъ... что ты ничего не понимаешь въ этихъ вещахъ.

— Нѣтъ, понимаю.

— А два года назадъ... ну, да, въ третьемъ годѣ... поѣхала я къ подругѣ Кашинцевой на дачу въ Святогорскій монастырь, на каникулахъ... Вотъ, гдѣ хорошо было! Сколько на лодкѣ каталась, грибы въ лѣсу собирали!.. Ну, хорошо. И тамъ, вѣдь, много дачниковъ, красный рядъ есть. Купила я себѣ матеріи на кофточку, и вотъ какъ-то меньше, чѣмъ надо: всего-то и меньше на поларшина, а кофточки не сошьешь. Покупала вечеромъ, лавки закрылись... Ну, ладно, думаю: завтра докуплю... А ночью вдругъ пожаръ, ты представь — красныя лавки горятъ! Бѣжимъ смотрѣть, а я только объ одномъ: пусть себѣ горятъ, если такъ имъ захотѣлось, только бы моя не сгорѣла: нигдѣ больше такой матеріи не было, — ну, нигдѣ. Вотъ я молилась!.. И ты вообрази: она-то, моя-то самая лавка именно и загорѣлась! Вся сгорѣла, дотла... Пропала моя кофточка! И говорили, что лавочникъ самъ поджегъ, знаешь, чтобы страховку получить.

Идутъ мимо паровой мельницы Балабана, гдѣ теперь слабо освѣщены запыленныя окна, гудитъ паровичекъ, работаетъ ночная смѣна. Костя невольно суживаетъ шаги длинныхъ ногъ, чтобы не опережать Вареньку, и оттого походка его становится нетвердой, а Варенька вся такъ люба землѣ: шаги ея незамѣтно упруги, плавны, точно не сама она идетъ, а несетъ ее улица. Иногда она останавливается, оглядываетъ все кругомъ, шумно вдыхаетъ воздухъ вздернутымъ подвижнымъ носикомъ и, по мальчишечьи встряхивая головой, говоритъ: „Ухъ, здорово!“.

Точно есть какая-то тайная согласованность неба, земли и всего, что есть на землѣ, и она ее чуетъ.

У Кости не умираетъ бабушка, но онъ стыдливъ: представляется древняя въ черномъ, одинокая, брошенная, — и ее ему почему-то жаль. Когда крался онъ по саду къ единственному окошку, сквозь ставни котораго пробивался свѣтъ, такой удачей казалось, что вотъ появится Варенька въ окнѣ, если онъ постучитъ тихо. Теперь она идетъ съ нимъ рядомъ далеко въ ночь, и къ этому онъ никакъ не можетъ привыкнуть, до того это странно хорошо. Потому-то, когда говоритъ онъ, у него обрывается не совсѣмъ послушный голосъ, и онъ больше слѣдитъ за ея словами, чѣмъ говоритъ самъ, но отвѣчать старается по-большому. А Варенька говоритъ, какъ идетъ: такъ же бойко, упруго и безъ усилій. Просто, — это ея природные дары: ходить, говорить, смѣяться звонко, хлопать въ ладоши, вскрикивать, изумляться.

— У насъ скоро свадьба, — то-есть Лиза, сестра, выходитъ замужъ. И такъ неудобно эта свадьба: какъ разъ, когда экзамены: 10-го мая. А ты танцуешь, Костя? — внезапно спрашиваетъ Варенька.

— Ну, вотъ еще глупости! — конфузится Костя.

— Я бы на твоемъ мѣстѣ, Костя, все-таки училась бы танцамъ. Какъ же такъ? Ты, вѣдь, не въ лѣсу жить собираешься? Молодой человѣкъ долженъ...

— Это шаблонъ, — слабо возмущается Костя. — Шаблоннѣйшій шаблонъ.

— Что жъ! Не такъ страшно... И земля кружится по шаблону.

И тутъ же, кстати, вспоминаетъ Варенька о французѣ.

— Какой нашъ французъ смѣшной!.. Спросили мы его: Мсье Сизо, — правда ли, говорятъ, что земля — шаръ? А онъ всталъ въ позу и отвѣчаетъ: — Cette question est très difficile!.. Понимаешь? — „Это очень трудный вопросъ!“ Ужъ мы хо-хо-тали! У меня, говоритъ, жена изъ Африки, но она не червая нѣтъ, — elle n'est pas noire.

— Но... достаточно, все-таки, черна, вставляетъ Костя.

— Ну, конечно!.. Взялъ еще моду почему-то: брать за подбородокъ пальцемъ. — Mademoiselle, а скажить... — и за подбородокъ... Я на него такъ посмотрѣла недавно, когда онъ ко мнѣ подошелъ, что онъ... сразу ручки въ карманчикъ, и даже на носочки поднялся... Ей-Богу, хотѣла под-счечину дать!

— Что да-ать?

— Подсчечину.

— Пощечину, — мягко поправляетъ Костя.

— Ну, все равно... А ты знаешь стихи:

Regardez, ma chère сестрица,
Quel joli идетъ garçon!..

Но увы,—il faut молиться,
Намъ пора à la maison!

Знаешь?

— Нѣтъ, не знаю. Хорошіе стихи.

Костя смѣется добродушно, вѣдь Варенька это нарочно, и она миленькая, — ей все простительно.

Между звѣздъ, теплыхъ и ласковыхъ, два облачка, и у нихъ изъзелена — свѣтлые края. Черепичныя крыши небольшихъ домовъ кажутся теперь такими легкими, почти невѣсомыми; кое-гдѣ не спятъ еще, и такъ созвучно свѣтитъ издали каждое желтое окошко. Тротуаровъ тутъ нѣтъ,— песочекъ; шаги тихи; собаки лаютъ вяло; садами пахнетъ...

И пока идутъ они между двумя рядами молчаливыхъ домишекъ, такъ много есть о чемъ говорить Варенькѣ.

— ...А Иванъ Андріянычъ, инженеръ, вотъ за котораго Лиза выходитъ, — онъ не особенный изъ себя, такъ — луноглазенькій, — смотритъ на меня, щеку кривитъ. — Вы что это щеку кривите? Думаете, хорошо?.. Кто, говорю, такъ дѣлаетъ! —А это, говоритъ, у меня, просто, зубъ болитъ... Ой, какъ болитъ! — Да вы бы его вырвали!— Охъ, не могу!—Почему не можете?—Какъ разъ это тотъ самый зубъ, какой я противъ васъ имѣю! — Всегда что-нибудь сморозитъ вообще...

Говоритъ Варенька, точно все спѣшитъ разсказать,—и о классной дамѣ Павлучкѣ, которая „отличилась недавно“, и о „началѣ-Ёвдохѣ“, и о томъ, каковъ за послѣднее время сталъ ихній батюшка, „père Антонинъ“.

Костя слушаетъ, и ему такъ нравится ея голосъ, теперь, ночью понизенный, и отъ этого какой-то волнующе-красивый, и нравится, что у нея такъ много веселаго обо всѣхъ.

Отецъ Кости—человѣкъ мрачный. Онъ—по хлѣбной части. Чай пьетъ въ прикуску. Дома—скупо, тѣсно, грязно, но Костя никому изъ чужихъ не жалуется на это: онъ стыдливъ.

Около большого сада купца Стрекачева останавливаются послушать соловья, который лучше Морозовскаго: звончѣе, колѣнъ больше, и они чище.

— Должно быть, старый,—замѣчаетъ Костя.

— Нѣтъ, онъ просто талантливый, — говоритъ Варенька.

Луна надъ этимъ садомъ какъ-то особенно хрустальна и велика на просторѣ, и глаза Вареньки загадочно блистаютъ. Кажется Костѣ, что нѣтъ и не можетъ быть ничего прекраснѣе ихъ, и горячимъ лицомъ онъ тянется къ нимъ и касается ихъ невольно. Это — какъ причастіе для него свято, по серчаетъ Варенька.

— Безъ глупостей!— говоритъ она рѣзко.— И я этого такъ не люблю, такъ не люблю!

Она стоитъ нѣкоторое время надувшись и потомъ, четко ставя ноги, идетъ назадъ.

— Куда ты? Варя!

— Я—домой... И не смѣй провожать: я— одна.

— Зачѣмъ ты такъ? — волнуясь, стремительно догоняетъ ее Костя.

— Варевька!..— Догналъ: идутъ рядомъ.

— Я съ тобой просто гулять вышла, просто такъ, ну... а ты...

— Я больше не буду этого, прости... Я нечаянно... не серчай...

Нѣсколько времени молча идутъ назадъ, но отъ этой ночи назадъ итти нельзя, — только впередъ можно.

— Хочешь, еще погуляемъ немного, только безъ глупостей, — говоритъ, наконецъ, Варенька.

И, повернувшись, они идутъ снова въ ночь, и замѣчаетъ о себѣ Варенька, подобрѣвъ:

— Я—капризуля страшная,—ты не думай... я и ногами топать могу, и кричать могу,— ты мена еще не знаешь, какъ слѣдуетъ...

Вышли въ улицу, кое-гдѣ освѣщенную, несмотря на ночь: главная, Дворянская, — магазины.

Вотъ гастрономическій Стрекачева, большой, съ зеркальными окнами; внутри горитъ лампа-молнія, и горѣть будетъ до часа ночи: при магазинѣ клубъ. Въ окнахъ такъ много консервныхъ жестянокъ разныхъ цвѣтовъ, ветчина, фрукты, вина, и огромный пухлый котъ — желтый, съ бѣлыми полосками поперекъ, сидитъ на прилавкѣ и куксится.

Вскрикиваетъ Варенька:

— Ахъ, котище какой! Вотъ прелесть!.. Страхъ, какъ люблю!..

Ей хочется добавить: непремѣнно заведу такого, но она добавляетъ: — это онъ отъ мышей.

— А самъ, небось, втихомолочку пользуется,—говоритъ Костя, смѣясь.

— Если бы пользовался, его бы не оставляли, что ты!

— Да вѣдь щекочетъ въ носу... ветчина, напримѣръ.

— Ну, что жъ... щекочетъ: онъ—ученый.

— До трехъ часовъ потерпитъ, пожалуй, а ужъ потомъ...

— Почему это до трехъ именно?

— Не знаю ужъ... такъ мнѣ кажется.

— Это ты по себѣ судишь?

— Я — куда тамъ! Я бы и часу не утерпѣлъ, ха-ха!

— Эхъ, ты!.. Да не хохочи по-лѣшему!..

А вонъ явскіе апельсины, вкусные—вкусные... Ну, пойдемъ, посмотримъ, какія теперь перчатки модныя.

Въ галантерейномъ освѣщена только витрина не уличнымъ фонаремъ, а лунною. Длинныя перчатки развѣшаны крестъ на крестъ.

— Вонъ, какая теперь мода: бѣлыя, лайковыя, пуговки черныя, большія...

— Всегда онѣ такія были!

— Нѣтъ, не всегда! Что ты? Много ты знаешь!.. А вотъ корсеты,— посмотримъ пойдемъ.

— Ну, зачѣмъ еще корсеты, дрянь!

— И вовсе не дрянь... Какой ты, Костя, грубый! Тебя просятъ,—ты долженъ итти... Вотъ, видишь, голубой съ свѣткой на всю фигуру? Это—парижскій.

— Пойдемъ къ рѣкѣ,—предлагаетъ Костя:— тамъ теперь замѣчательно.

— А бабушка?— вспоминаетъ Варенька.— И то ужъ мы какъ далеко ушли!

— Ничего, я думаю.

— Можетъ быть, и ничего... Я бы почувствовала. Я тогда почувствую... Вѣдь, у меня рефлексы очень сильные...

— Рефлексы,—мягко поправляетъ Костя.

— Ну, все равно... И вотъ эти мои ре... рефлексы...

— Рефлексы.

— Что это ты ко мнѣ все придираешься, Костя?.. Думаешь, это—очень хорошо?

— Ну, я не буду... Ты на меня не серчай.

Какой-то одинокій пьяный, въ нахлобученной фуражкѣ, весь намѣленный, должно быть, рабочій съ мельницы, ползъ навстрѣчу, покаянно бурча:

— Какъ поро-сенокъ... Пятьдесятъ два года мнѣ,—а я... какъ поросенокъ...

Поровнявшись, сдѣлалъ крутой зигзагъ и чуть не придавилъ Вареньку. Костя ловко поставилъ руку ребромъ между ней и пьянымъ и пояснилъ взрослымъ басомъ:

— Деривація плѣво, почтенный!

А Варенька прижавшись къ нему, сказала:

— О, Господи! Вотъ еще!..

— И подумала тутъ-же: „Черезъ годъ Костя—студентъ... Студенту ужъ и жениться можно?“ — И потомъ еще подумала: — „Онъ, вѣдь, и не бѣдный, изъ купцовъ... Его, если подстричь, одѣть прилично, и чтобъ онъ не сутулился такъ,—онь будетъ даже красивый“...

* * *

Полукругомъ мягкимъ и лунымъ, чуть задымленнымъ отъ ночного пара, рѣка подходила къ берегу съ двумя мостками для бабъ-полоскалокъ, а за рѣкой—дубовая „Хлѣбинина роща“, гдѣ дубы огромные, старинные, гдѣ росли ландыши, гдѣ устраивались маевки. Надъ рѣкой повсюду теперь горластый, влажный, упругій рокоть лягушекъ,— къ дождю или къ ведру,— къ чему онѣ тамъ задаютъ свои балы и концерты? Сзади—за спиной —линія невзрачныхъ домишекъ, и отъ нихъ жилой, печной запахъ; нѣсколько крашеныхъ лодокъ въ водѣ у причаловъ, днѣ-три скамейки на берегу, и надо всѣмъ вверху очень далеко свѣжее небо въ мелкихъ звѣздахъ, и такъ ясно, что передъ этимъ небомъ всѣ дѣла человѣческія, великія и малыя — равны. Но это только съ перваго взгляда такъ:—во все нужно вглядѣться пристально, послушать, подышать свѣтлой рѣчкой, идущей издалека, различить нѣсколько слабыхъ сырыхъ огоньковъ вдали, вспомнить дѣтство.

Для этого нужно сѣсть на одну изъ истерзанныхъ перочинными ножичками и исписанныхъ карандашами старенькихъ скамеекъ, сѣсть плотнѣй, и сидѣть долго и молча: смотрѣть, слушать и думать; не говорить, потому что слова отпугиваютъ то, что приходитъ.

Тогда будетъ исподволь просачиваться внутрь какая-то одна для всего въ мірѣ...—какъ назвать это? — душа-ли, тайна-ли, мысль или вѣчность, какъ еще, — все равно, какъ ни назови, все будетъ не то, потому что нѣтъ слова для этого—и все зазвучитъ согласно, и къ одной какой-то общей точкѣ схода, ото всего кругомъ пройдутъ черезъ тебя горизонтали.

Небо ниже спустится, и ближе звѣзды, и лягушки въ рѣкѣ не будутъ горланить,— вотъ странность! — то-есть, онѣ будутъ, но ихъ будетъ слышно, насколько нужно, и сырые огоньки вдали подсохнутъ, и отраженіе отъ лодокъ и причаловъ и бабьихъ мостковъ, — все это будетъ ничуть не тише лягушекъ и глухихъ рѣчныхъ бучилъ, и шариковъ у запертыхъ калитокъ. И яснѣе все станетъ въ тишинѣ: чему же и съ чѣмъ же спорить?..

Эти пристальныя къ жизни тихія минуты, если сбылись онѣ, ихъ нужно беречь, какъ пасхальныя свѣчи—онѣ рѣдки. Онѣ приходятъ изъ нѣдръ жизни и все преображаютъ, неизвѣстно какъ: и темную дубовую Хлѣбинину рощу, и жуткость рѣки, на днѣ которой съ той стороны переплелись корни, и выпыи крики, которые въ другое время пугаютъ.

И чужое тепло рядомъ незамѣтно такъ и просто становится твоимъ тепломъ, и даже странно какъ-то думать о немъ, что оно — чужое.

— Это напротивъ, кажется, утонулъ вашъ гимназистъ Казанскій въ прошломъ году? — спрашиваетъ Варенька тихо.

— Да, напротивъ... Плавалъ плохо, судорогой руку свело...— также тихо отвѣчаетъ Костя.

Его большая рука лежитъ на Варенькиномъ плечѣ. Варенька прикурнула къ нему головой въ своемъ тепломъ платкѣ, и отъ этого платка такъ чуть тревожно, хорошо пахнетъ.

— А ты умѣешь плавать?

— Еще бы,— я-то!

— Я тоже умѣю. Я далеко плаваю.

И потомъ опять долго сидятъ и молчатъ.

Когда дѣтское не ушло еще изъ души, такимъ все кажется глазастымъ и большимъ, и рахолуство-тихоуѣздное вѣтъ, потому что по своей орбитѣ какой-то движется въ душѣ весь цѣликомъ, нерасчлененный міръ. Куда онъ?— Богъ его знаетъ. И пока неважно это—куда. И изъ земли не выпадешь, и изъ души не выпадетъ земли; пока недалеко ушло дѣтское, вся душа еще земляная,— снѣжная, дождевая, цвѣточная, обнадеженная солнечной лаской самое меньшее на сто лѣтъ.

Передъ звѣздами всѣ человѣчьи дѣла равны, но вѣдь и всѣ звѣздныя дѣла равны передъ землей, что бы про нихъ ни выдумывали звѣздочеты. Вотъ упала звѣзда, оставивъ послѣ себя на одну секунду, на одно только мгновеніе, зеленый пушистый хвостъ...

Летучія мыши иногда налетаютъ, пропархиваютъ мимо и какъ будто попискиваютъ на лету. Съ той стороны, кромѣ соловьевъ и лягушекъ, слышится иногда трескъ, точно небольшая трещотка то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ.

— А ты знаешь, Костя, кто это трещитъ?

— А это птица такая... называется она...

— Хорошо, не надо... Я тоже знаю: козодой! А что?

— Козодой.

Варенька прижимается къ Костѣ крѣпче, точно козодой своимъ трескомъ, что-то такое, какую-то тонкую ниточку разорвалъ между ними. Потомъ еще какую-то ниточку разрываетъ налетѣвшій на Костю жукъ; потомъ еще одну — плескъ весла около далеко гдѣ-то поставленныхъ вятерей.

Двигалась ночь въ своей послѣдне-апрѣльской работѣ близко и густо; ясно было, какъ хлопотала неугомонно и на рѣкѣ, и въ Хлѣбинной рощѣ, и сзади въ домишкахъ, и тамъ, на лугахъ, гдѣ огоньки,— а они двое сидѣли и слушали, какъ двигалась ночь, и когда говорили, то все о чемъ-нибудь маленькомъ, полудѣтскомъ, согласномъ съ этой близкой землей, всѣ дѣла которой равны передъ звѣзднымъ судомъ.

Какой-то запоздалый извозчикъ протарахтѣлъ и разбудилъ собакъ недалеко отъ нихъ въ недавно замощеномъ переулкѣ. Костя погладилъ тихо Варино плечо.

— Какъ-то бабушка твоя теперь, Варя?

— Я только-только вспомнила про бабушку, а ты сказалъ! — подняла удивленно голову Варенька.— Почему ты это угадалъ такъ?.. Знаешь что, мы, все-таки, пойдемъ ужъ,— будетъ, правда?

И, точно до конца продумавъ все, она добавила просто.

— Ты, Костя,— хорошій. Дай я поцѣлую тебя крѣпко-крѣпко.

* * *

Только, когда забрезжило мутное молоко на востокѣ, и почернѣли влажно сучья акацій, и два соловья перебойщики — одинъ въ саду капитана Морозова, другой — въ Стрекачевскомъ саду стали слышнѣе, и ужъ свѣжо стало, такъ, что прозябла Варенька,— она простилась съ Костей Орѣшкинымъ около сломанной планки бабушкиной ограды. По саду пробѣжала бѣгомъ (а Костя не уходилъ, смотрѣлъ),— на бѣгу думала: „а вдругъ, что-нибудь съ бабушкой случилось, а меня не было!...“ Подбѣжала къ желтенькой рыхлой полоскѣ своего окна, отодвинула ставень, прислушалась: сидѣла попрежнему бабушка въ качалкѣ — спала, а свѣча оторѣла ужъ наполовину; въ комнатѣ было тихо, желто, тепло, лавандой пахло, а на ея кровати спалъ корешкомъ кверху толстый романъ.

Влѣзла Варенька такъ ловко и безшумно, какъ самый опытный воръ. Постояла около бабушки, постояла около зеркала у комода — пригладила волосы, постояла еще у окна и потомъ плотно прикрыла его и заперла на задвижку ставень, и стало такъ, какъ будто все время сидѣла здѣсь, и представилось вдругъ, что войдетъ Ольга Ивановна, шмурыгая туфлями, въ ковровомъ пестромъ платкѣ поверхъ рубахи и спроситъ: — Ты никуда не уходила, Варя? — а она вздернетъ плечами обиженно: — Какъ же я могла бы уйти, разъ я дежурю?

Поправила свѣчку, прилегла на подушку, пахнувшую со вчерашняго любимыми Дашиными духами coeur de Jeannette, взяла было книгу, но такими бѣдными, жалкими, тощими показались мелко напечатанныя страницы, захватанныя въ нижнихъ уголкахъ,— а ночь, за окномъ не оставшаяся, а вошедшая сюда съ нею, была такъ полнымъ-полна, такъ тяжело ложилась на вѣки, что куда же было бороться съ нею?.. И Варенька заснула крѣпчайшимъ сномъ.

...Шелъ уже дѣлоной девятый часъ, когда Ольга Ивановна, тряся за плечо, будила Вареньку.

— А?.. Я сейчасъ... Я—еще немножко...— бормотала Варенька, не открывая глазъ.

— Зѣва ты, зѣва, соня ты, соня!.. Вставай,—бабушка умерла!

И тутъ же скочила Варенька. И такъ стало страшно вдругъ, что бабушка умерла: вѣдь только что была живая,—не страшно, а именно страшно:—когда же?.. И, можетъ-быть, бабушка не умерла бы такъ скоро, если бы она, Варенька, не заспула? И, можетъ-быть, и она не заспула бы, если бы не ушла гулять?.. Стала вдругъ совсѣмъ маленькой грѣшной дѣвочкой, ухватилась за платье Ольги Ивановны и заплакала навзрыдъ.

А Ольга Ивановна утѣшала:

— Ну, что ты, дурочка, что?.. Смерть пришла, и все... Поди умойся... Потомъ за монашками сходишь, чтобъ почитать пришли. Я ужъ договорилась съ ними третьяго дня, онѣ знаютъ.

Отъ укоряющаго солнца некуда было дѣвать глазъ: на графинѣ съ водою солнце, на мѣдномъ подсвѣчникѣ солнце, колючимъ золотомъ пропизава была зававѣска, яркій-ярчайшій зяблик гремѣлъ за окномъ: но глаза искали бабушку; и когда увидала черное ужъ не въ привычной качалкѣ, а на столѣ — вздрогнула и вскрикнула.

Но Варенька никому не сказала, что случилось ночью, какъ назвала ее бабушка, какъ благословила, и когда она, не сознавая еще ясно, поняла, на что благословила,— бабушка умерла, уснула тихо навѣки, точно исполнила послѣднее, что хотѣлось исполнить, и дальше ужъ незачѣмъ ей было дремать въ креслѣ-качалкѣ—жить. Отъ этого-то теперь на столѣ у нея такой спокойный видъ отдыхающей по праву: дождалась, когда послѣднюю правнучку, самую младшую, озарила несешняя любовь... дождалась и умерла.

И когда вечеромъ, придя домой, Варенька подумала обо всемъ, что было въ этотъ день, она вспомнила ярко только Костю, какъ онъ постучался въ ставень, — точно изъ другого міра зовъ,—и какое у него было тогда робкое лицо; вспомнила и то (это послѣ),—какъ онъ поцѣловалъ ее застѣнчиво около сада Стрекачова, а когда она осерчала притворно, сказалъ тихо: „Я больше не буду этого... Я—нечаянно... не серчай!..“

Вырвавъ изъ тетради четвертушку графленой бумаги, Варенька вывела на ней мелкимъ, но старательнымъ, краспвымъ подчеркомъ: — „Милый—милый—милый, родной мой Костя!..“

Это было первое ея письмо, въ которое хотѣлось ей вмѣстить такъ много: и смерть бабушки, и то, что она благословила, и все прошлое свое до этой ночи, и свои чувства. Но бумага была мала, и писалось все только это: „Милый — милый — милый, родной мой Костя!..“

И, исписавъ такъ всю четвертушку, Варенька заплакала отъ тихой радости, что можетъ сказать это такъ значительно и просто теперь, и что будетъ говорить это часто-часто, долго-долго,—цѣлую жизнь: „Милый — милый — милый, родной мой Костя!..“

„У ЖИЗНИ ВЪ ЛАПАХЪ“.

(„Рабы“ дэ Бугелье).

Особое мѣсто во французской изящной литературѣ занимаетъ поэтъ и драматургъ Сенъ-Жоржъ де-Бугелье,— представитель „натюризма“, этого углубленнаго субъективизмомъ „натурализма.

Послѣ драмы „Карнавалъ дѣтей“, окончательно упрочившей его имя, де-Бугелье выступилъ съ пьесой „Рабы“, но не обычнымъ путемъ—при свѣтѣ рампы—а въ газетѣ „Comoedia“.

Съ содержаніемъ этой пьесы, такъ мало гармонирующей съ общимъ тономъ банально плоской и беззаботной французской драматургіи, и съ странной судьбой ея знакомитъ русскихъ читателей А. Луначарскій („Кіев. М.“ № 22).

„Въ теченіе шести лѣтъ уже прославленный авторъ посылалъ свою пьесу директорамъ различныхъ театровъ. Почти всѣ они немедленно по прочтеніи ея писали Бугелье любезныя письма и условливались съ нимъ о постановкѣ этого „изъ ряду вонъ выходящаго произведенія“. Но проходило нѣсколько недѣль, и вдругъ директоръ одумывался, извинялся и съ новыми комплиментами отсылалъ драму назадъ.

Только Антуанъ, которому не занимать стать смѣлости, сказалъ молодому драматургу такъ: „Вещь мнѣ нравится. Я ее поставлю. Я увѣренъ, что мы съ нею провалимся“.

Бугелье не рѣшился итти на такой рискъ. И вотъ послѣ долгихъ мытарствъ обратился, наконецъ, къ суду общественнаго мнѣнія, опубликовавъ свою пьесу въ распространенной газетѣ.

Онъ предпослалъ ея тексту довольно обширное объясненіе. Я приведу изъ него нѣсколько любопытныхъ фразъ.

„Относительно „Рабовъ“ можно бояться неправильнаго сужденія плохо подготовленной

публики. Внѣшность пьесы такова, что легко напрашивается обвиненіе въ тривіальномъ прозаизмѣ. На дѣлѣ же она принадлежитъ къ тому направленію, которое Ле-Сени опредѣлилъ, какъ идеоватюризмъ. Я согласенъ, что для исполненія ея нужны странные артисты. Герои мои одержимы. Они похожи на лунатиковъ... Центральная идея пьесы можетъ показаться анархистской. Вотъ почему осторожные директора просили сдѣлать въ ней измѣненія. Но это низменная точка зрѣнія. Въ пьесѣ изображается солдатъ, бунтующій противъ казармы. Это, однако, лишь проявленіе, или символъ той идеи, которую высказываетъ другой персонажъ: „Надъ каждымъ изъ насъ царитъ нѣкій законъ“. Настоящей цѣлью моей пьесы было выразить такую концепцію жизни: мы всѣ рабы а господинъ нашъ — жизнь съ ея темной для насъ силой. Я не хочу писать пьесы съ узкосоціальнымъ тезисомъ, но выявить на конкретныхъ явленіяхъ цѣлую философію. Я хочу брать мотивы, присущіе современной душѣ, и дать театръ, обладающій граціей волшебной сказки и мистическимъ очарованіемъ грезы“.

Вотъ мѣсто, въ которомъ происходитъ дѣйствіе его новой драмы. „Комната перваго этажа, выходящая въ переулокъ. Стѣны выбѣлены. Черная деревянная кровать. Въ глубинѣ очень старая софа съ букетами. Столъ, пара стульевъ. Здѣсь живетъ проститутка послѣдней категоріи. Широкое окно съ занавѣсками. Черезъ него видна необыкновенно высокая стѣна казармы. Стѣна бросаетъ сырую тѣнь въ самую комнату. Изъ-за стѣны временами раздаются выкрики трубы и рокотъ барабана, порою короткія команды. Все это ведетъ свою невидимую жизнь, неумолимо регулярную. За кулисами все время идетъ существованіе, независимое отъ дѣйствія. Казарма и улица играютъ въ пьесѣ роль. Онѣ представляютъ темныя силы, господствующія надъ людьми“.

Первое дѣйствіе опредѣляетъ положеніе. Въ описанной комнатѣ живутъ двѣ сестры-проститутки: Леонтина и Анна. Первая — некрасивая и придурковатая дѣвочка, жадно мечтающая о любви, съ восторгомъ встрѣчающая всякаго пожелавшаго ее и готовая вѣрить тѣмъ нелѣпымъ розсказнямъ, что плетутъ ей нарочно насмѣхающіеся селадоны квартала. Вторая — Анна, красивая и страстная дѣвушка, въ глубинѣ разврата своего нашедшая сокровище: горячую взаимную любовь. Ея дружокъ солдатъ Бернаръ. Парень этотъ затронутъ пропагандой, да и вообще смѣлъ и свободолюбивъ, и казарменная дисциплина убиваетъ его. Тѣмъ болѣе, что она какъ бы воплотилась въ фигуру унтера, вдвойнѣ его ненавидящаго. Тяжеловѣсный унтеръ — человѣкъ дисциплины не за страхъ, а за совѣсть. Онъ гордъ своей вымуштрованностью, своею слѣпой вѣрностью казармѣ и ея законамъ. Вольный духъ, котораго не скрываетъ Бернаръ, ему претитъ и вызываетъ его презрѣніе. Вдобавокъ онъ влюбленъ въ Анну. Оба чувства смѣшиваются въ немъ въ глухое сначала, но потомъ все болѣе опредѣленное желаніе уничтожить Бернара. Его придирки, вѣчные аресты, подъ которыми сидитъ Бернаръ, вѣчныя томительныя разлуки съ нѣжно-любимой Анной, доводятъ молодого человѣка до выступленія. Катастрофа готовится.

Во второмъ дѣйствіи Бернаръ, вновь оставленный въ казармѣ безъ отпуска, нарушаетъ приказъ, перескакиваетъ высокую стѣну и является къ пораженной ужасомъ и восторгомъ подругѣ. Тутъ слѣдуетъ одна изъ сильнѣйшихъ сцепъ.

Бернаръ. Разъ посмотрѣлъ смерти въ лицо — становишься сильнымъ! Что они могутъ со мной сдѣлать, Анна? Пусть придутъ. Я бросилъ имъ вызовъ. Между нами теперь бой на жизнь и на смерть. Теперь ужъ не вернешься, Анна! Видишь ли, маленькая Анна, я перерубилъ канатъ. Со старымъ міромъ меня ничто не связываетъ. Впередъ же, моя дѣвочка, навстрѣчу новому!

Анна. Навстрѣчу новому? (Съ дѣтской радостью бьетъ въ ладоши). Впередъ! Всюду, куда ты хочешь!

Бернаръ. (Повелительно и мрачно). Долой отсюда,—къ берегамъ свободы! Ты не знаешь, красавица, слушай... Ты не знаешь... За океаномъ, тамъ далеко на западѣ, есть страна... За океаномъ, ты не знаешь, Анна, тамъ есть страна, въ которой люди свободны и счастливы. Въ тѣхъ земляхъ ищутъ и находятъ золото. Это за океаномъ, Анна. Надо плыть и плыть цѣлые дни. Ты не знаешь, тамъ стоитъ только нагнуться — и наберешь золота въ горсти, — наберешь на милліонъ. Бѣдняки, бѣдняки, какъ мы, поѣхали туда, и тѣ, кто вернулись — вернулись богачами... Сказочными!.. Слышишь, Анна?

Анна. Да? Ты думаешь? А мы? Мы поѣдемъ туда?

Бернаръ. Да, поѣдемъ. Здѣсь пропадешь. Ужъ, конечно: что здѣсь подѣлаешь? Здѣсь мы бойный скотъ, больше ничего. Но когда переѣдешь море, Анна, когда сядешь на корабль и понесешься туда...

Анна. (Горячо). Да, туда, туда... Куда же это?

Бернаръ. Туда. Я видалъ... Я читалъ... Садишься на корабль, скажемъ, съ эмигрантами, это далеко. Это далеко. Но въ концѣ-

концовъ доѣдемъ. Другіе доѣхали же. Почему намъ нельзя? А въ тѣхъ странахъ бриллианты растутъ прямо изъ скалъ. Въ пескѣ подъ водой множатся жемчуга. Ты все это увидишь, Анна. А какъ я буду работать! Я буду рыться въ шахтахъ. Я буду нырять на дно морское за перлами! Я отыщу золотые слитки, Анна! Я принесу тебѣ кучи драгоцѣнныхъ камней. Стѣны зеркала. Ты увидишь, ты увидишь.

Анна. Золотыя драгоцѣнности! Скажи... У меня будутъ такія драгоцѣнности, какъ у нихъ? И это ты мнѣ ихъ подаришь?

Бернаръ. Я все подарю тебѣ.

Анна. Іисусъ, Св. Дѣва!

Бернаръ. Вотъ это будетъ красивая жизнь, дорогая Анна, красавица, моя Анна-белла.

Анна. Почему ты называешь меня такъ?

Бернаръ. (Обнимая ее). Потому что такъ будутъ тебя звать теперь. Это будетъ твое имя для меня одного, любовь моя. Твое королевское имя...

А бальная музыка между тѣмъ вновь начинается. Но сквозь ласкающіе звуки вальса дважды раза прорываются безпокойные свистки. Въ дверь кто-то вдругъ стучитъ.

Стучитъ унтеръ. Онъ пришелъ предупредить Анну, что чины полиціи правовъ дѣлаютъ облаву на проституткъ. Они могутъ зайти въ комнату и, если Анна не одна, судъ короткій — забрутъ. Это серьезная опасность: но хуже всего то, что самъ унтеръ, какъ ни гонятъ его—не хочетъ уходить. Ужъ не чуетъ ли онъ, что Бернаръ у Анны? Да, онъ прохаживается подъ окномъ, онъ караулитъ на углу. Тогда Анна изъ окна со смертью въ сердцѣ начинаетъ кокетничать съ нимъ и просить его отвезти ее потанцовать въ кабакъ Кокатрикса, откуда доносится развеселая музыка. Но унтера не проведешь. Онъ все-таки тутъ. Бернаръ приказываетъ Аннѣ позвать его въ комнату. Въ головѣ его зрѣетъ страшная рѣшимость. Но и у Анны мгновенно создается свой планъ. Унтера зазываютъ. Онъ не удивляется при видѣ Бернара. Онъ не только знаетъ, что тотъ сбѣжалъ, но обвиняетъ его еще, притомъ основательно, въ кражѣ денегъ на дорогу. Оба мужчины стоятъ другъ передъ другомъ полные ненависти, искренне презирая другъ въ другѣ противоположные принципы. Но когда Бернаръ бросается на унтера, а тотъ обнажаетъ саблю, Анна нарочно ранитъ себя о его саблю и начинаетъ кричать, что онъ убилъ ее изъ ревности, что она сейчасъ передъ всѣми обвинитъ его. Оторопѣлый унтеръ дастъ Бернару убѣжать. Ему хочется приласкать Анну, перевязать ея рану. Онъ чувствуетъ своеобразное благоговѣніе передъ ея героизмомъ, но она отталкиваетъ его, какъ гадину.

И вотъ въ то время, какъ дѣвушка истекаетъ кровью — полиція правовъ догоняетъ ея сестру, и несчастная Леонтина колотится въ дверь кулаками и головой, умоляя отпереть ей. Но окровавленная Анна боится показаться людямъ и даже сестрѣ, чтобы не было скандала, чтобы не помѣшать милому уйти подальше, и она истерически рада, когда воющую дѣвочку уволакиваютъ отъ дверей.

Въ третьемъ дѣйствіи мы присутствуемъ сначала еще при робкихъ остаткахъ надежды. Больная Анна разсчитываетъ, что Бернаръ спрятался хорошо, что ея угрозы будутъ достаточно сильны надъ унтеромъ, что онъ позднѣе присоединится къ своему милому, что они цѣною любви, рѣшимости, самоотверженія купятъ побѣду надъ стѣной.

Но все рушится. Долгъ побѣждаетъ въ сердцѣ унтера всѣ страхи. Мрачный, съ сознаніемъ какой-то внутренней неправоты, но загипнотизированный дисциплиной, приходитъ онъ умолять Анну забыть Бернара. Онъ отыскалъ его. Жандармы волокутъ его мимо. Слѣдуетъ изступленная сцена сопротивленія. Стѣна уже проглотила его. Блѣдная, умирающая, мечется Анна на своей кровати, подъ безсильныя утѣшенія подругъ-проститутокъ. Но раздается выстрѣлъ. Бернаръ освободилъ себя пулей въ високъ. И Анна безумно торжествуетъ: „Какова-то теперь у нихъ рожа? — они думаютъ, что держатъ его крѣпко, во Бернаръ не такой парень! Разъ онъ хочетъ свободы — его не удержать!“

Джэкъ Лондонъ о самомъ себѣ.

Навѣрное, ни одинъ изъ писателей нашей эпохи, когда жизнь человѣческая, при всемъ обиліи и разнообразіи впечатлѣній и лихорадочности, „кинематографичности“ переживаній, внѣшнимъ своимъ содержаніемъ напоминаетъ калейдоскопъ съ его убого-шаблонными „комбинаціями“,—ни одинъ изъ современныхъ писателей, навѣрное, не можетъ похвастаться такой интересной, оригинальной біографіей, какъ Джэкъ Лондонъ. Даже пестрая, красочная молодость нашего Максима Горькаго, столь богатая приключеніями и превращеніями, блѣднѣетъ передъ тѣмъ фейерверкомъ, какимъ представляется прошлое „американскаго Горькаго“.

На русскій языкъ переведены уже и автобіографическіе очерки Лондона—„Дорога“. Въ этой книгѣ модный у насъ американскій беллетристъ разсказываетъ только о тѣхъ эпизо-

дахъ изъ своей жизни, которые относятся къ годамъ его бродяжничества, „босячества“. Нѣсколько лѣтъ былъ онъ заправскимъ трампомъ, „хобо“, и стяжалъ въ этомъ своеобразномъ міркѣ громкую, заслуженную славу подъ именами Морского Парня, Фриско-Парня, Джека-Матроса.

Почему же онъ сталъ бродягой?

„Да просто потому,— признается Д. Лондонъ,— что чувствовалъ въ себѣ избытокъ жизни, что кровь во мнѣ бурлила и не давала мнѣ сидѣть на одномъ мѣстѣ. Я вышелъ на „Дорогу“, потому что Дорога звала меня; потому что у меня не было въ карманѣ денегъ на билеты; потому что я былъ такъ устроенъ, что для меня было немыслимо всю жизнь работать „въ одной и той же смѣнѣ“; потому что... ну, потому что легче было это сдѣлать, чѣмъ отъ этого удержаться. Случилось это, когда мнѣ было шестнадцать лѣтъ.

Главная прелесть бродячей жизни заключается въ отсутствіи однообразія. Жизнь въ Странѣ Трампа представляетъ собою постоянно мѣняющуюся фантасмагорію, въ которой все невозможное становится возможнымъ и изъ-за каждаго поворота дороги выскакиваетъ что нибудь неожиданное. Хобо никогда не знаетъ, что случится съ нимъ черезъ минуту; вслѣдствіе этого онъ живетъ лишь настоящей минутой. Онъ позналъ всю суетность дальновидности и съ наслажденіемъ несется впередъ на капризныхъ волнахъ судьбы“.

Началъ Джекъ Лондонъ свою карьеру въ царствѣ Хобо простымъ „дорожнымъ парнемъ“, чтобы потомъ,— уже въ качествѣ полноправнаго трампа-„профессіонала“, „королевскаго трампа“, „кометы“, — удостоиться принятія въ среду аристократіи Дороги, ея „господъ и владыкъ“.

* * *

Профессія „дорожнаго парня“ и трампа: охота за мелкой подачкой—„выстукиваніе изъ главной трубы (улицы) легкихъ монетокъ“ — выпрашиваніе обѣда у кухонныхъ дверей, „качаніе грузнаго“ (что значитъ обобрать пьянаго) и т. п. Главная же „спеціальность“ ихъ—это ѣзда „зайцемъ“ по желѣзной дорогѣ. Но какая разница между нашими россійскими зайцами-любителями и заатлантическими „профессіоналами“!

Слѣдующій случай изъ практики Д. Лондона даетъ наиболѣе яркій образчикъ желѣзнодорожныхъ подвиговъ хобо — рисуетъ тотъ специфически-американскій героизмъ, который культивируется тамошними „босяками“.

„Я находился въ Оттавѣ, направляясь на западъ по линіи Канадско-Тихо-Океанской желѣзной дороги. Мнѣ предстояло проѣхать три тысячи миль; была уже осень, а мнѣ предстояло проѣхать Манитобу и Скалистыя горы.

Я былъ непріятно пораженъ, когда, явившись на станцію, нашелъ тамъ по крайней мѣрѣ два десятка трамповъ, собиравшихся ѣхать на „слѣпой платформѣ“ пассажирскаго поѣзда. Два или три человѣка на платформѣ— это еще не такъ скверно; ихъ не очень замѣтно. Но двадцать человѣкъ! Было ясно, что намъ предстояли непріятности. Ни одна бригада никогда не рѣшится пропустить цѣлыхъ двадцать человѣкъ сразу!

Однако надо объяснить, что такое „слѣпой багажный“; нѣкоторые почтовые вагоны не имѣютъ дверей на переднемъ и на заднемъ концѣ; это и есть слѣпые вагоны. Если же багажный вагонъ имѣетъ двери на обоихъ концахъ, то двери эти всегда заперты наглухо. Если, послѣ того какъ поѣздъ отошелъ отъ станціи, трампу удается вскочить на платформу слѣпого вагона, то — такъ какъ дверей нѣтъ, или, если и есть, то онѣ заперты — ни одинъ кондукторъ не можетъ проникнуть къ нему и потребовать съ него платы или сбросить его съ поѣзда.

Ясно, что до слѣдующей остановки трампъ находится въ полной безопасности. На остановкѣ ему надо соскочить, незамѣтно побѣжать впередъ и, когда поѣздъ покинетъ станцію, снова вскочить на платформу слѣпого вагона, или — что одно и то же — на слѣпую платформу. Какъ увидите, все это далеко не такъ просто, какъ кажется.

Едва поѣздъ отошелъ отъ станціи, какъ всѣ двадцать трамповъ вскочили на платформы трехъ слѣпыхъ вагоновъ. Нѣкоторые поспѣшили вскочить, едва только поѣзъ тронулся съ мѣста,— это были глупцы, и я зналъ, что имъ не сдобровать. И въ самомъ дѣлѣ, поѣздъ остановился, и началась потѣха. Я тотчасъ же соскочилъ и побѣжалъ впередъ вдоль линіи. Ко мнѣ присоединилось еще нѣсколько трамповъ — очевидно это тоже былъ народъ опытный. Для того, чтобы ѣхать въ пассажирскомъ поѣздѣ, на остановкахъ надо держаться впереди поѣзда. Я рѣшилъ стать какъ можно дальше впереди паровоза и, по мѣрѣ того, какъ я бѣжалъ, то одинъ, то другой изъ моихъ спутниковъ останавливался. Каждый останавливался въ зависимости отъ своей ловкости, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ, конечно, труднѣе вскочить въ движущійся поѣздъ. Когда поѣздъ отходитъ отъ станціи, происходитъ слѣдующее. На слѣпой платформѣ ѣдетъ кондукторъ. Для того, чтобы проникнуть въ

поѣздъ на свое мѣсто, у него есть одинъ только путь — соскочить съ слѣпой платформы и затѣмъ вскочить на платформу одного изъ пассажирскихъ вагоновъ. Когда поѣздъ идетъ уже достаточно быстро и кондукторъ не хочетъ слишкомъ рисковать, онъ соскакиваетъ съ слѣпой платформы, пропускаетъ мимо себя нѣсколько вагоновъ и затѣмъ снова вскакиваетъ въ поѣздъ. Дѣло трампа — ждать поѣздъ на такомъ разстояніи, чтобы, когда мимо него пронесется слѣпая платформа, на ней уже не было кондуктора.

Послѣдній трампъ отсталъ въ тридцати шагахъ отъ меня; тогда я остановился. Поѣздъ отдѣлился отъ станціи. На первой платформѣ виднѣлся фонарь — значитъ, на ней находился кондукторъ. Наиболѣе тупые и неловкіе трампы стояли въ сторонѣ, грустно провожая глазами, подходившія мимо нихъ слѣпыя платформы Они уже больше не пытались вскакивать. Они были побѣждены уже съ самаго начала. Дальше ждали уже тѣ трампы, которые хоть что нибудь понимали. Пропустивъ мимо себя первую платформу, на которой находился кондукторъ, они стали вскакивать на вторую и на третью. Кондукторъ, разумѣется, соскочилъ съ первой и вскочилъ сперва на вторую, а потомъ на третью, очистивъ отъ трамповъ и ту и другую. Зато, когда мимо меня проносилась первая платформа, она была пуста, такъ какъ кондукторъ находился на второй, и я поспѣшилъ вскочить на нее. На ней уже находилось человѣкъ шесть опытныхъ трамповъ, занявшихъ — также, какъ и я — свои позиціи достаточно далеко отъ станціи.

На ближайшей остановкѣ, когда я бѣжалъ впередъ, я замѣтилъ, что насъ уже оставалось пятнадцать человѣкъ. Пять было оставлено на предыдущей станціи. Чистка съ самаго начала пошла удачно и продолжалась на каждой станціи. Вскорѣ насъ осталось только четырнадцать человѣкъ, затѣмъ двѣнадцать, одиннадцать, девять, восемь и т. д. Я твердо рѣшилъ, что если меня выбросятъ, то только самымъ послѣднимъ. Я былъ молодъ, мнѣ было только восемнадцать лѣтъ, и я былъ здоровъ, силенъ и ловокъ; кромѣ того, я былъ достаточно смѣлъ и хладнокровенъ. Всѣ эти трампы были новичками — „веселыми котами“ и любителями. Я же былъ не только настоящимъ трампомъ, но даже „королевскимъ трампомъ“. Если я не способенъ остаться до самаго конца, то мнѣ нечего оставаться на Дорогѣ и слѣдуетъ наняться хоть косить сѣно.

Къ тому времени, когда насъ оставалось только четыре человѣка, вся поѣздная прислуга заинтересовалась этой игрой. Началось настоящее состязаніе въ ловкости и въ изобрѣтательности, при чемъ всѣ преимущества были на сторонѣ бригады. Всѣ три мои товарища мало-по-малу исчезли одинъ за другимъ, и въ концѣ-концовъ остался одинъ только я. Боже! до чего я гордился собою! Ни одинъ милліонеръ никогда такъ не гордился своимъ первымъ милліономъ. Я „держался за поѣздъ“, несмотря на всѣ усилія оберъ-кондуктора, двухъ кондукторовъ, машиниста и кочегара.

Бѣгу впередъ въ темнотѣ, настолько далеко впередъ, чтобы кондукторъ, выѣзжающій на первой платформѣ, успѣлъ соскочить. Вскакиваю; отлично, могу проѣхать еще одну станцію. Какъ только пріѣзжаемъ на эту станцію, соскакиваю, чтобы затѣмъ повторить тотъ же маневръ. Поѣздъ отходитъ отъ станціи; но на слѣпой платформѣ не видно фонаря. Что это значитъ? Можетъ быть бригада рѣшила бросить борьбу? Не знаю; но надо быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ. Когда мимо меня проносится первая платформа, я разбѣгаюсь, чтобы вскочить на нее, и въ то же время стараюсь разобрать, нѣтъ ли на ней какой-нибудь тѣни; кондукторъ, можетъ быть, притушилъ фонарь и хватитъ имъ меня по головѣ, какъ только я вскочу на ступеньку. Я знаю по собственному опыту, что это иногда бываетъ.

Однако первая платформа дѣйствительно пуста. Поѣздъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, значитъ до слѣдующей станціи я могу ѣхать спокойно. Ой, такъ ли? Поѣздъ идетъ тише, и я тотчасъ настораживаюсь. Что то замышляется противъ меня — но что именно, я не знаю. Стараюсь слѣдить въ одно и то же время за обоими выходами на платформу и за тендеромъ, который находится впереди, такъ какъ нападеніе на меня можетъ быть совершенно съ любой изъ этихъ трехъ сторонъ.

Ахъ, вотъ оно что! Кондукторъ выѣхалъ на паровозѣ. Я понялъ это, какъ только услышалъ, какъ онъ соскочилъ съ правой стороны. Моментально соскакиваю съ лѣвой стороны и бѣгу впередъ, обгоняю паровозъ, скрываюсь къ темнотѣ. Получается то же положеніе, какъ и при нашемъ отъѣздѣ изъ Оттавы; я нахожусь впереди, и поѣздъ долженъ непремѣнно проѣстись мимо меня.

Внимательно слѣжу за всѣмъ происходящимъ. Къ паровозу приближается фонарь, но обратно не уходитъ. Должно быть, онъ остался на паровозѣ, и можно смѣло предположить, что къ ручкѣ этого фонаря прикрѣпленъ кондукторъ. Этотъ кондукторъ лѣвтяй, въ противномъ случаѣ онъ, вмѣсто того, чтобы заслонять огонь фонаря, потушилъ бы его. Поѣздъ снова

двигается. Первая платформа пуста, и я опять вскакиваю. Поѣздъ снова задерживаетъ свой ходъ, кондукторъ соскакиваетъ, вскакиваетъ на платформу, а я съ нея соскакиваю.

Стою въ темнотѣ впереди паровоза и чувствую страшный приливъ гордости. Два раза пассажирскій поѣздъ останавливался ради меня, ради жалкаго, ничтожнаго трампа! Это я дважды остановилъ огромный поѣздъ со всѣми его пассажирами, съ его казенной почтой и съ его двумя тысячами лошадиныхъ силъ, нетерпѣливо пыхтящими въ паровозѣ! А между тѣмъ я вѣшу меньше четырехъ пудовъ и у меня нѣтъ въ карманѣ ни гроша!

Снова къ паровозу подходитъ фонарь, но на этотъ разъ онъ не пытается пройти незамѣченнымъ. Эта демонстративность кажется мнѣ подозрительной; очевидно, надо опасаться не столько даннаго кондуктора, сколько чего-то другого, невидѣннаго. Поѣздъ проносится мимо. Но, прежде чѣмъ вскочить, вижу на платформѣ тѣнь другого кондуктора, но безъ фонаря. Пропускаю первую платформу, собираясь вскочить на вторую. Но кондукторъ тоже соскакиваетъ, а затѣмъ съ паровоза соскакиваетъ и первый кондукторъ съ фонаремъ. Оба они находятся на той же сторонѣ, что и я. Но я долго не раздумываю и вскакиваю на вторую платформу. Я, однако, на ней не задерживаюсь и соскакиваю съ другой стороны; въ то же время я слышу, какъ вслѣдъ за мною на платформу вскакиваетъ кондукторъ. Бѣгу что есть мочи, рядомъ съ поѣздомъ, чтобы вскочить на первую платформу. Мой преслѣдователь бѣжитъ за мною, но я бѣгу быстрѣе, вскакиваю на платформу и оглядываюсь; онъ бѣжитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но поѣздъ несется съ такою же быстротою какъ и онъ и, такимъ образомъ, онъ какъ будто стоитъ на мѣстѣ. Я его тороплю, даже протягиваю ему руку; но онъ просто ругается, останавливается и, пропустивъ нѣсколько вагоновъ, вскакиваетъ въ поѣздъ.

Поѣздъ мчится съ нормальной быстротою; я хохочу, какъ вдругъ въ меня попадаетъ струя воды—это кочегаръ окатываетъ меня съ тендера паровозной кишкой. Покидаю платформу и спѣшу укрыться, прижимаясь къ задней стѣнкѣ тендера. Струя воды проносится надъ моей головой, не задѣвая меня. Мнѣ хочется взобраться на тендеръ и пустить въ кочегара кускомъ угля; я этого однако же не дѣлаю, такъ какъ великолѣпно сознаю, что въ противномъ случаѣ кочегаръ и машинистъ попросту убьютъ меня.

На слѣдующей остановкѣ соскакиваю и снова бѣгу впередъ. На этотъ разъ оба кондуктора выѣзжаютъ на первой платформѣ. Я понимаю, что они желаютъ предупредить повтореніе предыдущаго маневра. Теперь уже невозможно вскочить на вторую платформу съ одной стороны и соскочить съ другой. Едва первая платформа проносится мимо, оба соскакиваютъ. Я вскакиваю на вторую платформу, но отлично понимаю, что, секунду спустя, оба они вскочатъ съ двухъ сторонъ. Я нахожусь въ мышеловкѣ, изъ которой какъ будто нѣтъ выхода. Выходъ однако же имѣется—вверхъ.

Не ожидая появленія моихъ преслѣдователей, я мигомъ поднимаюсь на перила платформы и становлюсь ногами на колесо ручного тормоза. Въ это время кондуктора уже вскакиваютъ на ступеньки платформы, каждый со своей стороны. Но я ихъ не вижу — мнѣ некогда смотрѣть. Я поднимаю руки и кладу ихъ на изгибъ крыши того и другого вагона. Кондуктора уже поднялись по ступенькамъ и вступаютъ на платформу. На все это уходитъ всего нѣсколько секундъ. Я подскакиваю и поднимаюсь вверхъ на мускулахъ. Кондуктора бросаются хватать мои ноги, но хватаютъ только воздухъ. Это-то я уже нижу, такъ какъ наклоняюсь и смотрю на нихъ. Впрочемъ, объ этомъ легко догадаться и не глядя на нихъ— по дружному взрыву ругательствъ.

Но теперь я нахожусь въ чрезвычайно неустойчивомъ положеніи—вишу на рукахъ, какъ гимнастъ на параллельныхъ брусьяхъ, опираясь руками о края двухъ смежныхъ вагоновъ. Быстрымъ движеніемъ перебрасываю обѣ ноги на изогнутую крышу одного вагона и обѣ руки на крышу другого. Затѣмъ осторожно карабкаюсь выше, гдѣ крыша становится плоской. Тутъ я сажусь и, держась за вентиляторъ, отдыхаю. И такъ я сижу на крышѣ вагона, или на „палубѣ“, по выраженію трамповъ; а только что описанный мною процессъ называется „подниматься на палубу“. Подниматься на палубу можетъ только молодой и сильный трампъ, если онъ при этомъ достаточно хладнокровенъ и смѣлъ.

Поѣздъ мчится все быстрѣе и быстрѣе, и я знаю, что могу сидѣть спокойно до слѣдующей остановки... но только до слѣдующей остановки. Если останусь на крышѣ послѣ остановки поѣзда, то кондуктора начнутъ бомбардировать меня камнями. Здоровый кондукторъ можетъ закинуть на крышу вагона довольно большіе камни, даже до двадцати фунтовъ вѣса. Съ другой стороны, весьма вѣроятно, что на станціи кондуктора будутъ ждать меня возлѣ той платформы, съ которой я поднялся на крышу. Слѣдовательно, надо спуститься на какую нибудь другую платформу.

Въ расчетѣ, что впереди пѣтъ тоннелей, я поднимаюсь на ноги и прохожу по крышѣ пяти или шести вагоновъ. Надо сказать, что для такого путешествія робость слѣдуетъ оставить позади себя. Крыши пассажирскихъ вагоновъ совершенно неприспособлены для ночныхъ путешествій. Вагонъ качается и подпрыгиваетъ, держаться не за что, края крыши изогнуты, покрыты росой и скользки; на нихъ приходится разгоняться и съ разгону прыгать на изогнутую крышу слѣдующаго вагона. Это прекрасное воспитаніе для нервовъ и для головы.

Какъ только поѣздъ замедляетъ ходъ передъ остановкой, я соскакиваю на платформу. На ней пѣтъ никого, и, когда поѣздъ останавливается, соскакиваю на землю. Впереди, между мною и паровозомъ, движутся два фонаря — это кондуктора освѣщаютъ крыши вагоновъ, чтобы открыть меня. Замѣчаю, что вагонъ, возлѣ котораго я нахожусь, „четырехколесный“—то есть каждая изъ его телѣжекъ имѣетъ только четыре колеса. (Если вамъ когда нибудь придется путешествовать подъ вагономъ, то избѣгайте шестиколесныхъ телѣжекъ, такъ какъ онѣ чрезвычайно опасны).

Ныряю подъ вагонъ и устраиваюсь на желѣзныхъ брусьяхъ. Къ счастью, поѣздъ еще стоитъ. Мнѣ еще въ первый разъ приходится путешествовать подъ вагономъ Канадско-Тихо-Океанской линіи, и устройство его мнѣ еще незнакомо. Стараюсь пролѣзть на переплетъ телѣжки въ пространство, что между нею и дномъ вагона. Оказывается, что пролѣзть туда невозможно—нѣтъ мѣста. Это для меня новость; въ Штатахъ я привыкъ путешествовать въ телѣжкахъ, опираясь ногами о брусья тормоза.

Ощупью узнаю, что, ползя между шпалами, можно пролѣзть подъ брусья тормоза. Такимъ образомъ я забираюсь между телѣжками и, въ концѣ концовъ, согнувшись, усаживаюсь на брусьяхъ. Поѣздъ трогается. Кондуктора должно быть рѣшили оставить меня въ покоѣ.

Увы! На слѣдующей остановкѣ кто-то освѣщаетъ фонаремъ другую телѣжку того вагона, подъ которымъ я нахожусь. Меня ищутъ; надо какъ можно скорѣй удирать. Ползя на брюхѣ, прохожу подъ тормозомъ; они уже замѣтили меня, бѣгутъ ко мнѣ; но я выползаю съ противоположной стороны, вскакиваю на ноги и бѣгу впередъ, минуя паровозъ. Снова то же положеніе: я стою въ темнотѣ впереди поѣзда, и поѣздъ долженъ непремѣнно пройти мимо меня.

Поѣздъ трогается. На первой слѣпой платформѣ мелькаетъ фонарь. Пропускаю ее мимо. Но и на второй платформѣ виднѣется фонарь. Этотъ кондукторъ замѣтилъ меня, предупреждаетъ объ этомъ перваго и оба соскакиваютъ. Ничего. Я возьму третью платформу. Но, увы! и на третьей мелькаетъ фонарь — это уже самъ оберъ-кондукторъ. Пропускаю и ее мимо. Зато я хоть знаю гдѣ находится вся бригада! Поворачиваюсь и бѣгу въ обратномъ направленіи. Всѣ три фонаря слѣдуютъ за мною. Останавливаюсь. Поѣздъ идетъ уже довольно быстро и уже половина его прошла мимо. Вскакиваю на первую попавшуюся платформу. Знаю, что черезъ двѣ секунды сюда же, подобно голоднымъ волкамъ, вскочатъ мои преслѣдователи. Но я уже стою на тормозѣ, хватаюсь за края двухъ смежныхъ крышъ и поднимаюсь на „палубу“. А въ это время кондуктора съ разочарованнымъ видомъ толпятся на платформѣ, какъ собаки, отъ которыхъ улизнула кошка; они осыпаютъ меня бранью и говорятъ непріятныя вещи о моихъ предкахъ...

Но меня это нисколько не задѣваетъ. Ихъ пятеро противъ одного, на ихъ сторонѣ все величіе закона и вся сила огромной желѣзнодорожной компаніи, а между тѣмъ, я ихъ систематически побѣждаю. Однако, я нахожусь слишкомъ близко къ хвосту поѣзда. Поднимаюсь, направляюсь впередъ и останавливаюсь надъ пятой или шестой платформой отъ паровоза. Осторожно гляжу внизъ. На ней находится кондукторъ; онъ замѣтилъ меня, потому что быстро исчезаетъ въ дверь. Но я знаю, что онъ карауллтъ меня за дверью, чтобы поймать меня, какъ только я спущусь. Дѣлаю видъ, что не замѣтилъ его и нарочно остаюсь здѣсь. Я не гляжу на него, но чувствую, что онъ открываетъ дверь и выглядываетъ въ щель, желая убѣдиться въ томъ, что я еще не ушелъ.

Поѣздъ замедляетъ ходъ передъ новой остановкой. Спускаю ноги съ крыши и нарочно болтаю ими. Слышу, какъ тихонько открывается дверь — онъ готовится сцапать меня. Но вдругъ я вскакиваю и бѣгу по крышѣ. Поѣздъ стоитъ, ночь тиха и я стараюсь топать какъ можно громче въ надеждѣ, что онъ услышитъ и побѣжитъ вдоль корридора вагона, чтобы поймать меня на другой платформѣ; но на полъ дорогѣ я останавливаюсь, безшумно возвращаюсь обратно и мигомъ спускаюсь на ту платформу, гдѣ только что карауллтъ меня кондукторъ. Горизонтъ чистъ. Я соскакиваю на землю и скрываюсь въ темнотѣ. Меня не видѣлъ никто.

Подбѣгаю къ изгороди, что идетъ вдоль полотна и оттуда наблюдаю. Это что такое? На поѣздѣ движется фонарь. Они подумали,

что я остался на крышѣ и ищутъ меня. А съ каждой стороны поѣзда, наравнѣ съ верхними фонарями, движется еще по фонарю. Это ужъ самая форменная облава. Какъ только кондукторъ откроетъ мое мѣстопребываніе на крышѣ, онъ меня сгонитъ, а остальные двое поймаютъ меня. Кручу папиросу и пропускаю мимо себя эту процессію. Какъ только они пройдутъ мимо, я могу въ полной безопасности направиться къ головной части поѣзда. Только что поѣздъ двинулся съ мѣста, вскакиваю на первую платформу. Однако, когда я закуриваю папироску, замѣчаю, что кочегаръ, забравшись на кучу угля на тендерѣ, наблюдаетъ за мною. Меня охватываетъ непріятное чувство, такъ какъ съ такой позиціи онъ можетъ побить меня кусками угля и превратить меня въ кашу. Но онъ этого не дѣлаетъ, заговариваетъ, и въ его голосѣ я чувствую восхищеніе.

— Ахъ, вы с... с...! — говоритъ онъ.

Это большой комплиментъ и я весь трепещу отъ наслажденія, какъ школьникъ.

— Послушайте, не обливайте вы меня больше водою,— говорю я ему.

— Хорошо, не буду,— отвѣчаетъ онъ, возвращаясь къ своему дѣлу.

Итакъ, я подружился съ паровозомъ, но зато кондуктора все еще ищутъ меня. Послѣ слѣдующей остановки всѣ три кондуктора, какъ и въ предыдущіе разы, выѣзжаютъ на трехъ слѣпыхъ платформахъ. Я ихъ пропускаю мимо и посреди̇нѣ поѣзда взбираюсь на палубу. Но поѣздъ вдругъ останавливается. Кондуктора рѣшили, во чтобы то ни стало, „сбросить меня въ канаву“. Огромный пассажирскій поѣздъ три раза останавливается изъ-за меня на этой станціи, но мнѣ каждый разъ удается благополучно взобраться на палубу. Наконецъ, они поняли, что охранить отъ меня поѣздъ невозможно. Очевидно, надо предпринять что-нибудь другое.

Когда поѣздъ въ третій разъ останавливается, всѣ они бросаются преслѣдовать меня. А, теперь я понимаю! Они хотятъ меня просто догнать и поймать, или же отогнать отъ поѣзда; сперва они гонятъ меня по направленію къ хвосту поѣзда. Къ счастью, я сразу сообразилъ, насколько это для меня опасно: поѣздъ можетъ тронуться и убѣжать отъ меня. Я отбѣгаю въ сторону, прорываюсь сквозь линію моихъ преслѣдователей и бѣгу къ головной части поѣзда. Двое отстали, но одинъ слѣдуетъ за мною по пятамъ. Ну, хорошо же, я покажу ему, что значитъ бѣжать, потому что у меня отличныя легкія! Я бѣгу прямо вдоль рельсовъ. Пусть онъ преслѣдуетъ меня хоть на цѣлыхъ десять миль. Въ концѣ-концовъ ему все-таки придется вскочить въ поѣздъ. Если же ему удастся это сдѣлать, то, разумѣется, удастся и мнѣ, такъ какъ лучше меня вскакивать на ходу врядъ ли кто изъ нихъ умѣетъ.

Итакъ, я бѣгу, стараясь однако же не отбѣжать слишкомъ далеко, и въ то же время напрягаю зрѣніе, чтобы не наскочить въ темнотѣ на стрѣлку, или на шлагбаумъ. Но, увы! я смотрю слишкомъ далеко, не замѣчаю какого-то мелкаго предмета, спотыкаюсь объ него и лечу на землю. Я тотчасъ же вскакиваю, но кондукторъ успѣлъ уже схватить меня за шиворотъ. Я не вырываюсь, а стараюсь отдышаться и въ то же время сообразить, насколько онъ силенъ. Онъ узокъ въ плечахъ, и я по крайней мѣрѣ фунтовъ на тридцать тяжелѣе его. Кромѣ того, онъ задыхается не меньше меня, и если ему вздумается драться, то я его хорошенько проучу. Однако онъ, повидимому, не собирается драться, а ведетъ меня обратно къ поѣзду. Недалеко отъ насъ виднѣются фонари другого кондуктора и обер-кондуктора. Къ этому времени я успѣлъ уже и познакомиться съ Нью-Іоркской полиціей и наслышаться какъ въ дорогѣ, такъ и въ тюрьмѣ, всевозможныхъ разсказовъ объ избіеніяхъ, которымъ подчасъ подвергаются трампы. А что, если эти господа собираются избить меня? Вѣдь основаній для этого у нихъ имѣется болѣе, чѣмъ достаточно! Мы подходимъ все ближе и ближе. Я быстро соображаю, какъ отдѣлаться отъ своего стража двумя неожиданными ударами, однимъ по животу, а другимъ по нижней челюсти...

Но это что! Я знаю другой, лучшій пріемъ и почти сожалѣю о томъ, что не пустилъ его въ ходъ, какъ только онъ меня поймалъ. Несмотря на то, что онъ держалъ меня за шиворотъ, я могъ заставить его пожалѣть о своей прыти. Онъ крѣпко уцѣпился за мой воротъ. Мой пиджакъ туго застегнутъ. Я могъ нырнуть головой подъ его руку и затѣмъ вращаться какъ можно быстрѣе. Я отлично знаю, какъ это сдѣлать. Надо повернуться нѣсколько разъ, и рука, которою онъ меня держитъ, очутится какъ въ тискахъ. Въ нѣсколько секундъ изъ-подъ его ногтей выступитъ кровь, тонкія жилы лопнутъ, всѣ мышцы и нервы будутъ размозжены. Испытайте этотъ пріемъ, если кто-нибудь схватитъ васъ за шиворотъ. Только надо дѣйствовать быстро — съ быстротой молніи. И въ то время, когда вы вращаетесь, не забудьте прикрыться — лѣвой рукой надо прикрыть лицо, а правой животъ, такъ какъ жертва непремѣнно попробуетъ ударить

васъ свободной рукой. Надо также вращаться не по направленію къ этой рукѣ, а отъ нея— ударъ вдогонку никогда не бываетъ такимъ страшнымъ, какъ встрѣчный ударъ.

Этотъ кондукторъ даже не подозрѣвалъ, какъ близокъ онъ былъ къ большой, большой опасности. Спасло его только то, что я понялъ, что они вовсе не собираются избить меня. Когда мы приблизились къ его товарищамъ, онъ имъ крикнулъ, что поймалъ меня, и они подали сигналъ поѣзду подъѣхать. Паровозъ проѣхалъ мимо, а за нимъ всѣ три слѣпыя платформы. Послѣ этого другой кондукторъ и оберъ-кондукторъ вскакиваютъ въ поѣздъ, а мой похититель продолжаетъ держать меня. Тутъ я сообразилъ, что онъ будетъ держать меня какъ можно дольше, затѣмъ вскочитъ на одну изъ послѣднихъ платформъ, оставивъ меня позади, то-есть „въ канавѣ". Однако поѣздъ идетъ все быстрѣе и быстрѣе, такъ какъ машинистъ желаетъ наверстать потерянное время. Кромѣ того, поѣздъ очень длиненъ, и мой кондукторъ съ тревогой слѣдитъ за его, все ускоряющимся, ходомъ.

— Неужели вы думаете, что еще можете вскочить?—спрашиваю я съ самымъ невиннымъ видомъ.

Онъ отпускаетъ меня, разгоняется и вскакиваетъ на ступеньку платформы. Онъ однако же знаетъ, что мимо меня должно пронестись еще нѣсколько вагоновъ; поэтому высовывается и наблюдаетъ за мною. Но я уже принялъ рѣшеніе: я вскочу на самую заднюю платформу. Я знаю, что поѣздъ мчится страшно быстро, но вѣдь если я сорвусь, то только вываляюсь въ пыли. Я молодъ, слѣдовательно — оптимистъ. Я стою съ самымъ грустнымъ и убитымъ видомъ, и въ то же время пробую ногою, насколько устойчиво полотно.

Оказывается, что дорога великолѣпна. Кондукторъ, обманутый моимъ видомъ, изчезаетъ. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что вскочить въ поѣздъ, мчащійся съ такою быстротою, невозможно.

И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ никогда еще не приходилось вскакивать въ поѣздъ при такой быстротѣ. Когда подходитъ послѣдній вагонъ я бѣгу изо всѣхъ силъ въ одномъ съ нимъ направленіи. Разумѣется, я не могу бѣжать наравнѣ съ нимъ, но мнѣ нуженъ разгонъ, нужно уменьшить разницу между скоростью его движенія и моего, и такимъ образомъ, уменьшить сотрясеніе въ тотъ моментъ, когда я схвачусь за ручку платформы. Я даже не вижу этой ручки, потому что мнѣ некогда смотрѣть. Я чувствую, гдѣ она должна находиться, хватаюсь рукою и въ тотъ же мигъ мои ноги отдѣляются отъ земли.

Все дѣло въ томъ, чтобы вѣрно угадать гдѣ находится ручка. Мигъ спустя я могъ бы очутиться на гравіи съ сломанными руками и ребрами и съ разбитой головой. Но мои пальцы цѣпко хватаются за ручку, все мое тѣло дѣлаетъ скачекъ въ воздухѣ и затѣмъ ноги съ разгону попадаютъ на ступеньку.

Сажусь, чувствуя огромный приливъ гордости. За всю мою жизнь въ трампахъ мнѣ еще не приходилось такъ лихо вскакивать въ поѣздъ. Я знаю, что въ такой поздній часъ на послѣдней платформѣ меня долго не будутъ безпокоить. Мнѣ, однако, не хочется оставаться на самомъ концѣ поѣзда. На первой же остановкѣ бѣгу впередъ мимо спальныхъ вагоновъ и забираюсь подъ первый простой вагонъ. А на слѣдующей послѣ этого остановкѣ снова выхожу и бѣгу къ одному изъ переднихъ вагоновъ, гдѣ и устраиваюсь. Теперь ужъ опасность быть открытымъ уменьшилась. Кондуктора увѣрены въ томъ, что сбросили меня, наконецъ, въ канаву. Зато всѣ усилія и волненія этой ночи не прошли для меня даромъ. Вѣтра нѣтъ, и подъ вагономъ неособенно холодно, вслѣдствіе этого мною овладѣваетъ дремота. Но это никуда не годится. Заснуть, лежа подъ вагономъ на брусьяхъ, значитъ безусловно быть убитымъ. Поэтому на одной изъ ставцій вылѣзаю изъ-подъ вагона, забираюсь на вторую слѣпую платформу, ложусь и засыпаю.

Какъ долго я спалъ, я не знаю; но вдругъ просыпаюсь отъ яркаго свѣта фонаря, поднесеннаго къ моему лицу. Оба кондуктора съ изумленіемъ глядятъ на меня. Вскакиваю и становлюсь въ оборонительную позу, но они, очевидно, вовсе не собираются драться.

— А я думалъ, что мы васъ сплавили въ канаву! — говоритъ тотъ кондукторъ, который раньше держалъ меня за шиворотъ.

— Если бъ вы меня не отпустили, то вы и сами очутились бы въ канавѣ вмѣстѣ со мною,— отвѣчаю я.

— Это какимъ же образомъ?

— А я бы схватился за васъ и не отпустилъ бы, пока поѣздъ не прошелъ бы мимо.

Послѣ непродолжительнаго совѣщанія они изрекли свой приговоръ:

— Что же! Оставайтесь, Бо! („хобо"). Васъ отгонять все равно безполезно.

Съ этими словами они ушли и меня больше не трогали до той станціи, гдѣ смѣняется бригада".

„... Желѣзнодорожныя водокачки замѣняютъ трампамъ и путеводители и отельныя книги.

Трампъ не изъ пустого хвастовства вырѣзываетъ на стѣнѣ водокачки свое прозвище, дату и курсъ, котораго онъ держится. Сколько разъ ко мнѣ обращались съ настоятельной просьбой сообщить, не видалъ ли я недавно такого-то трампа, или его надписи. Если я при этомъ имѣлъ возможность сообщить, что видѣлъ надпись на такой-то водокачкѣ, то трампъ, обыкновенно, спѣшилъ отправиться вслѣдъ за своимъ пріятелемъ. Бывало иногда, что трампъ, разыскивая пріятеля, два раза подрядъ проѣзжалъ всѣ Соединенные Штаты изъ конца въ конецъ".

* * *

Въ своихъ вѣчныхъ скитаніяхъ трампу-хобо приходится держать ухо востро и глазъ насторожѣ: ему постоянно грозитъ тюрьма. Въ свободной Америкѣ съ свободолюбивыми хобо совсѣмъ не церемонятся. „Быки" (полисмэны) охотятся на трамповъ тѣмъ ретивѣе, что за каждаго пойманнаго бродягу они получаютъ опредѣленное вознагражденіе.

„Хобо бросаетъ вызовъ обществу, а охранители общественнаго спокойствія зарабатываютъ на немъ свое существованіе. Если бы трампъ вдругъ исчезъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, то множеству семействъ угрожало бы полное разореніе. Трампъ даетъ возможность многимъ тысячамъ людей честно зарабатывать свой хлѣбъ, воспитывать дѣтей и дѣлать изъ нихъ богобоязненныхъ и предпріимчивыхъ гражданъ. Я знаю, о чемъ говорю", — многозначительно добавляетъ авторъ „Дороги".

Попадался въ руки церберовъ и нашъ „Джэкъ-Матросъ", но большею частью ему удавалось отдѣлаться отъ нихъ довольно благополучно. Только разъ дорого обошлось ему знакомство съ полиціей: будущій писатель угодилъ на мѣсяцъ въ одно изъ самыхъ страшныхъ американскихъ узилищъ — въ каторжную тюрьму графства Эри.

Съ тѣхъ поръ страхъ передъ „быками" остался у Джэка Лондона навсегда. Въ этомъ отношеніи бродяжничество оставило въ душѣ его неизгладимый слѣдъ.

„Уже много лѣтъ послѣ того, какъ я пересталъ быть трампомъ, — вспоминаетъ онъ, — я какъ-то вечеромъ, будучи уже студентомъ Калифорнскаго университета, отправился въ циркъ. Послѣ представленія я нѣсколько задержался, чтобы посмотрѣть, какъ будутъ перевозить его сложныя приспособленія, такъ какъ циркъ въ этотъ вечеръ покидалъ городъ. Въ пустырѣ, покругъ костра, сидѣла кучка мальчиковъ. Ихъ было человѣкъ двадцать, и я понялъ изъ ихъ разговора, что они собираются бѣжать съ циркомъ. Однако, трупнѣ нисколько не улыбалась возня съ толпой ребятишекъ, и по телефону была вызвана полиція. Изъ участка выслали нарядъ изъ десяти полисмэновъ, чтобы арестовать этихъ дѣтей за нарушеніе обязательнаго постановленія, запрещавшаго дѣтямъ удаляться отъ дома безъ надобности послѣ девяти часовъ вечера. Полисмэны, окруживъ костеръ, стали тихонько подходить. Вдругъ всѣ они бросились впередъ, и каждый схватилъ по парѣ ребятишекъ, извивавшихся въ ихъ рукахъ, какъ ужи.

Я даже не подозрѣвалъ о томъ, что приближается полиція. Но какъ только я увидѣлъ полисмэновъ въ мундирахъ съ блестящими пуговицами, въ характерныхъ каскахъ, протягивавшихъ впередъ руки, чтобы хватать, — установившееся было равновѣсіе въ моемъ существѣ мигомъ исчезло. Я, какъ автоматъ, бросился бѣжать. При этомъ я даже не зналъ, что бѣгу. Я, вообще, ничего не сознавалъ въ эту минуту. Повторяю, мои ноги дѣйствовали автоматически. У меня не было никакихъ основаній бѣжать. Вѣдь я вовсе не былъ хобо. Я былъ полноправнымъ гражданиномъ своего роднаго города. Я не совершилъ никакого проступка. Я былъ студентомъ университета. Мое имя уже появлялось въ газетахъ. На мнѣ было вполнѣ приличное платье, и сразу было видно, что мнѣ не приходилось спать одѣтымъ. А между тѣмъ я бѣжалъ — бѣжалъ слѣпо, безумно, какъ вспугнутая лань. Когда я пришелъ въ себя, оказалось, что я все еще бѣгу. Положительно потребовалось усиліе воли, чтобы заставить, наконецъ, мои ноги остановиться.

Нѣтъ, я знаю, что мнѣ никогда не совладать съ этимъ чувствомъ — оно сильнѣе меня. Когда быкъ бросается хватать, я всегда бѣгу".

Хотя Д. Лондонъ и говоритъ о „прелестяхъ бродячей жизни", но само собою понятно, что далеко не однѣми розами усѣяна „Дорога" американскаго хобо, даже если и оставить въ сторонѣ недоразумѣнія съ полицейскими. Худшіе *шипы* на этомъ пути, конечно — голодъ и холодъ. Какъ ни люба трампу его вольная жизнь — „фантасмагорія", однако капризы, невзгоды этой жизни могутъ наконецъ хоть кому отбить охоту продолжать ее.

Спасаясь однажды ночью съ товарищемъ Шведомъ отъ преслѣдованія полисмэновъ и отъ пронизывающаго вѣтра и ливня, Д. Лондонъ набрелъ на пустой салунъ (ресторанчикъ) — изъ тѣхъ, которые въ Америкѣ перевозятъ на колесахъ съ мѣста на мѣсто.

„Дверь была заперта. Насъ хлестнуло новымъ порывомъ вѣтра. Задумываться было некогда. Мы высадили дверь и вошли внутрь.

Мнѣ приходилось ночевать въ самыхъ скверныхъ мѣстахъ и при самой неблагопріятной обстановкѣ; приходилось спать въ лужахъ, приходилось спать на снѣгу только подъ двумя одѣялами и при температурѣ въ семьдесятъ градусовъ мороза; но все-таки я долженъ сказать, что болѣе ужасной ночи, чѣмъ эта, мнѣ никогда еще не приходилось проводить. Зданіе торчало высоко на колесахъ. Весь полъ былъ въ широкихъ трещинахъ, сквозь которыя невозбранно гудѣлъ вѣтеръ. Стойка была пуста; не было ни одной бутылочки „огненной воды", которая дала бы намъ возможность согрѣться и примириться съ нашимъ ужаснымъ положеніемъ. У насъ не было одѣяла, а мы промокли до костей. Я улегся подъ стойкой, Шведъ— подъ столомъ, но дуло такъ невыносимо, что черезъ полчаса я выползъ изъ подъ стойки и улегся на ней. Нѣсколько минутъ спустя Шведъ, въ свою очередь, вылѣзъ изъ подъ стола и улегся на столѣ.

До утра мы дрожали и молились. Я дрожалъ до того, что въ концѣ-концовъ всѣ мускулы стали ныть. Шведъ жалобно стоналъ и, стуча зубами, безпрестанно повторялъ: „Больше никогда!.. Никогда"!.. Фразу эту онъ повторялъ тысячу разъ; даже когда ему случалось задремать, онъ бормоталъ ее сквозь сонъ.

При первыхъ проблескахъ разсвѣта мы покинули это мѣсто пытки; но, выйдя изъ него, мы попали въ густой ледяной туманъ. Спотыкаясь на каждомъ шагу мы, наконецъ, добрались до станціи. Я рѣшилъ отправиться обратно въ Омаху, чтобы достать себѣ завтракъ, а мой товарищъ отправлялся въ Чикаго. Настало время разстаться. Мы протянули другъ другу свои, почти парализованныя, руки; мы оба дрожали всѣми членами. Мы пробовали заговорить, но наши зубы до такой степени стучали, что мы не могли выговорить ни слова. Мы были одни, одни во всемъ мірѣ. Передъ нами лежали рельсы, которыя въ нѣсколькихъ футахъ отъ насъ терялись въ туманѣ. Мы безмолвно глядѣли другъ на друга, сочувственно пожимая другъ другу руки. Лицо Шведа совершенно посинѣло отъ холода: мое, вѣроятно, тоже.

— Больше никогда... что? — съ трудомъ выговорилъ я наконецъ.

Шведъ открылъ ротъ, сдѣлалъ надъ собою усиліе и откуда-то, изъ самой глубины его замерзшей души, раздался едва слышный отвѣтъ:

— Больше никогда не буду хобо.

Онъ остановился; затѣмъ, сдѣлавъ надъ собою новое усиліе, продолжалъ:

— Не хочу быть больше хобо. Постараюсь найти себѣ работу. Совѣтую и вамъ сдѣлать то же самое. Отъ такихъ ночей на всю жизнь остается ревматизмъ.

Онъ крѣпче пожалъ мою руку.

— Прощайте, Бо, — сказалъ онъ.

— Прощайте, Бо, — сказалъ я.

Мы разошлись въ разныя стороны, и оба потонули въ туманѣ. Больше мы никогда не видались. Надѣюсь, милый Шведъ, что вы достали себѣ работу!"

Помимо того огромнаго запаса наблюденій, какой вынесъ Джэкъ Лондонъ изъ своего бродяжничества, профессія хобо сослужила ему, какъ беллетристу, еще одну большую службу.

— Мнѣ, — говоритъ авторъ „Дороги",—часто приходило въ голову, что, вѣроятно, своимъ успѣхомъ въ качествѣ писателя разсказовъ я обязанъ въ значительной степени той подготовкѣ, которую дала мнѣ жизнь въ бродягахъ. Для того, чтобы не умереть съ голода, мнѣ приходилось выдумывать совершенно правдоподобныя исторіи. У кухонныхъ дверей насущная необходимость заставляетъ вырабатывать въ себѣ ту убѣдительность и искренность, которыхъ всѣ ищутъ въ разсказѣ. Своимъ реализмомъ я, вѣроятно, также обязанъ жизни въ бродягахъ. Реализмъ является единственнымъ продуктомъ, въ обмѣнъ на который у кухонныхъ дверей можно получить пищу. Въ концѣ концовъ, искусство не что иное, какъ утонченная ловкость, а ловкость часто спасаетъ „исторію" трампа.

Изъ литературнаго прошлаго.

Въ Ясной Полянѣ.

Когда-то пользовавшаяся широкой извѣстностью писательница В. Микуличъ, создательница „Мимочки", двадцать лѣтъ назадъ посѣтила Ясную Поляну и теперь на страницахъ „Ист. Вѣст." (февр.) любовно вспоминаетъ подробности своего пребыванія тамъ.

Незадолго до того г-жа Микуличъ познакомилась съ Н. С. Лѣсковымъ, находившимся тогда подъ обаяніемъ толстовскаго ученія. Онъ преклонялся передъ Толстымъ и называлъ его своей святыней на землѣ. „Я обязанъ ему болѣе, чѣмъ покоемъ земной жизни,— говорилъ онъ:— я принялъ его разумѣніе жизни, въ немъ успокоился и свой фонарншко бросалъ. Онъ не нуженъ мнѣ, разъ я вижу передъ собою яркій маякъ и знаю, чего держаться".

Лѣсковъ побывалъ уже въ Ясной Полянѣ и вывезъ оттуда прекрасныя впечатлѣнія. Онъ говорилъ: „Это удивительно простая семья, въ которой все можно сказать, потому что тамъ

и сами все говорятъ и, главное — все понимаютъ". Онъ любилъ самого Л. Н., его сына Льва и дочерей Татьяну и Марію, но высоко чтилъ и графиню, которой, по его словамъ, „мечь проходилъ душу". Ему нравилась и наружность графини и ея искренность и откровенность. Онъ часто говорилъ: „Мы должны быть ей благодарны. Она намъ сохранила его!" — Изъ дочерей онъ предпочиталъ Татьяну, находилъ ее умной и привлекательной и желалъ ей выйти замужъ за губернатора. О Маріи же онъ говорилъ: „Я не понимаю ея; но въ присутствіи ея мнѣ хочется сказать: „Выйди отъ меня; я человѣкъ грѣшный!"

Глубоко преклоняясь передъ Толстымъ, Лѣсковъ насмѣшливо относился къ его послѣдователямъ, называлъ ихъ „лепетунами", безпощадно придирался къ ихъ словамъ и поступкамъ и разсказывалъ о нихъ анекдоты.

Лѣсковъ познакомилъ г-жу Микуличъ съ другимъ пламеннымъ почитателемъ Толстого — художникомъ Н. Н. Ге, и ихъ восторженные разсказы о яснополянскомъ мудрецѣ и уговариванія сдѣлали свое дѣло: молодая писательница, знавшая къ тому же, что Толстой весьма сочувственно отнесся къ ея литературному дебюту и радъ видѣть ее у себя, набралась наконецъ храбрости. И при первой возможности, лѣтомъ 1893 г., она заѣхала въ Ясную Поляну.

Застала здѣсь В. Микуличъ, кромѣ самого Л. Н., только Софью Андреевну, Татьяну Львовну и младшихъ дѣтей, а также Н. Н. Ге, котораго въ Ясной всѣ величали дѣдушкой. Гостья легко сошлась съ Т. Л. и вообще очень скоро освоилась съ семьей Толстыхъ.

Послѣ обѣда по обыкновенію собрались „у круглаго стола", около Л. Н., при чемъ графиня съ дочерью занялись рукодѣльемъ.

„Л. Н. спросилъ: видала ли я когда-нибудь Достоевскаго?

— Да, я встрѣчала его.

Онъ раскрылъ какой-то иллюстрированный журналъ, отыскалъ тамъ портретъ Достоевскаго и спросилъ:

— Похожъ?

Л. Н. не довелось съ нимъ встрѣтиться; но онъ много слыхалъ о немъ отъ Страхова. Я сказала, что когда я разъ спросила Страхова, кого онъ больше любитъ: Толстого или Достоевскаго? онъ, не задумываясь, сказалъ: „Конечно, Толстого!"

— Да за что же онъ могъ любить Достоевскаго? — съ удивленіемъ спросилъ Ге.

— Ну, какъ же, единомышленники, — сказалъ Л. Н.

Заговорили о братьяхъ Карамазовыхъ, и Л. Н. сказалъ, что Алеша непремѣнно ушелъ бы изъ монастыря. Я слыхала отъ пріятельницы Достоевскаго о предполагаемомъ продолженіи Карамазовыхъ и сказала:

— Вы правы. Въ слѣдующей части предполагалась паденіе Алеши.

Л. Н. и Ге бѣгло переглянулись. Очевидно, имъ было дико назвать уходъ изъ монастыря *паденіемъ*.

За вечернимъ чаемъ графиня стала говорить мнѣ о своихъ дѣтяхъ.

— Самые лучшіе изъ нашихъ дѣтей трое старшихъ. Мы ихъ вмѣстѣ воспитывали, вмѣстѣ старались, столько говорили и думали о нихъ. Они и вышли лучше всѣхъ: Таня, Илья и Сережа.

— А Марья Львовна? — спросила я съ удивленіемъ.

— Маша, Лева — добрые, но надломленные, болѣзненные. А эти всѣ еще малы. И всѣ младшіе знаютъ только меня. Отца они мало и видятъ. Всю зиму онъ кормилъ голодающихъ. Цѣлую зиму онъ не былъ съ нами. Онъ и не входилъ въ ихъ воспитаніе. У нихъ я одна.

Л. Н. слушалъ ее молча, какъ слушаютъ шумъ падающаго дождя, а Ге посмотрѣлъ на нее взглядомъ страдальца, говорящаго: „Прости ей, не вѣдаетъ, что творитъ!.."

Доновивъ чай, Ванечка простился со всѣми и пожелалъ, чтобы я его уложила. Раздѣвшись, онъ сказалъ, что завтра утромъ придетъ разбудить меня и мы пойдемъ гулять. Онъ самъ покажетъ мнѣ все въ Ясной Полянѣ.

Онъ былъ уже въ кроваткѣ, когда графиня пришла поцѣловать и перекрестить его. Мать и сынъ обнялись, и, глядя на ихъ ласки, я почувствовала, какъ неспокойное сердце графини крѣпко держится за этотъ послѣдній теплый лучъ былого счастья. И мнѣ снова стало жаль ее.

Мы вмѣстѣ вернулись въ столовую, гдѣ Л. Н. и Т. Л. говорили съ „дѣдушкой" о его произведеніяхъ. Онъ собирался написать цѣлый рядъ картинъ на темы изъ Евангелія и, конечно, не въ церковномъ освѣщеніи. Церковь сдѣлала изъ Христа Бога; долгъ истинныхъ христіанъ, по мнѣнію Ге, раздѣлать эту божественность. Христосъ важенъ примѣромъ и другихъ спасетъ только такъ, какъ спасъ себя. Ге надѣялся все это выразить своими картинами и съ негодованіемъ говорилъ объ извѣстномъ изображеніи Христа въ терновомъ вѣнцѣ Гвидо Рени:

— Да вѣдь это Лаокоонъ!.. Это язычество... Это Лаокоонъ!..

Татьяна Львовна слушала его съ сочувствіемъ, очевидно, раздѣляя его взгляды. Всѣ трое много

говорили объ Евангеліи, называя его „*книжечкой*“.

А въ другой разъ... „при упоминаніи о Библіи Л. Н. и дѣдушка бѣгло переглядываются и снисходительно взглядываютъ на меня. Очевидно, Библія у нихъ не въ чести“...

Передъ сномъ гостья и Софья Андреевна, оставшись одне, разговорились.

„Продолжая быстро шить, графиня стала говорить о томъ, какъ ей противны всѣ эти послѣдователи, сколько въ нихъ самомнѣнія, ханжества и притворства! Она не можетъ, не можетъ увлекаться этимъ!— Дочери говорятъ ей: чѣмъ же ты живешь?— А чѣмъ жила, тѣмъ и живетъ. Она смотритъ такъ: въ какомъ положеніи Богъ поставилъ человѣка, въ такомъ и старайся угождать Ему и быть полезнымъ людямъ. Если бъ она была кухаркой, ей бы незачѣмъ разыгрывать графиню: если она графиня, зачѣмъ она будетъ разыгрывать кухарку? Зачѣмъ лгать?..

Когда графини вышла замужъ, Л. Н. былъ совсѣмъ не такой. Онъ любилъ, онъ баловалъ ее, покупалъ ей дорогія вещи, за ботинки платилъ (она сказала цѣну). И куда, на что ей были эти ботинки? Носить ихъ въ этой же Ясной! Дѣвушкой графиня ѣздила во второмъ классѣ; онъ потребовалъ, чтобы она ѣздила въ первомъ; а теперь требуетъ, чтобъ она ѣздила въ третьемъ. Нѣтъ, ужъ она во второмъ и останется. Зачѣмъ метаться?

Татьянова Львовна (проводившая Ге на станцію) вернулась сонная и зѣвающая. Мы простились съ графиней и пошли спать.

... Утромъ вдвоемъ съ Ваничкой мы ушли въ лѣсъ. За нами побѣжала большая бѣлая собака. Когда я похвалила лѣсъ, Ваничка сказалъ:

— Это Чепышъ. Это мой лѣсъ. Это все мое. Да, да, и земля моя...

Чтобъ убѣдить меня, онъ потопалъ маленькой ножкой по своей землѣ.

„Вотъ тебѣ и Генри Джорджъ!“ подумалъ я.

Позже я узнала отъ Татьяны Львовны, что Ясная Поляна, дѣйствительно, по раздѣлу досталась Ваничкѣ, какъ самому младшему, съ тѣмъ, чтобы отецъ и мать еще долго могли жить у него.

Углубившись въ свой собственный лѣсъ, пятилѣтній владѣлецъ Ясной Поляны внезапно перемѣнился въ лицѣ и, глядя на меня съ тревогой, сказалъ:

— Дальше нельзя итти! Не надо... Тамъ кротъ... Тамъ волкъ!.. Я не пойду дальше...

Мы повернули обратно“.

О Чернышевскомъ.

„Спб. Вѣсти“ недавно (№ 51, 1912 г.) дали у себя мѣсто отзывамъ о Чернышевскомъ вилюйскихъ жителей, собраннымъ Н. Катинымъ и нѣкимъ „Странникомъ“.

„Писалъ онъ все,— передавала второму изъ нихъ одна мѣстная старушка, Корякина, варившая обѣдъ Н. Г-чу, — батюшка-то мой... пишетъ, пишетъ, бывало—а потомъ начинаетъ жечь: все сожгетъ. Спрашиваю я его: „зачѣмъ это ты, Гавриньевичъ, пишешь-то, а потомъ жгешь?“ А онъ только посмотритъ на меня — губами поведетъ; глаза печальные, да такъ ничего и не скажетъ... Вздумалъ онъ озеро выпускать. Тутъ за тюрьмой—близко, видѣлъ, небось? Вотъ это-то озеро онъ и выпускалъ. Канаву-то къ рѣкѣ прокапывалъ не лопатой, а деревяннымъ коломъ, покопаетъ коломъ-то, покопаетъ, а потомъ лопаткой землю да песокъ въ сторону откидываетъ. Удивило меня это, спрашиваю, почто онъ коломъ копаетъ...—„Видишь“— сказалъ онъ,— отъ этого озера до рѣки всего саженъ пятьдесятъ наберется—не больше. Мѣсто ровное, мягкое. Если буду копать желѣзной лопатой, то скоро прокопаю—и не будетъ у меня больше такой работы. Жить же мнѣ здѣсь долго“... И прокопалъ вѣдь... коломъ... Больше половины озера воды ушло... Потомъ, какъ онъ уѣхалъ—канава засорилась, вода-то опять и набралась...“

Въ появившемся уже второмъ выпускѣ изданія „Чернышевскій въ Сибири (Переписка съ родными, 1876—1877 г.)“. Н. Г. въ одномъ изъ писемъ къ женѣ (отъ 30 окт. 1876 г.) сообщаетъ такой казусъ изъ своей практики „копанія канавъ“.

„Въ прошлые годы... я копался въ плистомъ пескѣ маленькихъ лужъ маленькой щепкой. Нынѣшнимъ лѣтомъ избралъ предметомъ моихъ трудовъ огромную лужу, чуть не цѣлое море, и орудіемъ для „борьбы съ природой“— нынѣ въ модѣ у ученыхъ „борьба съ природою“— я взялъ лопату.— Рѣка сбыла; лужа отдѣлялась отъ рѣки грядой песка въ нѣсколько саженъ ширины; вода въ лужѣ стояла почти въ уровень съ этимъ валомъ; вода въ рѣкѣ была саженя на три или на четыре ниже: берегъ въ томъ мѣстѣ крутой песчаный откосъ. Внизу откоса, полоса плоскаго прибрежья, очень узенькая; тутъ ходятъ люди, когда вода въ рѣкѣ низкая. Другой возможности пройти вдоль рѣки нѣтъ: выше крутого песчанаго подъема, непроходимый кустарникъ.— Предвидишь ли, что вышло?— Я не предвидѣлъ.

Взялъ я лопату, дотронулся до узенькаго хребта перешейка между лужей и рѣкой. Вода

изъ лужи,— огромной и глубокой лужи,— хлынула вниз, размыла весокъ перешейка почти до уровня рѣки. Я смотрѣлъ и восхищался успѣхомъ. Прохожіе смотрѣли и хвалили.— Черезъ нѣсколько дней, отъ дождей въ верховьяхъ рѣки, вода стала прибывать,— влилась въ промытую лужей канаву; вышелъ широкій и глубокій каналъ, соединяющій необозримую лужу съ рѣкой. И, тенкій путь сообщенія вдоль рѣки, пресѣкся. Надобно подыматься на крутой песчаный обрывъ,— весокъ сыплется изъ-подъ ногъ путника; путникъ — продолжаетъ ли восхищаться моимъ трудолюбіемъ, которое хвалилъ недѣлю передъ тѣмъ?— послѣ, взобравшись на обрывъ, путникъ долженъ пробраться вокругъ лужи по грудамъ хвороста, черезъ чащу кустарника. Стало мнѣ стыдно передъ этими бѣдняками якутами. Но — вода сбудетъ, надѣюсь я. И, ложу гладѣть: сбываетъ ли; нѣтъ, такъ до самой осени, когда вода и въ лужѣ, и въ рѣкѣ, и въ моемъ каналѣ замерзла, каналъ оставался широкъ и глубокъ, не было прохода якутамъ вдоль берега и мучились они, обходя лужу по хворосту черезъ кустарникъ.

Я полагаю, что и прежде они считали меня человѣкомъ почти вовсе глупымъ. Теперь, вѣроятно, окончательно рѣшили: онъ глупѣе всякаго ребенка.— Впрочемъ, я не спрашивалъ, какъ они судятъ. Здѣшніе русскіе много хохотали".

Навѣрно, такой именно „непрактичностью" Чернышевскаго объясняется отчасти то курьезно-наивное отношеніе свысока къ нему иныхъ мѣстныхъ обывателей, которое великолѣпно выразила потомъ въ своемъ отзывѣ вдова вилюйскаго урядника, бывшаго главнымъ представителемъ надзора надъ Н. Г.: „Какъ бывало сойдутся *этакихъ-то двое* да начнутъ спорить: мой-то мужъ",—говорила она съ гордостью,— ну, да и Николай Гавриловичъ тоже,— добавляла она съ нѣкоторой снисходительностью...

По добытымъ И. Катинымъ свѣдѣніямъ, Чернышевскій будто-бы „сходился" иногда съ помощникомъ исправника К., пока не прекратилъ своихъ посѣщеній изъ-за слѣдующаго обстоятельства. Г-жа К., однажды „капсекая" (отъ якутскаго слова „капсе"— разсказывать), подѣлилась съ Н. Г—чемъ, „не вѣдая сама, что творила", сообщеніемъ о томъ, какъ она обманула какую-то якутку во время какого-то хозяйственнаго расчета. Н. Г. выслушалъ свою откровенную собесѣдницу,—помолчалъ немного, и сказавъ: „Такъ вотъ вы какъ", надѣлъ шапку и ушелъ изъ гостепріимнаго дома съ тѣмъ, чтобы больше къ него никогда не заглядывать.

Письма Чернышевскаго къ женѣ за 1876—1877 гг. полны того же любовнаго вниманія, заботы, трогательной нѣжности, ласки и такихъ же осторожныхъ, въ неизмѣнно бодромъ тонѣ, упоминаній о своемъ житьѣ-бытьѣ, какъ и письма предшествовавшаго періода, о которыхъ уже знаютъ наши читатели по прошлогоднимъ „Бюллетенямъ". Въ новой серіи писемъ, между прочимъ, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ совѣтъ Н. Г—ча своей „милой Радости": „Жаль одного: не умѣлъ я съ должною ясностью просить Тебя, чтобы Ты прочла десятка два, три скучныхъ ученыхъ книгъ; если бы Ты прочла ихъ—о, какіе бы хорошіе романы могла Ты писать!— и была бы богата: романы приносятъ много денегъ". Такъ своеобразно понималъ тайны созданія „*хорошихъ* романовъ" авторъ „Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности"...

Особенно же интересно признаніе Чернышевскаго, сдѣланное младшему сыну, въ письмѣ отъ 25 апр. 1877 г.,— признаніе, которое показываетъ лишній разъ, какъ родственна была ему натура выведеннаго имъ въ романѣ „Что дѣлать" Рахметова.

„По части исполненія ролей, не могу я быть совѣтникомъ Тебѣ. Я любилъ театръ. Но очень мало бывалъ въ немъ. Пока я былъ студентомъ, я опасался, что если разъ пойду въ театръ, то меня будетъ сильно тянуть бывать въ немъ безпрестанно. А это отвлекало бы меня отъ занятій. И, больше чѣмъ три года изъ четырехъ, я удерживалъ себя отъ посѣщенія театра. Подъ конецъ курса, вышло такое обстоятельство, что я не съумѣлъ отдѣлаться отъ надобности быть въ немъ.— Былъ на свѣтѣ Иринархъ Ивановичъ Введенскій,— извѣстный переводчикъ съ англійскаго, и, подъ конецъ жизни, главный совѣтникъ Ростовцева по управленію военно-учебными заведеніями. Ему понадобилось сдѣлаться докторомъ филологіи, что ли, или русской словесности, не помню, только докторомъ. Онъ былъ ласковъ ко мнѣ, юношѣ, робкому, безотвѣтному. Я предложилъ ему учиться у меня чему-то нужному для его докторства, чѣмъ онъ не занимался прежде. Платить мнѣ за это онъ не могъ и подумать: при всей своей робости, я не такъ держалъ себя, чтобъ это было возможно.— Онъ желалъ, конечно, чѣмъ - нибудь показать мнѣ свою признательность. Но, я умѣлъ отстранять всякую попытку его или его семейныхъ сдѣлать мнѣ какой-нибудь, хоть пустой подарокъ. И, вотъ однажды, я учу его,— и, оказывается: его семейство собралось въ театръ. Берутъ съ собою его. Зовутъ меня. Вертѣлъ, вертѣлъ я въ умѣ, какъ отказаться;— нельзя;

выходило бы слишкомъ обидно для нихъ. И я поѣхалъ съ ними. Вѣры не произошло: у меня достало характера не бывать послѣ того въ театрѣ чаще, чѣмъ случился у меня и досугъ и лишній четвертакъ. Но все-таки, я сожалѣлъ о времени и деньгахъ, уходившихъ у меня на развлеченія. Такой чудакъ я былъ тогда. А послѣ, у меня ужъ рѣшительно не было досуга посѣщать театръ".

Рахметовъ, бичуя свою плоть, спалъ на гвоздяхъ; самъ Чернышевскій въ совершенствѣ умѣлъ „бичевать" не только плоть, но и самый духъ свой, что и доказалъ потомъ своимъ сибирскимъ двадцатилѣтнимъ подвижничествомъ.

Въ „Современникѣ" все еще не закончены очерки Евг. Лицкаго о любви и женитьбѣ И. Г—чъ. Съ особымъ чувствомъ и пониманіемъ читается эта безыскусственная поэма единственной въ своемъ родѣ любви послѣ „сибирскихъ писемъ". Г. Лицкій дошелъ теперь (см. январ. кн. „Совр.") до исторіи „перваго поцѣлуя" Чернышевскаго.

„... Въ концѣ вечера Ольга Сократовна съ барышнями поѣхала кататься. Лошади были горячія, кучеръ пьянъ... Чернышевскій остался удивляться ихъ возвращенія, потому что боялся, не случилось бы чего-нибудь.

Долго онѣ не возвращались. Наконецъ, въ комнату вбѣжала Пагрикѣева и сообщила, что лошади разнесли сани и ушибли Ольгу Сократовну. Въ испугѣ Чернышевскій бросился въ ту комнату, куда прошла Ольга Сократовна, и увидѣлъ ее сидящею въ креслѣ. „Со смѣхомъ и истинною веселостью" стала разсказывать Ольга Сократовна, что произошло.

Чернышевскій смотрѣлъ на Ольгу Сократовну съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Все, что она разсказывала, казалось ему очаровательнымъ по своей простотѣ и искренности. Онъ любовался ею: она удивительно хороша, очаровательна. „Чѣмъ болѣе смотришь на нее, тѣмъ болѣе восхищаешься, увлекаешься ею. Тутъ-то я вполнѣ почувствовалъ то, что началъ чувствовать при ея разсказѣ о пережитой ею опасности".

Das Herz wuchs mir so sehnsuchtsvoll...

Время-отъ-времени онъ шепталъ ей на ухо:

— Какъ вы хороши!.. Вы въ самомъ дѣлѣ обворожительны!.. Чѣмъ болѣе смотрю на васъ, тѣмъ болѣе увлекаюсь вами!.. Наконецъ, если еще продолжать смотрѣть на васъ, въ самомъ дѣлѣ покажется, что—вы первая красавица на свѣтѣ...

„Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна, какое положеніе ни приметъ ее личико милое: обернется ли нѣсколько ко мнѣ, облокотясь на лѣвую руку, приподниметъ ли головку, опустивъ ли ее... О, какъ она хороша! Во всякомъ случаѣ, я не видывалъ никогда ничего подобнаго".

— Я въ такомъ увлеченіи,— говорилъ онъ ей,— что поцѣловалъ бы васъ, если-бы не хотѣлъ, чтобы мой первый поцѣлуй былъ рѣшительно таковъ, какъ онъ долженъ быть, и какъ онъ здѣсь не можетъ быть, потому что здѣсь мѣшаютъ...

„Ея головка была такъ близко къ моимъ губамъ,— разсказываетъ Чернышевскій,— что я нѣсколько разъ слабо поцѣловалъ ея волосы. Наконецъ, я осмотрѣлся: изъ залы и спальни не видать никого, никого... ея головка была такъ близко... мнѣ казалось даже—неловко не воспользоваться этимъ, мнѣ казалось, что это будетъ вило съ моей стороны. И тихонько, осторожно я поцѣловалъ ее въ лобъ. Она тотчасъ отвернулась и облокотилась на другую ручку кресель".

— Вы слишкомъ дерзки!

— Ольга Сократовна, это мой первый поцѣлуй въ лицо женщины.

Глаза Ольги Сократовны приняли опечаленное выраженіе. Чернышевскій смутился, ему стало совѣстно своей „дерзости".

— Простите, Ольга Сократовна, простите меня. Я забылся, я виноватъ, я не могъ удержаться.

Но она долго оставалась печальной...

Миръ былъ заключенъ, когда Чернышевскій провожалъ ее въ саняхъ домой. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней и держалъ ее руку въ своей рукѣ, и она „съ чувствомъ искренности сжимала ее" и не отнимала руки, когда онъ цѣловалъ ее. Когда они подъѣзжали къ дому, онъ сказалъ:

— Ольга Сократовна, теперь я вижу, что *люблю* васъ, теперь нѣтъ сомнѣнія: мое чувство—любовь, не что-нибудь другое; я люблю васъ"...

Въ февральской кн. „Голоса Минувшаго" дана „страница дневника" А. Н. Эргеля, и здѣсь мы тоже находимъ кое-что о Чернышевскомъ.

„Въ числѣ прочихъ книгъ,— записалъ Эртель,— послано было ему (Ч—му) въ Сибирь Маркса „Капиталъ" и изслѣдованіе какого-то нѣмца о русскихъ крестьянахъ. О послѣдней книгѣ онъ написалъ Пыпину, что напрасно онъ присылаетъ ему „подобныя книги", онѣ его нисколько не интересуютъ. О Марксѣ повторилъ то же, когда уже былъ въ Астрахани и сказалъ слѣдующее: „Я, говоритъ, пересмотрѣлъ его да и не читалъ; а отрывалъ листикъ за листикомъ, дѣлалъ изъ нихъ корабликъ и пускалъ по Вилюю; на что онъ мнѣ присылаетъ такія книги?"

Изъ революціоннаго прошлаго.

Послѣдняя публичная казнь.

Казнь „первомартовцевъ“ — Желябова, Перовской и ихъ товарищей—съ разными относящимися сюда обстоятельствами описана не разъ уже и въ нашей и въ заграничной печати. Появилось еще одно,— во второй кн. „Ист. Вѣст.“, — описаніе этого мрачнаго акта, принадлежащее перу Л. Плансона, которому пришлось присутствовать при казни по обязанности конвойнаго офицера. Новыя изъ сообщенныхъ имъ подробностей дополняютъ и лучше освѣщаютъ потрясающую картину того, что произошло 3 апрѣля на Семеновскомъ плацу и что уже навсегда сдѣлало невозможными у насъ публичныя казни.

Г. Плансонъ обстоятельно, шагъ за шагомъ, вспоминаетъ все, чему онъ былъ очевидцемъ. По всему пути слѣдованія стояла безчисленная толпа, живыми волнами захлестывая тротуары и переливаясь на улицу, откуда ее вновь заставляли катиться по тротуару нарядъ полиціи и конвойное оцѣпленіе кортежа съ осужденными.

„Настроеніе толпы, въ огромномъ большинствѣ ея, было явно враждебное къ цареубійцамъ и во всякомъ случаѣ недружелюбное. Это я заключаю изъ бывшихъ на моихъ глазахъ двухъ случаевъ, когда она звѣрски хотѣла расправиться самосудомъ съ двумя какими-то женщинами, которыя были повинны лишь въ томъ, что слишкомъ явно выразили свои симпатіи къ цареубійцамъ.

Первый случай имѣлъ мѣсто на углу Надеждинской и Спасской. Здѣсь мы замѣтили стоявшую на тумбѣ возлѣ фонаря какую-то уже немолодую женщину, скромно одѣтую, но въ шляпѣ и интеллигентнаго вида.

Когда платформы съ цареубійцами поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она стояла, и даже немного миновали его, такъ что преступники могли видѣть эту женщину, она вынула бѣлый платокъ и раза два-три успѣла махнуть имъ въ воздухѣ.

Нужно было видѣть, съ какимъ дикимъ остервенѣніемъ толпа сорвала моментально несчастную женщину съ ея возвышенія, сразу смяла ее, сбила съ головы ея шляпу, разорвала пальто и даже, кажется, раскровянила ей лицо. Если бы не немедленно подскочившіе полицейскіе и кто-то изъ насъ, офицеровъ, отъ неосторожной поклонницы цареубійцъ не осталось бы ничего, кромѣ истерзаннаго трупа. И то намъ не безъ труда и борьбы удалось вырвать ее изъ рукъ озвѣрѣвшей толпы, которая пробовала скалить свои зубы и на насъ...

Второй, совершенно аналогичный случай произошелъ уже недалеко отъ мѣста казни, передъ самымъ въѣздомъ съ Николаевской улицы на Семеновскій плацъ.

...Первымъ былъ повѣшенъ Рысаковъ. Второю—Перовская.

Какъ она ни храбрилась при жизни, пока ее везли до висѣлицы, стараясь своею презрительной улыбкой показать полное свое пренебреженіе къ предстоявшей ей казни и тѣмъ, которые такъ или иначе причастны были къ ней, однако въ послѣднюю минуту и въ ней заговорилъ инстинктъ самосохраненія. Когда послѣ наложенія на ея шею петли соскочившіе съ лѣстницы арестанты-палачи стали выдергивать изъ-подъ ея ногъ лѣстницу, Перовская такъ сильно ухватилась ногами о какую-то выступавшую часть верхней площадки лѣстницы (не знаю ужъ хорошенько), что два дюжихъ арестанта лишь съ большимъ трудомъ оторвали лѣстницу отъ точно приросшихъ къ ней ногъ Перовской, послѣ чего она нѣкоторое время, точно огромный маятникъ, качалась на тонкой веревкѣ взадъ и впередъ надъ помостомъ, причемъ изъ-подъ надѣтаго на ней мѣшка-балахона мелькали ея вздрагивающія ноги, пока наконецъ кто-то изъ палачей не догадался остановить качавшееся тѣло и прекратить тѣмъ непріятное зрѣлище.

Наконецъ случилось то, чего нужно было ожидать и что до глубины души потрясло всѣхъ присутствовавшихъ... А между тѣмъ избѣжать этого можно было такъ просто и легко!

Когда къ Михайлову подошли палачи, то онъ не далъ имъ взвести себя на поставленную лѣстницу, какъ бы брезгуя ихъ услугами, и, несмотря на закрытое балахономъ лицо, слегка лишь поддерживаемый однимъ изъ палачей подъ локоть, самъ рѣшительно и быстро взошелъ по ступенямъ лѣстницы на верхнюю ея площадку, гдѣ позволилъ одѣть на свою шею петлю.

И вотъ моментъ, когда изъ-подъ его ногъ была выдернута лѣсенка, и Михайловъ долженъ былъ повиснуть на веревкѣ, послѣдняя не выдержала его тяжести, оборвалась... и огромная, грузная масса съ высоты двухъ съ половиною аршинъ грохнулась съ шумомъ на гулкій помостъ...

Изъ нѣсколькихъ тысячъ грудей одновременно вырвался крикъ ужаса. Толпа заволновалась, послышались возгласы:

— Надобно его помиловать!

— Простить его нужно. Нѣтъ такого закона, чтобы вѣшать сорвавшагося!..

— Тутъ перстъ Божій!

— Царь такихъ завсегда милуетъ! Пришлетъ своего флигель-адъютанта!..

И за минуту враждебно настроенная, готовая собственными руками растерзать всякаго, кто посмѣлъ бы проявить свои симпатіи къ цареубійцамъ, измѣнчивая, какъ женщина, толпа преисполнилась горячими симпатіями къ одному изъ самыхъ ужасныхъ преступниковъ только за то, что подъ его тяжестью оборвалась веревка вслѣдствіе преступнаго недосмотра или злоупотребленія палача или другихъ приставленныхъ къ этому дѣлу лицъ!

Тѣмъ временемъ, ошеломленные въ началѣ неожиданностью, палачи, придя въ себя, принесли откуда-то новую веревку, не безъ труда наскоро перекинули ее черезъ освободившійся крючокъ, сдѣлали новую петлю, а затѣмъ, подойдя къ безпомощно лежавшему на помостѣ Михайлову, подхватили его подъ руки и потащили снова къ лѣстницѣ.

И, о ужасъ! Михайловъ оказался еще живымъ и даже въ сознаніи, такъ какъ самъ началъ переставлять ноги и по помосту, и даже по ступенямъ лѣстницы!..

Вновь ему накинули на шею петлю, несмотря на ропотъ волновавшейся толпы, и снова изъ-подъ его ногъ была вырвана лѣстница...

Но тутъ случилось нѣчто необычайное, никогда еще не бывшее въ лѣтописяхъ смертныхъ казней, нѣчто такое, что заставило разъ навсегда отказаться отъ „публичныхъ“ казней...

Не успѣлъ еще одинъ изъ палачей отдернуть въ сторону изъ-подъ ногъ Михайлова лѣстницу, какъ... вторично оборвалась веревка, на которой повисло на одну секунду его большое тѣло, и оно опять съ глухимъ ударомъ рухнуло на помостъ, дрогнувшій отъ этого паденія...

Невозможно описать того взрыва негодованія, криковъ протеста и возмущенія, брани и проклятій, которыми разразилась залившая площадь толпа. Не будь помостъ съ висѣлицей окруженъ внушительнымъ сравнительно нарядомъ войскъ, вооруженныхъ заряженными винтовками, то, вѣроятно, и отъ висѣлицы съ помостомъ, и отъ палачей и другихъ исполнителей приговора суда въ одинъ мигъ не осталось бы ничего...

Но возбужденіе толпы достигло своего апогея, когда съ площади замѣтили, что Михайлова собираются вздернуть на висѣлицу въ третій разъ...

Тутъ положительно поднялось нѣлое море возбужденныхъ голосовъ, требовавшихъ помилованія Михайлова. Многіе поворачивали головы въ сторону Загороднаго проспекта, какъ бы ожидая появленія царскаго гонца съ вѣстью о помилованіи. Многіе грозили кулаками въ сторону висѣлицы, кричали что-то угрожающее и по поднявшемуся въ толпѣ движенію можно было думать, что съ минуты на минуту она бросится на насъ и разнесетъ всѣхъ и все...

Однако ничего подобнаго не случилось.

Энергичными мѣрами казаковъ и полиціи нѣсколько десятковъ бросившихся впередъ горлодеровъ были моментально оттѣснены назадъ, а толпа, видя рѣшительныя дѣйствія начальства и суровыя, сосредоточенныя лица солдатъ, взявшихся за оружіе, больше не рѣшалась наступать, а ограничилась лишь пассивнымъ выраженіемъ своего недовольства.

А, дѣйствительно, это двукратное паденіе Михайлова произвело на всѣхъ самое тяжелое, удручающее впечатлѣніе, котораго не избѣгли и мы, активные зрители этого происшествія...

Прошло съ того момента болѣе тридцати лѣтъ, а я до сихъ поръ слышу грохотъ паденія грузнаго тѣла Михайлова и вижу мертвую массу его, безформенною кучей лежащую на высокомъ помостѣ!..

Однако откуда-то была принесена новая, третья по счету веревка совершенно растерявшимися палачами (вѣдь они тоже люди!..)

На этотъ разъ она оказалась болѣе прочной, такъ какъ, когда безжизненное тѣло Михайлова было съ большими усиліями внесено нѣсколькими арестантами на лѣстницу и послѣ долгой возни голова его всунута въ новую петлю, то на этотъ разъ веревка не оборвалась, и тѣло повисло надъ помостомъ на натянувшейся, какъ струна, веревкѣ при общемъ гулѣ стихавшаго, какъ бушующее море, народа.

Тѣмъ временемъ Желябовъ и Кибальчичъ продолжали безмолвно стоять въ ожиданіи своей участи, каждый подъ предназначенной ему петлей. Что они перестрадали въ эти мгновенія, показавшіяся имъ, вѣроятно, вѣчностью, не берусь сказать, но, очевидно, ихъ самочувствіе было ужасно!..

Правда, что все описанное произошло быстро, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, но не приведи Богъ кому-либо пережить этакія минуты въ положеніи Желябова и Кибальчича!..

Съ ними, впрочемъ, справились живо.

Да и толпа значительно потеряла уже интересъ къ этому зрѣлищу послѣ того подъема первовъ, который ей дало двукратное паденіе Михайлова.

Когда наконецъ подъ ужасной перекладиной висѣлицы тихо закачалось пять тѣлъ казненныхъ цареубійцъ, толпа медленно стала уходить съ площади, продолжая взволнованно обсуждать все случившееся. Тѣмъ временемъ

на помостъ взошелъ врачъ, констатировалъ смерть каждаго изъ казненныхъ, послѣ чего ихъ по очереди сняли съ петель и положили въ приготовленные гробы, которые были быстро закрыты, поставлены на ожидавшія платформы ломовыхъ и отвезены на какое-то кладбище...

А палачи, пользуясь людскою глупостью, бойко торговали снятыми съ висѣлицы веревками, которыхъ на ихъ счастье на этотъ разъ оказалось такъ много!..“

О Бакунинѣ.

Извѣстный больше за границей, чѣмъ въ своемъ отечествѣ, ученый и философъ-позитивистъ Г. Н. Вырубовъ (давно уже натурализовавшійся во Франціи) опубликовалъ въ двухъ книжкахъ „Вѣст. Европы“ свои воспоминанія о Герценѣ, Бакунинѣ и Лавровѣ, а также ихъ переписку съ нимъ. Болѣе живой, общеинтересный матеріалъ даетъ глава, отведенная М. А. Бакунину.

„Личность Бакунина и въ физическомъ, и въ нравственномъ отношеніи поражала своими размѣрами. Фигура его, огромная по всѣмъ тремъ измѣреніямъ, съ курчавой головой, напоминала изображеніе Бога-Саваоѳа въ куполахъ церквей; ѣлъ онъ безъ разбора, что попало—невѣроятное количество; чай, холодный и горячій, пилъ онъ цѣлый день, папиросъ выкуривалъ несчетное число. При такомъ режимѣ, въ особенности послѣ долгаго сидѣнья въ тюрьмахъ, простой смертный извелъ бы себя въ нѣсколько лѣтъ, а онъ ничего себѣ, прожилъ безъ особенныхъ затрудненій до 62 лѣтъ. Съ другой стороны, его несокрушимая, желѣзная воля, его до наивности доходившая доброта, его политическія программы и боевыя предпріятія, его достоинства и недостатки—все это было необычно и чрезмѣрно. Съ такими качествами онъ, казалось бы, былъ созданъ для плодотворной дѣятельности, а между тѣмъ, онъ всю жизнь провелъ въ роли Сизифа, постоянно приготовляя политическія и соціальныя революціи, которыя не менѣе постоянно не удавались и всякій разъ падали на его плечи. Какъ въ дѣтскихъ сказкахъ, благодѣтельныя волшебницы, щедро одаривъ его самыми разнообразными достоинствами, забыли дать ему чувство дѣйствительности. Онъ жилъ въ какомъ-то чаду, въ какой-то искусственной, имъ самимъ созданной атмосферѣ, въ которой обыкновеннымъ людямъ нельзя было дышать.

Къ Бакунину ходилъ я иногда (въ Неаполѣ, въ 1866 г.) посидѣть вечеромъ, и съ первыхъ же визитовъ бережно отклонилъ всякія, для меня совершенно безцѣльныя, политическія разсужденія; зато заслушивался я живыхъ разсказовъ о его разнообразныхъ похожденіяхъ. Хотя многія изъ этихъ похожденій казались невозможными, простота рѣчи, искренность тона несомнѣнно доказывали, что это было не вымышлено, что все это было пережито и выстрадано. Особенно удивляло меня и нравилось мнѣ его необыкновенное добродушіе, отсутствіе всякаго злопамятства; о перенесенныхъ страшныхъ невзгодахъ онъ говорилъ безстрастно, какъ будто дѣло шло не о немъ самомъ, а о человѣкѣ ему вовсе незнакомомъ. Такая объективность возможна только въ исключительно стойкихъ натурахъ.

Нѣкоторые изъ его разсказовъ были особенно характерны и остались у меня въ памяти. Во время своей ссылки онъ пользовался большимъ благорасположеніемъ его близкаго родственника, тогда всесильнаго генералъ-губернатора Муравьева (Амурскаго), который, вдали отъ центральной власти, безопасно разыгрывалъ роль либерала. Бакунинъ часто у него бывалъ, произносилъ за генералъ-губернаторскими оффиціальными обѣдами чуть не республиканскіе тосты и вообще былъ своимъ человѣкомъ. Когда Муравьевъ былъ замѣщенъ Корсаковымъ, престижъ Бакунина не умалился: родство съ вліятельнымъ сановникомъ открывало ему доступъ въ высшій чиновничій міръ. Разъ пришелъ онъ къ вице-губернатору — къ несчастію, я позабылъ его имя — и попросилъ у него взаймы 1000 руб. Тотъ отказалъ, оговариваясь неимѣніемъ денегъ и прибавилъ:

— Зачѣмъ вамъ здѣсь така сумма?

— Да мнѣ не здѣсь ее тратить — я собираюсь бѣжать!

— Въ такомъ случаѣ отказать вамъ не могу,—вотъ вамъ деньги.

Какая прелестная иллюстрація къ правамъ администраторовъ, поставленныхъ для точнаго и безпрекословнаго исполненія приказаній высшаго начальства! Какое убѣдительное доказательство что между велѣніемъ, исходящимъ изъ Петербурга, и его осуществленіемъ въ разныхъ концахъ огромной россійской имперіи могутъ встрѣтиться самыя разнообразныя случайности!

Заручившись необходимой суммой и окончательно убѣдившись, что его изъ Сибири никогда не выпустятъ, Бакунинъ бѣжалъ. Это было, какъ выразился Герценъ, „самое длинное бѣгство въ географическомъ смыслѣ“, черезъ полъ-Сибири, Тихій океанъ, Америку и Атлантику — чуть не черезъ половину земного шара.

Въ первое время нашего знакомства Бакунинъ, какъ пустый конспираторъ, относился ко мнѣ недовѣрчиво. Скоро, однако, манія вербо-

вать сотрудниковъ революціи преодолѣла недовѣрчивость. Я ему объяснилъ, что терпѣть не могу политическихъ конспирацій. Но Бакунинъ не такъ-то легко выпускалъ изъ рукъ взятую намѣченную жертву.

— Вы видѣли, у насъ есть члены-соревнователи, вовсе не обязанные вступать въ какіе-либо заговоры, а только помогающіе словомъ или деромъ распространенію нашихъ идей; вамъ надо непремѣнно записаться въ ихъ число.

— Пожалуй, только вотъ эти клятвы на кинжалахъ очень ужъ мнѣ не нравятся.

— И не нужно ихъ! Это мы для итальянцевъ придумали; мы довольствуемся вашимъ словомъ. Согласны?

— При такихъ условіяхъ согласенъ.

Онъ всталъ, торжественно провозгласилъ, что принимаетъ меня въ члены всемірнаго братства, крѣпко обнялъ и прибавилъ:

— Теперь, какъ новый „братъ“, вы должны заплатить 20 франковъ.

При этомъ практическомъ финалѣ я не могъ удержаться отъ смѣха, да и онъ улыбнулся своей доброй, пріятной улыбкой.

Въ концѣ августа я покинулъ Неаполь и встрѣтился съ Бакунинымъ снова только черезъ годъ, на Женевскомъ конгрессѣ. Тутъ, среди собравшейся международной демократіи, онъ очутился въ своемъ настоящемъ элементѣ: онъ устраивалъ совѣщанія, ораторствовалъ, писалъ проекты, программы, прокламаціи. Хорошо помню его чрезвычайно эффектное выступленіе на первомъ засѣданіи конгресса. Когда онъ поднимался своимъ тяжелымъ, неуклюжимъ шагомъ по лѣсенкѣ, ведущей на платформу, гдѣ засѣдало бюро, какъ всегда неряшливо одѣтый въ какой-то сѣрый балахонъ, изъ-подъ котораго видѣлась не рубашка, а фланелевая фуфайка, раздались крики: „Бакунинъ!“ Гарибальди, занимавшій предсѣдательское кресло, всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и бросился въ его объятія. Эта торжественная встрѣча двухъ старыхъ, испытанныхъ бойцовъ революціи произвела необыкновенное впечатлѣніе. Несмотря на то, что въ огромномъ залѣ было немало противниковъ, всѣ встали, и восторженнымъ рукоплесканіямъ не было конца. На другой день Бакунинъ произнесъ блестящую рѣчь, которая, какъ всегда, имѣла шумный успѣхъ. Если ораторомъ считать того, кто удовлетворяетъ требованіямъ литературно образованной публики, изящно владѣетъ языкомъ и въ рѣчахъ котораго можно всегда найти начало, середину и конецъ, какъ поучалъ Аристотель,—Бакунинъ не былъ ораторомъ; но онъ былъ великолѣпнымъ народнымъ трибуномъ, умѣвшимъ говорить массамъ поступъ въ совершенствѣ и, что всего замѣчательнѣе, говорилъ имъ одинаково убѣдительно на разныхъ языкахъ. Его величавая фигура, энергическіе жесты, искренній, убѣжденный тонъ, короткія, какъ бы топоромъ вырубленныя фразы — все это производило сильное впечатлѣніе.

Безъ революціонной дѣятельности, безъ конспирацій и боевыхъ организацій Бакунинъ не могъ жить; это была его духовная пища, которую онъ, какъ и пищу матеріальную, потреблялъ въ огромномъ количествѣ, работая всегда съ лихорадочной поспѣшностью, какъ будто вотъ-вотъ сейчасъ вся Европа превратится въ революціонный лагерь. Тотчасъ послѣ конгресса, пока всѣ члены окружавшаго его меньшинства были еще налицо, онъ, не теряя времени, приступилъ къ основанію новаго общества, на этотъ разъ не тайнаго, но все же нѣсколько таинственнаго, подъ громкимъ названіемъ: „Международнаго союза соціалистической демократіи“. Первымъ дѣломъ онъ выработалъ для него обширную программу, въ которой атеизмъ и федерализмъ, анархія и коллективизмъ занимали почетныя мѣста. Этимъ, впрочемъ, все и кончилось. Бакунинъ попробовалъ было присоединить свое новое дѣтище къ тогда уже сильному „Интернаціоналу“, но попытка не удалась, его предложеніе было отклонено, и онъ вскорѣ бросилъ свой „международный союзъ“, какъ бросилъ прежде свое „всемірное братство“. Въ самомъ началѣ 1869 года онъ перенесъ свою неутомимую революціонную дѣятельность въ женевскій отдѣлъ Интернаціонала.

Съ этого времени и до начала семидесятыхъ годовъ онъ предается усиленной литературной работѣ. Онъ пишетъ статьи, брошюры, даже цѣлыя книги; говорю *пишетъ*, а не *издаетъ*, потому что только малая часть всего имъ написаннаго появилась при его жизни — остальное было найдено въ его бумагахъ, въ видѣ рукописей и даже корректуръ. Происходило это отъ странной манеры Бакунина писать, которая въ свою очередь зависѣла отъ его крайней безпорядочности. Сколько разъ старался я убѣдить его, что такъ сочинять нельзя. Онъ добродушно соглашался, но натуры своей перемѣнить не могъ. Обыкновенно начиналъ онъ съ письма къ кому-нибудь изъ неофитовъ; письмо мало по малу разрослось въ журнальную статью, которая незамѣтно принимала размѣры брошюры. Иногда и въ эти рамки разгулявшая мысль не укладывалась, и получался болѣе или менѣе объемистый томъ; первые листки давно уже были въ исправленной корректурѣ, но когда рукопись окончивалась, ока-

зывалось, что не хватало на изданіе денегъ, и корректуры складывались на полку, въ ожиданіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Въ другой разъ, возникалъ во время писанія какой-нибудь побочный вопросъ: онъ бросалъ начатое и принимался его развивать. Правда, не все недописанное и недопечатанное пропадало даромъ: Бакунинъ широко пользовался своимъ архивомъ и увотреблялъ старый матеріалъ для своихъ новыхъ литературныхъ предпріятій. Это, впрочемъ, облегчалось тѣмъ, что всѣ его соображенія, о чемъ бы онъ ни писалъ, сводились къ одному и тому же—къ необходимости начать всеобщую революцію и водворить повсемѣстно анархическій коллективизмъ. Да и фразеологія его, прямо навѣянная Гегелемъ, приспособлялась безъ затрудненія къ самымъ разнообразнымъ сюжетамъ.

Случались у него и другого рода препятствія. Въ одномъ изъ сохранившихся у меня его писемъ онъ сообщаетъ мнѣ, что готовитъ брошюру и въ ней намѣревается со мной полемизировать, но для изданія не хватаетъ ему 300 фр., которые проситъ меня ему одолжить. Такая неожиданная манера занимать у противника средства, чтобы его побивать, мнѣ показалась до того оригинальна, что я послалъ ему деньги. Но брошюра такъ и не появилась: деньги, видно, понадобились на какія-нибудь другія „нужды“ пропаганды.“

Г. Н. Вырубовъ, присматриваясь позже къ „бакунинцамъ“ и „лавровцамъ“ и ихъ братоубійственной борьбѣ, составилъ себѣ мнѣніе, что вопросъ о коренномъ расхожденіи ихъ сводится вовсе не къ теоретическимъ соображеніямъ,—первые-де проповѣдуютъ пропаганду „дѣломъ“, вторые же защищаютъ пропаганду „словомъ“, какъ думали тѣ и другіе, — а къ разницѣ темпераментовъ, или, какъ онъ разъ „по ученому“ объяснялъ Лаврову: къ различію „шишекъ“.

— Какъ шишекъ?—удивился тотъ.

— Да такъ. Галль и Спурцгеймъ показали, что на человѣческомъ черепѣ существуютъ шишки, соотвѣтствующія выпуклостямъ мозга, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ развитія опредѣленныхъ способностей. У васъ и у вашихъ развита шишка словоохотливости, у бакунинцевъ шишка драчливости: тутъ никакими аргументами ничего не подѣлаешь.

Животный магнетизмъ и его цѣлительная сила.

Недавно вышедшая книга Кудрявцева „Цѣлительная жизненная сила“ является результатомъ двѣнадцатилѣтнихъ наблюденій въ области животнаго магнетизма, первыя упоминанія о которомъ связаны у насъ съ именемъ доктора Месмера (1741—1815).

Теперь теорія Месмера сильно измѣнилась въ свѣтѣ современной науки — многія явленія получили болѣе прочное обоснованіе, введена болѣе точная терминологія, но самое явленіе животнаго магнетизма получило только многообразныя подтвержденія.

„Два свойства матеріи,— говоритъ Кудрявцевъ,—являются по отношенію къ энергіи основными: это поглощеніе и отраженіе, причемъ поглощенную энергію матерія преобразовываетъ въ зависимости отъ условій составляющей ее среды. Одинъ и тотъ же видъ колебаній эфира, напримѣръ электрическая волна, проявится какъ электричество въ проводникѣ изъ мѣди, станетъ теплотой въ проводникѣ изъ угля или платины, будетъ видна какъ свѣтъ въ проводникѣ изъ газа (свѣтящійся воздухъ между двумя угольками дуговой лампы) и т. д. Равнымъ образомъ свѣтъ даетъ зеленую окраску листвѣ дерева и бѣлитъ полотна, теплота обжигаетъ глину и растапливаетъ воскъ и т. д. Ничто не исчезаетъ въ природѣ, но все преобразовывается и переходитъ все въ новыя и новыя тѣла или виды энергіи. Вибрація эопра, встрѣтивъ на своемъ пути матеріальное тѣло, преобразится въ немъ и, вызвавъ въ немъ соотвѣтственныя вибраціи, уйдетъ изъ него, но уйдетъ не одна. Если вспомнить, что міровой эфиръ проникаетъ во всѣ тѣла, и что энергія увлекаетъ за собой атомы эфира и даже молекулы матеріи въ состояніи радіаціи, то легко понять, что пронесшаяся черезъ тѣло вибрація уноситъ съ собою нѣсколько эопрныхъ или свѣтящихся молекулъ того тѣла, которое оно покидаетъ. Равнымъ образомъ, при своемъ проникновеніи въ тѣло, она ввела въ него нѣсколько молекулъ, чуждыхъ его природѣ, заимствованныхъ ею у ранѣе пронизанныхъ тѣлъ, служившихъ ей какъ бы средою для проявленія.

Такимъ образомъ во всей природѣ наблюдаются эти два теченія: дѣйствіе и противодѣйствіе, ассимиляція (усвоеніе) и диссимиляція (разобщеніе), накопленіе энергіи и ея разсѣяніе. Матерія распадается, и результатомъ такого распада является освобожденіе новаго количества энергіи.

Магнетизмъ есть такое же видоизмѣненіе энергіи, какъ свѣтъ, теплота, электричество, и подчиняется тѣмъ же законамъ,—но прежде чѣмъ итти дальше, надо отмѣтить еще одно обстоятельство.

Въ настоящее время можно считать дока-

заннымъ, что каждое изъ четырехъ состояній матеріи (твердое, жидкое, газообразное и свѣтящееся) содержитъ въ себѣ всѣ остальныя состоянія; равнымъ образомъ никакая энергія не существуетъ сама по себѣ, внѣ связи со всѣми другими видами энергіи. Другими словами, *каждая вибрація одновременно содержитъ въ себѣ и всѣ остальныя*, и единственное теоретическое различіе, которое можно сдѣлать между ними, состоитъ въ томъ, что въ данной энергіи одинъ видъ энергіи преобладаетъ надъ всѣми остальными. Такъ, напр., въ электричествѣ наблюдается большее количество вибрацій, подходящихъ подъ понятіе электрическихъ волнъ, но въ этой энергіи содержится и извѣстное количество волнъ тепловыхъ, свѣтовыхъ, звуковыхъ, магнѣтическихъ и т. п. Магнетизмъ—магнетизмъ физіологическій, какъ извѣстный агентъ природы,—существуетъ вездѣ, гдѣ развивается какая-нибудь энергія; его можно найти въ человѣкѣ, въ животныхъ, въ растеніяхъ, въ магнитѣ, въ минералахъ, въ электрическихъ машинахъ: онъ рождается во всѣхъ химическихъ реакціяхъ, посылается намъ солнцемъ, луной, планетами и звѣздами. Но это не *универсальный агентъ*, какъ ошибочно назвалъ его Месмеръ, и не современный міровой зопръ; это одинъ изъ видовъ проявленія энергіи. Ошибка Месмера состояла въ томъ, что онъ, открывъ этотъ видъ энергіи, не далъ ему новаго наименованія, а взялъ для его обозначенія слово „магнетизмъ“, — слово, которое давно примѣнялось къ явленію совершенно другого порядка.

Энергія, открытая Месмеромъ (энергія *живыхъ* существъ), состоитъ по отношенію къ магнетизму (притягательной силѣ магнита) въ такомъ же соотношеніи, какъ магнетизмъ по отношенію къ электричеству. Послѣдовательное видоизмѣненіе энергій, по быстротѣ вибрацій, можно представить въ слѣдующемъ порядкѣ: звукъ, теплота, свѣтъ, электричество, электромагнетизмъ, гальванизмъ, энергія живого вещества, энергія мысли и т. д.

Что такое магнетизмъ съ точки зрѣнія современной физики?

Извѣстно, что магнитомъ въ физикѣ называютъ тѣло, способное притягивать желѣзо и нѣкоторые другіе металлы и вещества, или, болѣе широко,—тѣло, создающее въ окружающемъ его пространствѣ магнитное поле.

Давно также извѣстно, что сильные магниты притягиваютъ къ себѣ помимо металловъ и многіе минералы, содержащіе въ себѣ соли желѣза, никкеля или кобальта, а около 1770 г. ученые Кулонъ и Бругмансъ замѣтили, что магнитъ отталкиваетъ одно тѣло — висмутъ. Наконецъ знаменитый англійскій физикъ Фарадей доказалъ, что всѣ тѣла природы—твердыя жидкія и газообразныя—подвержены дѣйствію магнита: одни тѣла притягиваются магнитомъ, другія отталкиваются имъ.

Если провести эту мысль дальше, то можно убѣдиться, что всѣ тѣла въ природѣ взаимно притягиваются или отталкиваются, такъ какъ притяженіе или отталкиваніе есть естественное свойство атомовъ матеріи, которая по природѣ своей едина, — и съ этой точки зрѣнія весь міръ представляетъ собою какъ бы магнитное поле. Въ этомъ именно смыслѣ и понималъ, повидимому, это явленіе Месмеръ, разсматривая магнетизмъ какъ взаимное, безпрестанно образующееся или разрушающееся отношеніе между всѣми тѣлами и въ особенности между людьми.

Если къ этому прибавить, что во всѣхъ тѣлахъ природы имѣется электричество, а слѣдовательно, какъ указано выше, и особая энергія живого вещества, и что весь міръ находится въ постоянномъ движеніи, которое проникаетъ всѣ тѣла природы,—то въ утвержденіяхъ Месмера не окажется ничего непріемлемаго.

Изслѣдованія послѣдняго времени дали еще болѣе вѣскія доказательства правильности такого воззрѣнія. Начало этимъ изслѣдованіямъ положило замѣчательное открытіе Рентгена Х-лучей (1895 г.), а въ февралѣ 1896 г. ученый Беккерель замѣтилъ, что соли урана,—безъ какого бы то ни было—казалось —внѣшняго дѣйствія,—непрерывно испускаютъ лучи, обладающіе свойствами лучей Рентгена. Черезъ 2 года послѣ открытія Беккереля, Шмидтъ въ Германіи и г-жа Кюри въ Парижѣ, независимо другъ отъ друга, нашли, что соли торія также испускаютъ лучи, которые обладаютъ всѣми особенностями лучей, испускаемыхъ солями урана. Вскорѣ обнаружилось, что всѣ минералы, въ составъ которыхъ входятъ соединенія урана и торія, являются источниками такихъ же Беккерелевыхъ лучей. Дальнѣйшія работы въ этомъ направленіи привели къ открытію новыхъ металловъ *полонія, актинія и радія*, способность которыхъ къ лучеиспусканію во много разъ превышаетъ всѣ извѣстные до послѣдняго времени элементы.

Опыты обнаружили, что соединенія торія, актинія и радія непрерывно выдѣляютъ изъ себя новые газы, также въ высшей степени радіоактивные, т.-е. обладающіе способностью проникать черезъ всѣ предметы и сообщать наиболѣе совершеннымъ изоляторамъ (напр., воздухъ) способность проводить электричество. Эти газы получили въ физикѣ общее названіе: *эманація*.

Тщательныя изслѣдованія показали, что ра-

дій является потомкомъ одного изъ простыхъ химическихъ тѣлъ. Прототипъ радія — уранъ. Изъ этого металла получается радій, а эманація радія образуетъ, при извѣстныхъ превращеніяхъ, химически простое тѣло — гелій (открытіе Рамсея и Соди въ 1904 году).

„Итакъ,—писалъ проф. П. П. Боргманъ въ своей статьѣ „Возникновеніе электронной теоріи вещества“,—мечта средневѣковыхъ алхимиковъ о превращеніи вещества одного въ другое оказывается не вполнѣ фантастическою. Безъ всякаго насилія, безъ какого бы то ни было внѣшняго вліянія, происходитъ въ природѣ постепенное измѣненіе химически простого тѣла. Это простое тѣло выдѣляетъ изъ себя другое тѣло, также простое, но совершенно отличное по свойствамъ отъ перваго. Второе тѣло порождаетъ третье, третье — вызываетъ появленіе четвертаго. Мертвая матерія, какою мы представляемъ себѣ вообще металлъ, обнаруживаетъ свойства *живого организма*—даже больше,—эта матерія даетъ поколѣніе за поколѣніемъ, не похожія другъ на друга, она эволюціонируетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ это допускается въ мірѣ животныхъ и растеній, она эволюціонируетъ безъ всякаго естественнаго подбора, безъ необходимости бороться за существованіе“.

Можно ли послѣ этого говорить о *мертвой* матеріи?! Въ природѣ все живетъ и все стремится поддержать свою *индивидуальность*.

А если это такъ, — если, вмѣсто мертвой матеріи, мы имѣемъ *живое* вещество, то оно, какъ и все живое, неизбѣжно выдѣляетъ особую энергію, которую условно принято называть животнымъ магнетизмомъ.

На этомъ свойствѣ тѣлъ основана магнетотерапія.

Магнетотерапія есть искусство лѣчить болѣзни животнымъ магнетизмомъ, скрытымъ въ природѣ вещей, а такъ какъ нѣтъ такого тѣла въ природѣ, которое не содержало бы въ себѣ магнетизма, хотя бы въ скрытомъ состояніи, то отсюда слѣдуетъ, что всѣ тѣла природы могутъ быть примѣняемы для лѣчебныхъ цѣлей

Почти всѣмъ, хоть немного знакомымъ съ исторіей медицины, извѣстно, что во всѣ историческія времена, у всѣхъ народовъ, не только у жрецовъ, но и у врачей, широко примѣнялась такъ называемая *металлотерапія*, которая впослѣдствіи распадается на два отдѣла: металлоскопію и собственно металлотерапію.

Металлоскопія изслѣдуетъ непонятныя теперь явленія, происходящія въ организмѣ, главнымъ образомъ въ нервной системѣ, подъ вліяніемъ металла, наложеннаго на кожу человѣка и животныхъ, какъ въ здоровомъ, такъ и въ болѣзненномъ состояніи.

Металлотерапія ставитъ себѣ задачей устранить замѣченныя неудобства примѣненія металловъ и взять изъ данныхъ металлоскопіи только то, что необходимо для успѣшнаго лѣченія больныхъ.

Установлено, что для достиженія наилучшихъ результатовъ слѣдуетъ одновременно съ наружнымъ примѣненіемъ металла, къ которому пациентъ чувствителенъ, давать этотъ металлъ и внутрь, напр., въ формѣ растворимыхъ солей или вообще въ той формѣ, которая окажется для даннаго металла наиболѣе удобною.

Очень скоро послѣ обнародованія изслѣдованій по металлоскопіи и металлотерапіи, были обнародованы наблюденія, показавшія съ несомнѣнностью, что совершенно подобно металламъ на человѣческій организмъ вліяютъ нѣкоторыя породы дерева (*ксилоскопія и ксилотерапія*), а также многіе камни, кристаллы, затвердѣвающія смолы (янтарь) и многія другія вещества изъ органическаго и неорганическаго міра.

Аналогично съ деревомъ дѣйствуютъ всѣ травы и растенія, при чемъ магнетическая сила ихъ находится въ зависимости отъ почвы, на которой они растутъ, отъ времени года, когда происходитъ ихъ цвѣтеніе, и отъ большаго или меньшаго пребыванія подъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей. Солнце есть главный носитель жизненной магнетической энергіи извнѣ, и чѣмъ больше солнечной энергіи поглотитъ въ себя растеніе, тѣмъ благотворнѣе будетъ его послѣдующее вліяніе на организмъ.

Все это еще очень недавно признавалось оккультнымъ и потому—абсурднымъ, невозможнымъ; теперь же, благодаря ученію объ эманаціяхъ, получаетъ вполнѣ разумное объясненіе и обоснованіе.

Пріемы магнето-терапіи очень разнообразны, но въ основѣ ихъ лежитъ одно правило, что лѣкарственныя вещества, вводимыя въ организмъ человѣка должны быть строго согласованы съ физико-химической структурой его организма и съ его магнетическимъ состояніемъ. Поэтому,—помимо выбора самихъ медикаментовъ и правильной, примѣнительно къ каждому отдѣльному случаю, ихъ дозировки,—надлежитъ серьезно сообразоваться съ ихъ магнетическими свойствами и особенностями. Универсальныхъ средствъ не существуетъ: „всякъ молодецъ — на свой образецъ“, и, какъ давно уже выяснено, надо лѣчить не болѣзни, а больныхъ, *помогая природѣ*, а не насилуя ея законы. Не на этомъ ли основаны успѣхи Тибетской медицины и благотворное вліяніе такъ-называ-

емыхъ народныхъ средствъ, выработанныхъ путемъ вѣкового опыта и наблюденій?

Однако возможны случаи, когда даже самое умѣлое, вдумчивое назначеніе медикаментовъ и разумный образъ жизни не могутъ возстановить нарушеннаго равновѣсія и соотношенія жизненныхъ силъ.

Дѣло въ томъ, что хотя цѣлебныя силы природы разлиты по всей вселенной, и каждый можетъ ихъ черпать сколько ему угодно, но бываютъ случаи, когда организмъ человѣка, ослабленный предыдущимъ недугомъ или лѣченіемъ, не можетъ уже больше усвоивать тѣ элементы, которые вводятся въ его организмъ съ лѣчебною цѣлью.

Происходитъ это оттого, что магнетизмъ минераловъ и растеній недостаточно чистъ и не соотвѣтствуетъ по количеству сноповъ вибрацій тѣмъ тонкимъ состояніямъ матеріи, которыя входятъ въ составъ человѣческаго тѣла. Въ лучшемъ случаѣ животный магнетизмъ металловъ и растеній можетъ содѣйствовать возстановленію тѣхъ или иныхъ *физическихъ* органовъ, но онъ безсиленъ бороться и приносить пользу въ болѣзняхъ нервной системы, въ нервныхъ заболѣваніяхъ и при душевныхъ тревогахъ и волненіяхъ.

Магнетизмъ минераловъ дѣйствуетъ непосредственно на матерію физическаго тѣла, магнетизмъ растеній—какъ болѣе тонкій—оказываетъ благотворное вліяніе на возстановленіе внутреннихъ органовъ, но ни тотъ, ни другой не могутъ возстановить психофизическихъ процессовъ у существа высшаго порядка, какимъ является человѣкъ.

Въ такихъ случаяхъ безуспѣшнаго примѣненія медицинскаго лѣченія и строгаго соблюденія предписаннаго режима,—притомъ, когда больной прошелъ черезъ всѣ извѣстные современной медицинѣ способы лѣченія,—когда всѣ средства испытаны и не дали положительнаго результата,—больной не долженъ отчаиваться. Въ природѣ есть еще одно могущественное средство,—это магнетизмъ другого живого существа высшаго порядка, чѣмъ минералы и растенія,—магнетизмъ животныхъ,—и, какъ высшая его форма—магнетизмъ другого здороваго человѣка.

Оккультная медицина среднихъ вѣковъ знала много такихъ рецептовъ. Отъ подагры рекомендовалось класть въ постель къ ногамъ больного щенка, ягненка или вообще какое-нибудь спокойное животное. Организмъ животныхъ легче перерабатываетъ болѣзнетворныя начала, перешедшія къ нему изъ организма человѣка. Отъ желтухи и многихъ другихъ болѣзней брюшной полости прекрасно помогаетъ, если класть непосредственно на пупокъ больного живыхъ неперепившихся голубей. Недурно дѣйствуютъ также и куры и другія спокойно сидящія птицы. Извѣстно, что домашнія животныя, въ особенности собаки, въ случаѣ болѣзни ихъ хозяина, движимыя чувствомъ привязанности къ нему, сами ищутъ непосредственной близости къ больному и нерѣдко перенимаютъ на себя нѣкоторые симптомы его болѣзни, чѣмъ приносятъ ему серьезное облегченіе, а иногда и исцѣленіе въ недугѣ.

При болѣзни проказой рекомендуется жить среди овецъ. Можно еще отмѣтить благотворное вліяніе органовъ свѣже-вскрытыхъ животныхъ.

Но наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ спасенію въ такихъ случаяхъ является введеніе въ нашъ организмъ жизненной силы другого человѣка,—какъ энергіи, уже прошедшей черезъ человѣческій организмъ и потому наиболѣе приспособленной и пригодной для усвоенія другимъ человѣческимъ тѣломъ. По аналогіи,—случаи этого рода можно разсматривать какъ электризацію, но электризацію энергіей, болѣе тонкою, чѣмъ та, которая вырабатывается искусственными машинами.

Чѣмъ безнадежнѣе больной, тѣмъ жаднѣе вбираетъ онъ въ себя энергію жизни, тѣмъ поразительнѣе и быстрѣе бываетъ выздоровленіе. Какъ земля изсушенная зноемъ, жадно впитываетъ въ себя влагу, такъ и тѣло больного пользуется каждымъ притокомъ жизненной энергіи, чтобы возстановить свои силы. На этомъ основано безотчетное влеченіе (любовь) старпковъ къ дѣтямъ и къ молодымъ дѣвушкамъ, отъ которыхъ они заимствуютъ избытокъ ихъ жизненной энергіи. Этотъ безсознательный вампиризмъ иногда бываетъ сознательнымъ. Супружеская жизнь есть также одинъ изъ способовъ передачи жизненной энергіи. Жизнь въ супружествѣ продолжительнѣе для каждаго изъ супруговъ.

Лѣченіе это ни въ чемъ не противорѣчитъ этическимъ началамъ, потому что здоровый организмъ передаетъ больному лишь тотъ избытокъ силъ, который ему не нуженъ, и излишнее скопленіе котораго могло бы привести къ излишествамъ и даже къ заболѣваніямъ. Токъ этотъ постоянно излучается во всѣ стороны и, вмѣсто того, чтобы ему распространяться въ міровомъ пространствѣ, лучше ввести его въ организмъ того, кто въ немъ наиболѣе нуждается.

Токъ, вырабатываемый человѣческимъ организмомъ, наиболѣе приспособленъ по своей природѣ къ тому, въ чемъ нуждается другой человѣкъ. Человѣческій магнетизмъ послѣдовательно прошелъ черезъ всѣ три стадіи: царство

минераловъ, царство растеній и царство животныхъ, и на этой высшей ступени своей эволюціи можетъ воздѣйствовать на тѣ ткани и центры, которые недоступны тремъ первымъ видамъ магнетизма.

Минуя промежуточныя инстанціи, которыя обслуживаются минералами, растеніями и низшими животными, — онъ дѣйствуетъ непосредственно на тѣ центры, которые являются единственными истинными носителями Жизни, и потому могущество его въ управленіи организмомъ другого человѣка можетъ быть почти безграничнымъ.

Чѣмъ же однако устанавливается фактъ излученій эманаціи человѣческаго тѣла, человѣческой руки въ частности? Наличность этихъ излученій доказывается показаніями ясновидящихъ, сенситивовъ, спеціальными измѣрительными приборами, въ особенности же фотографическими снимками, получаемыми особымъ способомъ въ полной темнотѣ.

Разсмотрѣніе получаемыхъ такимъ образомъ отпечатковъ съ несомнѣнностью устанавливаетъ два факта: 1) наличность истеченій (излученій) не только изъ оконечностей пальцевъ, но изъ всей руки, и 2) свѣтовой характеръ этихъ излученій, которыя проявляются на свѣточувствительной пластинкѣ въ видѣ особыхъ штриховъ.

Направленіе этихъ штриховъ-излученій на различныхъ снимкахъ различно, въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей тѣхъ лицъ, которыя фотографировали свои руки, но что особенно интересно—нѣтъ ни одной руки, которая была бы похожа на другую. Какъ люди отличаются чертами лица, такъ—повидимому—они отличаются и излученіями своихъ рукъ.

Что касается пріемовъ, примѣняемыхъ для лѣченія животнымъ магнетизмомъ, то они крайне различны, хотя и могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ большимъ группамъ. Въ основѣ ихъ лежитъ законъ, въ силу котораго кровь, въ составъ которой входятъ желѣзистыя вещества, притягивается магнитомъ,—а такъ какъ человѣческій организмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ живой электро-магнитъ, то кровь слѣдуетъ за руками человѣка, какъ за магнитомъ.

Въ соотвѣтствіе съ этимъ, кровь человѣка можетъ быть по желанію привлечена къ однимъ органамъ и отвлечена отъ другихъ. (Первое, на что должно быть обращено вниманіе магнетизера—это на урегулированіе большого и малаго круга кровообращенія).

Такимъ образомъ, перемѣщеніемъ по протяженію жизненной энергіи изъ одной части организма въ другую достигается полное возстановленіе нарушеннаго равновѣсія, что является первымъ условіемъ исцѣленія больного.

Отзывы о книгахъ.

416. Брусянинъ, В. В. 016:328(47)

Указатель книгъ и статей о Государственной Думѣ. Изд. „Наука“. М. 1913. Стр. 48. Ц. 40 к.

Въ брошюрѣ сгруппированы названія книгъ и статей, брошюръ и отчетовъ, напечатанныхъ за послѣднія 5—6 лѣтъ. Включены и нѣкоторыя книги, касающіяся реформъ мѣстнаго самоуправленія, „такъ какъ вопросъ тѣсно соприкасается съ дѣятельностью нашего молодого парламента“. Включены и нѣкоторыя изданія прошлыхъ лѣтъ... Указатель является необходимѣйшимъ пособіемъ при изученіи работъ Думы, (*„Утро“. 1913—1863.*).

Мы всегда привѣтствуемъ такого рода библіографическіе справочники, ибо въ нашей сильно развившейся въ послѣднее десятилѣтіе публицистической литературѣ накопилось достаточно матеріала, ориентироваться въ которомъ „на память“, конечно, не всегда легко и возможно. Б. задался, поэтому, очень полезной задачей—составить систематическій указатель всему, появившемуся у насъ въ печати, въ связи съ учрежденіемъ Гос. Думы. Но бѣда въ томъ, что очень рѣдко кто изъ берущихся за такого рода задачи, выполняетъ ихъ цѣликомъ, во всемъ объемѣ. Такъ и Б. пропустилъ въ своемъ перечнѣ не только много отдѣльныхъ статей, но и совсѣмъ не упомянулъ о многихъ видныхъ публицистахъ современности, оставилъ неиспользованными цѣлый рядъ періодическихъ изданій и пр. Ну, напримѣръ, въ его перечнѣ нѣтъ ни одного указанія на такого плодовитаго публициста, какъ В. Черновъ и пр. Самый перечень литературы данъ просто, по алфавитному порядку авторовъ. За всѣми этими оговорками, полезность указателя внѣ сомнѣнія. (*„Совр. Сл.“ 1913—1823.*)

Книгъ и брошюръ о Гос. Думѣ не такъ много. Легко дать исчерпывающій перечень ихъ. Но статьи? Ихъ очень много помѣщено въ газетахъ и журналахъ. Авторъ ограничивается перечнемъ статей журнальныхъ. Будемъ благодарны и за это. (*„Сиб. Жизнь“. 1913—35*).

Указатель поможетъ русскому гражданину ознакомиться съ программой и дѣятельностью отдѣльныхъ партій какъ въ Госуд. Думѣ, такъ и внѣ ея, а также вопросами, связанными вообще съ парламентской жизнью Зап. Европы и Америки. (*С. С—о. „Педаг. Л.“ 1913—3*).

417. Радловъ, Э. Л. 1(С):92

Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и ученіе. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 266. Ц. 1 р. 50 к.

Статьи, излагающія ученіе С., печатались предварительно въ различныхъ изданіяхъ и только нѣсколько главъ для приданія цѣльности книгѣ написаны для нея спеціально. Написаны онѣ въ тонѣ достаточно популярномъ, чтобы помочь среднему читателю разобраться въ идейномъ наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти зачинателя *русской* философіи. Подъ заглавіемъ „Жизнь Вл. Соловьева“ Р., предварительно не оговоривъ этого, просто перепечаталъ съ нѣкоторыми малочисленными и несущественными измѣненіями біографическій очеркъ, написанный имъ для IX тома (дополнительнаго) собраній сочиненій Влад. Соловьева, вышедшимъ въ... 1907 году. Съ тѣхъ поръ прошло уже пять лѣтъ, по случаю десятилѣтія со дня смерти философа появились многочисленныя воспоминанія, изданыя самимъ же Р. три тома писемъ, существенно важныхъ для пониманія *жизни* Вл. С., появился весьма цѣнный сборникъ статей Булгакова, Бердяева, кн. Е. Трубецкого, Эрна и друг., посвященныхъ С. (изд. „Путь“), открылся важный фактъ интимнѣйшей религіозной жизни С.—присоединеніе его къ католичеству. То, что Р. предлагаетъ теперь читателю, говоря о „жизни“ С., можетъ вызвать недоумѣніе еще и по другимъ причинамъ. Развѣ можно серьезно говорить о „жизни“ Вл. С., не вскрывъ его *судьбы*, какъ человѣка и мыслителя? Въ Вл. С. поражаетъ прежде всего его мудрая *человѣчность*, его нутряной инстинктъ жизни, его страстные порывы ума и сердца, великій мистическій трепетъ жизненнаго преображенія „грубой Альдонсы“ въ „премудрую Софію“. Внѣ всего этого—нѣтъ *жизни* человѣка Владиміра, а есть только даты рожденія, окончанія университета, поѣздка въ Лондонъ и т. д. Правда, Р. сознаетъ всю безжизненность своего „жизнеописанія“ и оправдывается тѣмъ, что „аффективной стороны, по весьма понятнымъ причинамъ, еще нельзя касаться“... И, кромѣ всего этого, свѣдѣнія эти часто невѣрны. (*М. Зайдсманъ. „У. Рос“. 1913—36*).

Книга Р. является первой въ Россіи серьезной попыткой разобраться въ философскихъ, богословскихъ, историческихъ и эстетическихъ взглядахъ покойнаго философа. Біографическій очеркъ сжатъ, но даетъ возможность желающему найти всю литературу о С. Впервые воспроизведенные въ книгѣ новые портреты С. возстановляютъ его физическій обликъ въ той удивительной одухотворенной красотѣ, какой, къ сожалѣнію, не передаетъ ни одинъ изъ извѣстныхъ до сихъ поръ его портретовъ. (*А. Изм-айловъ. „Рус. Сл.“ 1913—33*).

Чрезмѣрная краткость составляетъ главный недостатокъ этого очерка, который иначе могъ бы оказаться самой интересной частью предлагаемой книги. Судьба С. такъ же богата, разнообразна и любопытна, какъ его печатные труды. Но въ то время какъ эти послѣдніе открыты каждому желающему — біографія философа никѣмъ не разсказана съ должной обстоятельностью. (*П. А. „Рус. Молва“. 1913—47*).

418. Лодыженскій, М. В. 13

Свѣтъ незримый. Изъ области высшей мистики. Спб. 1912 Стр. 306. Ц. 2 р.

Настоящая книга Л. посвящена вопросамъ религіозной мистики, въ данномъ случаѣ исключительно христіанской. Заглавіемъ „Свѣтъ незримый“ авторъ эмблематически обозначаетъ высшій духовный опытъ, достигаемый христіанскими подвижниками и святыми. Все содержаніе книги и

состоитъ именно въ описаніи и характеристикѣ этого опыта и въ открытіи его внутренняго органа. Характеристика эта сопровождается многочисленными выписками и переказами изъ различныхъ религіозныхъ источниковъ. Вообще едва ли не на половину своего объема книга Л. представляетъ весьма недурно подобранную религіозную хрестоматію, главнымъ образомъ, по мистикѣ восточной церкви. Что въ широкихъ слояхъ современнаго русскаго общества, начинающаго свое религіозное перевоспитаніе, есть нужда въ такихъ хрестоматіяхъ, это авторомъ угадано вѣрно. Было бы, однако, несправедливо назвать сочиненіе Л.-работой только компилятивной. Книга его имѣетъ свой внутренній планъ, свою весьма опредѣленную точку зрѣнія на основные вопросы религіозной мистики и свою апологетическую тенденцію. Съ одной стороны, его послѣдованіе направлено на выясненіе коренной разницы религіознаго познанія и познанія чисто раціоналистическаго. Здѣсь авторъ въ различеніи „большого" и „малаго" разума (логоса и ratio) весьма явственно идетъ по слѣдамъ гг. Бердяева и Эрна. Однако поэтому же вопросу имъ добавлено много мѣткихъ и весьма существенныхъ замѣчаній. Вторая тенденція обнаруживается въ противопоставленіи восточной и западной мистики. Нельзя не признать, что и здѣсь нѣкоторыя характеристики автора отличаются несомнѣнной проникновенностью въ глубь предмета. Однако, поскольку Серафиму Саровскому и другимъ подвижникамъ востока противополагается только одинъ Францискъ Ассизскій, проводимая авторомъ параллель не даетъ еще никакой почвы для намѣченныхъ имъ обобщеній. Но даже и въ сопоставленіи Франциска съ однимъ лишь Серафимомъ Саровскимъ онъ явно теряетъ безпристрастіе, толкуя нѣкоторые эпизоды біографіи Франциска слишкомъ для него неблагопріятно. Это едва ли не главный упрекъ, который можно сдѣлать автору. Но недостатковъ въ сочиненіи Л. можно было бы указать довольно много, особенно если разсматривать его въ качествѣ богословскаго или философскаго трактата. Всѣ эти недостатки искупаются однако общей содержательностью книги. Между прочимъ, одна изъ главъ заключаетъ біографическій эпизодъ изъ жизни Л. Н. Толстого. Правъ или неправъ авторъ въ истолкованіи душевной жизни Толстого передъ смертью, это вопросъ, для рѣшенія котораго въ наше время не найти, конечно, безпристрастнаго судьи: слишкомъ свѣжа еще память о Толстомъ и слишкомъ срослись съ этой памятью партійные взгляды и счеты русскаго общества. Несомнѣнно однако, что отношеніе автора къ Толстому не шаблонно, а нѣкоторые добавочные штрихи къ біографіи великаго писателя не лишены интереса. *(С. Аскольдовъ. „Рус. Мысль". 1913—1).*

Въ книгѣ Л. привелъ примѣры жизни въ Логосѣ божественныхъ мистиковъ, примѣры намъ близкіе и родные. Показавъ жизнь св. Серафима Саровскаго, его подвигъ и послѣдствія его подвига, онъ сравнилъ его съ подвигомъ св. Франциска Ассизскаго, выяснилъ различіе православной мистики и мистики католической на примѣрѣ св. Франциска и Игнатія Лойолы, показалъ яркіе черты изъ жизни православныхъ святыхъ и ихъ мистическія радости. Въ замѣчательной главѣ: „Какъ умирали святые и какъ умеръ Толстой" онъ показалъ намъ, въ чемъ была тщета религіи Толстого, великаго русскаго интеллигента и какъ ничтожны были его религіозныя исканія сравнительно съ тѣмъ огромнымъ творческимъ геніемъ, которымъ надѣлила природа великаго писателя, ибо, живя малымъ разумомъ, онъ пренебрегалъ разумомъ большимъ или божественнымъ. Наконецъ, авторъ показалъ намъ, какую страшную силу духа проявляли „борцы за Логосъ" — св. мученики первыхъ вѣковъ христіанства.

Книга эта, повторяю, написана не писателемъ, а человѣкомъ, сердце котораго, на склонѣ жизни, пришло его къ необходимости въ простыхъ словахъ разсказать нашему мятущемуся обществу, какія огромныя силы духа скрываются въ русской церкви, наслѣдницѣ великихъ православныхъ подвижниковъ, которая такъ недавно создала такого святого, какъ Серафимъ Саровскій. Книга эта зоветъ читателя изъ Индіи, Египта отъ сочиненій еврейскихъ мистиковъ домой, подъ сѣнь старой церкви, въ которой работали тысячи подвижниковъ, исцѣлявшихъ не только болѣзни тѣла, но и болѣзни духа. Въ этомъ главное достоинство этой книги, ея общественная заслуга. Авторъ не брался работать для науки. Онъ, по завѣту Владиміра Соловьева, хотѣлъ „оправдать вѣру отцовъ нашихъ" и дать руководство своимъ современникамъ въ ихъ мистическихъ искаяніяхъ и показать, что и мистика бываетъ дурная и хорошая.

Появленіе такихъ книгъ, какъ „Свѣтъ незримый" но изъ круга ученыхъ или духовенства, а изъ круга самаго общества, свидѣтельствуетъ о томъ, что общество это стремится къ добру и свѣту и послѣ ложныхъ шаговъ и путей придетъ мало-по-малу на истинный путь къ свѣту, освѣтить который какъ слѣдуетъ не можетъ пока наше духовенство, за незначительностью среди него числа лицъ, знакомыхъ съ огромной уже теперь литературой о религіозномъ опытѣ. И Вл. Соловьеву надо было побывать въ средѣ католичества, чтобы притти къ старцу Іоанну въ „Повѣсти объ Антихристѣ". И М. В. Лодыженскому надо было побывать въ Индіи и Японіи, чтобы притти къ Добротолюбію, которое мени въ началѣ девятидесятыхъ годовъ заставлялъ читать Вл. Соловьевъ.

Авторъ „Сверхсознанія" и „Свѣта незримаго" сдѣлалъ доброе дѣло своими трудами, онъ помогъ разогнать тучи, сгустившіяся надъ духовными очами русскаго общества, и оно должно серьезно ознакомиться съ его книгами, которыя полезны и своевременны. *(С. И. Сыромятниковъ. „Россія" 1912—2188).*

* **Святскій, Даніилъ.** 291.13 : 52

См. пор. № 423.

419. Семеновъ, Вл. 352

Благоустройство городовъ. М. 1912. Стр. 184. Съ 139-ю рис. и черт. Ц. 3 р. 50 к.

Удовлетворить пробуждающемуся общественному интересу къ дѣлу благоустройства городовъ является задачей книги инж. С. Послѣ очерка исторіи развитія городовъ на Западѣ (гл. II) и типовъ ихъ современнаго устройства (гл. III), авторъ рисуетъ передъ читателемъ картину идеальныхъ городовъ, — города-сада, первымъ образцомъ котораго является Лечворсъ близъ Лондона. Слѣдующая глава посвящена вопросу объ улицахъ, — о наиболѣе цѣлесообразномъ ихъ направленіи, о необходимой ихъ ширинѣ, о предѣльной высотѣ домовъ. Въ этой весьма важной главѣ своего труда авторъ подробно разсматри-

ваетъ вопросъ объ отношеніи высоты домовъ въ ширинѣ улицъ въ зависимости отъ направленія этихъ послѣднихъ и отъ географической широты города. Рядъ приложенныхъ діаграммъ солнечнаго освѣщенія улицъ Бостона представляетъ большой интересъ и помогаетъ уясненію вопроса. Слѣдующія двѣ главы говорятъ объ устройствѣ площадей и объ устройствѣ городскихъ насажденій, при чемъ московская система кольцевыхъ бульваровъ сравнивается съ лондонской системой сквэровъ въ разныхъ углахъ города. Весьма существеннымъ дѣломъ являются планировка кварталовъ, чему посвящена глава VIII. Здѣсь С. подробно касается между прочимъ вопроса о нормахъ предѣльной допустимой площади застройки владѣнія, справедливо указывая, что въ Россіи есть еще возможность установить болѣе строгія нормы, чѣмъ какія приходится допускать старымъ, давно застроеннымъ городамъ Запада. Гл. IX знакомитъ съ пріемами перепланировки вновь возникающихъ городовъ, а послѣдняя глава содержитъ краткій очеркъ западнаго законодательства о мѣрахъ къ поднятію благоустройства городовъ, при чемъ болѣе подробно изложенъ англійскій законъ 1909 года. Книга издана хорошо. (*Сергѣй Сперанскій.* „*Рус. Вѣд*“. *1913—42*).

Роскошно иллюстрированное изданіе Вл. С. посвящено чрезвычайно важному вопросу, все болѣе и болѣе привлекающему къ себѣ вниманіе спеціалистовъ и широкихъ круговъ общества—вопросу о планировкѣ и застойкѣ городовъ. Авторъ въ живой, общественной формѣ даетъ описаніе новѣйшимъ теченіямъ въ данной области. Планировкѣ улицъ, площадей, парковъ, кварталовъ посвящены особыя главы. Останавливается С. и на разбивкѣ рабочихъ поселковъ, а также проектахъ устройства городовъ-садовъ (Э. Гоуарда). Нельзя не пожелать изданію самаго широкаго распространенія; русское общество до сихъ поръ слишкомъ мало интересовалось вопросами городского благоустройства, тогда какъ на Западѣ и въ Америкѣ по этому предмету имѣется уже обширнѣйшая литература. Работа С. можетъ служить хорошимъ введеніемъ въ изученіе трактуемаго вопроса. Издана она чрезвычайно изящно и не дорога. (*Б. Веселовскій.* „*Совр. М.*“ *1913—1*).

420. [. . . . .] 355(03)

Военная энциклопедія. Подъ ред. полк. В. Ѳ. Новицкаго, подп. А. В. фонъ-Шварца, полк. В. А. Апушкина и кап. 2 ранга Г. К. фонъ-Шульца. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Спб. 1912. Полутомы I—X. Ц. по подпискѣ 18 тт. 114 р.

Въ виду значительнаго вниманія, вызываемаго къ себѣ все растущимъ вооруженіемъ державъ, для читающей публики представляетъ интересъ новое справочное изданіе „Военная Энциклопедія“. До сихъ поръ имѣлся справочникъ извѣстнаго проф. стратегіи ген. Г. А. Леера. Въ настоящее время онъ сильно устарѣлъ и не отвѣчаетъ современному громадному развитію военной техники и военнаго дѣла. Редакторамъ нужно поставить въ заслугу полное отсутствіе какой-либо тенденціозности, которую легко можно было ожидать въ русскомъ военномъ изданіи. Роль участниковъ минувшей войны и государственныхъ дѣятелей, прикосновенныхъ къ этой злосчастной эпопеѣ, изложены вполнѣ объективно. Для характеристики „тона“ можно взять статью „Дѣло Дрейфуса“, въ которой прямо сказано, что оно позникло въ цѣляхъ агитаціи партіи клерикаловъ-антисемитовъ противъ службы евреевъ-офицеровъ во французской арміи. Изъ статей слишкомъ подробны описанія босвъ. Весьма внимательно составлены описанія иностранныхъ крѣпостей, арміи и флотовъ. Отдѣлъ общихъ военныхъ знаній, редактируемый полк. Апушкинымъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ статей военныхъ, много свѣдѣній неспеціальныхъ, представляющихъ интересъ и для широкой публики. Внѣшность изданія вполнѣ удовлетворительна. Карты, планы и иллюстраціи достаточно отчетливы. Въ общемъ, редактора справились съ задачей довольно умѣло, и „Военная Энциклопедія“ весьма кстати заполняетъ существенный пробѣлъ въ русскихъ справочныхъ изданіяхъ. (*К. Щ.* „*Рус. Молва*“. *1913—67*).

Лучше другихъ поставленъ второй отдѣлъ, хотя въ сущности онъ представляется наиболѣе труднымъ. Большинство относящихся къ этому дѣлу статей представляютъ обстоятельныя работы, учитывающія самыя новыя данныя и снабженныя большимъ числомъ детальныхъ чертежей и рисунковъ, хотя онѣ не во всѣхъ частяхъ доступны лицамъ, не получившимъ спеціальной технической подготовки. Статьи военно-морского отдѣла блѣднѣе и не такъ содержательны, какъ статьи предыдущаго военно-техническаго отдѣла, но въ общемъ удовлетворительны и даютъ довольно отчетливое представленіе о вопросахъ, которыхъ онѣ касаются. Что касается перваго и третьяго отдѣла, то они очень неравномѣрны: въ нихъ имѣются очень хорошія статьи и рядомъ статьи, лишенныя какого бы то ни было значенія. На этихъ отдѣлахъ невыгодно отразилась излишняя дробность редакціи. Такъ, во многихъ случаяхъ, когда имя Аракчеева упоминается попутно, ему дается вполнѣ отрицательная характеристика, общепринятая какъ въ общеисторической литературѣ, такъ и среди военныхъ историковъ, а между тѣмъ спеціально посвященная Аракчееву статья представляетъ странную и неожиданную попытку его реабилитаціи. Столь же странной представляется попытка снять съ адм. Е. И. Алексѣева всякую отвѣтственность за возникновеніе и неудачный ходъ русско-японской войны; но тутъ неожиданно лестная оцѣнка этого дѣятеля приводится систематически по всей энциклопедіи. Въ военно-историческомъ отдѣлѣ имѣются не маловажные пропуски и въ то же время включены нѣкоторыя біографіи, которыя свободно могли бы отсутствовать. Нѣкоторыя изъ вошедшихъ въ данные отдѣлы статей страдаютъ излишней близостью къ печатнымъ источникамъ не только иностраннымъ, но даже русскимъ. Такъ, статья „Генералъ-фельдмаршалъ“, за исключеніемъ нѣсколькихъ строкъ, представляетъ дословное повтореніе введенія къ статьѣ А. Бертенева „Біографія генераллиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ Россійской Императорской арміи“ („Военно-историческій сборникъ“, 1911 г., № 1), хотя Бертеневъ въ числѣ сотрудниковъ „Военной Энциклопедіи“ не помѣченъ. Рисунки и чертежи, приложенные къ энциклопедіи, выполнены хорошо, подобраны тоже удачно; менѣе удовлетворителенъ картографическій матеріалъ. Нѣкоторыя карты даны въ такомъ маломъ масштабѣ, что лучше бы ихъ, пожалуй, и совсѣмъ не давать. Детальныя карты и планы сраженій не всегда, къ сожалѣнію, согласованы съ текстомъ: сплошь и рядомъ назва-

нія, упоминающіяся въ текстѣ, отсутствуютъ на приложенныхъ тутъ же детальныхъ планахъ. (*А. Оглинъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—13*).

421. Холлъ, Стэнли. 371(081)

Собраніе статей по педологіи и педагогикѣ „Душевная жизнь дѣтей“, „Библіотека педагогической психологіи“ подъ ред. Н. Д. Виноградова и А. А. Громбаха. М. 1912. Стр. 444. Ц. 2 р. 50 к.

Въ сборникѣ помѣщены: Наука о ребенкѣ (педологія) и ея отношеніе къ воспитанію. Замѣтки о наблюденіи надъ маленькими дѣтьми. Дѣтская ложь. Педологія, какъ основа точной педагогики. Любовь къ природѣ и изученіе природы, какъ часть воспитанія. Изслѣдованіе, какъ жизненная основа преподаванія. Новая психологія, какъ главная составная часть общаго образованія. Идеальная школа на основѣ изученія дѣтей (педологія). Одиннадцать опросныхъ листовъ по изслѣдованію дѣтскаго возраста. О нѣкоторыхъ раннихъ проявленіяхъ чувства собственной личности. Изслѣдованіе о страхѣ.

Уже въ первой статьѣ своей Х. спрашиваетъ: „Существуетъ ли въ мірѣ что-нибудь болѣе трогательное, чѣмъ непонятое дитя?“; въ шестой: „Одна работа намяти убійственно суха для молодыхъ людей... Слишкомъ много поученія ослабляетъ и убиваетъ духовныя силы“; въ восьмой—быть можетъ, наиболѣе интересной изъ статей даннаго сборника—онъ рисуетъ идеальную школу, какъ результатъ извѣстнаго законченнаго періода педологіи (статья написана въ 1901 г.); въ дальнѣйшемъ фактическій матеріалъ педологіи долженъ оказаться слишкомъ обширнымъ, чтобы вновь предпринять столь смѣлую попытку. Въ послѣднее время Лай и Мейманъ сдѣлали попытки свести въ одно цѣлое результаты педагогическихъ изслѣдованій, но, наряду съ этими выводами нѣмецкой науки, крайне полезно ознакомиться съ тѣмъ, что даетъ въ этой области американская педологія. Поэтому, нельзя не привѣтствовать появленія настоящей книги въ русскомъ переводѣ. (*Н. Б. „Нар. Образ.“ 1913—1*).

При томъ интересѣ къ идеямъ научной педагогики, какой замѣчается за послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ, изданіе работъ Х. можетъ имѣть особое значеніе. Онѣ являются яркимъ показателемъ того, какъ побѣдоносно новыя идеи пробивали себѣ дорогу въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ не такъ тверда была школьная рутина, гдѣ во имя властныхъ требованій жизни и запросовъ науки легче можно было реформировать школу. Х. скоро же сталъ общепризнаннымъ главой новаго педологическаго движенія, ревностно и неутомимо призывая общество къ изученію дѣтей, къ насажденію лабораторій по педагогической психологіи, къ возрожденію школьнаго дѣла на научныхъ принципахъ. Вчитываясь въ появившіяся теперь въ русскомъ изданіи статьи Х., читатель легко убѣдится въ томъ, съ какой вѣрой въ дѣтей, въ ихъ лучшее школьное будущее онѣ написаны, какія новыя перспективы открываются, разъ педагоги будутъ базироваться не на своихъ сомнительныхъ, хотя и самоувѣренныхъ гипотезахъ, а на подлинномъ знаніи природы дѣтей разныхъ возрастовъ. Сюда вошли лишь раннія работы Х., появившіяся и въ нѣмецкомъ переводѣ въ 1902 г. подъ редакціей Stimpfl'a. Редакторъ русскаго изданія нѣсколько отступилъ отъ этого нѣмецкаго сборника, не включивъ двухъ статей автора: „Содержаніе душевной жизни ребенка въ моментъ вступленія въ школу“ и „Педагогическая идиллія,—исторія одной песчаной кучи“. Мы думаемъ, лучше было бы поступиться не этими статьями, а скорѣе „опросными листами“ по изслѣдованію дѣтскаго возраста, имѣющими лишь методологическое и притомъ весьма спорное значеніе. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—42*).

Лишь впервые издаются у насъ работы знаменитаго американскаго педагога. Имя Х., этого неутомимаго изслѣдователя въ области дѣтской психологіи и біологіи, ревностнаго проповѣдника научной педагогики, извѣстно и въ Россіи. Но только теперь большинство русскихъ педагоговъ будутъ имѣть возможность прослѣдить, какъ у самого Х. зарождалось новое педагогическое міровоззрѣніе, въ основу котораго легли подлинные факты дѣтской и юношеской жизни. Въ сборникъ вошли раннія статьи автора, изданныя имъ еще въ 90-хъ гг. прошлаго вѣка. Въ нихъ Х. еще только намѣчаетъ основныя задачи научной педагогики, выясняя ея отличіе отъ прежней, мало считавшейся съ природой дѣтей. Но Х. хотѣлъ итти дальше: отправляясь отъ основныхъ своихъ научныхъ посылокъ, онъ глубже всматривается въ самую структуру школьнаго дѣла, въ жизненныя основы школы, намѣчая даже ея идеальныя перспективы. Х. показываетъ, въ какую напряженную и радостную дѣятельность можетъ быть превращена школьная работа, когда въ основу ея кладутся собственныя изслѣдованія учащихся, ихъ самостоятельные поиски въ нахожденіи законовъ природы; школа дѣлается тогда подлинной лабораторіей жизни, одухотворяясь научными исканіями юной души. Изучая дѣтей преимущественно школьнаго возраста, особенно интересуясь тревожнымъ періодомъ ранней юности, чему посвящены его главныя изслѣдованія, Х. заботливо слѣдитъ за тѣмъ, какія силы души пробуждаются подъ вліяніемъ изученія тѣхъ или другихъ наукъ, даетъ нѣкоторую схему для ихъ школьной классификаціи. Три статьи сборника имѣютъ самостоятельное научное значеніе. Это—изслѣдованія о дѣтской лжи, о нѣкоторыхъ проявленіяхъ чувства собственной личности и о страхѣ. Наибольшую цѣнность имѣетъ изслѣдованіе о страхѣ. Правда, оно довольно поверхностно въ смыслѣ чисто психологической разработки, лишено цѣльности, но зато богато фактическимъ содержаніемъ. Статьи Х. способны вызвать въ читателѣ разнообразную работу мысли, поднять его интересъ къ задачамъ современной научной педагогики. Убѣжденное слово этого ученаго многихъ педагоговъ вдохновило къ новой работѣ. Въ Америкѣ и Европѣ его изслѣдованія, посвященныя изученію дѣтей школьнаго возраста, побуждали заново пересматривать современную школьную обстановку и создавать дѣйствительно новую, живую и здоровую школу. Пожелаемъ, чтобы и у насъ эта горячая проповѣдь новыхъ идей не прошла безслѣдно для школы. (*И. Соловьевъ. „Вѣст. Восп.“ 1913—2*).

422. Рубакинъ, Н. А. 374(04)

Письмо къ читателямъ о самообразованіи. Какъ начинающіе читатели должны приступать къ нему и какъ вести его. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1913. Стр. 369. Ц. 2 р.

Изъ подъ пера Н. А. Рубакина не можетъ выходить плохихъ книгъ. Н трудъ, названіе котораго приведено выше, отличается тѣми же высокими достоинствами, какъ и всѣ произведенія этого писателя. „Письма“ проникнуты горячимъ стремленіемъ дать богатую духовную пищу для ума и возбудить у читателя лучшія человѣческія чувства, направить его къ свѣту и правдѣ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ глава XIII: „Кое что о смыслѣ и цѣли жизни“. Мы переживемъ сейчасъ тяжелый моментъ, когда многіе вовсе не признаютъ ни смысла, ни цѣли жизни, а другіе смыслъ и цѣль жизни понимаютъ въ самомъ извращенномъ видѣ. Р. и касается этого злободневнаго вопроса. „Если ты человѣкъ,—говоритъ онъ,—и чувствуешь себя человѣкомъ, расширяй свою жизнь во всѣхъ направленіяхъ, возвышай, дѣлай ее возможно разностороннею, полной, напряженной и красивой“. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, „человѣкъ не можетъ самъ въ себѣ замкнуться и не можетъ жить только въ свое удовольствіе, и если ему придется въ жизни выбирать между собой и ближнимъ, самый ростъ его жизни подвигаетъ его въ сторону послѣдняго,—будетъ толкать его именно въ эту сторону. Жить только для себя—это значитъ не расширять, а ограничивать свою жизнь“... Въ дополненіи говорится о распространеніи высшаго образованія въ народной средѣ и основныхъ задачахъ библіотечнаго дѣла. (*И. Б. „Утро“. 1913—1883*).

Медики считаютъ необходимымъ „индивидуализировать“ больныхъ и, соотвѣтственно этому примѣняютъ свои совѣты и указанія. Въ такой же мѣрѣ требуется „индивидуализація“ и по отношенію къ читателямъ, когда выступаютъ съ намѣреніемъ руководить ими, ибо огульныя указанія, схемы, такъ называемые „систематическіе перечни книгъ и статей“,—все это имѣетъ, конечно, свое значеніе для работающихъ надъ своимъ самообразованіемъ, доставляетъ имъ извѣстную помощь, но всего этого не слѣдуетъ принимать, какъ нѣчто незыблемое, обязательное, подходящее ко всѣмъ случаямъ. Поэтому, въ очеркахъ Р., посвященныхъ вопросамъ „читательства“ (если можно такъ выразиться),—какъ всегда, интересныхъ, полныхъ живыхъ и яркихъ наблюденій, богатыхъ фактами и человѣческими документами,—намъ представляются наиболѣе цѣнными именно эти „описательные“ матеріалы. Тутъ можно встрѣтить очень много любопытнаго и о личныхъ особенностяхъ читателя, объ общей читательской психологіи и т. п. Гораздо меньшее значеніе, по нашему мнѣнію, имѣютъ тѣ части книги, гдѣ авторъ строитъ свои схемы и указываетъ тотъ или иной подборъ книгъ. Тутъ всегда есть по поводу чего спорить, всегда можно находить извѣстную односторонность. Невольно въ такихъ случаяхъ составитель приспособляетъ всѣхъ читателей къ тому ходу развитія, какой пережилъ самъ. Тѣмъ не менѣе, какъ способъ ориентировки въ огромномъ книжномъ матеріалѣ и эти указанія Р. не лишены интереса и значенія. (*„Совр. Сл.“ 1913—1830*).

Въ предисловіи къ этой книгѣ читаемъ: „помогать распространенію образованія въ самыхъ широкихъ кругахъ населенія, и прежде всего въ тѣхъ кругахъ, гдѣ живется особенно тяжело, гдѣ недостатокъ образованія отзывается особенно мучительно, гдѣ стремленія къ свѣту обыкновенно бываютъ сопряжены съ особенными трудностями, —помогать всѣми силами, всѣми доступными средствами авторъ этой книги поставилъ себѣ цѣлью еще на гимназической скамьѣ“. Простая справедливость вынуждаетъ признать, что авторъ неуклонно стремился къ намѣченной цѣли. Среди просвѣщенныхъ русскихъ людей, посвятившихъ себя дѣлу популяризаціи научныхъ знаній и оказанія помощи ищущимъ самообразованія, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Н. А. Рубакину. Въ послѣдней своей книгѣ Р. доказываетъ, что „одна изъ насущнѣйшихъ задачъ настоящаго времени—это созданіе такой системы народнаго образованія, которая открывала бы доступъ къ высшимъ областямъ знанія людямъ всѣхъ общественныхъ слоевъ и положеній, давала бы практическую возможность получать его“. Чтобы приблизиться къ разрѣшенію этой задачи, нужно прежде всего обратить вниманіе на правильную организацію внѣшкольнаго образованія. Далѣе авторъ даетъ рядъ совѣтовъ всѣмъ тѣмъ, которые пожелали бы сдѣлаться дѣйствительно образованными людьми. Всѣ совѣты проникнуты знаніемъ дѣла и любовью къ нему. Нужно пожелать, чтобы книга Р. получила распространеніе среди тѣхъ, которые ищутъ самообразованія, а равно среди тѣхъ, которые помогаютъ ищущимъ его. (*М. „Сиб. Жизнь“. 1913—41*).

У автора имѣется долгій и широкій опытъ изученія массоваго читателя, его психологіи, путей его самообразованія. Изъ этого опыта и на основаніи теоретическихъ предпосылокъ онъ конструируетъ психологически весьма правильную теорію индивидуализаціи чтенія. Нѣтъ просто хорошихъ книгъ и книгъ плохихъ. Есть только книги подходящія и не подходящія для того или иного читателя, для того или иного типа читателей. Это положеніе, многократно повторенное, разнообразно иллюстрируемое, красной нитью проходитъ черезъ его работу. Отсюда теоретически мыслимъ такой выводъ: если установить рядъ психологическихъ типовъ читателя, то, разбивши по соотвѣтствующимъ рубрикамъ книжные запасы, можно установить систему соотвѣтствій между типомъ читателя и типомъ книги, и такимъ образомъ, раціонализировать дѣло самообразованія. Теоретически все это вѣрно. Но какъ реализовать эту систему соотвѣтствій? Вообразите мятущагося подвижника самообразованія (а ихъ такъ много на Руси), желающаго, наконецъ, найти вѣрный исходъ своей интеллектуальной энергіи. Онъ обращается къ книгамъ Р. и въ частности къ этой. Раньше всего ему нужно ее понять. Эта задача сама по себѣ трудная. Нужно обладать уже способностью разбираться въ тонкостяхъ психологіи, въ многочисленныхъ типахъ душевныхъ явленій, чтобы усвоить тѣ тонкія детали, которыми оперируетъ авторъ. Но предположимъ, что эта работа проделана. Остается рѣшить къ какому же типу принадлежу я—читатель работы Р. Это ужъ совсѣмъ трудное дѣло. Мы можемъ великолѣпно разбираться въ типахъ людей, знать все это на зубокъ, но попробуйте включить себя въ одинъ изъ этихъ типовъ и при всей изощренности вашихъ аналитическихъ способностей вы наткнетесь на непреодолимыя трудности. Всегда почти окажется, что для васъ лично нуженъ нѣкій новый N+1 типъ. Авторъ несомнѣнно чувствуетъ это затрудненіе. И онъ въ горячихъ словахъ обращается къ читателямъ съ просьбой направлять къ нему письма, запросы — онъ всегда

охотно поможетъ — въ этомъ цѣль его жизни. Можно преклониться передъ энергіей автора. Онъ имѣлъ уже до 4.000 корреспондентовъ, онъ работаетъ безъ устали, помогаетъ имъ совѣтами. Но ясно, что на этомъ пути все же неразрѣшимы тѣ затрудненія, о которыхъ мы говоримъ. Въ концѣ-концовъ и самъ авторъ принадлежитъ къ опредѣленному интеллектуально-эмоціональному типу. Въ своей работѣ онъ будетъ созвучно вибрировать не во всѣхъ направленіяхъ, а преимущественно въ томъ, какое ему болѣе свойственно. И книга его не чужда опредѣленныхъ теоретическихъ и этическихъ пристрастій, которыя кажутся спорными намъ и могутъ противорѣчить міроощущенію огромнаго слоя людей, „взыскующихъ града". Въ результатѣ приходится признать, что передъ нами хорошая книга о самообразованіи, но плохая книга для тѣхъ, кто къ нему стремится. (*Ст. Ив. „День" 1913—60*).

423. Святскій, Даніилъ. 52:291.13

Подъ сводомъ хрустальнаго неба. Очерки по астральной миѳологіи въ области религіознаго и народнаго міровоззрѣнія. Спб. 1913. Стр. 188. Съ рис. Ц. 1 р.

Эта очень интересная книга показываетъ, какъ много въ нашихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ взято прямо съ неба: большинство нашихъ древнѣйшихъ религіозныхъ миѳовъ — суть красивыя изображенія звѣзднаго неба, или какого-нибудь астрономическаго явленія, напримѣръ, появленія кометы, затменія солнца, луны, паденія болида и т. п. Авторъ очень хорошо справился со взятой на себя задачей, а постоянныя ссылки и указанія литературы говорятъ, что автору хорошо знакома и литература вопроса. Въ противоположность г. Н. Морозову, онъ совершенно не объясняетъ тѣхъ миѳовъ, въ которыхъ нѣтъ астрологическаго основанія, т.-е. не даетъ мѣста своей фантазіи. Въ книгѣ, между прочимъ, изложены: видѣніе пророка Іезекіиля, грѣхъ Каина, чудо пророка Исаіи, Вареоломеевская загадка и т. п. Но самой интересной главой является „Звѣздная миѳологія народовъ Россіи", въ которой авторъ съ большимъ умѣніемъ и стараніемъ разобрался въ произведенной имъ анкетѣ о народныхъ сказаніяхъ и преданіяхъ въ Россіи. Остается только пожелать полнаго успѣха этой очень интересной книгѣ. (*Н. К—овъ. „Рѣчь" 1913—28*).

Чудесное въ природѣ давно уже отвергается нашимъ позитивнымъ умомъ; въ поразительномъ, непонятномъ для насъ явленіи мы стараемся найти скрыто-дѣйствующіе неизвѣстные еще намъ физическіе, химическіе, біологическіе и т. д. законы, не допуская уже болѣе, что явленія природы могутъ производиться какими-то тайными, чудесными внѣмірными силами, непостижимыми для нашего ума. Интересно составленная книга С., состоящая изъ ряда отдѣльныхъ очерковъ, даетъ съ научной точки зрѣнія очень удачныя объясненія именно такихъ явленій, которыя на юные, въ смыслѣ научнаго знанія, умы древнихъ пророковъ или простого народа производили впечатлѣніе чудеснаго, божественнаго. Очень интересно объясненіе видѣнія пророка Іезекіиля четырехъ животныхъ съ головами человѣка, орла, льва и тельца, которыхъ обыкновенно рисуютъ въ православныхъ храмахъ,— видѣнія, получившаго, благодаря найденнымъ въ раскопкахъ въ Ассиріи каменнымъ изваяніямъ вавилонскихъ крылатыхъ геніезъ, совершенно новое освѣщеніе. Интересно также объясненіе библійскаго сказанія о Каинѣ и Авелѣ, въ которомъ С. путемъ толкованія соотвѣтствующихъ мѣстъ Библіи (между прочимъ, въ синодальномъ изданіи иногда неправильно переведенныхъ) находитъ простое описаніе явленія полнаго солнечнаго затменія. Кромѣ библейскихъ сказаній, С. касается также троянскихъ преданій, апокрифическихъ небесныхъ птицъ Феникса и Халкедрія, различныхъ небесныхъ знаменій, напримѣръ, видѣнія Константиномъ В. на небѣ креста и мн. др. Но что въ особенности дѣлаетъ книгу С. интересной,— такъ это собранныя въ ней вѣрованія и воззрѣнія русскаго народа въ различныхъ губерніяхъ, связанныя съ явленіями на небѣ, при чемъ авторъ очень умѣло подчеркиваетъ мѣста, гдѣ мы „имѣемъ дѣло съ „народнымъ" творчествомъ въ полномъ смыслѣ этого слова" и гдѣ — только съ „народнымъ усвоеніемъ апокрифическихъ легендъ". Тутъ вы найдете, какъ объясняютъ себѣ радугу въ Сибири, у поморовъ, у малороссовъ и т. д.; найдете также, какъ киргизы, осетины, эсты, малороссы, великороссы различныхъ губерній смотрятъ на полярную звѣзду, Большую и Малую Медвѣдицу и планеты. Охотно рекомендуемъ эту книгу вниманію читателей, которымъ, быть можетъ, она поможетъ болѣе внимательно и съ большимъ интересомъ относиться къ народнымъ воззрѣніямъ на небесныя явленія. (*„Вѣст. Зн." 1913—2*).

424. Эдсеръ, Эдвинъ. 53

Общая физика. Основныя свойства матеріи. Пер. подъ ред. проф. П. П. Боргмана. Изд. „Естествоиспытатель". 1913. Стр. XII+651. 281 чертежъ. Ц. 3 р. 80 к.

Данная книга англійскаго ученаго является цѣннымъ подспорьемъ для лицъ, интересующихся физикой, преподавателей и учащихся. Главнымъ достоинствомъ новаго труда является рѣшеніе впервые многихъ вопросовъ съ помощью элементарной математики, безъ участія высшей математики, создававшей большія препятствія интересующимся физикой при изученіи основныхъ свойствъ матеріи, одного изъ самыхъ интересныхъ отдѣловъ естествознанія. Изъ прочихъ достоинствъ книги нужно указать на обиліе интересныхъ опытовъ, задачъ и объясненій явленій, сплошь и рядомъ встрѣчающихся въ повседневной жизни. Читается общая физика легко, такъ какъ переводъ сдѣланъ точно и написанъ яснымъ языкомъ. Издана книга тщательно. (*Н. Г. „День" 1913—47*).

Основы механики, теорія тяготѣнія, физика трехъ состояній тѣлъ — все это изложено съ достаточной полнотой и строгою точностью. Въ надлежащихъ мѣстахъ вмѣсто интегральнаго исчисленія авторъ даетъ свой методъ суммированія, который имъ „придуманъ не затѣмъ, чтобы было возможно оправдывать пренебреженіе къ изученію анализа", а, напротивъ, авторъ считаетъ его самымъ лучшимъ введеніемъ въ анализъ и полагаетъ, что „способъ, по которому нами производится суммированіе, такъ же законенъ, какъ и тотъ, который обыкновенно примѣняется въ учебникахъ математики". Эту удачную попытку возможно проще обставить изученіе явленій природы слѣдуетъ особенно привѣтствовать, ибо иногда злоупотребленіе ма-

тематическими формулами высшаго порядка ведетъ къ тому, что за деревьями лѣса не видѣть. (*„Нов. Вр.“ 1912—13216*).

425. [. . . . .] 58(082)

Новыя идеи въ физикѣ. Непериодич. изд., выход. подъ ред. проф. Н. Н. Боргмана. Сборникъ № 6. Природа теплоты. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 158. Ц. 80 к.

За послѣдніе годы ученіе о теплотѣ получило весьма значительное развитіе въ физикѣ. Не говоря уже о рядѣ важныхъ приложеній основъ термодинамики къ ученію о химическихъ равновѣсіяхъ и къ излученію, были сдѣланы очень интересныя попытки ближе подойти къ вопросу о сущности второго принципа термодинамики,— принципа, управляющаго направленіемъ процессовъ въ природѣ. Успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи, оказались настолько важными, что представлялось желательнымъ дать и для болѣе широкаго круга читателей представленіе о современномъ положеніи ученія о теплотѣ. Вышеуказанный сборникъ, посвященный природѣ теплоты, и преслѣдуетъ какъ разъ эту цѣль.

На-ряду съ первоначальнымъ термодинамическимъ трактованіемъ вопроса, въ статьѣ Планка дается обозрѣніе и тѣхъ новѣйшихъ работъ Нернста, которыя связали термодинамику съ оптикой и которыя дали одно изъ блестящихъ подтвержденій ученія объ атомномъ строеніи лучистой энергіи, развитаго Планкомъ и Эйнштейномъ. Къ этой статьѣ примыкаетъ близко Нобелевская рѣчь В. Вина, содержащая изложеніе основъ современнаго ученія о лученаспусканіи какъ съ его термодинамической стороны, такъ и со стороны ученія объ атомахъ энергіи. Превосходно подобранный матеріалъ и удачно выполненные переводы статей заставляютъ признать эту книгу очень цѣннымъ пособіемъ для лицъ, желающихъ познакомиться съ современнымъ развитіемъ термодинамики, и можно только пожелать этому сборнику самаго широкаго распространенія. (*П. Лазаревъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—48*).

О томъ, какую плодотворную и въ то же время бурную въ смыслѣ потрясенія всѣхъ научныхъ основъ эпоху переживаетъ теперь физика, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе по настоящему сборнику. Съ одной стороны, мы имѣемъ такія большія открытія, какъ законъ смѣщенія Вина или теорема Нернста, а съ другой — хаосъ остроумнѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ теорій и гипотезъ, въ которомъ на-ряду съ самононѣйшей гипотезой квантъ (принимающей — выражаясь схематически — нѣкоторую прерывность въ дѣйствіи атомныхъ силъ) встрѣчаются попытки воскресить старинное ученіо о теплородѣ. Сборникъ состоитъ изъ четырехъ статей, одной оригинальной, проф. О. Хвольсона „Основныя положенія термодинамики“ и трехъ переводныхъ: М. Планка „О новыхъ термодинамическихъ теоріяхъ“, В. Вина „О законахъ теплового излученія“ и Г. Каллендара „Представленіе о теплородѣ въ термодинамикѣ“. Для читателя-неспеціалиста особенную цѣнность представляетъ статья О. Хвольсона, въ которой дано систематическое и, насколько возможно, доступное изложеніе принциповъ термодинамики. Авторъ мастерски справляется съ трудностями своей задачи, пользуясь минимумомъ математическаго аппарата при изложеніи такихъ сложныхъ вопросовъ, какъ второй принципъ термодинамики и истолкованіе его Вольтцманномъ въ терминахъ теоріи вѣроятностей. Любопытенъ § 8 статьи, гдѣ рѣчь идетъ о приложимости второго начала ко вселенной (знаменитое ученіе о безпредѣльномъ ростѣ энтропіи и о „тепловой смерти“ вселенной). О. Хвольсонъ правильно указываетъ на необходимость исключительной осторожности при обращеніи законовъ доступнаго намъ астрономическаго міра на весь универсумъ. Конецъ очерка посвященъ изложенію предложенной Нернстомъ въ 1906 г. гипотезы, которая дала возможность абсолютнаго,— а не относительнаго, какъ прежде — опредѣленія величины энтропіи и изъ которой былъ полученъ цѣлый рядъ важныхъ выводовъ. Изложеніе по необходимости носитъ здѣсь уже болѣе математическій характеръ. Теоремѣ же Нернста и связи ея съ собственной гипотезой квантъ посвященъ докладъ М. Планка. Отголосокъ борьбы Планка съ концепціями Маха звучитъ здѣсь въ рѣзкомъ подчеркиваніи реалистическаго, а не номиналистическаго характера принципа энергіи: „принципъ энергіи ни въ коемъ случаѣ не есть только опредѣленіе“, настаиваетъ знаменитый физикъ. Въ рѣчи Г. Каллендара сдѣлана любопытная попытка реабилитировать ученіе о теплородѣ, отожествивъ его съ энтропіей, которая, такимъ образомъ, является для автора этой попытки не просто нѣкоторой математической величиной, но особой реальностью, подобно энергіи. (*Sagittarius. „День“ 1913—26*).

426. Мартинъ, Джеффери. 54

Чудеса и завоеванія современной химіи. Теорія и практика современной химіи въ популярномъ изложеніи для неспеціалистовъ и учащихся. Съ портр. автора и иллюстр. Пер. Е. Лазарева подъ ред. А. Н. Баха. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. М. 1913. Стр. 323. Ц. 2 р.

Извѣстно, что въ области химіи въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ сдѣланы крупнѣйшія открытія, въ значительной мѣрѣ измѣнившія общій взглядъ на эту науку и вызвавшія необходимость измѣнить многія положенія, считавшіяся несомнѣнными. Недѣлимые и неизмѣняемые — по прежнимъ представленіямъ — атомы оказались тѣлами сложными, способными превращаться, и носителями громадныхъ запасовъ энергіи. Въ согласіи съ новѣйшими выводами химіи написана вполнѣ популярная, доступная пониманію всякаго образованнаго человѣка книга англійскаго химика, въ первыхъ главахъ своихъ ранѣе обзора элементовъ и соединеній разсматривающая понятія о матеріи, объ атомахъ и о распредѣленіи и эволюціи элементовъ. Авторизированный русскій переводъ снабженъ предисловіемъ автора, спеціально для этого перевода написаннымъ. Авторъ излагаетъ здѣсь свои взгляды на великое значеніе теоретическихъ наукъ и на то, что націи, культивирующія науку, всегда будутъ впереди другихъ. (*„Рус. Молва“ 1913—39*).

Любитель естественнаго знанія съ интересомъ остановится на популярной книгѣ проф. М., который имѣетъ въ виду неспеціалистовъ и учащихся и предлагаетъ имъ истину химіи, согласованную съ послѣднимъ словомъ науки, въ фор-

мѣ живого разсказа, куда талантливо введенъ историческій анекдотъ, облегчающій запоминаніе о погибшихъ отъ ядовитыхъ газовъ, о судьбѣ крупнѣйшихъ бриллиантовъ и т. д. М. заявляетъ, что по всѣмъ важнымъ пунктамъ онъ совѣтовался не только съ современными англійскими, но и съ иностранными авторитетами. Это совмѣщеніе точнаго знанія съ цитатами изъ современныхъ и старыхъ поэтовъ удалось ему какъ нельзя болѣе, и его разсказъ о чудесахъ и фокусахъ природы, о горящей сталн (въ жидкомъ воздухѣ), о чайникахъ. кипящихъ на льдинѣ, о тайнахъ строенія алмаза, любитель прочтетъ не отрываясь. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.“ 1913—39*).

Книга эта является добросовѣстнымъ изложеніемъ теоретическихъ и практическихъ выводовъ современной химіи. М. беретъ отдѣльные вопросы очень широко; онъ разсматриваетъ не только органическую и неорганическую химію, но попутно останавливается на всѣхъ явленіяхъ астрономіи, геологіи, физіологіи и ботаники, съ которыми такъ или иначе соприкасается химія. Книга М. щедро иллюстрирована рисунками, наглядными примѣрами и цитатами изъ поэтовъ. Такая иллюстрація отвѣчаетъ интересной мысли автора, который доказываетъ, что воображеніе великихъ поэтовъ и ученыхъ родственно, причемъ поэты нерѣдко предвосхищаютъ въ художественныхъ образахъ именно то, что впослѣдствіи открываютъ великіе ученые. Подробно разобранъ атомистическое строеніе матеріи, М. даетъ подробное объясненіе сущности и значенію спектральнаго анализа, полное интересныхъ новыхъ выводовъ. Книга М. переведена внимательно и гдѣ нужно дополнена въ примѣчаніяхъ переводчиковъ. Ярко воспроизводя картину современнаго состоянія химіи, она можетъ быть съ пользой прочтена всякимъ и не имѣющимъ спеціальной научной подготовки. (*К. „Оренб. Край“ 1913—44*).

427. Чугаевъ, А. А., проф. 546

Періодическая система химическихъ элементовъ.—„Пособія при изученіи химіи. Вып. 1“. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. XVIII+258. Ц. 1 р. 75 к.

Книга проф. Ч. представляетъ довольно полное и всестороннее изложеніе періодической системы химическихъ элементовъ. За историческимъ введеніемъ авторъ переходитъ къ описанію методовъ опредѣленія атомныхъ вѣсовъ элементовъ (глава 1-я), при чемъ не только излагаетъ прежніе методы, но и въ самое послѣднее время опубликованный Дж.-Дж. Томсономъ методъ для опредѣленія атомныхъ вѣсовъ сильно разрѣженныхъ газовъ. Этотъ замѣчательный методъ будетъ имѣть громадное значеніе. Изложивъ далѣе подробно періодическій законъ, авторъ подробно разсматриваетъ зависимость химическихъ (какъ-то: валентность и пр.) и физическихъ (оптическихъ, электрическихъ, магнитныхъ и иныхъ) свойствъ отъ атомнаго вѣса элементовъ, при чемъ авторомъ приложено немало труда на тщательную провѣрку и подборъ приводимаго цифроваго матеріала. Послѣ обзора отдѣльныхъ группъ періодической системы — при чемъ, конечно, не забыты элементы нулевой группы и радіоактивные,—авторъ заканчиваетъ свою интересную книгу главой объ отступленіяхъ отъ періодическаго закона. Трудъ проф. Ч. принесетъ пользу не только начинающимъ: его съ интересомъ прочтутъ многіе преподаватели. Въ заключеніе приведенъ списокъ нѣкоторыхъ сочиненій и статей, посвященныхъ періодическому закону. (*Ив. Каблуковъ. „Рус. Вѣд.“ 1913—42*).

Авторъ въ предисловіи скромно называетъ свою книгу „попыткой резюмировать въ существенныхъ чертахъ современное состояніе вопроса о періодическомъ законѣ“. Нельзя не отмѣтить, что эта попытка можетъ быть названа вполнѣ удавшейся. Очень цѣнно, что авторъ удѣлилъ много мѣста подробному систематическому обзору группъ періодической системы, а также разсмотрѣнію методовъ опредѣленія атомныхъ вѣсовъ.

Книгу можно смѣло рекомендовать всякому приступающему къ изученію химіи и желающему серьезно ознакомиться съ „однимъ изъ самыхъ блестящихъ въ области теоретической химіи за весь истекшій XIX в. открытій“. Съ интересомъ и не безъ пользы прочтетъ эту книгу и преподаватель химіи. Имѣть ее всегда подъ рукой необходимо, какъ намъ кажется, преподавателю, какъ средней, такъ и высшей школы. (*Л. Писаржевскій. „Природа“. 1913—1*).

Настоящая книжка написана хорошимъ яснымъ слогомъ и матеріалъ въ ней собранъ интересно и изложенъ въ систематической послѣдовательности, почему книжка м. б. полезнымъ пособіемъ для приступающихъ къ изученію химіи. (*„Нов. Вр.“ 1912—13216*).

428. [. . . . .] 57(082)

Успѣхи біологіи. Сборникъ статей о важнѣйшихъ изслѣдованіяхъ послѣдняго времени. Вып. I. Подъ ред. проф. В. В. Завьялова. Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1912. Стр. 244. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Книга является сборникомъ 12 совершенно самостоятельныхъ переводныхъ статей разныхъ авторовъ: Дж. Лебъ. Новѣйшіе успѣхи біологіи; К. С. Шеррингтонъ. Ассоціація спинномозговыхъ рефлексовъ и принципъ общаго поля; Л. Фредерикъ. Химическая координація въ жизненныхъ явленіяхъ; Г. де-Фризъ. Мутація и мутаціонные періоды, въ связи съ происхожденіемъ видовъ; Г. Гёберъ. Біологическое значеніе коллоидовъ; В. Эбштейнъ. Къ исторіи развитія понятія о болѣзни; Р. Франсэ. Реакціонная способность растеній; М. Ферворнъ. О процессахъ въ элементарныхъ единицахъ нервной системы; Г. Боррутау. Старое и новое по вопросу о сущности нервнаго проведенія; А. Бэтэ. Новѣйшіе взгляды на сущность біоэлектрическихъ токовъ; А. Ашоффъ. Теорія боковыхъ цѣпей Эрлиха; П. Жанэ. Подсознательное.—Изъ этого видно, что темы статей весьма разнообразны, и можно только удивляться, почему, на какомъ основаніи ихъ соединили воедино. Каждая статья порознь, несомнѣнно, имѣетъ большій или меньшій интересъ, все это статьи выдающихся ученыхъ и изслѣдователей, но ужъ слишкомъ онѣ различны какъ по содержанію, такъ и по своему характеру. Съ одной стороны, здѣсь есть статьи по очень спеціальнымъ, узко спеціальнымъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, статья Боррутау, съ другой стороны, такъ сказать, программная статья Леба, съ третьей — старая уже статья де-Фриза, излагающая цѣлую теорію эволюціоннаго уче-

нія. Рядомъ со статьями такихъ ученыхъ, какъ Лебъ и М. Ферворнъ, весьма странно видѣть очеркъ Франсэ, который совершенно серьезно говоритъ о психологіи растеній, примѣняя къ растеніямъ рядъ понятій изъ области психологіи, не имѣющихъ къ растеніямъ никакого отношенія. Въ общемъ сборникъ производитъ странное впечатлѣніе и оставляетъ чувство недоумѣнія. (*Евг. Елачичъ. „Рус. Шк.“ 1912—12*).

Сборникъ начинается увлекательной статьей Дж. Леба, въ которой онъ даетъ бѣглый обзоръ того, что было сдѣлано за послѣднее столѣтіе въ біологіи. Будучи убѣжденнымъ сторонникомъ физико-химической теоріи жизни, онъ недоумѣваетъ, отчего эти біологическія науки не увѣнчались такими крупными открытіями, какія выпали на долю физики и химіи. Большая часть сборника посвящена вопросамъ нервной физіологіи — ученію о нервномъ токѣ. Изъ статей сборника читатель узнаетъ, что несмотря на огромную затрату остроумія, труда и времени, до сихъ поръ нѣтъ такой физико-химической теоріи, которая съ успѣхомъ могла бы объяснить нервный токъ. Л. Фредерикъ показываетъ, какъ невидимыя выдѣленія углекислоты, адреналина, тироіодина и т. п. веществъ вызываютъ химическую координацію въ жизненныхъ явленіяхъ. Несмотря на то, что изложенные имъ факты и ранѣе были извѣстны, ихъ сопоставленіе очень поучительно. Статья де-Фриза служитъ украшеніемъ сборника и будетъ содѣйствовать популяризаціи оригинальныхъ идей Г. де-Фриза. Этотъ талантливый ботаникъ, опираясь на свои многолѣтнія изслѣдованія надъ энотерами, развиваетъ мысль, что новые виды возникаютъ не путемъ накопленія мелкихъ незамѣтныхъ варіацій, какъ обыкновенно думаютъ эволюціонисты, а скачкообразно, внезапно. Морфологическія особенности организмовъ зависятъ отъ особыхъ задатковъ, имѣющихся въ клѣткахъ и находящихся въ опредѣленномъ сочетаніи и равновѣсіи. Пока это равновѣсіе сохраняется, видъ неизмѣняемъ. Но рано или поздно наступаетъ періодъ мутаціи — критическій моментъ въ жизни вида, какъ бы взрывъ, общая перетасовка задатковъ, отчего возникаютъ ихъ новыя комбинаціи и, слѣдовательно, новые виды. Особеннаго вниманія заслуживаетъ статья Р. Франсэ. Психическія явленія столь своеобразны, что ихъ слѣдуетъ приписать, по меньшей мѣрѣ, такую же самостоятельность, какъ физическимъ и химическимъ процессамъ. Жизненныя явленія, согласно Р. Франсэ, Семону, Ф. Дарвину и мн. др., какъ бы проникнуты психизмомъ, т.-е. въ нихъ распознаются основныя черты, свойственныя безсознательнымъ психическимъ процессамъ. Благодаря этому, біологическія явленія глубоко отличаются отъ всякихъ физико-химическихъ комбинаній, а живой организмъ нельзя приравнивать даже самой сложной машинѣ. Л. Ашоффъ знакомитъ публику съ теоріей боковыхъ цѣпей Эрлиха. Эта тяжеловѣсная рабочая гипотеза Эрлиха имѣетъ значеніе для пониманія явленій иммунитета, а также въ дѣлѣ выясненія химической индивидуальности организмовъ. Статья П. Жакэ даетъ меньше, чѣмъ можно было ожидать отъ такого талантливаго изслѣдователя. Книга, въ общемъ, производитъ хорошее впечатлѣніе, и переводы сдѣланы старательно. (*Лукашевичъ „Совр. М.“ 1913—2*).

Не вездѣ, однако, можно согласиться съ редакціоннымъ выборомъ. Такъ, едва ли идеи Франсэ о психической жизни растеній могутъ претендовать на значеніе дѣйствительныхъ „успѣховъ“ біологіи. По своему изложенію, сборникъ требуетъ хорошо подготовленнаго привычнаго читателя. (*В. Таліевъ. „Бюлл. Харьк. О. Люб. Пр.“ 1912—3*).

429. Инфантьевъ, П. 572(0:8)

Жизнь народовъ Россіи. Этнографич. разсказы. Т. II. Изд. П. В. Луковникова. Спб. 1912. Стр. 276. Съ 68 рис. Ц. 1 р. (Отдѣльн. выпуски. по 11—17 к.).

Юкагиры, орочоны, гольды, вогулы—вся эта масса сухихъ названій, встрѣчающихся вмѣстѣ въ учебникахъ географіи, ничего не говорятъ уму учащихся. Нѣсколько опредѣленій отличительныхъ признаковъ этихъ малокультурныхъ инородцевъ, такъ похожи одно на другое, что въ концѣ-концовъ это мѣсто вашей географіи всегда остается весьма смутно освѣщеннымъ, и сѣверъ и востокъ далекой окраины представляется обыкновенно публикѣ населеннымъ цѣлой массой какихъ-то странныхъ существъ, почти совершенно не отличимыхъ другъ отъ друга, одѣтыхъ въ звѣриныя шкуры, ловящихъ рыбу, влачащихъ жалкое существованіе. Рядъ простыхъ, но занимательныхъ разсказовъ, въ которыхъ фабула строго подчинена дѣйствительнымъ особенностямъ жизни описываемыхъ инородцевъ, знакомитъ читателей съ этими таинственными существами, облекаетъ ихъ плотью и кровью и передаетъ въ краткихъ словахъ вообще ихъ нехитрую жизнь. Эта библіотечка вполнѣ заслуживаетъ вниманія, ибо заполняетъ большой пропускъ въ нашей географической литературѣ, предназначенной для лицъ съ образованіемъ не выше средняго. (*П. Бѣльскій. „Природа“. 1912—12*).

Надо признать очень полезнымъ появленіе такихъ книгъ, какъ сборникъ И. Разсказы могутъ быть съ удовольствіемъ прочитаны не только учащимися, но и всѣми интересующимися жизнью народовъ Россіи. Слабую сторону книги составляютъ рисунки, неясные, маленькіе, вообще носящіе черезчуръ эскизный характеръ. (*В. Даниловъ. „Ист. Вѣст.“ 1913—1*).

Послѣ каждаго разсказа помѣщенъ краткій очеркъ, посвященный характеристикѣ того народа, о которомъ шла рѣчь въ разсказѣ. Методъ совершенно правильный; занимательный разсказъ заинтересовываетъ читателя, возбуждаетъ его любознательность, а когда любознательность возбуждена, уже легко читается этнографическій очеркъ, который при другихъ условіяхъ показался бы скучнымъ. (*Педагогъ. „Сиб. Жизнь“. 1913—35*).

Книга снабжена цѣлымъ рядомъ хорошо выполненныхъ рисунковъ въ текстѣ, изображающихъ типы инородцевъ, ихъ одежду, жилища, предметы хозяйственнаго обихода, орудія и проч. (*Е. Горскій. „У. Рос.“ 1913—22*).

Авторъ вводитъ въ разсказы бытовыя картинки изъ жизни различныхъ племенъ; тутъ и свадьбы, и похороны, и описаніе охоты, торговли, суевѣрій; разсказывается о природѣ и животномъ мірѣ края, въ которомъ племя живетъ. Несмотря на большое количество описаній, разсказы читаются съ интересомъ. Вызываютъ недоумѣніе два разсказа. Въ одномъ изъ нихъ, озаглавленномъ „Чары шамановъ“, описывается

встрѣча автора съ фельдшеромъ, который разсказываетъ о сверхестественной силѣ шамановъ и о чудесахъ, ими продѣлываемыхъ. Такъ, напр., при немъ шаманъ вылетѣлъ въ трубу и въ нѣсколько минутъ слегалъ за 50 верстъ въ поискахъ за пропавшими ключами. Подростокъ-читатель совсѣмъ не разберетъ, вѣрить ли въ сверхестественную силу шамановъ или нѣтъ? Другой разсказъ—изъ жизни туркменъ и хивинцевъ. О современныхъ хивинцахъ мы ничего не узнаемъ, потому что описываемые нравы отошли въ прошлое. Во всемъ разсказѣ слишкомъ сквозитъ враждебное отношеніе къ хивинцамъ. Во концѣ каждаго очерка даются краткія свѣдѣнія о племени, которому очеркъ посвященъ. Изложены они крайне сухо и иногда повторяютъ то, что читатель знаетъ уже изъ разсказа. Книга снабжена хорошими рисунками. (*„Вѣст. Евр.“ 1913—1*).

430/437 [. . . . .] 75:92

Летучая энциклопедія. Искусство. Живопись. Изд. І. А. Маевскаго. М. 1913 г. Каждый вып. по 48 стр., съ иллюстр. Ц. по 15 к.

— Ботичелли. Рафаэль. Леонардо да-Винчи. Микель Анджело. Мурильо. Рембрандтъ. Беклинъ. Бернъ-Джонсъ. В. М. Васнецовъ. И. И. Левитанъ.

Въ книжкахъ даются краткія біографическія свѣдѣнія о художникѣ, описаніе и перечень главнѣйшихъ произведеній съ указаніемъ ихъ мѣстонахожденія, общая характеристика художника и его историческое значеніе. Такой планъ можно считать исчерпывающимъ для маленькой книжечки, служащей справочникомъ и пріятнымъ напоминаніемъ о художникѣ. Но объемъ свѣдѣній, предлагаемыхъ данными книжками, и содержаніе ихъ едва ли удовлетворятъ читателей. Прежде всего онѣ предполагаютъ уже нѣкоторыя знанія не только по всеобщей исторіи, но и по исторіи искусства. Короткими, но яркими цитатами разныхъ авторитетовъ, сжатыми біографическими очерками, во вступительныхъ и заключительныхъ словахъ личность художниковъ вырисовывается опредѣленными и довольно яркими чертами. Художественныя же особенности, за исключеніемъ немногихъ (Микель-Анджело, Бернъ-Джонсъ), остаются почти не выясненными. (*Е. С. „Изв. Шост. Кол.“ 1912—12*).

Мысль хорошая—познакомить публику съ знаменитыми художниками въ дешевыхъ, доступныхъ каждому книжкахъ. Наиболѣе ярко мнѣ кажется, охарактеризованъ въ этихъ книжкахъ Беклинъ, картины котораго, послѣ прочтенія этой книжки, могутъ сдѣлаться понятными широкой публикѣ. Изъ другихъ, какъ болѣе удачную характеристику, укажу на характеристику Левитана, въ которомъ умѣло прослѣжено то, что роднитъ его съ Чеховымъ. Прибавлю еще, что большой интересъ представляетъ характеристика Бернъ-Джонса, съ которымъ русская публика знакома очень мало. Вообще, это очень полезное изданіе, возбуждающее любовь къ живописи. (*А. У. „Нижегор. Л.“ 1913—45*).

Съ внѣшней стороны изданія выполнены очень недурно: хорошая бумага, четкій шрифтъ и иллюстраціи-автотипіи, сдѣланныя вполнѣ удовлетворительно. Текстъ въ общемъ исправенъ и достигаетъ своей задачи. Очень досадно встрѣтить въ книжкѣ о Леонардо да-Винчи снимки съ картинъ, Винчи не принадлежащихъ (Мадонна съ лиліей и бюстъ Фіоры) или утвержденія, что Винчи умеръ въ Парижѣ, тогда какъ онъ умеръ въ замкѣ Клу, близъ Амбуаза, что онъ былъ современникомъ Іоанна Грознаго, чего не было въ дѣйствительности и т. д. О Леонардо существуетъ литература и на русскомъ языкѣ: тѣмъ обиднѣе, что популярная книжка о немъ вышла хуже всѣхъ прочихъ. Въ общемъ же книжки принесутъ пользу русскому читателю, поразительно бѣдному знаніями по исторіи искусства. (*П. Е. „День“ 1913—62*).

Эти маленькія книжечки, недурно изданныя вообще и недурно иллюстрированныя въ частности, вѣроятно, найдутъ своихъ читателей среди лицъ, интересующихся живописью. Конечно въ книжкѣ такого формата трудно исчерпать предметъ во всей полнотѣ. Изданіе только хочетъ познакомить съ жизнью художника, съ характеромъ его творчества, отношеніемъ къ нему публики и критики. Безъ нѣкоторыхъ промаховъ, положимъ, дѣло не обходится. Въ популярныхъ изданіяхъ лучше вовсе порой умолчать о деталяхъ, чѣмъ оставить въ читателѣ чувство неудовлетворенности. Нельзя назвать удачнымъ объясненіе вольностей Мурильо въ трактовкѣ священныхъ сюжетовъ. Въ характеристикѣ Васнецова, авторъ, приведя разнорѣчивые отзывы о былинныхъ его картинахъ, склоняется все же болѣе, чѣмъ къ благосклонному приговору о нихъ. По крайней мѣрѣ онъ ставитъ ихъ за одну скобку съ поэтической „Аленушкой“, съ „Иваномъ-Царевичемъ“, отъ которыхъ, дѣйствительно, вѣетъ прелестью сказки. Иллюстраціи, въ смыслѣ выполнимости, выбраны не всегда удачно. Есть опечатки, но такова ужъ, видно, судьба всѣхъ русскихъ изданій... (*А. Николаевъ. „Завѣты“ 1913—2*).

По моему бы лучше не давать такихъ компилятивныхъ текстовъ, какъ въ настоящемъ изданіи, а лучше ограничиться краткими біографическими свѣдѣніями и справочнымъ указателемъ произведеній, но зато выдвинуть впередъ иллюстрацію, приближаясь къ изданіямъ Говенса или Вейхерса. Лучше другихъ книжка о Ботичелли, хотя и тутъ выборъ иллюстрацій могъ бы быть интереснѣе и типичнѣе. (*Евг. Безпятовъ. „Библ. Театра и Иск.“ 1913—2*).

438. Леманъ, Б. А. 78:92(Ч)

Чурлянисъ.—„Современное искусство“. Серія иллюстрир. монографій. Изд. Н. И. Бутковской. Спб. 1912. Стр. 30. Ц. 1 р. 50 к.

Чурлянисъ—одинъ изъ самыхъ интересныхъ сюжетовъ для сюжетовъ для монографіи. Богато одаренная и сложная натура художника, его самобытное, оригинальное творчество допускаетъ различныя толкованія, изслѣдованія въ различныхъ направленіяхъ. Авторъ подходитъ къ его творчеству съ точки зрѣнія ритмической основы искусства. Эти разсужденія интересны и, быть-можетъ, музыкантъ и композиторъ—требуетъ такого толкованія своихъ картинъ. Тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ носятъ названія музыкальныхъ произведеній. Философскому значенію, вѣрнѣе, подкладкѣ творчества Ч. авторъ отвелъ сравнительно меньше мѣста, о чемъ нельзя не пожалѣть. Еще болѣе досадно, что монографія совсѣмъ не касается общественной стороны жизни Ч. Представитель возрождающейся литовской интеллигенціи, Ч. силою вещей былъ

вовлеченъ въ кругъ ея кипучей дѣятельности и сталъ надеждой и гордостью своей націи. Эта роль немало отразилась на творчествѣ Ч. и заполнила богатымъ, но безъ оттѣнка драматизма, содержаніемъ послѣднія страницы его жизни. Миновать національное лицо Ч. при полномъ анализѣ его художественной личной невозможно. Разсматриваемая монографія вообще представляетъ тепло написанный, но бѣглый очеркъ и объ этой краткости можно только жалѣть. (*Б. Ш. „День“. 1913—12*).

Небольшой, съ любовью написанный, очеркъ Л. о художникѣ Чурлянисѣ является нужнымъ и цѣннымъ вкладомъ въ новѣйшую исторію русской живописи. Слишкомъ рано умершій художникъ не успѣлъ вполнѣ выявить свою индивидуальность. Получивъ музыкальное образованіе въ Варшавской консерваторіи и взявшійся за кисть, когда ему было уже 26 лѣтъ, Ч. обладалъ умомъ пытливымъ и жаднымъ и огромнымъ чувствомъ интуиціи, пытался въ своихъ картинахъ разрѣшить чувство ритма, съ наибольшей очевидностью присущее, какъ извѣстно, музыкѣ. Картина Ч.—это цвѣтовыя симфоніи, о которыхъ еще въ XVIII в. мечталъ нѣмецкій философъ мистикъ Экхартгаузенъ. Интуитивное, слишкомъ острое постиженіе міра, сломило хрупкую натуру Ч., онъ заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ и скончался въ психіатрическвй лечебницѣ. Смерть Ч. лишній разъ доказала намъ, современнымъ людямъ, что психическое заболѣваніе есть лишь болѣе тонкая форма воспріятія окружающаго, и что здѣсь мы можемъ смутно предугадывать то, что станетъ нормальнымъ чувствомъ въ жизни человѣчества послѣдующей ступени его развитія, какъ учитъ объ этомъ современная теософія. (*Н. А. „Путь“. 1913—2*).

439. [. . . . .] 8—8

Первый альманахъ изд-ва „Союзъ“. Спб. 1913. Стр. 324. Ц. 1 р. 30 к.

Первый альманахъ изд. „Союзъ“ отдалъ дань всему занимающему нашу читающую публику. В. Винниченко очень недурно разсказалъ про политическихъ обитателей тюрьмы. Другой разсказъ о революціонерахъ въ сборникѣ принадлежитъ Н. Олигеру. Однако, революціонерами теперь не удовлетворить интересовъ читателей. Сильныя страсти, необычайныя приключенія, неудовлетворенность въ любви — все это сейчасъ гораздо занимательнѣй и въ сборникѣ преподнесено въ изобиліи.

Здѣсь Гринъ, который въ послѣднее время перешелъ на новый жанръ, подражая Джеку Лондону, рисуетъ человѣка, убивающаго другого лишь потому, что этому другому скучно жить. Но это не интересно и не захватываетъ. Здѣсь А. Рославлевъ, описывая страданія разныхъ людей, наваливаетъ такую огромную кучу душевнаго мусора, что, въ концѣ-концовъ, начинаетъ мутить... Здѣсь Яблочковъ разсказываетъ про охлажденіе художника Звягина къ своей женѣ, увлеченіе женой своего друга и наступающее разочарованіе. А дальше разсказъ Морщенскаго тускло подражаетъ Куприну въ разсказѣ „Никитюкъ и Микитюкъ“, гдѣ слабовольный поручикъ дружески относится къ своему денщику. И, наконецъ, разсказъ Свирскаго о крещеной еврейкѣ. Тема не новая въ художественной литературѣ, а Свирскій ужъ очень блѣдно освѣтилъ ее. Мы почти исчерпаемъ содержаніе сборника, если упомянемъ о комедіи Бенавенте „Изнанка жизни“, которой въ литературѣ было удѣлено достаточно вниманія. Помѣщены въ сборникѣ и стихи разнаго достоинства. Въ общемъ, сборникъ свидѣтельствуетъ о какой-то немощности литературы. Разные авторы встрѣтились случайно, чтобы, скоро разойдясь, встрѣтиться случайно со своими случайными темами въ другомъ случайномъ мірѣ. (*И. И. „День“. 1913—10*).

Сколько здѣсь коротенькихъ разсказовъ! Какая пестрота авторскихъ именъ, фамилій которыхъ выведены и красными и черными красками. Есть и извѣстныя имена. Напримѣръ В. Винниченко съ разсказомъ „Талисманъ“. Авторъ интереснаго, мѣстами сильнаго по глубинѣ переживаній романа „На вѣсахъ жизни“ ничего новаго не далъ въ своемъ разсказѣ,—напротивъ, разсказъ Винниченко скученъ и не останавливаетъ вниманія читателя... Вотъ наброскокъ Н. Олигера „Нина“... Но гдѣ же та удивительная простота и нѣжность, которыми дышали прежніе разсказы Н. Олигера? Гдѣ эта дымка печали, неудовлетворенности, которыми были окуганы съ такой любовью создаваемые имъ образы? Вспомните „Елочку“. Здѣсь этого нѣтъ... И съ грустью перелистываешь страницы дальше... И другіе—и Рославлевъ и Свирскій—всѣ полны фальши, и становится скучно читать эти маленькія попытки создать нѣчто живое и интересное... (*К—ая. „Утро“ 1913—1863*).

Какъ это ни обидно, самое значительное въ этомъ сборникѣ—переведенная Е. Адамовымъ комедія извѣстнаго современнаго испанскаго драматурга Хасинто Бенавенте „Изнанка жизни“.

Единственно, что замѣтно въ повѣсти „Страданіе“—это вполнѣ удовлетворительный языкъ и то, что Рославлевъ можетъ наблюдать за выпуклостью даже незначительныхъ дѣйствующихъ лицъ и чувствовать природу.

Изъ стиховъ недурны „Понедѣльникъ“, Ад. Вознесенскаго и переведенная В. Эльснеромъ „Дѣтская карусель“, Р. М. Рильке. (*І. И. „Сиб. Жизнь“. 1913—26*).

440. [. . . . .] 839.7—434

Шведскія народныя сказки. Въ обработкѣ для дѣтей Ник. Каринцева. Съ 83 рис. швед. и русск. художниковъ. Стихи переведены Е. В. Гешинымъ. Кн-во „Просвѣщеніе“. Спб. (безъ г. и.). Стр. VII+291. Ц. не обозн.

Затруднительный вопросъ: какія книги читать дѣтямъ?—всего легче разрѣшается въ томъ смыслѣ, что дѣти большей частью должны питаться той духовной пищей, которой довольствовалось все человѣчество, когда оно переживало младенческій періодъ своего развитія. Народныя сказки оказываются болѣе доступны дѣтямъ, нежели разсказы и повѣсти, спеціально сочиненные для нихъ взрослыми. „Шведскія народныя сказки“, собранныя учеными этнографами, Олафомъ Ковалліусомъ и Георгомъ Стевенсомъ, переработаны для русскихъ дѣтей г. Н. Каринцевымъ. Сказки годятся для дѣтей отъ семи до десятилѣтняго возраста. Многочисленные рисунки порою весьма недурны. (*„Рус. Молва“. 1913—58*).

„Малютка-Роза и „Долговизая-Злючка“, „Постучокъ и король эльфовъ“, „Подземный принцъ“, „Принцесса на стеклянной горѣ“ и „Черная шкатулка и красная“—эти прелестныя сказки

шведской народной поэзіи, такъ мало знакомой нашей дѣтворѣ, будутъ читаться съ большимъ удовольствіемъ. Въ нихъ пышно цвѣтетъ фантазія и въ то же время онѣ обвѣяны какой-то музыкальностью, дыханіемъ мягкаго, ласковаго вѣтра. Противъ обработки К., сдѣланной любовно и тщательно, можно возразить развѣ только одно: мѣстами допущены штрихи слишкомъ русскіе, слишкомъ свойственные *нашей* сказкѣ, что, впрочемъ, не портитъ общей окраски языка въ книгѣ. Зато настоящимъ пятномъ, и очень досаднымъ, являются стихотворные отрывки въ текстѣ, переведенные Е. Гешинымъ. Превосходны иллюстрирующіе книгу 83 рисунка шведскихъ, главнымъ образомъ, художниковъ. (*В. „Рѣчь". 1912—346*).

Въ красивомъ переплетѣ, книжка по внѣшнему виду подходитъ къ типу такъ наз. „книжекъ-подарковъ" для дѣтей. Въ нее входятъ пять длинныхъ сказокъ; содержаніе ихъ, хотя и однообразно, но интересно и увлекательно по фабулѣ; всѣ сказки, прочитанныя за-разъ, конечно, утомляютъ, но каждая въ отдѣльности доставитъ несомнѣнное удовольствіе. Главнымъ образомъ въ нихъ фигурируютъ короли, королевны, колдуньи, карлики, падчерицы и т. д. Мораль обычная: добродѣтель торжествуетъ, а порокъ наказывается. Сказки красиво иллюстрированы темными рисунками. Книжка вполнѣ заслуживаетъ одобренія и можетъ быть рекомендована для дѣтей младшаго и средняго возраста. (*Е. Горбанская. „Дошк. Восп.". 1913—1*).

441. Жуковъ, Иннокентій. 891.7—1

Замокъ души моей. Поэма. Изд. В. Л. Древсъ. М. 1913. Стр. 50. Ц. 80 к.

Скульпторъ Ин. Ж. въ модѣ. Въ столицахъ, по провинціи расходится масса репродукцій съ его скульптуръ. Въ Москвѣ самъ скульпторъ уже устроилъ нѣсколько собственныхъ выставокъ—и теперь, какъ завершеніе нѣкотораго періода творчества, Ж. выпустилъ въ свѣтъ свою книжку, опытъ художественно-символическаго объясненія тайнъ своей творческой души. Въ книжкѣ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ все тѣ же скульптурныя дѣтища, которыя тутъ же репродуцированы; имѣется портретъ автора, автографъ и эпиграфъ. Вообще вся книжка походитъ на иллюстрированный путеводитель по художественной выставкѣ. Психика русскаго интеллигента, разбитая на мелкія кусочки великими и малыми бурями послѣднихъ лѣтъ, опустошенная, истощенная, извѣрившаяся и невѣрующая ни въ какихъ кумировъ, представляетъ изъ себя пестрый, сумбурный калейдоскопъ разрозненныхъ переживаній. Творчество Ин. Ж. и являетъ собой такой кинематографъ русской души, терзавшейся и терзаемой разнорѣчивыми стремленіями, сомнѣніями и вѣрами. Замѣтьте къ тому же, что для пониманія композицій Ж. не нужно прилагать большихъ усилій—онѣ просты, общепонятны, даже злободневны; художникъ чутко зарисовываетъ малѣйшія движенія своей души, уснащая каждое свое впечатлѣніе присущимъ ему лиризмомъ и нѣкоторой горечью мысли. Всѣ эти условія и создали многочисленныхъ друзей скульптору Ж. и сдѣлали его „модянымъ".

Но тѣ же особенности его творчества даютъ возможность предполагать, что „слава" Ж. не будетъ долговѣчна. Именно потому, что сюжеты его творенія злободневны, преходящи и не общечеловѣчны—они и не вѣчны. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, исчезнетъ общественное самочувствіе, выдвинувшее Ж., и отъ его безчисленныхъ дѣтищъ останется, можетъ быть, всего нѣсколько штукъ, на которыхъ явственно запечатлѣлось слово вѣчности и общечеловѣчности. (*Далекій. „Нижегор. Л.". 1913—34*).

Странная брошюрка въ пятидесять страничекъ, большинство которыхъ занято снимками со скульптурныхъ работъ автора, а незначительная часть посвящена якобы связующимъ эти снимки стихотворнымъ перечнямъ этихъ работъ. Этотъ стихотворный перечень произведеній Ж. совершенно не интересенъ. Что же касается до скульптурныхъ произведеній Ин. Ж., то въ нихъ чувствуется несомнѣнный и своеобразный талантъ и въ то же время отсутствіе серьезной школы, въ которой этотъ талантъ могъ бы получить надлежащую выработку и шлифовку. Во всякомъ случаѣ, брошюрка или вѣрнѣе—маленькій альбомъ смотрится съ интересомъ и, посмотрѣвъ его разъ, можно смотрѣть еще и еще. (*„День". 1913—47*).

442. Амфитеатровъ, А. В. 891.7—3

Звѣрь изъ бездны. Истор. сочиненіе. Т. III. Цезарь-артистъ. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 504. Ц. 1 р. 50 к.

Конфискація, постигшая первый томъ этого изслѣдованія, исполненнаго безъ всякой принудительности, безъ всякихъ соображеній объ ученой степени и поэтому обладающаго всѣми достоинствами любовнаго и свободнаго труда, оказалась не безъ пользы для автора. Оберегая новые томы отъ возможныхъ катастрофъ, авторъ, повидимому, воздержался отъ тѣхъ экскурсій въ русскую современность, какія, откровенно говоря, повредили серьезность двухъ первыхъ томовъ, временами сообщая имъ фельетонный характеръ. Въ третьемъ томѣ, посвященномъ „цезарю-артисту", особенно интересна бытовая глава—„Общественная невоздержанность", рисующая по первоисточникамъ то паденіе римскихъ нравовъ, какое давно стало притчей во языцѣхъ. Любитель античнаго съ трудомъ оторвется отъ главъ, рисующихъ психозъ Нерона, смерть Октавіи и катастрофу, подготовляющуюся для Сенеки. Отброшенный далеко за море, А. извиняется за корректуру книги. Это не лишне. (*А. Измайловъ. „Рус. Сл.". 1913—33*).

У А. есть два основныхъ и весьма крупныхъ недостатка. Это, во-первыхъ, злоупотребленіе аналогіями событій античнаго міра съ современностью и, во-вторыхъ, чрезвычайная разбросанность сочиненія, характеризуемая громадными отступленіями отъ предмета изложенія. О чемъ бы ни заговорилъ А.—о скандальныхъ судебныхъ процессахъ Рима, о половой психопатіи римской знати, объ азіатской политикѣ Нерона, объ экспедиціи Корбулона въ Парѳію—всегда читатель можетъ быть увѣреннымъ, что авторъ кстати или не кстати упомянетъ какое-нибудь событіе современной намъ эпохи. Громадныя же отступленія отъ основной темы сочиненія дѣлаютъ работу А. скорѣе рядомъ болѣе или менѣе талантливыхъ и цѣнныхъ изслѣдованій, чѣмъ сочиненіемъ, объединеннымъ общностью плана и темы. Авторъ не только не открылъ чего-нибудь новаго въ изслѣдуемой имъ эпохѣ, но въ большинствѣ случаевъ и въ освѣщеніи событій

придерживается взглядовъ того или иного авторитета, правда, излагая и обосновывая ихъ съ присущимъ ему талантомъ и знаніемъ литературы предмета. Какъ признаетъ и самъ авторъ, наиболѣе сильное вліяніе на него оказали итальянскій историкъ Ферреро и проф. Виппперъ. Но „Звѣрь изъ бездны“ не характеризуется только вышеприведенными отрицательными сторонами. Въ немъ читатель найдетъ много главъ, которыя и въ художественномъ и въ научномъ отношеніи стоятъ значительно высоко. Такъ, напримѣръ, глава, посвященная выясненію вопроса подлинности Тацита и роли Поджіо Браччіолини въ открытіи знаменитой лѣтописи, глава „Рабы рабовъ своихъ“, рисующая вліяніе рабской среды на римскихъ нобилей, приведшее къ ужасающему паденію нравственности уже при первыхъ цезаряхъ, и въ особенности въ III томѣ глава о театрѣ и толпѣ въ эпоху Нерона. „Въ театрѣ Государь увидѣлъ цѣль своего существованія, народъ—утѣху своего быта, а люди, искавшіе власти,—великое средство управленія, способное скрасить самую варварскую и разбойничью политическую систему“. Это положеніе выводится авторомъ въ результатѣ тщательнаго изслѣдованія происхожденія и роли театра въ античномъ мірѣ. Во всякомъ случаѣ, работа А. можетъ быть только полезна широкимъ слоямъ читателя, ибо несомнѣнное художественное дарованіе и любовь автора къ изслѣдуемой эпохѣ могутъ только привлечь читателя къ болѣе серьезному изученію предмета, такъ же какъ редактированіе романовъ Вальтеръ-Скотта сдѣлало Мишо однимъ изъ лучшихъ историковъ крестовыхъ походовъ. (*М. К. „Сиб. Жизнь“. 1913—41*).

III т. „Звѣря изъ бездны“ обнимаетъ періодъ актерской маніи Нерона, паденіе Сенеки, смерть Бурра и Р. Плавта и разрывъ Нерона съ республиканской партіей. Какъ настоящаго диллетанта, А. привлекаютъ черты сходства между Римомъ I вѣка съ современностью, напр., параллель между августианами и союзомъ русскаго народа. Цѣнный историческій матеріалъ, загроможденный хлесткими злободневными выпадами, теряетъ въ своей серьезности. Образъ Нерона, котораго авторъ сравниваетъ, какъ поэта, съ В. Брюсовымъ и В. Ивановымъ, смутенъ, много нагроможденій: тутъ и Ярославская жел. дор. съ Саввой Мамонтовымъ (стр. 28), городской голова Алексѣевъ (223), Финнеръ, Шаляпинъ (142), Клейнъ (63). М. Гарденъ и Эйленбургъ (444), Palle-Mall-Cazette и записки Горона (446), цитаты изъ Некрасова (357, 251) и изъ... Вас. Немировича-Данченко (152). Въ общемъ получился историческій фельетонъ въ 4 томахъ. (*„Рус. Молва“. 1913—74*).

443. Подъячевъ, С. 891.7—3

Разсказы. Т. V. Изд. „Освобожденіе“. Спб. 1913. Стр. 232. Ц. 1 р. 25 к.

Много книгъ у насъ написано про неустойчивое русское естество и связанную съ нимъ слабость къ „сатанинской влагѣ“. И самыя лучшія книги тѣ, въ которыхъ авторы не задавались цѣлью его выяснить, а оно выявилось само собой. Къ числу такихъ хорошихъ неварочитыхъ книгъ относятся и разсказы П. Авторъ, рисуя свое адское „дно“, взываетъ: у кого есть сердце, пожалѣйте моихъ озвѣрѣлыхъ героевъ! Пожалѣть-то пожалѣютъ... Но поможешь ли тутъ жалостью? И, наконецъ, одну ли жалость возбуждаютъ герои П. Молодой писатель съ особеннымъ жаромъ описываетъ тѣ ужасныя условія, въ которыя попадаютъ его герои—разныхъ сословій и состояній, объединенные лишь тѣмъ, что всѣ они споткнулись... попали на наклонную плоскость и не удержались на ней. Въ сборникѣ всего два разсказа: „Московскій работный домъ“ и „По этапу“. Обстановка, въ которую попадаютъ герои П. и въ работномъ домѣ, и на этапѣ, поражаетъ своею жестокостью и некультурностью. Если опустившійся человѣкъ сохранилъ въ себѣ что-нибудь основное, человѣческое, то тутъ, среди грязи, хаотическаго безпорядка, самодурства и дикихъ издѣвательствъ, онъ навѣрное станетъ звѣремъ. Путь изъ „образцоваго“ московскаго работнаго дома только одинъ—обратно въ кабакъ. Въ этомъ отношеніи негодующему автору всякій посочувствуетъ. Но вѣдь это—только одна сторона вопроса, а есть еще и другая, не менѣе острая. Кто такіе сами несчастливцы, опустившіеся до дна? Какъ и почему они сюда попали?.. Составъ жителей работнаго дома и тѣхъ, которые на казенный счетъ отправляются на родину, разнообразенъ. Тутъ есть и мѣщане, и крестьяне, пришедшіе въ городъ для заработка, и дворяне, есть и семинаристы, даже монахи... А на второй вопросъ—какъ они сюда попали?—сами они сообщаютъ другъ другу чистосердечно:—Какъ, вѣроятно, и вы: „по пьяному дѣлу“... Идеалистически настроенный авторъ не кривитъ душою, описывая прежнюю жизнь героевъ—въ немъ горитъ правдивость художника. И онъ показываетъ намъ любопытную вещь. Нужда и всякія матеріальныя невзгоды, случайности, трудности борьбы за существованіе далеко не являются главной причиной „паденія“ его героевъ, а лишь способствуютъ ему, иногда ускоряютъ. Роль же фатума играетъ нѣчто болѣе интимное, лежащее въ ихъ натурѣ—коренное неустойчивое и некультурное русское естество. „Пьяное дѣло“ поглощаетъ героевъ П. по весьма разнообразнымъ поводамъ. Одинъ совершилъ гнусность—изнасиловалъ и уморилъ молодевькую дѣвушку... Другой, послѣ смерти сынишки, извелъ нелюбимую жену, собственноручно ее повѣсивши съ самой невозмутимой жестокостью... И всѣ ищутъ забвенія и утѣшенія въ одномъ—въ магической „сатанинской влагѣ“.

Иногда для объясненія своихъ безобразій герои П. просто ссылаются на свой характеръ. Интереснѣе всего признанія одного деревенскаго человѣка, обезпеченнаго, устроеннаго, счастливо женатаго и невѣдомо какъ очутившагося „на днѣ“. Все въ немъ „горитъ“ и „кипитъ“, богатая душа просится вдаль и вширь, но въ ней—какой-то дефектъ: нѣтъ ни капли осѣдлости, нѣтъ прочности въ закваскѣ, нѣтъ регулятора... Поэтому то онъ и „сѣлъ на мель“. Вотъ каково „пьяное дѣло“—пока главное дѣло русскаго человѣка... И какова сила „влаги сатанинской“! Если не „отъ нея всѣ качества“, то сама она отъ основныхъ русскихъ качествъ. (*Е. Колтоновская. „Рѣчь“. 1913—27*).

Герои П. напрашиваются на сравненіе съ разными бывшими людьми и босяками Горькаго, но въ манерѣ ихъ изображенія чувствуется большая разница. У П. нѣтъ горьковскаго романтизма, нѣтъ идеализацій; его золоторотцы не обладаютъ тѣми магическими крыльями, которыя въ свое время высоко подняли горьковскихъ

героевъ надъ сѣрой русской жизнью; напротивъ, они на землѣ, даже слишкомъ на землѣ. Иногда хочется сдѣлать автору упрекъ за слишкомъ грубый реализмъ его описаній и за то, что у него черезчуръ сырой матеріалъ. Но горячая искренность и непосредственность чувства защищаетъ его отъ этого упрека. Его яркіе разсказы надъ многимъ заставляютъ задуматься. Особенно интересны у П. тѣ страницы, гдѣ онъ описываетъ порядки и нравы работнаго дома—ужасающе некультурные и жестокіе. Путь изъ такого убѣжища для опустившагося до „дна" человѣка только одинъ—обратно въ кабакъ, откуда онъ пришелъ. (*Е. К. „Вѣстн. Евр.". 1913—2*).

Разсказы П. не сочинены, въ нихъ живая жизнь, люди, страдающіе и мечтающіе о хорошемъ. Конечно, отъ художества разсказы П. далеки, но въ нихъ чуется душа человѣка, много пережившаго, лично испытавшаго горе и нужду. Устарѣлостью вѣетъ отъ описаній; на нѣкоторыхъ страницахъ, кромѣ голой тенденціи, нѣтъ ничего болѣе. П. повѣствуетъ, не шевелитъ „хаосъ сѣдой", но факты краснорѣчивѣе беллетристики. Примитивный гуманизмъ П., конечно, шокируетъ, но въ его книгахъ есть то, чего нѣтъ въ изощреннѣйшей поэзіи нашей; правда, ужасная и грязная правда, смущающая человѣка, въ разсказахъ П. Иногда необходимо подышать спертымъ воздухомъ, спуститься ближе къ народу, вспомнить о забытомъ и забитомъ человѣкѣ. Грядущій читатель изъ народа на полку нужныхъ книгъ поставитъ и томики П. (*Сем. В. „День". 1912—88*).

444. Ѳедоровъ-Давыдовъ, А. 891.7-34

Русскія народныя сказки. Т. I—II. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1912 г. Стр. 288+ +231. Съ рис. Ц. 1 р. 20 к. кажд. т.

Ѳ.-Д. собралъ и пересказалъ живымъ, колоритнымъ языкомъ сравнительно мало извѣстныя народныя сказки, легенды, географическія и историческія преданія. Здѣсь много интересныхъ сюжетовъ, прихотливо задуманныхъ и образно изложенныхъ. Но, мы думаемъ, авторъ смѣло могъ бы не включать въ свои сборники добрую треть сказокъ и преданій, отъ чего сборники только бы выиграли въ педагогическомъ смыслѣ. Таковы сюжеты демонологическіе. Эта игра нечистой силы, ея странное и грубое вмѣшательство въ жизнь человѣка,—желательно ли всѣмъ этимъ засорять, затуманивать дѣтское сознаніе? А Ѳ.-Д. предпочтительно останавливается на подобныхъ сюжетахъ и,—мало того,—ко многимъ изъ нихъ даетъ даже иллюстраціи. Эта реально данная чертовщина всего менѣе нужна въ дѣтской книгѣ. Не включали бы мы и такихъ сюжетовъ съ малопонятнымъ для дѣтей религіозно-нравственнымъ содержаніемъ, гдѣ, напримѣръ, грѣшникъ искупаетъ свою вину, или какъ демонъ искушаетъ человѣка. Гораздо лучше тѣ сказки, гдѣ нѣтъ этой сложной и сомнительной морали, гдѣ больше непретенціозной фантастики (напр., „Деревянный орелъ") или здороваго комизма („Мартъ-озорникъ"). Языкъ сказокъ—правдивый и красивый, но многія слова требуютъ объясненій: жегалъ, тевлевъ, стыдь, одонья, слегъ, закутъ и др. (*И. Соловьевъ. „Рус. Вѣд." 1913—25*).

Не только дѣти, но и взрослые прочтутъ съ интересомъ эти два тома, такъ какъ по большей части сказки, собранныя Ѳ.-Д., въ другихъ сборникахъ не встрѣчаются. Написаны онѣ такимъ чудеснымъ русскимъ языкомъ. Много старинныхъ чисто былинныхъ выраженій, которыя слѣдовало бы снабдить поясненіями. Для маленькихъ дѣтей эти сказки не годятся, но дѣти школьнаго возраста, вѣроятно, ихъ будутъ читать и перечитывать съ увлеченіемъ. Нѣкоторыя сказки, какъ напр.: „Атаманъ Стенька Разинъ", будутъ непонятны даже и школьникамъ, и содержаніе такихъ сказокъ совсѣмъ не дѣтское. Но въ общемъ это цѣнный вкладъ въ дѣтскую литературу. Тутъ собраны не только сказки, но и разныя народныя повѣрья, преданья, легенды, иногда удивительно красивыя и трогательныя, какъ напр.: „Преображенный дьяволъ", иногда полныя здороваго юмора и комизма. Дѣтямъ эти сказки доставляютъ громадное удовольствіе и, я думаю, что знакомство съ такими произведеніями народнаго творчества ничего имъ, кромѣ пользы, не принесетъ. (*М. Черняева. „Дошк. Восп." 1913—1*).

445. Вейнбергъ, Л. О. 891.7.09

Критическое пособіе. Сборникъ выдающихся статей русской критики за 100 лѣтъ. (Кирѣевскій-Айхенвальдъ). Три тома. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913 г. Ц. I т.—1 р. 25 коп., II—1 р., III—р. 50 к.

Критическія статьи расположены по авторамъ произведеній, о которыхъ они трактуютъ, и это значительно облегчаетъ пользованіе „Пособіемъ", въ то же время это увеличиваетъ интересъ къ нему. Для примѣра укажемъ хотя бы на статьи о „Дворянскомъ гнѣздѣ" Тургенева. Рядомъ со статьей Писарева, вскрывшаго собственно всѣ основныя черты этого произведенія и особенно ярко охарактеризовавшаго Лизу,—читатель найдетъ статью Овсянико-Куликовскаго, „Лиза Калитина", въ которой анализъ, по сравненію съ анализомъ Писарева—сдѣланъ только болѣе полно, болѣе детально. Въ общемъ—„Критическое Пособіе" есть собственно критическая хрестоматія; но ее съ пользой прочитаютъ не только учащіеся старшихъ классовъ и лица, занимающіяся самообразованіемъ, но и каждый человѣкъ, интересующійся родной литературой: имѣть подъ руками критическія статьи корифеевъ нашей критики, даже при наличности хорошихъ библіотекъ, нѣтъ, конечно, возможности; между тѣмъ въ „Критическомъ Пособіи" собрано все, что есть лучшаго въ нашей критической литературѣ, отъ Кирѣевскаго до Айхенвальда (изъ статей о Чеховѣ), и собрано умѣло. Книга снабжена портретами беллетристовъ и критиковъ. (*„Сарат. Вѣст." 1913—41*).

Нужная и дѣльная книга —„Критическое Пособіе". Обычно критическія пособія обходили критиковъ послѣдняго времени. Г. В. помѣстилъ отрывки статей о Достоевскомъ—Айхенвальда, Волынскаго, Мережковскаго; о Пушкинѣ—цѣнныя статьи Вл. Соловьева и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Включеніе въ пособіе для учащихся статей современныхъ критиковъ, можно, конечно, лишь привѣтствовать. Все изданіе состоитъ изъ трехъ томовъ: въ 1-мъ томѣ —общія статьи и статьи о Гоголѣ, во 2-мъ—о Достоевскомъ, Гончаровѣ и др., въ 3-мъ о Майковѣ, Фетѣ и др. (*„Рус. Молва". 1913—61*).

Трудъ В. заслуживаетъ похвалы и вниманія. Можно только подумать, что В. считаетъ „ниже

всякой критики" двухъ корифеевъ нашей литературы: онъ ни одной статьи о нихъ не помѣстилъ. И если отсутствіе Салтыкова еще можетъ быть оправдано задачами сборника (Щедринъ въ общемъ, конечно, писатель не для гимназистовъ), то Некрасова-то ужъ можно было бы, кажется, пощадить. Тѣмъ болѣе, что составитель видимо отличается столь просвѣщеннымъ и широкимъ взглядомъ на школьное дѣло, что помѣстилъ, напр., чрезвычайно рѣзкую и до извѣстной степени даже убійственную статью Писарева о Пушкинѣ, на которую современный человѣкъ въ футлярѣ неспособенъ иначе смотрѣть, какъ на какое-то кощунство. (*А. „Кіев. Мысль". 1913—47*).

Очень трудно понять, для кого предназначено это „критическое пособіе", лишенное всякаго плана, всякой руководящей идеи и какихъ бы то ни было объясненій, комментаріевъ. Небольшое, въ нѣсколько строкъ предисловіе составителя этого труда очень мало объясняетъ загадку. „Предлагаемое Критическое пособіе имѣетъ въ виду назрѣвшія потребности какъ обучающихся въ школѣ, такъ и стремящихся къ самообразованію",—читаемъ въ предисловіи; но какія „потребности", остается неизвѣстнымъ. Вѣдь у обучающихся въ школѣ и стремящихся къ самообразованію очень много назрѣло потребностей. Если авторъ имѣетъ въ виду потребность учащихся разобраться въ исторіи развитія русской критики, въ ея направленіяхъ, понять, какое мѣсто занимаетъ въ этой исторіи тотъ или иной представитель, то ворохъ нарѣзаннаго и смѣшаннаго въ кучу матеріала этой цѣли безусловно не можетъ служить. Если же авторъ имѣлъ въ виду другую, болѣе практическую потребность учащихся, — потребность имѣть подъ рукой мнѣнія разныхъ критиковъ о разныхъ авторахъ на случай письменной работы въ классѣ по литературѣ,—то этой потребности „Критическое пособіе", пожалуй, удовлетворяетъ, и единственный его недостатокъ въ этомъ отношеніи тотъ, что оно въ трехъ томахъ, такъ что неудобно таскать на всякій случай въ классъ и держать подъ партой. В. говоритъ, что на подборъ матеріала его сборника „значительно повліяли педагогическія соображенія". Но каковы эти педагогическія соображенія, это такъ же неизвѣстно, какъ и то, какимъ потребностямъ призвано удовлетворить „Критическое пособіе". (*Л. Козловскій. „Рус. Вѣд. 1913—54*).

446/447. Гиро, Поль. 9(38)

Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Пер. съ 5-го франц. изд. Н. Н. Спиридонова. Изд. кн. маг. К. Н. Николаева. М. 1912. Стр. 496. Съ рис. Ц. 3 р.

Тоже. Пер. Н. И. Лихаревой. Изд. т-ва О. Н. Поповой. Вып. I. Спб. 1912. Стр. 97. Ц. 60 к.

1-й выпускъ книги Г. заключаетъ въ себѣ рядъ статей, систематически подобранныхъ, дающихъ общія свѣдѣнія о древне-греческой жизни и рисующихъ семейный бытъ и воспитаніе древнихъ грековъ. Въ послѣдующихъ пяти выпускахъ того же труда заключаются: во 2-мъ—частная жизнь, въ 3-мъ—рабство, трудъ и богатство и общественная жизнь, въ 4-мъ—религія, въ 5-мъ—правительство, правосудіе, налоги, армія и флотъ и международныя отношенія и, наконецъ, въ 6-мъ—искусство.

„Значеніе книги Г.—читаемъ мы въ предисловіи къ изданію г-жи Поповой—заключается именно въ мастерскомъ подборѣ статей, обрисовывающихъ въ своей совокупности греческую жизнь и глубоко, и широко, и ярко; вслѣдствіе этого она становится одинаково цѣнной какъ въ рукахъ преподавателя, такъ и ученика". Кромѣ того, „разбивая въ строго выдержанной системѣ на отдѣлы и подотдѣлы, она даетъ въ высшей степени удобную схему и прекрасный матеріалъ для рефератовъ учащихся". Съ внѣшней стороны изд. Поповой болѣе чѣмъ приличио. (*И. П. „Вят. Р." 1912—266*).

Въ мастерски подобранныхъ отрывкахъ изъ древнихъ авторовъ, современныхъ писателей или составленныхъ лично Г., настоящій трудъ даетъ живое и яркое описаніе учрежденій, нравовъ и обычаевъ, относящихся къ общественной и частной жизни грековъ. Многочисленныя иллюстраціи передаютъ оригинальные памятники. Въ изд. Поповой, книга приспособлена къ преподаванію въ IV кл. средн. уч. зав. Матеріалъ распредѣленъ въ 6-ти отдѣльн. выпускахъ, чтобы облегчить учащимся пріобрѣтеніе книги; переводъ снабженъ краткими примѣчаніями, поясняющими собственныя имена; рядъ отрывковъ, не подходящихъ къ уровню пониманія этого возраста, выпущенъ. Напр., „юридическое положеніе женщинъ, полюбовный раздѣлъ наслѣдства, разграбленіе наслѣдства, злостныя притязанія на наслѣдство". Выпущены также и нѣсколько фразъ, проводящихъ параллель между греческими и франц. учрежденіями и понятіями и т. д. Количество рисунковъ значительно увеличено. Переводъ хорошъ. (*„Рус. Мысль". 1913—2*).

Книга (въ изд. Николаева) представляетъ полезное пособіе для старшихъ классовъ среднихъ учебн. заведеній и до послѣдняго времени служила единственнымъ дополненіемъ къ учебнику. Въ настоящее время въ ней уже не будетъ чувствоваться такой большой потребности, какъ раньше, потому что въ нашей учебной литературѣ имѣются книги, лучше отвѣчающія запросамъ средней школы. Гиро, тѣмъ болѣе, хорошъ только для старшихъ классовъ, для младшихъ онъ трудевъ. (*А. Дживелеговъ. „Рус. Вѣд." 1913—36*).

448. [. . . . .] 9(47)„1863"(082)

Смутное время въ московскомъ государствѣ. Сборникъ статей съ иллюстр.—„Истор. комиссія учебн. отд. О. Р. Т. Зн.". Редакція В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Пичета. Изд. „Задруга". М. 1912. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ даетъ въ рядѣ статей полную картину великаго московскаго разоренія на рубежѣ XVI—XVII ст. Конечно, какъ всегда бываетъ въ коллективныхъ изданіяхъ, не всѣ очерки слѣдуетъ признать вполнѣ удавшимися, но большая часть статей стоитъ на высотѣ современныхъ научныхъ требованій и по своему изложенію вполнѣ подходитъ какъ для воспитанниковъ старшихъ классовъ средн. учебн. завед., такъ и для лицъ, желающихъ ознакомиться съ интересной эпохой смуты въ небольшомъ по объему и въ хорошемъ по выполненію изданіи. Книга открывается обширной статьей, посвященной московскому государству на порогѣ XVII в., затѣмъ идутъ характеристики дѣятелей смуты и

очерки, посвященные отдѣльнымъ проблемамъ того времени, и завершается сборникъ тремя статьями, въ которыхъ вскрыты экономическія, политическія и культурныя послѣдствія смуты, а также ростъ народнаго самосознанія въ водоворотѣ событій смутной эпохи. Все это показываетъ, какъ широко въ этой книгѣ захвачена смута, а редакція Историч. Комиссіи вполнѣ гарантируетъ отъ того, что въ немъ сохранено научное безпристрастіе и отсутствуетъ тенденціозность въ изложеніи. *(В. Бочкаревъ. „Для Нар. Уч.“ 1913—3).*

Сборникъ безусловно удовлетворяетъ современнымъ научнымъ и педагогическимъ требованіямъ, предъявляемымъ къ популярной литературѣ. Этотъ сборникъ предназначается для учащихся старшихъ классовъ средней школы и заключаетъ въ себѣ значительное количество иллюстрацій въ текстѣ и на отдѣльныхъ листахъ. *(К. Сивковъ. „Вѣст. Восп.“ 1913—2).*

Юбилей побудилъ „Истор. ком. уч. отд. О. Р. Т. Зн.“ на изданіе книгъ и книжекъ къ моменту. Изъ нихъ стоитъ выдѣлить „Смутное время“, сборникъ статей Пичета, Сивкова, Коваленскаго и др. Къ сожалѣнію, слѣды поспѣшности явны на книгѣ. *(А. Изманловъ. „Рус. Сл.“ 1913—39).*

Наиболѣе интересны статьи В. Алексѣева: „Освобожденіе Москвы и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова“ и В. Бочкарева „Современники и смута“. *(„Рус. Молва“. 1913—75).*

Какъ сборникъ, книга имѣетъ, конечно, свои недостатки. Изложеніе не всегда ровное, матеріалъ не всегда равномѣрно распредѣленъ. Но въ общемъ книга, разнообразная по содержанію, даетъ въ сжатомъ видѣ, главнѣйшіе выводы науки. В. Пичаевъ пишетъ о смерти Дмитрія царевича, при чемъ высказываетъ мнѣніе, что онъ былъ убитъ подосланными убійцами, и допускаетъ возможность моральнаго участія въ убійствѣ Годунова. Статья Е. Богровой о названномъ Димитріи менѣе другихъ насъ удовлетворила. Она написана нѣсколько туманнымъ цвѣтистымъ языкомъ. Такой языкъ вряд ли удобенъ и полезенъ тамъ, гдѣ преслѣдуются научныя цѣли. Интересны статьи г. Коваленскаго объ „общественныхъ и политическихъ теченіяхъ Россіи въ эпоху смуты“; г. Катаева о Тушинѣ, г. Рябинина о „внѣшнихъ отношеніяхъ Россіи въ смутное время“, В. Боголюбова „Земщина въ эпоху смуты“, А. Кабанова „Вожди земскихъ ополченій“. Въ книгѣ много рисунковъ. Къ сожалѣнію, редакція не обозначила, откуда она ихъ брала. Это было бы не лишне. Отсутствіе въ книгѣ оглавленія тоже большое неудобство. Книга, во всякомъ случаѣ, очень полезная и для школы, и для самообразованія. Мы ее рекомендуемъ вниманію читателей. *(И. Василенко. „Кіевск. Мысль“ 1913—47).*

* [. . . . .] 92:75

См. порядк. №№ 430/437.

* **Радловъ, Э. Л.** 92(С):1

См. порядк. № 417.

* **Леманъ, Б. А.** 92(Ч):78

См. порядк. № 438.

Новыя книги.

Издателя и авторы приглашаются присылать редакціи „Бюллетеня“ по одному экземпляру вновь выходящихъ книгъ для напечатанія о нихъ своевременно подробныхъ свѣдѣній въ очередныхъ выпускахъ

Общія сочиненія [0]

1413. Гинкель, Ант. 002

О чтеніи и книгахъ. Вып. I. Очеркъ исторіи книгъ и книгохранилищъ. Спб. 1913. Стр. 133. Ц. 70 к.

1414. Ивасчъ, У. Г. 01:92 (Г)

Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. М. 1913. Стр. 64, Съ 2 портр. Ц. 2 р. 75 к.

1415. [.....] 017

Каталогъ книгъ библіотеки Алексѣя Петровича Бахрушина. Книги на иностранныхъ языкахъ. Изд. Имп. Росс. Историч. Музея Имп. Александра III. М. 1913. Стр. 78. Съ рис. Ц. 60 к.

1416. Амфитеатровъ, Александръ. 04

На всякій звукъ. Кн.-во Энергія. Спб. 1913. Стр. 258. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Могло быть хуже. Влюбленная Дума или Аскольдова Могила на новый ладъ. Курьеры выборной эпопеи. О Ѳомѣ и Еремѣ. Такъ не выдумаешь. „Еврейскіе анекдоты“. Бурцовъ. Шиссельбуржцы. Надъ посмертными строками. Рѣчемы. Неузрѣнныя зрѣлища.

1417. Гурьевъ, А. 04

Отъ скуки. Кн. 2. Спб. 1913. Стр. 158. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Таможенная пивизиція. Русская философія. Книжная торговля. Аптеки. Статистика. Либреттисты. Командировки. Народная гигіена. Дамскія прически. Бумажно-денежные инвалиды. Освѣщеніе. Конституція. Гг. петербуржцы. Техника и юриспруденція. Опрощеніе. Балетная эстетика. Синдикаты. Недержаніе рѣчи. Географія. Бюджетная гласность. Аптиніады. Думская канцелярія. Заживо погребенные. Концессіонеры. Перевозы. Финансовый законъ Лавуазье. Культурное рабство. Женскія сбереженія. Турція. Мѣха. Биржевая паника. Оперетка. Бриллианты.

1418. Нордау, Максъ. 081

Собраніе сочиненій. Т. I. М. 1913. Стр. 418. Ц. 1 р.

Содержаніе: Вырожденіе: Ч. 1. Fin de Siècle. Ч. 2. Мистицизмъ. Ч. 3. Эгоизмъ.

1419. Нордау, Максъ. 081

Собраніе сочиненій. Т. II. М. 1913. Стр. 364. Ц. р.

Содержаніе: Ч. 3. Эгоизмъ (продолж.) Ч. 4. Реализмъ. Ч. 5. Двадцатый вѣкъ.

Философія [1]

1420. [.....] 1(08)

Новыя идеи въ философіи. Непериодич. изд., выход. подъ ред. Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова. Сборникъ № 5. Теорія познанія. II. Изд. „Образованіе“. Спб. 1913. Стр. 148. Ц. 80.

Содержаніе: В. Е. Сеземанъ. Теоретическая философія Марбургской школы. Э. Л. Радловъ. Мистицизмъ въ современной философіи. Д. Нельсонъ. Невозможность теоріи познанія. П. Наторпъ. Кантъ и Марбургская школа. Р. Эйслеръ. Сознаніе и бытіе.

1421. Ницше, Фр. 1(Н)

Такъ говорилъ Заратустра. Книга для всѣхъ и ни для кого. Пер. съ нѣм. Ю. М. Антоновскаго Изд. „Жизнь для всѣхъ“. Спб. 1913. Стр. 382. Ц. (не обозн.)—„Безплатн. прилож. ко 2 изд. „Жизнь для всѣхъ.“ за 1913 г.“.

Содержаніе: Отъ переводчика. Предисловіе Заратустры. Рѣчи Заратустры.

1422. Ѳедоровъ, Н. Ѳ. 1 (0)

Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма Николая Ѳедоровича Ѳедорова, изданныя подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. II. М. 1913. Стр. 473. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Статьи религіознаго содержанія. Статьи философскаго содержанія. Статьи о регуляціи природы и объ умиротвореніи. Статьи разнаго содержанія

1423. Тейкмюллеръ, Густавъ. 11

Дѣйствительный и кажущійся міръ. Новое основаніе метафизики. Пер. съ нѣм. Я. Красникова. Казань. 1913. Стр. 396. Ц. 2 р. 50 к.

1424. Мейманъ, Эрнстъ. 15

Экономія и техника памяти. Экспериментальныя изслѣдованія о запечатлѣніи и запоминаніи. Пер. съ 3-го нѣм. изд. пр.-доц. Н. В. Самсонова. Изд. „Космосъ“. М. 1913. Стр. VIII + 246. Ц. 2 р. 50 к.

Религія [2]

1425. Щукинъ, С., свящ. 2 (04)

Около церкви. Сборникъ статей. Изд. „Путь“. М. 1913. Стр. 164. Ц. 1 р.

Содержаніе: Около церкви. Въ мертвецкой. О печали Христа. О смерти и воскресеніи Господа. Современныя думы. Гр. Л. Н. Толстой и о. І. Кронштадтскій.

1426. Бахметева, А. Н. 232 (024.7)

Разсказъ для дѣтей о земной жизни Іисуса Христа. Изд. 17-е. А. Д. Ступина. М. 1913. Стр. 248. Съ рис. Ц. 35 к.

1427. Дорнеръ, І. А., проф. 241

Система христіанскаго нравоученія. (Sistem der christlichen Sittenlehre). Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. Михаила Тарѣева. М. 1913. Стр. XIII+626. Ц. 4 р. 50 к.

1423. Мельниковъ, Ѳ. Е. 281,93.01

Возможно ли объединеніе старообрядчества въ одну церковь (Изъ журн. „Церковь“ за 1912 г.). М. 1913. Стр. 309. Ц. 60 к.

Соціальныя науки [3]

1429. [. . . . .] 323.1 (47)

„Пережитое". Сборникъ, посвященный общественной и культурной исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ IV. Спб. 1912. Стр. VIII + 336 + 81 + + 112 + 4 листа. рис. Ц. 2 р. 50 к.

1430. Булгаковъ, С. 33 (04)

Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Вып. 1. М. 1913. Стр. 232. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Введеніе. Еврейскіе пророки и апокалиптики. Платонъ. Аристотель. Этическія ученія послѣ сократовской эпохи. Экономическая мысль у римлянъ. Раннее христіанство (I — V в.). Средніе вѣка (господствующее міровоззрѣніе). Соціальныя движенія въ средніе вѣка. Теократически-соціальныя идеи Савонаролы. Ренессансъ и Реформація въ ихъ значеніи для экономическаго міросозерцанія.

1431. Орловъ, А. С. 331.825

Первые шаги по организаціи больничной кассы. Съ прилож. Устава больничной кассы.—„Труды секціи по страхованію рабочихъ. Вып. I". Изд. Пост. Ком. Музея Содѣйствія Труду при Моск. Отд. И. Р. Т. О. М. 1913. Стр. 48. Ц. 20 к.

Содержаніе: Введеніе. Уставъ больничной кассы. Задачи первыхъ общихъ собраній кассы и ихъ рѣшеніе. Приложенія. Нормальный уставъ отдѣльной больнич. кассы, утверж. Мин. Торг. и Промышл. 22 декабря 1912 г.

1432. Лурье, Е. С. 331.88

Организація и организаціи торгово-промышленныхъ интересовъ въ Россіи. Подготовительные матеріалы и этюды для характеристики предпринимательскаго движенія. — „Труды студен. Экономич. Отд. Спб. Политехнич. Инст. Имп. Петра В. № 11". Спб. 1913. Стр. XIV + 191. Ц. 1 р. 20 к.

1433. [. . . . .] 333.5 (584)

Матеріалы по киргизскому землепользованію. Ферганская область. Андижанскій уѣздъ. Изд. Главн. Упр. З. и З. Переселенч. Упр. Ташкентъ. 1913. Стр. 108 + 21 + 197. Ц. не обозн.

Содержаніе: Предисловіе. Краткій естественно-истор. очеркъ въ связи съ раздѣленіемъ на естественные районы. Общій очеркъ киргизскаго хозяйства. Нормы киргизскаго землепользованія. Приложенія къ отдѣлу о нормѣ сѣнокосной земли, къ отдѣлу о пастбищной нормѣ. Карта киргизскаго землепользованія. Почвенная карта. Таблицы.

1434. [. . . . .] 334 (02)

Курсы по коопераціи. Сборникъ статей подъ ред. А. А. Мануилова. Т. II. Изд. Моск. город. Народн. ун. им. А. Л. Шанявскаго. М. 1913. Стр. 563. Ц. 3 р.

Содерженіе: Бондаревъ, И. А. Организація и практика учрежденій мелкаго кредита въ Россіи. Кулыжный, А. Е. Кооперативный сбытъ продуктовъ мелкаго хозяйства. Зельгеймъ, В. Н. Организація и практика потребительныхъ О-въ въ Россіи.

1435. Пажитновъ, К. А. 335 (47)

Развитіе соціалистическихъ идей въ Россіи. Т. I. Харьковъ. 1913. Стр. 273. Ц. 2 р.

Содержаніе: Предисловіе. 30-е, 40-е и 50 гг., 60-е, 70-е гг. Народничество въ 80-е и 90-е гг. Возникновеніе марксизма; группа „Освобожденія Труда".

1436. Быховскій, В. В. 347.65 (47)

Духовныя завѣщанія по дѣйствующему русскому законодательству.—„Общедоступное законовѣдѣніе". М. 1913. Стр. 166. Ц. 1 р.

Содержаніе: Систематическій очеркъ дѣйствующаго русскаго законодательства о духовныхъ завѣщаніяхъ. Законы гражданскіе о духовн. завѣщ. съ разъясн. Прав. Сената. Извлеченіе изъ разныхъ частей Св. Законовъ, имѣющихъ отношеніе къ вопросу о духовн. завѣщ. Законъ 3 іюня 1913 г. О расширеніи правъ наслѣдованія по закону лицъ женскаго пола и права завѣщанія родовыхъ имѣній. Образцы духовн. завѣщ. и дѣловыхъ бумагъ. Списокъ основныхъ литературныхъ пособій по вопросу о духовныхъ завѣщаніяхъ.

1437. Любченко, Д. Е. 37

Пенсіонная касса народныхъ учителей и учительницъ. М. 1913. Стр. 223. Съ рис. Ц. 50 к.

1438. Anton, D., prof. 371

О разстройствахъ развитія у дѣтей. Авториз. пер. подъ ред. д-ра М. Б. Шапиро. Кн.-во „Наука". М. 1913. Стр. 72. Ц. 50 к.

Содержаніе: Предисловіе. Формы и причины тѣлеснаго инфантилизма. Психическій инфантилизмъ. Нервныя и душевныя заболѣванія періода полового развитія. Что дѣлать съ отсталыми и дегенеративными дѣтьми?

1439. [. . . . .] 371

Ежегодникъ экспериментальной педагогики. 1912 г. Подъ ред. А. П Нечаева и Н. Л. Румянцева. Спб. 1913. Стр. 220 + 48. Ц. 1 р.

1440. Монтессори, М., д-ръ 371

Домъ ребенка. Методъ научной педагогики. Пер. съ итальян. С. Г. Займовскаго, дополн. по англ. и америк. изд. съ введ. проф. Генри Гольмса. Изд. „Задруга". М. 1913. Стр. 339. Ц. 2 р. 50 к.

Содержаніе: Предисловія автора къ англ. и америк. изд. Введеніе. Критическія соображенія. Исторія методовъ. Общая часть. Какъ давать урокъ. Часть спеціальная. Обыденныя житейскія упражненія. Питаніе и діэта ребенка. Воспитаніе мускуловъ. Вольная гимнастика. Природа въ воспитаніи. Ручной трудъ. Воспитаніе чувствъ. Воспитаніе чувствъ и иллюстраціи дидактическихъ матеріаловъ. Умственное воспитаніе. Пріемы обученія чтенію и письму. Рѣчь у дѣтей. Обученіе счету и введеніе въ ариѳметич. порядокъ упражненій. Общій обзоръ дисциплины. Выводы и впечатлѣнія.

1441. Тутышкинъ, И. 371

Художественная картина въ народной школѣ. М. 1912. Стр. 35. Ц. 15 к.

Изъ предисловія: „Надо только сознать, какъ необходимо ввести художественную картину въ народную школу. Вызвать это сознаніе — единственно смѣлая мысль автора".

1442. Уипплъ, Г. М., проф. 371

Руководство къ изслѣдованію физической и психич. дѣятельности дѣтей школьнаго возраста. Пер. съ англ. М. В. Рапхъ, подъ ред. П. Д. Виноградова. Изд. т-ва „Міръ". М. 1913. Стр. 594. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе къ русс. пере-

воду. Предисловіе автора. Введеніе: Характеръ и цѣль т. н. тестовъ, или испытаній психич. дѣятельности. Общія правила для производства испытаній. Обращеніе съ мѣрами. Испытанія или тесты: Антропометрическія изслѣдованія. Испытанія физической и двигательной способности. Испытанія внѣшнихъ чувствъ, вниманія и перцепціи Испытанія при помощи описаній разсказовъ. Испытанія ассоціацій, выучиванія и памяти. Изслѣдованіе внушаемости. Испытаніе и воображенія и изобрѣтательности. Изслѣдованіе умственнаго капитала. Испытанія, въ видѣ рядовъ постепенно увеличивающейся трудности, для опредѣленія степени развитія.

1443. Фенелонъ. 371

О воспитаніи дѣвицъ. Пер. съ франц. В. Недачина. Съ портр. Фенелона и краткой его біографіею.—„Педагогическая библіотека". Изд. 2-е К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. XIX+101. Ц. 90 к.

1444. Холлъ, Стэнли. 371

Соціальные инстинкты у дѣтей и учрежденія для ихъ развитія. Пер. съ америк. изд. 1911. М. А. Энгельгардта. Подъ ред. Л. Г. Оршанскаго. Изд. газ. „Школа и жизнь". Спб. 1913. Стр. 88. Ц. не обозн.

Изъ предисловія: „Одно имя цѣликомъ характеризуетъ американское научное движеніе въ психологіи и педологіи. Это — С. Холлъ. Въ этой книгѣ, характеризуемой имъ какъ „Будущее педагогики", Х. призываетъ къ пересмотру дѣйствующей системы и организаціи воспитанія на возможно болѣе широкихъ, интернаціональныхъ принципахъ".

1445. Рубакинъ, Н. А. 374

Письма къ читателямъ о самообразованіи. Какъ начинающіе читатели должны приступить къ нему и какъ вести его. Изд. Н. П. Карбасникова Спб. 1913. Стр. 369. Ц. 2 р.

Содержаніе: Знаменіе нашего времени. Всякій желающій можетъ сдѣлать изъ себя дѣйствительно образованнаго человѣка. Что такое образованный интеллигентный человѣкъ. Общій планъ самообразованія. Самообразованіе и личные способности читателя. Кое-что о способности и неспособности къ самообразованію и о количественной и качественной сторонѣ чтенія. Что такое хорошая книга и подходящая книга. Воля и ея дѣло въ процессѣ самообразованія. Кое-что о разныхъ практическихъ вопросахъ и трудностяхъ самообразованія, о вниманіи къ окружающей жизни, о смыслѣ и цѣли жизни. Какія книги слѣдовало бы прочесть во всякомъ случаѣ. Дополненіе. Распространеніе высшаго образованія въ народной средѣ. Основныя задачи библіотечнаго дѣла.

1446. Фуксъ, Эдуардъ. 398

Иллюстрированная исторія нравовъ. Т. II. Галантный вѣкъ. Пер. съ нѣм. В. М. Фриче. Кн-во, „Соврем. Проблемы". М. 1913. Стр. 346. Ц. 6 р.

Содержаніе: Вступленіе. Эпоха абсолютизма. Новый Адамъ и новая Ева. Ливрея разврата. Любовь. Проституція. Гостиница и салонъ.

Чистыя науки [5]

1447. Кононовъ, В. Н. и др. 5

Практическія занятія по естествознанію. Вып. I. Міръ неорганическій. Изд. Тенишевскаго училища. Спб. 1913. Стр. 111. Ц. 50 к.

1448. Карповъ, Вл. 5 (01)

Основныя черты органическаго пониманія природы. Изд. „Путь". М. 1913. Стр. 75. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. Природа и натурфилософія, предварительныя опредѣленія. Основное расчленение природы. Естественныя единицы. Примѣры естественныхъ единицъ. Ихъ свойства. Основной дуализмъ всякаго естественнаго тѣла. Форма и матерія. Субстанціональная форма; чѣмъ она могла быть для физика. „Я" есть форма. Всеобщая одушевленность. Организація вселенной. Обычное отношеніе къ міру. Понятіе среды и математическіе способы ея выраженія. Коллективы. Натурфилософія и ариѳметика. Связи между естественными тѣлами. Динамическая натурфилософія. Естественное бытіе, какъ процессъ. Движеніе, сила, пространство, время. Циклъ существованія, или „вѣкъ" естественнаго тѣла. Принципы максимума и минимума. Эволюція въ природѣ. Міровой процессъ. Метафизика и натурфилософія. Приложеніе: Натурфилософія и ученіе о постоянствѣ матеріи и энергіи.

1449. Бертранъ, Жозефъ. 512

Алгебра Ч. I, пересмотр. Ж. Бертраномъ и Г. Гарсе. Пер. съ послѣдн. (18-го) франц. изд. М. В. Пирожкова. Изд. 3-е, кн.-ва „Прометей" Н. Н. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 282. Ц. 3 р.

Содержаніе: Предисловіе. Предварительныя понятія. Алгебраическое исчисленіе. Уравненія первой степени. Уравненія второй степени. Прогрессіи и логариѳмы. Прибавленіе: Упражненія. Рѣшенія.

1450. Планкъ, Максъ, проф. и **Пуанкарэ, Анри,** проф. 536

Новѣйшія теоріи въ термодинамикѣ. (Теорема теплоты Нернста и гипотеза квантъ). Пер. съ нѣм. С. А. Алексѣева. Изд. „Физика". Спб. 1913. Стр. 64. Ц. 40 к.

1451. Скаловскій, А. Н. 537/8

Микрокосмосъ и Макрокосмосъ. Электро-біо-химическіе этюды. Спб. 1913. Стр. 346 + 1 табл. Ц. 2 р.

Содержаніе: Электромонизмъ въ природѣ. Органическое электричество. Специфическіе электроны. Электричество и химизмъ. Электромагнитизмъ, радіоактивность и идовитость Электромагнитизмъ и бѣлковыя вещества. Электромагнитизмъ, тяжесть, свѣтъ и сродство. Электромагнитныя колебанія пространства и ихъ роль въ ходѣ неорганической жизни на землѣ. Примѣчанія, приложенія, литература.

1452. [. . . . .] 54 (08)

Новыя идеи въ химіи. Непериодич. изд., выход. подъ ред. проф. Л. А. Чугаева. Сборникъ № 2. Радіоактивныя вещества I. Изд. „Образованія". Спб. 1913. Стр. 138. Ц. 80 к.

Содержаніе: Предисловіе. В. А. Бородовскій. О радіоактивности. Э. Рётзерфордъ и Г. Гайгеръ. Электрическій способъ подсчета α — частицъ изъ радіоактивныхъ веществъ.—Зарядъ и природа α — частицы. Г. Гайгеръ. О разсѣяніи α — частицъ. О. Ганъ. О явленіяхъ радіоактивнаго отбрасыванія. В. Брэггъ. Аппаратъ для опредѣленія пробѣга α — частицъ. — Нѣко-

торыя особенности въ іонизаціи газовъ подъ вліяніемъ α — частицъ. — Іонизація различныхъ газовъ подъ вліяніемъ α — частицъ.

1453. Рамзай, Вильямъ, проф. 546

Элементы и энергіи. (Рѣчь, произнес. при открытіи Портсмутскаго съѣзда. Британской Ассоціаціи въ августѣ 1911.). Пер. съ англ. С. А. Алексѣева. Изд. „Физика". Спб. 1913. Стр. 36. Ц. 25 к.

1454. Колосовъ, М. А. 57

Жизнь человѣка до рожденія. М. 1913. Стр. 48. Ц. 40 к.

Изъ вступленія. Цѣлью настоящей книжечки является желаніе въ общедоступной формѣ познакомить читателя съ тѣмъ, какъ зарождается человѣкъ, и какъ онъ развивается въ организмѣ матери до момента своего рожденія.

1455. Предтеченскій, В. Э. 578:61

Руководство къ клинической микроскопіи для врачей и студентовъ. Изд. 4-е, испр. и доп. М. 1913. Стр. XVI + 263. + 19 табл. рис. Ц. 3 р. 50 к.

1456. Шагренъ де-, К. 579

Приготовленіе біологическихъ коллекцій дешевымъ способомъ. Изд. 2-е, Э. П. Блэкъ. Спб. 1913. Стр. 109. Съ рисун. Ц. 60 к.

Содержаніе: Отъ автора. Что, гдѣ и какъ собирать. Сохраненіе растеній различными способами и приготовленіе частей растеній. Различные разрѣзы деревьевъ. Приготовленіе сосудовъ и сосудистоволокнист. пучковъ разныхъ частей растенія. Гнѣзда, норы и яйца животныхъ. Приготовленіе и сохраненіе личинокъ и куколокъ насѣкомыхъ. Біологическія коллекціи по измѣняемости растеній и животныхъ, по охранительной окраскѣ. Насѣкомыя, водящіяся въ извѣстной корѣ. Біологическіе препараты: по опыленію растеній, по защитѣ растенія отъ испаренія и др., съ натуральной почвой. Приготовленіе модолей и группъ изъ массы и изъ торфа. Накалываніе насѣкомыхъ и расправленіе бабочекъ. Нѣкоторые анатомич. препараты животныхъ. Сохраненіе растеній и животныхъ въ жидкостяхъ. Коллекція плодовъ. Нѣкоторыя пособія для описанныхъ коллекцій. Храненіе сырого матеріала для коллекцій. Сохраненіе ихъ. Опредѣленіе собраннаго матеріала. Сношенія съ учеными учрежденіями и обмѣнъ коллекціями. Пересылка коллекцій. Темы для самостоятельныхъ работъ учащихся естествовѣдѣнію съ біологич. основою.

1457. Крепелинъ, Карлъ, проф. 58/9

Въ зеленомъ саду. О жизни растеній и животныхъ сада. Пер. съ нѣм., съ измѣн. и дополн. для русс. изд. С. А. Порѣцкаго. — „Библ. для дѣтей и юношества, подъ ред. П. Горбунова-Посадова. № 40". Изд. 2-е. М. 1912. Стр. 279. Съ рис. Ц. 80 к.

Содержаніе: Восемнадцать растенія. Составленіе гербарія. Дождевые черви. Устройство грядокъ. Огородныя растенія. Ядовитыя растенія. Майскій жукъ. Вліяніе свѣта на животныхъ. Свѣтящіяся животныя. Движеніе соковъ въ растеніи. Прививка. Окулировка. Сланцы. Перелетъ птицъ. Грибы сада. Пилильщики. Средства защиты у животныхъ. Сорныя растенія. Средства защиты растеній отъ нападенія животныхъ. Жабы. Измѣнчивость окраски. Заботы животныхъ о своемъ потомствѣ. Средства защиты растеній отъ зноя, избытка свѣта, дождя и вѣтра. Травяныя тли. Полезныя растенія и садовые цвѣты. Воспитаніе растеній. Гнѣзда осъ, пчелъ, шмелей и муравьевъ.

Прикладныя науки [6]

* **Предтеченскій, В. Э.** 61:578

См. пор. № 1455.

1458. Мюллеръ, І. П. 613.71

Моя система для дамъ. Съ портр. и 98 иллюстр. Пер. съ англ. Изд. „Сотрудникъ". Спб. 1913. Стр. 95. Ц. 1 р.

1459. Рост шинскій, М., д-ръ. 616

Чахотка, какъ діатезъ. Проблема раціональнаго питанія туберкулезныхъ. Изд. 2-е. Симферополь. 1912. Стр. 57. Ц. 50 к.

1460. Siegel, W., Dr. 616

Карманная книга по терапіи болѣзней сердца. Пер. съ нѣм. д-ра П. Д. Жегалкина, под. ред. проф. В. Е. Предтеченскаго. М. 1913. Стр. 111. Ц. 75 к.

Изъ предисловія проф. Крауса: Книга... полно, наглядно и избирательно излагаетъ лишь практически примѣнимое... заслуживаетъ рекомендаціи, какъ одна изъ лучшихъ.

1461. Strümpell, Adolf, Dr. 616

Учебникъ частной патологіи и терапіи внутреннихъ болѣзней. Для студентовъ и врачей. Томъ II. Пер. д-ра З. С. Серебренникова, просм. и доп. д-мъ Г. С. Канцель. Изд. 8-е, „Практич. Медицина." Спб. 1913. Стр. VII + 962. Съ 3 таб. рис. Ц. 9 р. за оба тома.

1462. Пантелѣевъ, В. П., инж.-техн. 62

Вода, топливо, печи. Руководство для технич. и промышл. училищъ. Изд. К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. 231. Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе: Вода. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ курса теплоты. Топливо. Приборы для сжиганія топлива. Литература по каждому отдѣлу.

1463. Сапѣгинъ, А. А. 63

Законы наслѣдственности, какъ основа селекціи сельско-хоз. растеній. Изд. П. О. С. Х. Южной Россіи. Одесса. 1912. Стр. 105. Съ рис. Ц. 50 к.

1464., Розенъ, І. Б. 63(73)

Агрономическая помощь населенію въ Соед. Штатахъ Сѣверной Америки. Екатеринославъ. 1912. Стр. 326+VII+XI. Ц. 2 р. 40 к.

1465. Ельманова, Е. 633

Наши комнатныя растенія.—„Библ. П. Горбунова-Посадова. № 158". Изд. 2-е. М. 1912. Стр. 39. Съ рис. Ц. 11 к.

Содержаніе: Комнатныя растенія зимой и весной. Болѣзни комнатныхъ растеній. Комнатныя растенія лѣтомъ.

1466. Беттнеръ, І. 634

Садоводство для начинающихъ любителей. Декоративный садъ и цвѣтникъ. Огородъ. Плодовый садъ. Пер. подъ ред. П. Н. Штойнберга. Изд. П. П. Сойкина. Спб. 1913. Стр. 407. Съ рис. Ц. 2 р.

1467. Іевлева, Н. 636

Кролиководство. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 116. Ц. 25 к.

1468. Функъ, Викторъ. 636
Уходъ за рогатымъ скотомъ. Пер. съ нѣм. М. Розенфельдъ. Подъ ред. В. А. Харченко. Руководство къ раціональному разведенію, кормленію и содержанію рогатаго скота и къ раціональному пользованію имъ. М. 1913. Стр. 301. Ц. 80 к.

1469. Николаева, Ев. М. 64
Учебникъ домоводства. Стирка и глаженье. Спб. 1913. Стр. 72. Ц. 40 к.

Изящныя искусства [7]

1470. Рейнахъ, Соломонъ. 7(09)
Аполлонъ. Исторія пластическихъ искусствъ. Авториз. пер. съ послѣдн. (6-го) франц. изд., подъ ред. прив.-доц. П. В. Самсонова, съ дополнит. очеркомъ исторіи искусства въ Россіи. Изд. „Проблемы эстетики". М. 1913. Стр. 397. Съ рис. Ц. 3 р. 25 к.

1471. Грабарь, Игорь. 7(47)
Исторія русскаго искусства. Вып. 17. Изд. І. Кнебель. Спб. 1913. Стр. 449—584. Съ 113 рис.

* **Абрамъ, Карлъ, д-ръ.** 7:92(А)
См. пор. № 1517.

1472. Маркеловъ, Г. И. 701
Этюды по психологіи искусства. Спб. 1913. Стр. 138. Ц. 1 р.
Содержаніе: Психологическія основы и задачи искусства. О творчествѣ въ искусствѣ. Искусство и міросозерцаніе.

1473. Тэнъ, И. 701
Лекціи объ искусствѣ. (Философія искусства). Ч. V. Идеалъ въ искусствѣ. Пер. съ франц. П. Соболевскаго.—„Универс. библіот. № 667". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 106. Ц. 10 к.
Содержаніе: Предметъ и методъ изслѣдованія. Смыслъ слова идеалъ. Виды и степени идеала. Степень значительности характера. Степень благотворности характера. Степень координаціи производимыхъ впечатлѣній.

1474. [. . . . .] 72(05)
Ежегодникъ общества архитекторовъ-художниковъ. Вып. VII. Спб. 1912. Стр. 186+CII. Съ рис. Ц. 4 р. 50 к.

1475. Бондаренко, И. Е. 72:92(К)
Архитекторъ Матвѣй Федоровичъ Казаковъ. 1733—1812. Изд. „Моск. архитектурн. о-ва". М. 1913. Стр. 45+13 лист. рис. Ц. 3 р.

1476. Бенуа, Александръ. 75(09)
„Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ". Ч. I. Пейзажная живопись. Вып. 5. Изд. „Шиповникъ". Спб. 1913. Стр. 457+552. Съ рис.

1477. [. . . . .] 75(47)
Императорскій Эрмитажъ.—Альбомъ картинной галереи. Часть I. Итальянская и испанская живопись. Изд. Имп. Эрмитажа. Спб. 1912. Стр. 373. Рис. Ц. не обозн.

1478. Римскій-Корсаковъ, Н. А. 78
Основы оркестровки съ партитурными образцами собственныхъ сочиненій. Подъ ред. Максимиліана Штейнберга. I (текстъ). Изд. „Росс. муз. изд.". Спб. 1913. Стр. XIV+180. Ц. за 2 тома 5 р.

* **Фридъ, С. Б.** 78:92(Д)
См. пор. № 1519.

1479. Волконскій, Сергѣй, кн. 792
Выразительный человѣкъ. Сценическое воспитаніе жеста (по Дельсарту). Изд. „Аполлонъ". Спб. 1913. Стр. 219. Съ иллюстр. и отд. табл. Ц. 2 р.
Содержаніе: Введеніе. Семіотика. Статика. Динамика. Упражненія. Библіографія.

1480. Всеволодскій, В. (Гернгроссъ). 792(47)
Исторія театральнаго образованія въ Россіи. Т. I (XVII и XVIII вв.) Изд. Дирекціи Имп. театровъ. Спб. 1913. Стр. 463+XXII. Ц. 3 р. 25 коп.

Литература [8]

1481. [. . . . .] 8—8
Цвѣтникъ. Сборникъ разсказовъ. Съ предисл. Л. Н. Толстого. Изд. „Посредника", № 34. М. 1912. Стр. 124. Ц. 15 к.
Изъ предисловія: Въ этой книгѣ, кромѣ разсказовъ, въ которыхъ описываются истинныя происшествія, собраны еще исторіи, преданія, сказанія, легенды, басни, сказки — такія, какія были составлены и написаны на пользу людей. Мы избрали такія, какія мы считаемъ согласными съ ученіемъ Христа и потому считаемъ добрыми и правдивыми.

1482. Фриче, В. 8.09(4—15)
Поэзія кошмаровъ и ужаса. Нѣсколько главъ изъ исторіи литературы и искусства на Западѣ. Съ карт. худ. Дюрера, Гойи, Ропса, Бердслея и др. Изд. „Сфинксъ". М. 1912. Стр. 343. Ц. 3 р. 50 коп.
Содержаніе: Средніе вѣка. (Эпоха натуральнаго хозяйства). Ренессансъ. (Возникновеніе и крушеніе торговаго капитализма). Отъ Рококо къ Романтизму. (Разложеніе стараго порядка). Романтизмъ. (Возникновеніе промышленнаго капитализма). Модернизмъ. (Апогей капитализма).

1483. Лондонъ, Джекъ. 82(73)—3
Полное собраніе сочиненій. Т. II. Законъ жизни. Аляскинскіе разсказы. Съ иллюстр. Авториз. пер. съ англ. М. А. Андреевой. Изд. 2-е, І. А. Маевскаго. М. 1913. Стр. 274. Ц. 1 р.
Содержаніе: Законъ жизни. Колдунъ. Хвастунъ. Кишъ, сынъ Киша. Свѣтлоокая Ли-Вань. Лига стариковъ. Сундэндеры. Женское сердце. Смерть Лигуна. Латъ-Латъ. Законъ сѣвера.

1484. Лондонъ, Джекъ. 82(73)—3
Полное собраніе сочиненій. Т. XV. Любовь къ жизни. Авториз. пер. съ англ. М. Андреевой. Изд. І. А. Маевскаго, М. 1913. Стр. 228. Ц. 1 р.
Содержаніе: Любовь къ жизни. Бурый Волкъ. Неожиданное. Правда бѣлыхъ людей. Трусь Лагорь. Исторія Киша. Дорога ложнаго солнца. На стоянкѣ.

1485. Зудерманъ, Германъ. 83—2
Доброе имя. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Пер. съ рукописи Э. Э. Маттерна. Единств. пер., разрѣш. авторомъ. Изд. Гросманъ и Кнебель. М. 1912. Стр. 144. Ц. не обозн.

1486. Гюго, Викторъ. 84—3
Собраніе сочиненій. Ред. и критико-біограф. очеркъ пр.-доц. П. Когана. Т. IV и V. Соборъ

Парижской Богоматери. Ч. 1 и 2. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 352+420. Ц. 2 р. 50 коп.

1487. Лукрецій. 87

О природѣ вещей. Пер. И. Рачинскаго.—„Памятники міровой литературы. Античные писатели". Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1913. Стр. 254. Ц. 2 р. 25 к.

Изъ предисловія: „Въ ряду замѣчательнѣйшихъ обломковъ классической древности человѣчество унаслѣдовало ученіе Эпикура... Въ первой половинѣ I в. до Р. Х. Эпикурово ученіе нашло своего истиннаго и строгаго толкователя въ лицѣ геніальнаго римскаго поэта Т. Лукреція Кара".

1488. Клюевъ, Николай. 891.7—1

Лѣсныя были. Книга третья. Изд. К. Ф. Некрасова. М. 1913. Стр. 75. Ц. 60 к.

Содержаніе: Дѣвичья. Плясея. Полюбовная и др. стихотворенія.

1487. Штернъ, Евгенія. 891.7—1

Современные русскіе лирики 1907 — 1912 гг. Стихотворенія. Изд. А. Л. Попова. Спб. 1913. Стр. 325+X. Ц. 2 р.

1490. Абельдяевъ, Д. А. 891.7—3

Тѣнь вѣка сего. (Записки Абашева). Романъ въ 5-ти частяхъ. М. 1913. Стр. 701. Ц. 3 р.

1491. Айзманъ, Д. Я. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. V. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 319. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Послѣ бури. Удушье. Лѣсникъ Зозуля. Разсказы. Тревога. Улица. Врозь. Жены. Пьеса. Новобранецъ Илюшка. Разсказъ.

1492. Амфитеатровъ, Александръ. 891.7—3

Раздѣлъ. Романъ. Кн-во „Прометей", Н. П. Михайлова. Спб. 1913. Стр. 455. Ц. 2 р. 25 к.

1493. Голубковъ, В. 891.7—3

Пособія для веденія устныхъ и письменныхъ сочиненій. Вып. I. Изложеніе и передѣлки разсказовъ. М. 1912. Стр. 100. Ц. 45 к.

1494. Коропчевскій, Д. А. 891.7—3

Дѣти каменнаго вѣка. Разсказъ изъ давняго прошлаго. Изд. 2-е, К. И. Тихомирова. М. 1913. Стр. 73. Съ 5 рис. Ц. 30 к.

Содержаніе: Въ лѣсу. Въ пещерѣ. На охотѣ. Товарищи. Опасное предпріятіе. Неожиданная удача. Соперникъ молодыхъ охотниковъ. Учитель Эда. Разсказы стараго Мока. Изобрѣтеніе Эда. Облава на мамонта. Пиръ. Сватовство Эда. На новомъ мѣстѣ. Большой шагъ впередъ.

1495. Маминъ-Сибирякъ, Д. Н. 891.7—3

Горное гнѣздо. Романъ. Изд. 3-е. М. В. Аверьянова. Спб. 1912. Стр. 401. Ц. 1 р. 50 к.

1496. Муйжель, В. В. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Т. VIII и IX. Годъ. Ч. 1 и 2. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1911. Стр. 508+376. Ц. 2 р. 50 к.

1497. Толстой, Л. Н. 891.7—3

Собраніе сочиненій. Ред., вступ. статьи и примѣч. А. М. Хирьякова. Съ иллюстр. Серія II. Ч. I. Чѣмъ люди живы и др. разсказы. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. 1913. Стр. 326. Ц. 1 р.

Содержаніе: Чѣмъ люди живы? Упустишь огонь—не потушишь. Свѣчка. Два старика. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ. Тексты къ лубочнымъ картинкамъ. Сказка объ Иванѣ-дуракѣ. Какъ чертенокъ крашку выкупалъ. Первый винокуръ. Народныя легенды. Смерть Ивана Ильича.

1498. Архангельскій, А. С. 891.7.09

Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Литература московскаго государства (кон. XV—XVII вв.). Казань. 1913. Стр. 526+LXXXVII. Ц. 4 р. 50 к.

1499. Булгаковъ, С. Н. 891.7.09

Человѣкобогъ и человѣкозвѣрь. По поводу послѣднихъ произведеній Л. Н. Толстого. „Дьяволъ" и „Отецъ Сергій". Публичная лекція № 2. Кн-во „Творчество". М. 1913. Стр. 47. Ц. 30 к.

1500. Овсянико-Куликовскій. 891.7.09

Собраніе сочиненій. Томъ I. Гоголь. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 4-е. Спб. 1912. Стр. 197. Ц. 1 р.

1501. Овсянико-Куликовскій. 891.7.09

Собраніе сочиненій. Томъ IV. Пушкинъ. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской, 2-е. Спб. 1912. Стр. 214. Ц. 1 р.

1502. Винниченко, В. 891.79—3

Разсказы. Пер. съ украинскаго. Т. III. Изд. „Москов. кн-ва". М. 1913. Стр. 305. Ц. 1 р. 25 к.

Содержаніе: Федька-Халамидникъ. Красота и сила. Мнимый господинъ. Зина. У молотилки. Таинственность. Исторія Акимова зданія.

1503. Кузьминскій, Конст. 891.81.09

Болгарскій сборникъ. „Библ. Наука, искусство, литература. № 20". Изд. „Звѣзда", Н. Орфенова. М. (1913). Стр. 256. Ц. 1 р.

Содержаніе: Предисловіе. Очеркъ развитія новой болгарской литературы. Народная поэзія болгаръ. Стихотворная поэзія болгаръ. Поэзія освободительнаго періода. Новѣйшая поэзія болгаръ. Болгарская проза.

1504. Пшибышевскій, Ст. 891.85—3

Освобожденіе. Романъ. Вторая часть. „Сильнѣе человѣка". Единств. разрѣшен. авторомъ пер. съ рукописи. Витольда Ахрамовича. Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 238. Ц. 75 к.

1505. Барановъ, Е. 899.96

Сказки кавказскихъ горцевъ. Рис. худ. В. Комарова. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 210. Съ рис. Ц. 75 к.

Исторія и географія [9]

1506. Гартманъ, Л. М. 9(3)

Паденіе античнаго міра. Шесть общедоступ. лекцій. Пер. съ нѣм. Л. Гальперина. „Универс. библ. № 665—666". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 145. Ц. 20 к.

Содержаніе: Экономическое, политическое и религіозное развитіе. Германцы и ихъ переселеніе. Основаніе романо-германцами королевствъ. Германо-романскія королевства и франки.

1507. Петрушевскій, Д. М., проф. 9(3)

Общество и государство у Гомера. Опытъ

историч. характеристики. Изд. 2-е „Задруга". М. 1913. Стр. 60. Ц. 20 к.

1503. Коваленскій, Михаилъ. 9(47)(075)
Русская исторія. Для средн. школы и самообразованія. Ч. 2-я. Московское государство. Вып. I. М. 1913. Стр. VI+354+IV. Съ рис. и карт. Ц. 1 р. 10 к.

1509. Коваленскій, М. Н. 9(47)„1613"
Московская смута XVII в., ея смыслъ и значеніе. Историч. очеркъ. — „Универс. библіот. № 674". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 106. Ц. 10 к.

Содержаніе: Что такое была московская смута? Какъ современники объяснили смуту? Московское государство передъ смутой. Смута и реакція на смуту. Результаты смуты. Мѣсто московской смуты въ исторіи Россіи и Европы.

1510. Пичета, В. И. 9(47)„1613"
Смутное время въ московскомъ государствѣ. Причины, ходъ и слѣдствія Смуты. Историч. очеркъ. — „Универс. библіот. № 670—671". Изд. „Польза", В. Антикъ и К° М. 1913. Стр. 177. Ц. 20 к.

Содержаніе: Московское государство во второй половинѣ XVI в. Партійная борьба. Ликвидація Смуты.

1511. Богрова, Е. 9(47)„1613" : 92(Д)
Дмитрій I. Историч. очеркъ изъ эпохи Смутнаго времени. — „Универс. Библіот. № 673". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 103. Ц. 10 к.

1512. Филатовъ, В. В. 9(47) : 929(Р)
Родъ бояръ Романовыхъ. Историч. очеркъ. — „Универс. библіот. № 672". Изд. „Польза", В. Антикъ и К°. М. 1913. Стр. 72. Ц. 10 к.

Содержаніе: Происхожденіе рода Кошкиныхъ-Романовыхъ. Кошкины-Романовы на службѣ у московскихъ государей. Захарьины-Романовы, родственники государей. Романовы въ эпоху смуты. Приложеніе: Родословная Романовыхъ.

1513. Петрушевскій, Д. М. 9„04 : 15"
Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изд. 3-е, испр. и доп. „Научн. Слова". М. 1913. Стр. VI+380. Ц. 2 р. 60 к.

Содержаніе: Предисловіе. Введеніе. — Задачи и методы науки всеобщей исторіи. Государство и общество Римской имперіи. Обществ. и политич. строй древнихъ германцевъ. Англосаксонское развитіе. Общая характеристика остготскаго королевства въ Италіи. Политич. и обществ. строй франковъ и его эволюція. Заключеніе.

1514. Щепкина-Куперникъ, Т. Л. 91(04)
Письма изъ далека. Т. II. М. 1913. Стр. 360. Ц. 1 р.

Содержаніе: Мадридъ. Біарицъ. Уголокъ счастья. Рагузъ Sunny Jersey. Немножко исторіи. Маленькая утопія. Будущіе граждане. По островамъ. Mont S.-Michel. По дорогѣ въ Швейцарію. Швейцарія. Лозанна. Эсгавайе. Нашъ отель. Изъ альбомныхъ впечатлѣній. Обергамергау. По Испаніи.

1515. Кащенко, Б., и др. 91(—17)
Жизнь Сѣвера. Картины для вырѣзыванія и наклеиванія. Составили: С. Агаповъ, Б. Кащенко, Цвѣтаева, В. Шереметевскій. Рисунки В. Ватагина. Текстъ Б. Кащенко. Изд. Моск. Гор. Скл. Учебн. Пособій. М. 1913. Стр. 2. Съ 8 листъ. картинъ Ц. 1 р.

1516. Лесгафтъ, Э. 91(47)(075)
Курсъ географіи Россіи для VI и VII кл. кадет. корп. Вып. III. Обзоръ хозяйственной дѣятельности Россіи. Спб. 1913. Стр. 179. Ц. 1 р.

1517. Абрагамъ, Карлъ, д-ръ. 92(А) : 7
Джіованни. Сегантини. Психоаналитич. этюдъ. Авториз. пер. съ нѣм. Е. А. Цакни, подъ ред. д-ра М. В. Вульфъ. Изд. „Жизнь и душа" Одесса. 1913. Стр. 84. Ц. 50 к.

Изъ предисловія: Среди современныхъ намъ художниковъ С. несомнѣнно выдѣляется, какъ мощная и оригинальная художественная индивидуальность. Его развитіе, его внѣшняя и внутренняя жизнь, вся его творческая дѣятельность и его произведенія до такой степени своеобразны, что они ставятъ индивидуальную психологію предъ цѣлымъ рядомъ не рѣшенныхъ проблемъ. Освѣтить эти проблемы съ точки зрѣнія психоаналитическаго изслѣдованія — такова задача настоящей книги.

1518. Мережковскій, Д. 92(А) : 8
Александръ Первый. Т. I и II. Изд. т-въ М. О. Вольфъ и П. Д. Сытина. Спб. и М. 1913. Стр. 335+343. Ц. 2 р. 50 к.

* **Ивaскъ, У. Г.** 92(Г) : 01
См. пор. № 1414.

1519. Фридъ, С. Б. 92(Д) : 78
Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій (2 февр. 1813 г. 2 февр. 1913 г.). Краткій біографич. очеркъ, съ предисл. Цезаря Кюи. Съ портретомъ. Спб. 1913. Стр. 60. Ц. 20 к.

* **Богрова, Е.** 92(Д) : 9(47)„1613"
См. пор. № 1511.

1520. Лукашевичъ, Клавдія. 92(К)
Чудный огонекъ жизни. Повѣсть о томъ, какъ слѣпая, глухая и нѣмая окончила университетъ. (Изъ жизни американки Елены Келлеръ). Изд. т-ва И. Д. Сытина. М. 1913. Стр. 254. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

* **Бондаренко, И. Е.** 92(К) : 72
См. пор. № 1475.

1521. Мережковскій, Д. С. 92(П) : 8
Полное собраніе сочиненій. Т. XV². Павелъ I. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1913. Стр. 146. Ц. 1 р.

* **Филатовъ, В. В.** 929(Р) : 9(47)
См. пор. № 1512.

Содержаніе журналовъ.

„Вопросы Философіи и Психологіи". (1913—1; янв.—февр.) В. М. Хвостовъ. Этика Метерлинка.—Н. О. Лосскій. Преобразованіе понятія сознанія въ современной гносеологіи и роль Шуппе въ этомъ движеніи.—Л. М. Лопатинъ. Монизмъ и натурализмъ.—М. М. Рубинштейнъ. О цѣляхъ и принципахъ педагогики.—В. П. Нуцубидзе. Бэкономъ и теорія науки.—Критика и библіографія.—Московское Психологическое Общество.

„Вѣра и Разумъ". (1913—3). Свящ. І. Дмитріевскій. Гдѣ рай? — П. Фруктовъ. Поло-

женіе новгородскихъ владыкъ отъ крещенія Новгорода и до подчин. его Москвѣ. (Окончъ.)—Прот. П. Ѳоминъ. Церковныя древности Харьк. края.—П. С. Прокинъ. Познаніе сверхчувственнаго міра. (Продолж.)—Свящ. Г. Н. Корсунъ. Вѣра безъ твердой почвы.—Прот. І. Пичета. Факты и воспом. изъ жизни герцеговинца на службѣ по духовно-учебн. вѣдомству. (Продолж.)

„Вѣстникъ Воспитанія“. (1913—2). Прив.-доц. М. М. Рубинштейнъ. Нравственный характеръ и пути къ его воспитанію.—А. Мартыновъ. Отто Рюле объ основныхъ вопросахъ воспитанія. Проф. И. Д. Шишмановъ. Учебное и культурно-просвѣтительное дѣло въ Болгаріи.—Проф. А. Нечаевъ. О новомъ методѣ обученія чтенію. Е. Звягинцевъ. Наша инспекція народныхъ училищъ. (Продолж.)—Л. Синицкій. Англійскія и французскія среднія школы.—С. Русовъ. Къ національнализаціи начальной школы на окраинахъ Россіи.—Критика и библіографія.—Хроника.

„Вѣстникъ Европы“. (1913—1). М. Горькій. По Руси. (Изъ впечатл. проходящаго).—П. Соловьевъ. Два Содома, стих.—Д. Айзманъ. Дѣти. Очеркъ первый. Жоржъ и Тараска.—И. Бунинъ. Лѣтняя ночь, стих.—Г. П. Вырубовъ. Революціонныя воспоминанія. (Герценъ, Бунинъ, Лавровъ).—Письма А. И. Герцена къ Г. Н. Вырубову. 1866—1869.—С. Аникинъ. Холерный годъ.—В. Погодина. Большіе и маленькіе.—Амэри. Изъ Андро Шенье, стих.—Э. Хусидъ. Очеркъ современной испанской живописи.—М. Ковалевскій. Судьба Балканъ.—В. Т-ва. (Починковская). Памяти М. М. Стасюлевича.—Р. Голлендеръ. Клятва Стефана Гуллера. Перев. съ нѣм. З. Журавской.—Вл. Набоковъ. Книга А. Ѳ. Кони „На жизненномъ пути“, т. II.—Діонео. Письма изъ Лондона.—Бѣлоруссовъ. Письма изъ Парижа. Франція и Балканскія событія.—К. Тимирязевъ. Новая книга И. И. Мечникова.—Л. Слонимскій. Романтики стараго режима.—В. Анушкинъ. Славяно-греко-турецкая война 1912 г.—Л. Антошенко. Германская рожь на русскихъ рынкахъ.—П. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Литературное обозр.—Л. Слонимскій. Иностранное обозр.—К. Арсеньевъ. Правыя партіи въ четвертой Думѣ и правительственная декларація.—Вопросы обществ. жизни.—Библіографическій листокъ.

„Вѣстникъ Европы“. (1913—2). М. Горькій. По Руси. (Изъ впечатл. проходящаго).—Д. Айзманъ. Дѣти. Прокопъ.—И. Бунинъ. Пѣсня, стих.—Г. П. Вырубовъ. Революціонныя воспоминанія. (Герценъ, Бакунинъ, Лавровъ).—Письма М. А. Бакунина къ Г. Н. Вырубову. 1867—1869.—А. Тыркова. Жизненный путь, ром.—Б. Зайцевъ. Вечерній часъ.—Т. Ефименко, стих.—А. Лучинская. Ожидаемый законъ.—В. Вѣтвицкій. Прабабушка, стих.—М. Туганъ-Барановскій. Соціалистическія общины послѣдователей Оуэна и Фурье.—Е. Колтоновская. Въ сторонѣ отъ главнаго русла. Д. Н. Мамина-Сибирякъ.—Р. Голлендеръ. Клятва Стефана Гуллера. (Продолж.) Перев. съ нѣм. З. Журавской.—Д. Гриммъ. Хроника. Видимая законность и скрытое усмотрѣніе.—В. В. Новый моментъ эволюціи капиталистической организаціи производства.—М. А. Осоргинъ. О Балканскихъ „звѣрствахъ“. Р. Стрѣльновъ. Два съѣзда. (Письмо изъ Берлина).—В. Анушкинъ. Славяно-греко-турецкая война 1912 г. (Окончъ.)—Е. Флейтцъ. Первый всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ.—И. Жилкинъ. Провинціальное обозрѣніе.—Л. Слонимскій. Новое о Гамбеттѣ.—Литературное обозрѣніе.—Иностранное обозр.—Вопросы внутренней жизни.—Библіографическій листокъ.

„Голосъ Минувшаго“. (1913—2). В. И. Пичета. Смута и ея отраженіе въ трудахъ историковъ.—А. А. Чебышевъ. Драма въ Мангеймѣ (къ біографіи Коцебу).—Л. С. Козловскій. Польскіе романтики „Украинской школы“. І. Северинъ Гощинскій.—И. И. Игнатовъ. Театръ и зрители (зрители въ Россіи въ нач. XIX в.)—В. И. Семевскій. М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.—Дневникъ Э. Дюмона о пребываніи его въ Россіи 1803 г. Съ предисл. С. М. Горлянова.—Записки А. В. Поджіо. Сообщ. А. И. Яковлевъ.—П. Д. Боборыкинъ. За полвѣка.—Дѣло о декабристѣ кн. В. М. Голицынѣ. Сообщ. В. И. Семевскій.—Н. П. Огаревъ. Сообщ. М. О. Гершензонъ.—Изъ дневника А. П. Эртеля. Сообщ. Н. Л. Бродскій.—Критика и библіографія.

„Для Народнаго Учителя“. (1913—4). И. Гутеръ. Первый всероссійскій съѣздъ по семейному воспитанію.—П. В. Цезарь Павловичъ Балталовъ. Н. Р. Педагогическое значеніе внимянія.—И. Ровичъ. Новые принципы воспитанія дѣтей и подростковъ.—П. Церинъ. По крестьянскимъ учебно-воспитательнымъ заведеніямъ Германіи.—Р. Біографическій методъ изученія дѣтскихъ рисунковъ.—М. Шишкинъ. Попытка устройства передвижного театра въ деревняхъ Тульской губ.—М. Тихомировъ. Сельскія просвѣтительныя общества.—И. Ровичъ. Работы по народному образованію въ Москвѣ.—У. Н. У. Хроника учительскихъ обществъ.—Обзоръ журнальной и книжной литературы.—Обзоръ дѣтскихъ произведеній. Д. И. Мамина-Сибирякъ.—Библіографія.—Изъ писемъ народныхъ учителей.—В. Бабаковъ. Школьный музей.—Законы и распоряженія правительства.—Разныя извѣстія.

„Дошкольное Воспитаніе“. (1913—1). П. Егуновъ. О сказкахъ.—И. Карпинцевъ. По дѣтскимъ садамъ заграницы.—Грустныя дѣти. Перев. съ фр. Л. Толстого.—Свободный дѣтскій садъ въ трущобахъ Манчестера. Перев. съ англ. М. Парландъ.—З. В. Изготовленіе игрушекъ дѣтьми. Перев. съ фр. и нѣм. З. В.—К. Маевская. Программа занятій въ дѣтскомъ саду.—Е. Іордавская. Дѣтскіе журналы.—Педагогическая хроника.—Критика и библіографія.

„Жизнь для Всѣхъ“. (1913—2). Е. Милицина. Ваятели.—Е. Станевичъ. Вопросъ совѣсти.—И. Гешовъ. Цвѣтокъ счастья.—А. Тесленко. Наука.—А. Любимовъ. Пещеры Дагара.—Р. Кумовъ. Молодость.—Вл. Власовъ. Очерки деревенской жизни.—В. Поссе. Въ поискахъ Россіи. (На Амурѣ).—Е. Барановъ. На табачныхъ плантаціяхъ.—М. Слобожанинъ. Изъ современныхъ переживаній. („Подъ-человѣки“ нашего времени). С. Аржановъ. На границахъ жизни.—Н. Рубакинъ. Бесѣды о самообразованіи.—Г. Лебедевъ. Бесѣды съ крестьянскими депутатами. (Макагонъ и Кирпичъ).—В. Поссе. Общественная жизнь. (Когда Россія будетъ непобѣдима?)—Товарищеская бесѣда.—Къ свѣдѣнію подписчиковъ. Стихи: А. Владимирова, С. Б. Фрида, Л. Сохачевской, П. А. Ш. и С. Кошкарева.

„Педагогическій Сборникъ“. (1913—2). А. Д. Бутовскій. Обученіе письму и почеркъ.—М. Н. Писаревъ. Изъ отчета начинающаго преподавателя исторіи.—К. Лѣпиловъ. IV международный конгрессъ по художественному воспитанію, рисо-

ванію и прикладному искусству въ Дрезденѣ 1912 г.—В. А. Бернацкій. По поводу 50-лѣтія Гл. Управл. военно-учебныхъ заведеній.—А. К. Памяти В. П. Родіонова.—П. А. Зотовъ. Памяти В. В. Цопфель.—Изъ дневника редакціи.—Критика и библіографія.

„Педагогическое Обозрѣніе“. (1913—1). П. Е. Румянцевъ. Развитіе наблюдательности у дѣтей. Процессы ощущенія и воспріятія.—Г. Трошинъ. Отклоненіе отъ нормы въ нравственномъ развитіи.—В. Е. Игнатьевъ. Школы въ лѣсу, ихъ организація и современное состояніе.—М. Петровъ. О веденіи занятій въ Фребелевскихъ дѣтскихъ садахъ въ Берлинѣ.—Г. Петровскій. Вопросы дѣтскаго чтенія на съѣздѣ по семейному воспитанію. В. Б—въ. Итоги педагогической журналистики въ 1912 г.—Хроника школьной жизни.—Заграничная хроника.—N. Изъ школьной практики.—Критика и библіографія.

„Русская Школа“. (1913—1). Законодательныя постановленія и правит. распоряженія.—Б. Калмыкова. Проблемы нравственнаго воспитанія нашего времени.—Цвѣты воспоминаній. Нинѣ Вас. Медовиковой. *Знавшіе и любившіе ее.*— Ф. Вележева. Начальное образованіе въ Болгаріи.—А. Бѣлозеровъ. Лѣтнія подготовительныя школы въ деревнѣ.—П. Салматовъ. Воспитаніе и обученіе дѣтей у киргизовъ.— Н. П. Урсинъ. Участіе родителей въ жизни школы.—К. Лѣпиловъ. Рисованіе и лѣпка въ начальной ступени обученія.—М. Соловьевъ. Матеріалы по методикѣ естествознанія.—В. Рахмановъ. Внушаемость учащихся до и послѣ уроковъ.—Н. Румянцевъ. Библіографія по эксперимент. педагогикѣ—Критика и библіографія.—Педагогическая хроника.

„Русская Мысль“. (1913—2). П. Сухотинъ. Угличъ, поэма.—Б. Садовскій. Княгиня Зенеида, повѣсть. (Оконч.).—В. Зейдель. Садъ Шухана, новелла. Перев. Э. К. Пименовой. (Оконч.).— О. П. Рунова. Лунный свѣтъ, повѣсть. (Оконч.). —А. Ахматова. Два стихотворенія.—В. С. Сѣрова. А. Н. Сѣровъ, воспомин.—Ю. Зоричъ. Изъ тюрьмы. Записки рядового Димашко.— Н. Анненкова-Бернаръ. День топсика, разск.— В. Гарднеръ. Сложное рондо, стих.—К. Михаэлисъ. Регина. ром. Перев. П. Смидовичъ. (Оконч.) —А. А. Кизеветтеръ. Политическія и соціальныя воззрѣнія гр. Ѳ. В. Ростопчина. (Оконч.).— Князь В. А. Оболенскій. Очерки хуторской Россіи. (Оконч.).—Б. А. Грифцовъ. Судьба К. Н. Леонтьева. (Продолж.).—А. П. Ярцкій. Какова должна быть средняя школа? (Оконч.). —Матеріалы по исторіи русск. литер. и культуры: I. Изъ архива А. М. Жемчужникова. Письма Н. А. Некрасова. II. Н. Г. Чернышевскій и каракозовцы. Сообщ. Ч. Вѣтринскій. III. Къ спору о „Священной Дружинѣ“ и „Вольномъ Словѣ. Вл. Дебагорія-Мокріевича. П. Груберъ. Абсолютизмъ и православіе.—В. Я. Богучарскій. Въ заключеніе полемики.—Н. Рыссъ. Въ пасти дьявола.—С. Н. Булгаковъ. Три идеи.—В. Брюсовъ. Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.—Въ Россіи и за границей.—Критическое обозрѣніе.

„Русское Богатство“. (1913—2). К. Гамсунъ. Послѣдняя отрада, очерки. (Продолж.). Перев. съ норвежск. М. Благовѣщенской и Каарава.— А. Анненская. Изъ прошлыхъ лѣтъ. (Воспом. о Н. Ѳ. Анненскомъ). (Оконч.).—Ѳ. Крюковъ. Неопалимая Купина.—Ю. Филипченко. Очерки по вопросамъ эволюціи и наслѣдственности. (Оконч). —Скиталецъ. Метеоръ. (Оконч.).—П. Лучицкій. Аграрныя отношенія во Франціи наканунѣ революціи.—Е. Федорова. Стихотвореніе.—С. Кондрушкинъ. Передъ праздникомъ.—А. Пѣшехоновъ. На дѣйствительной службѣ. (Продолж.).— А. Е. Рѣдько. Драма мысли и драма жизни О. Уайльда.—Е. Федорова. Стихотв.—Діонео. Изъ Англіи. Дальнѣйшія воспом. Хайндмэна.—Е. Сталинскій. Учительское движеніе во Франціи.— Діонео. Два билля.—П. С. Русановъ. Обозрѣніе иностранной жизни.—А. Петрищевъ. Хроника внутренней жизни.—А. Дерманъ. Тлѣнное и нетлѣнное. (О „Профессорѣ Сторицынѣ“ Л. Андреева).—Новыя книги.

„Свободное Воспитаніе“. (1912—1913—6) Е. Д. Домашевскій. Опытъ постановки внѣкласснаго чтенія въ связи съ уроками русск. яз.—Р. Ландсбергъ. О чемъ говорятъ англійскіе учителя.— Д-ръ И. В. Сажинъ. Вліяніе алкоголя на развивающійся организмъ и роль семьи въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.—С. Д. Мастерская ручного труда.—О. Кайданова и Ѳ. Глаголевъ. Питаніе школьниковъ.—Е. Розенъ. Школа безъ книгъ.—А. Зеленко. Современные реформаторы образованія и воспитанія. Голландія. I. Янъ Лихтхардъ и его начальная школа въ Гаагѣ.—Н. К. Отовсюду.

„Современникъ“. (1913—2). Ив. Буниновъ. Ноябрьская ночь, стих.—М. Горькій. Кладбище.—С. Астровъ. Стихотвореніе.—Д. Айзманъ. Два врача, разск.—Г. Гребенщиковъ. Ханство Батырбека, повѣсть. (Продо ж.).—В. Дмитріева. Сухарь, повѣсть.—Эсъ де-Керосъ. Преступленіе отца. Аморо, романъ. Перев. Т. Н. Герценштейнъ.— Н. Быховскій. Въ успокоенной Россіи.—Б. Бергъ. Геннисаретъ, романъ. (Продолж.). Перев. К. Жихаревой.—А. Корвиловъ. О романѣ Д. С. Мережковскаго.—Отто Бауеръ. Борьба за Македонію. Перев. П. Гарри.—Новое о прошломъ.— Ю. Делевскій. Внутреннія антагонизмы пролетаріата.—Е. Елачичъ. Происхожденіе пола.—П. Е. Щеголевъ. Благоразумные совѣты изъ крѣпости. (По непзд, матеріаламъ).— А. Черный. Сатиры.—Итоги и факты.—А. Луначарскій. Князь поэтовъ въ народномъ университетѣ, письмо изъ Парижа.—Новыя книги.

„Современный міръ“. (1913—2). В. Муйжель. На развалинахъ, повѣсть. (Продолж.).—В. Нарбутъ. Утро въ монастырѣ, стих.—К. и О. Ковальскіе. Шатеръ любви, разск.—М. Моравская. Продавецъ звѣздъ, разск.—Бальмонтъ. Изъ Киплинга, стих.—Ив. Буниновъ. Ночная змѣя, стих.— Х. Повтоппиданъ. Гербенъ и Ютта, ром. (Продолж.). Перев. М. Благовѣщенской съ датск.— М. Сика. Неудача брата Мартина, разск. Перев. съ датск. В. Болотова.—В. Эльсверъ. Старое кладбище. Метель, стихотвор.—А. К. Записки агитатора.—Н. Рожковъ. Дворянская революція въ Россіи XVII в.—Е. Кускова. Внѣшкольный надзоръ.—П. Звѣздичъ. Большой поэтъ маленькаго поколѣнья.—Г. Плехановъ. О томъ, что есть въ романѣ. „То, чего не было“.—Вл. Кравихфельдъ. Отвѣтъ Г. В. Плеханову.—И. Вигдорчикъ. Лѣченіе рабочихъ.—І. Ларскій. Уловленіе еврейства.—Демьянъ Бѣдный. Patriotika: Басни. I. Нововременскій. Эзопъ II. Натуралистъ.—Н. Тасинъ. Газетчики-дѣльцы. (Письмо изъ Франціи).—Критика и библіографія.

„Украинская Жизнь“. (1913—2). Проф. Ѳ. Е. Коршъ. Украинцы и Австрія.—Б. С. Познанскій. Воспоминанія. (Продолж.).—Д. Донцовъ. Русскій имперіализмъ и украинство.—С. Ѳ. Русовъ. Шевченко и украинское общество 60-хъ

годовъ. — К. Ш. Брюловъ и Шевченко. — Н. Г. Филянскій. О будущемъ украинской архитектуры.—П. Я. Столоцкій. Подземная Украйна. — Украинцы и поляки. (Программа анкеты). — С. А. Ефремовъ. Благородный освѣдомитель. (С. Н. Щеголевъ. „Украинск. движ., какъ современный этапъ южно-русск. сепаратизма"). — На Украйнѣ и ввѣ ся. — Библіографія.—Литературная лѣтопись.

„Художественно-Педагогическій Журналъ". (1913—2) М. Вайсбейнъ. Вопросы художественнаго воспитанія на 1-мъ Всерос. Съѣздѣ по образованію женщинъ. — А. А. Щепинскій. Психологія дѣтскихъ занятій лѣпкой. — Искусство в жизнь.—Иностранная художественная хроника.

Книги, поступившія въ редакцію.

(Съ 1 янв. по 1 марта 1913 г.)

Изд. И. И. Горбунова-Посадова.

Л. Н. Толстой и др. Рождественскій гость и др. разск. 45 к.
А. Бонсёръ. Звѣзда Альбіона. Исторія одной лошади. 45 к.
Х. Онрудъ. Холле живъ и ему хорошо. 35 к.
З. Венгерова, Э. Вульфсонъ и др. Бѣглецъ и др. разск. 1 р.
Ч. Диккенсъ. Дѣти богача. 1 р.
М. Ф. Кротній. Пашенная растительность въ отношеніи сообществъ. 50 к.
Е. И. Поповъ. Новая геометрія. Кн. I. 1 р. 20 к.
Д. М. Лавровъ. Вліяніе алкогольныхъ напитковъ на человѣка. 15 к.
М. Мандрына. Смекалка-догадалка. 15 к.
А. С. Буткевичъ, Н. А. Кабановъ, С. Н. Дурылинъ и Ф. К. Лебединцевъ. Совмѣстное воспитаніе и образованіе. Доклады. 40 к.
Л. Н. Толстой. Живой трупъ. 6 к.
Ч. Диккенсъ. Дѣти богача. (Домби и сынъ). Въ изложк. В. Лукьянской. 60 к.
А. Груберъ. Какъ сдѣлать самому пантографъ. 3 экз. 15 к.
В. Лукьянская. Другъ животныхъ. Зоологическая хрестоматія. Ч. II. 1 р. 25 к.
Св. Василій Великій. Душеспасительныя наставленія Вып. I—XII. Изд. 3-е. Ц. отъ $^3/_4$ к. до $1^1/_2$ к.
Э. Марріотъ. Въ защиту животныхъ. Изд. 2-е.
М. Новиковъ, крест. Братьямъ-крестьянамъ.
П. Буланже. Ученіе Будды. 4 к.
Д. Вендровъ. I. Зорахъ и Булапка. II. Гудокъ. Разск. 2 к.
М. Ильинъ. Исповѣдь запойнаго пьяницы. 3 к.
М. Успенскій, врачъ. О вредѣ куренья для здоровья. $^3/_4$—$1^1/_2$ к.
„Лѣсной царь". и др. стих. $1^1/_4$ к.—„Подъ липой" и др. пѣсни. 2 к.—Житіе и избр. мѣста изъ твореній преподобнаго Макарія Египетскаго. 2 к.—Высшая мудрость народовъ міра. Побѣда надъ смертью. (Катха-Упанишадъ.) 25 к.
Л. Н. Толстой. Благо любви. Обращеніе къ людямъ-братьямъ. 3 к.

Изд. „Прометей", Н. Михайлова.

Н. Березинъ. Сизая спина. Повѣсть. 60 к.
Г. Макаровъ. Разсказы для дѣтей. 1 р.
Ивановъ-Разумникъ. Соч. т. IV. Левъ Толстой. 1 р. 25 к.
З. Фрейдъ. Леонардо-да-Винчи. 50 к.
Дж. Лондонъ. Собр. соч. т. XI. Когда боги смѣются. 1 р.
Его же. Собр. соч., т. XII. Приключеніе. 1 р. 25 к.
Его же. Собр. соч., т. XIII. До Адама. 1 р.

Изд. М. И. Семенова.

Рони Старшій. Гибель земли. Ром. 60 к.
Анри Бергсонъ. I. Психо-физическій паралогизмъ.—II. Сновидѣніе. 50 к.

Изд. „Задруга".

Е. Булгакова. Марія Мишокъ. 1 р. 50 к.
Ея же. Герои и подвижники смутн. врем. 30 к.
Вал. Каррикъ. Сказки-картинки. Сборникъ — (большой форматъ). 60 к.
Его же. Сказки-картинки (малый форматъ). Старая хлѣбъ-соль забывается.—Ужо.—Медвѣдь и стариковыя дочери. По 10 к. вып.
Ю. Лигинъ. На Дальвемъ Востокѣ 70 к.
А. К. Кабановъ. Смута Московскаго государства и Н.-Новгородъ. Изд. 3-е. 7 к.
Проф. Д. М. Петрушевскій. Общество и государство у Гомера. Изд. 2 е. 20 к.
Смутное время. Сборникъ статей. Истор. Комис. Уч. Отд. О. Р. Т. Зи. 1 р. 50 к.

Изд. П. Л. Луковникова.

Э. Сэтонъ-Томсонъ. Бинго и Вулли. Разск. о собакахъ. 15 к.—Жизнь сѣраго медвѣдя. 35 к.—Мустангъ-иноходецъ. 10 к.—По слѣду оленя Песочной горы. 18 к.—Рваное ушко. Исторія одного кролика. 13 к.—Серебряное пятнышко. Исторія одной вороны. 9 к.—Спрингфильдская лисица. 10 к.—Уличный пѣвецъ. Приключ. воробья. Странств. утки по сухому пути. 13 к.—Медвѣжонокъ Джони. 15 к.—Тито. Исторія койота, который научилъ своихъ уму-разуму. 23 к. Лобо, король Курумпо. 10 к.—Крэгъ, Кутенейскій баранъ. 23 к.—Красношейка. Исторія одной куроватки. 13 к.—Кенгурова крыса. Почему синица разъ въ годъ съ ума сходитъ. Чинкъ.—15 к. Два маленькіе дикаря. 1 р. 25 к.—Жизнь гонимыхъ. 1 р.—Разсказы изъ жизни животныхъ. р.
П. Инфантьевъ. Жизнь народовъ Россіи. т. I и II. По 1 р.—Первобытныя грамотки. Изъ жизни юкагировъ. 13 к.—Маленькій купецъ. Изъ жизни якутовъ. 11 к.—Тигръ-людоѣдъ. Изъ жизни гольдовъ. 11 к.—Сухая бѣда. Изъ жизни вотяковъ. 14 к.—Полярный Робинзонъ. Изъ жизни эскимосовъ. 20 к.—Охотники за горбачами. Изъ жизни бурятъ. 14 к.—Мурманскіе зуйки. Изъ жизни поморовъ. 16 к.—Дѣти-сироты. Изъ жизни остяковъ. 15 к.—Зіяй Кереметь. Изъ жизни чувашъ. 11 к.—Собака хозяина горъ. Изъ жизни гиляковъ. 16 к.—Женитьба Пакангура. Изъ жизни камчадаловъ. 13 к.—На родинѣ первыхъ людей. Приключеніе двухъ гимназистовъ. въ Средн. Азіи. 50 к.—Чувашская свадьба. 14 к.—Дочь Шуленги. Изъ жизни карагасовъ. 11 к. Тамыръ. Изъ жизни туркменъ и хивинцевъ. 17 к.—Въ Амурской тайгѣ. Изъ жизни тунгусовъ. 14 к.—Соперники. Изъ жизни орочонъ. 13 к.—Жертва вогула. Чары шамановъ 17 к.
А. П. Нечаевъ. Пять дней въ лодкѣ. 20 к.—Въ

міръ брызгъ и нѣвы. 25 к.—Чудеса безъ чудесъ. Маленькая физика. 75 к.
В. П. Авенаріусъ. За невѣдомый океанъ. Историч. повѣсть для юношества. 1 р. 50 к.—Среди враговъ. Дневникъ юноши, очевидца войны 1812 г. 1 р.—Дочь Посадничья. Повѣсть для юнош-ого ства 1 р. 50 к.
П. Базановъ. Сборникъ алгебраическихъ задачъ. 50 к.—Дополнительныя статьи по алгебрѣ и геометріи. 85 к.
В. Елачичъ. Какъ считали люди въ древнія времена. 17. к.
И. П. Поддубный. Пособіе къ составленію діаграммъ и картограммъ. 30 к.
Н. Балаевъ и Н. Дмитріевъ. Литературная хрестоматія для средн. кл. ср.-уч. заведеній. Ч 1. 1 р. 50 к.
М. Д. Ордынцевъ-Костриций. Запорожцы въ Сарагоссѣ. Историч. романъ. 75 к.
В. Анучинъ. Разсказы сибиряка. 15 к.
С. Князьковъ. Какъ начался расколъ въ русской церкви. 30 к.

Изд. „Космосъ“ и Н. П. Карабасникова.

Кн. Д. Голицынъ-Муравлинъ. Святыни. Ром. 1 р.
Г. В. Муратовъ. Пушкинъ. Среда и личность. 10 к.
А. Кутюра. Философскіе принципы математики. 2 р. 75 к.
В. Вольфъ. Желудочно-кишечныя болѣзни 1 р. 10 к.
Н. А. Рубакинъ. Письма къ читателямъ о самообразованіи. 2 р.

Изд. „Грядущій День“.

Пасквале Виллари. Джироламо Савонарола и его время. Подъ ред. Волынскаго. Т. I. и II. По 4 р. т.
Реми Гурмонъ. Книга масокъ. 2 р. 50 к.

Изд. „Просвѣщеніе“.

Немировичъ-Данченко. Собр. соч. т. XIII. На попятномъ дворѣ. 1 р. 25 к.
А. Амфитеатровъ. Собр. соч. Звѣрь изъ бездны. Т. III. Цезарь-артистъ. 1 р. 50 к.
Б. Лазаревскій. Собр. соч. т. V. Повѣсти и разсказы. 1 р.
Н. Н. Златовратскій. Собр. соч. т. VII. Изъ былыхъ переживаній. 1 р. 50 к.
Р. Григорьевъ. На ущербѣ. Ром. 1 р. 50 к.
В. С. Соловьевъ. Собр. сочин. Т. VIII. Изд. 2-е. 2 р.
В. І. Дмитріева. Разсказы. 1 р. 25 к,
Н. Н. Златовратскій. Собр. соч. Тт. V и VIII. По 1 р. 50 к.
В. Покровская и Е. Соловьева. Дѣтскій садъ. Вып. I. 80 к.
В. С. Мейерхольдъ. О театрѣ. 1 р. 50 к.

Изд. „Освобожденіе“.

Ал. Будищевъ. Тайна временъ. 1 р. 25 к.
А. Ждановъ. Въ сѣтяхъ интриги. Т. I. 1 р. 50 к.
П. Милль. По бѣлу свѣту. Разск. 1 р.
Н. Тижовскій. Т. VII. Въ дворянской берлогѣ. 1 р. 25 к.
„Происхожденіе человѣка. Сборникъ статей по половому воспитанію дѣтей. 1 р. 50 к.

Изд. „Окто“.

Ф. Гёте. Собр. соч. подъ ред. А. Е. Грузинскаго въ 3-хъ томахъ. Тт. I, II, III. По 2 р. 50 к. т.
Его же. Фаустъ. Пер. П. А. Холодковскаго. 1 р.
Его же. Германъ и Дороѳея. Перев. В. Гиляровской. 40 к.

Изд. „Соврем. Проблемы“.

В. Лямсцусъ. Человѣческая бойня. 50 к.
Мишле. Вѣдьма. 2 р.

Изд. „Шиповникъ“.

Альманахъ. Изд. т-па. Кн. 19. 1 р. 25 к.
А. Серафимовичъ. Городъ въ степи. Ром. 1 р. 25 к.

Изд. „Образованіе“.

Географія въ школѣ. Сборн. № 1. 80 к.
Естествознаніе въ школѣ. Сборн. № 2. 80 к.
Новыя идеи въ физикѣ. Сборн. № 6. 80 к.
Ф. Содди. Химія радіоэлементовъ. 80 к.

Изд. „Религіозно-философск. библ.“.

О непосредственныхъ откровеніяхъ по ученію Слова Божія. 15 к.
Религіозно-философскіе вечера. I—V. 70 к.
М. Новоселовъ. Догматъ, этика и мистика въ составѣ христіанскаго вѣроученія.
К. Н. Леонтьевъ. Отшельничество, монастырь и міръ. Ихъ сущность и взаимная связь. 35 к.

Изд. І. А. Маевскаго.

Н. Н-ва. Исаакъ Ильичъ Левитанъ. 15 к.
Ея же. Викторъ Мих. Васнецовъ. 15 к.
І. А. М. Рембрандтъ. 15 к.
Его же. Мурильо. 15 к.
Дж. Лондонъ. Собр. соч. Т. II. Законъ жизни. Изд. 2-е. 1 р.
Его же. Собр. соч. Т. X. Голосъ крови и др. 1 р.
Его же. Собр. соч. Т. XII. Дочь снѣговъ. Ром. 1 р.
Его же. Собр. соч. Т. XIII. Бѣлый клыкъ. 1 р.
Его же. Собр. соч. Т. XIV. Дорога. Автобіогр. очерки. 1 р. 25 к.
Его же. Собр. соч. Т. XV. Любовь къ жизни и др. 1 р.

Изд. „Путь“.

С. Щукинъ, свящ. Около церкви. Сборникъ статей. 1 р.
Вл. Соловьевъ. Владиміръ Св. и христіанское государство.—Отвѣтъ на корреспонд. изъ Кракова. 75 к.
С. Булгаковъ. Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Вып. I. 1 р. 50 к.
И. Зейпель. Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. 2 р.
Вл. Карповъ. Основныя черты органическаго пониманія природы. 80 к.

Изд. Нижегородск. Губернскаго Земства.

В. А. Михайловъ. Великая разруха Государства Московскаго и начало Дома Романовыхъ.
Объ условіяхъ завѣдыванія народн. библіотеками, помѣщенными въ земск. шк., и комплектованіи ихъ по правиламъ 9 Іюня 1912 г. Докладъ. по Отд. Пар. Образ.
Ходатайство о пособіяхъ средн. уч. завед.
Обзоръ мѣропріятій Губерніск. Земства по народному образованію въ 1911 и 1912 гг.

Изд. „Знаніе“.

Сборникъ изд. т-ва. XXXX. 1 р. 25 к.
И. Сургучевъ. Разсказы. Т. II. 1 р. 25 к.
А. Вандаль. Наполеонъ и Александръ. Т. III. 3 р.

В. Е. Романовскій. Смуты въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVII в. Изд. А. М. Михайлова. 50 к.
„Орлы надъ пропастью“. Предзимній альманахъ. Изд. „Петерб. Глашатай“, П. В. Игнатьева. 25 к.
„Стеклянныя цѣпи“. Альманахъ эго-футуристовъ. Изд. „Петерб. Глашатай“. 25 к.
В. Е. Якушкинъ. Оттиски изъ „Рус. Вѣд.“ Некрологи.
И. Ф. Федоръ въ. Философія общаго дѣла. Статьи, мысли и письма. Подъ ред. В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона. Т. I. Не для продажи.
В. А. Поссе. Вырожденіе и возрожденіе. Изд. журн. „Жизнь для Вс.“ 50 к.
Р. Кумовъ. Въ Татьянину ночь. Очерки и разсказы. Изд. журн. „Жизнь для Вс.“ 1 р.
И. Н. Русовъ. Любовь возвращается. Романъ Изд. К. Ф. Некрасова. 1 р. 50 к.
Новеллы итальянскаго Возрожденія, избранныя и перевед. П. Муратовымъ. Изд. К. Ф. Некрасова 2 р. 50 к.
Н. Ильинскій. Гомеръ въ обработкѣ для школы. Вып. I. Иліада. Изд. Кавказск. уч. окр. 75 к.
В. Краскова. Трехсотлѣтіе царствующаго дома Романовыхъ. Изд. Я. Башмакова и К°. 5 к. и 10 к.
К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Критика ученія Штирнера. Изд. „Степи“. 1 р. 50 к.
Г. Гребенщиковъ. Въ просторахъ Сибири. Разсказы. Изд. Т-ва писателей. СПБ. 1 р. 25 к.
А. Чапыгинъ. Нелюдимые. Разсказы. Изд. Т-ва писателей. Спб.. 1 р.
Первый альманахъ изд-ва „Союзъ“. 1 р. 30 к.
Ю. Фаусекъ. Какъ живетъ баба-яга. Изд. О. Н. Поповой. 30 к.
А. Великопольскій (Вельскій). Вечернія жертвы. Изд. О. Н. Поповой. 1 р. 20 к.
Чернышевскій въ Сибири. Письма. Т. II. Изд. „Огни“ 2 р.
Б. И. Сыромятниковъ. Краткій обзоръ и указ. литературы по исторіи государственной власти въ Россіи. Изд. о-ва взаимнопом. слушат. М. Г. П. У-та имени А. Л. Шанявскаго. 20 к.
А. Журинъ. Вѣчныя мгновенія. Стихи. 1 р. 25 к.
М. Л. Хейсенъ. Что такое и какъ организовано госуд. страхованіе рабочихъ въ Россіи. 30 к.
J. Marcinowski. Первичность и міросозерцаніе. Изд. „Наука“. 1 р.
В. В. Брусянинъ. Указатель книгъ и статей о Госуд. Думѣ. Изд. „Наука“. 40 к.
Труды перваго Всерос. Съѣзда по библіотечному дѣлу. 1—4 іюня 1911 г. Изд. „О-ва Библіотекъ-вѣд.“ 7 р. 50 к.
И. Коробовъ. Далекіе огни. Стихи 1 р.
Э. Енчъ. Музыка и душа. Изд. „Начало“. 75 к.
Демьянъ Бѣдный. Басни. 60 к.
А. Дьяконовъ. Вѣнокъ В. Ѳ. Коммиссаржевской. Изд. О. К. Капъ. 80 к.
К. Клюкъ. Собр. соч. т. I. Покаяніе. Ром. 1 р.
„Порывы“. Литер.-худож. и научно-критич. журн. № 2. Херсонъ.
И. В. Каргель. Въ какомъ отношеніи ты къ Духу Святому?
С. Холщевниковъ. Новая крѣпь. Очерки и разск. „Изд. писателей въ Спб.“ 1 р. 25 к.
С. Б. Фридъ. А. С. Даргомыжскій. Библіогр. очеркъ. Изд. М. В. Аверьянова. 20 к.
Д. Н. Мамкинъ-Сибирякъ. Горное гнѣздо. Ром. Изд. 3-е. М. В. Аверьянова. 1 р. 50 к.
Славянскій вопросъ въ его современномъ значеніи. Рѣчи и статьи. 60 к.
К. Д. Кудрявцевъ. Что такое теософія и Теософическое Общество? 50 к.
Его же. Цѣлительная жизненная сила. 1 р. 20 к.
Н. Евреиновъ. Театръ какъ таковой. 1 р. 50 к.
М. М. Волкова, врачъ. Нервныя болѣзни, предупрежденіе и лѣченіе ихъ Изд. В. Жукова. 75 к.
М. Д. Рывкинъ. Павѣтъ. Романъ. 1 р. 25 к.
Н. Ф. Бѣлоусовъ, проф. Начальный курсъ практической физіологіи. Изд. Харьк. О-ва Любит. Природы. 40 к.
Е. И. Аркадьевъ. Запрещенная литература. 25 к.
М. Грекъ. Крейцерова соната. 1 р. 25 к.
В. Львовъ-Рогачевскій. Снова наканунѣ. Сборникъ критич. статей и замѣтокъ. Изд. „К-ва писателей въ М.“ 1 р. 25 к.
В. Фриче. Поэзія кошмаровъ и ужаса. Изд. „Сфинксъ“. 3 р. 50 к.
П. К. Энгельмейеръ. Философія техники. Вып. 4. Техницизмъ. 80 к.
Краткій историч. очеркъ Демянска, бывш. города Воронежск. губ.
Докладъ Читальной комиссіи Общему Собр. членовъ студенч. читальни Моск. С.-Х. И.

Библіографія по отдѣльнымъ вопросамъ.

Принципъ относительности.

Бачинскій А. І. пр.-доц. Старое и новое въ физикѣ. „Русс. Мысль“, 1911—1.

Давидсонъ, Н. Научная революція. „Совр. М.“ 1912—4.

„Изъ вопросовъ физики“. Сборникъ статей, подъ ред. В. К. Лебединскаго. Вып. I. „О свѣтѣ“. Изд. „Физика“. СПБ. 1911. Стр. 138, съ чертеж. Ц. 1 р. 50 к.

Конъ, Э. проф. и Пуанкаре, Г. Пространство и время съ точки зрѣнія физики. Пер. подъ ред. „Вѣст. Оп. Физ. и Эл. Мат.“ Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1912. Стр. 81. Ц. 40 к.

Лехеръ, Е, проф. Физическія картины міра. „Основныя начала естествозн.“ Изд. „Природа“. Ежемѣсячникъ. М. 1913, янв. Ц. 50 к.

Лоджъ, О. проф. Міровой эфиръ. Пер. съ англ., подъ ред. Д. Д. Хмырова. Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1911 г. Стр. XIII+216. Съ рис. Ц. 80 к.

Майкельсонъ. А. проф. Свѣтовыя волны и ихъ примѣненія. Пер. съ англ. В. О. Хвольсонъ, подъ ред. проф. О. Д. Хвольсона, съ дополн. стат. и примѣч. ред. Изд. „Матезисъ“. Одесса. 1912. Стр. VIII+189. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к.

Минковскій, Германъ. Пространство и время. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. А. В. Васильева. Казань. 1911.

Минковскій, Германъ. Пространство и время. Съ портр. автора, біографич. очеркомъ Д. Гильберта и Г. Вейля и статьями В. Вина и П. Наторпа о „принципѣ относительности“. Пер. І. В. Ястунскаго. Изд. „Физика“. СПБ. 1911. Стр. 93. Ц. 60 к.

„Новыя идеи въ физикѣ". Подъ ред. проф. Н. Н. Боргмана. Сборникъ № 3. Принципъ относительности. Изд. „Образованіе". СПБ. 1912. Стр. 176. Ц. 80 к.

Планкъ, М. Отношеніе новѣйшей физики къ механистическому міровоззрѣнію. Пер. съ нѣм. І. Л. Левитинова, подъ ред. „Вѣст. Оп. Физ. и Эл. Мат." Изд. „Математикъ". Одесса. 1911 г. Стр. 42. Ц. 25 к.

Планкъ, М. проф. Отношеніе новѣйшей физики къ механистическому міровоззрѣнію. Разрѣш. авторомъ пер. Е. Т. Фейгельсонъ, подъ ред. С. О. Майзеля. Изд. „Физика". СПБ. 1911 Стр. 44. Ц. 25 к.

Планкъ. Максъ. Теоретическая физика. Восемь лекцій, читан. въ Columbia University. Пер. съ нѣм. П. М. Занчевскаго. Изд. „Образованіе", СПБ. 1911. Стр. 157. Ц. 70 к.

Хвольсонъ, О. Д. проф. Принципъ относительности. „Природа", 1912 г. — ноябрь.

Хвольсонъ, О Д. проф. Курсъ физики. Т. IV. СПБ. 1913 г. — Глава IV.

Философія А. Бергсона.

„Время и свобода воли". Перев. Гессена. Съ приложеніемъ трактата. „Введеніе въ метафизику". Перев. М. Гроссвальдъ. Изд. „Рус. Мысли". 1911 г. П. 1 р. 50 к.

„Матерія и память". Перев. Бауперъ. Изд. Д. Е. Жуковскаго. 1911 г. Ц. 1 р. 50 к.

„Творческая эволюція". Перев. (малоудовлетворительный) М. Булгакова. Изд. „Сотрудничества". 1909 г. Ц. 1 р. 75 к.

„Воспріятіе измѣнчивости". Лекціи, читанныя въ Оксфордскомъ унив. 26 и 27 мая 1911 г. Перев. В. А. Флеровой. Изд. М. И. Семенова. 1913 г. Ц. 50 к.

„Философская интуиція". Рѣчь на Болонскомъ конгрессѣ. „Новыя идеи въ философіи". Изданіе „Образованіе". 1911 г. Ц. 80 к.

„Смѣхъ въ жизни и на сценѣ". (Патологическое изслѣдованіе). Перев. А. Е. Яковскаго Изд. т-ва „XX вѣкъ". 1902 г. Ц. 75 к.

Р. Кронеръ. Философія „Творческой эволюціи". Статья въ первой кн. „Логоса" за 1910 годъ.

Б. Бабыникъ. Философія Бергсона Ст. въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи" за 1911 г. №№ 108 и 109.

И. Лапшинъ. Бергсонъ. Ст. въ „Новомъ Энциклопед. Словарѣ" Брокгауза и Эфрона. Т. VI.

Книги по теософіи:

Задачи Теософіи. Alba. Цѣна 25 коп.

Свѣтъ на Пути. 2-е изд. съ комментаріями, переводъ Е. П. Цѣна 50 коп.

Сокровенная философія Индіи. Брамана Чаттерджи, переводъ и предисловіе Е. П. (3-е изданіе). Цѣна 80 коп.

Вопросы Теософіи. Выпускъ II, посвященный памяти Е. П. Блаватской. Цѣна 2 руб.

Теософія и Новая Психологія. А. Безантъ, переводъ Е. П. Цѣна 50 коп.

Голосъ Безмолвія. Е. П. Блаватской, переводъ Е. П. Цѣна 50 коп.

Исторія года. М. Коллинзъ. Цѣна 45 коп.

Невидимые Помощники. Ледбитера, переводъ П. П. Цѣна 1 руб.

Древняя Мудрость. А. Безантъ, переводъ Е. П Цѣна 1 руб. 50 коп., готов. 2-е изд.

Теософія. Р. Штейнера, переводъ А. Р. Минцловой. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Четвертое измѣреніе. П. Д. Успенскаго. Цѣна 1 руб.

Великіе Посвященные. Эд. Шюре, переводъ Е. П. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Общеніе съ міромъ духовъ. Францъ Гартмана, переводъ Д. Стрэндена. Цѣна 25 коп.

Преддверье храма. Анни Безантъ, переводъ Alba. Цѣна 80 коп.

Путь ученичества. Анни Безантъ, переводъ Н. Никольскаго. Цѣна 80 коп.

Древняя мудрость на протяженіи вѣковъ. Т. Паскаля, переводъ А. Гралевской. Цѣна 80 коп.

Кратній очеркъ Теософіи. Ледбитера, переводъ Е. П. Цѣна 50 коп.

Человѣкъ и его видимый и невидимый составъ. Е. П. Цѣна 25 коп.

Законъ причинъ и послѣдствій (карма). Переводъ Е. П. Цѣна 25. коп.

У ногъ Учителя. Альсіонъ, 2-е изд. Цѣна 30 коп.

Цѣль и Путь. Е. Кузьмина. Цѣна 25 коп.

Tertium Organum — Ключъ къ загадкамъ міра. П. Д. Успенскаго Цѣна 2 ру.

Какъ достичь познанія высшихъ (сверхчувственныхъ) міровъ. Д-ра Р. Штейнера, съ портретомъ автора. Цѣна 1 руб. 30 коп.

Автобіографія Анни Безантъ. Переводъ А. Каменской (Alba). Цѣна 2 руб.

Братство религій. Анни Безантъ Цѣна 50 коп.

Что такое Теософія. А. Каменская (Alba). Цѣна 15 коп.

Сила мысли и мыслеобразы. Е. П Цѣна 25 коп.

Вопросы воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры. Alba. Цѣна 30 коп.

Символы Таро, философія оккультизма въ рисункахъ и числахъ. П. Успенскій Цѣна 70 коп.

Забытая сторона христіанства. , С-нъ. Цѣна 75 коп.

Молитва Господня. А. Унковской, музыка. Цѣна 90 коп.

Памяти А. П. Философовой. Е. Писаревой. Цѣна 75 коп.

Внутренній кругъ. П. Д. Успенскаго. Цѣна 1 р. 20 коп.

Трудъ воспитанія какъ служеніе. Альсіонъ. (Готов. къ печати.)

Перевоплощеніе. Е. П (Готов. къ печати.)

Издатели: { В. Кржіевскій. / В. Ненковъ.

Редакторъ В. Кржіевскій.

НОВАЯ КНИГА:

Философія общаго дѣла.

СТАТЬИ, МЫСЛИ И ПИСЬМА Николая Ѳедоровича Ѳедорова,

изданныя подъ редакціей В. А. Кожевникова и Н. П. Петерсона.

Томъ II. 1913. Стр. X+473. 8°. Цѣна 2 р. 50 к. Продается у Суворина, Карбасникова, Вольфа и въ другихъ книжн. магаз. Складъ изданія: Калошинъ пер., 6, кв. 5. Тел. 144-24.

Съ 16-го февраля открыта ВЕГЕТАРІАНСКАЯ СТОЛОВАЯ

„ГИГІЕНА“

состоящ. подъ наблюденіемъ врачей. Б. Никитская, Б. Кисловскій п., д. 5. Телеф. 6-38-60.

„КОЛОСЪ“.

Открыта подписка на 1913 годъ съ 1-го января. Общедоступный иллюстрированный 2-хъ недѣльный журналъ. 3 руб. въ годъ. (Замѣнитъ съ 1-го января 1913 года „Крестьянское дѣло“). Журналъ даетъ сообщенія изъ жизни Россіи и заграницы, обзоры общественной, литературной и научной жизни, письма изъ провинціи. Главное вниманіе „Колосъ“ удѣляетъ интересамъ деревни, сельскаго хозяйства и коопераціи.

Ближайшее участіе въ журналѣ принимаютъ: П. Булыгинъ, Г. В. Вернадскій, проф. В. Р. Вильямсъ, В. [illegible] Владимірскій, М. Н. Вонзблевъ, В. Н. Зельгеймъ, Иг. В. Ильинскій, проф. А. А. Кауфманъ, М. М. Карповичъ, Г. А. Кирпичниковъ, Л. Н. Клирикова, В. П. Кочетковъ, А. П. Ловицкій, В. [illegible] Лемусь, А. А. Мануиловъ, М. В. Муратовъ, Мих. Н. Новиковъ, В. А. Переле-шинъ, С. Н. Прокоповичъ, С. Т. Семечовъ, П. С. Урысонъ, С. П. Фридовичъ, В. В. Хижняковъ, М. Е. Шатериковъ, Н. Д. Шаховская, П. Д. Шаховской, Т. П. Якушкина, Н. В. Якушкинъ и мн. др. „Колосъ“ выходитъ 24 раза въ годъ, не менѣе 24 страницъ каждый №, со многими иллюстраціями.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой 3 руб. въ годъ. 1 р. 50 к. за ½ года. Адресъ конторы и редакціи: Москва, Зубовскій бульваръ, 15. Телефонъ 4-30-97.

„Сѣверныя Записки“

ежемѣсячный литературно-политическій журналъ. Открыта подписка на 1913 годъ. 12 кн. 4 руб. Журналъ „Сѣверныя Записки“ будетъ отражать и освѣщать совокупность культурныхъ и политическихъ явленій, волнующихъ современную демократію, отмѣчая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности начала свободнаго развитія общественности. Журналъ будетъ давать произведенія художественной литературы, отечественной и иностранной, статьи по вопросамъ политической, культурной и экономической жизни, равно какъ и по вопросамъ литературы, искусства, философіи и науки. Въ журналѣ будутъ участвовать: Ю. Балтрушайтисъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Биркманъ, Ал. Бискъ, А. Блокъ, Н. Я. Быковскій, Л. М. Брамсонъ, П. К. Бруневскій, А. Ю. Блохъ, В. В. Водовозовъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, Н. Л. Геккеръ, А. Я. Гуревичъ, Н. Я. Гуревичъ, В. П. Дзюбинскій, Бор. Зайцевъ, Л. С. Зякъ, А. А. Ильинъ, П. И. Игнатовичъ, Г. Каратыгинъ, А. А. Кипенъ, Д. М. Койгенъ, И. И. Крыжановскій, А. Ѳ. Керенскій, С. А. Клычковъ, Л. М. Камышниковъ, Г. А. Ландау, Н. О. Лернеръ, Н. Г. Машковцевъ, С. Мстиславскій, А. М. Муровъ, Д. Н. Овсянко-Куликовскій, С. Т. Патрашинъ, С. Пернокъ, С. В. Познеръ, Г. Я. Половскій, С. П. Постниковъ, М. Пришвинъ, А. М. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, Борисъ Садовскій, Я. Л. Сакеръ, С. Н. Сергѣевъ-Ценскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Станевичъ, А. И. Тиняковъ, С. Франкъ, Н. Л. Шапиръ, В. К. Шмидтъ, П. Б. Шихановскій, А. Шингаревъ, В. И. Чарнолускій, М. Шварцъ, Е. Н. Щепкина и др. Журналъ будетъ выходить книгами, не менѣе 10 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—4 р.; на 6 мѣс.—2 р.; на 3 мѣс.—1 р.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала—С.-Петербургъ, Загородный, 21, и въ книжныхъ магазинахъ Вольфа и Попова; въ Москвѣ—въ конторѣ И. Почковской.

Издательница *С. И. Чацкина.*

Вѣстникъ Психологіи

Криминальной антропологіи и педологіи (Вѣстникъ Психо-Неврологическаго Института), подъ общею редакціею академика В. М. Бехтерева. Въ составъ редакціоннаго Комитета входятъ: проф. С. К. Гогель (криминальная антропологія), А. Ф. Лазурскій (психологія) и директоръ Педологическаго Института К. Н. Поповъ (педалогія). Въ 1913 году журналъ выходитъ въ количествѣ 5 книжекъ, объемомъ въ 8—10 листовъ каждая, заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) Оригинальныя статьи: научныя изслѣдованія, популярно-научныя статьи, публичныя лекціи и рѣчи. 2) Отчеты о научныхъ засѣданіяхъ и съѣздахъ. 3) Критика и біографія: критическія статьи о вновь выходящихъ въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ, рефераты ихъ, библіографическіе отзывы и замѣтки и т. п. 4) Научная хроника. 5) Хроника Психо-Неврологическаго Института. 6) Списки книгъ, жертвуемыхъ въ библіотеку Института. 7) Приложенія: краткіе протоколы засѣданій Совѣта Института, обозрѣнія преподаванія въ Институтѣ, годичные отчеты о дѣятельности Института. Отдѣльныя приложенія даются по мѣрѣ возможности.

Принимается подписка на 1913 годъ. (II годъ изданія) въ канцеляріи Психо-Неврологическаго Института. Гг. иногородніе приглашаются свои заявленія о подпискѣ и подписныя деньги адресовать: Психо-Неврологическій Институтъ. С.-Петербургъ. Книжные магазины, принимающіе подписку на журналъ, пользуются скидкою отъ 5% съ подписной цѣны:

Подписная цѣна — 6 руб. въ годъ съ пересылкой. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учителей начальныхъ школъ, при подпискѣ непосредственно чрезъ канцелярію или библіотеку Института — 3 р. 50 к. Книги и періодическія изданія, посылаемыя для рецензіи, просятъ адресовать въ Психо-Неврологическій Институтъ (на имя редакціи).

„Просвѣщеніе".

Продолжается подписка на 1913 годъ на ежемѣсячный общественно-политическій, экономическій и литературный журналъ марксистскаго направленія (2-й годъ изданія). Въ журналѣ будутъ вестись слѣдующіе постоянные отдѣлы: 1) Политическій. 2) Иностранный. 3) Обзоръ рабочаго движенія. 4) На темы дня. 5) Библіографическій и др. Въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ: Н. Александровъ, Н. Батуринъ, Чл. Г. Думы А. Е. Бодаевъ, Н. Бухаринъ, Демьянъ Бѣдный, Ив. Егоровъ, А. Глотовъ, І. Гольденбергъ, Т. Гнѣвичъ, Б. Г. Данскій, П. Данишъ, Чл. 3-й Г. Думы Н. Егоровъ, К. Еремѣевъ, Г. Зиновьевъ, В. Ильинъ, Ираклій Ю. Каменевъ, В. Керженцевъ, Всеволодъ Кожевниковъ, Д. Курскій, К. Ленинъ, А. Малецкій, Чл. Г. Думы Р. Малиновскій, М. Мкальчи, Членъ Г. Думы М. Мураловъ, М. Медвѣдевъ, В. Надеждинъ, А. Николаевичъ, П. Орловскій, М. Ольминскій, Чл. Г. Думы Г. Петровскій, Чл. 3-й Г. Думы П. Покровскій, Чл. 3-й Г. Думы Н. Полетаевъ, Чл. 3-й Г. Думы А. Предкальнъ, Политикусъ, Ѳ. Розштейнъ, Н. Рязановъ Чл. Г. Думы Ѳ. Самойловъ, Н. Скопинъ, К. Серебровъ, Ю. Стекловъ, М. Шанинъ, Старый приказчикъ, А. Финнъ-Енотаевскій, В. Фриче, Г. Цыперовичъ, Чл. Г. Думы Н. Шаговъ, А. Юрьевъ.

Условія подписки: на годъ 3 р. 50 к. (за границу 4 р. 50 к.), на 6 мѣс. 1 р. 5 к. (за границу 2 р. 25 к.), на 3 мѣс. 1 р. (съ доставкой). Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ. Для учащихся, учителей, рабочихъ, торгово-промышленныхъ, городскихъ земскихъ, желѣзно-дорожныхъ служащихъ 1 г.—3 руб., на 6 мѣс. 1 р. 50 к. Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Коломенская ул., д. 30, кв. 11, Цѣна отдѣльнаго номера 30 коп.

УЧИТЕЛЬСКОЕ ДѢЛО

(„Извѣстія Постоянной Комиссіи по устройству курсовъ для учителей") педагогическій журналъ. 3-й годъ изданія. Открыта подписка на 1913 годъ. 12 номеровъ, около 30 печатныхъ листовъ обычнаго книжнаго формата. 1 рубль въ годъ съ доставкой и пересылкой. Въ 19 году „Учительское Дѣло" будетъ помѣщать обзоры о положеніи народнаго образованія за границей, обращая особенное вниманіе на освѣщеніе вопроса о подготовкѣ учащихъ въ нашихъ школахъ и новыя теченія въ педагогикѣ. Время отъ времени будутъ даваться статьи положенія учительскихъ профессіональныхъ организацій въ передовыхъ странахъ Зап. Европы. Редакція будетъ внимательно слѣдить за развитіемъ учительскихъ курсовъ, съѣздовъ и образовательныхъ экскурсій. По возможности въ каждомъ номерѣ будутъ печататься руководящія статьи по различнымъ вопросамъ школьнаго дѣла. Съ особенной заботливостью редакція отнесется къ отдѣлу самообразованія учителей и будетъ помѣщать статьи спеціалистовъ, выясняющія что читать учителю, желающему продолжать свое образованіе. Стремясь привлечь самихъ учащихъ къ живому органическому участію въ дѣлѣ строительства школы, редакція охотно будетъ помѣщать статьи и сообщенія учащихъ по вопросамъ народнаго образованія. Редакція приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы „Учительское Дѣло", самый дешевый педагогическій журналъ въ Россіи, сдѣлалось необходимымъ изданіемъ для учителей и другихъ лицъ, интересующихся вопросами образованія. Являясь органомъ просвѣтительной организаціи, журналъ заручился сотрудничествомъ лекторовъ учительскихъ курсовъ, устраиваемыхъ Постоянной Комиссіей и этихъ профессоровъ и преподавателей столичныхъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ 1911-12 гг. въ журналѣ, между прочимъ, помѣстили свои статьи: М. В. Бернадскій, А. К. Боронъ, В. Н. Бочкаревъ, Б. Б. Весселовскій, Н. С. Дрентельнъ, Я. И. Душечкинъ, С. А. Золотовъ, П. С. Коганъ, А. Л. Липовскій, И. А. Максимовъ, Л. П. Никоновъ, С. Ф. Русова, С. Савичъ,

С. Г. Спатиковъ, Г. К. Соломинъ, Е. М. Чарнолускія, В. П. Чарнолускій, С. А. Яковлевъ.
„Учительское Дѣло" будетъ выходить одинъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками большого формата, размѣромъ отъ 1 до 2 листовъ (16—64 столбца, 2½—5 печатн. лист. обычн. книжн. формата). Номера за августъ и сентябрь могутъ быть соединены въ одинъ двойной выпускъ.

Подписная плата 1 рубль въ годъ съ доставкой и пересылкой. Подписныя деньги направляются по адресу: Петербургъ, Кабинетская, 18, „Постоянной Комиссіи по устройству курсовъ для учителей". На оборотѣ денежныхъ переводовъ необходимо указывать точный почтовый адресъ, по которому журналъ долженъ высылаться. Пробный номеръ для ознакомленія высылается безплатно.

Издатель: *Бюро „Постоянной комиссіи по устройству курсовъ для учителей".*
Редакторъ *Я. И. Душечкинъ.*

Библіографическія извѣстія

періодическій органъ. Открыта подписка на 1913 г. Русскаго библіографическаго общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Журналъ ставитъ своей задачей оповѣщеніе членовъ Библіографическаго Общества при Московскомъ Университетѣ о всѣхъ выдающихся фактахъ изъ жизни Общества. Кромѣ того, будутъ помѣщаться какъ спеціальные труды по библіографіи (теоретическія изслѣдованія, систематическіе обзоры и пр.), такъ равно и хроника библіографической жизни (русской и заграничной). Статьи и замѣтки иного содержанія не принимаются. Журналъ выходитъ съ 1913 года по два №№ въ каждомъ полугодіи (приблизительно въ мартѣ, іюнѣ, сентябрѣ-декабрѣ) размѣромъ не менѣе 3 печатн. листовъ.

Цѣна—3 рубля въ годъ, для дѣйствительныхъ членовъ Общества—безплатно. Адресъ: Москва, Моховая, 11, Старое зданіе Университета. Библіографическое Общество. Личные переговоры по понедѣльникамъ отъ 7 до 8 час. вечера.

Секретарь Общества *Б. Боднарскій.*

Художественно-Педагогическій Журналъ.

Продолжается подписка на 1913 г. на двухнедѣльный иллюстрированный (12-й годъ изданія). Привлекая къ сотрудничеству лучшія литературныя и художественныя силы, журналъ ставитъ себѣ задачей приближеніе искусства къ обиходу человѣка, художественному воспитанію, эстетическому развитію дѣтей юношества, современнымъ методамъ преподаванія рисованія, черченія и лѣпки въ семьѣ и школѣ. Приложенія: рисунки для художественной и кустарной промышленности. Особенное вниманіе обращается на ручной трудъ, игры и занятія, способствующіе развитію изобрѣтательности, образнаго мышленія и представленія. Сотрудничать въ журналѣ дали согласіе: Н. Н. Бахтинъ, В. Н. Бейеръ, А. Н. Бѣляева, М. А. Вайсбенъ, А. К. Воскресенскій, Л. В. Левингманъ, К. М. Лѣпило, Л. Л. Мищенко, Л. Г. Оршанскій, А. А. Ростиславовъ, Б. П. Шуйскій, А. А. Щепинскій, П.А. Скалозубовъ, А. Н. Яцимірскій и мн. др.

Подписная цѣна: на 1 годъ (24 №№) 3 р. 50 к., на ½ года 2 р. Редакція и контора: С.-Петербургъ, Сапный, 6. Тел. 68-47. Разсрочка: при подпискѣ 1 р. 50 к., слѣд. мѣсяцъ 1 р., на 3-й мѣс. 1 р. Цѣна отдѣльнаго №—20 к. Пробные №№ высылаются за двѣ 7 коп. марки. Подписка принимается въ конторѣ журнала, Спб., Санитарный, 6 и всѣми почтовыми отдѣленіями Россіи.

Редакторъ-Издатель *А. Н. Сапировъ.*

Голосъ Минувшаго.

Вышла февральская книжка. Содержаніе: статьи: Пичета В. И. „Смутное время въ русской исторіографіи". Чебышевъ А. А. „Драма въ Мангеймѣ (убійство Коцебу"). Козловскій Л.С. „Польскіе романтики „украинской школы". Игнатовъ П. Н. „Театръ и зрители". Семевскій В. „М. В. Буташевичъ-Петрашевскій. Воспоминанія: „Дневникъ Э. Дюмона 1803". Съ предисловіемъ С. М. Горянова. „Записки А. В. Поджіо". Боборыкинъ П. Д. „За полвѣка". Матеріалы: „Дѣло о декабристѣ (кн. В. М. Голицынѣ)". Гершензонъ М. О. „Н. П. Огаревъ". „Изъ дневника Эрна". Критика и библіографія. Обзоръ журналовъ. Замѣтки С. П. Мельгунова, Н. Л. Бродскаго и др. Хроника: Дьяконовъ М. А. „И. Е. Энгельманъ". Ч. Вѣтринскій „Архивныя комиссіи". Кузьминскій К. С. „Зауэрвейдъ". Тукалевскій В. „Выставка въ память И. И. Срезневскаго" и др. Романъ: Лили Браунъ. „Письма маркизы".

Условія подписки: на годъ 8 р., на ½ г. 4 р. на 1 м. 1 р., за границу — 10 р. Для народныхъ учителей и учащихся разсрочка по 2 р. Подписчики „Голоса Минувшаго" въ силу соглашенія редакціи съ издат-вомъ Д. Е. Жуковскаго могутъ пріобрѣтать 3-е изданіе. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ С. М. Соловьева". 29 том. въ 7 книгахъ: полный текстъ 5300 стр. большого формата въ 2 столбца: портреты и факсимиле автора вмѣсто 18 руб. за 9 руб. безъ перес. Подписка принимается: въ Москвѣ, Тверская, д. 48, въ конторѣ журнала; въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ въ книжн. магазинахъ Т-ва И. Д. Сытина, а также въ книжн. складѣ „Провинція" (СПБ. Стремянная, Адресъ редакціи: Москва, Знаменка, 15, кв. 15.

Редакторъ-издатель *С. П. Мельгуновъ.*

ЗАВѢТЫ

Вышелъ № 2. Содержаніе: Стихотворенія. „То, что не было“—В. Ропшина. Карма—Н. Рукавишникова. Краля—В. Шишкова. Изъ воспоминаній о „хожденіи въ народъ“—А. Иванчина Писарева. Пока звонятъ колокола—Андерса Эстерлинга. Элегія о несбывшемся—Дж. Папини. Кукла—Пера Гальстрема. Первые дебюты четвертой Думы—В. Чернова. О марксистахъ и разрушеніи общины—Н. Суханова. Максъ и Бакунинъ—Г. Лагардели. Истинное происшествіе—С. В. Мартыновой. Добролюбовскій архивъ—В. Княжнина. Литература и общественность. Клопиныя шкурки—Иванова-Разумника. По градамъ и весямъ. Невидимый классъ—М. Пришвина. Н. А. Некрасовъ и реакція 60—70 гг.—В. Евгеньева. Текущая жизнь—статьи П. Потокова, А. Васильева, Ю. Коробова, С. Зака, М. Лобода, Ф. Волховскаго, Ст. Вольскаго, Гермера, Ш.—Библіографія.

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—10 руб.; на 6 мѣс.—5 р.; на 3 мѣс.—2 р. 50 к. на 1 мѣс.—85 к. За границу—13 руб.; 7 руб. 50 коп. 3 руб. 25 коп. Комплектъ за 1912 г.—4 руб. № 1 за 1912 весь разошелся. Для комплекта отпечатаны изъ № 1 отдѣльные оттиски романа Ропшина и повѣсти Вольнаго. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Косой пер., 11, уг. Соляного. Телефонъ 193-27. Въ Москвѣ: складъ—книжный магазинъ „Наука“. Издательница *С. А. Иванчина Писарева.*

„БЮЛЛЕТЕНИ Харьковскаго О-ва Любителей Природы“

подъ ред. прив.-доц. В. П. Таліева. Въ теченіе 1913 года выйдетъ 5—6 выпусковъ. Цѣна съ пересылкой 1 р. 75 коп., безъ пересылки 1 руб. 50 коп. Члены получаютъ безплатно, какъ же какъ и Общества, учрежденія и издательства, вступившіе въ обмѣнъ.

Въ „Бюллетеняхъ“ будетъ обращаться особенное вниманіе на полноту библіографическаго отдѣла и естественно-исторической хроники. Являясь органомъ Харьковскаго О-ва Любит. Природ., Бюллетени въ то же время будутъ стремиться вводить вообще широкій кругъ читателей въ уровень текущихъ интересовъ естествознанія и связи послѣдняго съ жизнью.

полный комплектъ „Бюллетеней“ за первый — 1912 г. (4 выпуска съ приложеніями) высылается за 1 руб. Адресъ: Харьковъ, Чернышевская, 82, О-ву Любителей Природы.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1913 г. на СТАРѢЙШІЙ ИЗЪ ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ

„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ“

ежемѣсячный издаваемый при Главномъ Управленіи военно-учебныхъ заведеній. 49-й г. изд. Выходитъ ежемѣс. книж. отъ 6 до 10 печ. листовъ.

Въ неофиціальной части 1912 года были, между прочимъ, помѣщены статьи: Я. Ікитаревъ. Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. А. Барсовъ. Литература послѣ Гоголя. „Обрывъ“ Гончарова. А. Флёровъ. О типѣ нужнаго для школы изданія произведеній художественной литературы. М. Г. Попруженко. Матеріалы по методикѣ анализа безконечно-малыхъ въ средней школѣ. Вл. Шидловскій. О желательности сообщенія историческихъ свѣдѣній о изслѣдованіяхъ въ исторіи математики въ нашей средней школѣ. А. Постниковъ. Монометрическій способъ опредѣленія коэффиціента истиннаго расширенія жидкостей. М. Фотъ. Иностранные языки и хоровыя пѣнія. М. Фонъ-Критъ. Физическое воспитаніе и физическое образованіе, ихъ цѣли, факторы средства. В. Чернышевъ. Мысли К. Д. Ушинскаго объ обученіи и наставникахъ. Евг. Лозинскій. Воспитаніе вождей. К. Житомірскій. Педагогическія увлеченія. В. Волынцевичъ. Психологія переходнаго возраста. А. Щепинскій. Психологія футбола и другихъ игръ. М. В. Соболевъ. Наши дѣтскіе журналы за 1911-й годъ. К. Лѣпиловъ. Объ эстетическомъ развитіи учащихся. И. С. Симоновъ. Гр. А. Милютинъ и военно-учебное вѣдомство. Статьи, замѣтки и рецензіи: Ал. Ник. Острогорскаго, Ѳ. Каптерева, Н. С. Дрентельна, И. И. Полянскаго, М. В. Соболева, Н. Бахтина, К. Лѣпилова, М. Попруженко, В. Буданова, С. Бериштейна, Н. Саввина, М. Приселкова, Н. Покотило, А. Наливкина, Евг. Лозинскаго, Вл. Шидловскаго, Н. К. Михайловскаго, С. Трапезина и др. Подписная цѣна доставкой 5 р. Иногородніе адресуютъ въ редакцію: *СПБ., Тучковъ пер., д. 11, кв. 11.* Редакторъ И. Симоновъ.

Вѣстникъ Народнаго Образованія

12 №№. Открыта подписка на 1913 (III г. изданія). Ежемѣсячный информаціонный, справочный и библіографическій журналъ. Издается при ближайшемъ участіи В. П. Чарнолускаго. Общіе вопросы образованія и воспитанія. Дошкольное образованіе.—Начальная и высшая начальная общеобразовательныя школы.—Низшая профессіональная школа.—Образованіе учащаго персонала.—Внѣшкольное образованіе. — Самообразованіе.—Дѣтское чтеніе. Отдѣлы журнала:—Законы, циркуляры, сенатск. разъясненія. — Біографія новыхъ книгъ и статей по нар. образованію, учебниковъ и учебн. пособій. — Рефераты, сводъ рецензій о новыхъ книгахъ и журналахъ по нар. образованію.—Сводъ отзывовъ: о научнопопуляр. книгахъ и общихъ журналахъ; о дѣтскихъ книгахъ и журналахъ. — Списки: произведеній допущ. въ учебн. заведенія; изъятыхъ произведеній; просвѣтит. обществъ и учрежденій. — Хроника. — Изъ литературы и жизни.—Изъ практики для практики.—Изъ статистики просвѣщенія.—Вопросы и отвѣты.—Сообщенія и заявленія.—Объявленія. Подписная цѣна: 1 р. 50 коп. съ пересылкой. Отдѣльн. номеръ — 20 к. (можно 2-коп. марк.). — Желающіе получить квитанцію, оплачиваютъ 5. сборъ (5 к.).—Подписка принимается во всѣхъ почтово-телегр. учрежденіяхъ по редакц. подпискѣ.—Книжн. магазины удерживаютъ 5%.—Подробн. проспекты—безплатно. Полный комплектъ журнала за 1911—1912 гг. (15 №№)—2 р., для подписывающихся до 1 янв. 1913 г.—1 р. 25 к. Всѣ редакція и конторы: Спб., Невскій, д. 126, кв. 12. Род.-изд. *Е. Ф. Проскурякъ.*

УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Иностранная литерарура.

701. Уайльдъ. Герцогиня Падуанская.
702—705. Флоберъ. Мадамъ Бовари.
706. Раффи. Джалаледдинъ.
707. Реймонтъ. Изъ дневника.
708—711. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
712. Агаронянъ. Матери и др. разск.
713. Мопассанъ. Пышка и др. разсказы.
714. Крагъ. Стефанъ Іернъ. Собака.
715—716. Дларю-Мардрюсъ. Изступленная.
717. Мопассанъ. Нездѣшній и др.
718—721. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Томъ II.
722. Мендесъ. Лесбія и др. разск.
723. Верга. Исторія одной малиновки.
724—727. Вассерманъ. Исторія юной Ренаты Фуксъ.
728. Мопассанъ. Иветта.
729—731. Дама-сынъ. Дама съ камеліями.
732. Михаэлисъ. Опасный возрастъ.
733—734. Шиллеръ. Разбойники.
735. Мольеръ. Скупой.
736—737. Лти. Исландскій рыбакъ.
738. Мелль. Разсказъ о рабѣ-евреѣ.
739—742. Диккенсъ. Давидъ Копперфильдъ. Томъ I.
743. Мопассанъ. Домъ Телье.
744—747. Васко-Ибаньесъ. Мертвые повелѣваютъ.
748. Верлэнъ. Избранныя стихотворенія.
749—750. Мешко, Э. Меиръ Эзофовичъ. Ч. I
751—752. Мешко, Э. Меиръ Эзофовичъ. Ч. II.
753. Диккенсъ, Ч. Рождественская пѣснь въ прозѣ.
754—757. Реймонтъ. Мужики. Романъ Ч. IV. (Лѣто).
758. Диккенсъ. Колокола.
759—761. Гергелефъ, С. Домъ Лиліекроны.
762. Михаэлисъ, К. Эльзи Линдтнеръ.
763. Мопассанъ. Лунный свѣтъ.
764—766. Шибышевскій, С. Сумерки.
767. Кастенуово, Э. Рыцари непорочной.
768—769. Андрэ, П. Мужскія письма.
770. Байронъ. Сарданапалъ.
771—773. Михаэлисъ. «1812. Вѣчный сонъ».
774. Мопассанъ. Напрасная красота.
775—780. Манъ. Охота за любовью.
781. Мопассанъ. Оливковый садъ.
782—783. Мейерстамъ. Власть женщины.
784—785. Менье. Необычайные любовники.
791—793. Метмайеръ. Яносикъ Пендза Литмановскій.
794. Бальзакъ. Любовь подъ маской.
795—798. Стриндбергъ. Исповѣдь безумца.
799. Гартманъ. Гостепріимный пасторъ.
802—805. Флоберъ. Саламбо.
807—809. Райнъ-Ридъ. Ползуны по скаламъ.
810—811. Мопассанъ. Сказки дня и ночи.

Разсказы Джека Лондона.

431. Любимцы Мидаса.
786. Лунный лакъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.

Русская литература.

570. Жуковскій. Наль и Дамаянти.
571. Жуковскій. Рустемъ и Зорабъ.
572. Слово о полку Игоревѣ.
573. Маркъ Криницкій. Пошлость.
574. Пѣсни каторги. Собр. В. Гартенельдъ.
575—577. Нарѣжный. Бурсакъ.
578. Богдановичъ, И. Ѳ. Душенька.
579. Ленскій, Д. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. Мей, Л. А. Царская невѣста.
581. Мей, Л. А. Псковитянка.
584. Гусевъ-Оренбургскій. Капитанъ Кукъ и др.
585. Ковалевскій, К. Жизнь-мгновеніе.
586. Ѳ. Сологубъ. Опечаленная невѣста.
587. Толстой. Отецъ Сергій.
590. Л. Андреевъ. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Серія карманныхъ словарей.

601—604. Французско-русскій.
605—608. Русско-французскій карманный.
Цѣна каждаго словаря 50 коп. въ переплетѣ.

Научно-популярная литература.

651. Э. Пименова. Наполеонъ I.
652. Т. Богдановичъ. Александръ I.
653—657. Сегюръ. Походъ въ Россію.
658. В. Пичета. Причины Отечественной войны.
659. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. I.
660. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. II.
661. Т. Сократора (Алабина). Наполеонъ въ Россіи.
662. Г. Швабъ. Миѳы классической древности Походъ аргонавтовъ.
663. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. III.
664. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. VI.
665—666. Л. Гартманъ. Паденіе античнаго міра.
667. И. Тэнъ. Лекціи объ искусствѣ. Ч. V.
669. Дж. Уотсонъ. Наслѣдственность.

Юбилейная литерат. (1613—1913).

670—671. В. Пичета. Смутное время въ Московскомъ государствѣ.
672. В. Филатовъ. Родъ бояръ Романовыхъ.
673. Е. Богрова. Дмитрій I.
674. М. Н. Коваленскій. Московская смута XVII в. Состояніе Россійской Державы и Великаго Княжества Московскаго въ 1606 г.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Цѣна каждаго номера 10 коп. (Двойные выпуски — 20 к. Тройные выпуски — 30 к. Четверные выпуски — 40 к.)

Продажа всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ желѣзнодорожныхъ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы менѣе, чѣмъ на 1 р. 50 к. исполняются главной конторой наложеннымъ платежемъ.

Главная контора Кн-ва „ПОЛЬЗА“ В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 42.

Книгоиздательство и книжный складъ „НАУКА".

Москва, Б. Никитская, 10, близъ Университета.

ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

подъ ред. д-ровъ *Н. Е. Осипова и О. Б. Фельцмана.*

Вып. I. **S. Freud.** О психоанализѣ. Ц. 50 к.

„ II. **P. Dubois.** Психотерапія. 80 к.

„ III. **S. Freud.** Теорія полового влеченія. Ц. 75 к.

„ IV. **О. Фельцманъ.** Вспомогательныя школы для психически отсталыхъ дѣтей. Ц. 50 к.

Вып. V. **P. Dubois.** Воображеніе, какъ причина болѣзни. Ц. 50 к.

„ VI. **W. Stekel.** Причина нервности. Ц. 40 к.

„ VII. **L. Waldstein.** Подсознательное „Я" и его отношеніе къ здоровью и воспитанію. Ц. 60 к.

„ VIII. **I. Marcinowski.** Нервность и міросозерцаніе. Ц. 1 р.

„Дѣтскій организмъ въ борьбѣ съ болѣзнями и смертью". Публичныя лекціи. Ц. 1 р. 25 к.

Пр.-д. **Д. Е. Гороховъ.** Обществ. значеніе, причины дѣтской смертности и борьба съ нею. Ц. 20 к.

Д-ръ **В. Я. Канель.** I. Обществен. воспитаніе въ свѣтѣ гигіены. II. Алкоголизмъ и школа. III. Проблема пола въ жизни дѣтей. Ц. 30 к.

Д-ръ **С. А. Четвериковъ.** Заразныя болѣзни дѣтскаго возраста. Ц. 15 к.

Пр.-д. **В. Игнатьевъ.** I. Дѣтство, отрочество и юность и ихъ особенности, вліяющія на заболѣваемость и смертность дѣтей. II. Духовныя особенности дѣтскаго возраста и вліяніе ихъ на заболѣваемость и смертность. Ц. 20 к.

Д-ръ **Г. Л. Грауэрманъ.** Беременность. Ц. 30 к.

Пр.-д. **В. П. Зеренинъ.** Травматическія поврежденія у дѣтей. Ц. 10 к.

Пр.-д. **Л. А. Тарасевичъ.** Значеніе инфекціи для дѣтскаго возраста. Ц. 15 к.

Д-ръ **П. Куркинъ.** Смертность малыхъ дѣтей. Ц. 15 к.

Д-ръ **В. Швейцеръ.** Гигіена грудного ребенка. Ц. 30 к.

Проф. **С. Познышевъ.** Дѣтская преступность и мѣры борьбы съ нею. Ц. р. 25 к.

Prof. **G. Anton.** О разстройствахъ развитія у дѣтей. Ц. 50 к.

И. Гельманъ. Женскія болѣзни.

Th. Ziehen. Принципы и методы опредѣленія степени умственнаго развитія. Ц. 40 к.

Проф. **Сербскій.** Психіатрія. Ц. 3 р.

Р. Роледеръ. Основы сексуальной педагогики. Ц. 70 к.

М. А. Колосовъ. Жизнь человѣка до рожденія. Ц. 40 к.

С. Фрейдъ. Психологич. этюды. Ц. 30 к.

Д-ръ **Шайкевичъ.** Психопатологія и литература. Ц. 80 к.

Миноръ. Краткая терапія нервныхъ болѣзней. Ц. 40 к.

З. Фрейдъ. Психопатологія обыденной жизни. Ц. 1 р.

З. Фрейдъ. Леонардо да-Винчи. Ц. 50 к.

Книжная торговля И. КОСЦОВА

С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 28/12.

Дешево, тщательно и аккуратно пополняетъ и составляетъ все возможныя библіотеки на выгодныхъ условіяхъ; условія и каталогъ книгъ высылается безплатно.

Исполняю поручені земствъ, полковъ, учебныхъ заведеній и проч. Учрежденіямъ книги высылаю безъ наложеннаго платежа; уплата по полученіи и провѣркѣ счета

ПРЕДЛАГАЮ УДЕШЕВЛЕННО: (цѣны безъ пересылки наложн. платежомъ).

Велжскій. Изъ міра литературныхъ исканій. Сборникъ статей. 402 стр. Вн. 1 р. за 60 к.

Виноградовъ, И. Теорія мірового разума. Попул. книга для лицъ, интерес. мірозданіемъ. 320 стр. Вн. 1 р. 50 к. за 75 к.

Гено А. и Томичъ Павелъ I-й. Собраніе анекдотовъ, отзывовъ, характеристикъ, указовъ и проч. 300 стр. Съ порт. Павла I-го. Вн. 3 руб., за 1 р.

Гензель, П. Карлейль. Пер. съ нѣм. П. Морозова. 250 стр. за 50 к.

Зелигманъ, Э. Основы политической экономіи. 580 стр. 1908 г. Вн. 3 р., за 1 р. 75 к.

Леопарди, Д. Діалоги и мысли. 270 стр. Вн. 1 р. за 50 к.

Мортилье, Г. Доисторическая жизнь. Происхожденіе и древность человѣка. 570 стр. Вн. 3 р., за 1 р. 75 к.

Нитче, Ф. Сумерки идоловъ или какъ философствуютъ молотомъ. Пер. съ нѣм. Полилова. 150 стр., за 50 к.

Его же, О. Вагнеръ. Вагнеръ, какъ явленіе—Нитче Contra Вагнеръ. Пер. Полилова. 160 стр., за 50 к.

Французскіе памфлетисты XIX вѣка. Съ предисл. Н. Е. Кудрина. Изд. библіотеки Политическихъ памфлетовъ. — „Общественной Пользы". 345 стр. Вн. 1 р. 60 к., за 1 р.

Ронзнъ, Ф. Движеніе общественной мысли во Франціи въ XVIII вѣкѣ 1715—1789 г.г. 570 стр. СПБ. 1902 г. Вн. 2 р. 60 к., за 1 р. 75 к.

Папюсъ. Магія. Черная и бѣлая. 3 тома. Съ рис. Болѣе 600 стр. Изд. 1912 г. Вн. 7 р. 50 к., за 3 р. 50 к.

Его же. Первоначальныя свѣдѣнія по оккультизму. 297 стр. Вн. 3 р., за 1 р. 50 к.

Форель, А. Половой вопросъ. 2 тома. Съ рис. 566 стр. Оба тома за 1 р.

Вейнингеръ. Полъ и характеръ. Съ портр. 312 стр. Вн. 2 р., за 1 р.

Стихи. Сборникъ для выразительнаго чтенія, выбранн. изъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ, подъ ред. арт Импер. театр. Ю. Юрьева. 485 стр., за 60 к.

Лесюръ, Ж. Общіе и періодическіе промышленные кризисы. 560 стр., за 1 р.

Фламаріонъ, К. Атмосфера. Общепонятная метеорологія въ переводѣ К. К. Толстого. 525 стр., за 1 р. 20 к.

Богучарскій, В. Изъ прошлаго русскаго общества. Съ 6 портр. 420 стр. Вн. 2 р. за 1 р.

Могущество женщины и какъ его достигнуть. Соч. бар. Стаферъ. Больш. томъ, 590 стр. Вн. 3 р., за 1 р. 50 к.

Штурмъ, Р. Бюджетъ. Пер. А. Нагоева. 600 с СПБ. 1907 г. Вн. 2 р., за 1 р.

Эрастовъ, Г. Искусство чтенія. Практическій курс логическаго и выразительнаго чтенія. Съ предисл. арт. Имп. театр. В. Давыдова. 176 стр., за 70 к.

Кинитинъ, Н. Преступный міръ и его защитники. Права защитниковъ, небывалое дѣло объ адвокатѣ и проч. Изд. 2-е, 335 стр. СПБ. 1910 г. Вн. 1 р. 50 за 1 р.

Лянинъ, А. Теорія таинственнаго. Сновидѣнія, гипнотизмъ и спиритизмъ въ научно-популярномъ изложеніи Изд. 2-е. 220 стр., за 60 к.

Записки Императрицы Екатерины II. Пер. съ фра Изд. 1912 г. 228 стр., за 60 к.

Записки княгини Екатерины Дашковой. Пер. англ. 250 стр., за 60 к.

Ламартинъ, А. Жирондисты. Историко-прагматическое изслѣдованіе въ 4-хъ том. 1200 стр. Изд. 191 за 70 к.

Давидъ, Э. Соціализмъ и сельское хозяйство. 550 с Изд. 1908 г. Вн. 2 р. 50 к., за 1 р. 25 к.

Полныя собранія сочиненій

Г. Ибсена 18 т. 3 р., **А. Чехова** 16 т 7 р 12 допол. томовъ 4 р. **К. Гамсуна** 18 т. 3 р., **Писемскаго** 38 т. 5 р., **Мельникова-Печерскаго** 2 5 р., **В. Гаршина** 4 т. 1 р. 25 к., **И. Станюхов** 40 т. 4 р. 50 к., **А. Толстого** 12 т. 4 р. **А. Бус** нара 40 т. 6 р., **Марка Твена** 28 т. 5 р., **Салтыко Щедрина** 40 т. 5 р., **Г. Гейне** 16 т. 1 р. 50 к., **Лѣскова** 36 т. 3 р. 50 к., **Г. Данилевскаго** 24 3 р. 50 к., **А. Пушкина** въ 1 томѣ съ рис. 1 р. 35 **М. Лермонтова** въ 1 т. съ рис. 90 к., **Михайло Шеллера** 50 т. 3 р. 50 к., **И. Горбунова** 4 т. 1 р. 2 **Вс. Соловьева** 10 т. 8 р., **Д. Григоровича** 12 т. 6 **С. Надсона** въ 1 т. 2 р., **И. Гончарова** 12 т. 7 **Л. Мея** 8 т. 1 р. 50 к. **П. Боборыкина** 12 т. 2 р. 50 **Н. Гоголя** 12 т. 2 р. 50 к., **В. Жуковскаго** 12 1 р. 25 к., **Г. Гауптмана** 10 т. 1 р. 50 к., **Кена Дойля** 20 т. 4 р., **Л. Жаколіо** т. 3 р., **Н. Пол ловскаго** 5 т. 1 р. 25 к., **Сенкра Уальда** 8 т. 1 р. 50 **А. Куприна** 21 т. 3 р. 50 к., **А. Фета** 5 т. 1 р. 75 **В. Бѣлинскаго** 4 тома 2 р. 90 к., **В. Шекспира** 5 5 р., **Г. Сенкевича** 7 т. 7 р, **Ф. Шпильгаг** 16 т. 6 р. 50 к.

ТРЕБУЙТЕ НОВЫЙ КАТАЛОГЪ № 13.

УДЕШЕВЛЕННО ПРОДАЕТСЯ

собраніе сочиненій **Гюи-де-Мопасана.**

15 том. 4470 стр. въ пер. Е. Бартеневой, С. Мирмановой, Ѳ. Булгакова и др. съ портр. и біогр. очеркомъ литерат. дѣятельности Г. Мопасана. Изд. 1912 г. Вн. 8 р. за 4 р. въ изящныхъ золоченн. коленк пер. 6 р. съ перес. въ Европ. Россіи на 1 р., а въ Аз скихъ владѣн. Россіи и въ Сибирь на 1 р. 50 к. доро

Типографія В. М. САБЛИНА. Москва, Петровка, д. Обидиной. Тел. 88-60 и 131-34.

AP
50
B54
g.4,no.12-13

Biuletyni literatury i zhizni.
g. 4, no. 12-13

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED